

Я.А.ПЕВЗНЕР

МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ
КАПИТАЛ
ЯПОНИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

* * *

Я. А. ПЕВЗНЕР

МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ
КАПИТАЛ
ЯПОНИИ
(„ДЗАЙБАЦУ“)
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
И ПОСЛЕ ВОЙНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
доктор экономических наук,
профессор Конст. ПОПОВ

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И СТРУКТУРЫ ЯПОНСКИХ МОНОПОЛИЙ

2 сентября 1945 г., после сокрушительных ударов Советской Армии и Флота по войскам японских захватчиков в Маньчжурии и Корее, разбитая наголову империалистическая Япония признала себя побежденной и безоговорочно капитулировала.

За несколько дней до вступления Советского Союза в войну с Японией японское правительство отклонило требование союзников о капитуляции. Японская военщина, весьма тщательно подготовившись к длительной обороне, не без основания рассчитывала на то, что затяжка войны и неизбежные потери, которые союзники должны будут нести при попытках высадки войск на японских островах, усилят в американско-английском лагере влияние «дальневосточных мюнхенцев» и откроют дорогу для компромиссного мира за счет интересов стран, ставших жертвой японской агрессии.

Этим надеждам японских захватчиков не суждено было сбыться. Их судьба была решена на европейском театре войны, где советские армии разгромили главную силу коалиции агрессоров — гитлеровскую Германию. Коварные замыслы японских милитаристов были окончательно сорваны после того, как советское правительство, стремясь к скорейшему прекращению второй мировой войны, к уменьшению числа жертв, выполняя свои обязательства перед союзниками, объявило о состоянии войны с Японией.

В жестоких боях на полях Маньчжурии и Кореи советские войска разгромили оплот японского милитаризма — Квантунскую армию, состоявшую из отборных частей японских вооруженных сил. В Квантунской армии насчитывались: 31 пехотная дивизия, 9 смешанных бригад, 2 танковых бригады и 1 воздушная армия. Лишь после победы Советских Вооруженных сил, с честью выполнивших приказ Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса И. В. Сталина, импе-

риалистическая Япония заявила о капитуляции и принятии условий Потсдама. «Разбитая наголову на морях и на суше,—сказал в своем обращении к народу 2 сентября 1945 г. товарищ Сталин,—и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных Наций, Япония признала себя побежденной и сложила оружие»¹.

Товарищ Сталин напомнил о нашем особом счете к Японии — о многочисленных актах агрессии, совершавшихся японским империализмом против нашей Родины на протяжении более чем четырех десятилетий. В 1918—1922 гг. Советский Союз разгромил поддержанных Англией, Францией и Соединенными Штатами японских оккупантов, в 1938 г. с большим позором для японских империалистов ликвидировал атаки Японии в районе Хасана, а в 1939 г. — в районе Халхин-гола. Но этим опасность японской агрессии еще не была ликвидирована. Япония была сильнейшим союзником гитлеровской Германии и активно готовилась к нападению на Советский Союз, ожидая удобного случая для того, чтобы наброситься на советский Дальний Восток.

Из документов и свидетельских показаний по делам японских военных преступников и из приговора Международного военного трибунала для Дальнего Востока известно, что японская правящая клика в 1941 г. намечала нападение на Советский Союз после того, как немцы займут Москву, а в следующем году — после падения Сталинграда. «Удобный случай», которого ожидали японцы, так и не представился.

С разгромом японского империализма японская империя перестала существовать. Корея — самая крупная из бывших японских колоний — была освобождена от ига японских империалистов, Курильские острова и Южный Сахалин, захваченные японскими хищниками у царской России, возвращены Советскому Союзу и стали неотъемлемой частью Российской Федерации. Так бесславно закончились захватнические авантюры японских милитаристов. Империалистическая Япония, пытавшаяся подчинить себе все страны Азии и Тихого океана, разделила судьбу своего союзника — гитлеровской Германии.

Капитуляция Японии еще не означала полной ликвидации угрозы японской агрессии, так как еще не были ликвидированы в Японии те силы, которые направляли и организовывали эту агрессию.

Поражение этих сил было первым условием для демилитаризации страны и перестройки ее политической и экономи-

¹ И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946, стр. 180.

ческой жизни на демократических началах. Но борьба за демилитаризацию и демократизацию Японии проходит в чрезвычайно трудных и сложных условиях. В борьбе, развернувшейся в послевоенной Японии между демократическим и реакционным лагерями, американское оккупационное командование, осуществляющее верховную власть в Японии, грубо нарушая условия Потсдамского соглашения от 26 июля 1945 г., с самого начала стало на сторону реакции. В лице японских реакционных клик американские экспансионисты нашли своих наемников и опору в политике превращения Японии в вотчину и военный плацдарм США. Не прошло еще и 5 лет после окончания второй мировой войны, как Япония вновь стала базой империалистической агрессии — военной агрессии американского империализма против Корейской народно-демократической республики.

Среди японских реакционных сил ведущей силой была и остается японская финансовая олигархия — «дзайбацу»¹. Именно поэтому американские власти с самого начала взяли курс на поддержку дзайбацу. Лица, принадлежащие к дзайбацу, не только не были преданы суду как военные преступники, но легенда об их непричастности к агрессии сделалась одним из средств сохранения экономических позиций в руках создателей японской военной машины. Распространению этой лживой легенды посвящено множество издаваемых в США книг и статей, начиная от мемуаров «дальневосточного мюнхенца» № 1, бывшего посла США в Японии Джозефа Грю, и кончая книгами американских журналистов, которые изучали социальные и политические условия в Японии, не выходя из токийских чайных домиков.

В свете нынешней политики англо-американского империалистического лагеря, направленной к тому, чтобы возродить японский империализм, всестороннее исследование роли дзайбацу в годы второй мировой войны приобретает особенно актуальное значение.

Дзайбацу — ведущая сила японской империалистической агрессии

История возникновения и развития монополистических концернов дзайбацу — это история развития агрессивного японского империализма.

¹ Это ставшее международным слово в переводе на русский язык означает «финансовая клика». В японской марксистской литературе термин «дзайбацу» употребляется в двояком смысле — как «финансовая олигархия» и в применении к отдельным концернам. Например, «Мицуидзайбацу» означает «Концерн Мицуи» или «финансовая клика Мицуи». В данной работе мы употребляем термин «дзайбацу» преимущественно в смысле «финансовая олигархия».

Япония — молодая капиталистическая страна. Еще в середине прошлого столетия в ней господствовал феодализм. «Япония с ее чисто феодальной организацией землевладения, — писал Маркс в «Капитале», — и с ее широко развитым мелко-крестьянским хозяйством дает гораздо более верную картину европейского средневековья, чем все наши исторические книги, проникнутые, по большей части, буржуазными предрассудками»¹.

Развитие Японии как капиталистической страны начинается с момента происшедшей в 1868 г. «революции Мэйдзи» — незаконченной буржуазной революции, открывшей путь для развития капитализма, но в то же время оставившей много феодальных пережитков в японской экономике (в особенности в деревне), а также и в политической жизни страны.

Япония вышла на путь капиталистического развития в конце XIX века, когда уже заканчивался раздел мира между «старыми» капиталистическими странами: Англией, Францией, Голландией и др. Естественно поэтому, что Япония могла захватывать колонии только в порядке передела мира, в борьбе с другими империалистическими хищниками. Это был период складывавшегося монополистического капитализма, резкого обострения противоречий и борьбы между различными капиталистическими странами. Используя эти противоречия, Япония сравнительно быстро освободилась от навязанных ей США, Англией, Россией и другими странами в середине XIX в. неравноправных договоров и сама встала на путь колониальных захватов. Война с Китаем в 1894—1895 гг., русско-японская война 1904—1905 гг., окончившиеся, при поддержке Англии и США, победой Японии над прогнившими режимами маньчжурской династии в Китае и царизма в России, привели к тому, что Япония сильно укрепила свое военно-стратегическое и международное положение и заняла исходные позиции для дальнейшего развития империалистической агрессии. В эпоху империализма Япония вступила как империалистическая страна с сильно централизованной государственной властью, с развитым милитаризмом, с реакционным правительством помещиков и буржуазии, среди которой уже в то время все больший вес приобретала небольшая кучка владельцев промышленных и торгово-банкирских компаний, превратившихся впоследствии в концерны. Но в экономическом отношении Япония все еще оставалась чрезвычайно отсталой страной. Ее последующее экономическое и политическое развитие является яркой иллюстра-

¹ «Капитал», т. I, 1935, примечание, стр. 575.

цией закона неравномерного развития капитализма в эпоху империализма.

В 1916 г. в своей гениальной работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин писал: «... при капитализме *немыслимо* иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы* участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо *равномерного* развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может. Полвека тому назад Германия была жалким ничтожеством, если сравнить ее капиталистическую силу с силой тогдашней Англии; то же — Японии по сравнению с Россией. Через десяток-другой лет „мыслимо“ ли предположить, чтобы осталось *неизменным* соотношение силы между империалистскими державами? Абсолютно *немыслимо*»¹.

За 50 лет, предшествовавших второй мировой войне, Япония превратилась из ничтожной по экономическому значению страны в одну из крупных капиталистических держав. В эпоху империализма Япония превзошла все остальные капиталистические страны по темпам развития промышленного производства (табл. 1).

Таблица 1

Изменение объема промышленной продукции в крупных капиталистических странах (1860—1937 гг., в %) *

Страны	1860—1900 гг.	1900—1913 гг.	1913—1929 гг.	1929—1937 гг.
Япония	—	+181**	+197	+71
США	+575	+ 85	+ 70	— 8
Англия	+130	+ 25	— 1	+24
Германия	+364	+ 54	+ 3	+17
Франция	+154	+ 51	+ 38	—13

* Ш. Л и ф. Война и экономика Японии. М., 1940, стр. 8.

** За период 1899—1914 гг.

Благодаря высоким темпам развития японской промышленности усилилась тенденция к нивелировке ее уровня с уровнем производства других капиталистических стран. Япония по размерам промышленного производства перегнала Италию и приблизилась к Франции, и для нее стало возмож-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 281.

ным создание больших, оснащенных современной техникой армии и флота.

С конца XIX и начала XX в. экономическое развитие Японии было развитием японского монополистического капитала. Каждый новый шаг вперед в развитии народного хозяйства Японии означал увеличение богатств и усиление могущества дзайбацу, рост агрессивных устремлений японского империализма. «Это государство — буржуазное, — писал Ленин о Японии, — а потому оно само стало угнетать другие нации и поработать колонии»¹.

Усиление агрессивности японского империализма нашло свое выражение в том, что «в 1918 году, после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к советской стране Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и опираясь на них, — вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила советский Дальний Восток»².

Развитие японской экономики было подчинено целям подготовки к империалистической войне на Тихом океане, которая явилась результатом обострения борьбы между японским, американским и английским империализмом за господство над странами и народами Тихого океана. Главным очагом агрессии на Тихом океане была Япония. Власть дзайбацу над японской экономикой была коренной причиной того, что ее быстрое развитие сопровождалось усилением капиталистического гнета, ростом абсолютного и относительного обнищания японского рабочего класса.

Власть дзайбацу и других реакционных клик, военщины и помещиков, ввергла японский народ в величайшее в истории страны национальное бедствие: ее промышленное производство в результате войны, поражения в войне и сохранения господства дзайбацу оказалось отброшено на несколько десятилетий назад. Над Японией нависла серьезная угроза превращения в колонию американского империализма.

Капиталистические торгово-промышленно-банкирские дома — предшественники дзайбацу

Основой развития монополистических объединений дзайбацу была концентрация промышленности и транспорта, сопровождавшаяся концентрацией всех остальных видов капи-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 371.

² И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5, 1946, стр. 181—182.

талистического предпринимательства и мощной централизацией капитала.

Сильнейшая централизация собственности в руках отдельных капиталистических предпринимателей имела место в Японии уже и до революции Мэйдзи, в эпоху феодализма. Именно тогда шел интенсивный процесс первоначального накопления капитала. Но этот процесс резко отличался от последующего (после революции Мэйдзи) процесса централизации капитала на основе концентрации производства.

В эпоху феодализма, помимо даймё (владельцы князья) и других представителей класса феодалов, собственность сосредоточивалась в руках представителей торгового и денежного капитала, купцов и ростовщиков, и лишь в небольшой степени — в руках владельцев ремесленных цехов и отдельных, занимавших в экономике страны ничтожный удельный вес, капиталистических промышленных предприятий. Кроме земли, собственность накапливалась в виде золота и драгоценностей, а также магазинов, складов, домов и прочего недвижимого имущества¹.

Несмотря на быстро возраставшее экономическое и политическое влияние отдельных представителей торгового капитала, не могло быть и речи ни о какой монополии в экономической и политической жизни страны преуспевавших торгово-банкирских домов, так как львиная доля богатств и вся политическая власть сосредоточивались в руках феодалов. Только после революции Мэйдзи и буржуазных реформ, в результате которых могущество феодалов было серьезно подорвано, в Японии началось быстрое развитие промышленного капитализма, рост капиталистической промышленности и ее концентрация. Среди тех, кто впоследствии превратились во владельцев концернов дзайбацу, мы встречаем имена владельцев старых торгово-банкирских домов (Мицуи, Коноикэ) и купцов-промышленников (Сумитомо). Наряду с ними появляются имена людей, которые до

¹ В книгах об экономике феодальной Японии приводится огромное количество данных о несметных богатствах купцов и ростовщиков Осака, Йедо (старое название Токио), Кёто и других больших городов. Так, например, по свидетельству японского историка Токидзава, в 1707 г. у осакского рисоторговца Эдоя Сабураэмон при конфискации его имущества было отобрано: 50 пар золотых экранов, 3 игрушечных корабля, сделанных из драгоценных камней, 300 ковров, 10 050 слитков чистого золота, 273 крупных драгоценных камня, 2 ящика золота; 3 тысячи больших золотых монет, 150 судов, 730 складов, 80 амбаров, 17 хранилищ ювелирных изделий, 28 домов в Осака, 64 дома в других местах, 332 коку риса и 150 цубо кипарисового леса (1 коку = 180 л; 1 цубо = 3,31 м²). Цит. по книге «Современная Япония», сб. II, М., 1934, ст. Н. Вайнцвайга «Происхождение и развитие капитализма в Японии», стр. 185.

революции Мэйдзи не занимали сколько-нибудь видного положения среди земельной или торгово-банкирской знати (Мицубиси, Окура, Сибудзава и др.).

Уже один этот факт свидетельствует о том, что централизация собственности в руках торговых капиталистов в период феодализма была отнюдь не единственной и даже не главной причиной концентрации капитала после революции Мэйдзи. В основе этого процесса лежало быстрое развитие капиталистической промышленности, торговли, транспорта и банков, которое было в сильнейшей степени ускорено политической государственной протекционизма. При этом в первые десятилетия после революции Мэйдзи наиболее быстро развивались банки, торговля и транспорт и лишь затем началось быстрое развитие промышленности. В этом нашло свое выражение то обстоятельство, что процесс первоначального капиталистического накопления к моменту революции Мэйдзи еще не был завершен.

Развитие капиталистической промышленности, начавшееся еще в недрах феодальной Японии, было ускорено революцией Мэйдзи, но его темпы в первые десятилетия после 1868 г. были еще крайне слабы. Усилению темпов развития промышленности предшествовал процесс быстрого развития капиталистических банков, которые содействовали превращению прибавочного продукта, получавшегося все еще по преимуществу в сельском хозяйстве, в капитал для последующего быстрого развития промышленности¹.

Большинство торгово-банкирских домов, из которых впоследствии выросли концерны, возникли в Японии в 70—80-х

¹ По данным, приведенным в книге С. Уэхара «The Industry and Trade in Japan» (Лондон, 1926), за первое десятилетие после свержения сёгуната (1867—1877 гг.) 98% всех капиталовложений в народное хозяйство падало на банки; в следующее десятилетие на долю банковских и торговых предприятий пришлось 80% всех капиталовложений (стр. 27).

По данным, приведенным в книге С. Ямада «Начальные формы капитализма в промышленности» (Токио, 1932), в Японии за четыре века до 1867 г. было построено всего 420 предприятий с числом рабочих более 10 чел. в шелкоткацкой, ткацкой, гончарной и водочной промышленности. В 1868—1877 гг. таких предприятий было построено 436, в следующее десятилетие — 710, а за 15 последующих лет, с 1886 по 1902 г. — 6043. В машиностроительной промышленности (включая судостроительную и инструментальную) за тот же срок до 1867 г. было построено 33 предприятия, в 1868—1877 гг. — 42, в 1878—1885 гг. — 50, в 1886—1902 гг. — 286. В большинстве это были очень мелкие предприятия, их значительная часть была основана на ручном труде. В 1901 г. из 1040 тыс. чел., занятых в текстильной промышленности, только 45 тыс. работали на предприятиях с числом рабочих свыше 10. В 1900 г. в префектуре Гумма только 4%, а в префектуре Кёото только 6% всех станков в шелкоткацкой промышленности приводилось в движение механической силой.

годах XIX столетия, т. е. тогда, когда машинное производство делало только первые шаги, когда мануфактурный период развития промышленности еще не закончился, когда еще только разворачивался промышленный переворот.

Уже в 70—80-х годах при поддержке государства будущие концерны Мицуи и Ясуда стали монополистами в банковском деле и финансировании правительственных органов, Мицубиси — в морском транспорте, Окура — в качестве импортера оружия и боеприпасов. Эти фирмы получили исключительные права в области внешней и внутренней торговли как поставщики военного ведомства.

Процесс первоначального капиталистического накопления, который в странах Западной Европы предшествовал длительному периоду свободной конкуренции, в Японии продолжался после революции Мэйдзи параллельно с развитием «свободной конкуренции», почти вплоть до вступления Японии в монополистическую стадию развития капитализма. В этом процессе — процессе превращения национального имущества и дохода, путем ограбления мелкой буржуазии и ее пролетаризации, в средство для капиталистического предпринимательства — важнейшая роль принадлежала родоначальникам нынешних магнатов финансового капитала, банковско-торговым монополиям, ставшим впоследствии также и промышленными монополиями.

Деревня — «внутренняя колония» японского капитализма

Главным источником первоначального накопления капитала в Японии была деревня, которая на протяжении всей новой истории играла для японского капитализма роль внутренней колонии. Хотя революция Мэйдзи нанесла серьезный удар японскому феодализму, но в результате ее незаконченности и половинчатости власть сохранялась в руках феодально-буржуазного блока, и большие пережитки феодализма остались вплоть до наших дней. В Японии, как и в царской России, «...новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических»¹.

В 1872—1873 гг. в Японии была проведена аграрная реформа, установившая право собственности на землю и денежный поземельный налог, вместо натурального налога. При этом громадные пространства пахотной земли, лесных угодий и пастбищ перешли в собственность императора, дворцовой

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 246.

знати, храмов и крупных помещиков. Сотни тысяч крестьянских хозяйств остались с ничтожными наделами земли и были вынуждены либо продавать их и уходить в город, либо снимать землю в аренду на кабальных условиях. В 1872—1881 гг. мелкими земельными собственниками было продано более 900 тыс. га земли и около 2 млн. га находилось в залоге. В эпоху Токугава (до 1867 г.) под арендой было 20 % обрабатываемой земли, а в конце XIX в.—уже около 40 %¹.

Ограбление японской деревни, ее превращение в источник накопления капиталов монополиями шло такими путями:

1. Поземельный налог составлял около 80 % государственного бюджета², значительная часть которого расходовалась на строительство промышленных и транспортных предприятий, переходивших, как мы увидим ниже, за бесценок в собственность частных лиц — владельцев будущих концернов.

2. От 25 до 40 % стоимости сельскохозяйственной продукции ежегодно выкачивалось из деревни помещиками, взимающими арендную плату с крестьян, и ни в каком виде обратно в сельское хозяйство не возвращалось. Значительная часть средств, извлекавшихся из деревни в виде натуральной или денежной ренты, вкладывалась помещиками в банки и другие кредитные учреждения, в акции и облигации торговых и кредитных компаний, превращаясь, таким образом, в торговый, банковский и промышленный капитал.

3. Постоянная нужда, арендная кабала, заставляли японских крестьян широко прибегать к «помощи» ростовщиков, паразитировавших на теле деревни так же, как и помещики (очень часто помещик и ростовщик совмещались в одном лице). Крестьяне были вынуждены занимать деньги из невероятно высоких процентов. На этой почве в Японии выросло бесчисленное множество ростовщических «кредитных ассоциаций», «обществ взаимопомощи», «лотерейных обществ» («мудзин»), «обществ страхования» и т. п. Все эти мелкие кредитные учреждения были питательной средой для многочисленных банков местного значения, которые, в свою очередь, очень быстро попадали в зависимость от монополистических кредитных институтов и нередко превращались в филиалы последних.

Таким образом, ростовщики и банкиры, как и помещики, извлекали из деревни значительную часть стоимости сельскохозяйственной продукции и превращали ее в торговый, банковский и промышленный капитал.

¹ К. Попов. Экономика Японии. М., 1936, стр. 20.

² Там же.

Кабальные займы крестьянства, кредитование спекуляции рисом и другими сельскохозяйственными продуктами, наряду с другими факторами (широкое промышленное строительство, финансирование войн), обуславливали очень высокий процент для ссудно-денежного капитала. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить частные учетные ставки главных коммерческих банков Японии с аналогичными ставками в других странах за ряд лет (табл. 2).

Таблица 2

Частные учетные ставки в Японии и других странах
(1883—1913 гг.) *

Ставки	1883—1890 гг.	1891—1900 гг.	1901—1913 гг.
Учетная ставка „Associated Banks“ в Токио (среднемесячная) . . .	10,08	9,45	8,14
Частная учетная ставка в Лондоне	6,0	3,9	4,7
Частная учетная ставка в Нью-Йорке	6,09	5,88	5,80
Частная учетная ставка в Берлине	4,35	3,72	5,12
Частная учетная ставка в Париже	3,3	2,55	3,30

* „Мировые экономические кризисы“, т. III. Акад. И. Трахтенберг. Денежные кризисы (1821—1938 гг.). М., 1939. По Лондону, Нью-Йорку, Берлину и Парижу ставки исчислены как средние высших месячных ставок за каждый год.

В свете этих данных легко понять отмеченное выше обстоятельство — устремление капиталов японских богачей в первые десятилетия после революции Мэйдзи по преимуществу в банки.

Крупные оптовики, агенты монополистических торговых фирм, использовали постоянную нужду крестьян для широкой спекуляции рисом и другими сельскохозяйственными продуктами, которые скупались у крестьян, когда цены были низки, и продавались по высоким ценам. Выпуск «рисовых облигаций» торгово-банкирскими фирмами и спекуляция ими приносили, как правило, громадные прибыли владельцам этих фирм.

Рынок сельскохозяйственных продуктов и изделий домашнего ремесла, наряду с рынком ссудных капиталов, явился

одним из первых и главных объектов монополизации со стороны японских богачей, и прибыли от монополизированной оптовой торговли были крупным источником накопления капитала.

Полуфеодалные пережитки в деревне были важнейшей причиной существования в Японии колониального уровня эксплуатации пролетариата. Этот вопрос был еще до войны достаточно подробно исследован в марксистской литературе о Японии. По исчислениям Ш. Лифа¹, норма прибавочной стоимости в японской промышленности составляла в 1931 г. 251%, а в 1937 г. возросла до 380% — более чем в два раза выше нормы прибавочной стоимости в США в 30-х годах. Правда, эти цифры, исчисленные по данным о стоимости фабрично-заводской продукции, стоимости сырья, стоимости снашиваемой части основного капитала и о размерах заработной платы, являются сугубо ориентировочными, далеки

Таблица 3

Часовая заработная плата в Японии и в других странах
(в иенах, пересчитано по данным за 1932—1935 гг. в иены по курсу
на соответствующие даты) *

Страны	Квалифицированные рабочие во всей промышленности		Текстильная промышленность	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин.
Япония	0,19**	0,08**	0,13	0,06
США	2,16	1,43	1,48	1,46
Англия	—	—	1,10	0,57
Германия	1,01	0,67	—	—
Франция	1,33	—	0,60	—
Индия (Бомбей)	—	—	0,14	—

* „Торговая экспансия Японии“. М., 1933, стр. 44.

** Без разделения на квалифицированных и неквалифицированных.

от точности и сами по себе не могут служить достаточным доказательством более высокой степени эксплуатации рабочих в Японии по сравнению с другими империалистическими странами. Однако такого рода вывод подтверждается многими другими данными (табл. 3).

¹ «Война и экономика Японии». М., 1940, стр. 202.

В 1929 г. издержки на рабочую силу для производства 1 англофунта ватерной пряжи в Японии составляли для разных номеров пряжи от 0,93 до 1,33 пенса, а в Англии — от 2,50 до 4,75 пенса.

По данным «Американской ассоциации судовладельцев», опубликованным в 1934 г., моряки высшей квалификации зарабатывали в месяц (в амер. долларах): на голландских кораблях — 56,06; на кораблях США — 52; на британских — 40,08; на немецких — 39,21; на французских — 37,29; на норвежских — 36,57; на греческих — 23,64, а на японских — всего 11,68¹.

При гораздо более низкой заработной плате производительность труда на японских крупных и средних предприятиях была лишь немногим ниже, а во многих случаях даже выше, чем в других странах. Английский экономист Г. Штейн приводит следующее заявление английского статистика Кларка, сделанное в 1932 г.:

«Японский рабочий уже достиг 90% производительности английского рабочего при нынешнем числе рабочих часов в неделю в Японии. Если бы число рабочих часов было в обеих странах одинаково, производительность японского рабочего равнялась бы не более 66% производительности английского рабочего. При годовой производительности, равной 90% английской, японский рабочий получает годовую зарплату равную 38% зарплаты английского рабочего»².

Один из виднейших политических заправил клики дзайбацу, министр финансов Японии Такахаси, убитый во время фашистского путча в феврале 1936 г., открыто заявил в годы мирового экономического кризиса, что если крупнейшие капиталистические страны имеют золото, то для Японии золотом является ее дешевый труд.

Приведенные выше данные о низкой заработной плате японских трудящихся относятся к 20—30-м годам нынешнего столетия, но они характерны и для всей истории японского капитализма. В результате аграрного перенаселения, разорения и нищеты крестьян из японской деревни выталкиваются миллионы пауперов, готовых продать за бесценок свою рабочую силу. Японская крестьянская девушка, продаваемая нищими, забитыми нуждой родителями на фабрику, где она работает по 12—14 часов в сутки за горсть риса, койку в общежитии и одну смену дешевой одежды в год, стала во всем мире символом рабства и бесправия японского пролетариата.

¹ Г. Штейн. *Made in Japan*. London, 1935, стр. 62.

² Там же, стр. 62—63.

Небольшие издержки на заработную плату в связи с ее чрезвычайно низким уровнем и высокая норма эксплуатации на протяжении всей истории японского капитализма были главными и решающими факторами, обусловившими для японской буржуазии возможность накопления капитала в масштабах, обеспечивших сравнительно быстрые темпы роста промышленности.

Роль государственного протекционизма в развитии японских монополий

Одна из важнейших особенностей исторического развития Японии заключается в том, что централизация государства сделала большой прогресс еще в период феодализма, в эпоху господства сёгунов Токугава (1603—1867). Несмотря на оппозиционность к сёгуну ряда феодалов («тодзама», главным образом на юго-западе страны), сыгравших большую роль в революции Мэйдзи, еще до 1868 г. Япония на протяжении двух с половиной веков представляла собой сильно централизованную феодальную монархию, причем централизованы были не только государственная власть, армия и т. д., но также и некоторые стороны экономической жизни. До крайности ограниченная внешняя торговля¹ находилась целиком в руках сёгуната. Внутри страны существовала строгая регламентация потребления для трудящихся классов, в особенности крестьянства, а также потребления и торговли для купцов².

Соблюдение этих регламентаций обеспечивалось не только большим чиновничьим аппаратом, но и широко развитой системой круговой поруки («пятидворки» в деревне, купеческие гильдии), которая была одним из главных элементов государственного надзора. Регламентация и надзор распространялись также и на ремесло и домашнюю промышленность и осуществлялись через ремесленные цехи («дза»). Привилегии дворян и повинности населения обеспечивались

¹ С конца XVII в. правительство сёгуна разрешало заходить в Японию лишь двум-трем, а позднее лишь одному-двум европейским (голландским) кораблям в год. Почти так же сильно была ограничена и торговля с Китаем. С другими странами торговля была запрещена.

² По законам феодального правительства Бакуфу купцам предписывалось носить определенных размеров и качества гребни, головные украшения, сандалии, деревянную обувь (гета), зонты, запрещалось ношение шелковых тканей и т. п. Такие же, но еще более строгие и подробные регламентации существовали для крестьян. По инструкциям 1649 г. крестьяне были обязаны вставать рано утром, не покупать сакэ (рисовая водка) или чай, не курить, разводить с женой, которая пьет чай и слишком часто удаляется из дому, и т. п. Купцам запрещалось строить дома выше двух этажей, обзаводиться позолоченными вещами, продавать определенные виды одежды и т. д.

не только местными традициями и обычаями и собственной властью феодалов, но и общегосударственным законодательством, основным документом которого был кодекс Токугава «100 статей» («Осадамэгаки хяккадзё»).

Революция Мэйдзи сопровождалась крестьянскими восстаниями и острой внутренней борьбой среди японских феодалов и буржуазии, борьбой, принявшей форму гражданской войны (реакционное восстание Сацума в 1877 г.). Но борьба эта, закончившись победой прогрессивных для своего времени сил японского общества, привела к еще большей централизации государственной власти. Сёгун и поддерживавшие его феодалы («фудай-даймё») были отстранены от власти.

Кончился тысячелетний монархический дуализм¹, верховным главой государства стал император. Феодалная монархия превратилась сначала в помещичье-буржуазную, а затем в буржуазно-помещичью монархию и распространила свою власть на всю страну. Прежнее административное деление, отражавшее господство феодальных кланов, было отброшено, и было введено новое деление на префектуры во главе с назначавшимися правительством губернаторами. Правительственный аппарат был перестроен по европейскому образцу, государственные финансы начали регулироваться государственным бюджетом и с 1890 г. были поставлены под контроль парламента. Все эти и другие буржуазные реформы были проведены не сразу, а в течение 20—25 лет после революции Мэйдзи. Вводились они не без серьезной внутренней борьбы, но в общем центробежные силы в Японии были преодолены сравнительно легко.

Японии в течение ее новой истории не пришлось переживать длительную борьбу за воссоединение, подобно Германии, Италии, Китаю. Из эпохи феодализма Япония вступила в эпоху капитализма как централизованная страна с сильной общегосударственной властью. Централизованная государственная власть — власть дворян и буржуазии — была в полной мере использована буржуазией для своего обогащения, для расширения своих промышленных, кредитных и торговых компаний. Государственный протекционизм, изменяясь на разных этапах по методам, на протяжении всего периода капиталистического развития Японии был направлен

¹ Начиная с VIII в. в Японии с переменным успехом шла борьба между императорами и верховными правителями-регентами, а затем сёгунами. Большую часть этого времени (в частности, в течение всей эпохи сёгунов Токугава) действительная власть была в руках регентов или сёгунов, власть императоров была номинальной, и нередко императоры были на положении пленников у фактических правителей.

исключительно на защиту интересов капиталистических монополий и помогал их возникновению, росту и укреплению.

В большинстве капиталистических стран одним из главных методов государственной помощи промышленности был таможенный протекционизм. В Японии таможенный протекционизм до начала XX в. не мог играть существенной роли, так как государство было связано неравноправными договорами, по которым за импортируемые товары оно не имело права взимать пошлину свыше 5% стоимости ввозимых товаров. При таких условиях японской промышленности грозило прозябание, ибо, несмотря на дешевизну рабочей силы, не могло быть и речи о конкуренции японских товаров с товарами таких высокоразвитых в промышленном отношении стран, как Англия, США и Германия. Помимо угрозы наводнения страны импортными товарами, очень реальной была угроза большого импорта иностранного капитала и захвата им под полный контроль всей экономики страны. В первые годы после революции Мэйдзи эта угроза обозначилась совершенно явственно: иностранный капитал начал прибирать к рукам внешнюю торговлю и внешнее судоходство Японии. В 70—80-х годах международные страховые фирмы отказывались страховать японские корабли за исключением тех, на которых капитанами были европейцы или американцы.

Японское буржуазно-помещичье государство перекладывало все тяготы, связанные с заключением неравноправных договоров, на трудящиеся классы и оказывало прямую поддержку монополистическим компаниям из средств государственного бюджета. Само собой разумеется, что против иностранной крупной промышленности, против иностранных монополий, которые в то время уже возникли в Европе и США, могли бороться только крупная промышленность и монополии.

Анализируя роль и методы государственного протекционизма в европейских странах, Маркс писал:

«Известные отрасли производства уже при самом начале капиталистического производства требуют такого минимума капитала, которого в это время еще не встречается в руках отдельных индивидуумов. Это вызывает, с одной стороны, государственные субсидии частным лицам, как во Франции в эпоху Кольбера и в некоторых немецких государствах до нашего времени, с другой стороны — образование обществ с узаконенной монополией на ведение известных отраслей промышленности и торговли»¹.

¹ «Капитал», т. 1, стр. 229—230, 1935.

Государственный протекционизм в Японии был направлен именно на развитие крупной промышленности, на кредитование и субсидирование привилегированных торгово-промышленных и банковских компаний.

Политика государственного протекционизма была использована японскими монополиями для колоссального обогащения и разжигания в стране шовинизма и джингоизма.

С целью кредитования монополистических компаний в 1882 г. в Японии создается центральный банк (Японский банк — «Нихон гинко»). Японский буржуазный публицист конца XIX в., ярый поборник японского «западничества» Юкити Фукудзава, писал о том, что происходит всемирная торговая война и что в этой войне солдатами являются деньги. «Для победы в этой войне нужны богачи», — заключал Фукудзава¹.

Богачи в то время в Японии уже были, но, как указывалось выше, их богатства были накоплены преимущественно с помощью торговли и кредита и сосредоточивались в деньгах, ценных вещах, магазинах, складах и лишь в небольшой степени — в промышленности.

Некоторые из богатейших купцов и банкиров феодальной Японии, в первую очередь Мицуи, сыграли выдающуюся роль в революции Мэйдзи, так как они кредитовали императорский дом и антисёюгунские кланы «тодзама», а впоследствии — новое императорское правительство, остро нуждавшееся в деньгах для утверждения своей власти. К. Такахаси рассказывает о том, что, когда новое правительство («дай-дзёкан») выпустило бумажные деньги для покрытия нестложных государственных расходов, для вооружения новой армии и т. п., то эта мера оказалась бесполезной, так как деньги дай-дзёкана не пользовались доверием и никто не хотел продавать товары. В конце концов, правительству пришлось обратиться к Мицуи и другим богатым «домам», которые выручили правительство тем, что продали ему на новые казначейские билеты золото и валюту и, таким образом, с одной стороны, помогли удовлетворить насущные финансовые нужды, а с другой — создали атмосферу доверия к деньгам нового правительства.

Наряду со старыми торгово-банкирскими домами Мицуи, Коноикэ, Сумитомо, в течение первого десятилетия после революции Мэйдзи вырос ряд новых богачей, которые, так

¹ «Хрестоматия по концернам», т. I, К. Такахаси и Д. Аояма «О японских дзайбацу» («Нихон дзайбацурон»), Токио, 1938 стр. 43 (В дальнейшем при ссылках на «хрестоматию по концернам» будет указываться только соответствующий том).

же как и старые, очень быстро подобрались к государственному пирогу. Из этих новых богачей, родоначальников концернов, нужно прежде всего отметить семью Ивасаки — основателя концерна Мицубиси, а также Окура, Сибудзава, Ясуда, Фудзита, Асано и Судзуки.

Государственная поддержка богатых торгово-банкирских, промышленных и транспортных фирм выражалась прежде всего в том, что государство поручало им подряды на исключительно выгодных условиях и платило колоссальные проценты по кредитам, которые оно от этих фирм получало. Вот некоторые примеры: в конце 60-х — начале 70-х годов три торгово-банкирских дома — Мицуи, Оно и Симада — исполняли одновременно функции национального банка и государственного казначейства. Они кредитовали не только центральное правительство, но и сверстывали первые бюджеты только что образовавшихся 75 префектур и ведали их финансами. За свои кредиты Мицуи в 1874 г. получал 25—33% годовых. В начале 70-х годов 45% всех депозитов банка Мицуи составляли правительственные капиталовложения.

Вторым казначеем государства из числа тех фирм, которые впоследствии выросли в концерны, был Ясуда, который уже в 1874 г. вел финансовые дела министерства юстиции, а затем военного министерства (частично), управлений префектур Токио, Тотиги, Фукуяма, Хоккайдо, Акита, местных судов, министерства торговли и земледелия. В 1875 г. из 3 млн. иен депозитов, которыми обладал торгово-банкирский дом Ясуда, 1,8 млн. иен, или 60%, принадлежало государственным органам¹.

В 80-х и 90-х годах управление финансовыми операциями государственных органов перешло целиком в руки последних, что нанесло ущерб их прежним частным казначеям. Ущерб этот, однако, с лихвой был перекрыт доходами монополистических фирм в качестве держателей акций и агентов вновь созданного полугосударственного Японского банка, в котором они пользовались наилучшими условиями кредита. Из 3 млн. иен акций Японского банка Мицуи купил акций на 1 млн., Оно — тоже на 1 млн. иен².

Горячка грюндерства и спекуляции захлестнула в конце XIX в. также и крупнейшие фирмы. Некоторые из этих фирм (Симада, Оно и др.) обанкротились, другие спаслись с помощью своих связей в высших правительственных сферах. Банк Мицуи дважды (в 1874 и 1890 гг.) избегал банкрот-

¹ «Хрестоматия», т. I, стр. 49—50.

² Russel. The House of Mitsui. Boston, 1939, стр. 173.

ства благодаря тому, что правительство воздерживалось от востребования своих вкладов и давало банку краткосрочные беспроцентные ссуды. Так традиция государственной с а н а ц и и крупнейших банков твердо установилась в Японии с первых лет ее капиталистического развития и продолжается до сегодняшнего дня. Банки концернов могли смело рисковать своими капиталами для вложения в новые отрасли — государство всегда стояло рядом в качестве страховщика тех из них, чьи владельцы имели наиболее близкие связи с правительством.

В конце XIX в. будущие концерны выступали в качестве не только финансовых, но и торговых агентов и поставщиков правительства. Компания «Мицуи кокусан» (предшественница «Мицуи буссан») была поставщиком отечественного и привозного риса по заказам министерства финансов (для армии); она же получила от горного департамента министерства финансов право на монополию в торговле углем с шахт Миикэ.

Концерн Окура начал свою карьеру с поставок различных, главным образом, иностранных товаров для армии. Торговому дому Мицубиси было передано несколько государственных судов вместе с заказами на импорт оружия и снаряжения. Военные расходы в связи с экспедицией на Формозу в 1874 г. составили 3,6 млн. иен. Значительная доля этой, для того времени очень крупной, суммы пошла в карманы подрядчиков, став основой их будущего могущества. Огромные богатства принесли монополистическим фирмам правительственные подряды во время подавления сацумского восстания в 1877 г. Один из управляющих «Мицуи кокусан» того времени писал, что правительство во время сацумского восстания распределило свои заказы на подряды следующим образом: «Мицуи кокусан» получила 60% заказов, Окура — 20% и Фудзита — 20%. Чистая прибыль Мицуи от этих подрядов за один год составила 500 тыс. иен. Капитал «Мицуи кокусан» в то время еще не достигал и 100 тыс. иен, и, таким образом, за год эта компания получила более 500% прибыли. Перевозка грузов для правительственной армии во время сацумского восстания была целиком возложена на Мицубиси. Валовой доход Мицубиси в связи с этими перевозками и с другими «услугами» составил 15 млн. иен, или одну треть всех правительственных расходов в связи с подавлением восстания¹. Именно с этого времени Мицубиси завоевал себе прочное положение в области судоходства и внешней торговли.

¹ «Хрестоматия», т. I, стр. 58—59.

Но, пожалуй, наибольшую поддержку государство оказывало монополиям в создании транспорта и крупной промышленности.

Вплоть до конца 70-х годов большая часть внешней торговли Японии велась на иностранных судах. После формозской экспедиции 1874 г. правительство израсходовало 1570 тыс. американских долларов на покупку 13 иностранных океанских кораблей, которые затем были за бесценок проданы компании «Мицубиси кисэн кайся» («Мицубиси-пароходная»).

Затем правительство передало той же компании еще 18 кораблей стоимостью в 3250 тыс. иен, которые принадлежали распушенной в 1875 г. правительственной судоходной компании. В том же году «Мицубиси кисэн» получила от правительства субсидий на сумму 2,5 млн. иен. Тогда же на средства правительства была открыта навигационная школа, поставлявшая моряков для «Мицубиси кисэн». В 1875—1878 гг. «Мицубиси кисэн», при финансовой помощи правительства, удалось скупить все корабли и склады японо-китайских линий компании «Тайхэйё юсэн кайся». Во время сацумского восстания «Мицубиси кисэн» приобрела еще 10 иностранных кораблей, потратив на это 380 тыс. американских долларов своих и 700 тыс. американских долларов государственных средств. О том, как велика была государственная поддержка монополий, можно судить по следующим двум цифрам: в 1881 г. все расходы министерства сельского хозяйства и коммерции составили всего 416 тыс. иен; 60% этой небольшой суммы (261 тыс. иен) пошло на различного рода субсидии «Мицубиси кисэн». Когда Мицубиси, после слияния своей транспортной компании с компанией «Кйодо утёю», создал знаменитую, существующую поныне «Н. Ю. К.» («Нихон юсэн кайся»), правительство гарантировало последней в течение 15 лет 8-процентный дивиденд, а по истечении 15-летнего срока — уплату субсидий в размере 880 тыс. иен ежегодно¹.

Можно было ожидать, что фирма Мицубиси, которая была пионером судоходства, будет и в дальнейшем развиваться преимущественно как монополист в этой области. В действительности, однако, Мицубиси, приобретая с помощью государственной поддержки огромные по масштабам того времени капиталы, стал вкладывать их в другие отрасли народного хозяйства, в первую очередь — смежные с судоходством (каменный уголь, судостроение, машиностроение, внеш-

¹ «Хрестоматия», т. I, стр. 53.

няя и внутренняя торговля), где ему также были обеспечены правительственная поддержка и высокие прибыли. Вскоре компании Мицуи и Сумитомо и другие также проникли в область судоходства и завоевали в ней прочные позиции. Наметившаяся было вначале известная специализация фирм быстро сошла на-нет.

Многочисленные факты о строительстве японским правительством промышленных и транспортных предприятий и о последующей их реприватизации общеизвестны. Все историки японской экономики приводят в своих работах названия десятков реприватизированных предприятий, явившихся основой промышленной мощи будущих концернов Мицуи (угольные шахты Миикэ), Мицубиси (угольные шахты Такасима, судоверфи Нагасаки), Кавасаки, Асано и др. Заводы продавались, как правило, за 15—30% от той суммы, в какую они обходились правительству, причем покупателям предоставлялась рассрочка на очень длительный срок, иногда на два-три десятилетия.

Естественно, что в конкурентной борьбе разных капиталистических фирм большую роль играли связи их владельцев с правительством и правительственным аппаратом. Мицуи имел связи с императорским домом и юго-западными кланами, из которых вышли руководители революции Мэйдзи, с первым министром финансов Японии генро (ближайший советник императора) Иноуэ. Именно поддержка Иноуэ обеспечила Мицуи победу в борьбе против его главных в то время конкурентов в банковском деле — Оно и Симата, которые в конце концов (в 1874—1875 гг.) обанкротились. Для Мицубиси большое значение имела тесная связь с преемником Иноуэ — графом Окума, одним из руководящих деятелей революции Мэйдзи, до начала XX в. игравшим выдающуюся роль в правительственных кругах Японии. Благодаря помощи Окума Мицубиси удалось выдержать натиск влиятельных конкурентов на его мореходную монополию. Общеизвестны также родственные и другие связи с правительственными кругами Сумитомо, который был братом генро Сайондзи, Сибудзава, начавшего свою карьеру с должности чиновника министерства финансов, и других основателей концернов.

Одним из методов поддержки правительством монополий было создание правительственных акционерных компаний и последующая их реприватизация. В 1869 г. правительство создало первую акционерную банковскую компанию. В 1871 г. правительство издало «Правила об организации компаний» и «Объяснения о компаниях» и принимало различные иные меры для поощрения акционерной организации. Акционерная форма компаний развивалась быстро — их капитал вырос с

25 млн. иен в 1877 г. до 147 млн. иен в 1887 г., 533 млн. иен в 1897 г. и 1080 млн. иен в 1907 г.¹ Но большинство акционерных компаний (особенно до японо-китайской войны 1894—1895 гг.) было строго закрытыми, с весьма ограниченным числом акционеров (нередко акционерами были только родственники главного владельца). Акционерная форма в крупных компаниях была по преимуществу средством учета и ведения дел, но не мобилизация внешнего капитала.

Одна из причин закрытого характера акционерных компаний заключалась в том, что в капиталистических кругах укоренились традиции купеческих семей торговых гильдий Осака и Йедо. «10 гильдий», существовавшие в Йедо с конца XVII в., были строго замкнутыми привилегированными корпорациями, старавшимися не допускать в свой состав новых членов. Известное значение имела также непривычность акционерной формы: владельцы небольших денежных сумм предпочитали вкладывать деньги в банки, где был обеспечен твердый процент, а не покупать акции с колеблющимся курсом, выпускавшиеся малоизвестными компаниями, которые, таким образом, не могли доводить свои капиталы до размеров, угрожавших позициям крупных замкнутых компаний монополистов. Однако главная причина замкнутости компаний заключалась в государственной поддержке монополий. Поддержка эта была так велика, что владельцы привилегированных компаний имели возможность доводить их капиталы до размеров, необходимых для крупного предпринимательства, не прибегая к открытому выпуску акций, поскольку такой выпуск всегда связан с известным риском для господствующих акционеро-держателей.

К. Такахаси приводит список 25 крупных компаний в горной и обрабатывающей промышленности и на транспорте, созданных правительством и затем переданных частным фирмам. Среди этих компаний мы встречаем такие, которые просуществовали до 30—40-х годов нашего века (табл. 4).

Впоследствии выпуск акций в открытую продажу стал практиковаться более часто, но все же традиция «фамильных фирм», сложившаяся в феодальной Японии и в первые годы после революции Мэйдзи, прочно удерживалась вплоть до второй мировой войны и, как мы увидим ниже, была фактором, тормозившим мобилизацию капиталов для нужд военного хозяйства.

Мы показали большое влияние государственного протекционизма на образование и развитие монополий в первые десятилетия капиталистического развития Японии. После русско-

¹ «Хрестоматия», т. I, стр. 41.

**Правительственные компании, переданные частным владельцам
(в 1870—1880-х годах) ***

Компании	Кому была передана	Где была передана	Оплаченный капитал в момент передачи, тыс. иен
Нихон тэцудо кайся (японская компания железных дорог) . .	Объединению титулованных лиц	Ноябрь 1881 г.	20 000
Нихон юсэн кайся (судоходство)	Мицубиси	Октябрь 1885 г.	11 000
Осака сёосэн кайся (судоходство)	Сумитомо	Май 1884 г.	1 800
Косака кодзан кайся (добыча железной руды)	Фудзита	Сентябрь 1884 г.	601
Токио кайдэйо хокэн кайся (Токийская компания по страхованию на море)	Мицубиси	Август 1879 г.	600
Осака босэки кайся (впоследствии „Тоё босэки“ — хлопчатопрядильная)	Фудзита, Мацумото и несколько титулованных лицам	Июль 1883 г.	600
Одзи сэйси (производство бумаги)	Главным образом Мицуи, а также Оно и Симада	Февраль 1873 г.	500

* „Хрестоматия“, т. I, стр. 43.

японской войны ускоряется превращение японских монополий в концерны, которые к тому времени занимали господствующее положение уже не только в области транспорта, кредита и торговли, но и в быстро развивавшейся крупной промышленности. Финансовый капитал и финансовая олигархия, дзайбацу, постепенно становятся господствующей силой также и в политической жизни страны. В новых условиях, когда капиталы крупнейших концернов достигали нескольких сот миллионов иен и в отдельные годы превышали размеры доходов по государственному бюджету, магнаты финансового капитала почувствовали себя полновластными хозяевами государства и уже не удовлетворялись подачками от правительства в виде субсидий. Концерны использовали государство в

интересах своего обогащения путем активного влияния (через свою агентуру в парламенте) на государственный бюджет и на размеры военных расходов и военных заказов; путем определения государственной таможенной и валютной политики; посредством участия в полугосударственных монополиях, которые уже с начала XX в. стали играть значительную роль в промышленности; путем получения специальных прав на эксплуатацию колоний; наконец, путем активного влияния на внешнюю политику Японии, извлечения всесторонних выгод из агрессии японского империализма.

К началу второй мировой войны дзайбацу пришли, обладая громадным опытом в использовании государственных ресурсов и государственного аппарата в интересах своего обогащения. Этот опыт был ими в полной мере использован как для подготовки войны, так и для того, чтобы в ходе войны увеличить свои капиталы и прибыли, удушить конкурентов и еще больше усилить свои позиции в экономике страны.

Влияние захватнических войн Японии на развитие дзайбацу

В 1916 г. Ленин указывал на то, что в Японии монополия военной силы и особое удобство грабить Китай «...отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала»¹.

Монополия военной силы, военно-феодалные черты японского империализма и особое удобство грабить Китай и Корею, агрессия японского империализма, начавшаяся на самых ранних этапах его развития, не только восполняли и заменяли «господство современного финансового капитала», но и ускоряли его развитие, содействовали образованию монополий и их раннему превращению в могущественные концерны. Выше мы уже показали, какое большое влияние оказали на развитие японских монополий первые военные операции после революции Мэйдзи — экспедиция на Формозу в 1874 г. и подавление сацумского восстания в 1877 г. О влиянии военного фактора на развитие японской капиталистической экономики написаны горы книг. Хотя вопрос этот еще требует дальнейшего углубленного исследования, во всяком случае очевидно следующее: каждая из захватнических войн японского империализма (до войны на Тихом океане) способствовала расширению промышленности и транспорта Японии за счет эксплуатации японских колоний и усиления эксплуатации внутри страны.

Об изменениях в японской промышленности в связи с вой-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 104.

нами, которые вела или в которых участвовала Япония, можно судить по следующим данным (табл. 5).

Таблица 5

Изменения в японской промышленности в связи с войнами *

Период	Число рабочих				Мощность двигателей во всех арсеналах, л. с.
	на всех гражданских предприятиях	на всех военных предприятиях	в армейских арсеналах	в арсеналах флота	
Перед японо-китайской войной (1893 г.) . . .	285 478	9 584	3 832	5 752	3 038
После русско-японской войны (1906 г.) . . .	612 177	89 286	38 629	50 657	128 800
Рост, %	114	831	908	780	4 240
Перед первой мировой войной (март 1913 г.)	916 252	74 024	29 009	44 015	200 433
После первой мировой войны (март 1919 г.)	1 520 466	102 793	39 548	63 245	212 026
Рост, %	66	39	44	44	6

* „Нихон сэнди кэйдзайрон“ („О японской военной экономике“), Токио, 1934, по данным официальной статистики.

В результате японо-китайской войны Япония захватила Формозу и получила контрибуцию в 360 млн. иен, что превышало почти в четыре раза всю сумму расходов по общегосударственному бюджету в 1892 г. В результате русско-японской войны Япония захватила Корею и Южный Сахалин, укрепились в Южной Маньчжурии и получила от России немалую для того времени контрибуцию в 47 млн. иен. Во время русско-японской войны в огромной степени вырос государственный долг Японии. Ее внешняя задолженность увеличилась с 312 млн. иен в 1904 г. до 1142 млн. иен в 1905 г.; внутренний долг за тот же год вырос с 576 млн. иен до 938 млн. иен, а вся сумма государственного долга увеличилась с 888 млн. иен до 2080 млн. иен¹.

Львиная доля средств, полученных государством из-за границы (преимущественно из Англии) и внутри страны с помощью государственных займов, была использована для финансирования промышленного (в особенности военно-промышленного) строительства компаний дзайбацу, для их кредитования и субсидирования.

¹ Н. G. Moulton. Japan. Washington, 1931, стр. 558.

В 1907 г. в Японии разразился промышленный кризис, но уже с 1909 г. начался новый значительный подъем промышленности. Именно в годы, последовавшие за русско-японской войной, особенно быстро развивается акционерная форма компаний и ускоряется преобразование японских монополий из старомодных «торгово-промышленных домов» в концерны во главе с «мотикабу кайся» («холдинг-компани», держательские компании), со множеством основных, дочерних и внучатных компаний в разных отраслях.

В 1910 г. образовалась «Мицуи гомэй» — головная держательская компания концерна Мицуи — и приблизительно в это же время Мицуи создает акционерные компании в горной промышленности, производстве бумаги, хлопчатопрядильной промышленности, производстве сахара и машиностроении. Все его операции по внешней и внутренней торговле переходят в ведение созданной в 1909 г. «Мицуи буссан». Его банк, который до того был лишь одной из частей «дома Мицуи», в 1909 г. становится отдельной акционерной компанией. В концерне Мицубиси держательская компания под названием «Мицубиси госин» была создана значительно раньше — в 1893 г. В последующие годы от «Мицубиси госин» отпочковались отдельные компании в горной промышленности, страховом деле, производстве бумаги, производстве рисовой водки и др. То же самое происходит и в других крупных концернах (Ясуда, Сумитомо и др.).

Следует, однако, отметить, что вплоть до первой мировой войны центром тяжести концернов попрежнему были кредитные и страховые компании, компании по внешней и внутренней торговле и компании в легкой промышленности. Из отраслей тяжелой промышленности к этому времени значительное развитие получили только судостроение, находившееся главным образом в руках концерна Мицубиси, и горнодобывающая промышленность, в которой крупные концерны (в первую очередь Мицуи и Мицубиси) постепенно завоевывали командные позиции, скупая шахты и горные разработки, принадлежавшие мелким и средним промышленникам. Некоторые компании (Сумитомо, Кухара, Фурукава), ставшие впоследствии концернами, с самого начала развивали предпринимательство по преимуществу в горнодобывающей промышленности.

Первая мировая война поставила японский капитализм в монопольное положение на Дальнем Востоке и явилась для японских концернов источником громадных прибылей, предпосылкой для нового роста их предприятий и компаний. Не участвуя фактически в войне, но считаясь одним из государств, воюющих на стороне Антанты, Япония захватила принадлежавшие Германии острова Тихого океана и герман-

ские концессии в Китае (в провинции Шаньдун) и пыталась использовать схватку двух империалистических коалиций для того, чтобы превратить весь Китай в свою колонию. В то же время японский капитализм в полной мере использовал свои экономические преимущества для того, чтобы захватить в свои руки рынки Дальнего Востока, с которых временно были вынуждены уйти в связи с войной европейские империалисты и США. Товарный голод и громадный рост цен, отсутствие европейско-американской конкуренции на азиатских рынках привели к новому подъему японской промышленности и вызвали новую горячку грюндерства и спекуляции. С 1894 г. до 1914 г. сальдо торгового баланса Японии было почти неизменно пассивным. В годы же войны Япония имела активное сальдо, которое с 1915 по 1918 г. составило громадную сумму в 1407 млн. иен. В целом же, учитывая другие статьи платежного баланса, доход Японии за годы войны составил почти 3 млрд. иен¹. Это и была «контрибуция», полученная японским капитализмом в результате войны, в которой Япония фактически не участвовала.

В стоимостном выражении рост продукции японской промышленности в годы первой мировой войны представлен в следующих цифрах (табл. 6).

Рост промышленности в годы войны сопровождался еще более быстрым увеличением капиталов дзайбацу. В годы войны дивиденды многих компаний доходили до 50—60%. В то время как средний размер годовых дивидендов всех коммерческих банков страны за пятилетие 1915—1919 гг. составил 7,2%, соответствующий размер дивиденда банков «большой пятерки» (Мицуи, Мицубиси, Дайити, Ясуда, Сумитомо) составил около 10%², и накопления военных лет позволили банкам дзайбацу удерживать размеры дивиденда на уровне значительно выше среднего в течение ряда последующих лет. Оплаченный капитал всех акционерных компаний с ограниченной ответственностью увеличился в Японии с 1983 млн. иен в 1913 г. до 9312 млн. иен в 1921 г.³

В спекулятивной горячке времен первой мировой войны выдвинулся ряд новых богачей — кандидатов в монополисты. Ни одному из них, однако, не удалось поколебать позиции старых монополий. Большинство крупных компаний, создавшихся во время войны (Судзуки, Такада, Сигэки, Мураи,

¹ Сюда не входят многие миллионы иен, в которые оценивается стоимость товаров, награбленных японскими захватчиками на Советском Дальнем Востоке, где в годы японской оккупации хозяйничали Окура и другие японские монополисты.

² Moulton, Japan, стр. 626.

³ S. Uyehara, The Industry and trade in Japan, стр. 32.

Рост продукции японской промышленности
в годы первой мировой войны *

Отрасли	1914 г.	1919 г.	Рост, %
	млн. иен		
Текстильная	620	3 296	431
Металлургическая	48	338	600
Машиностроительная и инструмен- тальная	111	716	550
Керамическая	34	175	414
Химическая	176	777	341,5
Лесная и деревообрабатывающая . .	28	158	464,3
Печать	26	66	154
Пищевая	40	741	1 754
Газ и электричество	25	67	173
Прочие	264	404	53,2
Итого	1372	6738	413

* „Нихон сэндзи кэйдзайрон“, Токио, 1934, стр. 123—124.

Ватанабэ и др.), обанкротилось во время послевоенного экономического кризиса или финансового кризиса 1927 г., другие (Номура, Ямасьта, Кисимото, Окадзаки и др.) остались существовать как сравнительно небольшие компании: некоторые (Номура, Ямасьта) в период военно-инфляционной конъюнктуры (1931—1937 гг.) вновь стали расти и превратились в значительные по своему удельному весу монополии.

Наибольшую часть в обильнейшей жатве 1914—1919 гг. пожали старые монополии. В особенности сильно вырос концерн Мицубиси, почти догнавший своего главного конкурента — концерн Мицуи. В эти годы и в годы, непосредственно следовавшие за войной, в концерне Мицубиси были созданы новые мощные судостроительная, металлургическая, горнодобывающая, торговая, складская и другие компании, а также банк Мицубиси. Концерн Сумитомо также расширился за счет организации новых компаний по рафинированию и прокатке цветных металлов, производству удобрений, а также за счет машиностроительных и других компаний.

Колоссальная потребность в капиталах заставляет концерны несколько шире приоткрыть двери для тех, кто хотел покупать их акции. Банки концернов выпускают часть своих акций в

продажу и в несколько раз увеличивают размеры своих объявленных и оплаченных капиталов.

**Рост капиталов и депозитов коммерческих банков
в годы войны (в млн. иен) ***

	1914 г.	1918 г.
Все коммерческие банки Японии		
Объявленный капитал . . .	575	1058
Оплаченный „ . . .	401	708
Депозиты	1520	5744
Банк Мицуи		
Объявленный капитал . . .	20	100
Оплаченный „ . . .	20	60
Депозиты	100	351
Банк Мицубиси		
Объявленный капитал . . .	1	50
Оплаченный „ . . .	1	30
Депозиты	52	234
Банк Сумитомо		
Объявленный капитал . . .	15	30
Оплаченный „ . . .	7,5	30
Депозиты	71	348

• „Хрестоматия“, т. I, стр. 81.

Таким образом, войны и колониальный разбой были одним из главных источников прибылей и могущества японских монополий. Уже один этот факт может служить достаточно ярким опровержением злостной легенды японских реакционеров и их американских покровителей о «непричастности дзайбацу к агрессии». «Всякий расход на вооружение является формой инвестиции» — этот тезис, высказанный одним из директоров компаний Мицуи Гиндзиро Фудзивара в его книге «Дух японской промышленности» (1931), является «символом веры» японских монополистов, для которых война всегда была самым прибыльным видом предпринимательства и которые выступили в качестве вдохновителей и организаторов войны на Тихом океане.

**Концентрация производства и централизация капитала
в Японии до второй мировой войны**

Товарищ Сталин указывает, что в капиталистических странах индустриализация обычно начинается с легкой промышленности. «Так как в легкой промышленности требуется

меньше вложений и капитал оборачивается быстрее, причем получение прибыли является более легким делом, чем в тяжелой промышленности, то легкая промышленность становится там первым объектом индустриализации. Только по истечении длительного срока, в течение которого легкая промышленность накапливает прибыли и сосредоточивает их в банках, только после этого наступает очередь тяжелой промышленности и начинается постепенная перекачка накоплений в тяжелую индустрию для того, чтобы создать условия для ее развертывания»¹.

Именно так развивалась промышленность Японии. Еще в 1931 г. на долю тяжелой промышленности в Японии приходилось около 30% всего промышленного производства, а на долю легкой промышленности — свыше 70%². Несмотря на высокую норму эксплуатации, многочисленные захватнические войны, ограбление колоний, получение иностранных займов, Япония за 70 лет капиталистического развития не сумела преодолеть свою экономическую отсталость и догнать передовые в экономическом отношении капиталистические страны мира.

В то же время уровень концентрации производства Японии накануне второй мировой войны был очень высок (табл. 7).

Таблица 7

Концентрация производства *

Предприятия с числом рабочих	Количество предприятий (1937)		Количество рабочих (1937)		Стоимость продукции (1935)		Мощность двигателей (1933)	
	абс. данные	%	абс. данные (в тыс.)	%	абс. данные (в млн. иен)	%	абс. данные (в тыс. л. с.)	%
От 5 до 50	98 300	92,7	1 068	36,3	2 780	25,6	560	18,6
„ 50 „ 1000	7 400	7,0	1 145	39,0	5 130	47,3	1 620	53,4
Свыше 1000	311	0,3	723	24,7	2 925	27,1	850	28,0
Итого . .	106 011	100,0	2 936	100,0	10 835	100,0	3 030	100,0

* Ежегодник „Тойо кэйдзай нэнкан“, 1938; справочник „Родо токэй йоран“, 1938 и др.

¹ И. В. Сталин. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г.

² «Japan Year Book», 1933.

Сравнимые официальные данные о числе рабочих на предприятиях различных размеров показывают, что в то время как в Японии число предприятий с количеством рабочих от 5 до 50 человек составляло около 93%, для Германии соответствующая цифра равнялась 89%¹, а для США — около 84%². Удельный вес этих предприятий по числу рабочих составлял в Японии 36,3%, в Германии — 32,5%, в США — 14,7%. Таким образом, удельный вес мелких предприятий с числом рабочих до 50 был в Японии значительно выше, чем в Германии, и намного выше, чем в США. Большой удельный вес мелких предприятий отражал сравнительную слабость развития японской промышленности³.

Тем не менее приведенные данные отчетливо свидетельствуют о том, что и по числу рабочих, и по стоимости продукции, и по мощности двигателей господствующее положение в японской промышленности занимали крупные предприятия с числом рабочих более 50.

Еще более разительными являются данные о централизации капитала (табл. 8).

Более четырех пятых капиталов акционерных компаний приходилось на крупные компании с капиталом свыше 1 млн. иен, а почти три пятых — на крупнейшие компании с капиталом свыше 10 млн. иен.

¹ «Statistisches Jahrbuch für das Deutsches Reich», 1938.

² «Statistical Abstract of the U. S.», 1938.

³ Фактически удельный вес мелких предприятий в Японии был выше, чем это следует из приведенных цифр, так как японская статистика до войны не охватывала предприятия с числом рабочих до 5 тыс. чел. Между тем, по мнению всех без исключения исследователей японской экономики, основанному на частичных данных и косвенных показателях, удельный вес мельчайших предприятий в Японии был выше, чем в других капиталистических странах.

По данным, приведенным в книге Ш. Лифа «Война и экономика Японии» (М., 1940), в Японии в 1935 г. на предприятиях с числом рабочих до 5 чел. было занято 54% всех рабочих фабрично-заводской промышленности. Для Германии соответствующий процент (в 1933 г.) составлял 33 (стр. 66).

Джон Орчард пишет: «Согласно оценке за 1920 г. в обрабатывающей промышленности было занято 5278 тыс. чел. Поскольку в предприятиях, охваченных фабрично-заводской статистикой, было занято только 1939 тыс. рабочих, получается, что, если оценка верна, 3200 тыс. чел., или 60% всех лиц, занятых в промышленности, работали в предприятиях с числом рабочих менее 5» («Japan's Economic Position», N. Y., 1930, стр. 185).

Гюнтер Штейн пишет: «Маленьким предприятиям (с числом рабочих до 5 чел.) принадлежит важная роль в промышленном производстве... Эти предприятия в 1931 г. производили 18,8% всей продукции хлопчатобумажной промышленности; 28,8% продукции текстильной промышленности; 55,1% продукции шелкового текстиля; 27,4% текстильных изделий; 29,1% шляп; 91,5% карандашей; 60,8% фарфоровых изделий; 65,5% велосипедов (сборка и производство частей)» («Made in Japan», London, 1935, стр. 45).

Централизация капитала *

Размер капиталов акционерных компаний	1934 г.		1938 г.	
	% к общему числу ак- ционерных компаний	% ко всему капиталу акционер- ных ком- паний	% к общему числу ак- ционерных компаний	% ко всему капиталу акционерных компаний
До 50 тыс. иен	30,0	0,7	64,7	1,9
От 50 тыс. иен до 500 тыс. иен .	48,8	7,2	27,9	10,1
От 500 тыс. иен до 1 млн. иен . .	8,4	5,0	2,8	4,3
От 1 млн. иен до 5 млн. иен . .	9,6	18,1	3,4	15,9
От 5 млн. иен до 10 млн. иен . .	1,4	9,0	0,5	8,6
Свыше 10 млн. иен	1,8	60,0	0,7	59,2
	100,0	100,0	100,0	100,0

* Данные за 1934 г. — К. Такахаши. Ниппон когёо хаттэнрон („Развитие японской промышленности“). Токио, 1936, стр. 275, 277; данные за 1938 г. — журнал „Тюокорон“, октябрь 1938 г.

Высокий уровень концентрации производства и централизации капитала лежит в основе монополии компаний дзайбацу.

Особенности структуры концернов дзайбацу

По официальным данным, в первой половине 1937 г. из 16,7 млрд. иен оплаченного капитала всех акционерных компаний страны на долю компаний восьми крупнейших концернов (Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда, Асано, Окура, Фурукава, Кавасаки) приходилось 3,2 млрд. иен, или 19,2%¹. После двух лет войны в Китае в 1939 г. удельный вес концернов в общем размере капиталов акционерных компаний страны составлял менее одной трети. Соответствующие данные приводятся в табл. 9.

Но о действительной степени монополизации народного хозяйства концернами можно судить, лишь ознакомившись с их долей в сумме капиталов и в размерах производства по отдельным отраслям народного хозяйства. В отдельных отраслях народного хозяйства процент капиталов, пришедшихся на долю 14 перечисленных в таблице 9 концернов

¹ «Хрестоматия», т. I, стр. 166.

**Оплаченный капитал компаний, контролируемых концернами
(на 1-ю половину 1939 г.) ***

Концерны	Млн. иен	Концерны	Млн. иен
Мицуби	1428	Асано	270
Мицубиси	1289	Окура	177
Мангйо	1247	Ниссо	165
Ясуда	479	Номура	159
Ниттицу	472	Фурукава	104
Сумитомо	442	Рикэн	100
Мори	275	Кавасаки	97
		Итого	6704

Оплаченный капитал всех акционерных компаний Японии 21 072

% оплаченного капитала компаний 14 концернов к общей сумме капиталов акционерных компаний Японии 31,9

* „Japan Manchoukuo Year book“, 1940.

по отношению к общей сумме капиталов в данной отрасли, в 1939 г. выражался в следующих цифрах:

Доля концернов в общей сумме капиталов *

Тяжелая промышленность 48,2

В том числе:

Горнодобывающая 61,3

Металлургическая 31,7**

Машиностроительная 41,9

Судостроительная 77,3

Химическая и резиновая промышленность 56,4

Текстильная промышленность 35,6

Керамическая 71,5

Бумажное производство 68,3

Пищевая промышленность 19,9

Газ и электричество 19,6**

Железные дороги 11,0**

Судоходство 46,1

Торговля 10,5

Кредитные институты 31,9

* „Japan Manchoukuo Year book“, 1940.

** Приводимые цифры не включают доли капиталов, принадлежавших полугосударственным монополиям. В металлургии, электроэнергии и железнодорожном транспорте эта доля была, как мы увидим ниже, очень велика.

Доля компаний концернов в отдельных отраслях промышленности
и в судоходстве *

Отрасли	Концерны **	Год	Единица измерения	Вся Япония	В том числе компаний концернов	Доля концернов в общем производстве, %
Добыча каменного угля	Мицуи (3), Мицубиси (3), Нихон Сэйтэцу (1), Сумитомо (1), Ниссан (2), Асано (2), Фурукава (1), Окура (1)	1936	тыс. т	41,803	22,053	52,4
Производство рафинированной меди	Ниссан, Мицубиси, Фурукава, Сумитомо, Асано, Фудзивара, Мори (во всех по одной компании)	1936	" "	78	77,1	98,8
Добыча золота	Ниссан (1), Мицубиси (1), Мицуи (2), Сумитомо (3), Фудзита (1), Фурукава (1), Мори (1)	1936	кг	22,235	19,278	86,3
Производство сульфата аммония	Ниттицу (3), Мори (1), Мицуи (1), Ниссан (1), Сумитомо (1)	1936	тыс. т	1,278	1,035	80,8
Производство цемента	Асано (5), Мицубиси (4), Мицуи (5)	1936	" "	5,168	3,611	69,8
Судостроение	Мицубиси (4 верфи), 15-й банк (2), Мицуи (1), Ниссан (1), Ямасэя (1), Формозский банк (1), Сибудзава (1)	1936	число судов в единицах;	240	80	33,3
			тоннаж в тыс. т	307	265	86,3
Производство европейской бумаги	Мицуи, Мицубиси, Ясуда (во всех по одной компании)	1936	стоимость в млн. иен	1,826	1,615	88,4

Таблица 10 (окончание)

Отрасли	Концерны **	Год	Единица измерения	Вся Япония	В том числе компаний концернов	Доля концернов в общем производстве, %
Текстильная промышленность	Сумитомо (1), Мицуи (4), Мицубиси (1), Номура (2), Мицува (1)***	1937	число ткацких станков в единицах; число веретен в тыс.	98,120 12,018	47,911 5,156	48,6 43,0
Мукомольная промышленность	Мицубиси (5), Мицуи (2)	1937	производственная мощность в тыс. баррелей	69,300	52,300	75,5
Судоходство	Мицубиси (3), Сумитомо (5), Мицуи (2), Асано (3), Ямасыта (2), Исихара (2)	1937	тоннаж судов (водоизмещен. свыше 1 тыс. т) в тыс. т	4,157	2,123	51,0

* „Хрестоматия“, т. I, стр. 219—255; „Тойо кайдзай нэнкан“. 1939.

** В скобках приводится число компаний.

*** Объединение текстильных промышленников Осака.

Разумеется, данные о проценте капиталов концернов в общей сумме капиталов отдельных отраслей сами по себе не могут достаточно полно характеризовать степень монополизации и нуждаются в дополнении данными об удельном весе концернов в производстве (см. табл. 10).

В тех отраслях промышленности, которые начали создаваться или получили быстрое развитие в годы войны (т. е. после 1931 г.), — в самолетостроении, автомобилестроении, в производстве алюминия и металлического магния — концернам принадлежали все крупные предприятия.

Приведенные выше данные об удельном весе концернов в акционерном капитале и производстве в отдельных отраслях, несомненно, свидетельствуют о высоком уровне монополизации промышленности концернами, достигнутом ими еще до начала войны в Китае. Следует иметь в виду, что эти данные учитывают лишь те компании, которые входят в

состав концернов или так или иначе формально с концернами связаны. Но они не учитывают производство тех компаний, которые, будучи формально независимыми, находятся в фактической финансовой или иной зависимости от концернов и последними контролируются.

Владея крупной долей производства и капиталов во всех отраслях народного хозяйства (кроме земледелия), четыре главных (Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда) и десять второстепенных концернов контролировали всю экономику страны. Однако контроль в той или иной отрасли еще далеко не означает владения всеми ее предприятиями. Из вышеприведенных данных явствует, что даже в тяжелой промышленности свыше половины капиталов принадлежало компаниям, не входившим в концерны. В ряде других отраслей народного хозяйства — в торговле, в кредитных институтах, в пищевой промышленности — внеконцерновым компаниям принадлежало свыше двух третей всех капиталов. Для дзайбацу, таким образом, оставалось обширное поле не только для взаимной конкурентной борьбы, но и для борьбы за подчинение аутсайдеров.

Перестройка народного хозяйства на военный лад открыла перед монополиями новые возможности для усиления контроля над предприятиями, не входившими в концерны, для поглощения или полного их подчинения.

Ареной борьбы дзайбацу за подчинение средних и мелких аутсайдеров и взаимной борьбы между магнатами финансового капитала стали по преимуществу картельные объединения, исследованию которых посвящены главы I и II. Участниками этой борьбы были *концерны, которые в Японии являются основной формой монополий.*

При ознакомлении с долей компаний концернов в отдельных отраслях народного хозяйства бросается в глаза множественность концернов и их компаний во всех отраслях. В каменноугольной промышленности подвизаются 14 крупных компаний восьми концернов, в производстве рафинированной меди — семь компаний семи концернов и т. д. (см. табл. 10). До 1931 г. ни в одной отрасли японской промышленности не было объединений, подобных германскому химическому тресту «И. Г. Фарбениндустри», сосредоточившему в своих руках 80% всего производства синтетического азота в стране и около 100% производства синтетического бензина. Весь капитал этого треста, составлявший в 1935 г. 1 млрд. марок, был вложен в химическую промышленность. Не было в Японии до второй мировой войны монопольных объединений, подобных английскому тресту «Империял кэмикал», монополизовавшему почти всю химическую промышленность Англии, или концерну,

возглавляемому семьей Дюпон, владеющий львиной долей всей химической промышленности США.

Как и во всех других странах, в Японии основой развития капиталистических монополий явилась концентрация производства. Что же касается *структуры* монополий, их раннего превращения в концерны, владеющие многими компаниями в разных отраслях народного хозяйства, то эта структура сложилась под влиянием особенностей исторического развития японского империализма. С развитием капиталистической промышленности и ее концентраций буржуазные реформы и активная финансовая поддержка помещичье-буржуазного правительства позволили небольшому числу крупных торгово-банкирско-промышленных фирм, существовавших в Японии еще до революции Мэйдзи или образовавшихся в первые годы после нее, извлекать огромные прибыли и занять монопольное положение и в сфере кредита, и в сфере обращения, и в сфере производства. Последующее развитие японского империализма, его оплетенность густой сетью добуржуазных отношений, его военно-феодальный характер содействовали развитию тех черт японских монополий, которые наметились в годы их возникновения. Уцелевшие в ходе конкурентной борьбы к началу XX в. монополистические объединения, пользуясь неизменной правительственной поддержкой, получали все более широкие возможности извлекать прибыли в самых разнообразных отраслях народного хозяйства. Их большому развитию содействовали успешные войны и колониальная экспансия японского империализма. В ходе первой мировой войны, принесшей колоссальные прибыли японскому финансовому капиталу, окончательно определилась вертикальная структура японских монополий. Монополии окончательно приняли форму концернов, в которые были объединены компании, связанные между собой прежде всего зависимостью от патронирующих компаний и лишь в гораздо меньшей степени — интересами комбинирования.

Слабость горизонтальной трестификации, преобладание вертикальной трестификации, раздробленность капиталов каждого концерна среди многих отраслей хозяйства — такова главная особенность структуры концернов. В японских концернах соединены различные компании, не имеющие между собой ничего общего, кроме того, что в них вложены капиталы одного владельца или одной группы владельцев и что они этими владельцами контролируются. Японские концерны (прежде всего — наиболее мощные из них) — это не тресты и не комбинаты, это объединяемые принадлежностью одному или нескольким (обычно связанным меж собой фамильными

Доля различных отраслей народ
(данные на 1-ю

	Мицун		Мицубиси		Сумитомо		Ясуда	
	млн. иен	%	млн. иен	%	млн. иен	%	млн. иен	%
Кредитно-финансовые институты	70,5	6,0	143,1	16,9	70,5	15,8	140,5	53,3
Тяжелая промышленность	269,0	22,8	230,1	27,3	137,1	35,7	3,2	1,2
В том числе								
Горнодобывающая	179,9	15,3	115,7	13,7	33,9	8,8	—	—
Металлургия . .	15,0	1,3	5,0	0,6	87,2	22,7	—	—
Машиностроение	74,0	6,3	34,3	4,1	15,9	4,2	3,2	1,2
Судостроение . .	—	—	75,0	8,9	—	—	—	—
Химия	81,6	6,9	64,5	7,6	41,5	10,8	2,6	1,0
Резиновая промышленность	7,5	0,6	1,9	0,2	—	—	—	—
Бумажная промышленность	198,7	16,9	8,0	0,9	—	—	9,0	3,4
Текстиль	155,1	13,2	41,0	4,8	—	—	15,3	5,8
Гончарная промышленность	38,2	3,2	17,7	2,1	—	—	—	—
Газ и электричество	65,1	5,5	54,8	6,5	18,7	4,9	52,0	19,7
Пищевая промышленность и морской промысел	62,2	5,3	125,8	14,8	—	—	—	—
Ж.-д. транспорт . .	18,7	1,6	5,1	0,6	—	—	12,6	4,8
Морской транспорт .	3,9	0,3	97,6	11,5	62,5	16,3	—	—
Торговля	179,7	15,3	38,5	4,5	15,0	3,9	11,3	4,3
Земельные участки и строения	4,5	0,4	7,0	0,8	43,0	11,2	17,2	6,5
Прочие	22,5	1,9	13,0	1,5	5,4	1,4	—	—
Всего .	1 177,2	100,0	848,2	100,0	393,7	100,0	263,7	100,0

* „Хрестоматия“, т. I, стр. 166—167.

** Данные по всей Японской империи, включая Южный Сахалин, Корею, Формозу, Кван-

шого хозяйства в капиталах концернов*

шоловину 1937 г.)

Асано		Окура		Фурукава		Кавасаки		Итого по 8 концернам		Итого по всем предприятиям Японии**	
млн. иен	%	млн. иен	%	млн. иен	%	млн. иен	%	млн. иен	%	млн. иен	%
—	—	0,5	0,4	1,2	1,2	69,1	69,7	485,5	15,0	2 061,0	12,3
55,6	23,6	44,2	33,1	89,2	87,5	—	—	828,5	25,8	3 080,0	18,4
15,6	6,6	17,3	13,0	41,2	40,4	—	—	404,7	12,4	1 267,0	7,6
8,8	3,7	7,0	5,2	25,8	25,3	—	—	148,8	4,6	930,0	5,6
6,2	2,6	19,9	14,9	22,2	21,8	—	—	176,0	5,4	673,3	4,0
25,0	10,6	—	—	—	—	—	—	100,0	3,1	210,7	1,3
1,5	0,6	20,0	15,0	4,5	4,4	—	—	216,3	6,7	1 009,0	6,0
—	—	—	—	3,8	3,7	—	—	13,2	0,4		
1,0	0,4	6,5	4,9	—	—	—	—	223,2	6,9	313,6	2,0
—	—	13,2	9,9	1,4	1,4	—	—	226,0	7,0	999,3	6,0
79,0	33,4	—	—	—	—	—	—	134,8	4,2	236,8	1,4
42,7	18,1	0,2	0,1	—	—	—	—	233,7	7,2	2 265,6	13,5
—	—	—	—	0,2	0,2	—	—	188,2	5,8	817,5	4,9
22,8	9,6	—	—	—	—	24,4	24,6	83,6	2,6	1 344,3	8,0
6,8	2,9	—	—	—	—	—	—	170,8	5,3	426,2	2,5
3,1	1,3	8,3	6,2	—	—	4,0	4,0	260,0	8,0	2 241,6	13,4
18,5	7,9	3,5	2,6	—	—	1,0	1,0	94,8	2,6	1 931,4	11,6
5,1	2,2	37,1	27,8	1,6	1,6	0,7	0,7	85,4	2,5		
236,1	100,0	133,5	100,0	101,9	100,0	99,2	100,0	3 244,0	100,0	16 726,3	100,0

гунскую область, полосу отчуждения ЮМЖД, мандатные острова Тихого океана.

узами) владельцам самые разнообразные предприятия, начиная от ресторанов и публичных домов и кончая самолетостроительными заводами. В рекламе крупнейшего в Японии концерна Мицуи мы читаем следующее: «Вы можете приехать в Японию на пароходе, принадлежащем Мицуи и отапливаемом углем из копей Мицуи, высадиться в порту, оборудованном Мицуи, доехать в принадлежащем Мицуи трамвае до гостиницы, построенной все тем же Мицуи, и, лежа в кровати, купленной у Мицуи, читать изданную Мицуи книгу при свете лампочки, изготовленной на заводе Мицуи. А утром, напившись чаю со склада Мицуи с сахаром, с его плантаций, отправиться в универсальный магазин Мицуи и приобрести там все, начиная от домашней обстановки до драгоценностей».

Что приведенные слова не являются парадоксом или фантазией их авторов, а отражают действительное положение вещей, можно убедиться из табл. 11.

Данные таблицы наглядно иллюстрируют распыленность капиталов концернов среди множества компаний, не связанных между собой во многих случаях в производственном отношении. Эти же данные показывают громадную мощь отдельных концернов, в первую очередь концернов Мицуи и Мицубиси, на долю которых в 1937 г. приходилось свыше 60% всех капиталов восьми крупнейших концернов.

Установив свое монопольное господство над экономикой Японии и ее колоний, японские дзайбацу перешли к широкому захвату источников дешевого сырья, рынков сбыта товаров и прибыльного приложения капиталов в других странах Азии, Тихого и Индийского океанов. Столкновение интересов японского монополистического капитала с интересами монополистического капитала США, Англии и других империалистических стран лежало в основе резкого обострения империалистических противоречий на Тихом океане, что явилось одной из главных причин второй мировой войны.

Готовясь к захватнической войне (и уже после ее начала), японский империализм стремился опередить своих более сильных экономически противников по степени мобилизации наличных экономических ресурсов. В своем историческом докладе о 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, характеризуя подготовку к войне Германии и Японии, товарищ Сталин сказал: «...Заинтересованные в новой войне агрессивные нации, как нации, готовящиеся к войне в течение длительного срока и накапливающие для этого силы, бывают обычно — и должны быть — более подготовлены к войне, чем нации миролюбивые, не заинтересованные в новой войне. Это естественно и понятно. Это, если

хотите,— историческая закономерность, которую было бы опасно не учитывать»¹.

Интенсивная подготовка японского империализма ко второй мировой войне выражалась, в частности, в том, что Япония задолго до начала решающего этапа войны приступила к перестройке своей экономики на военный лад. Поскольку экономическая мощь японского империализма опиралась на промышленные, транспортные и другие предприятия и ресурсы, находившиеся в руках или под контролем дзайбацу, форсированная военная мобилизация японской экономики была равнозначна дальнейшему усилению мощи дзайбацу.

Военная мобилизация японской экономики происходила на основе развития *военного государственно-монополистического капитализма* в своеобразных, охарактеризованных выше условиях господства концернов дзайбацу.

В данной работе мы не ставим перед собой задачу произвести всесторонний анализ японского военного хозяйства. Вопросы об экономических ресурсах Японии, о развитии отдельных отраслей ее народного хозяйства в различные периоды рассматриваются здесь лишь в той степени, в какой это необходимо для решения тех задач, которые определены темой книги. Наша задача заключается в том, чтобы выяснить роль дзайбацу в качестве вдохновителей и организаторов японской империалистической агрессии, исследовать основные черты и итоги развития военного государственно-монополистического капитализма в Японии, вскрыть реакционную империалистическую сущность политики США по отношению к послевоенной Японии и показать рост и укрепление демократических сил японского народа, ведущих вместе со всем прогрессивным человечеством борьбу за ликвидацию власти дзайбацу и японских помещиков, за демократизацию Японии, за ее независимость, за прочный и длительный мир на Дальнем Востоке.

Наше исследование мы начинаем с характеристики основных черт военного государственно-монополистического капитализма в Японии.

¹ И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 1946, стр. 147.

ГЛАВА I

ВОЕННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ В ЯПОНИИ

(ТАК НАЗЫВАЕМАЯ «НОВАЯ СТРУКТУРА»)

Общая характеристика государственно-монополистического капитализма. Монополистические картели в Японии

Определяя экономическую роль буржуазного государства, товарищ Сталин указывал, что «хозяйство... в собственном смысле мало касается капиталистического государства, оно не в его руках. Наоборот, государство находится в руках капиталистического хозяйства»¹.

Эта классическая формула вскрывает существо отношений капиталистического государства и капиталистических монополий. Процесс развития государственно-монополистического капитализма есть не что иное, как процесс все более полного подчинения капиталистического государства и его аппарата монополиям. В этом — сущность государственно-монополистического капитализма.

Государственно-монополистический капитализм возникает и развивается на базе господства капиталистических монополий. Он непосредственно связан с империалистической стадией развития капитализма. Всесилие монополий и финансовой олигархии находит свое законченное выражение в развитии государственно-монополистического капитализма.

Своего наибольшего развития государственно-монополистический капитализм достигает в период общего кризиса капитализма.

Переломным моментом в развитии государственно-монополистических тенденций во всех империалистических странах явилась первая мировая война.

В предисловии к первому изданию работы «Государство и революция» Ленин писал: «Империалистская война чрезвычайно ускорила и обострила процесс превращения монополи-

¹ «Вопросы ленинизма», изд. 10-е, стр. 602.

стического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Чудовищное угнетение трудящихся масс государством, которое теснее и теснее сливается с всесильными союзами капиталистов, становится все чудовищнее. Передовые страны превращаются — мы говорим о „тыле“ их — в военно-каторжные тюрьмы для рабочих»¹.

Во всех империалистических странах первая мировая война привела к усилению концентрации производства и централизации капитала, к росту могущества капиталистических монополий.

Развитие государственно-монополистического капитализма в период общего кризиса ускоряется вследствие громадного обострения всех противоречий капитализма в этот период. Обострение классовой борьбы приводит к тому, что монополистический капитал, сражаясь с государственным аппаратом, усиливает наступление на элементарные права трудящихся классов и устанавливает режим террора и бесправия. Фашизм, являющийся методом «диктатуры наиболее реакционных наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов капитализма»,² — прямое порождение эпохи общего кризиса капитализма. Фашистская диктатура, к которой до и во время второй мировой войны прибегли господствующие классы стран оси — Германии, Японии и Италии, была в руках монополистической буржуазии политическим инструментом, использованным для ускорения развития государственно-монополистического капитализма.

Период общего кризиса капитализма — это период углубления всех внутренних и внешних противоречий капитализма, резкого обострения борьбы империалистов за рынки сбыта товаров, источники сырья, сферы приложения капиталов. В этой борьбе монополисты отнюдь не ограничиваются применением экономических средств, но широко прибегают также и к средствам внеэкономическим. Особенно важное значение внеэкономические средства имеют на международной арене, где идет непрерывная борьба за передел рынков сбыта и сферы влияния и, что является особенно важным, за передел мира, так как только территориальное господство может служить гарантией успеха в борьбе против иностранных конкурентов.

В период общего кризиса капитализма капиталистическое государство в гораздо большей степени, чем во все прежние эпохи, выступает как инструмент капиталистических

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 355.

² «История ВКП(б). Краткий курс», 1938, стр. 288.

монополий в подготовке и ведении войны с целью захвата новых колоний и расширения сфер влияния.

Анализируя причины второй мировой войны, товарищ Сталин указывал: «...Война возникла, как неизбежный результат развития мировых экономических и политических сил на базе современного монополистического капитализма. Марксисты не раз заявляли, что капиталистическая система мирового хозяйства таит в себе элементы общего кризиса и военных столкновений, что ввиду этого развитие мирового капитализма в наше время происходит не в виде плавного и равномерного продвижения вперед, а через кризисы и военные катастрофы. Дело в том, что неравномерность развития капиталистических стран обычно приводит с течением времени к резкому нарушению равновесия внутри мировой системы капитализма, причем та группа капиталистических стран, которая считает себя менее обеспеченной сырьем и рынками сбыта, обычно делает попытки изменить положение и переделить „сферы влияния“ в свою пользу — путем применения вооруженной силы. В результате этого возникают раскол капиталистического мира на два враждебных лагеря и война между ними»¹.

Современная война немыслима без применения капиталистическим государством специальных мер для мобилизации экономических ресурсов государства.

В условиях империализма эта мобилизация проводится путем всеобъемлющего не только фактического, но и организационного подчинения монополистическому капиталу всего государственного аппарата, как экономических, так и политических органов — центральных и местных.

Государственно-монополистический капитализм внешне проявляется в виде «государственного вмешательства» в экономику, ее «регулирования», усиления «контроля» над ней. Еще во время первой мировой войны социал-реформистские лакеи империализма пытались, извращая эту внешнюю сторону государственно-монополистического капитализма, представить ее в виде «военного социализма» или «государственного социализма». Разоблачая апологетов государственно-монополистического капитализма, Ленин писал: «А что такое государство? Это организация господствующего класса,— напр., в Германии юнкеров и капиталистов. Поэтому то, что немецкие Плехановы (Шейдеман, Ленч и др.) называют „военным социализмом“, на деле есть военно-государственный монополистический капитализм или, говоря

¹ И. В. Сталин. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г.

проще и яснее, военная каторга для рабочих, военная охрана прибылей капиталистов»¹. В другом месте Ленин указывал на то, что «...самой распространенной ошибкой является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический, или государственно-монополистический капитализм *уже не* есть капитализм, уже может быть назван „государственным социализмом“ и тому подобное»².

И в последующее время наемники монополистического капитала пытались представить государственно-монополистический капитализм в виде «государственного социализма». Известно, например, что немецкие фашисты называли себя «национал-социалистами», прикрывая этим термином установленный ими режим террористической диктатуры германской финансовой олигархии. Разоблачая легенды о «государственном социализме», товарищ Сталин в 1936 г. говорил: «Под этим термином многие понимают такой порядок, при котором известная часть богатств, иногда довольно значительная, переходит в руки государства или под его контроль, между тем как в огромном большинстве случаев собственность на заводы, фабрики, землю остается в руках частных лиц. Так многие понимают „государственный социализм“. Иногда за этим термином скрывается порядок, при котором капиталистическое государство, в интересах подготовки или ведения войны, берет на свое содержание некоторое количество частных предприятий»³.

Опыт второй мировой войны вновь подтвердил глубокую правоту приведенных выше оценок государственно-монополистического капитализма как режима реакционной диктатуры монополистического капитала.

Во всех империалистических странах основой их военного хозяйства были монополистические компании, принадлежащие отдельным финансовым магнатам или ими контролируемые. Компании и предприятия, принадлежащие разным владельцам (трестам, ксмбинам и т. п.), но действующие в одной отрасли народного хозяйства, как правило, объединены в картели. В руках владельцев нескольких крупнейших в данной отрасли компаний картели являются средством для подавления аутсайдеров и для подчинения компаний средних и мелких предпринимателей, которых также заставляют входить в картели.

Анализируя назначение картелей как органов господства монополистов, Ленин писал: «Поучительно взглянуть просто

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 331—332.

² Там же, стр. 414.

³ И. В. Сталин, Беседа с Рой Говардом, 1936.

хотя бы на перечень тех средств современной, новейшей, цивилизованной, борьбы за „организацию“, к которым прибегают союзы монополистов: 1) лишение сырых материалов („...один из важнейших приемов для принуждения к вступлению в картель“); 2) лишение рабочих рук...; 3) лишение подвоза; 4) лишение сбыта; 5) договор с покупателем о ведении торговых сношений исключительно с картелями; 6) планомерное сбивание цен...; 7) лишение кредита; 8) объявление бойкота.

Перед нами уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами — удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу¹.

В мирное время картели делали как раз то, что нужно было в неизмеримо больших масштабах и более радикально делать в годы войны, в условиях военного хозяйства, основанного на господстве монополистических объединений.

Как и в других империалистических странах, в Японии картели были превращены в основные органы по военному «регулированию» хозяйства, осуществлявшемуся концернами дзайбацу.

Картельные объединения в Японии начали создаваться в первые же десятилетия после революции Мэйдзи — почти одновременно с началом быстрого капиталистического развития Японии. Однако их роль на разных этапах развития японского капитализма была различной.

Вплоть до первой мировой войны картели существовали по преимуществу в важнейших экспортных отраслях промышленности и их организация была связана главным образом с борьбой против иностранной конкуренции или за внешние рынки, хотя некоторые из них заключали также соглашения о ценах на внутренних рынках. Первый картель «Сэйсидзё рэнгокай» был создан в бумажной промышленности в 1880 г. Через два года был создан картель предприятий хлопчатобумажной промышленности «Босэки рэнгокай», переименованный впоследствии в «Дайнихон босэки рэнгокай»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 194.

² В этот период по указам правительства создаются «догё кумияй» — союзы предпринимателей в отдельных отраслях, объединявшие в принудительном порядке ремесленников и торговцев в данной отрасли. Главная функция этих объединений заключалась в бракераже экспортных товаров и разных других мерах, преследовавших увеличение экспорта. Эти союзы еще не были картелями в буквальном смысле слова, так как объединяли по преимуществу ремесло и домашнюю промышленность. Позднее, однако, эти союзы попали в зависимость от концернов. В годы второй мировой войны подобные союзы были включены в систему военно-монополистического контроля.

Более или менее прочных объединений, которые после многих перипетий и реорганизаций дожили до второй мировой войны, насчитывалось не более двух десятков. В это число входят упомянутый выше «Дайнихон босэки рэнгокай», объединивший подавляющее большинство хлопчатопрядильных компаний, «Нихон сэйси рэнгокай» — в бумажной промышленности, «Дайнихон оримоно тйокай» — картель ткацких предприятий и еще несколько объединений в текстильной и пищевой промышленности. В тяжелой промышленности существовало лишь несколько небольших местных объединений угольных промышленников и более или менее постоянных организаций для взаимной коммерческой и технической консультации. Некоторые из подобных организаций, например, созданный в 1916 г. Японский промышленный клуб («Нихон когйо курабу»), несмотря на свое скромное название, в действительности были постоянными местами совещаний представителей монополий, местами, где заключались сделки против конкурентов, определялись монопольные цены и т. п. Причастность правительственных органов к деятельности картелей в этот период ограничивается лишь изданием законов, санкционирующих их создание¹ и требующих их регистрации.

В годы послевоенного экономического кризиса и в последующие годы (до оккупации Маньчжурии) начинается картелирование в большинстве отраслей тяжелой и легкой промышленности. За эти годы появилось не менее 30 всеяпонских и порайонных объединений, которые во время войны служили опорой для органов по военно-экономическому регулированию. Наряду с картелями образуются также и синдикаты. Наиболее важные объединения этого периода: «Сэн-тэцу кйохан» (чугунный синдикат), созданный в 1927 г. пятью крупными металлургическими компаниями во главе с «Мицубиси сэйтэцу» для борьбы против импорта чугуна из-за границы. Еще раньше, в 1920 г., в связи со стремительным падением добычи угля после окончания войны, был создан крупнейший в Японии картель угольной промышленности — «Сэkitан когйо рэнгокай». Картель устанавливал для своих членов квоты и минимальные цены. В годы войны на Тихом океане на его основе организовалась «контрольная ассоциация по каменному углю» — основной орган регулирования в этой отрасли промышленности. В 1920 г. образуется «Суйокай» — картель, объединивший все крупные компании по добыче меди. До 1929 г. картель устанавливал

¹ В первые годы после революции Мэйдзи всякие промышленные и торговые объединения были запрещены.

минимальные, обязательные для всех участников цены на медь; с 1929 г., в связи с кризисом, картель перешел к квотированию производства. В 1922 г. создается крупный картель в цементной промышленности — «Сэмэнто рэнгокай». Наряду с указанными и некоторыми другими картелями, в тяжелой промышленности появляется много новых картелей и экспортных союзов также и в легкой, главным образом текстильной промышленности.

В отличие от картелей, организованных до первой мировой войны и ставивших перед собой по преимуществу задачи борьбы против иностранной конкуренции, эти новые картели, образовавшиеся на основе сильно расширившихся в годы войны промышленных компаний дзайбацу, являлись органами экономической агрессии, осуществлявшейся путем проталкивания товаров на внешние рынки, квотирования производства и установления монопольных цен (квотирование производства в предыдущий период имело место лишь в небольших масштабах и носило быстро преходящий характер).

Создаются первые синдикаты. Но и в этот период картели охватывают еще не все отрасли, и отсутствует законодательное побуждение к вступлению в картели и к их организации¹.

Первый серьезный шаг в приспособлении картелей для нужд подготавливавшейся войны был сделан в разгар экономического кризиса в апреле 1931 г. с изданием «закона о контроле над основными отраслями промышленности». Закон предусматривал, что инициатива в создании картелей в отраслях, признанных правительством важными с точки зрения государственных интересов, как правило, должна принадлежать самим промышленникам и лишь в особых случаях — министрам. Если в картель входит свыше половины пред-

¹ Впрочем, вмешательство государства в промышленность в этот период усилилось по линии союзов средних и мелких промышленников и торговцев. В 1924 г. издаются два закона — закон о промышленных союзах в производстве важнейших экспортных изделий и закон об экспортных союзах. Первый закон требует от союзов — производителей важнейших предметов экспорта — контроля над качеством изделий, соблюдения стандартов, квотирования производства. Второй закон концентрирует внимание на самом экспорте, т. е. требует от союзов разделения между собой рынков, их расширения, поддержания на определенном уровне экспортных цен и предусматривает кредитование экспортеров.

С началом в 1929 г. мирового экономического кризиса правительство прежде всего усиливает контроль в средней и мелкой промышленности через указанные союзы. В изданных за эти годы законах были статьи, предоставляющие министрам право «в случае необходимости» принуждать мелких предпринимателей к вступлению в союзы или к соблюдению установленных для членов союзов правил.

принимателей данной отрасли и если две трети из этой половины требуют присоединения остальных аутсайдеров, то министр может отдать распоряжение об обязательном присоединении к картелю. Иными словами, меньшинство, составляющее треть от общего числа предпринимателей данной отрасли, получило возможность подчинить картельному контролю остальные две трети¹.

Закон этот явился в руках концернов сильнейшим оружием принудительного картелирования.

В середине 1935 г. в легкой промышленности на основе «закона о контроле над основными отраслями промышленности» было образовано 13 картелей, объединивших 143 крупные компании; вне картелей оставалось только 20 крупных компаний. В тяжелой и химической промышленности к этому времени на основе указанных законов было образовано 22 картеля, объединивших 214 компаний; 105 компаний оставались аутсайдерами².

Таким образом, за четыре года после оккупации Маньчжурии картелирование сделало большие успехи, чем за весь предыдущий период. Между тем если в годы мирового экономического кризиса стремление к объединению в картели было велико среди всех групп крупной буржуазии, то с окончанием кризиса и развитием военно-инфляционной конъюнктуры владельцы многих крупных компаний были непрочь освободиться от «опеки» картелей. Накануне истечения срока вышеуказанного закона в 1936 г. Японская экономическая федерация запросила многие картели по вопросу о продлении закона или его изменении. Голоса разделились. Одна часть, куда входили столь мощные объединения, как «Дайнихон босэки» (хлопчатопрядильная), «Сэkitан когйо» (каменный уголь), «Дзинкэн рэнгокай» (искусственный шелк) и др., высказалась за невозобновление закона, за «полную автономию в управлении промышленностью». Другая часть, куда также входили весьма влиятельные объединения (картель цементной промышленности, картель тянутой меди, некоторые химические картели), требовала сохранения закона.

Японская экономическая федерация и Токийская торгово-промышленная палата, самые влиятельные совещательные организации финансового капитала, высказались за сохранение закона и распространение его действия и на колонии. В 1936 г. закон был пересмотрен в сторону увеличения прав министров по принудительному картелированию и

¹ Мукои Рокусо. Основные принципы планирования экономики (на яп. языке). Токио, 1933.

² Аридзава. Регулирование японской промышленности (на яп. языке). Токио, 1937.

предоставления министерству торговли и промышленности дополнительных прав на вмешательство в дела картелей.

К концу 1937 г. на основании вышеуказанного закона в промышленности уже было создано 1172 картеля — «промышленных ассоциаций», объединивших предприятия с продукцией на сумму около 3 млрд. иен в год — более четверти годовой продукции японской промышленности¹.

Начавшаяся в 1937 г. война с Китаем поставила вопрос о создании аппарата военно-экономического регулирования. Наиболее удобным и подходящим с точки зрения интересов правящего лагеря аппаратом «регулирования» были картели.

В связи с необходимостью расширения военного производства перед картелями встали следующие задачи: 1) ввиду недостатка сырья и рабочей силы необходимо было сократить производство в невоенной промышленности; картели в невоенной промышленности, следовательно, должны были быть использованы как органы для сокращения производства и распределения дефицитного сырья и рабочей силы; 2) картели в военных отраслях должны были быть превращены в органы, через которые правительство могло бы проводить различные меры, направленные к расширению производства; 3) картели и всякого рода промышленные и торговые союзы, занятые во внешней торговле, должны были быть превращены в органы, содействующие использованию импортного сырья для расширения экспорта; 4) картели и торговые союзы должны стать органами, которые проводят по указанию правительства определенную политику цен и нормированной торговли продовольствием и предметами широкого потребления.

Все указанные выше задачи картелей должны были выполняться на основе принципа *приоритета* («дзютонсюги») наиболее мощных предприятий и компаний. Этот открыто провозглашенный, всячески пропагандировавшийся и энергично проводившийся в жизнь принцип был выражением того факта, что все военное регулирование производилось в интересах и в угоду крупнейшим капиталистическим монополиям, в ущерб средним и мелким промышленникам и торговцам.

Длительный и сопровождавшийся острой политической борьбой процесс создания аппарата военно-экономического «регулирования» сводился, главным образом, к тому, что картелям и другим монополистическим объединениям, в которых хозяевами неизменно оставались дзайбацу, были предоставлены права и полномочия государственных органов.

¹ Т. А. Bisson. Japan's War Economy. N. Y., 1945, стр. 31.

Основные черты государственной экономической политики в годы подготовки и ведения войны. Финансирование военного хозяйства

Нивелировка уровней экономического развития капиталистических стран, исключительная острота империалистических противоречий, гигантский рост военной техники — все это привело в эпоху общего кризиса капитализма к существенным изменениям в методах, применяемых капиталистическим государством для мобилизации хозяйства на нужды войны, по сравнению с методами эпохи промышленного капитализма.

В войнах XIX и начала XX в. государство удовлетворяло материальные потребности вооруженных сил почти исключительно путем предъявления спроса на оружие и боеприпасы за счет средств, получавшихся главным образом с помощью дополнительных налогов и выпуска бумажных денег сверх нормальных потребностей товарооборота¹.

Другие средства — регулирование потребления сырья и продовольствия, капиталовложений, внешней торговли, система лицензий для предприятий, регулирование на рынке рабочей силы и т. д. — являются порождением эпохи общего кризиса капитализма.

Однако анализ государственно-монополистического капитализма убеждает в том, что основной принцип военного хозяйства в капиталистических странах в современную эпоху — тот же, какой действовал на протяжении всей истории капитализма. Такие новые методы военной мобилизации народного хозяйства, как лишение предприятий сырья и рабочей силы, конфискация оборудования и запасов или их ликвидация без компенсации владельцев, принудительное присоединение к другим предприятиям, применяются только в отношении мелких или средних предпринимателей. Что же касается монополий, на долю которых приходилась большая часть предприятий военной промышленности, то даже в самые острые периоды войны главный и решающий принцип регулирования заключался в обеспечении их владельцам и акционерам «нормальной» прибыли, которая, как правило, была выше прибыли довоенных лет.

Переводя народное хозяйство на военные рельсы, давая развитию промышленности одностороннее военное направление, государство стремилось стимулировать перелив капиталов из

¹ Немалое значение в удовлетворении потребностей войны всегда имели грабежи и реквизиции на оккупированных территориях, что нашло свое выражение в известной формуле: «война сама себя кормит». Об ограблении Японией оккупированных территорий в годы второй мировой войны см. главу VI.

невоенной промышленности в военную. В отношении мелких и отчасти средних предпринимателей главным «стимулом» был полицейский кулак — их принуждали передавать свои предприятия военным компаниям или переходить под полный контроль концернов. Еще более решительно подобного рода «стимул» применялся в отношении крестьян, у которых часть продукции отбиралась государством по низким официальным ценам. В отношении же монополий стимулом служили высокие цены, обеспечивающие поставщикам высокие прибыли и сверхприбыли.

Мобилизация хозяйства для нужд войны обеспечивалась прежде всего тем, что государство выступало перед монополиями как предъявитель вполне платежеспособного, обеспечивавшего высокий уровень прибылей, спроса на военные товары. Поэтому во второй мировой войне, как и во всех прежних войнах, во всех капиталистических странах, в том числе и в Японии, вмешательство государства в сферу производства происходило главным образом косвенным путем, через сферу кредита и через государственные финансы — с помощью определенной финансовой политики — и через сферу обращения — с помощью определенной картельной политики.

Главным рычагом военного регулирования экономики в Японии, как и во всех капиталистических странах, в годы второй мировой войны был государственный бюджет. Через посредство своего финансового, полицейского и идеологического аппарата государство аккумулировало и превращало в капитал для нужд войны не только часть национального дохода, но и часть национального богатства.

О народном доходе Японии в годы войны дают некоторое представление данные табл. 12.

В приведенной таблице нас прежде всего интересует *распределение* национального дохода. При громадном росте военных расходов, при большей или меньшей стабильности новых инвестиций (львиная доля которых шла в военные отрасли), резко уменьшились *потребительские расходы*. По данным других официальных источников¹, потребление понизилось еще более значительно. В ценах 1936 г. оно составляло (в млрд. иен): в 1940 г. — 15,6, в 1941 г. — 14,8, в 1942 г. — 12,4, в 1943 г. — 7,7 и в 1944 г. — 6,9.

При общем громадном понижении размеров потребления буржуазия, помещики, сановники и их многочисленная челядь потребляли в годы войны отнюдь не меньше, чем в мирное

¹ «Economic Survey of Asia and Far East», 1947 (изд. Экономической комиссии ООН для Азии и Дальнего Востока).

Распределение валового национального дохода
(1940—1944 гг. в млрд. иен 1940 г.) *

Статья	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Общий размер валового национального дохода	39,8	40,3	40,6	45,1	49,3
Правительственные расходы	8,0	10,1	13,2	18,0	24,1
В том числе военные	4,7	6,6	9,9	14,5	20,2
на вооружение	2,7	3,5	4,9	8,6	12,2
Частные инвестиции	5,1	4,8	3,6	5,3	6,4
В том числе капитальное строительство предприятий и их оборудование	4,5	4,3	3,4	5,1	5,3
В том числе: военные отрасли	—	2,8	2,5	4,5	4,9
невоенные отрасли	—	1,5	0,9	0,6	0,4
Потребительские расходы	26,7	26,0	23,8	22,4	18,8
В том числе: продукты питания	15,5	14,8	18,9	13,3	11,7
одежда и домашняя обстановка	3,5	3,5	2,9	2,7	1,4
другие	7,7	7,7	7,0	6,4	5,7
Военные расходы за границей **	1,0	2,2	2,5	3,4	7,1

* J. B. Cohen. Japan's Economy In War and Reconstruction. 1949, стр. 51.

** Эти расходы не входят ни в одну из предыдущих статей. Они покрывались за счет так называемых „займов из стран Южных морей“.

время, и, таким образом, доля народного дохода, остававшаяся для потребления трудящихся классов, уменьшалась еще быстрее, чем это явствует из вышеприведенных данных. Подавляющее большинство трудящихся и в мирное время потребляло меньше прожиточного минимума, поэтому сокращение потребительских расходов более чем в два раза было вряд ли возможно, так как это означало бы массовую голодную смерть трудящихся, что не соответствовало интересам господствующих классов, заинтересованных в сохранении и в воспроизводстве рабочей силы, и что в действительности, несмотря на отчаянное положение трудящихся, не имело места. Необходимый голодный минимум потребления мог, следовательно, быть удовлетворен только за счет народного богатства, точнее той его небольшой части, которая принадлежала трудящимся.

Практически это означало, что трудящиеся для того, чтобы прокормиться, были вынуждены отказаться от ремонта жилищ, от замены ветшавших одежды и обуви, что нашло свое частичное отражение в приводимых в таблице данных о резком падении расходов на одежду и домашнюю обстановку.

Покрытие военных расходов производилось за счет потребления трудящихся классов Японии, за счет оккупированных территорий и — после начала войны на Тихом океане — за счет ее народного богатства — в этом заключается наиболее характерная черта финансирования военного хозяйства Японии.

В годы войны имел место непрерывный рост дефицита государственного бюджета (табл. 13).

Таблица 13

Государственные финансы Японии
(1936—1946 гг., в млрд. иен) *

Финансовый год **	Все доходы	Все расходы	Дефицит	Отношения доходов к рас- ходам, %
1936/37	1,7	2,3	0,6	74
1937/38	2,3	5,5	3,2	41
1938/39	2,8	8,0	5,2	31
1939/40	3,5	8,9	5,4	39
1940/41	4,2	11,0	6,8	38
1941/42	5,8	19,2	13,4	31
1942/43	9,8	24,7	14,9	40
1943/44	13,4	32,1	18,7	41
1944/45	18,5	77,6	59,1	24
1945/46 ***	27,2	103,8	76,6	26

* J. B. Cohen Japan's Economy in War and Reconstruction. 1949, стр. 88.

** Финансовый год в Японии — 1 апреля — 31 марта.

*** Бюджет, действовавший до момента окончания войны.

Как и в других капиталистических странах, главными средствами, с помощью которых производилась мобилизация финансовых ресурсов для нужд войны, были государственные займы, связанная с их выпуском инфляционная эмиссия денег и налоги.

Согласно официальным данным, из 221,9 млрд. иен, израсходованных на войну с июля 1937 г. по июль 1945 г., 118,4 млрд. иен (53%) было покрыто с помощью внутрен-

них государственных займов; 58,6 млрд. иен (27%) — с помощью так называемых «займов из стран Южных морей», т. е. путем прямого ограбления оккупированных территорий; остальная часть (20% военных расходов) была покрыта главным образом путем взимания различных дополнительных налогов¹.

Таким образом, покрытие дефицита государственного бюджета производилось главным образом с помощью внутренних государственных займов.

Внутренний государственный долг Японии увеличился с 10,5 млрд. иен в 1937 г. до 113,4 млрд. иен на июль 1945 г. За восемь лет войны процент размещения выпущенных за этот период государственных займов составил 94,8. Столь успешная пролажа облигаций государственных займов в условиях войны могла быть осуществлена только при помощи специальных мер по их принудительному размещению.

Как были распределены облигации государственных займов, показывают следующие данные:

Распределение государственных займов
(на апрель 1944 г.)*

	млн. иен	% к общему итогу
Кредитно-финансовые учреждения .	17 641	22,7
Сберегательные банки	6 225	8,3
Доверительные и страховые компани и	3 924	5,1
Центральный с.-х. банк и другие с.-х. кредитные компании и об щества	3 731	4,8
Специальные банки	12 138	15,6
Правительственные учреждения (почтово-сберегательные кассы депозитного бюро министерства финансов, местные органы власти и пр.)	23 181	29,7
Частные лица	10 659	13,8
Всего	77 499	100,0

* „Асахи нэнкан“ („Ежегодник Асахи“), 1946.

Из этих данных следует, что около трети всех облигаций займов было размещено среди основных кредитно-финансовых учреждений дзайбацу — коммерческих банков, доверительных и страховых компаний. В сумме активов этих кредитных учреждений облигации займов составляли в 1944 г. около 25%. «Правительственные учреждения» покупали облигации

¹ «Дзидзи нэнкан» («Ежегодник Дзидзи»), 1947.

займов почти исключительно за счет сбережений, которые население Японии принуждалось откладывать в ущерб личным, даже самым неотложным нуждам. Из 26 831 млн. иен пассивов почтово-сберегательных касс депозитного бюро министерства финансов (март 1944 г.) 22 802 млн. иен было потрачено на покупку облигаций займов, т. е. на финансирование войны¹. Среди специальных (полугосударственных) банков наиболее крупным держателем займов был Японский банк; сумма облигаций займов в его портфеле увеличилась с 500 млн. иен в июле 1937 г. до 7043 млн. к концу войны².

Облигации государственных займов выступили как обеспечение выпуска банкнот Японским банком, общая сумма которых в обращении увеличилась с 1400 млн. иен на июнь 1937 г. до 5934 млн. иен на конец 1941 г. и до 26,2 млрд. иен на июнь 1945 г.³ Увеличение выпуска банкнот под «обеспечение» государственных облигаций, при одновременном сокращении производства, и в особенности выпуска на рынок товаров — вело к развертыванию инфляции.

Влияние инфляции на различные стороны хозяйственной жизни и на различные слои населения было, разумеется, неодинаковым. Предприятия и компании дзайбацу, занятые в военном производстве, хотя и принуждались продавать свои изделия по твердым ценам, но в то же время они покупали сырье и оборудование также по твердым ценам и не только могли не увеличивать номинальную заработную плату, но и *не имели права этого делать* без разрешения правительства. В тех случаях, когда в результате продажи по твердым ценам промышленники не получали «нормальной» прибыли, последняя для них обеспечивалась путем государственных субсидий.

Мы уже не говорим о тех бесконечных возможностях уклонения от государственного контроля, продажи по спекулятивным ценам, которые всегда имели дзайбацу, державшие в своих руках весь аппарат по контролю над торговлей. Для трудящихся городов последствием инфляции было понижение их реальной заработной платы, так как снабжение по официальным ценам (по карточкам) из года в год уменьшалось и не обеспечивало необходимого минимума. Таким образом, инфляция была одним из рычагов мобилизации средств для нужд войны за счет трудящихся классов.

Как изменялось соотношение займов и налогов в государственном бюджете по официальным данным в годы войны

¹ «Асахи нэнкан», 1946.

² «Oriental Economist», 1945, № 10—11.

³ «Дзидзи нэнкан», 1947.

(в процентах к общей сумме доходной части бюджета), можно видеть из табл. 14.

Таблица 14

Источники государственных доходов
(по бюджетам 1936—1944 гг., в процентах) *

Бюджетный год	Налоги	Займы	Прочие источники	Итого
1936/37	58	26	16	100
1941/42	27	66	7	100
1942/43	33	58	9	100
1943/44	26	56	18	100

* Проф. Г. И. Болдырев. Финансы Японии. М., 1946, стр. 271.

Приведенные цифры вскрывают тенденцию развития финансирования: удельный вес налогов в доходах по госбюджету снижался, а удельный вес займов увеличивался. Однако природа займов в военное время в Японии была иной, нежели в мирное время, — займы размещались в принудительном или полупринудительном порядке и фактически превратились в особый вид налога.

Размещать государственные займы обычным, «коммерческим» путем было невозможно, так как свободная продажа облигаций была запрещена.

В марте 1941 г. принимается закон об «ассоциациях национальных сбережений», который оформил уже сложившуюся к тому времени систему и практику принудительных сбережений и принудительного размещения облигаций займов через «патриотические ассоциации» и многочисленные (свыше 600 тысяч) «сберегательные гильдии», действовавшие под руководством правительственных органов.

Уже с первых месяцев войны Японский банк принял решение производить кредитование местных банков лишь при условии, если последние закупают на определенные суммы облигации государственных займов. После произведенной в 1937 г. реорганизации (о которой речь ниже) Японский банк усилил свой контроль над всей банковской сетью. Два раза в месяц представители 45 крупнейших банков страны приглашались в Японский банк на конференцию, где обсуждались главным образом вопросы о мерах по реализации займов и банки получали задания о покупке облигаций на определенные суммы. Продажа государственных облигаций

сберегательным банкам, доверительным компаниям, компаниям по страхованию жизни и местным банкам производилась в принудительном порядке.

Все это, однако, не означает, что между налогами и займами военного времени не было никакой разницы. В сентябре 1939 г. прогрессивный американский журнал «Амэрэйша» писал: «Если японское правительство решит получать нужные для войны суммы через налоги, сомнительно, смогут ли капиталисты вести дела столь удачно, как сейчас. Теоретически патриотизм без прибылей, вообще говоря, вещь желательная, но патриотизм плюс 3,5%, конечно, более верное средство для того, чтобы обеспечить дальнейшее поступление столь значительных сумм».

Отличие займов от обычных налогов заключалось, во-первых, в том, что облигации займов хотя и не могли продаваться свободно по номиналу, но продолжали оставаться коммерческими документами — под их залог выдавались ссуды в специальных банках, они фигурировали в активах всех банков и т. д. Правительство старалось усилить заинтересованность коммерческих банков в покупке облигаций займов тем, что платило по займам несколько более высокий процент (3,65), чем законный максимальный процент, уплачиваемый при срочных вкладах (в токийских банках — 3,3%, в прочих — 3,4—3,5%). Кроме того, Японский банк при краткосрочных кредитах под залог государственных облигаций взимал меньший процент, чем под залог других ценных бумаг. Был сокращен минимальный и увеличен максимальный срок отпуска краткосрочных кредитов под указанный вид залога. Во-вторых, если уплаченный налог представляет для плательщика безвозвратную потерю, то владельцы облигаций государственных займов не только получали проценты, но и могли надеяться, что со временем, после войны, облигации вновь станут нормальными, свободно реализуемыми коммерческими документами¹.

Политические преимущества, которые заключала в себе для господствующих классов «займовая» или «сберегательная» форма принудительного изъятия доходов трудящихся по сравнению с налоговой формой, — очевидны.

Если *удельный вес* налогов в общей сумме доходов по государственному бюджету падал, то их *абсолютные размеры* непрерывно и быстро росли (табл. 15).

¹ После окончания войны японское правительство, в соответствии с интересами основных держателей займов — банков и компаний дзайбацу, отклонило требования демократических организаций об аннулировании военных займов.

Общий размер всех (государственных и местных) налогов на душу населения увеличился с 26,5 иены в 1935 г. до 85,3 иены в 1941 г. и до 201,6 иены в 1944 г.¹ При этом японское правительство тщательно заботилось о том, чтобы

Таблица 15

Налоговые поступления в государственный бюджет в годы войны (1937—1945 гг.) *

Бюджетный год	Сумма налоговых поступлений, млрд. иен	Рост в % (1935/37 г. = 100)
1937/38	1,4	129
1938/39	2,2	201
1939/40	3,3	301
1940/41	4,7	426
1941/42	6,4	583
1942/43	7,3	667
1943/44	9,7	884
1944/45	12,6	1149
1945/46	16,1	1458
Итого . . .	63,7	—

* „Нихон кэйдзай но минсюка“, 1941, и др.

налоги на дзайбацу были минимальными. Даже посланцы государственного департамента США после войны были вынуждены констатировать в своем «Отчете»: «Изучение различных налоговых законов приводит к выводу, что при их составлении была проявлена значительная забота о том, чтобы они не оказались слишком тяжелыми для корпораций и лиц с большими средствами»².

По расчетам авторов «Отчета», налоговые законы военного времени были таковы, что «если принять во внимание все освобождения, вычеты, способы оценки, льготы и скидки, то оказывается, что максимальная ставка, могущая быть

¹ «Nippon Times», 27 мая 1949 г.

² «Report of the Mission on Japanese Combines» («Отчет миссии государственного департамента о японских концернах»). Washington, 1946, стр. 33.

примененной к любой части вложенного капитала юридического лица, составляет 30%»¹.

Вся тяжесть налогового бремени ложилась на плечи трудящихся.

По данным, приводимым на стр. 85 цитированной выше работы Кохэна, у лиц, имевших доходы до 150 иен в месяц, т. е. у подавляющего большинства трудящихся, в виде налогов и принудительных сбережений изымалось 23—28% их доходов. Почти две трети суммы выдававшегося в конце года единовременного пособия («бонусы») рабочие и служащие были обязаны передавать «на сбережения».

О том, как велики были изъятия из доходов трудящихся на военные нужды, можно судить по следующему заявлению газеты «Нихон сангё кэйдзай» от 13 декабря 1944 г.: «Служащие компаний 1-й категории² получают на руки из своих доходов после вычета всех налогов и сбережений: при годовом доходе в 3 тыс. иен — 2215 иен; при доходе в 5 тыс. иен — 3317 иен. В компаниях 2-й категории, где процент обязательных сбережений выше, служащие получают на руки: при годовом доходе в 3 тыс. иен — 1137 иен; в 5 тыс. иен — 1517 иен».

Таковы были главные средства, с помощью которых государство сосредоточивало в своих руках финансовые ресурсы, необходимые для оплаты военных заказов. Эти ресурсы в руках государства представляли собой основу военного регулирования экономики, так как государство превращало их в капитал военной промышленности, обеспечивая высокие прибыли поставщикам — компаниям дзайбацу. Рассмотрение вопроса о том, как использовались эти ресурсы и кто ведал их расходованием, мы начнем с краткого очерка экономического законодательства и экономической администрации военного времени.

Экономическое законодательство и администрация военного времени. Монополистические союзы — главные органы «военного регулирования»

Мобилизация финансовых ресурсов для нужд войны не потребовала сколько-нибудь значительной перестройки государственного аппарата. Что касается расходов

¹ В работе о финансовой политике японского правительства (диссертация, рукопись) А. Динкевич сообщает о том, что в годы войны был введен «налог на военные прибыли», но при этом налоговое ведомство военных прибылей... не обнаружило. По этому налогу в 1940/41 г. была собрана смехотворная сумма — 6 тыс. иен, а в следующем году и того меньше — 1 тыс. иен.

² Все компании были разделены на категории в зависимости от их значения в военном производстве.

средств для развития военного хозяйства, то последнее потребовало серьезных изменений структуры и функций монополистических и государственных органов. Изменения эти шли по линии дальнейшего сращивания монополий с государственным аппаратом и все большего подчинения последнего первым

Изменения эти нашли свое отражение в экономическом законодательстве и экономической администрации военного времени, разработанных и созданных правительством при руководящем участии прямых представителей дзайбацу. Не вдаваясь в подробный анализ отдельных законов, рассмотрим характерные черты экономического законодательства и администрации.

Прежде всего следует отметить, что важнейшей составной частью *экономического* законодательства и администрации были *политические* распоряжения и меры, направленные на подавление рабочего и демократического движения

Вторая характерная черта экономического контроля заключается в том, что контроль был основан на самостоятельных, фактически не зависящих от правительства организациях финансового капитала.

В мае 1940 г. наиболее влиятельная из консультативных организаций дзайбацу — Японская экономическая федерация — обратилась к правительству с проектом «новой экономической структуры», который был принят и положен в основу последующих преобразований. В проекте указывалось: «Для того чтобы ликвидировать дефекты бюрократического контроля, существующие частные экономические организации должны быть объединены и усовершенствованы таким образом, чтобы превратиться в мощные картели в главных отраслях промышленности. Этим картелям должна быть предоставлена большая власть с целью осуществления задач по контролю таким образом, чтобы частные интересы поощрялись к развитию созидательной инициативы и для введения автономного контроля под их собственную ответственность»¹.

«Частные экономические организации», о которых шла речь в проекте дзайбацу, это и были те картельные и синдикальные объединения, довоенная история и функции которых вкратце были рассмотрены выше.

Именно монополистические союзы — картели и синдикаты — в Японии, как и в других империалистических странах, были превращены в главные органы государственной экономической политики, направленной к усилению военного производства на основе создания особо благоприятных

¹ Т. А. Биссен. Japan's War Economy. N. Y., 1945, стр. 29.

условий для предпринимательства военно-промышленных компаний дзайбацу.

Разработкой различных законопроектов и мероприятий военного времени, в том числе в области экономики, ведало образованное в 1935 г. «Исследовательское бюро при кабинете министров», реорганизованное в 1937 г. в «Плановое бюро» кабинета, в котором доминировали представители военных кругов. В 1940 г. создается секретный «Институт тотальной войны», куда вошли высшие правительственные чиновники, представители от дзайбацу, от армии и флота. Институт этот, наряду с подобным же «Исследовательским институтом японо-маньчжурской политики и экономики», был главным подсобным органом кабинета и «Планового бюро».

10 ноября 1937 г. вводится в силу изданный еще во время первой мировой войны «закон о мобилизации военной промышленности», предоставивший правительству право контроля над предприятиями военного производства. В марте 1938 г. японский парламент принял «закон о всеобщей мобилизации страны», ставший основой всех последующих военно-мобилизационных законов и мероприятий правительства.

Экономические статьи закона предоставляли правительству обширные права с помощью императорских указов принимать в случае необходимости любые меры по переводу различных предприятий на военное производство, права по созданию картелей, ассоциаций и других объединений в любых отраслях народного хозяйства, по контролю над финансами, по выплате субсидий, по гарантиям платежей, по регулированию капиталовложений, цен, найма и увольнения рабочей силы, по инспектированию предприятий и т. д. Закон предусматривал, что правительство обязано компенсировать убытки частных владельцев, могущие возникнуть в результате правительственного вмешательства в их дела (§ 28). На основе «закона о всеобщей мобилизации» в течение всей войны было издано около 70 императорских указов и свыше 300 уложений, касавшихся «регулирования» экономики; кроме того, на основе того же закона парламентом было принято большое количество законов, касавшихся отдельных отраслей народного хозяйства и отдельных полугосударственных компаний.

Все эти законы, указы, уложения и т. п. были юридическим оформлением военного государственно-монополистического капитализма. При ознакомлении с экономическим законодательством военного времени бросаются в глаза следующие его характерные черты: во-первых, это законодательство

носило по преимуществу *негативный* характер — большая часть указов и законов предусматривала *запрещение* определенных видов предпринимательства, предоставляла соответствующим органам право *закрытия* определенных предприятий; *прекращения* потребления определенных видов сырья и т. п. Во-вторых, почти все экономические законы носили *условный* характер; они предоставляли правительству право производить те или иные действия в *случае необходимости*, и, таким образом, исполнение законов и их отдельных статей целиком передавалось на усмотрение самого правительства. Введение в действие отдельных статей законов обыкновенно сопровождалось очень упорной борьбой между разными кликами господствующего лагеря. Во многих случаях правительство вместо того, чтобы использовать возможность издавать указы на основании уже принятых законов, проводило через парламент новые законы на основании отдельных статей законов, принятых прежде, причем и эти новые законы никого ни к чему не обязывали, а лишь повторяли предоставление правительственным органам тех или иных прав.

Цель большинства принимавшихся законов заключалась в том, чтобы путем определенных стеснений, ограничений и запретов для невоенных отраслей, для средних и мелких предприятий создать концернам выгодные условия для развития ими военной промышленности. Позитивные меры в законодательстве предусматривали: усиленное финансирование и субсидирование военно-промышленных компаний; создание новых или расширение старых специальных (полугосударственных) компаний военного производства; усиление монополистических картелей и их наделение государственными полномочиями.

История превращения картелей в «органы государственного контроля» представляет собой одну из любопытнейших страниц развития военного государственно-монополистического капитализма в Японии.

«Контрольные органы» начали создаваться с 1938 г. после принятия «закона о всеобщей мобилизации».

По подсчетам Осацкой палаты торговли и промышленности, к августу 1941 г. имелось более 20 тыс. промышленных, торговых и иных ассоциаций или гильдий, занимающихся какой-либо «контрольной» деятельностью¹.

Однако в указанный период (до 1941 г.) эти органы еще не могли быть (на основании закона 1938 г.) созданы во

¹ «Report of the Mission on Japanese Combines», Washington, 1946, стр. 72.

всех отраслях промышленности. Эти органы еще были оторваны от картелей и существовали параллельно с последними. Необходимость органического соединения «контрольных» и картельных органов была очевидной, но возникла борьба по вопросу о том, как это соединение произвести, кому главенствовать во вновь проектируемых контрольных органах — непосредственно картелям во главе с концернами или ранее существовавшим «контрольным органам», носившим в значительной степени военно-бюрократический характер.

В 1940 г. на основе существовавших в то время картелей Японская экономическая федерация, это японское издание американской Национальной ассоциации промышленников, создает институт «картельных конференций», на которые регулярно, дважды в месяц собирались руководители крупнейших компаний всех отраслей народного хозяйства. Эти конференции учредили свой собственный контроль в соответствующих отраслях и объявили о том, что будут добиваться государственной санкции своих решений. В процессе деятельности вышеуказанных конференций и различных государственных и военных органов и по разработке «планов государственного контроля» выкристаллизовались два плана, из которых один получил по имени его автора, тогдашнего президента «Планового бюро», наименование «плана Хосино»¹, а другой — «плана Японской экономической федерации».

Оба плана исходили из того, что в основе «государственного контроля» должны быть картельные организации монополистов. Однако планы расходились по вопросу о структуре картельных организаций. «План Хосино» требовал «укрепления картелей под государственным контролем», тогда как «план федерации» исходил из формулы «добровольного контроля при государственной поддержке»². «План Хосино» предусматривал назначение руководителей реорганизуемых картелей правительством и создание правительственного «высшего экономического совета».

¹ Наоки Хосино до назначения в «Плановое бюро» занимал должность начальника департамента общих дел Государственного совета Манчжоу-го, т. е. был японским руководителем гражданской администрации в оккупированной Маньчжурии. Он был близок к оппозиционной в прошлом (до 1936 г.) по отношению к главным японским концернам группировке «молодого офицерства» («аракисты»). За спиной у этой группы стояли «новые концерны», которые уже с начала 30-х годов выступали за «усиление государственного контроля», рассматривая последний как средство борьбы против «старых концернов». Подробно о борьбе «старых» и «новых» концернов см. дальше.

² Т. А. Bisson, там же, стр. 50.

«План Хосино» пользовался поддержкой влиятельных армейских кругов, но был встречен в штыки со стороны дзайбацу, опасавшихся усиления вмешательства военного и военно-морского министерств в дела военно-промышленных компаний концернов. Агенты последних в правительстве, парламенте и прессе выступили с воплями о том, что в случае принятия этого плана, управление промышленностью перейдет в руки «неопытных бюрократов», что «план» носит не больше, не меньше как... «коммунистический» характер и повлечет за собой «отделение собственности от управления». Абсолютно демагогический характер этих сетований очевиден; дзайбацу ни за минуту не сомневались в том, что и по «плану Хосино» они остаются полными хозяевами своего «бизнеса».

7 февраля 1940 г. кабинет министров принял решение, основанное на «плане федерации», т. е. на предложениях дзайбацу. Предприниматели сами определяют характер объединений в тех или иных отраслях и назначают руководство объединениями, действующими «под наблюдением правительства».

Характеризуя решение правительства, влиятельный японский экономический журнал «Экономисутто» 16 декабря 1940 г. писал: «Правительственный план имеет в виду переход от прежней рассеянной структуры в каждой отрасли к структуре сосредоточенной. В такой отрасли, как металлургия, предусматривается единая организация от сырья до готовых изделий, что соответствует требованиям правительства. Все это будет служить для укрепления и лучшего оснащения производства... Если такие концерны, как Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Фурукава, столкнутся с затруднениями в капиталах, то для того, чтобы успешно преодолеть затруднения и расширить производственную мощность важнейших отраслей, возникает необходимость контролировать под руководством концернов всю промышленность той или иной отрасли. Согласно правительственному плану, высшие руководители промышленных организаций будут назначаться правительством из числа влиятельных промышленников... Положение будет такое же, как в экономической структуре германской нации, когда члены общего политико-экономического комитета («иппан сэйдзи кэйдзай сэйсаку иинкай») формируются из крупных капиталистов».

В борьбе вокруг «плана Хосино» дзайбацу не только добились его отклонения, но и укрепили свои политические позиции в правительстве. Вскоре после принятия кабинетом вышеуказанного решения, в апреле 1941 г., в кабинет был введен в качестве министра без портфеля для ведения экономических

дел председатель совета директоров концерна Сумитомо Ма-сацунэ Огура. Хосино был смещен с должности председателя «Планового бюро» и заменен генерал-лейтенантом Тэйити Судзуки, при котором фактическим руководителем бюро стал заместитель председателя Тадайоси Обата — бывший главный бухгалтер головной компании концерна Сумитомо «Сумитомо-хонся». Адмирал-бизнесмен, родственник одного из владельцев концерна Мицубиси, Тэйдзиро Тойода стал министром торговли и промышленности. Биссон¹ приводит следующую выдержку из сообщения токийского корреспондента газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» (6 апреля 1941 г.) Джозефа Ньюмэна о причинах и характере перетасовок в кабинете:

«Соппротивление бизнесменов тоталитарной программе в течение последних нескольких месяцев с очевидностью имело столь отрицательное влияние на выполнение правительственной производственной программы, что возникла необходимость ограничить тоталитарное движение и восстановить сотрудничество с промышленниками и бизнесменами. Это мы можем видеть из заявления, сделанного Хатисабуро Хирао, главы японской металлургической компании, полуправительственной организации в одной из наиболее важных отраслей военной промышленности. Он сказал: «В настоящее время снабжение железной рудой и углем отстает от производственных мощностей. Поэтому эффективность доменных и мартеновских печей в Японии уменьшается и предпринимательство компаний по производству чугуна и стали становится все более неблагоприятным». Хирао ясно дал понять, что в целях получения капитала для лучшей эксплуатации железнодорожных и угольных ресурсов правительство должно достигнуть взаимопонимания с финансовыми и промышленными лидерами».

Термин «тоталитарная программа», употребляемый Ньюмэном, является совершенно бессодержательным, так как программа федерации была отнюдь не менее «тоталитарной», поскольку она имела в виду сосредоточение экономического контроля в руках кучки магнатов дзайбацу. Сообщение Ньюмэна представляет собой интерес лишь постольку, поскольку оно указывает на один из методов, к которым прибегали дзайбацу для достижения своих целей в тех случаях, когда им приходилось встречаться с оппозицией со стороны соперничавших с ними групп правящего лагеря. Метод экономического саботажа (в военное время!), как мы увидим ниже,

¹ Т. А. Bisson, там же, стр. 55.

был применен дзайбацу в связи с борьбой против «плана Хосино» не в первый и не в последний раз.

За три с небольшим месяца до начала войны на Тихом океане (29 августа 1941 г.) принятый ранее кабинетом в качестве правительственной программы «план федерации» был зоплощен в императорском указе, вводившем в действие «закон об ассоциациях в главных отраслях промышленности», который осуществлялся уже при «военном кабинете» генерала Тодзйю, т. е. при правительстве, состоявшем из лиц, слывших защитниками «плана Хосино» и противниками «плана федерации». Дата опубликования этого указа рассматривалась как дата введения «новой экономической структуры».

Соединение картелей со старыми «контрольными ассоциациями» и создание нового «контрольного аппарата» сопровождалось концентрацией «контрольных органов» под руководством ведущих в каждой отрасли компаний концернов.

Промышленные контрольные органы делились на «тосэй кйогикай» (контрольные ассоциации) и «тосэй кумиай» (контрольные союзы). *Контрольные ассоциации* охватывали целую отрасль в масштабе всей страны и были созданы в 22 главных отраслях¹.

Контрольные союзы были по своему характеру районными или местными. Они объединяли крупные предприятия тех отраслей, в которых не было ассоциаций, но главная их функция заключалась в объединении нескольких десятков тысяч промышленных и торговых гильдий, в которые входили предприятия и компании мелких и средних промышленников и торговцев. Гильдии эти были созданы еще на основании соответствующего закона 1931 г. Если контрольные союзы действовали в тех отраслях, где существовали контрольные ассоциации, то президенты этих союзов назначались президентами контрольных ассоциаций. Если же союзы создавались в тех отраслях, где ассоциаций не было, то президенты союзов назначались непосредственно соответствующими министрами. 12 марта 1943 г. был издан указ, по которому все контрольные союзы в ключевых отраслях промышленности сливались в один контрольный союз (в каждой отрасли), непосредственно подчинявшийся соответствующей ассоциации. Все другие

¹ По указу от 29 августа 1941 г. контрольные ассоциации были созданы в следующих 18 отраслях промышленности: автомобильной, цементной, химической, угольной, электротехнической, волокон, производстве горючего газа, кожевенной, промышленном машиностроении, черной металлургии, легких металлов, металлообрабатывающей, горнодобывающей, нефтяной, точных механизмов, судостроения, подвижного состава, а также железных дорог и трамваев. Впоследствии были созданы еще три ассоциации в области торговли и кредита и одна в производстве каучука.

контрольные союзы в октябре того же года были объединены в «Центральную ассоциацию гильдий в торговле и промышленности». Кроме вышеуказанных, к числу «контрольных органов» относились также и «контрольные компании» («тосэй кайся»), которые учреждались на основании указа от октября 1943 г. в качестве подсобных органов «контрольных ассоциаций» и занимались главным преимуществу торговлей¹.

«Контрольные органы» были созданы также и в сельском хозяйстве, где в 1943 г. действовало 50 «контрольных компаний» и около 100 «контрольных союзов»², и в морском промысле, где была образована «имперская компания по контролю» с сетью подчиненных ей местных компаний и ассоциаций.

В области кредита и финансов было создано 10 специализированных «контрольных компаний» и корпораций³.

Автор ряда исследований о монополиях различных стран Джеймс С. Аллен следующим образом характеризует процесс картелизации в Японии в военные годы:

«Когда картельная организация⁴ была сформирована,— пишет он,— более слабые и менее эффективные фирмы стали быстро исчезать... Дзайбацу стремились использовать государственную власть только для того, чтобы заставить независимых войти в картели, которые должны были быть вполне самоуправляющимися. Дзайбацу предприняли независимые действия для того, чтобы переделать структуру картелей согласно своей программе»⁵.

Еще более выразительную характеристику мы находим на страницах японского журнала «*Oriental Economist*» (3 мая 1947 г.):

«Различные контрольные ассоциации, компании и корпорации, которые были основаны в течение войны и поставле-

¹ До конца 1943 г. было создано около 700 общепонских «контрольных компаний», в том числе: в нефтеперерабатывающей и нефтедобывающей промышленности — 71, в каменноугольной — 68, в металлургии — 78, в текстильной — 142, в химической — 157, в машиностроении — 60, в торговле — 75 («Майнити», 25 июня 1943 г.).

По другим данным («Отчет миссии Государственного департамента», стр. 73), в феврале 1943 г. имелось 314 таких компаний, из которых 63% было занято в области торговли.

² «Нихон сангё кэйдзай», 30 октября 1943 г.

³ Контрольные корпорации: всеяпонская финансовая, обыкновенных (коммерческих) банков, местных банков, сберегательных банков, трест-компаний; контрольные компании: по размещению ценных бумаг, по взаимному кредиту, по ипотечному финансированию, по страхованию жизни, по страхованию от повреждений.

⁴ Автор подразумевает систему контрольных органов, к которым он везде применяет их прежнее название «картели».

⁵ James S. Allen, *World Monopoly and Peace*. N. Y., 1946, стр. 71.

ны под фактический контроль крупных капиталистов, выродились в нечто вроде центральных органов спекуляции на основе сотрудничества между властями и частным предпринимательством и нанесли серьезный вред мелким предпринимателям и потребителям».

Так пишет после войны (в редакционной статье) авторитетнейший из буржуазных экономических журналов Японии, журнал, на страницах которого в годы войны мы обычно читали дифирамбы по адресу «новой экономической структуры» и «контрольных органов».

Посмотрим, как характеризует «контрольные органы» «Отчет миссии Государственного департамента»:

«Контрольные ассоциации,— пишут авторы отчета,— и контрольные компании, служившие в значительной степени исполнительными органами ассоциаций, широко употреблялись в качестве орудий осуществления поглощений крупными компаниями меньших. От них зависела жизнь и смерть компаний... фирма, не обладающая достаточным влиянием, оказывалась не в силах противиться требованию, чтобы она отказалась от изолированного и независимого существования. Хотя исчерпывающих данных по этому вопросу не имеется, можно считать, что в результате действий ассоциаций в 1942—1943 гг. в промышленности имело место, по меньшей мере, 980 поглощений»¹.

Контрольные компании и ассоциации дополнялись множеством всеяпонских, порайонных и префектуральных промышленно-торговых советов и обществ. Наиболее важными из подобных органов, строившихся не по отраслевому принципу, а по принципу административного деления, были уже неоднократно упоминавшаяся старейшая организация монополистов «Японская экономическая федерация» («Нихон кэйдай рэммэй»), «Совет приоритетных отраслей промышленности» («Дзюйо сангё кйегикай»), «Национальный совет торгово-экономической политики», «Национальная федерация промышленных организаций», «Центральный совет сотрудничества по контролю над ценами», «Национальная федерация расчетных палат», межотраслевые «советы сотрудничества», а также Японская торгово-промышленная палата и торгово-промышленные палаты в центральных городах.

Во всех без исключения из перечисленных выше «контрольных» и иных экономических органах доминирующее положение занимали представители концернов. Хотя некоторые

¹ Стр. 17. В другом месте (стр. 73) тот же «Отчет» указывает, что в период 1941—1943 гг. было поглощено 1354 фирмы с совокупным капиталом в 19 373 млн. иен.

из этих организаций (в особенности «контрольные органы») назывались в японской печати «полугосударственными» (иногда даже «государственными»), все они без исключения были либо *коммерческими*, либо *клубными*, либо смешанными *клубно-коммерческими* организациями частных лиц. Их аппарат действовал, как правило, не на государственные средства, а либо на членские взносы своих членов, либо на доходы от торговых операций, хотя последние не были их главной функцией¹. «Государственного» в этих картелях было лишь то, что после соответствующих решений федерации или других объединений монополистов их правления, состоявшие из президентов, директоров и членов правлений компаний концернов, получали право активного и «законного» вмешательства в дела внеконцерновых предприятий и компаний, осуществление которых в реорганизованные картели было обязательным. Правления всех этих «государственных» органов избирались самими членами, и лишь высшие должностные лица утверждались на своих постах соответствующими министрами, причем не было ни одного случая отклонения министрами кандидатур, выдвигавшихся правлениями почти всегда из числа ответственных служащих компаний дзайбацу.

Важнейшие из контрольных ассоциаций возглавлялись следующими лицами²: контрольная ассоциация по каменному углю — Кэндзиро Мацумото; в 1941 г. был директором, президентом или аудитором 13 промышленных и транспортных компаний, принадлежавших главным образом концерну Мицуи. Контрольная ассоциация металлургии — Хатисабуро Хирао; директор и президент ряда промышленных компаний, главным образом концерна Мицубиси; президент полугосударственного металлургического треста «Нихон сэйтэцу». После него — адмирал Тэйдзиро Тойода; был связан семейными узами с концерном Мицубиси. Контрольная ассоциация судостроения — Косиро Сибя; председатель правления компании «Мицубиси дзюкогё» («Мицубиси — тяжелая промышленность»), «Мицубиси дэнки» («Мицубиси-электрическая») и других компаний, по преимуществу концерна Мицубиси. Контрольная ассоциация цветных металлов — Ацуси Оя; президент, директор и аудитор ряда промышленных компаний концерна Сумитомо. Контрольная ассоциация автомобильной промышленности — Сигэясу Судзуки; один из крупнейших

¹ Исключение представляли контрольные компании («тосэй кайся») которые в большинстве своем строились как предпринимательские полугосударственные торговые компании; акционерами в них выступали правительство и компании концернов.

² Приводятся фамилии лиц, занимавших посты президентов соответствующих ассоциаций в течение наиболее длительного времени.

помещиков, генерал-лейтенант запаса, в 1918 г. командир дивизии, участвовавшей в японской интервенции на советском Дальнем Востоке, президент компании «Дизель дзидо-ся», контролировавшейся Мицубиси. Контрольная ассоциация электромашиностроения — Кисабуро Ямагути, президент и директор ряда компаний концерна Фурукава, а также компаний «Сибатура дэнки» и «Сибатура сэйсакудзё» концерна Мицуи. Контрольная ассоциация промышленного машиностроения — виконт Масатоси Окоти; президент и директор большого числа машиностроительных компаний, глава концерна «Рикэн». Контрольная ассоциация по судоходству — Камэсабуро Ямаса; президент и главный акционер пароходной компании Ямаса. Контрольная ассоциация промышленности легких металлов — Тюдзи Судзуки; управляющий электротехнической компанией концерна Фурукава («Фурукава дэнки»). Контрольная ассоциация цемента — Соитиро Асано; глава концерна Асано и т. д., и т. п.¹

В функции «контрольных ассоциаций» и других «контрольных органов» входило квотирование производства, распределение сырья, нового оборудования и рабочей силы, выдача лицензий на новые капиталовложения, а также сбыт готовой продукции. Таким образом, от решений «контрольных органов» зависела судьба входивших в них предприятий.

* * *

Так называемая «новая экономическая структура» была проявлением громадного усиления государственно-монополистических тенденций. Ее сущность сводилась к тому, что имело место колоссальное перераспределение народного дохода в пользу финансового капитала при одновременном чрезвычайном усилении монополистического контроля дзайбацу на основе наделения их картельных органов государственными правами и соответствующей их перестройки.

С рассмотренной выше главной особенностью экономической администрации военного времени — ее опорой на монополистические картели — связана и другая: государственный аппарат, как таковой, министерства и различные центральные и местные административные органы до 1943 г. не подвергались по своим функциям и структуре серьезным изменениям и оставались такими же, как в мирное время. За все годы войны (до 1943 г.) существенные изменения в государственном аппарате заключались лишь в создании упоминавшихся

¹ Т. А. Bisson, там же; газета «Нихон Сангё кэйдзай», июнь 1943 г.; «Report of the Mission on Japanese combines» и др.

выше исследовательского, а затем «Планового бюро», министерства по делам великой Восточной Азии, а также в увеличении числа и мощности полугосударственных компаний, которые, впрочем, в военной экономике никогда не играли решающей роли.

Положение значительно изменилось в 1942—1943 гг. С разгромом немцев под Сталинградом для Японии окончательно выяснилась неизбежность длительной затяжки войны и уже обозначилась перспектива поражения. В связи с этим перед правящими кругами японского империализма, в первую очередь перед армией, со всей остротой встал вопрос о необходимости усиления прав и оперативности правительственных органов ради форсирования военного производства. Вместе с тем усилилась борьба между различными кликами за влияние на государственный аппарат.

«Контрольный аппарат» в том виде, в каком он сложился в 1941—1942 гг., уже не удовлетворял ни военщину, ни дзайбацу: военщина требовала дальнейшей централизации экономического контроля под руководством правительственных органов, дзайбацу с этим требованием вполне соглашались, но при этом настойчиво добивались усиления своего руководящего участия в правительственных органах. Дзайбацу добились полного успеха: в 1943 г. была произведена реформа правительственных органов, которая свелась к значительному усилению их функций и прав по руководству расширением военного производства и в то же время сопровождалась усилением прямого контроля дзайбацу над правительством и правительственными органами.

В марте 1943 г. парламент, в котором большинство, как и в довоенное время, принадлежало дзайбацу, удовлетворил требование премьера, генерала Тодзё, о предоставлении ему чрезвычайных полномочий для единоличного решения некоторых вопросов, связанных с необходимостью ускорения военного производства.

Взамен чрезвычайных полномочий, предоставленных Тодзё, дзайбацу выторговали у военной клики уступку, резко усилившую их влияние на правительство: при кабинете министров был создан «комитет советников», возведенных в ранг «синнин», соответствующий рангу министра. Свои чрезвычайные полномочия премьер мог осуществлять только с одобрения «комитета советников». Все восемь членов первого состава этого комитета состояли из представителей финансовой олигархии¹. В сентябре 1943 г. парламент «с целью унификации распределения армейских и правительственных

¹ Состав «комитета советников» см. стр. 90.

заказов» утвердил закон о создании министерства вооружений, которое приняло на себя обязанности «Планового бюро» (тогда же ликвидированного), большую часть обязанностей министерства торговли и промышленности, а также часть обязанностей военного и морского министерств. Тогда же министерства железных дорог и связи были объединены в новое министерство транспорта и связи и было образовано министерство сельского хозяйства и торговли взамен ликвидированных министерства земли и леса и министерства торговли и промышленности.

После неоднократных срывов кликой дзайбацу попыток военщины создать самостоятельное министерство внешней торговли¹ в октябре 1943 г. принимается компромиссное решение — торговый департамент министерства иностранных дел превращается в более мощный и более самостоятельный «департамент экономики военного времени», который разделит с министерством Восточной Азии обязанности по эксплуатации оккупированных территорий.

Наиболее важной из всех вышеуказанных реформ была организация по прямому требованию дзайбацу министерства вооружений и превращение его в настоящий генеральный штаб финансовой олигархии по эксплуатации всех материальных ресурсов Японии и оккупированных ею территорий ради увеличения мощи военно-промышленных концернов. Руководство этим министерством принадлежало дзайбацу, а это означало, что последние в основном добились своей цели — ослабления участия военного и военно-морского министерств в контроле над военной промышленностью.

С образованием министерства вооружений роль контрольных ассоциаций и компаний очень сильно уменьшилась — под их контролем продолжало оставаться лишь 30% производства и торговли, контролировавшихся ими до административной реформы², остальная часть принадлежала компаниям, непосредственно подчинявшимся министерству вооружений.

Таким образом, развитие «новой экономической структуры» на последнем этапе войны сопровождалось дальнейшим сращиванием государственного аппарата с дзайбацу. На этом этапе «новая экономическая структура» особенно тесно

¹ В Японии делами внешней торговли ведало министерство иностранных дел, в аппарате которого преобладало влияние лиц, близких к дзайбацу. В 1939 г. попытка создать министерство внешней торговли была сорвана в результате инспирированных агентурой дзайбацу конфликта и забастовки служащих министерства иностранных дел. Дзайбацу опасались, что создание министерства внешней торговли может привести к ослаблению господствующего положения их компаний во внешней торговле.

² «Report of the Mission on Japanese combines», стр. 73.

переплетается с «новой политической структурой», которая была одной из составных частей «новой структуры», как окрестили японские империалисты созданный в военные годы антинародный реакционный режим.

«Новая политическая структура» — японская разновидность фашизма

«Новая экономическая структура» была фундаментом «новой политической структуры».

«Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом,— писал Ленин,— ...является поворот от демократии к политической реакции. Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция»¹. Справедливость этого положения с особой ясностью вскрывается в эпоху общего кризиса капитализма, когда с усилением монополий политическая реакция многократно усилилась во всех империалистических странах, особенно в странах, выступавших как агрессоры во второй мировой войне. «..Главные фашистские государства — Германия, Япония, Италия,— говорит товарищ Сталин,— раньше чем напасть на союзные страны, уничтожили у себя последние остатки буржуазно-демократических свобод, установили у себя жестокий террористический режим, растоптали принцип суверенитета и свободного развития малых стран, объявили политику захвата чужих земель своей собственной политикой и заявили во всеулышание, что они добиваются мирового господства и распространения фашистского режима во всем мире...»².

Ликвидация остатков буржуазно-демократических свобод в Японии происходила одновременно с усилением могущества и гнета монополий, и фашистская так называемая «новая политическая структура» складывалась параллельно с «новой экономической структурой» и на ее основе.

Провозглашение в 1940 г. в Японии «новой политической структуры» явилось последним шагом в установлении фашистского режима, первые признаки которого проявились еще до захвата Маньчжурии (1931 г.), в период так называемых «партийных кабинетов».

Фашизм в Японии долгое время маскировался тем, что сохранялась множественность реакционных политических партий. Но главной и определяющей чертой фашистского режима в любой стране является не ликвидация множест-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 31.

² Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г.

венности буржуазных партий, а ликвидация легальности политических организаций трудящихся, в первую очередь коммунистических партий и их террористическое преследование. В некоторых странах фашистский режим в течение длительного времени существует и при наличии множественности реакционных буржуазных партий. Ярким примером такого положения является современная Греция. В США после войны происходит интенсивная фашизация государственного строя, хотя при этом легальность буржуазных партий не затронута. «Многopартийный» фашизм — такой же исторический факт, как и «однопартийный» фашизм германского типа.

Ликвидация остатков буржуазно-демократических свобод (которые в Японии никогда до ее капитуляции не выходили за пределы предоставления легальности монархическим партиям, среди них и японской социал-демократии) началась при правительстве генерала Танака в 1927—1928 гг.¹ Между первыми мероприятиями этого правительства, носившими ярко выраженный фашистский характер, и провозглашением «новой политической структуры» прошло свыше 12 лет. Затянувшаяся война диктовала господствующим классам необходимость введения однопартийного режима, но его создание тормозилось внутренней борьбой между различными кликами и группировками в лагере буржуазии по вопросу о том, кто возглавит «однопартийный» режим, какие группировки будут найдены у власти.

Дзайбацу и помещики осуществляли свою политическую власть с помощью японской монархии. Во главе государственных и военных органов стояла военщина и дворцово-правительственная бюрократия. Обе эти клики обладали известной, впрочем, ограниченной политической самостоятельностью. Японская военная клика состояла из дворян, привилегированных наемников могущественных до революции Мэйдзи феодалов-самураев и даймё (владельцы князья). Многие из генералов сами являлись выходцами из земельной или родовой аристократии. Давно уже перейдя на службу к новому хозяину — монополистическому капиталу, они тем не менее сохранили кастовую замкнутость «дворянства меча», неприязнь и плохо скрываемую зависть к «торгашам» — «нарикинам» (богачам-высочкам), добившимся богатства и вместе с ним главенствующего общественного положения не на поле битвы, не «службой императору», а с помощью

¹ 15 марта 1928 г. в Японии было арестовано свыше двух тысяч коммунистов и им сочувствующих. С тех пор массовые полицейские погромы и убийства демократических деятелей стали в Японии обычным явлением.

«презренного бизнеса». Подобные же обстоятельства определили собой известную, хотя и меньшую, чем это имело место в отношении военщины, независимость и замкнутость «дворянства мантии» — дворцовой и правительственной бюрократии, «слуг императора», близких ко двору высших сановников, почти совершенно не зависимых от парламентских и партийных комбинаций.

С последней четверти прошлого столетия и вплоть до второй мировой войны руководящая роль в государственном аппарате принадлежала военщине и дворцовому окружению, которые в указанный период были главной политической агентурой японской буржуазии и помещиков — под их руководством осуществлялась политика агрессии и государственного протекционизма. Что же касается уже созданных к этому времени буржуазно-помещичьих политических партий, то последние чаще всего находились в оппозиции¹.

С началом общего кризиса капитализма в Японии произошло крутое изменение соотношения сил между разными кликами господствующего лагеря и внутри них, заключавшееся в уменьшении в государственном аппарате роли военщины и увеличении роли буржуазно-помещичьих партий, что нашло свое выражение в создании с 1918 г. однопартийных кабинетов в соответствии с парламентским большинством. В этот период господствующие буржуазно-помещичьи клики выдвинули к руководству государственным аппаратом наиболее близкие к дзайбацу «партийные» группировки в связи с резким падением политического авторитета военщины, что вызвало раскол внутри нее на различные соперничающие и даже враждующие между собой группировки². Одна из

¹ В своей работе «Japan's Military Masters» (Нью-Йорк, 1943) Хиллис Лори, американец, специально изучавший вопрос о роли японской военщины, пишет, что идеологи военщины рассматривали период 1894—1918 гг. как «золотой век армии», как период, когда «генералы были государственными деятелями» (стр. 148). «Редкие квазипартийные кабинеты, — пишет он, — находившиеся у власти между 1898 и 1918 гг., были, как правило, недолговечными и пассивными. Правительство Японии было по преимуществу клановым правительством военно-бюрократических группировок, которые снисходили до известных уступок политическим партиям. В течение этих лет, лишь с небольшими промежутками, Ямагата, представлявший превосходство военной олигархии, оставался главной силой на политической арене» (стр. 156). Выходец из клана Тёсю маршал князь Ямагата до своей смерти в 1922 г. в течение более четверти века занимал ответственные в правительстве должности премьера, председателя верхней палаты и председателя тайного совета. Будучи так же ближайшим советником императора, он являлся наиболее влиятельным политическим лидером японской реакции в указанный период.

² Наиболее важные причины падения авторитета военщины заключались в следующем: 1) крах антисоветской военной интервенции на Дальнем Востоке; 2) поражение милитаризма в международном масштабе в

главных причин этой вражды заключалась в значительных социальных передвижках в личном составе офицерского корпуса и генералитета¹.

К концу 20-х — началу 30-х годов среди военщины сложились три основные, наиболее влиятельные группировки: 1) «группа контроля» (ее лидеры — генералы Танака, Хаяси, Тэраути и др.), наиболее близкая к прежнему руководству клана Тёсю и его традициям, связанная с дворцово-правительственной «родовитой» бюрократией и помещиками; 2) группа генерала Угаки, связанная с лидерами политических партий и, следовательно, с дзайбацу²; 3) группа «молодого офицерства»³ во главе с генералами Араки, Мадзаки, Мүто, Итагаки и др.

Именно эта последняя группа опиралась на влившиеся в офицерский корпус мелкобуржуазные элементы. Группа эта, раздувая «антикапиталистическую» демагогию, направленную против «старых концернов», выступала как агентура «новых концернов». Ее тесная связь с крупнейшим из политических деятелей клики владельцев «новых концернов» Кухара была известна и раньше, но стала вполне очевидной после изобличения Кухара в финансировании военного путча «молодого офицерства» в феврале 1936 г.

Разнузданная «антикапиталистическая» демагогия этой группы, ее тесная связь с военно-террористическими организациями, участие в разных заговорах, открытые призывы к войне, наконец, ее открытое преклонение перед германским и итальянским фашизмом — все это привело к тому, что как в Японии, так и в других странах, только за одной этой группой была закреплена характеристика «фашистской» или

связи с крахом германского милитаризма, наиболее сильного в мире в служившего объектом подражания и преклонения со стороны японской военщины; расцвет вильсоновского реакционного пацифизма и его всяческое раздувание буржуазными правительствами с целью отвлечения масс от революционной борьбы; 3) сильнейшее укрепление экономических позиций дзайбацу в результате получения ими огромной наживы в ходе мировой войны.

¹ В процессе произведенной в 1922—1925 гг. реорганизации армии (в сторону усиления ее механизации с учетом опыта прошлой войны) в состав офицерского корпуса вошло большое число выходцев из средней и мелкой буржуазии. По данным, приводимым Лори (там же, стр. 158), последние в 1928 г. составляли около трети всего офицерского корпуса.

² Генерал Угаки был военным министром в пяти кабинетах, формировавшихся партией минсэйто. Большинство в этой группе составляли руководящие круги военно-морского флота, имевшие теснейший контакт с концерном Мияубиси и с дворцовыми кругами.

³ Ее другое название — «группа Сага», по имени города на острове Кюсю, откуда происходили генерал Мүто и другие видные члены этой группы. Эта группа известна также под названием «группы кодо» («императорский путь»).

«экстремистской». В действительности все три боровшиеся между собой за руководство армией группы военщины были фашистствующими группами. В зените политических успехов «группы Сага» в начале 30-х годов этой группе удалось добиться занятия одним из ее лидеров, Араки, поста военного министра (с декабря 1931 по январь 1934 г.). Основные фашистские и агрессивные акты японского империализма — погромы против компартии и других демократических организаций (с 1928 г.), захват Маньчжурии (1931 г.), вторжение в Северный Китай (1935 г.), начало войны с Китаем (1937 г.) — были совершены в то время, когда «группа Сага» находилась в оппозиции и руководство армией принадлежало либо «группе Угаки», либо «группе контроля».

Уже одного этого обстоятельства достаточно, чтобы убедиться в том, что нельзя рассматривать «группу Сага» как единственную фашистскую или «экстремистскую» группу в Японии.

С переходом в 1918 г. к образованию «партийных кабинетов» господствующие клики были вынуждены сделать некоторые реверансы в сторону буржуазной «демократии»: расширить избирательное право, разрешить печатание прогрессивной литературы, первомайские демонстрации и т. д. Но ни в одной из капиталистических держав буржуазная «демократия» в пору своего расцвета не была столь фальшивой и призрачной, как в Японии. Уже в 1925 г. одновременно с расширением избирательного права «либеральное» правительство Като (партии кэнсэйкай), в котором военным министром был генерал Угаки, вводит фашистского типа «закон об охране общественного порядка», известный под названием «закон об опасных мыслях»¹. В том же году пост председателя партии Сэйюкай занимает генерал Танака, выходец из клана Тёсю, наследник традиций Ямагата, один из наиболее реакционных политических деятелей, автор печально знаменитого «меморандума императору»². Став в 1927 г. премьером, этот «партийный лидер» из «группы контроля» в январе 1928 г. с целью ликвидации минсэйтовского большинства распустил парламент, с марта того же года ввел в практику массовые погромы, аресты и убийства коммунистов и им сочувствующих, предпринял в апреле — мае того же года в Китае военную интервенцию с целью захвата провинции Шаньдун, что, однако, в то время кончилось для Японии неудачей. Глава

¹ Этот закон карал десятилетним заключением за «создание общества или участие в обществе, ставящем своей целью изменение конституции или образа правления или отвергающем систему частной собственности».

² Об этом меморандуме см. стр. 292.

наиболее близкой к дзайбацу группы военщины генерал Угаки в 1930—1931 гг. выступал против «негативной» политики минсэйтовского кабинета, решившегося на некоторое сокращение военного бюджета в связи с начавшимся экономическим кризисом. Под руководством принадлежавшего к группе Угаки генерала Минани, сменившего в начале 1931 г. Угаки на посту военного министра, была подготовлена и начата оккупация Маньчжурии.

Все три группы военщины были теснейшим образом связаны с военно-фашистскими, разного рода тайными и массовыми черносотенными организациями, и в судебной-полицейской хронике начала 30-х годов имена Угаки и Минами в качестве организаторов фашистско-террористических заговоров фигурируют рядом с именами Окава, Хасимото и других «признанных» лидеров фашистских банд. Но наибольшую активность на поверхности политической жизни в начале 30-х годов проявляла «группа Сага». Принадлежавшее к этой группе офицерство было тесно связано с разорявшимися в результате экономического кризиса мелкой и средней буржуазией и мелкими помещиками, из которых это офицерство вышло. Основным пунктом программы этой группы, как и других групп правящего лагеря, было требование о создании «великой Японии», т. е. о расширении вооруженным путем колониальной империи. Для осуществления этой цели «группа Сага» требовала ликвидации «парламентского режима», передачи всей полноты власти в руки армии (под которой подразумевалась «группа Сага»), еще большего усиления террористического режима и введения контроля над экономикой с целью ее милитаризации.

Для правящих буржуазно-помещичьих клик были вполне приемлемы все пункты этой программы, кроме требования о фактическом сосредоточении власти под контролем «молодого офицерства», что было равнозначно использованию «новыми концернами» государственного контроля для борьбы против «старых концернов».

Точку зрения дзайбацу по этим вопросам прекрасно высказал один из виднейших политических деятелей этой клики Гиндзиро Фудзивара. В своей книге «Дух японской промышленности»¹ он развернул программу торговой экспансии Японии и требовал расширения вооружений, рассматривавшихся им «как форма инвестиций». Он писал: «Защита мной увеличивающихся вооружений требует одной оговорки. Это должны быть такого рода капиталовложения, которые будут соответствовать уровню национальных ресурсов. Вопрос о том,

¹ G. Fujiwara. The Spirit of Japanese Industry. Tokyo, 1936.

соблюдается ли необходимое соответствие, должны решать государственные деятели... Ни одна нация не расходует на вооружения столько денег, сколько Япония, у которой вооружения поглощают половину государственных расходов. Для Европы соответствующая средняя цифра — от одной трети до одной четверти. Но нет, однако, никакого твердого и прочного правила, которое могло бы быть приложено к вооружениям всех наций, каждая из которых имеет свои определенные требования. Япония пришла на мировую арену позднее и не может позволить себе такую легкость (easygoing), как европейские нации» (стр. 134).

Таким образом, Фудзивара, как и вся клика дзайбацу, был за безусловное развитие экспансии и вооружений. Его «оговорка» сводилась лишь к тому, чтобы «государственные деятели» определяли «соответствие вооружений и национальных ресурсов», т. е. чтобы контроль над экономикой не попал в руки военной клики.

Эта, казалось бы, незначительная оговорка, отражала борьбу разных господствующих клик за власть, которая в течение шести лет (1930—1936) происходила в чрезвычайно острых формах — террора, заговоров, вооруженных путчей¹. Атакующей стороной в этой борьбе была «группа Сага», которой в 1932—1933 гг. удалось захватить руководство армией. В начале 1934 г., однако, группа эта терпит серьезное политическое поражение: ее лидер Араки был вынужден уйти с поста военного министра и заменен одним из лидеров «группы контроля» — генералом Хаяси. С этого времени «группа Сага» оттесняется от руководящего положения в армии. Генерал Хаяси предпринял чистку руководства армии от аракистских элементов, что привело к новому резкому обострению борьбы внутри армии, завершившемуся военным путчем «молодого офицерства» в феврале 1936 г.²

Путч этот представлял собой арьергардный бой «группы

¹ Подробно об этом на русском языке см. книги Е. Жукова «История Японии», М., 1939, гл. IX и X, и Х. Эйдуса «Япония от первой до второй мировой войны», М., 1946, гл. IX и XII.

² В путче участвовало свыше 1500 солдат под командой офицеров. Во время путча были убиты: адмирал Санто (бывший премьер, затем лорд-хранитель печати), министр финансов Такахаси, принадлежавший к «группе контроля» генерал Ватанабэ. Тяжело ранен был главный камергер императора Судзуки. Премьер Окада лишь случайно избежал смерти: террористы по ошибке убили вместо самого Окада его родственника. Генро Сайондзи и лорду-хранителю печати Макино удалось скрыться. Путчисты три с половиной дня удерживали в своих руках несколько важных государственных зданий. Не встретив поддержки со стороны других воинских частей, оказавшись в политической изоляции и столкнувшись с угрозой вооруженной борьбы против флота и частей армии, они были вынуждены капитулировать.

Сага», и его поражение знаменовало окончательную ликвидацию шансов этой группы на занятие руководящего положения в армии. В условиях поражения путча (а также в связи с тем, что в парламенте, избранном за шесть дней до путча, имелось прочное большинство из партии минсэйто, считавшейся из всех буржуазных партий наиболее оппозиционной по отношению к военщине), казалось бы, создалась реальная возможность для так называемых «умеренных» выполнять неоднократно повторявшиеся требования о «неучастии военных в политической жизни», т. е. об отеснении военщины от руководящего участия в правительстве. В действительности не произошло ничего подобного. В этот критический момент «умеренные» обнаружили свое подлинное лицо: прекрасно понимая, что подрыв авторитета военщины чреват тяжелыми последствиями для реализации планов империалистических захватов, «умеренные» добровольно отступили перед военщиной.

Поражение путча привело к тому, что в армии утвердилось главенствующее положение фашистствующей «группы контроля», которая усилила свой контакт с дворцовым окружением и вместе с его представителями возглавила правительство и правительственные органы в период подготовки к войне в Китае, а затем — к войне на Тихом океане.

При любом исходе борьбы между различными группировками клик господствующего лагеря неизбежно было продолжение курса на всемерную милитаризацию, на захват всего Китая, на подготовку нападения на Советский Союз. Вместе с тем всякая надежда на успех агрессивной политики совершенно исключалась до тех пор, пока в господствующем лагере не была достигнута известная степень единства, пока, по крайней мере, не прекратилось применение оружия в борьбе между разными группировками.

С поражением февральского путча соотношение сил в господствующем лагере сложилось таким образом, что «объединителями» различных группировок выступили всегда тесно между собой связанные высшая дворцово-правительственная бюрократия и «группа контроля» в армии. Эти группы больше всего подходили для «объединительной» роли, поскольку они были тесно связаны буквально со всеми группировками правящих клик: с дзайбацу («старыми» и «новыми» концернами) и помещиками, с лидерами партий, с остальными двумя группировками военщины.

Для основных групп дзайбацу («старые концерны») выдвижение на первый план двух указанных групп было весьма выгодно именно потому, что они лучше, чем любые другие группы, были пригодны для «объединения», без чего немыслимо

было успешное развитие агрессии в условиях все большего обострения международных противоречий. Руководящее положение в государственном аппарате «группы Сага» было для дзайбацу нежелательно, а после февральского путча и невозможно. Столь же невозможно было и руководство государственным аппаратом со стороны «партийных лидеров», скомпрометировавших себя в течение почти полутора десятка лет пребывания у власти и политически развенчанных другими группировками в ходе взаимной борьбы. То же относится и к группе Угаки: попытка дзайбацу в начале 1937 г. создать правительство под его руководством не увенчалась успехом ввиду сопротивления стоявшей во главе армии «группы контроля».

Пришедшие после путча к власти правительство Хирота, а вслед за ним правительство Хаяси резко усилили фашистский террор против демократических организаций: запрещаются первомайские демонстрации трудящихся, производятся новые массовые аресты демократических элементов, запрещается ряд профсоюзов, задолго до срока распускается парламент (31 марта 1937 г.) и назначаются новые выборы. В области внешней политики берется крутой курс на сближение и тесный союз с гитлеровской Германией и фашистской Италией.

Правительства Хирота и Хаяси были чисто «бюрократическими» — они состояли из генералов или правительственных сановников, и в их составе совершенно не было представителей партий. В мае 1937 г. создается правительство во главе с князем Коноэ, который на посту премьера был живым воплощением «объединительной тенденции» господствующего лагеря. Принадлежа к высшей дворцовой аристократии, Коноэ был тесно связан и с дворцом, и с правительственными сановниками, и с финансовыми кругами, и со всеми группировками военщины. Коноэ встал во главе «объединительного» движения сразу же после февральского путча. Программа «новой политической структуры» была разработана за год до нападения Японии на Китай «группой Огикубо», получившей свое название по местности вблизи Токио, где в доме графа Ёриясу Арима собирався под руководством Коноэ узкий кружок его политических единомышленников, влиятельнейших представителей олигархических клик¹.

¹ В «группе Огикубо» дзайбацу были представлены владельцем самолетостроительного концерна Т. Накадзима и президентом Японского банка Т. Юки. Военщину представляли генерал Хаяси и адмирал Х. Або. Кликку высших сановников двора и правительства, а также руководство главными буржуазными партиями представляли, кроме Коноэ и Арима, Т. Ямадаки и И. Маэда.

В «группе Огикубо» был решен вопрос о самороспуске всех старых легальных политических партий и создании взамен них единой верхушечной, фашистского типа организации под названием «Ассоциация помощи трону» («Тайсэй йокусанкай»). Стремление к реализации этого плана усилилось после парламентских выборов 30 марта 1937 г., результаты которых оказались неожиданно тревожными для правящего лагеря¹. Выполнение плана было возложено на созданное через месяц после выборов правительство Коноэ.

Коноэ привлек к участию в своем кабинете представителей всех соперничавших и даже враждовавших между собой групп господствующего лагеря², что знаменовало собой сплочение правящего лагеря с целью развития агрессии, потерю или ослабление самостоятельности отдельных группировок, в частности «партийных», с одной стороны, и «группы Сага» — с другой. Генерал Тодзё, ставший впоследствии премьером, вошел в кабинет Коноэ сначала в качестве заместителя военного министра, а затем (во второй кабинет Коноэ в 1940 г.) военного министра не как лидер и представитель «группы Сага», к которой он принадлежал, а как опытный военный организатор и военный жандарм, рьяный поборник усиленной механизации армии³, что было особенно

¹ Открыто и наиболее активно поддерживавшие реакционный курс правительства Хаяси мелкие реакционные партии сйовакай, кокумин домэй, тохокай и другие получили на выборах в общей сумме лишь 1 млн. голосов из 10 млн. Партии сэйюкай и минсэйто, которых не только военщина, но и многие из бывших лидеров самих этих партий считали уже утратившими свое бывшее влияние, неожиданно вышли победителями, получив в парламенте 354 из 466 депутатских мест. Выборы показали, что результат борьбы военщины против старых реакционных парламентских партий оказался прямо противоположным тому, на что рассчитывали инициаторы этой борьбы. Тот факт, что эти партии были объектом нападков со стороны военщины, что они превратились из правительственных в оппозиционные, способствовал поднятию их популярности. Озабоченность правящего лагеря также не мог не вызвать крупный успех социалистической партии сякай тайсюто, получившей 37 депутатских мест против 18 в предыдущем парламенте.

² В декабре 1937 г. министром внутренних дел был назначен единомышленник Араки, фашистствующий адмирал в отставке Суэцугу. В мае 1938 г. министром иностранных дел был назначен генерал Угаки, а министром просвещения — уволенный в 1936 г. из армии генерал Араки. Военным министром стал один из лидеров «группы Сага», генерал Итагаки, который привлек в качестве военного вице-министра другого лидера «группы Сага» — генерала Тодзё. В этот кабинет также вошел прослуживший 41 год в концерне Мицуи С. Икэда. В число 10 советников кабинета Коноэ привлек Кухара, бывшего председателя правления главного японского концерна в Маньчжурии ЮМЖД Мацуока, президента партии минсэйто Матида, лидера сэйюкай Маэда, президента Японской торговой палаты барона Го и других лиц, близких к дзайбацу.

³ До 1935 г. Тодзё был начальником «Бюро расследований» генерального штаба. В 1935 г. в связи с убийством генерала Нагата ему

важно для дзайбацу с их непрерывно расширявшимися капиталовложениями в военную промышленность.

Характеризуя роль дзайбацу и военщины в Японии, Т. А. Биссон пишет: «На протяжении всей современной истории Японии дзайбацу, дворцовая камарилья, помещики, лидеры армии, лидеры военно-морского флота, кадровые чиновники и политические деятели партий постоянно вели интриги, стремясь захватить руководящее положение. Иногда борьба особенно обострялась, и тогда некоторым приходилось плохо. Не исключалось даже убийство. Но все это было лишь семейной ссорой. Так, где дело касалось расширения империи или стремления народа к демократии, правящие группировки выступали как сплоченное целое. Отыскивать внутри олигархии какую-то особую группировку, которая якобы будет управлять Японией «миролюбивыми» и «демократическими» методами, значит впадать в величайшее заблуждение. Ведущей политической силой в современной Японии является не военщина, а дзайбацу. Но эти две группировки взаимно дополняют, а не исключают друг друга»¹.

Как уже указывалось выше, разработанная дзайбацу программа «новой экономической структуры» была реализована при чисто военно-бюрократическом кабинете Тодзё. Образованный в октябре 1941 г. накануне войны на Тихом океане кабинет Тодзё, как и предшествовавший ему последний (третий) кабинет Коноэ, уже были образованы на основе провозглашенной в августе 1940 г. «новой политической структуры».

Одновременно с ее провозглашением было объявлено о создании «Ассоциации помощи трону» взамен распущенных накануне прежних парламентских партий².

«Ассоциация помощи трону» (АПТ) была еще более узкой организацией, чем все прежние реакционные японские политические партии. В ассоциацию входили только небольшая часть членов обеих палат парламента, члены тайного совета, министры, губернаторы, назначавшиеся правительством руководители массовых шовинистических обществ и неко-

пришлось покинуть Токио, и он уехал в Маньчжурию, где занял пост начальника военной жандармерии Квантунской армии, а затем начальника ее генштаба. Позднее он стал командующим механизированных сил японской армии в Китае, откуда был взят генералом Итагаки на пост заместителя военного министра (Хиллис Лори, там же, стр. 129).

¹ Т. А. Bisson. Japan's war Economy. N. Y., 1945.

² «Агония» партий затянулась вплоть до 1940 г. В июле — августе 1940 г. самораспустились одна за другой: социалистическая партия сякай тайсюто, «ортодоксальная группа» сэйюкай во главе с Кухара, «реформистская группа» той же партии во главе с Накадзима и, наконец, минсэйто и различные мелкие партии.

торые из генералов (всего АПТ объединяла несколько сот членов). Президентом АПТ, согласно ее уставу, являлся премьер-министр, в ее правление входили министры, некоторые из лиц императорского окружения и лидеры прежних парламентских фракций реакционных партий. АПТ представляла собой, таким образом, чисто верхушечную правительственную организацию. Она находилась на полном финансовом иждивении правительства. В программе ассоциации указывалось, что ее задачей является «доведение до народа мнения правительства». Ассоциация строилась как орган, который должен был содействовать единогласному принятию в парламенте всех правительственных законопроектов и руководить деятельностью массовых шовинистических организаций вроде «союза резервистов», «общества трудового служения трону», «союза женщин великой Японии» и т. п., а также так называемых «соседских групп» («тонаригуми») и «уличных комитетов». «Вышим достижением» АПТ было проведение с ее помощью правительством Тодзё (который в качестве премьера был председателем ассоциации) в феврале 1942 г. выборов в парламент по системе «одобренных кандидатов». Ассоциация, все руководимые ею организации, в том числе организации местных избирательных боссов, на которых АПТ опиралась, и унифицированная печать вели агитацию только за кандидатов, одобренных правительством, что в сочетании с террористическими мерами обеспечило этим кандидатам победу.

Создание АПТ хотя и привело к смягчению внутренней борьбы в правящем лагере, но не могло ликвидировать эту борьбу.

Большинство членов парламента не принадлежало к АПТ. Внутри АПТ большинство принадлежало к числу членов распушенных партий минсэйто и сэйюкай, которые были недовольны тем, что Тодзё хотя и допустил их избрание в парламент, но убрал их представителей с министерских постов. Они возражали против системы «одобренных кандидатов», и в 1943 г., когда обсуждался вопрос о чрезвычайных правах премьер-министра, добились от Тодзё заявления об отказе от этой системы. Входившие в АПТ члены парламента и тайного совета, связанные с министерством иностранных дел и дзайбацу, были недовольны проектом образования министерства Восточной Азии, вследствие чего соответствующий указ едва не был провален тайным советом. Острая борьба между членами АПТ шла по вопросу о создании министерства вооружений и о проектах административных реформ. На почве разногласий и борьбы внутри АПТ образовалось несколько фракций, из которых одна — «Йокусан

сонэндан»¹ — превратилась в почти самостоятельную организацию, где преобладающее влияние принадлежало лицам, близким к военщине². Члены «Йокусан сонэндан» были тесно связаны с руководством и местными организациями шовинистических обществ, создавали в провинции свои собственные фашистского типа «ударные группы», требовали сохранения системы «одобренных кандидатов» и распространения ее на выборы в местные органы и подчас выступали против «умеренных» из АПТ с демагогической критикой в духе военных «экстремистов».

Чтобы предотвратить угрозу раскола АПТ, правительство Тодзё в середине 1942 г. пошло на создание рядом с АПТ новой параллельной организации под названием «Йокусан сэйдзикай» («Политическая ассоциация помощи трону» — ПАПТ). По официальным заявлениям, в функции ПАПТ входила «политическая деятельность — доведение до правительства мнения народа», в то время как АПТ якобы осталась как «практическая организация», организация по оказанию правительству помощи в разработке различных государственных актов.

Главное отличие ПАПТ от АПТ заключалось в том, что она охватила большинство членов парламента, в ее функции входило обеспечение «сотрудничества» парламента с правительством. ПАПТ была более влиятельной организацией, чем АПТ. Из 187 учредителей ПАПТ, не входивших в число членов парламента, 63 человека являлись прямыми представителями дзайбацу. В списке учредителей мы встречаем президента крупнейшей в стране военно-промышленной компании — «Мицубиси дзюкогё» К. Гоко, президент банка Мицуи Д. Мандай, президента угольных компаний Мицуи К. Мацумото, президента крупнейшего в Маньчжурии концерна тяжелой промышленности «Мангё» Г. Аюкава, президентов и директоров ряда компаний концернов и контрольных ассоциаций. Не менее 90 человек принадлежало к высшим кругам буржуазной интеллигенции (ректоры и профессора университетов, редакторы центральных газет и т. п.), причем многие из учредителей были в прошлом лидерами распущенных парламентских партий и лишь 10 человек были генералами или адмиралами³.

В середине 1943 г. ПАПТ насчитывала в своем составе всего 460 членов, в большинстве депутатов обеих палат пар-

¹ Полное название в переводе буквально означало «объединение людей средних лет по оказанию помощи трону».

² Его президентом был один из лидеров военщины, бывший посол в Москве генерал Татэкава.

³ «Нити-нити», 20 мая 1942 г.

ламента. ПАПТ также вскоре стала ареной разногласий и внутренней борьбы различных фракций и группировок¹. В начале 1945 г. была предпринята последняя попытка усилить объединение сил правящего лагеря перед лицом надвинувшейся катастрофы: ПАПТ и АПТ ликвидировались и была создана новая объединенная «Политическая ассоциация великой Японии» («Дайнихон сэйдзикай», сокращенно «Нисэй») во главе с генералом Минами. Эта партия не существовала и четырех месяцев и разделила судьбу создавшего ее кабинета Судзуки — последнего кабинета военного времени.

«Новая политическая структура» закрепила создавшуюся ранее полную независимость от парламента формирования и деятельности правительства, его «военно-бюрократический» характер. За 14 лет войны, с 18 сентября 1931 г. по 2 сентября 1945 г., в Японии сменилось 15 кабинетов министров, возглавлявшихся 13 премьерами. Частая смена кабинетов происходила в соответствии с постоянной, усвоенной еще с 70-х годов прошлого века практикой японского правящего лагеря, сущность которой заключается в следующем: в случае каких-либо серьезных политических осложнений кабинет министров во главе с премьером «берет на себя ответственность» и уходит в отставку.

Отставки кабинетов, формирование новых кабинетов и смена отдельных министров обычно очень широко рекламируются, и при этом массам населения внушается мысль о том, что министры нового кабинета — люди, способные «справиться с положением» и ликвидировать создавшиеся при прошлом кабинете трудности. Даже в периоды «партийных кабинетов» кандидатуры премьера намечались из руководства партии, имевшей в парламенте большинство, ближайшими к императору лицами, а не самим руководством партии. «Новая политическая структура» закрепила сложившийся после 1931 г. порядок, по которому ближайшие советники императора решают вопрос о кандидатуре премьера совершенно независимо от парламента.

Среди лиц, приближенных к императору, решающее значение имели, во-первых, члены «генроин», т. е. совета старей-

¹ Внутри ПАПТ имелись следующие группы: «Гиин конданкай» («Общество дружеского собеседования членов парламента»), куда входили бывшие члены сэйюкай из так называемой «реформистской группы» Накадзима; «Сакуракай» («Общество вишни»), куда входили бывшие члены минсэйто; «Кинтобикай» («Общество золотого коршуна»), объединявшего членов парламента из отставных генералов и офицеров. Газета «Ямато» (7 июля 1943 г.) насчитывала, кроме вышеприведенных, еще пять групп внутри ПАПТ.

шин, органа, названия которого нет ни в конституции, ни в каких-либо иных государственных установлениях, но который был создан в первые годы после революции Мэйдзи императором Муцухито из государственных деятелей, бывших к нему наиболее близкими в годы борьбы против сёгуната. Последний генро, князь Сайондзи, родственник главы концерна Сумитомо, умер в 1940 г. Новые генро официально не назначались, и, казалось, что институт этот прекратил свое существование. Однако с начала войны, с 1937 г., неофициальным органом, исполнявшим функции генроин, стало совещание председателя тайного совета с премьером и со всеми экс-премьерами¹.

В действовавший в течение всей войны высший внепарламентский, совершенно неофициальный орган, который «давал советы императору» (в частности, намечал кандидатуры новых премьеров), входили до середины 1944 г.: последний из премьеров «партийных кабинетов», лидер партии минсэйто Вакацуки, «умеренные» военные — адмиралы Окада и Ионай и генерал Абэ, сановники и царедворцы Коноэ, Хиранума и Хирота².

Как уже указывалось при рассмотрении «новой экономической структуры», последняя очень тесно переплеталась с «новой политической структурой», что нашло свое выражение в «административной реформе» 1943 г. В этом году, одновременно с предоставлением чрезвычайных прав премьерминистру Тодзё, при кабинете создается «комитет советников, возведенных в ранг синнин», соответствующий рангу министра.

Все восемь членов первого состава этого комитета являлись прямыми представителями дзайбацу. В комитет вошли: упоминавшийся выше, связанный с концерном Мицубиси, адмирал Тойода, Гоко (Мицубиси), Фудзивара (Мицуи), Мацумото (Мицуи), виконт Окоти (концерн Рикэн), Ямасьта (владелец судоходной компании Ямасьта), Судзуки (концерн Фурукава), Юки (президент Японского банка, в начале своей карьеры — ответственный служащий концерна Ясуда). Все они возглавляли «контрольные ассоциации и компании» в важнейших отраслях военной промышленности³.

Таким образом, ответственные служащие и совладельцы концернов, ближайшие и самые надежные сотрудники

¹ Fleisher. What to do with Japan, 1942, стр. 49.

² Генерал Тодзё вошел в состав «нового генроин» после своей отставки с поста премьера в июле 1944 г.

³ При последующих изменениях состава «комитета советников» большинство в нем неизменно оставалось за прямыми представителями дзайбацу.

финансовых магнатов в ходе войны сначала стали во главе «контрольных ассоциаций», а затем сделались министрами «правительства при правительстве», каким в сущности был «комитет советников», с которым премьер Тодзйо был обязан советоваться не только по поводу применения своих новых чрезвычайных прав, но и по поводу всех важных мероприятий правительства.

Финансовая олигархия в борьбе за усиление своего политического влияния не ограничилась созданием «комитета советников». Дзайбацу добивались устранения вмешательства военщины в экономические дела, захвата руководства всеми гражданскими министерствами, устранения военного и военно-морского министерств от участия в контроле над военной промышленностью.

В октябре 1943 г. были осуществлены важные реформы высшего государственного управления: были созданы три новых министерства (вооружений, транспорта и связи, сельского хозяйства и торговли) и ликвидировано пять прежних («Плановое бюро», министерства торговли и промышленности, земледелия и лесоводства, связи, железных дорог). Особенно важное значение имели ликвидация «Планового бюро», которое было экономическим штабом военщины, и создание министерства вооружений, которое, как мы уже указывали, было превращено в руководимый прямыми представителями дзайбацу настоящий генеральный штаб по эксплуатации всех материальных ресурсов Японии ради увеличения мощи военно-промышленных концернов.

Административная реформа 1943 г. знаменовала собой крупную победу дзайбацу и начало ряда политических поражений военщины, связанных с военными неудачами Японии. Тодзйо был вынужден ввести в свой кабинет в качестве министра транспорта и связи Иосиаки Хатта, одного из крупных промышленников, и в качестве министра сельского хозяйства и торговли — Тацуносукэ Ямадзакэ, в прошлом одного из лидеров партии сэйюкай. В ноябре 1943 г. в состав кабинета в качестве министра без портфеля вошел Г. Фудзивара, один из наиболее активных на политической арене представителей финансовой олигархии, который был «сам по себе живым опровержением опасного мифа о том, что лидеры японского бизнеса не хотели создавать империю с помощью меча»¹. В качестве сначала члена «комитета советников» при кабинете, а затем министра без портфеля Фудзивара был фактическим руководителем министерства вооружений, хотя формально портфель министра находился в руках премьера

¹ Т. А. Bisson, там же, стр. 143.

Тодзйо. При очередной перетряске кабинета Тодзйо в феврале 1944 г. в его состав были введены в качестве министра финансов Сотаро Исивата, старый и опытный чиновник министерства финансов «умеренный» представитель бюрократии; в качестве министра земледелия и торговли — Нобуя Утида, крупный капиталист, служивший в начале 900-х годов в концерне Мицуи, а затем создавший ряд своих собственных транспортных компаний («Утида кисэн», «Утида сйодзи», «Утида дзйодзи» и др.) и одновременно занимавший ряд важных государственных должностей (министр железных дорог в 1934 г., губернатор префектуры Мияги в 1943 г.); в качестве министра транспорта и связи — Кэйта Гото, президент и директор ряда частных железнодорожных компаний, вице-президент Токийского торгово-промышленной палаты.

Таким образом, в 1943—1944 гг. кабинет Тодзйо перестал быть чисто «военно-бюрократическим» кабинетом — виднейшие должности в нем перешли в руки прямых представителей дзайбацу.

В июле 1944 г., в связи с потерей острова Сайпан, после почти трех лет пребывания у власти, кабинет Тодзйо вышел в отставку. Последующие кабинеты генерала Куниаки Койсо (июль 1944 г.— март 1945 г.) и адмирала Кантаро Судзуки (апрель 1945 г.— август 1945 г.) были сформированы в качестве кабинетов коалиции всех правивших клик, наподобие тех кабинетов, которые существовали до начала войны на Тихом океане. Шесть министров кабинета Койсо во главе с адмиралом Мацумаса Йонай в прошлом, в 1940 г., входили в так называемый «умеренный кабинет» Йонай. В кабинет вошли три старых «партийных лидера» (Маэда, Симада и Матида) и, наконец, пост министра вооружений занял сам Фудзивара.

Возглавлявший последний кабинет военного времени адмирал в отставке барон Судзуки принадлежал к дворцовому окружению и был связан с группой Коноэ-Хиранума-Йонай. Во время февральского путча 1936 г. он был ранен путчистами, а вошедший в его кабинет генерал Ясуи в том же году был начальником штаба военно-полевого суда, расследовавшего дела путчистов. В качестве министра вооружений в кабинет Судзуки вошел адмирал-промышленник Тойода. Министр без портфеля вице-адмирал Сакондзи в 1935—1941 гг. был президентом Северно-сахалинской нефтяной компании Мицуи. Генеральный секретарь кабинета Хироси Сакомидзу был зятем адмирала Окада, который в 1936 г. лишь случайно избежал смерти от рук путчистов. Почти все остальные гражданские министры принадлежали к бюрократии или являлись в прошлом лидерами буржуазных партий.

Военщине в последнем кабинете военного периода удалось сохранить только посты военного и военно-морского министров.

Помимо «комитета советников» при кабинете, в годы войны на Тихом океане были учреждены «палаты советников» при отдельных министерствах. Палаты при экономических министерствах состояли преимущественно из прямых представителей дзайбацу. Так, например, все 11 членов учрежденной в марте 1945 г. «палаты советников» при министерстве вооружений были директорами или президентами компаний концернов Мицубиси (Гоко), Мицуи (Мацумото), Сумитомо (Фурута, Оя), Рикэн (Окоти) или различных контрольных ассоциаций¹. В число восьми советников министерства финансов в 1944 г. входили банкиры Сибудзава, Оно и др. Советниками так называемого «координационного планового бюро», созданного в конце 1944 г. (главным образом в качестве органа промышленных кругов по руководству эвакуацией предприятий), были: директор нескольких компаний Сумитомо Т. Обата, глава концерна Асано — Р. Асано, президенты и директора ряда крупнейших промышленных, транспортных и торговых компаний С. Тиба, Э. Нагасаки, К. Кавано и др.²

Наконец, при анализе участия представителей дзайбацу в администрации военного времени нельзя пройти мимо их роли в местных органах, которые в последний год войны, в связи с усиленными бомбардировками, эвакуацией предприятий и подготовкой к обороне островов против десанта, приобрели исключительно важное политическое значение. Главными органами местного управления были административные советы девяти районов, на которые делилась Япония (Хоккайдо, Тохоку, Хокурику, Канто, Кинки, Тюгоку, Токай, Сикоку, Кюсю). Среди 37 членов совета одного из главных промышленных районов — района Кинки (главный город Осака) мы встречаем президента банка Санва С. Наканэ, президента компании «Сумитомо Киндзоку» Х. Касуга, вице-президента Осакской торговой палаты Д. Тэрада и ряд других крупнейших осакских предпринимателей. Все шесть советников административного совета Кинки принадлежали к осакской финансово-промышленной знати. В их число входили: президент «Кавасаки дзюкогё» М. Итани; президент Осакской торговой палаты К. Сэки; президент «Канэгафути дзюкогё» (Мицуи) С. Цуда; президент банка Санва С. Наканэ, директор

¹ «Асахи симбун», 8 марта 1945 г.

² «Ниппон таймс», 31 декабря 1944 г.

«Сумитомо хонся» С. Фурута; президент крупнейшей в районе железнодорожной компании Т. Оита¹.

В качестве другого примера укажем на состав токийского муниципалитета, избранного в 1942 г. В число его 100 членов входили: 46 директоров, членов правлений или владельцев различных промышленных, банковских или торговых компаний и предприятий; 7 помещиков; 31 лицо интеллигентного труда (в том числе 7 адвокатов). Занятия остальных 16 членов не были указаны. Таким образом, в муниципалитете японской столицы безраздельно господствовала токийская буржуазия.

Доступ членов АПТ и ПАПТ к прямому участию в администрации обеспечивался путем создания парламентских комиссий при кабинете министров и министерствах. В 1942 г. при кабинете Тодзё в составе этих комиссий находились 374 члена, в том числе 324 члена обеих палат и 50 внепарламентских экспертов. Из 50 внепарламентских экспертов был 21 директор или президент компаний дзайбацу. Из 244 членов нижней палаты, входивших в комиссии, 110 были президентами, директорами, членами правлений различных компаний или владельцами коммерческих предприятий, 17 человек были помещиками, все остальные принадлежали к высшим кругам буржуазной интеллигенции. Из 37 входивших в комиссии членов верхней палаты, чьи занятия были указаны в списках, опубликованных в источнике, к дзайбацу принадлежало 23 человека. В отношении остальных 43 членов комиссии из верхней палаты был указан лишь их титул. Всего из указанных 80 членов комиссии — депутатов верхней палаты — 61 были князьями, графами, баронами, виконтами или маркизами².

В сентябре 1944 г. при кабинете генерала Койсо, когда политический авторитет военщины в связи с военными неудачами начал падать, был восстановлен ликвидированный в 1937 г. (при кабинете генерала Хаяси) институт парламентских вице-министров и парламентских советников, на должности которых были назначены главным образом лидеры распушенных политических партий сэйюкай и минсэйто, входившие в момент своего назначения в ПАПТ³.

Таким образом, «новая политическая структура» закрепляя полное политическое бесправие народных масс Японии,

¹ «Майнити», 28 марта 1945 г.

² «Нити-нити», 10 июня 1942 г.

³ Бывший председатель сэйюкай Масаюки Мацуда был назначен вице-министром иностранных дел; бывший член сэйюкай Сэйки Исида — военно-морским вице-министром; бывший член минсэйто Юки Такати — вице-министром внутренних дел и т. д. («Асахи», 6 августа 1944 г.).

в то же время обеспечивала активное руководство государственными делами нескольких сот представителей правящих олигархических кланов и их наиболее надежных слуг.

Анализируя вопрос о взаимоотношениях владельцев банковских и промышленных обществ и правительственных органов, Ленин писал: «„Личная уния“ банков с промышленностью дополняется „личной унией“ тех и других обществ с правительством»¹.

«Новая политическая структура» и «новая экономическая структура» повели к усилению и прежде широко распространенной в Японии *личной унии* — одновременного занятия людьми дзайбацу многих должностей в различных предпринимательских компаниях, в «контрольных органах» и правительственных органах, что в соединении с родственными и деловыми связями было одним из существенных средств государственно-монополистического контроля дзайбацу.

Приведем некоторые типичные примеры личной унии, родственных и других связей².

Барон *Хисая Ивасаки* — глава семьи Ивасаки, владеющей концерном Мицубиси. Его второй сын, Такая, женат на дочери Сэйхин Икэда (см.), который был одним из руководителей концерна Мицуи и одним из крупнейших политических деятелей реакции. Сестра Х. Ивасаки, Масако, замужем за Кидзюро Сидэхара, одним из руководителей внешней политики Японии до 1931 г., премьер-министром после войны. Племянница Х. Ивасаки, Токико Киути, замужем за виконтом Сибудзава (см.). Старшая дочь Х. Ивасаки, Мики, замужем за крупным дипломатом Рэндзо Савада, бывшим в момент капитуляции послом в Бирме. Племянник Х. Ивасаки, Дзусиро Киути — также видный дипломат. Его последняя должность — секретарь японского посольства в Италии. Его (Киути) жена — дочь вице-министра императорского двора. Другой племянник барона долгое время работал в Иккохама спэши банке. Его жена — дочь Тэцудзиро, Сидати, бывшего президента Промышленного банка, участвующего в концернах Мицубиси и Сумитомо. Его сестра, Харудзи, замужем за Комэй Като, бывшим послом в Лондоне, премьер-министром и лидером минсэйто. Ее дочь, Мисако, замужем за дипломатом Окабэ.

Барон *Такахару Мицуи* — один из членов семьи владельцев концерна Мицуи, президент паровой компании Мицуи и директор горнодобывающей компании Мицуи, был председателем уставного комитета японо-германского клуба

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 209.

² «Report of the Mission on Japanese combines», стр. 16—21 и др.

и президентом японо-венгерского «общества культурной связи».

Барон *Китидзаэмон Сумитомо* — президент головной компании Сумитомо, директор складской компании Сумитомо, банка Сумитомо, горнодобывающей компании Сумитомо, трест-компании Сумитомо и компании Сумитомо по страхованию жизни. Женат на внучке генро князя Сайондзи, который в течение многих лет до своей смерти в 1940 г. был одним из влиятельнейших лиц в японском правительстве.

Кинмоти Окура — член семьи владельцев концерна Окура — занимал в разное время посты члена многочисленных правительственных комитетов, включая комитет по колонизации Маньчжурии, «Плановое бюро», чрезвычайный комитет по вопросам электроэнергетики.

Йосидзукэ (Гисукэ) Аюкава — глава концерна «Ниссан-Мангё» и его многих крупнейших компаний. С 1943 г. — член верхней палаты, член «комитета советников» при кабинете министров, член совета правительственного технологического бюро.

Масатоси Окоти — глава военно-промышленного концерна Рикэн, президент или директор всех крупнейших компаний этого концерна. Советник кабинета при кабинете Тодзё (1943—1944 гг.), член совета технологического бюро и др.

Гиндзиро Фудзивара — президент бумагоделательной компании «Одзи сэйси» концерна Мицуи, член совета гисэй-кай — одной из головных холдинг-компаний концерна «Ниссан»; министр торговли и промышленности в кабинете Йонаи (1940 г.), член «правительственной администрации по созданию великой восточно-азиатской сферы», советник военно-морских властей в оккупированных районах южной части Тихого океана, советник по военным отраслям промышленности Манчжоу-го, президент корпорации по индустриальному оборудованию (1942 г.), член «комитета советников» при кабинете министров, военно-экономического совета, и высшего контрольного административного совета (1943 г.), министр без портфеля в кабинете Тодзё, министр вооружений в кабинете Койсо (1944 г.), советник кабинета министров по контролю над производством железа и стали, член совета ПАПТ (1945 г.).

Сэйхин Икэда — директор-распорядитель банка Мицуи, управляющий Японским банком, советник министерства финансов, советник министерства внутренних дел, член комитета советников при кабинете министров, министр финансов, министр торговли и промышленности и мн. др., тесть одного из членов семьи Ивасаки (Мицубиси), Такая.

Виконт *Кэйдзо Сибудзава* — глава концерна Сибудзава, председатель совета директоров Токийского сберегательного банка, вице-президент банка Дайити, председатель финансовой контрольной ассоциации, управляющий Японским банком, член Верхней палаты, министр торговли и промышленности и мн. др. (после войны — министр финансов).

Его зять *Тэруо Акаси* — президент банка Тэйкоку (Мицуи), председатель Совета директоров расчетной палаты токийских банков, Токийского сберегательного банка, «Компании по развитию стран южных морей», «Японской экономической федерации», президент «Японской банковской ассоциации», член «совещательного комитета Восточной Азии», активный деятель в АПТ и «Нисэй» и мн. др.

Сюнносукэ Фурута — главный директор головной компании Сумитомо, президент еще девяти крупнейших компаний Сумитомо, а также ревизор ЮМЖД (концерн южно-маньчжурской железной дороги), «Японской компании по производству и передаче электроэнергии» («Нихон хассодэн»), металлургического треста «Нихон сэйтэцу» и «Компании по развитию Северного Китая»; с октября 1944 г. — советник кабинета Койсо.

Хидэо Кодاما — один из руководителей концернов Ниссан-Мангё и Хитати — генерал-губернатор Кореи, министр путей сообщений, министр внутренних дел, министр без портфеля, министр просвещения; через жену связан родственными узами с Сумитомо; шурин Сигэно Ходзуми — главного камергера наследного принца Акихито.

Масацунэ Огура — директор ряда компаний Сумитомо, занимал посты министра без портфеля, министра финансов, председателя совещательного комитета по экономическим вопросам Восточной Азии, советника министерства по делам великой Восточной Азии, советника ПАПТ и др.

Кунимити Хара — один из руководителей концерна Номура, занимал различные посты в министерстве финансов, служил в качестве главного контролера в Ипотечном банке Японии, был советником Квантунской армии и советником бюро по маньчжурским делам при кабинете министров.

Косиро Сибэ — председатель ряда компаний Мицубиси: «Мицубиси дзюкогё» (тяжелая промышленность), «Компании стальных изделий Мицубиси» и др., а также «Нихон сэйтэцу» (полугосударственный металлургический трест) и др. С 1944 г. — президент контрольной ассоциации судостроения.

Тойотаро Юки — директор трест-компаний Мицуи, до этого был директором лондонского представительства Ясуда. Был президентом Промышленного банка, управляющим

Японского банка, министром финансов, президентом планового бюро при кабинете министров, членом верхней палаты, членом советов АПТ и ПАПТ, советником министерства великой Восточной Азии и др.

Барон *Бункити Ито* — президент Японской горнодобывающей компании («Нихон когё»), компании недвижимостей Годо, горнодобывающей компании и компании химической промышленности Формозы, пароходной компании, компании по страхованию на море и от огня и компании по страхованию жизни «Ниссан», нефтяной компании Северного Сахалина, горнодобывающей компании Кухара, компании Хитати, банка Ниигата. Он занимал посты руководителя контрольной ассоциации горнодобывающей промышленности, президента или члена различных правительственных экономических комитетов и мн. др.

Анализ политической роли дзайбацу в годы войны лишний раз показывает лживость американско-английских утверждений по поводу «умеренности» магнатов японской финансовой олигархии, их непричастности к войне. «Правительства — приказчики класса капиталистов. Приказчикам платят хорошо. Приказчики — сами пайшики»¹. «...Богач — писал Ленин — всегда сможет «нанять» или купить или привлечь любое число адвокатов, писателей, даже депутатов, профессоров, попов...»². Что касается японских богачей, то они не ограничивались тем, что наняли себе генералов и буржуазную интеллигенцию. Они внедрились во все важные звенья государственного управления своих самых надежных сподвижников и слуг, компаньонов, совладельцев и руководящих служащих своих компаний. Магнаты японского финансового капитала вместе с их ближайшим окружением были подлинными хозяевами империалистической Японии, вдохновителями и организаторами кровавых авантур японского империализма и составляют клику опаснейших военных преступников, непримиримых врагов мира и прогресса.

Американские империалисты нашли в их лице в послевоенной Японии своих союзников и потому помогли им избежать скамьи подсудимых. Но народы, пострадавшие от японской агрессии, и все прогрессивное человечество давно уже вынесли им и их нынешним американским покровителям и сообщникам свой суровый приговор.

* * *

Вышеописанная «новая структура» представляла собой одну из самых мрачных страниц в истории Японии, фашист-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 84.

² Там же, стр. 33.

ский режим, созданный японской монополистической буржуазией с целью подавления демократического движения в Японии и для развития империалистической агрессии.

Содержание так называемой «новой экономической структуры», как окрестили в 1940 г. японские империалисты режим военного государственно-монополистического капитализма, заключалось в том, что война и развитие военного хозяйства были использованы японскими дзайбацу для более полного подчинения государственного аппарата их интересам, для усиления монополистического характера картелей, которые срослись с государственными органами и, таким образом, получили возможность еще больше содействовать росту концентрации производства и централизации капитала в руках концернов.

Дальнейший анализ различных сторон «новой экономической структуры» покажет нам, каковы были ее социальные и экономические последствия.

ГЛАВА II

УСИЛЕНИЕ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ ДЗАЙБАЦУ НА РЫНКЕ ССУДНЫХ КАПИТАЛОВ И ВО ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛЕ

«Регулирование» кредита, капиталовложений и прибылей и его последствия

Характеризуя роль банков при капитализме, Ленин писал: «Основной и первоначальной операцией банков является посредничество в платежах. В связи с этим банки превращают бездействующий денежный капитал в действующий, т. е. приносящий прибыль, собирают все и всяческие денежные доходы, предоставляя их в распоряжение класса капиталистов.

По мере развития банковского дела и концентрации его в немногих учреждениях, банки перерастают из скромной роли посредников в всемогущих монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большей частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран. Это превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов перерастания капитализма в капиталистический империализм...»¹

В Японии концентрация банков еще до войны происходила чрезвычайно быстрыми темпами. Общее число банков в стране уменьшилось с 2155 в 1914 г. до 782 в 1930 г. и до 424 в 1936 г.

В 1933 г. на пять крупнейших коммерческих банков страны (Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда, Дайити) приходилось 42,4% ко всей сумме вкладов во все банки страны.

Как указывалось выше, дзайбацу выступали одновременно как владельцы банковских и промышленных компаний, ввиду чего кредитная база крупнейших концернов была доста-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 198.

точно прочной и обеспечивала им возможность сравнительно быстрого расширения промышленности в мирное время. Но с развертыванием подготовки к войне масштабы и структура кредитных институтов дзайбацу не могли удовлетворить потребности военного хозяйства. Для выполнения огромных правительственных военных заказов военно-промышленным компаниям требовалось гораздо больше капиталов, чем обычно могли предоставлять банки концернов. Помимо уже рассмотренной выше функции кредитных институтов в качестве органов мобилизации финансовых ресурсов, перед ними встала также задача содействовать превращению этих ресурсов в капитал для военного хозяйства.

Банки (дзайбацу и полугосударственные) должны были осуществлять политику приоритета в отношении кредитования военных отраслей промышленности и в отношении регулирования капиталовложений. Банки должны были обеспечить наиболее нормальные условия для перелива капиталов в военные отрасли, т. е. содействовать тому, чтобы прибыли в этих отраслях были выше, чем в других. Что касается полугосударственных кредитных институтов, то перед ними была поставлена задача кредитования полугосударственных промышленных и торговых компаний и кредитования на особо льготных условиях тех отраслей военной промышленности, в которых концерны и коммерческие банки по разным причинам не склонны были рисковать своими капиталами и кредитами. Полугосударственные кредитные институты были органами, через которые правительство производило выплату субсидий и компенсаций военным промышленникам. Выполнение всех этих задач требовало значительных изменений в структуре всех кредитных учреждений страны, в особенности в полугосударственных кредитных учреждениях.

Роль полугосударственных так называемых специальных банков¹ в Японии была всегда весьма значительной. Накануне войны в Китае депозиты этих банков составляли около 1 млрд. иен — почти столько же, сколько депозиты каждого из пяти крупнейших коммерческих банков. В то же время ссуды специальных банков на октябрь 1937 г. составляли 2,6 млрд. иен — около 40% к сумме ссуд всех коммерческих банков. Но не только этим определялось значение специальных банков. Японский банк, наподобие Английского банка, — это «банк банков»; ему принадлежит монополия выпуска банкнот, он принимает взносы и производит платежи государственного

¹ К числу «специальных» банков до 1937 г. относились: Японский банк, Промышленный банк, Иокосама спэши банк (Банк международных расчетов), Ипотечный банк, центральные банки в колониях и колонизационный банк Хоккайдо.

казначейства, в его функции входит размещение государственных займов, он акцептует векселя коммерческих банков, активно поддерживает на определенном уровне учетные ставки и т. д. В функции другого специального банка, Промышленного, входит кредитование промышленных акционерных обществ.

Еще задолго до начала войны с Китаем, в 1933 г., один из руководителей концерна Мицуи и крупнейших политических деятелей дзайбацу С. Икэда предложил проект реформы Японского банка. По этому проекту банк должен был перестать ограничиваться лишь учетом векселей и перейти к широкому финансированию промышленности, к выдаче ссуд под залог закладных и других ценных бумаг, связанных с долгосрочным кредитованием. Японский банк должен был, согласно проекту, активно поддерживать Промышленный банк, предоставляя последнему средства для кредитования промышленности.

Реализация плана Икэда была начата в 1937 г. Изменение структуры специальных банков было направлено к тому, чтобы превратить их в полугосударственные коммерческие финансовые институты, участвующие в долгосрочном кредитовании военно-промышленных концернов. Произведенные в 1937—1942 гг. реформы Японского банка в основных чертах свелись к следующему:

1. Вместо совещательного бюро при президенте банка был образован консультативный директорат из семи человек, в состав которого вошли представители крупнейших монополий, министр финансов и представитель Йокохама спэши (валютного) банка¹. Капитал банка был закреплен на уровне 100 млн. иен, причем было установлено, что 55 млн. иен вносятся правительством, а 45 млн. иен — частными акционерами.

¹ Персонально в директорат вошли: Кодзэ Мори (концерн Ясуда); Норихико Яцусиро (концерн Сумитомо); Кенкити Кагами (концерн Мицуи); Синго Цуда (концерн Мицуи); Дзёйдзи Мацумото (бывший министр торговли и промышленности); Касиката Окубо (Йокохама спэши); Тойотаро Юки (в то время министр финансов, впоследствии президент Японского банка). Президентом банка в это время был Икэда (концерн Мицуи) («Japan Year Book», 1938—1939 гг.).

Как указывает «Отчет миссии Госдепартамента» («Report of the Mission on Japanese Combines», Washington, март 1946 г.), после реформы Японского банка его управляющие стали по меньшей мере столь же влиятельны как министры кабинета, что было весьма выгодно для дзайбацу, поскольку каждый из управляющих банком был с ними весьма тесно связан. Представителя концерна Мицуи С. Икэда в 1937 г. сменил Тойотаро Юки (креатура Икэда, в прошлом работавший в банке Ясуда и возглавлявший головную компанию последнего). В 1944 г. Юки сменил один из крупнейших японских банкиров, глава банка Дайити, поглощенного впоследствии Мицуи, — виконт Сибудзава.

2. Японский банк усилил свой контроль над другими специальными кредитными учреждениями. Доверенные лица Японского банка были назначены: один — членом совещательного бюро при Промышленном банке, другой — вице-председателем Иокосама спэши банка. Со всеми крупными кредитными учреждениями страны были установлены постоянные корреспондентские связи и была введена обязательная явка представителей этих учреждений на регулярные конференции.

3. Банк перестал ограничиваться выдачей ссуд лишь под залог ценностей и государственных облигаций, но стал производить активное кредитование промышленности. Размеры ссуд были увеличены. В качестве залога стали приниматься и гарантированные правительством акции и облигации промышленных и торговых компаний, а также товары и земельные участки.

С изданием в сентябре 1937 г. чрезвычайного закона о регулировании капиталовложений на Японский банк была возложена обязанность выдавать разрешения на производство новых капиталовложений¹. При банке был создан чрезвычайный комитет по инвестициям, в состав которого вошли представители правительства, парламента и монополий.

Промышленный банк был превращен в подсобный орган Японского банка по финансированию военной промышленности. Прежде всего были очень сильно расширены возможности банка по долгосрочному и краткосрочному кредитованию². Промышленный банк сделался тем каналом, через который осуществлялась связь между правительством и Японским банком, с одной стороны, и военно-промышленными концернами — с другой. Система связи была такова, что различные компании и банки учитывали в Промышленном банке свои векселя и получили от него авансы и гарантии по выпускавшимся займам. Под эти учетные векселя и другие гарантийные документы Промышленный банк получал кредиты в Японском банке.

¹ Сущность закона о регулировании капиталовложений сводилась к следующему: предусматривалось, что выпуск ценных бумаг компаний, банков и т. д., отпуск кредитов на расширение, переоборудование и новое строительство предприятий, всякая консолидация займов и изменения первоначального назначения тех или иных затрат — все это должно производиться по разрешению правительства. Все акционерные компании и предприятия в стране подразделялись в зависимости от их важности для производства военных изделий на три класса (А, Б, и В), причем для каждого класса предусматривались особые правила кредитования.

² Промышленному банку было разрешено увеличить выпуск своих облигаций с 500 млн. иен до 2 млрд. иен, причем правительство гарантировало уплату номинала и процента по облигациям, выпускавшимся сверх прежних лимитов, т. е., иными словами, облигации на сумму в 1,5 млрд. иен приобрели характер государственных облигаций.

Промышленный банк находился под контролем дзайбацу, банки которых владели примерно 45% акций Промышленного банка (остальные акции были широко рассеяны)¹. В 30-х годах Промышленный банк возглавлял синдикаты по финансированию крупнейших военно-промышленных полугосударственных компаний («Нихон сэйтэцу» — черная металлургия; «Тэйкоку нэнриё» — жидкое топливо и многие другие, а также синдикаты по финансированию ЮМЖД, Мангё и других компаний в Маньчжурии). В то же время Промышленный банк широко финансировал также компании дзайбацу, а в особенности новых концернов, не имевших собственной кредитной базы.

В 1942 г., в дополнение к Промышленному банку, был создан новый Банк военных финансов², который принял на себя кредитование по преимуществу компаний новых концернов и полугосударственных компаний, что позволило Промышленному банку в большей степени, чем раньше, сосредоточить все свои ресурсы для кредитования военно-промышленных компаний³.

Таким образом, Японский банк и подчиненный ему Промышленный банк, а впоследствии и Банк военных финансов во время войны превратились в главные органы по финансированию правительством военной промышленности.

Из нижеследующих данных легко видеть, что Японский банк фактически являлся банком по кредитованию дзайбацу.

Ссуды Японского банка другим банкам *
(на 31 декабря 1945 г., в млн. иен)

„Специальным“ банкам (Промышленный банк, Иокосама сэнши, Центральный маньчжурский, Объединенных фондов, Военных финансов, Народный) . . . 12 481

Другим банкам (коммерческие и сберегательные) . . . 25 229

В том числе банкам „большой шестерки“ (Тэйкоку Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда, Санва, Номура) 19 954

* „Report of the Mission on Japanese Combines“, март 19'6, стр. 63.

¹ «Report of the Mission on Japanese Combines», стр. 65.

² Его точное название — «Кредитная касса военного времени» («Сэн-дзи кинъю кинко»). Банк был создан с капиталом в 300 млн. иен, две трети которого было оплачено правительством и шестая часть банками дзайбацу. «Касса» имела право выпускать долговые обязательства на сумму, превышавшую в 10 раз ее капитал. К концу 1942 г. ее обязательства равнялись 1,9 млрд. иен («Справочник по военной экономике», Токно, 1943, стр. 192).

³ К концу войны сумма ссуд, предоставленных Банком военных финансов, составляла 3662 млн. иен против 14 331 млн. иен, предоставленных Промышленным банком («Report of the Mission on Japanese Combines», стр. 67).

Для финансирования перевода невоенных предприятий на военное производство было создано два специальных полугосударственных торгово-кредитных института:

1. «Объединение по индустриальному оборудованию» («Сангёо сэцуби эйдан», открыто в 1942 г.) с капиталом в 400 млн. иен с разрешением выпускать облигации на сумму, превышающую в 15 раз основной капитал. Это учреждение производило закупку у частных владельцев их предприятий и оборудования и продажу закупленного оборудования предприятиям военной промышленности.

2. «Казначейство национального возрождения» («Кокумин косэй кинкэ», создано в 1940 г.) с капиталом в 50 млн. иен и также с правом выпускать облигации на сумму, превышающую в 15 раз основной капитал. В отличие от вышеуказанного «Объединения», которое занималось по преимуществу использованием оборудования крупных предприятий для военной промышленности, «Казначейство национального возрождения» занималось главным образом делами, связанными с насильственным закрытием мелких и средних предприятий. В его обязанность входило возмещение убытков владельцев закрываемых предприятий, поскольку принцип сохранения частной собственности формально распространялся на всех частных владельцев. В действительности, как мы увидим ниже из данных о фактической деятельности «Казначейства», оно было лишь фиговым листком, прикрывавшим организованное ограбление мелких и средних предпринимателей.

С изданием в 1940—1942 гг. ряда правительственных указов по вопросам финансирования Японский банк и министерство финансов получили возможности активно вмешиваться в операции частных банков, страховых обществ и других кредитных учреждений, а также в финансовые дела всех акционерных компаний.

После соответствующих решений, принятых на совещаниях представителей банков концернов, все частные кредитные институты страны были объединены во «Всеяпонскую контрольную ассоциацию по финансированию» («Дзэнкоку киньё тосэйкай»), в отраслевые контрольные ассоциации по финансированию, контрольные союзы по финансированию (объединения мелких банков) и районные финансовые союзы. Кроме того, была создана объединившая крупнейшие коммерческие банки и действовавшая в непосредственном контакте с Японским банком «Ассоциация по финансированию приоритетных отраслей промышленности».

Немаловажное значение в системе контроля над капиталовложениями имели мероприятия по контролю на рынке акций. Изданные в августе 1941 г. соответствующие распоряжения

предусматривали определенный максимум и минимум цен, по которым разрешались купля и продажа акций, а также предоставляли министру финансов право запрещать или ограничивать продажу акций. Впоследствии закон предоставил правительству право заставлять любую компанию сдавать часть своих акций Банку военных финансов. В 1943 г. создается специальная полугосударственная фондовая биржа («Нихон сёюкэн торихикисё»). Биржа эта получила монопольные права по операциям со всеми ценными бумагами частных компаний, причем биржевыми брокерами могли быть только лица, назначавшиеся компаниями, состоявшими акционерами биржи и утверждаемые ее директоратом. Таким образом, в области торговли ценными бумагами контроль перешел в руки дзайбацу, действовавших через полугосударственные фондовые биржи.

В 1944 г., в связи с резким ухудшением военного положения, правительство внесло ряд изменений в систему контроля с целью форсирования военного производства. Все внимание правительства сосредоточилось непосредственно на компаниях, производящих оружие и боеприпасы, а также сырье для оружия и боеприпасов. Одновременно с изданием в конце 1944 г. «закона о компаниях военного производства» издается распоряжение о выделении банков по финансированию военного производства. Согласно новой системе, правительство назначало определенный банк, который был обязан кредитовать те или иные «выделенные компании». Прочие банки могли участвовать в кредитовании данной компании только косвенным путем через «выделенный банк», который автоматически становился во главе синдиката по финансированию данной компании или группы компаний.

С начала 1945 г. 70—80 % кредитов всех кредитных учреждений страны отпускались через «выделенные банки»¹. Все депозитные и займовые счета финансируемых компаний последние были обязаны сосредоточить в «выделенных банках», которые получили право инспектировать всю бухгалтерскую отчетность своих клиентов. К числу «выделенных» в январе 1945 г. были отнесены 57 самых крупных банков страны, в том числе все полугосударственные банки, банки дзайбацу и крупнейшие из «местных банков».

Таковы были в общих чертах изменения в структуре и статуте полугосударственных кредитных учреждений и в законодательстве о капиталовложениях. Правительство неизменно рассматривало политику кредитования и регулирования капита-

¹ «Oriental Economist», февраль 1945 г. К концу войны к выделенным банкам было приписано 2240 компаний, из которых 1582 были приписаны к пяти крупнейшим банкам дзайбацу («Report of the Mission on Japanese Combines», стр. 60).

ловложений как стержень всей системы военно-экономического регулирования.

В связи с рассматриваемым вопросом не лишено интереса содержание так называемой «клятвы японских финансистов», которую владельцы, члены правлений и ответственные сотрудники кредитных учреждений были обязаны в строю, обратившись лицом в сторону императорского дворца, хором вслух читать по восьмым числам каждого месяца¹:

«1. Мы клянемся покрыть военные расходы тотальной мощью банковских органов и содействовать успешному завершению священной войны. 2. Мы клянемся стремиться к укреплению боевого потенциала объединенными действиями всех банковских органов и помогать увеличению производства военного времени. 3. Мы клянемся поддерживать стабильность экономики военного времени и посвятить все наши знания для создания сильного и здорового основания кредита. 4. Мы клянемся держаться твердой уверенности в окончательной победе, переносить все трудности и тяготы и стать идеальным примером для населения на отечественном фронте...»²

Так законами и церемониями религии синто прикрывались интересы голого чистогана японских банкиров, клявшихся «перенести трудности и тяготы» по загребанию военных сверхприбылей.

Та цель, которую ставили перед собой правительственные органы,— всемерное расширение военного производства — могла быть и была достигнута только путем обеспечения громадных прибылей для военно-промышленных компаний.

В связи с этим необходимо остановиться еще и на том, какую роль в системе военного регулирования играл так называемый «контроль над прибылями». 11-я статья «закона о всеобщей мобилизации нации» гласила: «Во время войны в случае, если этого требуют интересы всеобщей мобилизации, правительство может в соответствии с требованиями императорских указов отдавать распоряжения по поводу распределения прибылей, списывания капиталов и других финансовых операций компаний». Когда в начале 1939 г. японское правительство вознамерилось ввести в действие 11-ю статью, в политических сферах по этому поводу поднялся большой шум, так как представители дзайбацу во главе с упоминавшимся выше Икэда решительно запротестовали. По адресу правительства посыпались обычные в таких случаях обвинения в подавлении частной инициативы, в ликвидации «стимула для предпринимательства» и чуть ли не в коммунизме.

¹ Восьмое число — день начала войны на Тихом океане (декабрь 1941 г.).

² «Майнити», 10 марта 1944 г.

Все это, разумеется, было пустейшей демагогией, имевшей целью убедить трудящихся в том, что бремя войны несли на себе также и капиталисты. Законодательство о регулировании прибылей не причинило ни одному из японских монополистов ни одной иены убытков. Так называемый «контроль над прибылями» представлял собой не что иное, как одно из средств «регулирования» капиталовложений. Дело в том, что никаких ограничений в прибылях японское правительство не вводило. Введены были лишь некоторые ограничения размеров уплачивавшихся дивидендов. Это значило, что до известных пределов была ограничена та часть прибылей, которую акциедержатели получали на руки и могли использовать для личного потребления или для каких-либо вложений по их собственному усмотрению. Таким образом, сохранилась другая, не разделявшаяся среди акционеров часть прибыли, что было выгодно для держателей контрольного пакета акций.

Ограничение размеров дивидендов тяжело отражалось лишь на тех, кто владел небольшим числом акций и для кого доходы по этим акциям были основным средством к существованию. Закон этот, таким образом, вел к уменьшению доходов и потребления мелких акциедержателей, но он служил интересам владельцев монополий, заинтересованных в увеличении с помощью низких дивидендов капиталов компаний¹.

Через год после введения в действие 11-й статьи закона о всеобщей мобилизации, в апреле 1940 г. военное министерство предложило усилить контроль над прибылями. Принципиально новым в этих требованиях было то, что армия связывала контроль над прибылями с вопросом о понижении цен на готовые изделия военной промышленности. При существующих высоких ценах армия не может на отпускаемые по бюджету средства покупать военные товары в нужном количестве. Нужно понизить цены за счет непомерно высоких прибылей — таково было демагогическое, рассчитанное главным образом на привлечение симпатии народных масс, требование военщины.

¹ В марте 1939 г. журнал «Oriental Economist» писал следующее: «Среди нынешних промышленных компаний есть некоторые такие, чьи руководители хотят, но не могут пойти на понижение дивидендов, так как это шло бы вразрез с требованиями акционеров. Указ об ограничении поможет им в этом. В некоторых промышленных компаниях, не действующих в военных отраслях, намечилось снижение прибылей в связи с ростом издержек производства и налогов. В то же время они нуждаются в средствах для переоборудования. Такие компании очень бы хотели прекратить рост дивидендов или даже понизить их для того, чтобы пополнить свое имущество. Ограничение дивидендов окажет очень благоприятное влияние на дела таких компаний и укрепит базу промышленности».

Впрочем, даже это «радикальное» требование сопровождалось такой весьма характерной оговоркой: «При определении рациональных прибылей наибольшее внимание должно быть уделено тому, чтобы не был утрачен стимул для сокращения себестоимости путем роста производительности, чтобы это не явилось препятствием для развития производительных сил, чтобы, наоборот, поощрялось разумное предпринимательство»¹. Оговорка эта, однако, не помогла бравым генералам из интендантского управления военного министерства. Финансовый капитал встретил проект в штыки. На другой день после его опубликования в печати акции большинства промышленных компаний покатались вниз, и печать выступила с резкой критикой требований армии.

В конце концов гора родила мышь. Опубликованный в октябре 1940 г. указ о контроле над счетоводством компаний не внес ничего принципиально нового по сравнению с указом о контроле над дивидендами, взамен которого он был издан. Речь опять шла о дивидендах, а не о прибылях. Прежний порядок выплаты дивидендов сохранялся, и разница была только в том, что если раньше границей, за которой начинал действовать правительственный контроль, были 10% к о п л а ч е н н о м у капиталу, то теперь такой границей стали 8% к о в с е м у капиталу, т. е. к оплаченному плюс резервы. Основная цель указа заключалась в том, чтобы укрепить резервы компаний. Ни этот, ни последующие указы, касавшиеся «контроля над прибылями», не меняли того факта, что так называемый «контроль над прибылями» был прежде всего одним из способов «регулирования» капиталовложений².

В последующие годы законодательство о прибылях и дивидендах изменялось в том же направлении, что и в первые годы войны. В 1944 г. «Ассоциация по контролю над финансированием», в которой руководящая роль принадлежала банкам дзайбацу, приняла решение о введении системы перечисления всех дивидендов на счета акционеров в банках, что открывало новые возможности для принудительной покупки акционерами облигаций государственных займов и для принудительного вложения их капиталов в военную промышленность.

Вышеописанная кредитная политика и политика капиталовложений явилась поистине золотым дождем для дзайбацу.

¹ «Tokyo Gazette», июль 1940 г.

² По поводу указа о контроле над счетоводством компаний журнал «Transe Pacific» (31 декабря 1940 г.) писал: «Несомненно, новые правила были приняты после того, как правительство достигло соглашения с финансовыми и деловыми кругами. Если бы это было не так, если бы правила не были основаны на взаимном соглашении, то вводимый на их основе контроль вместо того, чтобы содействовать развитию экономики, явился бы тормозом для ее развития».

Благодаря политике приоритета все средства наживы оказались сосредоточенными главным образом в руках концернов, Примером может служить выпуск новых акций: право на выпуск получали преимущественно крупные компании, выполнявшие военные заказы. При этом компании получили право распределять часть акций по нарицательной стоимости среди своих старых акционеров за счет дивидендов и резервных фондов, а другую часть выпускать в открытую продажу на биржу, где курс акций военных компаний был неизменно очень высок.

Когда в 1943 г. компания «Кавасаки дзюкогё» решила удвоить свой капитал, составлявший 200 млн. иен, она это сделала следующим образом: акции на сумму в 100 млн. иен были распределены по нарицательной стоимости среди старых владельцев контрольного пакета за счет прибылей, остальные акции были пущены в открытую продажу и быстро распроданы на 16% дороже их нарицательной стоимости¹. Точно так же поступали и все другие компании концернов после того, как получали разрешение на выпуск новых акций.

В то время как максимальный размер дивидендов, фигурировавший в отчетах компаний, равнялся 10% (обычно 6—8%), а максимальный размер прибылей — 15—20% (обычно 10—15%), в действительности владельцам контрольных пакетов акций военных компаний нередко удавалось ежегодно увеличивать объявленный и оплаченный капитал компаний в полтора-два раза. Государственное «ограничение» сводилось лишь к тому, что компании были «вынуждены» использовать дивиденды, прибыли, а иногда также и резервы для покупки только наиболее прибыльных акций.

Разумеется, такие операции были доступны только крупнейшим военным компаниям, которые, пользуясь большими кредитами и имея крупные капиталонакопления, не только сами производили дополнительный выпуск акций, но также скупали прибыльные акции средних компаний военного производства и создавали новые компании, получая при этом учредительную прибыль².

¹ «Нихон сангё кэйдзай», сентябрь 1943 г.

² Журнал «Даямондо ниппо» (3 февраля 1945 г.) показывает, как многие промышленные компании, которые раньше занимались преимущественно самофинансированием и не вкладывали средства в другие компании, в последний год войны не только намного увеличили свои собственные капиталы, но и скупали на большие суммы акции других компаний и, не переставая быть промышленными компаниями, превратились также в держательские компании. Например, компания «Мицубиси когё» («Мицубиси-горная») на конец сентября 1944 г. при собственном оплаченном капитале в 178 млн. иен произвела капиталовложения в другие компании на сумму в 204 млн. иен. «Мицун кодзан» («Мицун-горная») при соб-

Вся сумма прибылей и дивидендов всех предпринимательских компаний Японии в годы войны увеличилась в размерах, показанных в табл. 16.

Т а б л и ц а 16

Прибыли и дивиденды всех компаний в годы войны *

С т а т ь я	1937 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Прибыли в млрд. иен	2,1	4,8	5,3	6,3	7,1
То же в % (1937 г. = 100)	100	229	250	300	338
Дивиденды в млрд. иен	1,2	1,8	1,9	2,1	2,2
То же в % (1937 г. = 100)	100	150	158	175	183

* „Japan Year Book“, 1939—1940, стр. 319; „Дзидзэ нэнкан“, 1947, стр. 420.

Данные таблицы, показывая общий громадный рост прибылей всех компаний, не дают, однако, представления о том, на какие по величине компании приходится рост прибылей.

Приводимые ниже (табл. 32) данные о росте капиталов крупнейших компаний показывают, что вся или почти вся сумма громадного прироста прибылей приходилась на крупнейшие компании, т. е. компании дзайбацу¹.

С другой стороны, о характере регулирования капиталовложений мы можем судить по данным о деятельности «Казначейства национального возрождения». За полтора года своего существования (ноябрь 1941 г.— июнь 1943 г.) «Казначейство» выдало компенсации 216 400 лицам, предприятия которых были закрыты по предписанию правительственных органов. В возмещение их убытков было выдано 185 млн. иен, т. е. приблизительно по 800 иен на предприятие. Это совершенно ничтожная сумма, так как оборудование даже самой маленькой

ственным оплаченным капитале в 167 млн. иен произвела капиталовложения в другие компании на сумму в 195 млн. иен. Для «Хитати сэйсакудзё» («Хитати-машиностроительная») соответствующие цифры — 225 млн. иен и 220 млн. иен и т. д.

¹ Что касается прибылей самих банков дзайбацу, то об этом «Отчет миссии Госдепартамента» пишет: «Имеющиеся данные за 1941 и 1945 фискальные годы о прибылях четырех банков дзайбацу и 25 других банков, просуществовавших весь этот период, показывают, что четыре крупнейших банка получили за эти два года соответственно 25,2 и 37,5% прибыли на оплаченный капитал, а 21 другой банк (непонятно, почему 21, а не 25 банков; видимо, в оригинале опечатка.— Я. П.) — 12,6 и 26,9%». Таковы официальные данные. В «Отчете» высказывается вполне обоснованное предположение о том, что эти данные преуменьшены.

мастерской (помещение, верстаки, ручной инструмент на 4—5 рабочих, мотор и т. п.) стоило в то время не менее 5—6 тыс. иен. К тому же свыше половины суммы, подлежащей выплате, принудительным порядком передавалось «на сбережение». Из этих данных с полной очевидностью явствует, что за так называемой формулой «приоритета», легшей в основу политики регулирования кредита и капиталовложений, скрывалось обогащение монополий за счет мелких и средних предпринимателей, которых государство разоряло и превращало в пролетариев.

Об экономических итогах политики регулирования мы уже могли судить на основании данных о распределении народного дохода в годы войны. Мы видели (стр. 55), что доля «частных инвестиций» в распределении народного дохода в годы войны отнюдь не уменьшилась и даже несколько увеличилась при одновременном резком падении доли «фонда потребления». Львиная доля новых инвестиций шла на развитие тяжелой и военной промышленности.

Кредитная политика государства в годы войны повела к огромному ускорению процесса централизации капитала, к росту финансовой мощи банков дзайбацу, а также полугосударственных банков, обслуживавших преимущественно военно-промышленные компании концернов (табл. 17).

Таблица 17

Размер депозитов и ссуд „специальных“ банков
(в млн. иен) *

Период	депозиты	ссуды
Декабрь 1930	1 171	3 995
„ 1941	2 853	5 482
„ 1944	6 940	15 570
Август 1945	8 487	18 051

* „Дзидзи нэнкан“, 1947, стр. 413.

Громадный рост депозитов и ссуд коммерческих банков сопровождался быстрым уменьшением их количества. Все коммерческие банки страны разделялись на банки концернов и местные банки. В 1937 г. в отношении местных банков правительством был принят курс «1 банк на 1 префектуру» и одновременно форсировалось слияние банков концернов, а также сберегательных банков. О результатах этой политики можно судить по данным табл. 18.

Число и операции всех коммерческих банков (в млн. иен)*

	Число банков (в еди- ницах)	Все активы	Учет и ссуды	Пассивы	
				депозиты	оплачен- ный капи- тал + ре- зервы
31 декабря 1930 г. **	782	14 974	7 021	8 738	1 948
1936 г.	424	18 041	7 106	11 008	1 756
1940 г.	286	37 411	14 549	24 671	1 826
1942 г.	144	51 112	17 883	35 420	1 844
1944 г.	83	74 110	37 948	61 070	2 395
1945 г.	61	138 119	72 053	102 349	2 698

* „Japanese Economic statistics“ (GHQ SCAP), март, 1948 г.; „Report of the Mission on Japanese Combines“, стр. 37.

** Цифры за 1930—1941 гг. — для банков всей империи включая их иностранные филиалы. За 1942—1945 гг. — цифры только для банков и их филиалов на четырех островах.

Большой интерес представляют данные, показывающие удельный вес банков дзайбацу к концу войны в различных видах банковского предпринимательства (табл. 19).

Из этих данных следует, что на пять банков дзайбацу с их филиальными банками приходилось более половины всех активов¹, около трех четвертей всего учета и ссуд, и в то же время лишь менее двух пятых облигаций государственных займов — последнее обстоятельство отражает успех политики дзайбацу, направленной на размещение как можно большей суммы государственных займов среди других кредитных институтов.

Число сберегательных банков понизилось с 90 в 1930 г. до 74 в 1936 г., до 23 в 1944 г. и до четырех в 1945 г., тогда как сумма активов всех сберегательных банков увеличилась с 2398 млн. иен в 1930 г. до 10 180 млн. иен в 1944 г.²

¹ Если к указанным в таблице данным о пяти банках отдельных концернов прибавить еще данные о трех межконцерновых банках — Санва, Токай, Кобэ, то окажется, что на долю восьми банков дзайбацу приходилось 72,2% всех активов («Report of the Mission on Japanese Combines», стр. 38).

² «Japanese Economic statistics», март 1948 г. В 1941—1944 гг. имели место следующие слияния крупнейших коммерческих банков и поглощение одних банков другими: Мицуи-банк (вклады — 2189 млн. иен, 45 отделений) слился с Дайити-банком (вклады — 3067 млн. иен, 74 отделений), в результате чего был образован новый банк концерна Ми-

Удельный вес „обыкновенных“ банков * дзайбацу

(на 31 декабря 1945 г.) **

Банки	Все активы		Учет и ссуды		Облигации госзаймов		Депозиты	
	млн. иен	в % к итогу	млн. иен	в % к итогу	млн. иен	в % к итогу	млн. иен	в % к итогу
11 банков дзайбацу***								
Тэйкоку (Мицуй)	21 239	15,4	15 466	21,5	2 887	8,2	12 150	11,9
Сумитомо	13 851	10,0	8 673	12,0	2 566	7,3	9 250	9,0
Мизэ	119	0,1	32	—	48	0,1	105	0,1
Мицубиси	15 361	11,1	10 201	14,2	2 735	7,8	10 339	10,1
Иокохама ко-син	1 975	1,4	612	0,8	614	1,8	1 639	1,6
Ясуда	18 794	13,6	12 989	18,0	2 823	8,0	12 953	12,7
Хиго	368	0,3	83	0,1	170	0,5	349	0,3
Онгаки кё-рицу	577	0,4	180	0,2	229	0,7	480	0,5
Сикоку	869	0,6	133	0,2	329	0,9	788	0,8
Фукуока	1 439	1,0	455	0,6	512	1,4	1 279	1,2
Номура	3 624	2,6	2 219	3,1	816	2,3	2 796	2,7
Все банки дзайбацу	78 216	56,6	51 043	70,8	13 749	39,0	52 128	50,9
50 других банков	59 903	43,4	21 010	29,2	21 423	61,0	50 221	49,1
Итого	138 119	100,0	72 053	100,0	35 152	100,0	102 349	100,0

* „Обыкновенными“ банками (в отличие от „специальных“ — полугосударственных) в Японии называются коммерческие банки общего типа.

** „Report of the Mission on Japanese Combines“, стр. 37.

*** Отступ означает, что соответствующий банк является филиальной компанией стоящего выше основного банка конперна.

цуи — Тэйкоку-банк (вклады — 5256 млн. иен, 119 отделений). В 1944 г. Тэйкоку-банк поглотил крупный банк Дзюго («15-й»), в результате чего его вклады увеличились до 6430 млн. иен. Мицубиси-банк поглотил Дайхяку-банк («100-й»), в результате чего вклады банка Мицубиси увеличились с 2774 млн. иен до 4793 млн. иен, а число отделений — с 66 до 76. В 1944 г., в результате поглощения ряда мелких банков, вклады банка Мицубиси увеличились до 5630 млн. иен. Ясуда-банк поглотил Нихон тью-банк («суточный»), вследствие чего его вклады увеличи-

В середине 1944 г. в составе «Контрольной ассоциации обычных банков» («Фуцу гинко тосэйкай»), т. е. коммерческих неместных банков, осталось всего восемь банков, из которых пять перечисленных выше (Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда, Санва) обладали каждый депозитами до 5 млрд. иен и выше, в то время как в 1936 г. депозиты всей большой банковской пятерки в сумме составляли 11 млрд. иен.

Из коммерческих банков среднего масштаба сохранились только три кансайских (осакских) банка — Номура, Токай и Кобэ, причем с повестки дня долго не сходил вопрос о слиянии этих трех банков с двумя крупнейшими кансайскими банками — Сумитомо и Санва — в один банк под контролем концерна Сумитомо, что, однако, не было осуществлено.

В результате слияний и поглощений число компаний по страхованию жизни и имущества сократилось с 45 в 1941 г. до 18 в 1944 г., причем в дальнейшем предполагалось оставить только четыре крупные страховые компании концернов Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и Ясуда и страховую компанию Дайити (связана с Мицуи). На пути к осуществлению этой программы банк Санва слился со страховой компанией Санва, банк Токай — со страховой компанией Токай, банк Кобэ — со страховой компанией Кобэ и т. д.

Таким образом, в течение семи лет войны (с 1937 по 1944 г.) было ликвидировано около 500 средних и крупных кредитных и страховых институтов и осталось лишь около 90 коммерческих, специальных и сберегательных банков и страховых обществ. Из них решающее значение имели только пять коммерческих банков (Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда, Санва), один Объединенный сберегательный, пять

лись с 3524 млн. иен до 4128 млн. иен, а число отделений — со 148 до 209. В 1944 г. банк Ясуда поглотил два крупных банка, Сйова и Дайсан («3-й»), в результате чего его вклады увеличились до 5720 млн. иен.

Кроме того, в марте 1945 г., по требованию министерства финансов, девять сберегательных банков слились в один мощный банк с оплаченным капиталом в 66 млн. иен. Во главе объединенного сберегательного банка в качестве президента стал главный владелец одного из слившихся банков, он же владелец концерна Ясуда — Хадзимэ Ясуда.

Общая сумма вкладов девяти слившихся банков составляла 8700 млн. иен, число их отделений — 374. Таким образом, концерн Ясуда, «король-рантье» получил под свой контроль банк более мощный, чем основной банк Ясуда.

Вклады банка Сумитомо, в результате поглощения им мелких банков, увеличились с 3529 млн. иен в марте 1943 г. до 4745 млн. иен в апреле 1944 г.

Осакский банк Санва, который до описанных слияний и поглощений был самым мощным из коммерческих банков (в 1944 г. размер его вкладов составлял 4820 млн. иен, а число отделений — 235), был в 1943 г. оттеснен на четвертое место. В 1945 г. этот банк поглотил другой крупный банк Дайго («5-й») («Йомиури Хоти», 21 марта 1943 г.).

страховых компаний (Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда, Дайити) и два полугосударственных (Японский банк и Промышленный банк), т. е. всего 13 кредитных учреждений, на долю которых приходилось не менее четырех пятых банковских депозитов и капиталов всех оставшихся в стране банков и страховых обществ. О такой высокой централизации кредита дзайбацу до войны не могли и мечтать. В мирных условиях понадобились бы многие десятилетия для того, чтобы нескольким крупнейшим кредитным монополиям удалось столь всеобъемлюще подчинить своему господству рынок капиталов страны.

После войны некоторые японские экономисты охарактеризовали отношения между банками и промышленностью в годы войны как «господство промышленности над банками». Журнал «Oriental Economist» (октябрь—ноябрь 1945 г.) охарактеризовал деятельность кредитных учреждений в годы войны как «агрессивную кредитную политику, поддержанную и даже введенную военщиной». Обе эти туманные формулы призваны скрыть тот факт, что в годы войны имело место чрезвычайно щедрое, на исключительно благоприятных условиях кредитование военной и тяжелой промышленности концернов полугосударственными и коммерческими кредитными институтами.

Долгосрочные кредиты коммерческих банков всей промышленности, по данным «Oriental Economist» (октябрь—ноябрь 1945 г.), составили на конец 1941 г. 3100 млн. иен, а на конец 1944 г.—15 550 млн. иен—за три года рост в пять раз. В то время как в 1936 г. все активы всех банков страны составили 18 млрд. иен, к концу войны одна только задолженность военно-промышленных компаний банкам достигла 56 млрд. иен¹.

¹ «Oriental Economist», 3 августа 1946 г. По данным «Дзидзи нэн-кан» («Ежегодник Дзидзи», 1947, стр. 256), к концу войны все капиталовложения всех банков в одни только компании по производству вооружения и боеприпасов составили 26,2 млрд. иен, из которых 25,4 млрд. иен (97%) приходилось на банки «большой пятерки» (Тэйкоку-Мицуи, Сумитомо, Мицубиси, Ясуда, Санва) и Промышленный банк. По отдельным банкам размеры их капиталовложений в указанные компании были следующими:

Банки	Капиталовложения (А)	В том числе в военную про- мышленность (Б)	Б : А (в %)
Промышленный	14 649	9 806	67
Тэйкоку	14 375	3 003	21
Сумитомо	8 109	3 393	42
Мицубиси	9 212	3 043	33
Ясуда	11 000	2 275	21
Санва	6 793	1 903	28

Столь большое расширение долгосрочного кредитования коммерческими банками не могло быть произведено обычным путем без государственной поддержки банков и без государственных гарантий их кредитов. По данным на 31 декабря 1945 г., из 48,4 млрд. иен крупных кредитов (суммой свыше 1 млн. иен), отпущенных восемью крупнейшими коммерческими банками, лишь 3,5 млрд. иен было отпущено под ответственность самих кредиторов; 22,5 млрд. иен было отпущено под частичную гарантию правительства, а остальная сумма, т. е. 22,4 млрд. иен,— под полную гарантию правительства¹. Коммерческие банки кредитовали военную промышленность, опираясь не только и не столько на свои обычные пассивы, сколько на кредиты, получавшиеся ими от Японского банка. Кредиты последнего всем банковским институтам страны возросли с 900 млн. иен к концу 1941 г. до 28 млрд. иен к 15 августа 1945 г. Японский банк в свою очередь не мог оказывать такие большие кредиты, опираясь только на свои обычные пассивы, и был вынужден прибегать к печатному станку.

Сумма банкнот Японского банка в обращении увеличилась с 1400 млн. иен в июле 1937 г. до 4701 млн. иен к концу 1941 г., до 17 746 млн. иен к концу 1944 г. и до 30 200 млн. иен к 15 августа 1945 г. Таков был метод использования инфляции как средства военной мобилизации экономики.

В годы войны концерны могли смело занимать любые средства у полугосударственных банков, не опасаясь за свою ликвидность, так как они опирались, помимо прочих, на активы, состоявшие из государственных ценных бумаг. 41 млрд. иен, или 21% всех активов коммерческих банков, к концу войны приходились на облигации государственных займов.

Кроме того, существовал еще один вид государственных обязательств концернам, которые (обязательства) в годы войны не фигурировали ни в каких публиковавшихся отчетах. Речь идет о государственных обязательствах по уплате компенсаций военной промышленности за разрушения во время бомбардировок, эвакуацию заводов, расторжение контрактов, а также компенсаций по гарантиям дивидендов. Бся сумма принятых государством, но не выплаченных до конца войны обязательств по компенсациям выражается в 81 млрд. иен². Эта колоссальная сумма должна быть

¹ «Summation of non-military activity in Japan», GHQ, SCAP (название верховного штаба американского командования в Японии). № 5, февраль 1946 г.

² «Oriental Economist», 19 октября 1946 г.

прибавлена к размеру государственного долга, составившего к концу войны (на сентябрь 1945 г.) по всем видам государственных обязательств 177,7 млрд. иен¹.

Уже в годы войны за описанную выше «агрессивную кредитную политику» пришлось расплачиваться трудящимся Японии (рост цен на продукты и товары широкого потребления), а также мелкой и средней буржуазии. Но в полной мере результаты этой политики сказались после войны. Государство оказалось должником на сумму свыше 200 млрд. иен и было вынуждено, по крайней мере временно, приостановить платежи компенсаций. Дзайбацу задолжали государству около 60 млрд. иен и для того, чтобы уменьшить размер своей задолженности, содействовали развитию инфляции, которая после войны приняла громадные размеры и явилась одной из причин создавшегося под властью американского империализма экономического хаоса в послевоенной Японии.

«Сильное и здоровое основание кредита», к которому в своей ежемесячной «клятве» обязывались стремиться японские банкиры, обернулось для трудящегося населения страны режимом голода и беспросветной нужды на долгие не только военные, но и послевоенные годы. Банки же дзайбацу и их владельцы за годы войны обогатились и усилили свое монопольное положение на рынке ссудных капиталов.

Усиление монополистического контроля во внутренней торговле

Внутренняя торговля, как и все остальные отрасли народного хозяйства, была еще до войны монополизирована концернами дзайбацу. Как видно из данных табл. 11, внутренняя торговля занимала немалый удельный вес в предпринимательстве концернов. В руках торговых компаний дзайбацу находилась львиная доля оборотов оптовой торговли и значительная часть розничной торговли (универмаги). Однако, что касается последних, то большая часть оборота все же оставалась в руках средних и мелких торговцев, хотя и зависевших от компаний концернов, но все же в известной мере самостоятельных.

Ограничение производства средств потребления и всемерное форсирование производства военных изделий не могло не повести к образованию дефицита на предметы потребления, сырье, топливо и средства производства и к росту цен на дефицитные товары. Если в мирное время, особенно в фазах кризиса и депрессии, проблема реализации есть прежде всего проблема превращения товарного капитала в денежный, то в

¹ J. B. Cohen, там же, стр. 54.

условиях военного хозяйства, когда нормальный процесс воспроизводства нарушен вследствие того, что громадная часть производимых товаров (военные изделия) из процесса воспроизводства выпадает, проблема реализации есть проблема превращения денежного капитала в товарный. Так же как в мирное время в процессе конкурентной борьбы за реализацию товаров монополии разоряют мелких и средних капиталистов, в военное время они еще с большим успехом добиваются того же результата, используя недостаток товаров.

Следствием недостатка товаров является рост цен, вызывающий необходимость их ограничения и рационализации. Чем вызывается эта необходимость?

Если бы цены не ограничивались насильственно, то результат этого был бы следующий: начали бы очень быстро расти цены на дефицитные товары, которыми в условиях Японии в первую очередь неизбежно должны были стать: продукты сельского хозяйства, главные виды сырья, топливо и товары широкого потребления. Вложения капиталов в эти отрасли сулили бы капиталистам наибольшие прибыли и начался бы отлив капиталов из военного производства в указанные выше невоенные отрасли. В условиях дефицита товаров при отсутствии ограничения цен начался бы безудержный разгул спекуляции, в результате которого неизбежно был бы нарушен процесс воспроизводства и в частности — производства военных товаров.

Разумеется, безудержный разгул спекуляции также сулил для дзайбацу немалые прибыли. Но в военное время для дзайбацу главной сферой их предпринимательства было производство военных товаров, которое приносило монополистам прибыли более высокие, чем довоенные, и притом постоянные, обеспеченные на все время войны на основе государственных заказов и кредитов. Ввиду этого все остальные виды предпринимательства были в известной степени подчинены интересам нормального функционирования такой наиболее прибыльной для дзайбацу отрасли народного хозяйства, как военное производство.

В основу политики монополистического контроля над ценами и рационализации дефицитных товаров был положен принцип, о котором мы уже говорили выше; максимум прибыли за производство военных изделий, сырья и машин для производства военных изделий¹.

¹ Подводя итоги политики регулирования цен, журнал «Oriental Economist» (октябрь — ноябрь 1945 г.) справедливо указывал на то, что

После того как введенная в начале 1938 г. практика «добровольных соглашений» между компаниями о поддержании цен на официально установленном уровне провалилась, уже в апреле 1938 г. учреждаются центральный и местные комитеты цен, в которых руководящие должности были заняты представителями концернов¹. Комитеты должны были определять официальный максимум цен, причем их решения по распоряжениям министра торговли и промышленности приобретали силу закона.

Стандартами для определения цен служили: для импортируемых товаров — импортные цены, а для экспортируемых — цены на внешних рынках. Цены на товары внутреннего производства, предназначенные для внутреннего рынка, должны были быть закреплены на том уровне, на каком они находились накануне издания комитетом соответствующих распоряжений, а в отдельных случаях — понижены до уровня, существовавшего перед началом войны. Цены определялись для каждой фазы движения товаров и вводились через картели².

Контроль над соблюдением официальных цен и наказание их нарушителей был возложен на созданную во время войны специальную экономическую полицию и сеть инспекторов по ценам. Из трех тысяч разбросанных по всей стране инспекторов были образованы префектурные и районные комиссии по инспектированию цен. Контроль был распространен более чем на тысячу разновидностей товаров.

рост цен объяснялся не только дефицитом товаров, но и ростом издержек производства в связи с переходом с импортного сырья на более дорогое внутреннее, в связи с недостатком машин и ухудшением квалификации рабочих и т. д. «Но более важная причина, — пишет журнал, — политика военных властей, которые из всех сил стремились увеличить продукцию, предоставляя предпринимателям более высокие прибыли путем политики высоких цен».

¹ В 1939 г. во главе центрального комитета цен стоял упоминавшийся выше С. Икэда (Мицуи). В 1940 г. председателем комитета стал Иосиаки Хата, президент Японской палаты торговли и промышленности. В состав комитета входили: С. Хонидзи (Мицуи), Абэ (Мицубиси), К. Иино (Промышленный банк), С. Кудо (Сумитомо), М. Танака (Ниссан) и др. (Т. А. Биссон, там же, стр. 38).

² Каким образом производилось установление цен, мы можем проследить на примере хлопчатобумажной пряжи. По решению комитета цен, самая высокая цена, по которой производители могли продавать пряжу, была определена в размере 230 иен за кипу. Для всех отдельных сортов пряжи цена варьировала на основе указанного стандарта. Сама же стандартная цена подлежала изменениям в соответствии с движением цен на хлопок в Нью-Йорке. Последняя рассматривалась как базисная цена. При изменении базисной цены на 10 центов за кипу в ту или другую сторону соответственно изменялась на 1,5 иены стандартная цена в Токио. Такая же система была установлена для хлопка-сырца («Mitsubishi monthly circular», апрель 1940 г.).

Таким образом, все товары были разделены на два класса — контролируемые и неконтролируемые. Характеризуя такой метод контроля, «Ежемесячник Мицубиси» писал: «Когда фиксировались лишь те цены, которые росли, то это приводило к тому, что терялась связь между нормальными издержками производства контролируемых товаров и ценами на сырье для них, или же терялись нормальные ценовые отношения между контролируемыми товарами, вследствие чего производство контролируемых товаров сокращалось или продавцы старались избежать контроля». Иными словами, разделение товаров на контролируемые и неконтролируемые не могло приостановить рост цен. Когда устанавливалась твердая цена на какой-нибудь вид товаров, промышленники сокращали его производство и переходили к производству других, неконтролируемых товаров.

Наступившее с началом войны в Европе резкое ухудшение условий импорта усилило тенденцию к повышению цен на внутреннем рынке. Тогда японское правительство решилось на чрезвычайную меру. 18 октября 1939 г. был издан указ, по которому цены на все товары, арендная плата, фрахты и заработная плата закреплялись на уровне, существовавшем 18 сентября того же года. Цены могли повышаться лишь по специальному разрешению правительства. Однако очень скоро правительство под давлением стихии капиталистического рынка было вынуждено отступить от своего указа и разрешило повышать цены сначала на рис, затем на уголь, табак, спички и на другие товары. В течение года, последовавшего за изданием указа, индекс розничных цен вырос на 17,2%, а оптовых — на 7,3%.

Фиксирование цен вызвало огромный рост спекуляции и привело к образованию подпольного рынка. Для обеспечения продажи по фиксированным ценам с 1938 г. начала вводиться система рационирования. Сначала было введено рационирование сырья и полуфабрикатов для производства вооружений и средств производства. С помощью этой системы государство осуществляло свою политику приоритета по отношению к крупным компаниям. Затем рационирование снабжения сырьем было введено для предпринимателей и торговцев, занятых в производстве и торговле предметами широкого потребления. Лишь в 1940 г., т. е. через три года войны, когда цены по сравнению с 1937 г. увеличились в полтора-два раза, был завершен переход на карточное снабжение населения.

Сказанное выше об общей линии политики монополистического контроля, направленной на обеспечение развития наиболее прибыльной для дзайбацу отрасли народного

хозяйства — военного производства, отнюдь не означает, что эта политика привела к искоренению спекуляции, к отказу монополистов от получения сверхприбылей на основе спекулятивной торговли дефицитными товарами. Ни в одной капиталистической стране при самом строгом «регулировании» ничего подобного не было и не могло быть.

Какие бы формы ни принимал государственно-монополистический контроль, отвечающий прежде всего интересам финансовой олигархии, каждый из ее членов всегда старается использовать не только «законные», но и «нелегальные» методы обогащения, не считаясь ни в малейшей степени с тем, что применение последних идет в разрез с общими интересами господствующего лагеря. Наиболее важная особенность государственно-монополистического капитализма как раз и заключается в том, что всякого рода монополистические «регулирующие» мероприятия не только не вступают в противоречие с капиталистической анархией производства, но в конечном счете ведут к ее усилению, поскольку в результате их применения усиливаются сами монополии.

Описанные выше меры по контролю над ценами не привели к их стабилизации, так как давление монополий в сторону их повышения оказывалось более сильным, чем усилия к стабилизации цен на определенном уровне. Ярким примером успешной борьбы монополий против стабилизации цен может служить каменноугольная промышленность. В 1939 г. Япония переживала острый топливный кризис: в то время как потребность в угле в связи с засухой и бездействием некоторых электростанций, а также ростом военных производств значительно возросла, добыча каменного угля едва удерживалась на уровне 1938 г. По общему мнению японской экономической печати, застой в росте угледобычи в 1939 г. был прямым следствием саботажа промышленников, вызванного тем, что официальные цены на уголь в сентябре 1938 г. были понижены на 10%¹. Последнее было сделано под давлением военищины и явно в интересах «новых концернов», занятых в химическом производстве, а также в интересах полугосударственных предприятий (металлургия, транспорт) — крупных потребителей каменного угля.

При таких условиях японским шахтовладельцам было из-за чего саботировать. «Производители угля, — писал журнал «Тойо кэйдзай» (15 марта 1940 г.), — утратили стремление

¹ Журнал «Тойо кэйдзай» (27 февраля 1940 г.) писал: «Если придерживаться, как до сих пор, политики низких цен, то пусть даже оборудование расширяется, все равно производство каменного угля будет падать. В конце концов это приведет к приостановке расширения оборудования».

к расширению производства» и, добавим мы, предпочли вкладывать капиталы в другие отрасли, ибо „патриотизм плюс 5% — хорошо, а патриотизм плюс 10% — лучше“.

Углепромышленники использовали дефицит на топливо, создавшийся в связи с засухой, для того, чтобы добиться увеличения своих прибылей. Саботаж углепромышленников был основной причиной топливного голода в 1939/40 г. Ниже мы увидим, с какой настойчивостью и беспощадностью японское буржуазно-помещичье правительство ограничивало и понижало заработную плату трудящихся и лишало их легальных возможностей экономической борьбы. *Но ни один из государственных чиновников не шевельнул пальцем, чтобы подавить саботаж угольных магнатов, который длился почти два года и нанес тяжелый удар всему народному хозяйству страны.*

В конце концов углепромышленники добились своего. Под давлением дзайбацу сначала в угольной промышленности, а затем в других отраслях именно субсидии стали одним из основных средств поддержания цен на многие из важнейших товаров на определенном уровне (табл. 20).

Т а б л и ц а 20

Субсидии за каменный уголь (в иенах) *

Г о д	Издержки производ- ства на 1 т	Субсидия на 1 т	Цена 1 т для потре- бителя	Прибыль на 1 т
2-я половина 1940	15,7	1,40	20,13	5,83
1941	18,02	2,00	20,13	4,11
1942	19,69	4,40	20,13	4,84
1943	24,13	8,75	20,13	4,75
1944	38,02	23,13	20,13	5,24
1-я половина 1945	58,88	45,00	20,13	6,25

* „Дзидзи нэнкан“, 1947, стр. 268.

Такую же картину мы наблюдаем и в химической и в других отраслях промышленности. Субсидии, таким образом, отпускались в размерах, позволявших предпринимателям получать более или менее постоянную прибыль на единицу продукции. Фактически, однако, прибыли были гораздо более значительными, ибо через контрольные торговые компании и минуя их владельцы предприятий сбывали часть продукции по ценам черного рынка.

В 1943 г. получила широкое распространение так называемая «система стоимостной калькуляции». Исчислялись издержки производства на единицу товара и к ним прибавлялась «сносная прибыль». Если полученная сумма превышала ту цену, по которой промышленники были обязаны продавать свои изделия контрольной торговой ассоциации, то разница выплачивалась в виде субсидий. Но издержки производства, разумеется, были неодинаковы у различных компаний. Эта система открывала бесконечные возможности для наживы компаниям дзайбацу, чьи представители занимали руководящее положение во всех органах, производивших подсчеты издержек, и подрывала стимул для улучшения производства.

Для капиталиста дело было не в том, чтобы снизить издержки производства, а в том, чтобы доказать соответствующим органам, что издержки у него очень высоки. Для преодоления этого недостатка была введена система специальных компенсаций, при которых особые суммы выплачивались за выполнение производственных планов, сокращение сроков производства и за снижение себестоимости. Однако поскольку управление предприятиями, бухгалтерия и счетоводство неизменно оставались в руках предпринимателей, эта система повела лишь к большому запутыванию и усложнению контроля, к росту бюрократического контрольного аппарата¹.

На последнем этапе войны контроль над ценами принял следующие формы: все виды товаров были разделены на два класса — те, производители которых не получали субсидий, и те, производители которых субсидии получали. К первому, несубсидируемому классу относились готовые военные изделия, а также полуфабрикаты и сырье для них (например, легкие металлы, сплавы и пр.). Правительство считало, что повышение цен на эти товары не может оказать большое влияние на общий уровень цен, и поэтому неоднократно повышало цены. Ко второму классу относились те товары, изменение цен на которые немедленно влияло на общий уро-

¹ В августе 1944 г. на совещании губернаторов депутат парламента, доктор коммерческих наук Мицугу Танака заявил: «На некоторых заводах продукция действительно выросла в два раза, но при этом число рабочих также увеличилось в два раза, а число служащих — в три раза, число лиц, ведающих материалами, — более чем в четыре раза. Один завод в связи с получением нового оборудования должен был представить документацию на 161 000 листов. На другом судостроительном заводе должны были составить так называемые регулярные отчеты по 2072 вопросам. На это потребовалось 50 411 листов бумаги. Сколько было бесцельно затрачено времени и труда на составление этих отчетов?!.. Контроль в нашей стране по своей структуре и формальностям сложен и запутан и в значительной мере мешает производству» («Майнити», 24 августа 1944 г.).

жень цен (каменный уголь, электроэнергия, продовольствие, текстиль, древесина и др.). В отношении этих товаров неизменно до конца войны продолжала действовать вышеописанная система субсидий, которые черпались из ряда специально созданных правительством «фондов сохранения низких цен»¹. На субсидируемые товары существовали двойные или даже тройные цены. Например, в январе 1944 г. контрольная компания уплачивала предпринимателям за одну метрическую тонну сульфат-аммония 205,12 иены; считалось, что цена, по которой контрольная ассоциация приобретает одну тонну сульфат-аммония, равна 100,8 иены, разница покрывалась правительственной субсидией; оптовая же цена, по которой контрольная компания была обязана продавать сульфат-аммоний, равнялась 105,07 иены за тонну². Само собой разумеется, что при этой системе всегда обеспечивалась «сносная прибыль» как для компаний-поставщиков, так и для контрольных компаний³.

Вся внутренняя торговля была почти целиком передана под контроль вышеописанных картельных («контрольных») организаций, которые сосредоточили в своих руках контроль над сбытом товаров, производившихся на предприятиях их членов. Низшим звеном торгового контрольного аппарата, ведавшим торговлей по карточкам продуктами и товарами широкого потребления, были так называемые «тонаригуми», «соседские группы», объединенные в «соседские ассоциации» и «уличные ассоциации». Эти организации занимались распределением карточек, а иногда также распределением

¹ По так называемому второму резервному фонду из общего бюджета на «сохранение низких цен» отпускалось в тыс. иен: в 1937 г.—86; в 1939 г.—3598; в 1941 г.—38 148; в 1943 г.—291 232 («Ниппон сангё кэйдзай», 22 января 1944 г.). Кроме того, парламентом принимались особые законы об отпуске субсидий для разных отраслей промышленности; так, например, в 1940 г. в качестве субсидий для углепромышленников было ассигновано 51 млн. иен, в 1943 г.—320 млн. иен, в 1944 г.—490 млн. иен («Ниппон таймс», 31 марта 1944 г.). Вышеуказанные суммы представляли собой лишь субсидии для поддержания низких цен. Субсидии по государственным гарантиям дивидендов, для увеличения номинальной зарплаты некоторым категориям рабочих и служащих, по производству разных исследовательских работ и т. д. отпускались особо по другим счетам.

² «Summation», № 6, март 1946 г.

³ Характерным примером того, как тщательно правительство заботилось об интересах монополий, может служить следующий факт: в 1942 г. в то время как официальная цена одной тонны металлолома равнялась 31 иене, правительство, скупая на лом шерстеобрабатывающие станки и разные механизмы у текстильных компаний, платило им за одну тонну лома от 1354 до 1818 иен (полная стоимость станков минус амортизация). Стоит сопоставить этот факт с тем, как возмещались убытки затрывавшихся мелких предприятий (см. стр. 111), чтобы убедиться в том, что политика цен определялась прежде всего интересами дзайбацу.

продуктов по карточкам, но сами они находились под контролем местных спекулянтов, связанных с «контрольными союзами» и местными властями.

Высшими органами по координации деятельности контрольных организаций в области внутренней торговли были упоминавшиеся выше комитет цен и «Плановое бюро» с его 33 комиссиями по ценообразованию и калькуляции.

После ликвидации в 1943 г. «Планового бюро» было создано «совещание по сотрудничеству по вопросам цен», на смену которому в феврале 1945 г. пришел правительственный «совет товарных цен» под председательством премьер-министра генерала Койсо. В состав этого совета, как, впрочем, и всех существовавших до него правительственных и полуправительственных органов по контролю над внутренней торговлей, неизменно входили либо прямые представители дзайбацу, либо близкие к ним и тесно с ними связанные правительственные чиновники.

* * *

Не подлежит сомнению, что вышеописанные меры по контролю над внутренней торговлей помогли господствующим кланам Японии в осуществлении их политики мобилизации народного хозяйства для нужд войны. Благодаря этим мерам японские монополисты получили возможность обогащаться путем развития военного производства, несмотря на резкое сокращение невоенного производства. В годы войны удалось избежать разрушительной для военного хозяйства безудержной инфляции, наподобие той, которая имела место в гоминдановском Китае. Были сохранены «нормальные условия» для капиталистического воспроизводства, при которых дзайбацу имели возможность, опираясь на фашистско-террористический режим, расширять военное производство и увеличивать свои прибыли за счет трудящихся классов и мелкой буржуазии.

Меры по контролю над ценами хотя и затормозили, но не могли приостановить рост цен, причем их рост в Японии был более высоким, чем в других участвовавших в войне империалистических странах (см. таблицу 21).

Из данных таблицы мы видим, что даже индекс оптовых официальных цен вырос за годы войны в два с лишним раза. Уже один этот факт достаточно убедительно свидетельствует об ограниченности монополистического контроля над ценами, о том, что силы рыночной стихии отнюдь не были и не могли быть подавлены с помощью «регулирующих» мероприятий. Но в гораздо большей степени о том же свидетельствует положение на «черном рынке» (см. таблицу 22).

Индексы цен в Японии, США, Великобритании, Германии 1936—1944 гг. *
(1936 = 100)

Годы	Оптовые цены					Розничные цены				
	Япония		США	Англия	Германия	Япония		США	Англия	Германия
	действительные цены**	официальные цены				действительные цены	официальные цены			
1936	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1937	119	121	107	115	102	109	110	104	105	100
1938	126	127	97	107	102	120	125	102	106	101
1939	145	141	95	109	102	135	141	100	107	101
1940	171	158	97	145	106	175	163	101	125	104
1941	184	167	108	162	108	204	165	106	135	106
1942	236	180	122	169	110	266	170	118	136	110
1943	267	191	128	172	112	312	180	125	135	111
1944	325	214	129	176	113	390	202	127	137	113

* J. B. Cohen. Japan's Economy in War and Reconstruction, 1949, стр. 97.

** Так называемый „индекс Морита“ составлен с учетом официальных цен и цен черного рынка.

Таблица 22

Официальные цены и цены черного рынка на важнейшие
потребительские товары в 1943—1945 гг. (в иенах) *

Т о в а р	Единица измерения	Официальная цена в декабре 1943—июле 1945 г.	Цены черного рынка		
			декабрь 1943 г.	ноябрь 1944 г.	июль 1945 г.
Рис	1 сё	0,5	3,0	22,0	35,0
Сладкий картофель . .	1 кан	0,4	4,0	8,0	9,0
Сахар	1 кан	2,2	50,0	300,0	530,0
Хлопчатобумажная ткань	1 тан	3,8	17,0	90,0	150,0
Кожаные ботинки . . .	1 пара	22,7	100,0	500,0	1000,0
Спички	1 коробка	0,4	1,0	30,0	80,0
Древесный уголь . . .	1 мешок	2,2	10,0	80,0	85,0

* J. B. Cohen, там же, стр. 363.

Будучи по масштабам меньше «официального рынка», черный рынок все же был достаточно велик не только для дополнительного обогащения дзайбацу, но и для того, чтобы на его основе образовалось большое число «нарикинов» — новых богачей из числа военных поставщиков, служащих торговых контрольных органов, экономической полиции и т. п. — людей, занявших видное место в качестве агентуры американского империализма и дзайбацу в послевоенной Японии.

Монополистический контроль над внутренней торговлей был одним из средств усиления капиталистического гнета — разорения сотен тысяч мелких и средних предпринимателей и крестьян и резкого снижения размеров реальной заработной платы рабочих и служащих.

ГЛАВА III

ВОЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ НА РЫНКЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ И В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Государственно-монополистический капитализм — режим военной каторги для рабочего класса

Массовая мобилизация в армию и флот и мобилизация хозяйства для нужд войны привела к резкому изменению положения на рынке рабочей силы. В мирных условиях в Японии, как и во всех капиталистических странах, существовала массовая резервная армия труда — число безработных колебалось от 300—400 тыс. в фазах подъема до 2—3 млн. в фазах кризиса. Полуфеодальные пережитки в деревне лежали в основе аграрного перенаселения и были одной из коренных причин низкой стоимости рабочей силы и низкой, по сравнению с другими империалистическими странами, заработной платы японских рабочих.

По мере развертывания подготовки к войне постоянный избыток рабочей силы сменяется все возрастающим ее недостатком. К концу войны в составе вооруженных сил Японии находилось 7,2 млн. японцев. С 1936 по 1945 г. эмигрировало в оккупированные Японией страны 3627 тыс. человек¹, среди которых было по крайней мере 2 млн. трудоспособных. В 1937 г. численность трудоспособного самодеятельного населения в Японии составляла около 33 млн. человек. Изъятие из этого числа свыше 9 млн. человек наиболее трудоспособного населения не могло не привести к острому дефициту рабочей силы как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Источниками рабочей силы для военной промышленности были деревня и разорявшаяся мелкая буржуазия городов. Дополнительным источником были ранее не работавшие женщины и подростки. Уже до 1941 г. нужда погнала на заводы членов семей рабочих, служащих и мелких торговцев, а в

¹ «Economic Survey of Asia and Far East», 1947 (изд. Экономической комиссии ООН для Азии и Дальнего Востока), стр. 34.

дальнейшем постепенно вводилась принудительная трудовая мобилизация, которая в последний год войны была распространена даже на 12-летних детей. Наряду с общим дефицитом рабочей силы в городе и в деревне особую остроту приобрел дефицит квалифицированной рабочей силы и инженерно-технического персонала. Общий дефицит рабочей силы вел к обострению конкуренции между работодателями, следствием чего при обычных условиях неизбежен был бы рост заработной платы.

В связи с указанными обстоятельствами государственная политика «регулирования» на рынке рабочей силы и заработной платы преследовала следующие задачи: во-первых, расширить источники пополнения рабочей силы; во-вторых, расширить и ускорить подготовку квалифицированной рабочей силы для военной промышленности; в-третьих, усилить интенсификацию труда; в-четвертых, поставить военную промышленность в преимущественное положение на рынке рабочей силы и дать в руки владельцев военно-промышленных компаний дополнительные средства для закрепления за собой нужных контингентов рабочих при одновременном понижении их реальной заработной платы.

Государственная политика в области «регулирования» труда и заработной платы сводилась в конечном счете к тому, чтобы обеспечить дешевой рабочей силой военно-промышленные компании концернов.

Расширению источников пополнения рабочей силы служили законы и указы «о трудовой мобилизации народа», из которых каждый последующий расширял контингент лиц, подлежащих трудовой мобилизации. Последние из подобных указов были изданы в 1944—1945 гг. В связи со снижением призывного возраста для армии с 20 до 18 лет было объявлено о создании так называемых патриотических трудовых отрядов путем принудительного набора новых возрастов замужних женщин (незамужние женщины были мобилизованы раньше), путем создания трудовых отрядов учащихся школ из детей от 12-летнего возраста¹. Косвенно расширению источников рабочей силы служили также меры, приводившие к ра-

¹ В связи с этим в начале 1945 г. в стране были закрыты все школы. В последние месяцы войны дело дошло даже до мобилизации слушателей культа и инвалидов. «Майнити» от 20 марта 1945 г. сообщала о том, что производится мобилизация для работы в авиационной промышленности глухонемых и слепых. Столь усиленная мобилизация городского населения началась в связи с тем, что резервы деревни были исчерпаны — дефицит на рабочую силу в деревнях принял столь острый характер, что правительство было вынуждено перейти к обратной высылке в деревню мобилизованных в промышленность крестьян и к посылке на уборку урожая отрядов учащихся.

зорению мелких промышленников и торговцев, которые вливались в армию пролетариев¹.

Мобилизация рабочих в промышленность производилась в том же порядке, что и мобилизация в вооруженные силы. Подлежащее мобилизации лицо получало повестку на белой карточке в отличие от красных карточек, предлагавших явиться для направления в армию. Система «белых карточек» стала символом военно-каторжного режима, введенного в годы войны для трудящихся Японии.

По свидетельству автора известной работы о Японии «Dilemma in Japan» Э. Рота, «система белых карточек стала кошмаром для японских рабочих». Рот приводит сообщения японской прессы о самоубийствах лиц, получивших белые карточки с приказом явиться на пункт трудового набора.

Хотя формально мобилизация рабочих была в руках правительственных органов, но фактически в годы войны сохранялась система подрядчиков и посредников; последние нередко получали официальные права, становясь служащими правительственных органов трудового набора. Оформляя набор через государственные органы, посредники сдавали рабочих в кабалу тем компаниям, у которых они продолжали служить, как это делалось и до войны.

Удлинению рабочего дня и усилению интенсификации труда служили законы об уголовном наказании и снятии со снабжения лиц, не выходявших на работу, а также казарменный режим, введенный на большинстве предприятий военной промышленности для рабочих (в первую очередь для мобилизованных рабочих трудовых отрядов). Одним из элементов этого казарменного режима были высокие обязательные нормы для рабочих, до выполнения которых они не имели права покидать цеха. Интенсификация труда достигалась путем ускорения хода машин, увеличения штата надсмотрщиков, настойчивой идеологической обработки (выход на работу под знаменами, радиопропаганда) и т. п.

Ускорение подготовки квалифицированной рабочей силы производилось путем расширения сети профессионально-технического образования в учебных заведениях и на предприятиях. Было увеличено число профессионально-технических курсов, на которых мужская молодежь, наряду с получением

¹ По статистике труда, процент населения, занятого в торговле, уменьшился с 15 в 1940 г. до 7 в 1944 г. («Oriental Economist», июнь 1948 г.). По сообщению «Майнити» (14 апреля 1943 г.), в 1941 г. в торговле было занято 5,6 млн. чел., из которых 4,5 млн. чел. владели мелкими лавками или служили в них. Это был один из крупнейших резервов труда для военной промышленности.

ремесленного образования, проходила также допризывную военную подготовку¹.

Государственные школы для обучения техников и десятников выпускали ежегодно всего лишь 1 тыс. специалистов. Ввиду недостаточности средств, отпускаемых по госбюджету для технического образования, центром тяжести подготовки квалифицированных рабочих и среднего технического персонала правительство решило сделать средние и крупные промышленные предприятия.

Согласно изданному в апреле 1939 г. закону на тех предприятиях, где число рабочих в возрасте старше 16 лет превышало 200 человек, было введено обязательное обучение десятников и техников в количестве, установленном по специальной разверстке правительства. В машиностроительной и металлургической промышленности обучение должно было производиться на предприятиях с числом рабочих от 50 и выше.

Промышленники (в особенности средние) встретили этот закон с большим неудовольствием, так как предпочитали, чтобы расходы по подготовке рабочей силы целиком приняло на себя государство. По отзывам японской печати, дело подготовки среднего технического персонала и квалифицированных рабочих на предприятиях в годы войны было поставлено плохо, так как промышленники скупались отпускать нужные средства, а у рабочих, ввиду большой продолжительности рабочего дня, нехватало сил и времени для обучения.

Преимущественное положение монополий на рынке рабочей силы обеспечивалось через систему контрольных ассоциаций и компаний, которые были непосредственно связаны с биржами труда, превращенными в 1941—1942 гг. в местные органы всеяпонских «совета трудовой мобилизации» и «штаба по распределению труда» при министерстве здравоохранения (последнее ведало всеми вопросами труда).

В 1939 г. для рабочих 93 дефицитных профессий были введены регистрационные книжки. Поступать на новые предприятия рабочий мог лишь по предъявлении регистрационной книжки с пометкой хозяина о том, что последний не возражал против ухода рабочего. В случае самовольного ухода рабочий не мог быть никуда принят в течение шести месяцев. Впоследствии эта система была дополнена и изменена указами, по которым уход с предприятия, имеющего военное значение, запрещался и карался тюремным заключением.

Казарменное положение большинства мобилизованных на военные заводы японцев, а также всех корейцев и китайцев,

¹ «Mitsubishi Monthly Circular», июнь, 1939.

насиленно ввезенных в Японию, главным образом на угольные шахты, прикрепляло их к предприятиям дзайбацу так же, как высокие ограды и пулеметы прикрепляют заключенных к концлагерям. Монополия концернов на рынке рабочей силы обеспечивалась режимом военной каторги для рабочих.

Государственный контроль на рынке рабочей силы имел целью предотвратить увеличение номинальной заработной платы, что, в связи с быстрым ростом индекса стоимости жизни, автоматически обеспечивало понижение реальной заработной платы.

В годы войны имело место парадоксальное на первый взгляд явление — в некоторых случаях капиталисты в невоенных отраслях пытались повысить заработную плату, правительство ее ограничивало. Этот парадокс легко находит свое объяснение, если учесть дефицит рабочей силы. Увеличив заработную плату, владелец любого предприятия мог попытаться переманить к себе недостающих ему рабочих, эксплуатация которых с лихвой покрывала бы расходы на увеличение заработной платы и приносила дополнительные прибыли. Прежде всего это, разумеется, относилось к невоенным предприятиям. Но военно-промышленные компании концернов дзайбацу не могли допустить, чтобы во время войны, в условиях дефицита рабочей силы, регулятором ее распределения оставалась заработная плата. Это неизбежно привело бы к срыву обеспечения дешевой рабочей силой военных предприятий. В капиталистическом обществе, где рабочая сила представляет собой товар, общее регулирование цен на товары не могло не распространиться также и на рабочую силу.

После ряда мероприятий по частичному ограничению размеров заработной платы в некоторых отраслях 18 октября 1939 г. был принят указ о закреплении всех ставок на уровне, который существовал 18 сентября того же года. Этим указом правительство дало в руки капиталистов военной промышленности сильнейшее орудие для усиления эксплуатации рабочих. С введением указа экономическая борьба рабочего класса, всякая стачка с требованием увеличения заработной платы приобретала политический характер. Борьба рабочего класса, трудовые конфликты и саботаж на предприятиях сорвали реализацию этого указа. Правительство, не отменяя указ формально, фактически отказалось от его проведения в жизнь.

Все больше отставая от роста индекса стоимости жизни, номинальная заработная плата к началу 1941 г. увеличилась по сравнению с 1939 г. на 20%¹. Указ от 18 октября 1939 г.

¹ «U S. Army service forces manual», 1944, М 354-9, стр. 42.

был фактически отменен еще и потому, что он ограничивал для владельцев военных заводов возможности использования сдельщины как средства интенсификации труда.

Новый указ, принятый в 1940 г., строился на принципе установления максимальных почасовых ставок для рабочих разных категорий. Ставки варьировали в зависимости от пола, возраста, профессии, стажа, местности и значения предприятия. На основе максимальных почасовых ставок для отдельных предприятий устанавливались месячные фонды заработной платы, которые их владельцы не должны были превышать. Фактически в пределах фонда владельцы были вольны платить заработную плату так, как это было им выгодно с целью интенсификации труда.

В июле 1943 г. в эту систему было внесено существенное изменение: владельцы предприятий в пяти приоритетных отраслях (самолетостроение, судостроение, уголь, черная металлургия, производство легких металлов) получили право превышать общий фонд заработной платы с разрешения губернаторов префектур. Эта мера была вызвана тем, что реальная заработная плата во всех отраслях понизилась столь сильно, что для более быстрого развития военного производства выгодно было затормозить ее дальнейшее падение на военных заводах. Некоторое повышение номинальной заработной платы совершенно не отражалось на прибылях монополий, так как в одних случаях оно сопровождалось соответствующим повышением официальных цен, в других — отпуском специальных дополнительных субсидий.

Одной из важнейших мер по созданию каторжного режима для рабочих в годы войны было запрещение и беспощадное подавление деятельности профсоюзов. В пятилетнем плане военного министерства, принятом в 1941 г.¹, указывалось: «Профсоюзы будут организованы только с военной точки зрения для того, чтобы рабочие внесли свой вклад в производство для фронта во время войны».

Организация профсоюзов «с военной точки зрения» была осуществлена в 1938—1939 гг. Все профессиональные организации трудящихся были запрещены и либо ликвидированы, либо загнаны в глубокое подполье.

В 1938 г. правительство создает «общество промышленного служения отечеству» («сангё хококукай»), которое по своей программе и по методу работы было аналогично зубатовским организациям в царской России или гитлеровскому «трудо-вому фронту». Задача общества заключалась в том, чтобы не допускать стачек, добиваться безропотного подчинения ра-

¹ Документ обвинения на токийском процессе № 9002-А.

бочих всем мерам правительства и хозяев, следить за непревышением официальных норм заработной платы, шпионить и доносить полиции об антивоенных и революционных настроениях и их носителях. Отказ от вступления в члены общества рассматривался как непатриотическое поведение, и поэтому в общество было втянуто большинство рабочих цензовой промышленности. Первичные организации общества возглавлялись владельцами предприятий или членами правлений компаний, префектуральные организации — губернаторами, а во главе общества стояли представители правительства и монополий.

С созданием в 1940 г. фашистской «ассоциации помощи трону» общество стало ее филиалом. С 1943 г. общество принимало деятельное участие в создании «патриотических трудовых отрядов» из лиц, мобилизованных в промышленность.

Одновременно с введением террористического режима по отношению к рабочим организациям, добивавшимся увеличения заработной платы, правительство карало отдельных рабочих, особенно поденщиков, нанимавшихся по ставкам выше официальных: за такое «преступление» рабочие подвергались заключению сроком на год или штрафу в 1 тыс. иен.

Японскому империализму, несмотря на массовую мобилизацию в армию и массовую эмиграцию, удалось в годы войны увеличить численность рабочих и служащих в промышленности и на транспорте. В 1937 г. число лиц наемного труда во всех отраслях промышленности и на транспорте составляло 6422 тыс. человек¹. К концу войны число рабочих и служащих, нанятых предпринимателями обычным путем, составляло 6164 тыс. человек. К этому числу, однако, прибавилось 4183 тыс. мобилизованных или ввезенных рабочих, из которых 1927 тыс.² приходилось на «трудовые отряды учащихся», 472 тыс. — на «трудовые женские отряды», 323 тыс. — на рабочих, принудительно ввезенных из Кореи, и 34 тыс. — на рабочих, принудительно ввезенных из Китая³.

Социальные условия в послевоенной Японии таковы, что, повидимому, громадное большинство рабочих, вовлеченных в промышленность путем мобилизации, осталось в составе японского пролетариата и после того, как мобилизационные мероприятия были отменены. Из 12 млн. демобилизованных и репатриированных или подлежащих репатриации японцев по меньшей мере для 3 млн. нет иного выхода, кроме того, чтобы вынести на рынок свою рабочую силу. Уже в июле 1946 г. число лиц наемного труда в городах, в промышленности и на

¹ «Japan Year book», 1939—1940 гг.

² Указанное число включает также и отряды для работы в сельском хозяйстве, численность которых в источниках не указана.

³ «Дзидзи нэнкан», 1947 г.

транспорте достигло 7570 тыс. человек, а во всех отраслях народного хозяйства (кроме сельского хозяйства) превысило 10 млн. человек, т. е., как отмечала «белая книга» японского правительства (от 4 июля 1947 г.), «число лиц наемного труда достигло довоенного уровня, в то время как уровень промышленного производства едва достиг 30% довоенного». В то же самое время, по официальным данным той же «белой книги», в стране насчитывалось 1,5 млн. полностью безработных и 6280 тыс. полубезработных, из которых значительная, если не большая, часть не охвачена статистикой работающих, так как предприниматели обычно утаивают перед властями наличие временных и поденных рабочих. С завершением репатриации должно было прибавиться еще несколько сот тысяч рабочих или безработных.

Рассмотрение положения с людскими ресурсами и на рынке рабочей силы в годы войны позволяет сделать вывод о том, что в ходе войны многократно усилилось «накопление нищеты на одном полюсе», что имел место рост численности японского пролетариата, в особенности индустриального, рабочих тяжелой промышленности¹. Такой результат военного регулирования имеет первостепенное значение для развития социальной и классовой борьбы в послевоенной Японии.

Японская пресса, которая и в довоенные годы печатала фальсифицированные и неполные данные о положении трудящихся в Японии, в годы войны почти совсем прекратила печатание соответствующих статистических материалов, причем и в послевоенной Японии сколько-нибудь серьезные данные о труде и заработной плате, относящиеся к годам войны, в широкой прессе не были опубликованы.

¹ Изменение соотношения численности рабочих в тяжелой и легкой промышленности (в 1930—1942 гг. в %) *.

	1930 г.	1937 г.	1942 г.
Тяжелая промышленность	27	47	68
Легкая промышленность	73	53	32

* J. B. Cohen, там же, стр. 297.

При общем росте числа рабочих в обрабатывающей промышленности с 2403 тыс. в 1934 г. до 4527 тыс. в 1941 г. число рабочих машиностроительной (включая военную) промышленности увеличилось с 365 тыс. в 1934 г. (15% ко всему числу рабочих обрабатывающей промышленности) до 1702 тыс. (37,6%) в 1941 г. («Oriental Economist», 5 июня 1948 г.). У нас нет соответствующих данных за последующие годы, но не подлежит сомнению, что удельный вес рабочих металлистов и горняков в течение всей войны непрерывно и быстро увеличивался. В конце 1945 г. на текстильную промышленность приходилось всего 6% общего числа лиц наемного труда в промышленности и на транспорте («Summation», февраль 1947 г.).

В качестве примера лживости японской трудовой статистики укажем на то, что, согласно официальному индексу, заработная плата японских рабочих увеличилась со 100 в 1937 г. до 114,7 в 1943 г. В действительности, однако, по нашим подсчетам, за первые три года войны (1937—1940) реальная заработная плата понизилась приблизительно на 40%¹, а в последующие годы имело место ее дальнейшее падение.

В своей книге «Война и экономика Японии» Ш. Лиф, на основании данных о стоимости фабрично-заводской продукции, сырья, снашиваемой части основного капитала и размеров всей выплачиваемой заработной платы исчислил изменение нормы прибавочной стоимости в Японии с 1931 по 1937 г. Приведем его подсчеты, дополнив их данными за 1938 г.

Таблица 23

Нормы прибавочной стоимости в японской промышленности
(в млн. иен)

Г о д ы	Стоимость фабрично- заводской продукции	Стоимость сырья	Стоимость снашиваемой части основного капитала	Заработная плата	Величина прибавоч- ной стои- мости	Нормы прибавоч- ной стои- мости
1931	5 174	3 055	152	560	1 407	251
1936	12 258	7 717	385	972	3 184	327
1937	16 486	10 546	402	1 156	4 382	388
1938	19 667	11 940	460	1 442	5 825	403

¹ Этот подсчет основан на сравнении индекса номинальной заработной платы и индекса стоимости жизни. Принимая за 100 1937 г., индекс номинальной месячной зарплаты составил в 1940 г. 140,0 («Тоёо кэйдзай», 16 марта 1941 г.). За основы индекса стоимости жизни мы принимаем не соответствующий официальный «индекс стоимости жизни рабочих», который является фальсифицированным (путем преднамеренно неправильного подбора статей расходов), а индекс розничных цен на продукты питания и одежду с учетом покупок на черном рынке. Этот последний индекс, опубликованный журналом «Тоёо кэйдзай» (май 1940 г.), в марте 1940 г. составил 224 (июль 1937 г. = 100). Сравнение двух указанных индексов показывает, что реальная заработная плата за первые три года войны понизилась на 37%. Даже если основываться на вышеизложенных данных, следует прийти к выводу о том, что действительное падение размеров реальной зарплаты было еще более значительным, так как эти данные не учитывают ухудшения качества товаров, введения суррогатов и т. п.

Согласно данным J. В. Cohen'a (там же, стр. 386), вся сумма потребительских закупок за год в среднем на 1 человека уменьшилась с 374 иен в 1940 г. до 258 иен в 1944 г. (в пересчете по ценам 1940 г.), т. е. на 31%. Совершенно очевидно, что в отношении рабочих падение было гораздо более значительным.

Другие частичные данные о падении заработной платы в годы войны, об увеличении длительности рабочего дня и усилении интенсификации подтверждают тот факт, что японские рабочие во время войны работали на себя намного меньше, а на капиталистов намного больше, чем в довоенные годы.

Ярким примером каторжного режима, который существовал для японских рабочих в годы войны, может служить положение на верфях Мицубиси. В 1944 г. рабочий день на верфях равнялся 13 часам. Мобилизованные, составлявшие большинство рабочих, жили в общежитиях, и порядок дня для них был следующий: в 5 часов — подъем; в 5 ч. 20 м. — проверка; в 5 ч. 30 м. — завтрак; 6 ч. 00 — выход из общежития; 7 ч. 00 — начало работы; 20 ч. 00 — конец работы и ужин; 20 ч. 30 м. — проверка¹. Верфи Мицубиси отнюдь не были исключением. В Японии и в мирное время существовал самый длинный среди империалистических стран рабочий день. В военное время 12-часовой рабочий день стал фактически минимальным на военных предприятиях. Дефицит на рабочую силу, особенно квалифицированную, тормозил, несмотря на специальные меры, принятые правительством, введение многосменной работы, а при односменности рабочий день увеличивался за пределы физической возможности рабочих. 21 мая 1944 г. газета «Асахи» сообщала, что на одном военном заводе рабочие работают 450 часов в месяц, т. е. 15 часов в сутки без выходных дней. «Рабочие падают от усталости», — читаем мы в некоторых сообщениях японской печати военных лет².

Японские правительственные органы фальсифицировали индексы реальной заработной платы, но о ее резком снижении можно безошибочно судить по данным об ухудшении здоровья и росте смертности городского населения, подавляющую часть которого в годы войны составляли лица наемного труда или члены их семей. Обследование одной из начальных

¹ «Майнити», 25 мая 1944 г. Время обеденного перерыва в источнике не указано.

² «...Длина рабочего дня в угольной промышленности — 10 часов, с 6 часов утра до 4 пополудни, но, поскольку рабочие не имеют права выйти из шахт, пока не выполнена дневная норма, действительная длина рабочего дня — 12 часов» (Oriental Economist, апрель 1944 г.). Вот как списывала труд работниц на военном заводе газета «Майнити» (8 октября 1944 г.): «Девушка, работающая на винторезном станке, рассказывает: «Работаю 12 часов. Весь день стою на ногах и так устаю, что думаю лишь о том, чтобы хоть немного посидеть. Но, вспоминая, что за сидение будут бранить, я часто бросаю инструменты на пол, чтобы нагнуться за ними и этим разогнать усталость». На одном заводе девушка по болезни уехала на родину. Другие мобилизованные девушки со вздохом говорили: «Мы бы тоже хотели заболеть и уехать домой... нельзя ли было бы в течение года хоть на 2—3 дня давать отпуска на родину?...»

школ в Токио показало, что с 1940 по 1943 г. средний рост учащихся уменьшился с 141 см до 137,3 см, средний вес — с 33,4 кг до 31,5 кг, объем грудной клетки — с 72,2 см до 70,8 см¹. Смертность на 1000 чел. увеличилась в Токио с 13 чел. в 1938 г. до 22,6 чел. в 1943 г., в Осака (за тот же срок) — с 13,4 до 25,7 чел.².

Многочисленные сообщения о постепенном ухудшении материального положения семей рабочих и служащих — сначала отказ от выписки газет, от регулярного пользования трамваем, затем отказ от обучения детей больше трех-четырёх классов, ухудшение качества одежды, с 1939—1940 гг. — сокращение питания, замена продуктов лучшего качества худшими и, наконец, с 1943 г. — невозможность покупки продуктов на черном рынке, голодный карточный рацион, необходимость работы ранее не работавших членов семьи, включая 10—12-летних детей, стариков и кормящих матерей, — не оставляют ни малейшего сомнения в том, что военно-монополистический капитализм был для рабочих Японии режимом голода и нищеты. При общем чрезвычайно низком уровне заработной платы особенно тяжелым было положение мобилизованных рабочих — к ним относились поистине как к полуграбам. Независимо от характера труда и выработки им платили лишь столько, сколько хватало для принятия пищи два раза в день³.

Сумев мобилизовать большие контингенты неквалифицированной рабочей силы, японский империализм совершенно не справился с задачей поднятия ее квалификации и обучения среднего и высшего технического персонала. В течение всей войны шла грызня между правительственными органами и владельцами предприятий, те и другие старались свалить расходы по обучению кадров друг на друга, указы правительства об обучении рабочих на предприятиях не выполнялись или выполнялись формально⁴, и, несмотря на длительность периода

¹ «Нихон сангё кэйдзай», 21 января 1944 г.

² «Токио симбун», 10 мая 1944 г.

³ По данным газеты «Нихон сангё кэйдзай» (5 апреля 1944 г.), в первом квартале 1943 г. средняя месячная зарплата постоянных рабочих составляла: для мужчин до 20 лет — 50,8 иены, от 20 до 30 лет — 95,8 иены, старше 30 лет — 117,1 иены, для женщин до 20 лет — 29 иен, от 20 до 30 лет — 35,7 иены, старше 30 лет — 38,8 иены. В то же время мобилизованные студенты получали 1,2 иены, школьники 0,8 иены за рабочий день.

⁴ В 1943 г. на совещании видных правительственных и военных чиновников сотрудник «института по научному изучению труда» Оно рассказал о результатах обследования им военных заводов следующее: «На Берли, которую я посетил, массовой подготовкой рабочих никто не занимается. Еще сохраняется старинный обычай передачи искусства по наследству. Клепальному и слесарному делу молодежь обучают в школе,

«вползания» в войну и самой войны, дефицит на квалифицированные кадры непрерывно и быстро увеличивался. В 1943 г. газета «Йомиури-хоти» (3 июля) сообщала, что в среднем по всем отраслям промышленности требовалось техников в 10 раз больше, чем их выпускали средние технические учебные заведения (в судостроении — в 30 раз, в самолетостроении — в 20 раз). Необученные рабочие — женщины, подростки, старики, полуинвалиды составляли основной контингент рабочих заводов. Вот, например, как изменился стаж рабочих на одной из судостроительных верфей концерна Мицубиси (в %):

	1930 г.	1937 г.	1940 г.
Рабочие со стажем до 3 лет . .	15	59	70
„ „ „ от 3 до 15 лет	65	23	23
„ „ „ свыше 15 лет	20	18	7

Сообщая эти данные, газета «Майнити» (25 мая 1944 г.) добавляет, что число мобилизованных подростков и женщин на верфи составляло 52% всех рабочих. На других предприятиях, например в горнодобывающей промышленности, «омоложение» кадров по стажу их работы шло еще быстрее.

В результате изношенности оборудования, острого недостатка квалифицированных кадров, сильного разбухания штатов служащих и систематического недоедания рабочих в годы войны резко понизилась производительность труда. Как сообщала газета «Асахи» (19 октября 1944 г.), в авиационной промышленности префектуры Аици (главный город — Нагоя, центр японского самолетостроения) на больших заводах с числом станков свыше 100 простаивало 65% станков, на средних и мелких (с числом станков от 50 до 100) — 59% станков, причем главной причиной простоя был недостаток квалифицированных рабочих. Эти данные подтверждаются и другими подобными сообщениями японской прессы. Истинным бичом для военной промышленности были прогулы. Ни угроза тюрьмы, ни «награждение» рисовой водкой за хорошую работу не помогали. Даже на крупных заводах авиационной промышленности в городе Нагоя средний процент прогулов в 1944 г. равнялся 26. Японские газеты ставили это в прямую связь с низкой заработной платой: рабочие, не выходя на работу на заводы, продавали свою рабочую силу подороже, на-

куда принимают окончивших низшую школу. В школах все дело ограничивается лекциями в классной комнате, а когда ученики приходят в мастерскую, они ничего не могут делать». Далее он рассказал о многих неполадках из-за низкой квалификации мобилизованных рабочих, которые составляли две трети всех рабочих верфи («Нихон сангё кэйдзай», 9 апреля 1943 г.).

нялись поденщиками, кустарничали дома и т. п. Даже в каменноугольной промышленности, которая меньше других отраслей страдала от недостатка квалифицированных кадров, производительность труда сильно упала в связи с нехваткой крепёжного леса, изношенностью оборудования и т. д. Средне-месячная добыча каменного угля на одного шахтера по годам составляла: в 1933 г. — 18,9 т; в 1936 г. — 17,5 т; в 1941 г. — 13,9 т; в 1944 г. — 10 т; в 1945 г. — 5,9 т¹.

Падение производительности труда при одновременном громадном росте его интенсификации на основе террористического каторжного режима является ярким свидетельством загнивания экономики империалистической Японии в годы второй мировой войны. Падение производительности, несомненно, как уже отмечалось, было связано с изношенностью оборудования, дефицитом сырья и ухудшением продовольственного положения. Но не в меньшей степени оно было связано также и с тем, что японскому империализму не по плечу оказалась систематическая и массовая подготовка квалифицированных кадров для промышленности.

Военно-монополистический контроль на рынке рабочей силы не имел абсолютно ничего общего ни с плановой мобилизацией, ни с плановой подготовкой рабочих. Органы, ведавшие мобилизацией и распределением рабочей силы, находились под полным контролем представителей военно-промышленных компаний дзайбацу. Последние неизменно оставались на своих предприятиях полными хозяевами над нанятой ими или мобилизованной для них рабочей силой и решительно отвергали все предложения о мерах, которые хотя бы в малейшей степени выходили за рамки обеспечения их предприятий дешевой рабочей силой.

Время от времени в годы войны, особенно на ее последнем этапе, из лагеря военщины и близких к ней кругов правительственной бюрократии раздавались голоса о необходимости «унификации» условий труда и найма, о целесообразности создания специального министерства труда, которое установило бы всесторонний государственный контроль над наймом и использованием рабочей силы и форсировало бы повышение квалификации рабочих. На заседании 86-й сессии парламента в феврале 1945 г. депутат Кавано Мицу, предлагая создать министерство труда, заявил: «Пока на заводах условия найма, санитарные условия, заработная плата и снабжение будут различны, до тех пор так называемое маневренное распределение между предприятиями будет очень сложным. Если же

¹ «Белая книга» японского правительства от 4 июля 1947 г. и «Аса-гэ» от 19 октября 1944 г.

все это подчинить общегосударственным условиям и контролю, то маневренное распределение можно будет осуществить»¹.

Однако предложение о создании министерства труда натолкнулось на непреодолимое сопротивление дзайбацу и их правительственной цитадели — министерства вооружения. Представители последнего потребовали, чтобы все вопросы труда продолжали оставаться в ведении администрации предприятий и компаний, и, как и следовало ожидать, их точка зрения восторжествовала.

Таким образом, то, что японские буржуазные экономисты называли в годы войны «регулированием труда», в действительности представляло собой военно-монополистический контроль на рынке рабочей силы, целью которого было увеличение численности рабочих военной промышленности и усиление их эксплуатации. Результатом этого контроля было резкое ухудшение положения рабочего класса — удлинение рабочего дня, падение реальной заработной платы, введение казарменного режима для рабочих на военных предприятиях и усиление интенсификации труда.

Военно-монополистический контроль в промышленности и его результаты

Рассмотренные выше государственные мероприятия по финансированию военного производства, по военно-монополистическому контролю на рынке рабочей силы, кредита, капиталовложений и торговли составляли, наряду с политическими мерами по борьбе против рабочего класса и демократических организаций, основное содержание военного государственно-монополистического капитализма в Японии, политики, направленной к развитию и усилению военно-промышленных компаний дзайбацу. Однако эта политика не ограничивалась указанными мероприятиями. Она дополнялась прямым вмешательством наделенных государственными полномочиями картелей и государственных органов в структуру промышленных компаний, в вопросы кооперации различных предприятий военной промышленности.

Формы и методы государственно-монополистического контроля в промышленности варьировали в зависимости от значения той или иной отрасли для ведения войны, от степени концентрации производства и централизации капитала в руках концернов, от удельного веса государственного капитала. «Контрольные органы» были созданы во всех отраслях промышленности, но их значение в качестве органов «регулирова-

¹ «Асахи», 6 февраля 1945 г.

зия» в разных отраслях было неодинаковым. Контрольные объединения играли крупную роль в тех отраслях промышленности, которые подлежали свертыванию или конверсии (наиболее яркий пример — текстильная промышленность), а также в тех, которые имели важное значение для войны и где, наряду с доминирующей ролью концернов, значительный удельный вес занимали средние и мелкие предприятия аутсайдеров (пример — каменноугольная промышленность).

Менее значительной была роль монополистических «контрольных органов» в электроэнергетике, черной металлургии и железнодорожном транспорте, где все производство или его большая часть были сосредоточены в руках «полугосударственных» трестов или непосредственно правительственных органов. Наконец, в наиболее важных отраслях военной промышленности — в самолетостроении и судостроении — роль «контрольных органов» была вовсе незначительной, так как форсирование производства в этих отраслях осуществлялось под непосредственным контролем правительственных органов — сначала военного и военно-морского министерств, затем министерства вооружений.

Для уяснения системы монополистического контроля в промышленности остановимся подробнее на его развитии в наиболее типичных отраслях промышленности.

1. Текстильная и химическая промышленность

Структура текстильной промышленности Японии в довоенные годы отличалась большой пестротой: наряду с высокими концентрацией производства, техникой и централизацией капитала в хлопчатопрядильной промышленности, в производствах искусственного волокна, шерстяных пряжи и тканей, сосредоточенных в руках 130—150 крупных и средних, по преимуществу межконцерновых, компаний, — бумажоткацкая, шелкомотальная и шелкоткацкая отрасли промышленности были распылены среди многих тысяч мелких и средних предприятий, на которых широко применялся ручной труд.

Развитие военно-монополистического контроля в текстильной промышленности разделяется на три этапа.

На первом этапе (1937—1938 гг.) контроль ограничивается распоряжениями об обязательном примешивании 30% искусственного волокна при производстве тканей для внутреннего потребления. Хотя удельный вес стоимости продукции текстиля в общей стоимости продукции промышленности метрополии уменьшился с 40% в 1931 г. до 20% в 1938 г., но все же в абсолютных размерах текстильное производство в указанные годы продолжало расти.

Наступление второго этапа контроля (1938—1941 гг.) характеризуется ограничениями в импорте текстильного сырья для производства на внутренний рынок и на экспорт в «страны иенового блока»¹. Расширение текстильного производства (кроме некоторых видов искусственного волокна) прекращается и начинается его постепенное сокращение.

Третий этап (со второй половины 1941 г. до конца войны) характеризуется насильственной концентрацией текстильного производства, переводом части предприятий на другие производства, массовым закрытием предприятий, уничтожением их основного капитала или переводом некоторых предприятий на материк. Так как третий этап подводит итог всему развитию контроля, мы ограничимся анализом фактов, относящихся именно к этому этапу.

Как и в других отраслях, в текстильной промышленности в 1942 г. были созданы контрольные ассоциации, объединившие все компании текстильного производства и союзы мелких промышленников². В связи с острым дефицитом сырья под руководством контрольных ассоциаций начался быстрый процесс свертывания и концентрации текстильного производства, была разработана и осуществлена программа создания «блоков текстильных предприятий». Каждый блок по хлопчатобумажной промышленности должен был объединить предприятия с числом веретен не менее 1 млн. (в блоке), по шерстепрядению — не менее 150 тыс. Во главе блока ставилась одна из крупнейших компаний, которая присоединяла к блоку тех, кого считала нужным, остальные закрывались. В первую очередь закрывались мелкие и средние предприятия, но очень скоро очередь дошла и до крупных, которые обычно переводились на другие производства. В результате осуществления трех «программ слияния текстильных предприятий» уже в середине 1943 г. были закрыты почти все мелкие и средние предприятия, а из 248 имевшихся в стране крупных предприятий хлопчатобумажной и бумаготкацкой промышленности в строю оставалось лишь 30 %, остальные закрылись³.

¹ В «страны иенового блока» входили все государства или части государств, которые были оккупированы Японией. Местная валюта этих государств была прикреплена к иене.

² Были созданы четыре контрольные ассоциации: 1) хлопчатобумажного, бумаготкацкого производства и производства staple-волокна (объединила 35 компаний, 56 союзов); 2) натурального и искусственного шелка (22 компании); 3) шерстеобрабатывающей промышленности (28 компаний); 4) льна и пеньки (22 компании). В 1943 г. все текстильные ассоциации были объединены в одну «контрольную ассоциацию текстильного производства».

³ «Oriental Economist», июнь 1943 г.

С 1942 г. началось массовое уничтожение железных веретен и ткацких станков, которые превращались в лом для сталелитейной промышленности. В текстильной промышленности было произведено опустошение, результаты которого будут тяжело отражаться на экономическом положении Японии в течение многих лет. Из 13 782 тыс. веретен к концу войны осталось 2713 тыс., из 338 500 тыс. ткацких станков — 109 тыс. — остальные были уничтожены и превращены в лом. Такое массовое разрушение материальных ценностей на своей собственной, не занятой врагом территории является беспрецедентным в истории войн.

Уничтожение текстильного оборудования не приносило убытков крупным компаниям, так как они получали полную компенсацию часто даже без вычета стоимости амортизации, хотя значительная часть уничтоженного оборудования изнасилась и его действительная цена не превышала цены лома. Больше того, уничтожение текстильного оборудования соответствовало интересам крупных компаний: в условиях острого дефицита текстильного сырья и необходимости сократить производство текстиля оборудование было обречено на замораживание, что неизбежно должно было приносить текстильным компаниям большие убытки.

Не терпя убытков в связи с закрытием текстильных предприятий и уничтожением оборудования, крупные межконцерновые компании с успехом перестраивались на производство военных изделий. Всемирно известные до войны японские текстильные компании к концу войны превратились в крупные химические (главным образом на основе предприятий искусственного волокна), машиностроительные и даже металлургические комбинаты. Приведем несколько примеров:

«Канэгафути босэки». Крупнейшая текстильная компания. В годы войны, продолжая оставаться в зависимости от концерна Мицуи, сама превратилась в концерн тяжелой промышленности «Канэгафути» с 80 дочерними компаниями. Стержнем концерна стала компания «Канэгафути дзюкогё» («Канэгафути-тяжелая промышленность»).

К середине 1943 г. из 45 текстильных предприятий «Босэки» 27 еще работали, из остальных 7 наиболее крупных были переданы «Дзюкогё», остальные — другим вновь созданным военно-промышленным компаниям Канэгафути.

На предприятиях, полученных от «Босэки», компания «Дзюкогё» наладила производство частей для самолетов, выплавку железа из железистых песков и др. Кроме того, на основе предприятий «Босэки», где было налажено производство бутанола, была создана компания «Канэгафути нэнрё» (жидкое горючее), на основе других — «Канэгафути-дизельная» и др.

Сама компания «Босэки», то, что от нее осталось после перевода большинства предприятий на другие производства, в конце 1943 г. слилась с «Канэгафути-коммерческой», в результате чего образовалась новая компания — «Канэгафути-промышленная» с оплаченным капиталом в 266 млн. иен¹.

«Дайнихон босэки». К середине 1943 г. 70% ее капиталов было вложено в машиностроительные и химические компании. Из 20 ее фабрик с 1,3 млн. веретен только пять оставались в текстильном производстве, девять перешли в тяжелую промышленность, остальные были закрыты. «Дайнихон босэки» присоединила две мелкие текстильные компании, предприятия которых также были переведены на военное производство.

«Асахибэмбэрг». Крупнейшая в стране компания по производству искусственного шелка и волокна концерна «Ниссо». Присоединив к себе компанию по производству взрывчатых веществ «Ниссо каяку», была переименована в «Ниссо кагаку когёо» и полностью перешла на производство взрывчатых веществ, азотной и серной кислоты.

«Курасики босэки». Одна из крупнейших текстильных компаний (750 тыс. веретен), зависимая от концерна Мицубиси. Претерпела почти такие же изменения, как и «Канэгафути». Из 18 фабрик к середине 1943 г. в текстильном производстве оставались шесть; пять были переключены на самолетостроение и объединены в компанию «Курасики-самолетная». Кроме того, были созданы дочерние компании «Курасики» — «Ниппон дзюкогёо» (тяжелая промышленность), «Курасики-горная», «Осака-специальные стали» и др. Шерстепрядильная компания «Курасики киноури» перешла на производство химикалий, твердых древесных материалов для самолетов и бутанола. Даже такая крупная судостроительная компания, как «Фудзинагата дзосэн» (капитал 48 млн. иен), стала в 1943 г. дочерней компанией бывшей текстильной компании «Курасики».

В марте 1943 г. по инициативе правительства была создана «Японская шелковая компания» («Нихон санси сэйдзо»), которая объединила все предприятия шелковой промышленности страны. Это был всеяпонский частный трест², действовавший под контролем правительственных органов, с гарантированным правительством размером дивидендов. С его созданием все сохранившиеся шелкопрядильные и шелкоткацкие компании страны перешли на военное производство.

¹ «Oriental Economist», июнь 1943 г.; «Ниппон таймс», 4 ноября 1943 г.

² Из 100 млн. иен капитала «Нихон санси сэйдзо» правительством было оплачено лишь 20 млн. иен.

Из 59 фабрик крупнейшего в стране шелкопромышленного концерна Катакура, связанного с концернами Мицубиси и Мицуи, 23 фабрики перешли в новый шелкопромышленный трест (прежние акционеры получили акции нового треста на сумму 15 млн. иен), а остальные предприятия — на производство частей самолетов, разных видов оружия, машин, радиоаппаратуры и химических продуктов.

Из 11 компаний «ассоциации прядильщиков района Тюбу» (774 тыс. веретен) все, за исключением крупнейшей из них «Коа босэки» (222 тыс. веретен), были присоединены к военно-промышленным компаниям концернов (например, «Кондо босэки» — к «Сумитомо-металлургической», «Васэдзу босэки» — к «Накадзима-самолетной» и т. д.).

Приведенные примеры являются типичными, и мы не будем затруднять читателя перечислением аналогичных данных по многим десяткам других крупных текстильных компаний.

В результате указанных «регулирующих» мероприятий в текстильной промышленности среди владельцев сохранившегося текстильного оборудования удельный вес монополий еще больше увеличился. Достаточно сказать, что из 2713 тыс. сохранившихся к концу войны веретен 2460 тыс., или свыше 90%, принадлежит только девяти хлопчатобумажным компаниям¹.

Но эти мероприятия нанесли громадный ущерб народному хозяйству Японии: дефицит текстильного оборудования, образовавшийся в результате его массового уничтожения в годы войны, — один из важных факторов, препятствующих восстановлению японской мирной экономики под властью американских оккупантов.

Положение в *химической промышленности* в годы войны было во многих отношениях аналогично положению в текстильной промышленности. В Японии, как и во всем мире, современная химическая промышленность была сравнительно молодой отраслью. Ее быстрое развитие началось в 1930-х годах, т. е. тогда, когда Япония уже захватила Маньчжурию и готовилась к дальнейшим захватам.

Успехи Японии в развитии химической промышленности были очень велики. К 1937 г. Япония заняла первое место в мире по производству сульфат-аммония; в производстве серной кислоты Японии перегнала Германию и заняла второе после США место среди капиталистических стран. В производстве азотистых соединений Япония перегнала Францию и

¹ «Oriental Economist», 4 мая 1946 г. Эти компании следующие: «Дай Ниппон», «Тойо», «Канэгафуги», «Фудзи», «Ниссин», «Дайкэн», «Дайма», «Курасики», «Сикисима».

Англию и уступала лишь Германии и США. Производство пряжи искусственного шелка увеличилось с 20 тыс. т в 1931 г. до 252 тыс. т в 1937 г. Производство staple-волокна увеличилось с 0 в 1933 г. до 149 тыс. т в 1938 г.¹ На основе успехов химической промышленности почти удвоилось с 1931 до 1937 г. производство бумаги.

Главная причина быстрого роста химической промышленности заключалась в том, что она имела военное значение: ее предприятия в любое время и без больших усилий могли быть переключены на производство взрывчатых и отравляющих веществ. Ввиду этого химическая промышленность в начале 30-х годов пользовалась особым покровительством армии и правительства, взявших курс на активную поддержку тех предпринимателей, которые накопили известный технический и производственный опыт в новых отраслях промышленности. Результатом этой поддержки был быстрый рост «новых концернов» типа трестов-комбинатов и горизонтальная трестификация новых отраслей химической промышленности. Перед войной все производство сульфат-аммония было сосредоточено на 15 заводах 11 компаний, причем около 75% производства находилось на шести заводах шести компаний².

С развитием войны становилось все более очевидным, что химическая промышленность не является «узким местом» в производстве боеприпасов и оружия. Мощность химической промышленности во много раз превышала потребность во взрывчатых веществах. Потребность в отравляющих веществах уменьшалась по мере того как в результате военных неудач стало очевидно, что применение химического оружия Японией не изменит хода войны и лишь ухудшит военное и политическое положение японского империализма. Поскольку основным потребителем продуктов химической промышленности было гражданское население (искусственные ткани, бумага и т. п.) и невоенные отрасли народного хозяйства (удобрения), химическая промышленность не была отнесена к числу приоритетных, и уже в 1939—1940 гг. после предшествующего роста началось быстрое понижение ее продукции (табл. 24).

«Контрольная ассоциация химической промышленности» была создана в октябре 1942 г.—одной из последних. В нее

¹ «Summation», 16 января 1947 г.; «Monthly Bulletin of Statistics. U. N.», N 12, 1947. (Ежемесячный статистический бюллетень Организации Объединенных Наций.)

² Эти компании следующие: «Сйова дэнко» (концерн Мори), «Ниссан кагаку» и «Убэ когё» (концерн Ниссан); «Сумитомо кагаку»; «Мицубиси кагаку»; «Тойо коацу» (концерн Мицуи). «Oriental Economist», 26 января 1946 г.

Продукция химической промышленности (в тыс. т в год) *

	1931	1937	1941	1942	1943	1944
Пряжа искусственного шелка . .	115	152	76	43	23	10
Стапельное волокно	0	79	134	79	55	38
Сульфат-аммоний	393	932	1169	1002	818	390
Каустическая сода	49	362	303	242	243	137
Сода аш	93	377	391	308	272	100

* „Асахи нэнкан“, 1946: „Monthly Bulletin of Statistics“, U. N., № 12, 1947; „Orienta Economist“, 26 января 1946 г.; „Japan Manchoukuo Year book“, 1941.

вошли семь подотраслевых «контрольных компаний» (химических удобрений, соды, серной кислоты, азотной кислоты и др.), и, кроме того, рядом с ней существовала «контрольная компания промышленности искусственного волокна».

Еще больше, чем в других отраслях, «контрольные органы» в химической промышленности по своим функциям и структуре были аналогичны картелям, на основе которых они были созданы. В их обязанности входило распределение субсидий, квотирование производства, распределение заказов, сбыт готовой продукции и содействие переводу предприятий на новые производства.

Химическая промышленность в течение всей войны прочно оставалась в руках концернов. Падение ее производства в годы войны объясняется прежде всего тем, что надежды дзайбацу на прибыльный военный спрос не оправдались. Что же касается спроса невоенного, то он неизбежно понизился в связи с ухудшением сельскохозяйственного производства, в котором резко сократилось потребление удобрений, и с сокращением потребления химических продуктов для нужд гражданского населения.

2. Приоритетные отрасли: каменный уголь, легкие металлы

В 1929 г. на долю 20 крупнейших угольных компаний, принадлежавших семи концернам, приходилось 65% всей добычи каменного угля, достигавшей 34 млн. т в год. Остальные 35% приходились на 80 мелких компаний¹. Созданный в

¹ К. Попов. Экономика Японии, М., 1936, стр. 100.

1921 г., реорганизованный и расширенный в 1931 г. угольный картель «Сэкитан когёо рэнгокай» сосредоточил в своих руках почти 100 % сбыта всего каменного угля в стране. Доминирующее положение в картеле занимал концерн Мицуи, на долю которого приходилось 35 % всего сбыта угля, и концерн Мицубиси (20 %).

В годы войны добыча каменного угля была отнесена к числу пяти приоритетных отраслей промышленности. В апреле 1940 г. был издан «закон о контроле над распределением угля», по которому на основе прежнего угольного картеля была создана «Угольная компания Японии». Этой компании была предоставлена монополия по покупке и продаже всего производимого в стране каменного угля. Компания получила также право давать лицензии на новые капиталовложения, несла ответственность за соблюдение официальных цен на уголь и ведала распределением субсидий.

В ноябре 1942 г. создается новая «Угольная ассоциация Японии», которая объединила все угольные компании, добывавшие не менее 300 тыс. т угля в год. Мелкие компании были объединены в местные союзы углепромышленников. Функции угольной ассоциации были значительно более широкими, чем функции «Угольной компании». «Ассоциация» должна была заниматься также распределением оборудования, материалов и рабочей силы и ведала вопросами обеспечения угольных компаний транспортом. Однако в функции ассоциации не входил сбыт каменного угля, которым продолжали ведать «Угольная компания» и несколько местных «контрольных угольных компаний».

В состав ассоциации вошли 25 крупных компаний, на 19 из которых приходилось более трех четвертей всей добычи угля в стране. Среди этих 19 компаний главными были: «Мицуи кодзан», «Мицубиси когёо», «Ниссан», «Сумитомо когёо», «Фурукава когёо» и другие компании концернов и аутсайдеров. Кроме того, в ассоциацию вошли «Угольная компания Японии» и местные контрольные компании. Правление ассоциации состояло из 30 директоров входивших в нее компаний. Ее президентом был назначен упоминавшийся выше один из директоров концерна Мицуи Кэндзио Мацумото.

Еще до начала войны на Тихом океане, в годы военно-инфляционной конъюнктуры и войны с Китаем, имело место дальнейшее усиление монопольных позиций концернов в угольной промышленности.

Если в 1929 г. на долю 20 крупнейших угольных компаний приходилось 65 % добычи каменного угля, то в 1940 г. на

долю 14 крупнейших компаний приходилось 78% добычи¹. Соответственно доля мелких компаний снизилась с 35% в 1929 г. до 26% в 1936 г. и до 22% в 1940 г.

В том же 1940 г. на долю Мицуи приходилось 26,6%, а на долю Мицубиси — 17% всей добычи угля в стране. Монополизация угледобычи в руках компаний концернов удерживалась на указанном высоком уровне в течение всех лет войны. Основной курс ассоциации заключался в том, чтобы концентрировать добычу угля на крупных шахтах. Тем не менее ввиду острой нужды в каменном угле на мелких шахтах добыча также продолжалась².

Основными средствами, с помощью которых японское правительство стремилось поддержать и поднять угледобычу, были уже описанные выше меры по принудительному ввозу дешевой рабочей силы из Кореи и Китая, мобилизация в углепромышленность женщин и подростков и отпуск углепромышленникам субсидий и дотаций.

Вследствие ужасных условий труда, слабой механизации и недостатка некоторых материалов производительность труда в японской каменноугольной промышленности в годы войны почти непрерывно падала³. Несмотря на то, что угольная промышленность была отнесена к числу приоритетных отраслей и обеспечивалась рабочей силой в почти неограниченном размере, рост угледобычи не только все время отставал от потребностей военного хозяйства, но и в абсолютных цифрах был сравнительно невелик.

Добыча каменного угля в Японии в послевоенных границах
(в млн. т) *

1929 г.	33,9	1941 г.	55,6
1937 г.	45,3	1942 г.	54,2
1938 г.	48,7	1943 г.	55,5
1939 г.	52,4	1944 г.	49,3
1940 г.	57,3	1945 г.	22,3

* „Monthly Bulletin of Statistics“, U. N. № 6, 1950.

Из этих данных мы видим, что добыча каменного угля в Японии сделала значительный шаг вперед до начала войны в Китае; ее рост после 1937 г. был весьма ограниченным, а на-

¹ «Когё кокусаку», апрель 1943 г.

² В 1943 г. на мелких шахтах с годовой добычей до 50 тыс. т (90% общего числа шахт) добывалось 24% всего каменного угля. На крупных шахтах с годовой добычей свыше 300 тыс. т (6% всех шахт) добывалось 62% всего угля («Майнити», 19 апреля 1943 г.).

³ Соответствующие цифры см. стр. 141.

чиная с 1941 г., несмотря на отчаянные усилия правящих кругов Японии поднять угледобычу, последняя почти неуклонно снижалась. В то же время концентрация углепромышленности в руках компаний дзайбацу в годы войны сохранилась на прежнем высоком уровне и даже несколько возросла. Концерны Мицуи и Мицубиси, державшие в своих руках около половины всей угледобычи, получили в годы войны возможность через монополистические картели усилить свой контроль над другими угольными компаниями. В этом заключались важнейшие итоги регулирования в каменноугольной промышленности.

Промышленность *легких металлов* также была отнесена к пяти приоритетным отраслям. Так же как и химическая промышленность, производство легких металлов было одной из наиболее концентрированных отраслей промышленности. Так же как и развитие химии, быстрое развитие производства легких металлов относится к 30-м годам и происходило при большой государственной поддержке частных компаний.

С самого начала ведущее положение в производстве легких металлов заняли компании концернов Сумитомо и Фурукава и компании «новых концернов» (Мори, «Ниссо»), которые резко отличались по своей структуре от главных концернов и представляли собой комбинаты химического производства и производства легких металлов. Впоследствии в промышленность легких металлов вошли также и концерны Мицубиси, Мицуи и Асано, и в 1942 г. все производство алюминия и магния было сосредоточено в руках двенадцати компаний концернов (см. табл. 25).

Из шести компаний алюминиевой промышленности наиболее важное значение имели компании «Сйова дэнко», «Нихон кэйкиндзоку», «Нихон аруми» и «Сумитомо аруми» — на их долю приходилось более четырех пятых всего производства алюминия.

До 1938 г. японские алюминиевые компании производили алюминий преимущественно из квасцовых алюминатов, добывавшихся в собственно Японии. В 1938—1939 гг. японские компании, получив патенты и техническую помощь от германских фирм, перешли на производство алюминия по способу Байера из бокситов, ввозившихся из стран Южных морей. Однако, начиная с 1943 г., в связи с резким ухудшением транспортных условий, им вновь пришлось перейти на производство из местного сырья, что потребовало коренного изменения технологического процесса и было осуществлено с помощью государственных субсидий.

В апреле 1939 г. был издан «закон о производстве легких металлов», по которому правительство обязывалось «субсиди-

Компании по производству алюминия и магния

Компании	Капитал. млн. иен	Специальное или побочное производство	Концерны
----------	----------------------	---	----------

Производство алюминия*

Нихон кэйкиндзоку . .	100	специальное	Фурукава-Мицубиси
Сйова дэнки когёо . .	110	побочное	Мори-Судзуки
Нихон аруми	60	специальное	Мицубиси-Фурукава
Сумитомо аруми сэйрэн	20	„	Сумитомо
Тойо кэйкиндзоку . . .	45	„	Мицуи
Нихон сода	180	побочное	Ниссо (Нихон-сода)

Производство магния

Рикэн киндзоку	14	специальное	Рикэн
Нихон магнэзиум кинд- зоку	4,8	„	Фурукава, Асано
Канто дэнки кагаку . .	5	„	Фурукава
Асахи дэнки кагаку . .	10	побочное	Нихон Тиссо
Тйосэн рикэн киндзоку (Корея)	15	„	Мори-Судзуки
Тйосэн дзюкагаку (Ко- рея)	5	специальное	Мицубиси

* „Тайван дзихо“, март 1943 г.

ровать производство алюминия и магния. Предприниматели освобождались от всех налогов, от уплаты пошлин на ввозимое оборудование, они могли выпускать займы без обеспечения на сумму, вдвое превышавшую размеры оплаченного капитала компаний. Аналогичные законы были изданы и в области производства цветных и редких металлов.

В 1941 г. была создана «имперская контрольная компания алюминиевой промышленности», которая в 1942 г., в связи с отнесением производства легких металлов к числу пяти приоритетных отраслей, была объединена с другими контрольными компаниями в созданную тогда же «имперскую ассоциацию по контролю в производстве легких металлов». Ассоциация сосредоточила в своих руках закупку сырья и оборудования, распределение заказов и сбыт, а также распределение правительственных дотаций и субсидий. Ее президентом был один из директоров концерна Сумитомо — Ацуси Оя.

Заново созданная японскими монополиями с помощью огромной поддержки государства алюминиевая промышленность развивалась до 1943 г. исключительно быстрыми темпами:

Производство алюминия
(в слитках, годовое, в тыс. т)*

1929 г.	0	1941 г.	71,7
1937 г.	14,0	1942 г.	103,0
1938 г.	20,7	1943 г.	141,0
1939 г.	29,6	1944 г.	110,4
1940 г.	40,9	1945 г.	8,7

* Включая колонии. „Monthly Bulletin of Statistics“, U. N., № 6, 1950.

Производство металлического магния*
(годовое, в т)*

1935 г.	232	1943 г.	4150
1941 г.	2680	1944 г.	4800
1942 г.	2790		

* Включая колонии. „Асахи нэнкан“, 1946.

Вновь созданная в годы войны промышленность легких металлов превратилась в один из важных источников обогащения дзайбацу и в одну из основ военной мощи империалистической Японии.

3. Роль государственного капитала. Электроэнергетика. Черная металлургия

Ленин указывал, что государственная монополия в капиталистическом обществе является лишь средством повышения и закрепления доходов финансовых магнатов¹. В условиях подготовки к войне и войны та цель, которую преследовали военно-монополистические государственные мероприятия по «регулированию» хозяйства — создание благоприятных условий для развития концернами военного производства — косвенным путем достигалась также и путем развития государственного предпринимательства. В системе военного государственно-монополистического капитализма Японии государственным предприятиям и государственному капиталу принадлежало существенное место.

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 205.

В первые десятилетия капиталистического развития Японии правительство на государственный счет построило немало крупных предприятий, которые были затем за бесценок проданы концернам. В дальнейшем государство брало на себя строительство прежде всего таких предприятий, которые требовали огромных капиталовложений и где оборот капитала был исключительно долгим, что снижало прибыль. Наиболее важными из этого рода предприятий были железные дороги и металлургический завод Явата. Кроме того, военщина с успехом добивалась, чтобы известный минимум производства оружия и боеприпасов оставался независимым от концернов — существенную роль в этом производстве играли государственные военные и военно-морские арсеналы. Наконец, государство брало на себя создание многих колониальных компаний, где вложение капиталов было связано со значительным риском.

На всех своих предприятиях государство неизменно выступало как коллективный капиталист, осуществлявший эксплуатацию рабочих и служащих так же, как капиталисты на их собственных предприятиях. Прибыль, получавшаяся государством путем эксплуатации рабочих и служащих государственных предприятий, поступала в государственный бюджет и вместе с налогами составляла те суммы, из которых выплачивались проценты по государственным займам. Косвенным путем, через займы, получавшиеся государственными предприятиями, прибыли поступали дзайбацу, поскольку последние до войны были главными держателями облигаций государственных займов. В годы подготовки и ведения войны масштабы государственного предпринимательства значительно увеличились, но его цели и характер остались в основных чертах теми же, что и в довоенные годы.

Существенные различия заключались лишь в том, что, во-первых, во вновь созданных в годы войны государственных компаниях доля частного капитала была, как правило, гораздо больше, чем в государственных компаниях, создававшихся в прошлом¹; во-вторых, главные из новых компаний в метрополии создавались в производстве сырья, топлива и полуфабрикатов для военной промышленности с целью поставки продукции частным военно-промышленным монополиям по

¹ Как указывает «Отчет миссии Государственного департамента» «портфели ценных бумаг многих холдинг-компаний дзайбацу и их дочерних компаний наполнены акциями специальных компаний. Например, головная компания Сумитомо, являющаяся холдинг-компанией концерна Сумитомо, владеет 846 179 акциями 35 специальных компаний, представляющих совокупное оплаченное вложение капитала в 17 470 тыс. иен» (стр. 70).

дешевым ценам за государственный счет. В-третьих, в гораздо большей степени, чем до войны, государство брало на себя предпринимательство там, где последнее было связано с большим риском для предпринимателя (колонии и оккупированные территории, промышленное экспериментирование, нерентабельное производство и т. п.).

При анализе развития государственного капитала в годы войны необходимо прежде всего указать, что в японской буржуазной литературе имеет место нарочитая, фальсифицирующая действительное положение вещей путаница терминов и понятий, относящихся к государственно-капиталистическим предприятиям. Термины «специальная компания», «государственная компания», «полугосударственная компания», «компания государственной политики» применяются японскими буржуазными публицистами ко всем компаниям, которые создавались, по крайней мере официально, по инициативе правительства, хотя бы последнее не имело в них ни одной иены капиталовложений. Даже контрольные компании и ассоциации нередко фигурировали в японской печати под названием государственных, хотя в действительности это были картельные организации частных предпринимателей.

Необходимо различать:

а) *Картельные организации* типа контрольных компаний, ассоциаций и союзов, действовавшие под наблюдением и под известным контролем правительственных органов, но не имевшие ничего общего с государственными предприятиями, поскольку их члены — компании дзайбацу и других предпринимателей — оставались полными хозяевами своих предприятий. Структура и функции подобного рода организаций были освещены выше.

б) *Частные тресты*, в которых правительство либо совсем не имело капиталовложений, либо имело лишь небольшие вложения, игравшие иногда только символическую роль, но которые (тресты) были созданы по инициативе правительства, пользовались его особым покровительством (кредиты, дотации, субсидии, гарантии дивидендов) и руководились лицами, назначавшимися правительством из числа крупнейших акционеров треста, ответственных служащих концернов или высших правительственных чиновников.

Наиболее крупным из подобного рода трестов была «Японская компания по производству и передаче электроэнергии» («Нихон хассодэн»), сосредоточившая в своих руках полный контроль над всей электроэнергетической промышленностью страны.

Характерной чертой японской электроэнергетической промышленности была чрезвычайная раздробленность ее

предприятий. 60 % мощности японской электроэнергетики приходится на гидростанции, разбросанные по всей стране у различных источников дешевой водной энергии. Фактически же гидростанции вырабатывали до четырех пятых всей электроэнергии, и лишь одну пятую давали тепловые станции, которые по преимуществу исполняли роль резерва для гидростанций.

Развитие электроэнергетической промышленности исторически сложилось так, что в этой отрасли до начала войны в Китае главная роль принадлежала различным местным капиталистическим группировкам. До 1938 г. в Японии насчитывалось 815 различных компаний электроэнергетической промышленности, из них 694 (85 %) частных и 124 (15 %) государственных. Около 100 электрокомпаний были совершенно ничтожны по своей мощи и значению — их капитал не превышал 50 тыс. иен. 270 компаний имели капитал от 1 до 50 млн. иен; крупных компаний с капиталом свыше 50 млн. иен насчитывалось 25.

Руководящее значение в электроэнергетической промышленности принадлежало «большой электрической пятерке», куда входили компании «Токио дэнто», «Тохо дэнрйоку», «Нихон дэнрйоку», «Дайдо» и «Удзигава». Компании эти находились в большой финансовой зависимости от концернов и иностранного капитала. Их иностранная задолженность в переводе на японскую валюту составляла около 400 млн. иен, а вся задолженность — свыше 2 млрд. иен. Крупнейшая электрокомпания — «Токио дэнто» с 1927 г. попала в сильнейшую зависимость от концерна Мицуи.

После начала войны крупнейшими потребителями электроэнергии выступали энергохимические компании «новых концернов», добивавшиеся снижения цен на энергию. Острая конкурентная борьба между электрокомпаниями приводила к созданию параллельных линий электропередач, которые играют в Японии очень важную роль ввиду отдаленности электростанций от промышленных центров. Раздробленность мешала форсированию электростроительства и наведению элементарного порядка в распределении и потреблении электроэнергии. Инициаторами объединения электропромышленности выступили армия и активно поддерживавшие ее в этом вопросе «новые концерны».

На 73-й сессии парламента в марте 1938 г., после длившейся свыше двух лет борьбы по вопросу об объединении электроэнергетики, был принят закон о создании полугосударственной электрической компании «Нихон хассодэн». В отличие от нефтяной, металлургической и некоторых других полугосударственных компаний, при образовании которых

большая часть капиталов была внесена правительством, в «Нихон хассодэн» просто были объединены частные и государственные компании, причем доля последних была невелика. Это объединение было произведено не сразу. Сначала, в 1949 г., «Нихон хассодэн» объединила: 1) все теплоэлектростанции мощностью свыше 10 000 квт (всего были объединены 41 станция мощностью в 1,8 млн. вольт); 2) линии электропередач с напряжением свыше 40 тыс. квт (всего было объединено 6300 км линий электропередач); 3) важнейшие трансформаторные подстанции (76 подстанций мощностью в 3,9 млн. киловольтампер). В начале гидроэлектростанции оставались в ведении прежних владельцев, но «Нихон хассодэн» получила право покупать по твердым ценам энергию, производимую на гидроэлектростанциях. Капитал «Нихон хассодэн», составленный из внесенного владельцами электростанций наличного оборудования, первоначально был оценен в 650 млн. иен, что на 10 млн. иен превышало собственную оценку оборудования прежними владельцами. Все активы компании первоначально составили 256 млн. иен. Таким образом, «Нихон хассодэн» стал мощным частным трестом, созданным по инициативе и находившимся под контролем правительства и объединившим почти все электропередачное и трансформаторное хозяйство, а также тепловой резерв гидроэлектростанций.

Объединение в «Нихон хассодэн» было произведено на очень выгодных условиях для владельцев электростанций. Во-первых, они добились того, что оценка их имущества была произведена на основе средней прибыли за последние 10 лет, в течение которых процент прибыли был наиболее высоким. Во-вторых, правительство гарантировало новой компании, независимо от хода ее дел, не менее 4% дивидендов. В случае, если компания не будет иметь убытков, в первый год правительство гарантировало выплату 6% дивидендов, во второй — 6,5%, в третий и последующие — 7%, т. е. таких же дивидендов, которые выплачивались компаниями концернов. Компания освобождалась от уплаты местных налогов, ей был открыт кредит в Японском банке.

Создание новой компании не разрешило электроэнергетической проблемы, как на то надеялись его инициаторы. Один из наиболее важных доводов в пользу создания компании состоял в том, что она снизит цены на электроэнергию. На проверку же оказалось, что для того, чтобы выплатить обещанный электропромышленникам 6%-ный дивиденд, в связи с ростом цен на каменный уголь, цены на электроэнергию снизить невозможно. Были установлены цены на 20% выше тех, которые были первоначально обещаны.

Осенью 1939 г., уже после создания новой компании, в Японии начался острый топливно-энергетический кризис. Одной из причин кризиса была засуха, но в связи с кризисом деятельность «Нихон хассодэн» подверглась острой критике в печати и в разных промышленных организациях. Указывалось, в частности, на то, что некоторые компании гидроэлектроэнергетики перестали производить капитальные затраты в связи с возможностью их присоединения к «Нихон хассодэн». Указывалось на то, что дальнейшее развитие электроэнергетики будет крайне затруднено при таком положении, когда одна часть электропромышленности объединена в «Нихон хассодэн», а другая продолжает оставаться в руках старых электрокомпаний, над которыми вечно висит угроза присоединения к «Нихон хассодэн». Борьба за присоединение к «Нихон хассодэн» всех аутсайдеров продолжалась до 1941 г.

В сентябре 1941 г. издается «закон о контроле над распределением электроэнергии», по которому: а) все гидроэлектростанции мощностью свыше 5 тыс. квт также передавались в «Нихон хассодэн»; б) вся страна делилась на восемь блоков (Хоккайдо, Тохоку, Канто, Тюбу, Тюгоку, Кансай, Сикоку, Кюсю), в каждом из которых создавалось по одной местной электрокомпанию, объединявших всю электрораспределительную сеть. Эти местные компании действовали под наблюдением и контролем «Нихон хассодэн»; в) строительство гидроэлектростанций мощностью свыше 5 тыс. квт могла производить только «Нихон хассодэн».

К апрелю 1943 г. присоединение всех электроэнергетических предприятий к «Нихон хассодэн» было закончено, и все прежние электрокомпании, кроме «Нобунагава», принадлежавшей министерству железных дорог, прекратили свое самостоятельное существование, а их владельцы стали акционерами «Нихон хассодэн». Только часть фабрично-заводских электростанций мощностью до 5 тыс. квт осталась в составе компаний, которым принадлежали заводы. К этому времени имущество «Нихон хассодэн» оценивалось в 1600 млн. иен, и трест этот стал самым мощным в стране частновладельческим трестом под государственным контролем.

Об итогах развития электроэнергетики можно судить по данным табл. 26.

Из приведенных данных мы видим, что большой рост мощностей электростанций и выработки электроэнергии имел место до 1937 г., т. е. в годы, предшествовавшие созданию «Нихон хассодэн». В последующие годы рост мощностей и производства электроэнергии замедлился или прекратился, а с 1944 г. началось падение. Создание «Нихон хассодэн

Максимальная мощность генерационного оборудования и производство электроэнергии в 1937—1944 гг.*

Годы	Мощность генерационного оборудования, тыс. кт			Производство электроэнергии, млн. квт-ч		
	гидро-электростанции	тепло-электростанции	всего	гидро-электростанции	тепло-электростанции	всего
1929	—	—	4 194	—	—	13 300
1937	3 850	2 330	6 180	21 859	5 320	27 179
1938	4 170	2 450	6 620	22 877	6 372	29 249
1939	4 550	2 700	7 250	22 697	7 199	29 896
1940	5 000	2 880	7 880	24 911	6 599	31 510
1941	5 220	2 970	8 190	28 703	5 171	33 874
1942	5 460	3 010	8 470	26 473	7 147	33 620
1943	5 640	2 890	8 530	28 152	5 798	33 950
1944	5 790	1 196	6 986	28 505	3 735	32 240

* „Ниппон таймс“, 24 октября 1945 г.

не привело, таким образом, к сколько-нибудь значительному усилению электроэнергетической базы военного хозяйства. Но для концернов создание «Нихон хассодэн» было чрезвычайно выгодным. Благодаря созданию «Нихон хассодэн» военно-промышленные компании концернов в течение всей войны имели возможность получать электроэнергию в более или менее достаточном количестве по сравнительно дешевым твердым ценам. Владельцы же электростанций, потеряв формально право собственности на их оборудование, фактически в течение всей войны продолжали получать на свои акции не меньшие дивиденды, чем те, которые они получали до объединения электрокомпаний. Руководство «Нихон хассодэн» находилось в руках его президента и вице-президента, назначавшихся правительством из числа кандидатов, которые избирались акционерами.

Компании типа «Нихон хассодэн» (т. е. полугосударственные компании, в которых не было государственных инвестиций или последние были невелики) имелись также и в других отраслях народного хозяйства. Прежде всего к этому типу должен быть отнесен ряд полугосударственных банков (Про-

мышленный, Ипотечный, Иокохама спэши, Колониальный банк Хоккайдо и др.), акции которых почти целиком находились в частных руках. Из промышленных компаний после «Нихон хассодэн» важнейшей компанией того же типа была «Имперская компания по добыче нефти» («Тэйкоку сэкию») с капиталом в 280 млн. иен, из которых лишь 50 млн. было оплачено правительством. Такого же рода компании были созданы и в японском морском судоходстве, сконцентрированном к концу войны под контролем военно-морского министерства в двух компаниях типа контрольных ассоциаций: «Ассоциация по судоходству» и «Японская ассоциация портового транспорта».

Во всех указанных компаниях предприниматели теряли самостоятельность в оперативном управлении предприятиями, где они были полными хозяевами до вхождения в них, но, став акционерами на всю сумму стоимости своих предприятий, целиком сохраняли свои доходы. Фактические владельцы крупнейших предприятий либо непосредственно, либо через своих бывших служащих оказывали решающее влияние на положение дел принадлежавших им прежде предприятий. Они были заинтересованы в этих предприятиях не только как акционеры: с достаточным на то основанием они полагали, что новые компании созданы временно и что после войны восстановится прежнее положение.

в) *Полугосударственные тресты.* Их отличие от рассмотренных под рубрикой «б» заключалось в том, что существенная, а иногда и большая часть капиталов была вложена правительством. Наиболее крупным из подобных трестов был металлургический трест «Н и х о н с э й т э ц у», сосредоточивший в своих руках большую часть производства черных металлов.

Так же как и другие отрасли промышленности, японская металлургия была распылена между десятками компаний, из которых каждая в отдельности обладала небольшой мощностью и не имела законченного цикла металлургического производства. В собственно Японии до войны единственным вполне современным большим металлургическим предприятием был государственный металлургический комбинат Явата, построенный в 1901 г. и с тех пор непрерывно расширявшийся¹.

¹ В 1940 г. на заводе Явата было девять доменных печей, в том числе две мощностью в 1 тыс. т в сутки, одна — 700 т, одна — 500 т, остальные — от 300 до 450 т. Мощность сталеплавильного цеха была равна 1,5 млн. т стали в год, прокатного отделения — 1,6 млн. т разового проката. В состав комбината входили также химические предприятия и мощное энергетическое хозяйство.

Важное значение металлургии для военного хозяйства, большие трудности в обеспечении металлургии сырьем, необходимость производства крупных капиталовложений независимо от перспектив получения прибыли — таковы были те обстоятельства, вследствие которых государственное вмешательство в металлургическое производство началось раньше и было более глубоким, чем в других отраслях промышленности, и по которым это вмешательство приняло форму создания мощного полугосударственного треста с принадлежащей государству основной частью капитала.

Трест «Нихон сэйтэцу» был создан по закону, предложенному правительством по инициативе армии и принятому парламентом в 1933 г. «Нихон сэйтэцу» объединил государственный комбинат Явата и шесть металлургических заводов частных компаний¹. Трест объединил 80% всей выплавки чугуна и 50% выплавки стали в стране. Основной капитал треста при его образовании был определен в размере 350 млн. иен. Главным акционером было правительство, которому принадлежало 80% всех акций, полученных за взнос завода Явата.

Из концернов, участвовавших в тресте, первое место принадлежало Мицуи, в руках которого находилось 7% всех акций, и Мицубиси (4,5%). Хотя частный капитал владел лишь одной пятой акций, но в составе 19 членов директората треста девять были представителями частных монополий (шесть — от Мицуи, два — от Мицубиси, один — от Сибудзава).

К 1937 г. капитал «Нихон сэйтэцу» достигал уже 800 млн. иен, его монопольное положение в черной металлургии укреплялось как путем расширения предприятий, так и путем усиления его роли в картелях черной металлургии.

Однако в отличие от электроэнергетики, где созданный правительством трест в конце концов объединил почти всю промышленность черной металлургии, рядом с «Нихон сэйтэцу» продолжали существовать весьма значительные по своему удельному весу аутсайдеры — старые компании концернов. Среди последних наиболее крупной была компания «Нихон кокан» («Японская-трубопрокатная»), контролируемая концерном Асано, который находился в финансовой зависимости от Ясуда.

До 1936 г. «Нихон кокан» занималась лишь производством стальных труб. В порядке реализации правительственной программы по укреплению металлургических компаний и созданию в каждой из них законченного цикла производства

¹ Крупнейшие в Японии после Явата заводы Камаиси и Ваниси, заводы Фудзи в Кавасаки, заводы в Осака, заводы в Кэндзихо и Сэйсине (Корея) и заводы Хиробата.

«Нихон кокан» в 1936 г. строит первую доменную печь, а в 1940 г. присоединяет к себе другую крупную металлургическую и машиностроительную компанию — «Цуруми сэйтэцу». В 1942 г. к «Нихон кокан» была присоединена судостроительная компания «Цуруми дзосэн», металлургические предприятия которой выплавляли 250 тыс. т чугуна в год. В 1943 г. она присоединила еще две машиностроительные и металлургические компании: «Акита сэйко» и «Тйосэн кикай» (Корея).

«Нихон кокан» была единственной из металлургических компаний, не получавшей прямых субсидий от правительства, причем, несмотря на отсутствие субсидий и на большое строительство, ее прибыль в 1942 г. составила 17% к оплаченному капиталу. Такой итог объяснялся не столько сравнительно высокой техникой производства на металлургических предприятиях компании, сколько тем, что она занималась чрезвычайно прибыльным и обильно субсидированным строительством и ремонтом судов, производством ферросплавов, а также высокими ценами на стальные трубы, производившиеся на предприятиях компании.

Из других компаний-аутсайдеров, занимавшихся по преимуществу металлургическим производством, важное значение имели компании «Амагасаки сэйтэцу», «Кокура сэйко», «Накаяма сэйко».

Кроме вышеуказанных пяти компаний, имевших полный цикл металлургического производства, в Японии насчитывалось еще свыше 30 компаний, из которых одни были заняты в основном производством стали и проката, а другие были по преимуществу машиностроительными¹. Концерны, несмотря на создание «Нихон сэйтэцу», сохраняли каждый свою собственную металлургическую базу, и на протяжении всей

¹ Важнейшая компания концерна Мицубиси — «Мицубиси дзюкогё», имела собственный завод по выплавке стали в Нагасаки, который вошел в 1942 г. во вновь созданную компанию «Мицубиси сэйко» («Мицубиси-сталелитейная»).

Важнейшая компания концерна Сумитомо — «Сумитомо киндзюку», имела два завода по выплавке и прокату стали. Кроме того, под контролем Сумитомо находилась крупная машиностроительная и металлургическая компания «Кавасаки дзюкогё».

Концерн Мицубиси контролировал: крупнейшую сталеплавильную компанию «Дайто сэйко» с 13 заводами, на которых производились специальная сталь, ферросплавы, быстрорежущие стали и т. п.; сталеплавильную компанию «Нихон сэйкогё» с четырьмя сталеплавильными заводами, а также компанию «Мицубиси кикай», поглотившую сталепрокатную компанию «Тойо кодзай».

Кроме того, имелось несколько крупных межконцерновых машиностроительных компаний с весьма значительными металлургическими предприятиями («Кобэ сэйкогё» с 7 сталеплавильными и сталепрокатными заводами; «Токио Исикавадзима дзосэндзё» с одним сталеплавильным заводом и др.).

войны более двух третей сталепрокатного производства, половина сталелитейного и около четверти производства чугуна оставались за пределами «Нихон сэйтэцу». Главное назначение треста «Нихон сэйтэцу» заключалось в том, чтобы обеспечивать на государственный счет производство дешевого чугуна для сталелитейной, прокатной и машиностроительной промышленности концернов.

Металлургия была отнесена к числу пяти приоритетных отраслей промышленности. В апреле 1941 г. была создана контрольная ассоциация металлургии, объединившая 78 металлургических промышленных и торговых компаний во главе с «Нихон сэйтэцу». Контрольная ассоциация была создана на основе всеяпонского металлургического картеля, именовавшегося «Японской федерацией чугуна и стали». Президентом сначала федерации, а затем контрольной ассоциации был Хатисабуро Хирао, один из директоров концерна Мицубиси. Он же был до 1942 г. президентом «Нихон сэйтэцу». Вице-президентом был упоминавшийся выше один из близких людей Мицубиси адмирал Тэйдзиро Тойода, сменивший в 1942 г. Хирао на посту президента «Нихон сэйтэцу».

Металлургические предприятия получали огромные субсидии от правительства. Субсидировался не только выпуск готовой продукции, но и строительство новых предприятий, в особенности предприятий по производству специальных сталей. Специальные субсидии выдавались за использование в качестве сырья руд с низким процентом содержания железа, за исследовательские работы по изысканию новых видов сырья и новых методов производства, за перевод промышленности на континент, за скоростное строительство домен малого размера¹.

В последние два года войны деятельность «контрольных органов» в металлургии была дополнена прямым инспектированием предприятий представителями сначала министерства торговли и промышленности, а затем министерства вооружения. Правительство и армия прилагали отчаянные усилия для того, чтобы увеличить производство металлургических предприятий.

Как мы видели выше, дело дошло до массового уничтожения текстильного оборудования и его превращения в лом для металлургии. Еще раньше были пущены в дело радиаторы и многие предметы первой необходимости, сделанные из железа, часть рельс и т. п. Почти каждый пароход, прихо-

¹ В 1942 г. компании металлургической промышленности получили от правительства субсидии, премии и дотации на сумму 146 млн. иен («Тойо кэйдзай», 30 марта 1943 г.). В марте 1943 г. один только трест «Нихон сэйтэцу» получил от правительства дотации в сумме 44 млн. иен. Субсидии за 1 т никеля составляли 1200—1500 иен.

дивший с оккупированных территорий, привозил с собой железный лом, в который превращалось нередко даже ценное оборудование промышленных предприятий. Одновременно отчаянные усилия прилагаются для налаживания производства железа из песчаного железняка, запасы которого в Японии, по заявлениям японской печати, практически неограничены. Делались попытки форсировать в Японии и на континенте строительство домен малого размера, использовать оборудование керамических предприятий и т. д.

О развитии мощностей и производства японской черной металлургии в годы войны можно судить по данным табл. 27.

Таблица 27

Мощность и производство сталелитейной промышленности и производство чугуна (1929—1945 гг., в млн. т; Япония в пределах послевоенных границ)*

	Мощность сталелитейной промышленности	Выплавка стали	Выплавка чугуна
1929	—	2,3	1,1
1937	—	5,8	2,4
1941	10,5	6,8	4,3
1942	12,1	7,0	4,4
1943	12,8	7,8	4,1
1944	14,0	5,9	2,8
1945	—	2,1	1,0

* „Far Eastern Survey“, 4 декабря 1946 г.; „Monthly Bulletin of Statistics“, U. N. № 6, 1950 г. и др.

Основная причина, вызвавшая, начиная с 1943—1944 гг., понижение продукции черной металлургии, заключалась в дефиците сырья¹. Некоторое увеличение производства черных металлов после 1937 г. было достигнуто ценой громадного разрушения основного капитала в других отраслях промышленности, прежде всего в текстильной, а также разрушения в Японии и на оккупированных ею территориях больших материальных ценностей, превращавшихся в железный лом. Этот успех был достигнут путем обеспечения высоких прибылей монополистическим компаниям в

¹ Годовая производительность труда на одного рабочего сталелитейной промышленности упала с 164 т в 1941 г. до 119 т в 1944 г. и до 78 т в 1945 г. («Far Eastern Survey», 4 декабря 1946 г.).

металлургии. Трудности в развитии металлургического производства преодолевались за счет национального имущества и национального дохода. Что касается владельцев металлургических компаний, то последние в течение всех лет войны, в том числе и после того, как началось быстрое падение производства, неизменно получали на свои капиталы, согласно отчетам компаний, от 7 до 10% дивидендов. Капиталы многих металлургических компаний за годы войны увеличились в несколько раз.

«Нихон сэйтэцу» и 14 других крупнейших металлургических компаний, контролировавшихся концернами, за время войны намного расширили мощность своих предприятий и укрепили монопольное положение в народном хозяйстве Японии.

Из других полугосударственных компаний, подобных «Нихон сэйтэцу», наиболее важными в промышленности, транспорте и связи были следующие: «Японская транспортная (железнодорожная) компания» («Нихон цуун») с капиталом в 35 млн. иен (правительственные вложения — 6 млн. иен); «Имперская компания жидкого топлива» («Тэйкоку нэнрйо»), производство искусственной нефти, капитал — 100 млн. иен (правительственные вложения — 40 млн. иен); «Аэронавигационная компания великой Японии» («Дайнихон коку», правительственные вложения — 23,5 млн. иен); «Международная компания электросвязи» («Кокусай дэнки цусин»), капитал — 86 млн. иен (правительственные вложения — 43 млн. иен); «Имперская компания по развитию горнодобывающей промышленности», капитал — 115 млн. иен (правительственные вложения — 45 млн. иен); «Японская компания по удобрениям», капитал — 67 млн. иен (правительственные вложения — 25 млн. иен)¹.

За исключением треста «Нихон сэйтэцу», созданного в 1933 г., все перечисленные выше под рубриками «б» и «в» и почти все другие подобные более или менее значительные компании были созданы после 1937 г. Кроме промышленных, транспортных и коммерческих компаний, к этому же типу относятся полугосударственные банки, а также различные смешанные кредитно-торгово-промышленные компании вроде упоминавшейся выше «корпорации промышленного оборудо-

¹ Кроме вышеуказанных, имелся еще ряд аналогичного типа торговых компаний и компаний смешанного предпринимательства. Важнейшие из них (в скобках — на первом месте капитал компании в млн. иен: на втором месте — правительственные вложения): «Корпорация по промышленному оборудованию» (156; 156); «Торговая корпорация» (214; 189); «Японская корпорация по медицинскому обслуживанию» (100; 100); Японская фондовая биржа (200; 47,4); «Японская угольная компания» (100; 50); «Японская контрольная компания по шелку» (40; 20) и др. («Report of the Mission on Japanese Combines», стр. 93).

зания». Сюда же должны быть отнесены колониальные полугосударственные компании (их деятельность будет рассмотрена в главе VI).

г) *Военные и военно-морские арсеналы.* Это были чисто государственные предприятия, в которые доступа для частного капитала почти не было.

Полугосударственные компании пользовались весьма важными привилегиями; во-первых, они освобождались от всех государственных и большинства местных налогов и получали очень большие субсидии из государственного бюджета; во-вторых, правительство гарантировало для частных акционеров определенный минимум дивидендов, а также стоимость основного капитала; в-третьих, для этих компаний были созданы исключительно благоприятные условия кредитования; они имели право выпускать облигации на сумму, превышавшую их основной капитал в 10—15, а иногда даже в 20 раз, причем значительная часть их займов гарантировалась правительством, и, таким образом, выпускаемые компаниями облигации шли наравне с облигациями государственных займов и, больше того, приобретали платежную силу наподобие банкнот Японского банка. В общей сумме выпуска облигаций полугосударственных компаний процент облигаций, не обеспеченных активами компаний, увеличился с 28,1 в 1937 г. до 69,6 в 1941 г.; процент подобных же необеспеченных облигаций среди всех облигаций обычных компаний за тот же срок уменьшился с 22,7 до 0,2%.

Доля полугосударственных компаний в общей сумме выпускавшихся всеми компаниями страны долговых обязательств увеличилась с 28,1% в 1937 г. до 72,8% в 1941 г. Соответственно доля обычных компаний упала с 71,9% в 1937 г. до 27,2% в 1941 г.¹ Таким образом, участие в полугосударственных компаниях стало одним из наивыгоднейших видов предпринимательства для частного капитала, и доступ к акциям этих компаний был открыт почти исключительно для крупных компаний концернов. Все вышеописанные привилегии позволяли полугосударственным компаниям без опасений за свои активы и размеры дивидендов поставлять продукцию, потребителем которой были преимущественно военные предприятия дзайбацу и арсеналы, по твердым ценам и тем обеспечивать возможность увеличения прибылей компаний концернов.

Какова была доля государственного предпринимательства в народном хозяйстве страны? Для ответа на этот вопрос следует прежде всего познакомиться с размерами и структурой государственного имущества (табл. 28).

¹ Документ обвинения на токийском процессе № 9030.

Государственное имущество (в млн. иен)*

Годы	Земля	Леса	Строения	Машины и разное обору- дование	Суда	Акции и дру- гие ценные бумаги	Права на экс- плуатацию горнорудных богатств	Всего
1920	1 811	1 508	888	2 810	1 049	240	5,5	8 311,5
1935	1 613	1 097	1 066	3 533	1 389	564	619	9 881
1940	2 350	2 247	1 988	5 948	1 943	1 140	2 271	17 887

* «Дзидзи нэнкан», 1947, стр. 406.

По официальной оценке стоимость «национального богатства» Японии в 1930 г. равнялась 110 млрд. иен¹. Если исходить из этой оценки, то в 1930 г. доля государственного имущества в национальном богатстве равнялась 7,5%.

Мы не располагаем сколько-нибудь обоснованными оценками национального богатства Японии за последующие годы. Повидимому, рост его стоимости после 1935 г. происходил медленнее, чем рост стоимости государственного имущества. Однако существенное изменение доли государственного имущества в национальном богатстве вряд ли имело место.

Что касается доли государства в общем размере капиталистического предпринимательства страны, то эта доля может быть определена путем сравнения данных об акционерном капитале.

Объявленный капитал всех предпринимательских компаний Японии в 1941 г. равнялся 38,7 млрд. иен². Акции и другие ценные бумаги в руках государства в 1940 г. составили сумму в 1140 млн. иен, или около 3%, по отношению ко всему объявленному капиталу акционерных компаний. Если даже увеличить этот процент в шесть раз, добавив к оценке государственного предпринимательства стоимость государственного имущества под рубрикой «машины и разное обору-

¹ «Japan Year book», 1939—1940, стр. 271. Следует иметь в виду, что эта оценка далека от истины уже хотя бы потому, что она включает в стоимость «национального богатства» «стоимость» земли. Однако, поскольку в приведенной выше оценке государственного имущества «стоимость» земли и естественных богатств также фигурирует, мы считаем возможным воспользоваться официальной оценкой.

² «Дзидзи нэнкан», 1947, стр. 420.

дование», то и тогда окажется, что капиталы частных компаний более чем в пять раз превышали государственный капитал.

Таким образом, усиление военно-монополистического контроля в промышленности сопровождалось значительным увеличением государственного капитала и государственного предпринимательства. Государство само превратилось в один из крупных концернов, хотя львиная доля средств эксплуатации продолжала оставаться в руках концернов, принадлежавших магнатам дзайбацу. Участие в полугосударственных компаниях было чрезвычайно выгодно для монополистов. Они сами контролировали деятельность этих компаний, входя в состав их правлений и стоя во главе государственных органов и «контрольных» объединений, которым принадлежали права по оперативному руководству государственными и полугосударственными компаниями. Деятельность этих компаний целиком отвечала интересам дзайбацу, поскольку они обеспечивали военных промышленников дешевым сырьем, топливом, энергией и полуфабрикатами и служили выполнению основной задачи военного регулирования — расширению военного производства путем увеличения прибылей военно-промышленных компаний концернов.

4. «Сверхприоритетные» отрасли: самолетостроение и судостроение.

Роль министерства вооружения

Среди всех отраслей японской военной промышленности, в которых большая часть производства в течение войны оставалась в руках концернов, самолетостроение было единственной отраслью, где не было создано «контрольных органов». В судостроительной промышленности «контрольные органы» играли сравнительно небольшую роль. Этот факт является весьма показательным для объяснения структуры и значения в военном производстве монополистических картельных объединений. Дело в том, что армия и флот, одобрив и приняв после некоторого сопротивления выдвинутый дзайбацу план «новой экономической структуры», все же не могли целиком положиться на концерны и их картели в тех отраслях промышленности, которые имели решающее значение для войны. Военщина категорически требовала, чтобы производство самолетов и судов, сосредоточенное в руках концернов, находилось под *прямым* наблюдением и контролем государственных органов без «посредников» в виде обычных «контрольных органов», от руководства которыми армия и флот были почти полностью отстранены.

Разумеется, речь в данном случае шла отнюдь не о государственном управлении самолетостроительными и судострои-

тельными заводами концернов, а лишь о необходимости строгого государственного надзора над выполнением весьма срочных и ответственных заказов на самолеты и суда для фронта.

Контроль над исполнением законов и распоряжений в отношении самолетостроительной промышленности был официально сосредоточен в руках министерства связи, но фактически — в руках военного министерства. Судостроение до 1942 г. также находилось официально под контролем министерства связи, а фактически — военно-морского министерства. Созданная в 1942 г. «Контрольная компания судостроения» («Дзосэн тосэйкай») была официально подчинена военно-морскому министерству и превращена в его подсобный орган.

До начала войны на Тихом океане был осуществлен ряд мер по концентрации и расширению самолетостроительной промышленности. В августе 1938 г. парламентом был принят «закон об авиационном производстве», согласно которому авиапромышленность была признана имеющей первостепенное военное значение и правительство получило право ее субсидировать, определять типы самолетов и моторов, обязательные для производства. Закон также предусматривал сосредоточение всего производства в крупных компаниях с минимальным размером оплаченного капитала в 3 млн. иен, с мощностью производства не менее 300 самолетов малых размеров, или 50 самолетов средних размеров, или 300 авиационных моторов в год¹.

К середине 1942 г. все авиационное производство было сосредоточено в 16 компаниях, из которых почти все либо принадлежали концернам Мицубиси, Накадзима и Сумитомо, либо находились в зависимости от последних. В 1943 г. было создано 12 новых компаний по производству самолетов и моторов. Они создавались из компаний, не имевших ранее никакого отношения или имевших лишь косвенное отношение к авиационному производству. Так, например, некоторые предприятия крупнейшей в стране компании по производству бумаги концерна Мицуи «Одзи сэйси» были объединены в декабре 1943 г. в самолетостроительную компанию «Коа коку кикай»; из предприятий текстильной компании «Курасики босэки» были созданы две самолетостроительные компании — «Курасики коку когё» (самолеты) и «Курасики кокуки когё» (авиамоторы).

До 1943 г. единственными объединениями в самолетостроительной промышленности были «Армейская самолетостроительная ассоциация» и «Военно-морская самолетостроитель-

¹ «Справочник по военной экономике», Токио, 1943, стр. 87.

ная ассоциация». Обе они существовали при военном и военно-морском министерствах и имели очень мало общего с обычными картельными организациями монополистов.

Еще задолго до войны на Тихом океане правительство приняло программу обновления торгового флота Японии под девизом «выбрасывать и строить», т. е. сдавать на слом устаревшие и строить новые, модернизированные суда для торгового флота. В 1939 г. был принят «закон о судостроительной промышленности», по которому правительство обязывалось субсидировать строительство крупных быстроходных судов, возмещать убытки судостроительных компаний, гарантировать их долговые обязательства.

С началом войны был принят закон, обязывавший промышленников строить суда только определенных типов, предусмотренных распоряжениями правительства. Однако, несмотря на обильное субсидирование, после начала войны в Китае строительство торговых судов не только не подвинулось вперед, но, наоборот, сократилось. Если тоннаж спущенных на воду торговых кораблей (водоизмещением свыше 500 т) увеличился со 164 тыс. т в 1929 г. до 451 тыс. т в 1937 г., то в 1938 г. были спущены на воду суда общим тоннажем в 442 тыс. т, в 1939 г.—324 тыс. т, в 1940 г.—226 тыс. т, в 1941 г.—260 тыс. т и даже в 1942 г., в первый год после начала войны на Тихом океане,— всего 424 тыс. т.

В связи с войной на Тихом океане производство самолетов и судов приобрело для японского империализма поистине сверхважное значение. Достаточно указать на то, что в то время как перед началом войны, в 1941 г., тоннаж всего японского торгового флота (суда тоннажем свыше 500 т) равнялся 6380 тыс. грасс-т, потери торгового флота, по официальным японским данным, за годы войны составили 3105 судов водоизмещением 8788 тыс. грасс-т. Построено было за те же годы 1288 судов с тоннажем 3928 тыс. грасс-т и осталось к концу войны менее четверти довоенного тоннажа — 1009 судов водоизмещением 1520 тыс. т, из которых значительная часть требовала капитального ремонта¹. Еще более тяжелое положение сложилось в отношении самолетов, потребность в которых с развитием войны на Тихом океане возрастала в геометрической прогрессии.

Сравнение данных о потерях с данными о производстве судов и самолетов² в годы, предшествовавшие войне на Тихом

¹ «Нихон сангё кэйдзай», 5 ноября 1945 г. Г. Треварта. Япония. Послесловие К. М. Попова. М., 1949, стр. 511.

² В 1941 г., по американским данным, производство самолетов в Японии составило всего 2664 единицы (Г. Треварта, там же, стр. 518). Потери же Японией самолетов за четыре года войны составили 25 609 еди-

океане, показывает, насколько актуальной была задача развития самолетостроения и судостроения. Выполнение этой задачи требовало срочных и чрезвычайных мер и не могло быть осуществлено при том разном и бесконтрольности, которые создавались при существовавшей системе монополистических «контрольных органов». Один из американских исследователей экономики Дальнего Востока Джером Коэн после ознакомления с японской военной экономикой в качестве эксперта штаба Макартура следующим образом охарактеризовал положение, создавшееся в Японии в 1942 и в начале 1943 г.: «Номинально контрольные ассоциации были ответственны перед различными министерствами (особенно министерством торговли и промышленности) и находились под их контролем. В действительности, однако, они пользовались большой автономией и по «закону о передаче административных прав» от 18 февраля 1942 г. получили широкие государственные права по распределению сырых материалов, регулированию выпуска продукции и т. д. Ассоциации обычно возглавлялись прежними президентами самого большого концерна в соответствующих отраслях... Таким образом, дзайбацу, хотя они номинально подчинились правительственному контролю, в действительности имели возможность осуществлять почти полное господство во всей промышленности. В течение первого года войны «Плановое бюро» кабинета не имело никаких распорядительных прав; премьер-министр не контролировал министерства; министерства не контролировали контрольные ассоциации. Тодзё боролся за то, чтобы преодолеть этот административный хаос и централизовать управление в своих руках, но имел только частичный успех»¹.

Поворот в развитии второй мировой войны после разгрома немцев под Сталинградом, военные неудачи японцев на Тихом океане, начавшиеся после поражения японского флота в битве у острова Мидуэй (июнь 1942 г.), изменили соотношение политических сил внутри Японии: в то скрытой, то явной, то утихавшей, то вновь вспыхивавшей внутренней борьбе в лагере господствующих классов, которая происходила непрерывно и до войны и после ее возникновения, дзайбацу в 1943 г. одержали новые победы над военщиной, скомпрометировавшей себя ввиду краха ее плана «молниеносной победы» и начавшихся поражений японского оружия. С начала 1943 г. со стороны дзайбацу все громче стали раздаваться голоса протеста против вмешательства военных в экономические дела. Отклонение участия военных отнюдь не рассматри-

виц («Асахи», 6 сентября 1945 г.). О развитии самолетостроения по годам см. стр. 177.

¹. «Far Eastern Survey», 4 декабря 1946 г.

валось дзайбацу как средство для ликвидации системы «контрольных органов». Наоборот, дзайбацу стремились усилить государственное регулирование, но при этом сосредоточить все его средства в своих руках, сведя к минимуму вмешательство военных.

Для настроений, господствовавших среди японских монополистов в это время, характерны заявления, сделанные в начале 1943 г. на одном из традиционных совещаний («соданкай») в редакции журнала «Тойо кэйдзай» крупнейшими руководителями и некоторыми из владельцев концернов. На совещании присутствовали: президент металлургической компании «Нихон кокан», один из магнатов японского финансового капитала Рйодзо Асано; президент контрольной ассоциации промышленности легких металлов, один из директоров концерна Сумитомо — Ацуси Оя; президент «Мицубиси дзюкогйо», фактически руководитель концерна Мицубиси, Кийоси Гоко; президент контрольной ассоциации металлургической промышленности, крупный промышленник Иосисукэ Ватанабэ; член правления контрольной ассоциации каменноугольной промышленности Иосукэ Сигэно и представители редакции журнала. Приведем выдержки из отчета об этом совещании¹.

«Сигэно: Я думаю, что до сих пор никакой плановой экономики в действительности у нас не было, хотя мы об этом много говорили. До сих пор не было определенной связи между отдельными отраслями промышленности. Принцип единого руководства не осуществлен ни в одной отрасли. Некоторые специальные отрасли промышленности, используя создавшееся положение, приобрели чрезвычайно большие выгоды. Плановая экономика запутана до крайней степени, и теперь стали говорить о создании сверхплановой экономики... За последние несколько лет сверхплановые отрасли промышленности (речь идет о пяти приоритетных отраслях. — Я. П.) стали требовать себе дани, а остальные отрасли, в каком бы тяжелом состоянии они ни находились, эту дань обязаны платить. Но дело в том, что теперь уже не из чего платить эту дань...

Асано: Моя идея заключается в том, чтобы создать территориальные блоки, в отдельных блоках сделать одно из производств основным и вокруг этого производства осуществлять регулирование. На острове Кюсю мы имеем заводы Нихон сэйтэцу, в Осака — заводы Сумитомо, в Канто — заводы Нихон кокан. Если эти компании сделать центрами, то вокруг них можно было бы объединить все предприятия соответствующих блоков. Разумеется, окажутся бездействующие

¹ «Тойо кэйдзай», 20 марта 1943 г.

предприятия, но о них правительство позаботится... Следовательно бы, чтобы правительство или контрольные ассоциации выработывали планы объединения или упорядочения (читай: «ликвидации». — Я. П.) нерентабельных предприятий. Если концентрирующая производство компания получит определенные прибыли, то она из них может уделить известную долю присоединенным компаниям в качестве платы за используемое оборудование.

В а т а н а бэ: Разве это обязательно, чтобы правительство гарантировало дивиденды даже не дающей продукции компании?

А с а н о: Да, если завод приходится закрыть, то дивиденды акционерам будут гарантированы.

В а т а н а бэ: Т. е. попросту будет применена нынешняя система гарантий?

А с а н о: Да, во время кризиса этот метод широко применялся.

Представитель редакции: Резюмируя высказывания господина Асано и господина Оя, можно сказать, что они оба признают необходимость создания министерства военного снабжения для усиления нашей боевой мощи, т. е. то, на чем уже давно настаивает редакция нашего журнала.

Оя: Совершенно верно. Необходимо создать министерство военной промышленности, а впоследствии и министерство военного снабжения, которое будет вести осуществлением плана мобилизации материальных ресурсов для нужд военного и морского ведомств.

Гоко: Как бы там ни было, обстоятельства заставили наше государство выделить пять отраслей промышленности как первостепенные. Если благодаря внутриведомственной борьбе и секционализму снова будут допущены ошибки, то что же тогда получится? Вот о чем я настоятельно прошу подумать чиновников всех ведомств! Если они не смогут выполнить того, что от них требуется, и притом как следует, то чиновники всех ведомств, начиная от премьер-министра (премьер-министром в это время был генерал Тодзё. — Я. П.) должны уйти в отставку. Научить их выполнению своих функций — наша задача. Это — самая настоящая битва. Это — война с канцеляриями.

В а т а н а бэ: Японо-китайская и японо-русская войны были большими войнами, но то были «солдатские войны». Теперь же войну ведет вся нация. Я чувствую большую неудовлетворенность в отношении руководства со стороны правительства... Правительство, как и во время прошлых войн, держит нас в полном неведении, отказывается сообщать что-либо под предлогом военной секретности. Возможно, что

такой метод был хорош тогда, когда военными планами распоряжались господа военные специалисты, но теперь, когда война стала требовать напряжения всех сил страны, я считаю ошибочным применение такого же метода руководства, как в прошлом. Дело в том, что в нынешней войне, в отличие от прошлых войн, промышленность представляет собой передовой фронт...

Г о к о: Подписываюсь обеими руками под вашими словами.

В а т а н а б э: Военным властям следует обратиться к нам (т. е. промышленникам.— Я. П.) с просьбой о сотрудничестве. Может быть, такое положение им не понравится, но нужно, чтобы и полигики и господа военные изменили свое руководство, признав на деле, что промышленность и промышленники находятся на переднем крае...» (курсив везде наш.— Я. П.).

Откровенные высказывания «за чашкой чая» крупнейших тузов дзайбацу представляют собой значительный интерес, и мы надеемся, что читатель извинит за обширность приведенных выдержек. Разумеется, и «за чашкой чая» магнаты дзайбацу обнаружили свое ханжество и лицемерие, изображая себя чуть ли не жертвами военщины. Но за лицемерными жалобами на засилие военщины легко обнаруживается, что говорят люди, для которых «господа военные» не больше чем лакеи, хотя и не во всем послушные.

«Пусть военные оставят нас в покое; полностью доверьте нам все средства регулирования, дайте нам все права, которые мы испрашиваем, и мы наведем порядок, закроем ненужные предприятия, «спланируем» и «скоординируем» все наилучшим образом» — таков лейтмотив всех заявлений участников совещания, которые, с полным на то правом, говорили, как истинные хозяева страны. «Если они не смогут выполнить то, что от них требуется, и притом как следует, то чиновники всех ведомств, начиная с премьер-министра, должны уйти в отставку», — только глава концерна Мицубиси в годы фашистской диктатуры мог позволить открыто говорить таким тоном, словно речь шла не о министрах и высших чиновниках правительства, а о клерках его собственной конторы з Маруноути ¹.

Военщина продолжала настаивать на том, чтобы контроль з самолетостроительной промышленности осуществлялся государственными органами. Дзайбацу обошли это требование военщины, выдвинув и приведя в исполнение план создания нового государственного органа, от руководства которым

¹ Деловой квартал в Токио, в котором помещается правление концерна Мицубиси.

военщина должна была быть отстранена. Этим органом стало созданное в октябре 1943 г. министерство вооружений.

В министерстве вооружений было создано восемь департаментов: генеральный департамент авиационного вооружения, департаменты машиностроения, черной металлургии, производства легких металлов, производства цветных металлов, химии, топлива и электроэнергетики. Кроме того, министерство создало девять инспекторских управлений, ведавших военной промышленностью по девяти районам страны¹, которые еще раньше были превращены в административные единицы военного управления (это и были те самые «блоки», которые предложил создать Рйодзо Асано на совещании в редакции «Тойо кэйдзай»).

«Стержнем» министерства вооружения был Генеральный департамент авиационного вооружения. Что касается судостроительной промышленности, то, хотя формально структура контроля над ней не была изменена и контроль попрежнему оставался в руках военно-морского министерства², фактически деятельность министерства вооружения распространялась также и на судостроение, поскольку под контролем министерства были сосредоточены отрасли, поставлявшие судостроительной промышленности сырье, топливо, полуфабрикаты и отдельные части кораблей.

Анализируя борьбу дзайбацу за создание министерства вооружений, Т. А. Биссон пишет: «Если генеральные штабы армии, флота и воздушного флота настаивали на сохранении административного контроля над расширенной программой авиационного производства, предусматривавшей полную мобилизацию промышленных гигантов японской экономики, то монополисты просто не были в этом заинтересованы. Они стали желать участвовать в этом деле тогда, когда административная власть была передана министерству вооружений, контролируемому их людьми...»³

Только в 1943 г., т. е. тогда, когда дзайбацу добились решающего успеха в борьбе за оттеснение военщины от участия в контроле над экономикой, когда началась подготовка к соответствовавшей требованиям дзайбацу «административной реформе», завершившейся созданием министерства вооружений, наступил перелом в развитии самолетостроительного и судостроительного производства.

¹ Эти районы были следующие: Кюсю, Сикоку, Тюгоку, Кинки, Токай, Хокурику, Канто, Тохоку, Хоккайдо.

² Следует иметь в виду, что связь военно-промышленных концернов и их владельцев с военно-морскими кругами всегда была более тесной, чем с кругами армейскими.

³ Т. А. Bisson, там же, стр. 203.

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Производство самолетов (в единицах) **	2 664	9 206	16 264	28 392	11 000
Тоннаж спущенных на воду судов торгового флота (в тыс. регистр. брутто-т)	260	424	1 124	1 584	490

* Г. Треварта, Япония, М. 1949, стр. 518; „Oriental Economist“, октябрь—ноябрь 1945 г.

** По японским данным (кроме 1941 г., по которому приведены американские данные), вся продукция японской авиапромышленности, по тем же данным, за годы войны составляла 65,4 тыс. самолетов. По американским же официальным данным, опубликованным в 1945 г., вся продукция японской авиапромышленности в годы войны составила 90,5 тыс. машин (Г. Треварта, там же, стр. 518).

Борьба вокруг различных планов изменения методов контроля в промышленности продолжалась вплоть до капитуляции Японии. Уже в последний год войны восторжествовала выдвинутая самими промышленниками формула: «государственный характер управления при частном владении». О том, что понималось под государственным характером управления, можно судить по следующему заявлению Т. Тойода и К. Мацумото, сделанному ими в феврале 1945 г. от имени «деловых кругов»:

«В результате изучения ряда проблем мы пришли к заключению, что единственным путем для укрепления производства является реформа аппарата контроля промышленности в таком направлении, чтобы расширить сферу применения промышленниками своих практических знаний и усилить их ответственность. Поэтому на рассмотрение правительства представляется данный проект производственной структуры решающего периода войны, единодушно одобренный „ассоциацией приоритетных отраслей промышленности“. Основные положения проекта следующие: 1. В важнейших отраслях промышленности создаются мощные централизованные объединенные органы управления, которые поглотят все существующие контрольные ассоциации и советы в приоритетных отраслях промышленности. 2. Эти центральные органы будут заниматься координированным руководством и управлением соответствующими отраслями промышленности. 3. Руководящий состав этих органов будет назначаться правительством, выбирающим для этой цели представителей промышленности, имеющих высокую квалификацию. Они будут обладать

полной властью в отношении координированного управления в соответствующей отрасли промышленности. 4. Основой промышленной структуры является частное управление. В отношении же тех объектов, к которым требуется применение специальных мер, таковые будут приниматься соответственно обстановке. 5. Для того чтобы сделать ясным государственный характер управления промышленностью и трудом, будут приняты особые меры — для всех рабочих и служащих будут определены государственные должности, сформулирована их ответственность, установлена форма одежды и т. п.»¹.

Пусть читателя не смущает противоречие между пунктами 4 и 5 приведенной программы: в понятии ее авторов нет разницы между «частным управлением» и «государственным характером управления». Центральным в программе является пункт 3. Речь шла все о том же: владельцы концернов требовали для себя и для своих высших служащих государственной и даже военной власти, прав, которые дали бы им возможность распоряжаться рабочими и служащими их собственных предприятий так, как генералы распоряжаются офицерами и солдатами, и, с другой стороны, они требовали права полного распоряжения предприятиями мелких и средних промышленников и аутсайдеров.

С созданием министерства вооружений значение контрольных компаний и ассоциаций в тех отраслях, которые были переданы под контроль министерства, уменьшилось.

Министерство вооружений осуществляло контроль непосредственно, минуя контрольные органы с помощью своих собственных инспекторских групп, к которым перешли такие важные функции, как наблюдение за технологией, помощь в изыскании разных видов сырья и заменителей, принятие разных срочных мер в связи с эвакуацией предприятий.

Логическим завершением политики приоритета, многократно усилившейся после создания министерства вооружений, было издание в конце 1944 г. «закона о компаниях военного производства», на основе которого была создана система так называемых «*выделенных компаний*». К февралю 1945 г. к числу «выделенных» было отнесено 677 компаний. Это были все компании самолетостроительной промышленности и все крупные компании четырех остальных приоритетных отраслей. Это были компании (дзайбацу и полугосударственные), которые были призваны сконцентрировать в своих руках все или почти все военное производство страны. А так как военное производство составляло в это время львиную долю всего промышленного производства страны, то, в сущности

¹ «Нихон сангёо кэйдзай», 11 февраля 1945 г.

говоря, 677 «выделенных компаний» вместе с теми компаниями, которые им были подчинены, в этот период сосредоточили в своих руках почти все промышленное производство страны.

Кроме двух десятков полугосударственных, все остальные «выделенные компании» были компаниями концернов. Все сколько-нибудь значительные предприятия, не входившие в «выделенные компании», могли работать только по заказам последних; все рабочие и служащие «выделенных компаний» были переведены на положение военнослужащих и объявлены состоящими в «трудовой армии непрременной победы», прикреплены к предприятиям и в большинстве переведены на казарменное положение. Многие из крупнейших военно-промышленных предприятий были объявлены по требованию их владельцев «национализированными». Сущность этой «национализации» заключалась в том, что правительство приняло на себя обязательство компенсировать владельцам концернов все убытки, связанные с бомбардировками и эвакуацией предприятий, и гарантировало промышленникам выплату твердого дивиденда (не менее 5%) независимо от состояния их дел.

С того момента, как компания превращалась в «выделенную», ее президент приобретал полуофициальный титул «промышленного генерала» и получал вместе с государственной грамотой об отнесении компании к числу «выделенных» чрезвычайные правительственные полномочия по управлению всеми делами компании независимо от акционеров и правления. Для получения правительственных полномочий требовалось, чтобы президент был одобрен в качестве ответственного перед правительством лица простым большинством голосов членов директората и затем утвержден соответствующим министром. Во главе всех «выделенных компаний» остались те же президенты, которые были раньше назначены владельцами концернов (во многих случаях — члены семей владельцев).

Так было выполнено требование дзайбацу о передаче под их непосредственный контроль всей военной промышленности Японии.

Экономические итоги политики военно-монополистического контроля. Обострение неравномерности развития отдельных отраслей народного хозяйства

Всесторонний анализ развития военной экономики Японии выходит за рамки нашей темы. Однако прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о том, каких результатов добились для себя в годы войны отдельные концерны дзайбацу, необходимо выяснить некоторые важнейшие экономические

последствия их хозяйничанья на основе военного государственно-монополистического капитализма.

Анализируя экономическую роль монополий, Ленин писал: «...монополия, создающаяся в *некоторых* отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную *всему* капиталистическому производству в целом. Несоответствие в развитии земледелия и промышленности, характерное для капитализма вообще, становится еще больше. Привилегированное положение, в котором оказывается наиболее картелированная, так называемая *тяжелая* индустрия, особенно уголь и железо, приводит в остальных отраслях промышленности „к еще более острому отсутствию плановности“...»¹.

Военный государственно-монополистический капитализм означает дальнейшее многократное усиление тенденций, подчеркнутых Лениным, что легко подтверждается на примере Японии.

Важнейшие материальные результаты развития народного хозяйства Японии характеризуются показателями табл. 29.

Некоторые из приведенных в таблице основных экономических показателей Японии были нами уже проанализированы выше. Собранные вместе, эти данные рисуют яркую картину исключительно острой неравномерности развития отдельных отраслей народного хозяйства в годы войны.

Прежде чем подвергнуть эти данные рассмотрению, необходимо заметить, что индексы производства, почерпнутые из ежемесячного конъюнктурного бюллетеня ООН, составлены научно-экономическим отделом штаба Макартура в 1949 г. и заменили собой помещавшиеся до ноября 1949 г. индексы, которые составлялись японскими правительственными органами. Эти прежние индексы резко отличались от нынешних. Согласно прежнему общему индексу производства, его максимум был достигнут в 1941 г. (123, принимая за 100 1937 г.), после чего имело место непрерывное падение: 1942 г.—117; 1943 г.—110; 1944 г.—94; 1945 г.—38, причем особенно резко уменьшался индекс производства обрабатывающей промышленности.

Американские статистики претендуют на то, что новые индексы якобы являются более полными и совершенными. Мы не должны, однако, ни на минуту забывать о том, что американские статистики в Японии, приводя по многим важнейшим отраслям японской экономики, особенно промышленности, более высокие показатели, чем японские статистики, преследуют сугубо апологетическую цель: создать ложное,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 196.

преувеличенное представление о грандиозности усилий США в войне против Японии.

Не борьба с германской или японской агрессией, а политика изоляции СССР и поощрения агрессоров составляла основное содержание внешней политики США и Англии в довоенные годы. Существо этой политики было вскрыто в следующих словах И. В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 года:

«Политика невмешательства,— говорил товарищ Сталин,— означает попустительство агрессии, развязывание войны,— следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут,— выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, „в интересах мира“, и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия.

И дешево и мило.

Взять, например, Японцию. Характерно, что перед началом вторжения Японии в Северный Китай все влиятельные французские и английские газеты громогласно кричали — о слабости Китая, об его неспособности сопротивляться, о том, что Япония с ее армией могла бы в два — три месяца покорить Китай. Потом европейско-американские политики стали выжидать и наблюдать. А потом, когда Япония развернула военные действия, уступили ей Шанхай, сердце иностранного капитала в Китае, уступили Кантон, очаг монопольного английского влияния в Южном Китае, уступили Хайнань, дали окружить Гонконг. Не правда ли, все это очень похоже на поощрение агрессора: дескать, влезай дальше в войну, а там посмотрим»¹.

Крах политики «невмешательства» и нападение Японии на Пирл-Харбор отнюдь не привели к ликвидации влияния «дальневосточных мюнхенцев» на внешнюю политику и военную стратегию англо-американского блока.

Военные ресурсы японской империи представляли собой небольшую величину по сравнению с военными ресурсами стран антигитлеровской коалиции. В войне с Японией США находились в выгодном положении, так как девять десятых вооруженных сил Германии были скованы Советскими Вооруженными силами и не менее половины японской армии было

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 570—571.

Показатели	Единицы измерения	1937 г.
Общий индекс производства	1937 г.=100	100
Индекс производства обрабатывающей промышленности	"	100
Индекс производства добывающей промышленности	"	100
Добыча каменного угля	млн. т	45,3
" железной руды	тыс. т	624
Производство электроэнергии	млрд. квт-ч	27,2
Выплавка чугуна	тыс. т	2400
" стали (в слитках)	"	5796
" алюминия (в слитках) **	"	14,0
" меди	"	86,8
Производство цемента	"	5988
Суда, опущенные на воду	тыс. регистр. брутто-т	451
Производство самолетов	единицы	2700
" станков	"	1823
" хлопчатобумажной пряжи	тыс. т	720
" пряжи искусственного шелка	"	152
Производство staple-волокна	тыс. т.	79
" хлопчатобумажных тканей	млн. м	4032
Вся обрабатываемая площадь	тыс. тйо ***	6098
Сбор риса	млн. коку ****	67,3

* "Monthly Bulletin of Statistics", U. N., № 6, 1950; "Japanese Economic Statistics", март, 1948, GHQ, SCAP; "Асахи нэнкан", 1946; "Дзидзи нэнкан", 1949, и др.

связано в Китае и в Маньчжурии, где японская военщина готовилась к нападению на Советский Союз. В действительности, однако, военные действия США против Японии развивались черепашими темпами. Американский империализм не был заинтересован в быстром разгроме Японии. Правящие круги США и Англии могли быть уверены в том, что их главная цель — ликвидация Японии как их империалистического соперника и конкурента американских и английских товаров на мировых рынках — раньше или позже будет достигнута. Но затяжка войны несла американскому финансовому капиталу миллиарды военных сверхприбылей, а разгром Японии уско-

Японии (1937—1945 гг., в послевоенных границах) *

1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
107	112	114	117	113	132	144	57
105	110	111	114	110	130	144	56
107	113	124	123	126	133	119	51
48,7	52,4	57,3	55,6	54,2	55,5	49,3	22,3
732	910	1092	1380	2160	2630	3504	1174
29,3	29,9	31,5	33,9	33,6	33,9	32,2	20,1
2676	3312	3660	4308	4416	4116	2796	984
6468	6696	6852	6840	7044	7824	5916	2088
20,7	29,6	40,9	71,7	103,1	141,4	110,4	8,7
95,3	96,0	99,8	100,6	105,2	124,8	99,0	40,2
5448	5476	6048	5832	4356	3744	2944	1176
442	324	226	260	424	1124	1584	490
—	—	—	2664	9206	16264	28392	11000
5607	5570	4842	3838	4236	5011	4487	609
553	505	415	308	162	96	56,4	24
97	108	98	76	43	23	10	2,4
149	137	130	134	79	55	38	10
2760	2472	2196	1116	924	900	149	48
5078	6079	6077	6056	6028	5982	5843	5346
66,3	65,9	68,9	55,1	66,8	62,9	58,6	39,1

** Включая колонии.

*** 1 тфо = 0,99 га.

**** 1 коку = 180 кг.

рил бы разгром гитлеровской Германии и содействовал уменьшению потерь Советского Союза в войне, что расходилось с коренными империалистическими интересами правящих кругов США и Англии. Те же самые причины, которые обусловили затяжку открытия второго фронта в Европе, обусловили также медлительность и слабую эффективность военных действий против Японии в первые два года войны.

Стремясь во что бы то ни стало оправдать медлительность военных действий США против Японии, макартуровские экономисты, не пренебрегая подтасовками и искажением фактов, постоянно подчеркивают значительность экономических

успехов Японии в годы войны и необходимость весьма длительной блокады и морской войны как предварительного условия для сокрушения военной мощи Японии.

Несколько с иных, хотя также целиком апологетических, позиций подходят к оценке состояния своей экономики в годы войны японские буржуазные экономисты. Их основная задача заключается в том, чтобы оправдать перед японским народом крах гибельной авантюры правящих клик — виновников войны. С этой целью они стараются подчеркивать «экономическую слабость», которую изображают как «объективный фактор», обусловивший поражение Японии. С другой стороны, стремясь угодить своим нынешним хозяевам, японские экономисты всячески подчеркивают и усиленно преувеличивают эффективность американской морской блокады и американских воздушных бомбардировок.

При этом как американские, так и японские буржуазные экономисты умалчивают о том, что вплоть до последнего месяца войны, за исключением небольших островов Окинава и Огасавара, ни одна пядь территории не только самой Японии, но и ее империи не занималась войсками противника. Лишь в последние недели войны Советский Союз, разгромив Квантунскую армию, лишил Японию ее главных промышленных баз на континенте — Маньчжурии и Кореи, что и вынудило Японию капитулировать. Частные и эффективные бомбардировки американской авиацией японских городов начались только в феврале 1945 г. после занятия американцами острова Иводзима. В 1942 г., в момент своих наивысших успехов, японский империализм владел (включая метрополию) территорией в 8 млн. км² с населением в 440 млн. человек, с неисчислимыми природными ресурсами. Эти огромные территории и ресурсы были захвачены Японией без больших военных усилий и военных потерь.

Разумеется, действия подводных лодок с самого начала войны сильно ограничивали возможность использования Японией для развития военного производства в метрополии захваченных ею территорий и их ресурсов. Несомненно, развитие в Японии военного производства наталкивалось на весьма большие объективные трудности, связанные главным образом со скудостью сырьевых ресурсов Японии, а также сравнительной отсталостью технической базы ее промышленности. Но Япония имела громадные материальные возможности для преодоления этих трудностей. Важнейшим фактором, препятствовавшим всестороннему использованию этих возможностей, был капиталистический характер ее производства.

Экономической основой японского империализма неизменно оставались монополистический капитал и помещичье зем-

левладение. Движущей силой производства оставалась ненасытная жажда прибыли капиталистов. Даже такой матерый волк японской буржуазной экономической «науки», как владелец крупнейшего экономического издательства «Тойо кэй-дзай» Тандзан Исибаси, был вынужден признать, что капиталистическая собственность стояла на пути расширения военного производства. «На многих предприятиях,— писал он в 1943 г.,— утверждают, что дальнейшее увеличение производства было бы возможным, если бы были подняты цены на соответствующие фабрикаты... Если это так, то расширению производства мешает служение капиталу. Таким образом, благодаря тому, что частные предприятия должны, с одной стороны, служить капиталу, а с другой — удовлетворять потребности государства, расширение производства в условиях военного времени невозможно сверх определенного лимита. Однако принесло бы больше вреда, чем пользы, вмешательство в существующую структуру частных предприятий, изменение того, что установлено обычаем, или включение предприятия в новую систему управления...»¹

В действительности, разумеется, «частные предприятия» «служили капиталу» не «с одной стороны», а целиком и полностью — как и в мирное время, потребительная стоимость производимых товаров для владельцев предприятий имела значение лишь постольку, поскольку их производство приносило прибыль.

Сосредоточение экономического контроля в руках финансового капитала исключало возможность действительно всеобщей мобилизации экономических ресурсов страны. На протяжении всей войны опубликование каждого из законов или указов по экономическому контролю провозглашалось японской печатью как очередной шаг в «упорядочении производства», в развитии «плановой экономики». «Первый пятилетний план» (1937 г.), «второй пятилетний план» (1941 г.), «четырехлетний план расширения производства» (1939 г.), «Плановое бюро», «Бюро координированного планирования» — таковы были те «плановые» вывески, которыми украшал себя японский империализм в годы войны. Но в действительности у правительства не могло быть какого бы то ни было плана перестройки народного хозяйства. Различные регулирующие мероприятия вводились лишь после того, как выяснялась недостаточность ранее принятых мер для выполнения очередных задач, ставившихся войной. Всевозможные планы, которые разрабатывались по преимуществу армейскими органами, представляли собой лишь развернутые

¹ «Oriental Economist», март 1943 г.

заявки армии на оружие и боеприпасы, заявки, включавшие ориентировочные подсчеты количества сырья, топлива и оборудования, а также рабочей силы, нужных для производства требуемого вооружения. Только в пределах насущных и неотложных требований войны правительство, опираясь на монополистические объединения, осуществляло мероприятия по регулированию хозяйства. Не случайно в числе приоритетных отраслей промышленности мы не находим промышленного машиностроения, промышленности строительных материалов, химии и электроэнергетики. Не случайно в Японии до конца войны так и не была налажена массовая подготовка квалифицированной рабочей силы. Научно-исследовательская работа в годы войны носила поистине крохоборческий характер, и так называемая «новая научно-техническая структура», провозглашенная как часть «новой экономической структуры», прикрывала чрезвычайное убожество японской науки, ее беспомощность, в связи со слабостью материальной базы, разрешать насущные вопросы не только промышленной, но и военной техники¹.

Форсирование военного производства достигалось главным образом за счет невоенных отраслей. «Регулирование» началось с предъявления повышенного и особо прибыльного для поставщиков спроса на готовые военные изделия. Затем такой же спрос предъявлялся на сырье, топливо и полуфабрикаты для производства военных изделий. Самолеты, суда, черные и легкие металлы, каменный уголь, т. е. то, что нужно для фронта немедленно и без чего военные заводы не сегодня-завтра остановятся, было главным объектом регулирования с помощью субсидий, гарантированных прибылей, формирования «трудовых отрядов» и других мер.

При этом нельзя обойти молчанием тот факт, что «регулирование» в области непосредственно военных, даже «сверхприоритетных» производств также не имело ничего общего с планированием. Возьмем в качестве примера судостроение: большой скачок в его развитии был осуществлен только после того, как в громадной степени выросли военные потери торгового флота. В 1942 г. потери японского судоходства состави-

¹ Во время войны японская печать нередко отмечала отсталость научно-исследовательских работ в Японии. «Не низкий ли уровень нашей научной мысли и техники,— писала газета «Кэйдзай майнити» (1 февраля 1945 г.) заставляя бойцов императорской армии восполнять этот пробел ценой своей гибели во время тарана?» Газета указывала на то, что министерство просвещения отпустило на научную работу в 1945 г. всего 11 млн. иен — совершенно мизерную сумму. «Правительство,— отмечала газета,— силой отправляет работать на заводы в качестве рабочих горящих рвением молодых ученых и технических специалистов, желающих работать в лабораториях».

ли 1105 тыс. гросс-т, в 1943 г. они увеличились до 2065 тыс. гросс-т, в 1944 г. — до 4115 гросс-т¹. Спуск же на воду судов в Японии, как мы видели выше, составлял в 1937 г. — 451 тыс., в 1941 г. — 260 тыс., в 1942 г. — 424 тыс., в 1943 г. — 1124 тыс., в 1944 г. — 1584 тыс. регистровых брутто-т. Япония, таким образом, добилась громадного роста судостроения, но с опозданием, которое позволило противнику уже с конца 1943 г. почти полностью отрезать Японию от стран Южных морей, хотя транспортная связь с Кореей, Маньчжурией и Северным Китаём — главными поставщиками военно-стратегического сырья — продолжала сохраняться в течение всей войны в значительных масштабах.

Это роковое в условиях войны запоздание в развитии судостроения не было случайностью или результатом каких-нибудь ошибок отдельных государственных или военных деятелей Японии. Со стороны последних еще до войны и в самом ее начале не было недостатка в призывах к развитию судостроительной и других решающей важности отраслей промышленности. Медленность роста в первые годы войны, общее падение производства в последующие годы и резкое отставание военного производства от потребностей войны в самый острый ее период объяснялись не только действительно большими трудностями объективного характера, связанными главным образом со скудостью сырьевых ресурсов Японии, но также — и притом в первую очередь — капиталистическим характером ее производства, его анархией и бесплановостью, которые отнюдь не были ликвидированы или подорваны государственным регулированием.

Дело заключалось в том, что в руках японского государства не было средств, необходимых для форсированного развития такой важнейшей отрасли промышленности, как судостроение. Только тогда, когда недостаток судов грозил немедленным военным крахом, были приняты чрезвычайные меры, обеспечившие, хотя и с опозданием, рост судостроения. Так обстояло дело со «сверхприоритетной» отраслью, всемерное развитие которой в условиях тихоокеанской войны всегда, еще задолго до ее начала, признавалось абсолютно необходимым. Что же касается других «приоритетных» отраслей (за исключением самолетостроения и сырья для него), то, как мы видели, здесь даже в наиболее ответственный период войны японскому империализму не удалось добиться их форсированного подъема.

Независимо от воли и вопреки намерениям реакционных правителей Японии развитие военного государственно-моно-

¹ «Нихон сангё кайдзай», 5 ноября 1945 г.

полистического капитализма показало, что при существующем уровне концентрации и централизации капитала *возможен* учет и контроль народного хозяйства в масштабе всей страны, что такой учет и контроль *могут* обеспечить быструю мобилизацию народного хозяйства и его форсированное развитие, но не с меньшей очевидностью опыт военного хозяйства показал, что в условиях господства монополий те возможности, которые открываются в связи с общегосударственным учетом и регулированием, могут быть использованы лишь в крайне узких пределах, лишь в пределах, диктуемых интересами финансового капитала, лишь *против национальных интересов страны*.

Анализируя опыт государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны, Ленин писал:

«Современный, новейший, республиканско-демократический саботаж всякого контроля, учета, надзора состоит в том, что капиталисты на словах „горячо“ признают „принцип“ контроля и необходимость его (как и все меньшевики и эсэры, само собою разумеется), но только настаивают на „по-степенном“, планомерном, „государственно-упорядоченном“ введении этого контроля. На деле же этими благовидными словечками прикрывается *срыв* контроля, превращение его в ничто, в фикцию, игра в контроль, оттяжки всяких деловых и практически-серьезных шагов, создание необыкновенно сложных, громоздких, чиновничьи-безжизненных учреждений контроля, которые насквозь зависимы от капиталистов и ровно-ничего ничего не делают и делать не могут»¹.

И дальше:

«Реакционное капиталистическое государство, которое *боится* подорвать устои капитализма, устои наемного рабства, устои экономического господства богатых, *боится* развить самостоятельность рабочих и вообще трудящихся, *боится* «раз-жечь» их требовательность; *такому* государству ничего не нужно, кроме хлебной карточки. Такое государство ни на минуту, ни при одном своем шаге не упускает из виду *реакци-онной* цели: укрепить капитализм, не дать подорвать его, ограничить „регулирование экономической жизни“ вообще, и регулирование потребления в частности, только такими мерами, которые безусловно необходимы, чтобы прокормить народ, отнюдь *не посягая* на действительное регулирование потребления в смысле *контроля за богатыми*, в смысле возложе-ния на них, лучше поставленных, привилегированных, сытых

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 301.

и перекормленных в мирное время, *больших* тягот в военное время»¹.

Несмотря на иную обстановку, иной масштаб и иную организацию контроля, сказанное Лениным о классовом характере контроля в России, о его беспомощности ввиду зависимости от капиталистов целиком приложимо к положению в Японии в период второй мировой войны.

Так же как в России, в Японии некоторые буржуазные публицисты «признавали» преимущества государственного контроля и управления. Так, например, когда уже приближалась катастрофа, газета «Майнити» писала (30 января 1945 г.): «Преимущества огосударствления предприятий состоят в том, что ликвидируется погоня за прибылью и задачей предприятия станет только само производство; значение труда станет понятным для всех; будет разрешен вопрос о системе концентрации предприятий, о совместном управлении ими; станут возможны и эвакуация за одну ночь и составление плана урегулирования производства за одно заседание, т. е. станет возможной такая деятельность, которая невозможна при прежней форме предприятий». Но «Майнити» сколько угодно могла писать о «преимуществах огосударствления», — промышленность до конца оставалась в собственности монополий и под контролем ими созданного и руководимого реакционно-бюрократического «контрольного аппарата». При таком контроле форсированное развитие военных производств могло производиться главным образом за счет невоенного производства, только на основе резкого сокращения потребления трудящихся классов.

В годы войны имело место резкое абсолютное и еще большее относительное уменьшение производства средств потребления (табл. 30).

Еще в большей степени, чем производство изделий невоенной промышленности, снизилось их потребление, так как значительная часть гражданской продукции также шла на военные нужды и создание чрезвычайных военных запасов².

Анализ государственной политики регулирования на рынке рабочей силы показал, что война принесла с собой для трудящихся классов Японии новые тяготы и дальнейшее обострение голода и бесправия. Дополнительным подтвержде-

¹ Там же, стр. 321—322.

² Так, например, если производство хлопчатобумажной пряжи уменьшалось с 720 тыс. т в 1937 г. до 318 тыс. т в 1941 г. и до 172 тыс. т в 1942 г., то за те же годы потребление хлопчатобумажных тканей соответственно упало с 2184 тыс. до 310 тыс. и до 182 тыс. ярдов, т. е. почти в 12 раз.

Изменение соотношения продукции тяжелой и легкой промышленности (1930—1942 гг., в текущих ценах) *

	1930 г.		1937 г.		1942 г.	
	млрд. иен	%	млрд. иен	%	млрд. иен	%
Тяжелая промышленность ** . .	2,3	38,2	9,4	57,8	23,3	72,7
Легкая промышленность *** . .	3,7	61,8	6,9	42,2	8,8	27,3
Итого	6,0	100,0	16,3	100,0	32,1	100,0

* J. В. Соһен, там же.

** Тяжелая промышленность — металлургия, машиностроение, судостроение, самолетостроение, химия, производство строительных материалов и т. п.

*** Легкая промышленность — текстиль, пищевые продукты, печать, игрушки и т. п.

нием этого вывода служат вышеприведенные данные об упадке в годы войны производства предметов потребления.

В годы войны имел место скачок вверх производства алюминия, самолетостроительной и судостроительной промышленности. Из этих отраслей только судостроение, бывшее в годы войны военной отраслью, после окончания войны, при условии действительной демилитаризации Японии и обеспечения контроля союзников над ее экономикой, могло бы быть легко превращено в невоенную отрасль промышленности. В других отраслях, которые имеют важное значение и для военных и для мирных целей (черная металлургия, каменный уголь, электроэнергетика, химия, цемент), в годы войны на Тихом океане имели место либо снижение производства, либо топтание на месте, либо сравнительно небольшой рост. Ниже (глава VII) мы увидим, каковы были разрушения в японской промышленности в связи с бомбардировками. Однако, забегаю несколько вперед, мы уже сейчас можем сказать, что в целом Япония к концу войны пришла с раздутым аппаратом военной промышленности и сильно сократившимися производственными возможностями мирной промышленности.

Таким образом, несмотря на вероятные отклонения приведенных в табл. 29 и 30 индексов и других показателей от истины, все же на их основании можно видеть, как война и «военное регулирование» до крайности обострили неравномерность развития отдельных отраслей хозяйства, искалечили японскую

экономику. Только ликвидация дзайбацу и демократическая национализация крупной промышленности могли бы смягчить те большие трудности для перевода экономики на мирные рельсы, которые создались в результате войны, военно-монополистического контроля над экономикой и поражения в войне. Только указанные меры могли обеспечить быстрое возрождение мирной промышленности Японии. В условиях же хищнического хозяйничанья дзайбацу и американского капитала восстановление мирной промышленности Японии затягивается на долгие годы.

Особенности процессов концентрации производства и централизации капитала в годы войны

Ни в годы войны на Тихом океане, ни после войны в Японии не производились общие промышленные переписи. За указанные годы мы не располагаем даже теми ограниченными суммарными данными о стоимости продукции, мощности моторов и т. п. на предприятиях разных размеров, которые до войны публиковались ежегодно. Ввиду этого мы лишены возможности проследить процесс концентрации производства.

Однако некоторое представление об уровне концентрации после войны можно получить на основании нижеследующих данных (табл. 31).

Таблица 31

Концентрация промышленности в 1947 г.
(по данным о числе рабочих) *

Предприятия с числом рабочих	Число пред- приятий во всех отрас- лях народного хозяйства **		Число рабочих и служащих во всех отрас- лях народного хозяйства		Число пред- приятий в об- рабатывающей и добывающей промышлен- ности		Число рабочих в обрабаты- вающей и до- бывающей промышлен- ности	
	в тыс.	% к итогу	в тыс.	% к итогу	в тыс.	% к итогу	в тыс.	% к итогу
1—4	2.802,0	85,5	4,474	27,7	780,7	79,9	1,369	20,0
5—50	442,6	13,5	5,478	33,9	182,0	18,6	2,306	33,8
50—500	30,5	0,9	3,626	22,5	13,5	1,4	1,566	22,9
500 и выше	2,0	0,1	2,565	15,9	1,1	0,1	1,594	23,3
Итого . . .	3.277,1	100,0	16,143	100,0	977,3	100,0	6,835	100,0

* «Ежегодник Дзидзи», 1949 г.

** Без сельского хозяйства.

Ввиду иных методов регистрации и группировки предприятий приведенные данные несопоставимы с довоенными

Число фирм разного размера и распределение

(число фирм — в ед.,

Годы	Итого фирм	Итого капи- талов	Фирмы с капиталом до 50 тыс. иен		Фирмы с капиталом от 50 до 100 тыс. иен		Фирмы с капиталом от 100 до 500 тыс. иен	
			число фирм	размер капиталов	число фирм	размер капиталов	число фирм	размер капиталов
1930	51 900	19 634	32 465	358	5 809	332	8 638	1 474
1937	85 042	26 912	58 213	611	8 760	503	11 938	2 044
1941	90 778	39 352	44 541	1157	13 657	816	26 066	4 361
1945	41 380	37 498	11 369	203	5 676	352	18 850	3 304

* „Ежегодник Даямондо“, 1947 г.; „Ежегодник Дзидзи“, 1949 г.

(стр. 32—33), но все же на их основании легко можно убедиться в том, что во всех отраслях и, в частности, в промышленности после войны большой удельный вес принадлежит мелким и средним предприятиям.

Совершенно иную картину мы видим при ознакомлении с данными о централизации капитала (см. табл. 32). Из данных таблицы мы видим, что в годы военно-инфляционной конъюнктуры (1930—1937 гг.) имел место большой рост числа компаний всех размеров, но при этом львиная доля роста капиталов приходилась на крупные компании с капиталом свыше 1 млн. иен. Последнее имело место и в годы войны с Китаем, когда общий рост числа компаний сильно затормозился. В годы же войны на Тихом океане (1941—1945 гг.) произошла гигантская централизация капитала, выразившаяся в том, что резко сократилось число мелких и средних компаний и еще более резко упала их доля в общем размере капиталов; при этом доля крупнейших компаний с капиталом свыше 10 млн. иен в общей сумме капиталов увеличилась с 57% в 1937 г. до 70% в 1945 г.

На основании приведенных выше и некоторых других косвенных и частичных данных о концентрации производства и централизации капитала можно отметить следующие особенности концентрационного процесса во время войны:

1. В условиях «свободного капитализма» концентрация происходила на экономической основе в процессе конкурент-

Капиталов по группам фирм (1930—1945 гг.)

Капиталы — в млн. иен)

Фирмы с капиталом от 50 тыс. до 1 млн. иен		Фирмы с капиталом от 1 до 5 млн. иен		Фирмы с капиталом от 5 до 10 млн. иен		Фирмы с капиталом свыше 10 млн. иен	
число фирм	размер капиталов	число фирм	размер капиталов	число фирм	размер капиталов	число фирм	размер капиталов
2 048	1 117	2 217	3 643	327	1 890	406	10 820
2 405	1 312	2 766	4 635	421	2 438	539	15 368
2 470	1 408	2 957	5 124	442	2 706	645	23 780
2 080	1 263	2 505	4 557	384	2 338	516	25 478

ной борьбы между капиталистами. В эпоху империализма концентрация и централизация происходят не только на основе свободной конкуренции, но и на основе специальных мер, принимаемых монополиями для удушения конкурентов, начиная от продажи товаров ниже себестоимости и кончая убийством конкурентов, взрывами и поджогами их предприятий.

При развитии военного хозяйства *экономические условия* борьбы против мелких и средних капиталистов для монополий не только не улучшаются, но, наоборот, ухудшаются. Дефицит на разные товары, рост цен, понижение стоимости рабочей силы — все эти факторы не ослабляют, а, наоборот, усиливают конкурентоспособность предприятий мелких и средних промышленников. Гигантский прогресс концентрации и централизации капитала достигается почти исключительно путем насильственных мер, осуществляемых монополиями через государственный аппарат (лишение сырья и рабочей силы, запрещение производства, насильственное слияние и т. п.).

Если концентрация на основе свободной конкуренции тождественна прогрессу общественного производства¹, то концен-

¹ Как указывает Маркс, концентрация «есть лишь иной способ выражения воспроизводства в расширенном масштабе» (Капитал, т. I, стр. 498, Партиздат, 1935).

трация в условиях военного хозяйства не носит прогрессивного характера, так как ее результатом является не прогресс общественного производства, а лишь рост военных производств преимущественно за счет невоенных, в частности путем закрытия мелких и средних предприятий, существование которых было экономически оправдано¹. Конечно, концентрация при общем сокращении производства имеет место не только в военном хозяйстве, такое явление обычно при всяком экономическом кризисе. Коренная разница, однако, заключается в том, что концентрация производства и централизация капитала во время кризиса, как правило, становились предпосылками для перехода кризиса в депрессию и (до кризиса 1929 г.) для последующего подъема, тогда как концентрация в военном хозяйстве, сопровождаемая крайним обострением неравномерности развития отдельных отраслей, отнюдь не создает предпосылок для последующего подъема народного хозяйства.

Хотя успехи, достигнутые в отдельных военных производствах на основе их концентрации и централизации, не могут не сказаться на послевоенной экономике Японии, хотя, повидимому, большая часть мелких предприятий, закрывшихся в годы войны, после войны не возрождена, все же нельзя считать, что уровень концентрации, достигнутый к концу войны, стал исходным пунктом для развития производства. Независимо от специфических условий, порожденных для Японии ее поражением в войне, ликвидация военного хозяйства не могла не сопровождаться *деконцентрацией* производства и возрождением большого числа мелких и средних предприятий невоенной промышленности при одновременном закрытии ряда крупных предприятий в процессе реконверсии.

Нам представляется, что именно в этом следует искать объяснение вышеприведенных (табл. 31) данных о высоком удельном весе мелких и средних предприятий в 1947 г., когда многие из ранее закрывшихся подобных предприятий вновь

¹ Иллюстрацией к сказанному могут служить следующие данные: количество шелкомотальных фабрик с апреля 1941 г. по июнь 1942 г. понизилось с 1528 до 550; количество шелкомотальных и крутильных машин в среднем на одну фабрику повысилось за тот же срок с 1028 до 158,1. Несомненно, произошла концентрация производства. Но можно ли говорить о прогрессе производства, если общее число указанных машин на всех предприятиях за тот же срок понизилось с 157 тыс. до 87 тыс.? Аналогичное явление мы наблюдаем во всех невоенных отраслях и в некоторых военных отраслях, где концентрация производства происходила одновременно с его общим сокращением. Концентрация в этих случаях была лишь выражением того факта, что ущерб от сокращения производства приходился главным образом на мелкие и средние предприятия и в гораздо меньшей степени на крупные предприятия монополий.

ожили, в то время, как, наоборот, часть крупных военных предприятий временно закрылась.

Данные указанной таблицы свидетельствуют и о другом: подобно тому как самые сильные бури и тайфуны сваливают иной раз вековые деревья, но не причиняют большого ущерба травяной растительности военное хозяйство нанесло мельчайшим кустарным предприятиям (с числом рабочих менее 5 человек) меньший ущерб, нежели мелким, средним и многим крупным предприятиям. Разумеется, дефицит сырья, рабочей силы, топлива и электроэнергии привел к закрытию десятков тысяч мельчайших кустарных предприятий, предприятий домашней промышленности. Но многие удержались, так как ввиду незначительности размеров производства их владельцам удавалось доставать дефицитное сырье на черном рынке, ограничиваться трудом членов семьи, обходить государственный контроль цен и т. д. Еще более важное значение имел тот факт, что оборудование мельчайших ремесленных предприятий и предприятий домашней промышленности меньше отбиралось для нужд военного производства, так как оно далеко не всегда могло найти применение.

Сохранение мельчайших предприятий лишний раз подтверждает тот факт, что концентрация носила внеэкономический характер и не была связана с прогрессом производства.

Это обстоятельство имеет важное значение для послевоенной Японии, в экономике которой мелкая промышленность, в том числе домашняя кустарная промышленность, продолжает занимать весьма крупное место¹.

2. В годы войны процесс централизации капитала опережал процесс концентрации производства еще в большей степени, чем это имело место в довоенные годы. В этом можно убедиться, обратившись вновь к рассмотренным выше данным об отдельных отраслях народного хозяйства. В электроэнергетике, как мы видели, приращение новых мощностей в годы войны (после 1937 г.) было сравнительно невелико, но в то же время, вместо 815 компаний электроэнергетической промышленности, вся эта отрасль оказалась сосредоточенной в руках одной полугосударственной компании.

В металлургии в последние два года войны форсировалось строительство маленьких предприятий с доменными печами производительностью в 5—10 т чугуна (из железистых песков) в сутки. Были переведены на металлургическое производство некоторые небольшие предприятия цементной, керамической и других невоенных отраслей. Но все металлургические

¹ Удушение оживившейся после войны мелкой и средней промышленности — одна из задач американской «программы стабилизации» (см. гл. VIII).

предприятия, как крупные, так и мелкие, оказались в годы войны сосредоточенными в руках полугосударственного «Нихон сэйтэцу», четырех крупных металлургических компаний концернов и трех десятков машиностроительных и других компаний концернов, имевших металлургические предприятия.

Слияние компаний, как правило, происходило путем поглощения более мощными компаниями менее мощных, но такое слияние далеко не всегда сопровождалось закрытием мелких или средних предприятий слившихся компаний. В результате поглощения одних компаний другими число компаний в важнейших отраслях снижалось быстрее, чем снижалось число средних и мелких предприятий и чем расширялись крупные предприятия в военных отраслях. В цементной промышленности, например, число компаний снизилось с 27 в 1939 г. до 6 в 1943 г., в резиновой за тот же срок — с 1400 до 1061, и т. д. О громадном ускорении централизации капитала свидетельствуют также приведенные выше данные о сокращении числа банков и об их концентрации.

За годы войны большой разрыв между концентрацией собственности и концентрацией производства в пользу первой еще больше увеличился — в этом заключается один из главных итогов развития военного государственно-монополистического капитализма.

* * *

Анализ экономического законодательства военного времени и структуры государственного аппарата военного регулирования не оставляет сомнений в том, что решающая роль в формировании этого аппарата и руководстве им принадлежала дзайбацу. Можно сказать без всякого преувеличения, что в военное время государственный аппарат экономического контроля был сформирован как придаток концернов и что концерны получили в свои руки такие мощные средства воздействия на экономическую жизнь страны для концентрации в их руках производства и собственности, для увеличения прибылей, о каких они и мечтать не могли в довоенные годы.

Прямым и неизбежным следствием военно-монополистического контроля были описанные выше громадное усиление эксплуатации и создание режима военной каторги для японских рабочих и всех трудящихся.

Прямым следствием развития военного государственно-монополистического капитализма был громадный рост концернов, их капиталов и прибылей, значительные изменения в их структуре и в соотношении сил между ними. Изучение этих итогов, изучение изменений в концернах в годы войны требует специального анализа, к которому мы и переходим.

ГЛАВА IV

КОНЦЕРНЫ МИЦУИ, МИЦУБИСИ, СУМИТОМО И ЯСУДА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Перестройка на военный лад главных японских концернов происходила при чрезвычайно благоприятных для них условиях, так как Япония переживала длительный период «вползания» в войну: свыше 10 лет прошло со времени оккупации Маньчжурии до начала «большой войны». В течение этого времени уже шла война, что облегчало принятие любых законодательных, административных и прочих мер, выгодных для дзайбацу и целесообразных для развития военной промышленности; с другой стороны, война шла далеко от берегов Японии, требовала небольших, сравнительно с последующим периодом, усилий и позволяла производить перестройку экономики на военный лад постепенно, без чрезмерной спешки, что вполне соответствовало интересам главных концернов.

Каждый из последних получал прибыли в самых разнообразных отраслях народного хозяйства. До 1931 г. большая часть капиталов концернов была вложена в отрасли, не связанные с военной промышленностью. Преодолеть инерцию мирного времени, отказаться от дальнейших капиталовложений в невоенные отрасли народного хозяйства (или сократить эти вложения), т. е. в те отрасли, которые приносили постоянные и большие прибыли, и переводить капиталы в военные отрасли, где производство новых вложений связано со значительным риском, концерны могли лишь постепенно, по мере того как выяснялся затяжной характер войны, усиливалась конкуренция «новых концернов» и с помощью государственных мероприятий создавались выгодные условия для вложения капиталов в военные отрасли.

С обострением империалистических противоречий на Тихом океане и приближением «большой войны» для «старых концернов» становилось все более целесообразным максимальное сосредоточение средств для развития компаний

тяжелой и военной промышленности. В противном случае им грозила опасность быть оттесненными на задний план «новыми концернами» трестовского типа, превратиться во второстепенные концерны. Уже с 1932—1933 гг. «старые концерны» начали перестраиваться на военный лад, и за последующие годы подготовки к войне и войны, несмотря на развитие также и «новых концернов» и государственного капитала, мощь «старых концернов» и их позиции в народном хозяйстве еще более укрепились.

Условия военного хозяйства поставили концерны перед необходимостью перестроить структуру, внести изменения в методы мобилизации капиталов и в организационные формы владения и управления предприятиями и компаниями. Анализ развития концернов в годы войны покажет нам, как происходила эта перестройка и каковы были ее результаты.

Концерн Мицуи

Начавшийся в 1929 г. мировой экономический кризис поставил концерн Мицуи перед весьма серьезными испытаниями ввиду резкого сокращения японского экспорта и в связи с исключительно большой ролью, которую внешняя торговля играла в операциях компании «Мицуи буссан», главной компании концерна. В конце 1931 г. развернулась борьба концерна Мицуи за восстановление эмбарго на вывоз золота. Восстановлением эмбарго и отходом от золотого стандарта концерн Мицуи и партия сэйюкай стремились создать более благоприятные условия для борьбы против иностранной конкуренции на китайском и других рынках, в особенности ввиду антияпонского бойкота, вызванного начавшейся в сентябре 1931 г. оккупацией Маньчжурии, и в связи с отходом Англии от золотого стандарта (21 сентября 1931 г.).

Борьба между концерном Мицуи и концерном Мицубиси, который, будучи заинтересован более в импорте, чем в экспорте, выступал против отмены золотого стандарта, окончилась победой Мицуи. Золотой стандарт был отменен 13 декабря 1931 г. поддерживаемым Мицуи правительством партии сэйюкай, пришедшим на смену правительству партии минсэйто, которое опиралось на концерн Мицубиси. С момента отмены золотого стандарта концерн Мицуи в течение одной ночи приобрел 50 млн. иен благодаря переоценке его долларовых активов¹. Некоторые исследователи считают, что концерн Мицуи в связи с отменой золотого стандарта был

¹ O. D. Russel. The House of Mitsui. Boston, 1939, стр. 247. Концерн Сумитомо тогда же приобрел 20 млн. иен, Мицубиси — 10 млн.

избавлен от опасности банкротства, которая нависла над ним в связи с обесценением его стерлинговых активов, вызванным отходом Англии от золотого стандарта.

Все эти события, происшедшие непосредственно после захвата Японией Маньчжурии, положили начало бурному росту японской торговой экспансии¹ и демпинга, в которых виднейшее место принадлежало концерну Мицуи, в особенности компании «Мицуи буссан» (последняя стала также монополистом по внешней торговле созданного в 1932 г. марионеточного государства Манчжоу-го).

Концерн Мицуи в полной степени использовал открывшиеся в связи с кризисом и началом военной подготовки возможности для дальнейшего усиления эксплуатации не только рабочих своих основных предприятий, но также и сотен тысяч рабочих на мелких предприятиях и крестьянских хозяйствах, продукция которых приобреталась торговыми компаниями Мицуи. Именно в это время ради стимулирования экспорта создается множество новых торгово-промышленных гильдий и ассоциаций, объединивших мелких и средних промышленников. Формально эти гильдии и ассоциации находились под контролем правительства, фактически же, как указывает Руссель², из 212 подобных гильдий в 1936 г. 114 были связаны с Мицуи, 68 — с Мицубиси. Представители концернов, стоявшие во главе гильдий и ассоциаций, заставляли их членов производить изделия на импорт в точном соответствии с требованиями внешнеторговых компаний.

Концерну Мицуи, как мы увидим ниже, предстояло перешагнуть еще немало ступеней на пути к превращению в концерн военной и тяжелой промышленности, но уже в эти годы вполне определилось лицо концерна как лидера японской экономической экспансии. Именно в эти годы один из руководителей концерна и один из самых влиятельных политических деятелей клики дзайбацу Гиндзио Фудзивара выступил со своей книгой «Дух японской промышленности», в которой он развернул широкую программу торговой экспансии Японии и требовал расширения вооружений, рассматривавшихся им как «форма инвестиции»³.

Концерн Мицуи получал огромные доходы в связи с внешнеторговым бумом и военно-инфляционной конъюнктурой. Вот что пишет по этому поводу Руссель: «В то время как

¹ Экспорт хлопчатобумажных тканей из Японии увеличился с 1419 млн. ярдов² в 1928 г. до 2032 млн. в 1932 г. и до 2568 млн. в 1934 г. За те же годы экспорт Англии упал с 3866 млн. соответственно до 2198 млн. и 1995 млн. ярдов².

² Там же, стр. 263.

³ G. Fujiwara. The Spirit of Japanese Industry. Tokyo, 1936, стр. 134.

доходы маленьких людей были малы, ничего подобного не происходило с высоко организованными замкнутыми компаниями Мицуи во время торгового бума Японии в 1932—1935 гг., когда другие страны переживали низшую точку депрессии. В 1934 г. Мицуи собрал сведения о прибылях 1250 акционерных компаний во всех отраслях промышленности за первые шесть месяцев года. Средняя годовая прибыль составляла 9,8% для всех компаний, но для компаний Мицуи она была намного выше... Банк Мицуи, например, имел доход в 19,1%; страховая компания Мицуи — 30,1%, а «Мицуи буссан», с ее бесчисленными филиалами и агентствами, часть которых торгует за границей неаппонскими товарами, сообщила о том, что ее прибыль составила 13,3%. Особое внимание среди объединений Мицуи, сообщивших о своих прибылях в этом году, привлекла хлопчатобумажная компания «Канэгафуги», которая получила прибыль в размере 40,3%».

Рост прибылей одних компаний и сохранение на прежнем уровне прибылей других компаний концернов в годы кризиса, т. е. в годы быстрого разорения многих тысяч мелких и средних промышленников и торговцев, имели своим последствием усиление тех фракций японского фашизма, которые выступали под флагом антикапиталистической демагогии. Когда в Токио универсальный магазин Мицуи «Мицукуси» в 1932 г. ввел систему, по которой каждый покупатель, приобретший товары на сумму 100 иен, получал пятииеновую премию, в городе начались бурные демонстрации мелких лавочников и владельцев небольших магазинов под лозунгом «долой дзайбацу». Удары, наносимые монополистическим капиталом мелким капиталистам, благоприятствовали возникновению всевозможных террористических организаций типа «Лиги кровного братства», привлекавших к себе симпатии значительных слоев мелкой буржуазии с помощью лозунгов «против засилия дзайбацу». В некоторых случаях лидеры подобных организаций подкрепляли свою безудержную демагогию террористическими актами против ответственных служащих дзайбацу и связанных с последними политических деятелей.

Во время подобного же взрыва «антикапиталистических настроений» среди мелкой буржуазии в 70-х годах XIX в. главным объектом нападков со стороны террористов был Мицубиси. На этот раз главным объектом стал Мицуи, так как, ввиду обширности своих внутри- и внешнеторговых интересов, он больше всего «наступал на ноги» мелкому и среднему капиталу¹.

¹ В 1936 г. все внешне- и внутриторговые обороты «Мицуи буссан» достигали 1 млрд. иен, а прибыли «Мицуи буссан» от торговли и транс-

Шестого февраля 1932 г. был убит министр финансов в правительстве Вакацуки — Иноуэ, один из лидеров партии минсэйто, связанной с Мицубиси; 5 марта того же года членом террористической организации «Лига кровного братства» был убит один из крупнейших финансистов Японии, председатель правления компании «Мицуи гомэй», «премьер-министр королевства Мицуи» барон Такума Дан; 15 мая террористами из организации «Айкёйдзоку» был убит премьер Инукай — один из лидеров близкой к Мицуи партии сэйюкай. Одновременно с убийством Инукай были брошены бомбы в резиденцию лорда-хранителя печати Макино, связанного с концерном Мицубиси, а также в правления Японского банка и банка Мицубиси и в некоторые другие общественные здания. В проскрипционном списке, найденном у террористов, значились: генро Сайондзи, Макино, три представителя концерна Мицуи, два — концерна Мицубиси и по одному из концернов Ясуда, Окура, Сумитомо, по три лидера партий сэйюкай и минсэйто и др.

Конфликты между дзайбацу и военщиной в этот период были вызваны обострением разногласий по поводу тактики подготовки к войне. Ряд крупнейших политических деятелей дзайбацу, близких к «старым концернам», выступали сторонниками тактики осмотрительности и тщательной подготовки к борьбе за покорение Китая и других стран Восточной Азии. Эта позиция была использована одной из клик военщины («группа Сага», или «молодое офицерство») и стоящей за ее спиной кликой владельцев «новых концернов» для атак на владельцев «старых концернов», которые в свою очередь были более тесно связаны с другими фашиствующими кликами военщины и дворцового окружения и на них ориентировались (подробно об этом см. главу I). Владельцы «старых концернов», однако, не могли не считаться с тем, что в этот период руководство армией находилось в руках «группы Сага», и в момент, когда был взят столь успешный старт в реализации захватнических планов японского империализма, они приняли энергичные меры для того, чтобы, с одной стороны, создать видимость полного преодоления разногласий между ними и «молодым офицерством», а с другой — усилить свой контроль над экономикой в связи с начавшейся ее военной перестройкой.

порта — 40—50 млн. иен за год; в то же время соответствующие цифры для «Мицубиси сёйдзи», игравшей в концерне Мицубиси ту же роль, что и «буссан» у Мицуи, — 400—500 и 15—16 млн. иен («Хрестоматия», т. III, стр. 246). «Мицуи буссан», не ограничиваясь оптовой торговлей, глубоко проникала также и в сферу розничной торговли сельскохозяйственными продуктами, в том числе и продуктами второстепенного значения (яйца, корм для домашней птицы, фрукты и др.).

Видимость преодоления политических разногласий была создана концернами главным образом путем щедрых денежных приношений в пользу армии или тех учреждений, которые поддерживала армия. По подсчетам исследователя концерна Мицуи — Хидэки Вада, концерны Мицуи и Мицубиси за четыре года (1934—1935) «пожертвовали» преимущественно на «государственную оборону» 80 млн. иен¹.

Мы подчеркиваем — была *создана видимость* преодоления разногласий, так как в действительности эти разногласия не были преодолены и снова вспыхнули накануне нового этапа развития агрессии — начала войны в Китае. Но в 1932 г. концерны своими несколькими миллионами иен на время без труда заткнули глотку слишком ретивым крикунам из «молодого офицерства» и его тайных организаций. Что же касается нападков на монопольный «замкнутый» характер концернов и т. п., то в связи с ними концернам пришлось предпринять ряд сложных маневров.

На вершине пирамиды, которую представлял собой концерн Мицуи, стояла компания держания акций («мотикабукайся») «Мицуи гомэй». Владельцы этой компании и всего концерна, 11 семейств Мицуи, составляли из своих глав семейный «совет Мицуи», осуществлявший высшее руководство всеми делами «гомэй» и всего концерна. Председателем «совета» в то время (и до смерти в 1946 г.) был барон Такакими Мицуи. Оперативными делами компании ведал совет директоров, не имевших к семье Мицуи никакого отношения и совершенно не имевший акций «гомэй»². Семейный совет требовал строжайшей дисциплины в делах, касающихся кон-

¹ «Хрестоматия», т. II, концерн Мицуи, Токио, 1937, автор Х. Вада.

² Акции «гомэй», оплаченный капитал которой составлял 300 млн. иен, распределялись следующим образом между 11 главами семей Мицуи*:

	Тыс. иен	% к общей сумме
Такакими	69 000	23,0
Такахиса	34 500	11,5
Таканару	34 500	11,5
Такакийо	34 500	11,5
Такахару	34 500	11,5
Таканага	34 500	11,5
Такамото	11 700	3,9
Мориноске	11 700	3,9
Такаакира	11 700	3,9
Бэндзо	11 700	3,9
Такатэру	11 700	3,9
Итого	300 000	100,0

* Х. В а д а, там же, приложение.

церна, не только от всех высших служащих, но и от самих членов семей Мицуи, руководствуясь при этом «конституцией Мицуи»¹.

«Гомэй» в 1937 г. контролировала шесть непосредственно подчиненных ей дочерних компаний, из которых наиболее важными были «Мицуи буссан» (торговая), «Мицуи гинко» (банк) и «Мицуи кодзан» (горная). Общее же число компаний прямой и косвенной зависимости Мицуи в 1936 г. составляло 101, сумма их оплаченных капиталов — 1177 млн. иен.

Наиболее крупные и прибыльные компании концерна были закрытыми или почти закрытыми — все или большая часть их акций принадлежали либо членам семьи Мицуи, либо небольшому числу «верноподданных» Мицуи из директоров и других высших служащих концерна. Именно это обстоятельство и было одной из главных причин нападков на Мицуи со стороны фашиствующим мелким и средних буржуа, помещиков и офицеров.

Концерн Мицуи, который по методам своей организации был самым «старомодным» из всех концернов и в то же время подвергался наиболее острым нападкам, пережил с 1932 г. наибольшее число реформ и перестроек, которые касались главным образом методов управления компаниями, а также в известной степени затрагивали формы владения и контроля над капиталами.

В 1932 г. в концерне столкнулись две линии: «линия Ясукава», президента компании «буссан», олицетворявшего собой старую консервативную политику концерна, замкнутый характер корпораций, ориентацию на торговлю, финансы и легкую промышленность, и «линия Икэда» — сторонника «реформ» в концерне. Сэйхин Икэда — человек, окончивший покровительствуемый Мицуи университет Кэйо (а также Гарвардский университет в США), уже в 1903 г., на 42 году жизни, стал директором — управляющим банка Мицуи, где

¹ «Конституция Мицуи» была принята 1 июля 1900 г. и оставалась в силе вплоть до 1946 г., когда, в соответствии с директивой американских оккупационных властей «о роспуске концернов», Мицуи был вынужден объявить о своем роспуске и об упразднении конституции. Согласно конституции, члены семьи обязаны получить одобрение совета для занятия любым предпринимательством, для производства любых капиталовложений. Совет контролировал резервные фонды каждого из своих членов («гомэй» — общество с неограниченной ответственностью), его расходы и приходы, матримониальные дела и многое другое — совет даже имел право в особых случаях контролировать состояние личной собственности членов семьи Мицуи и накладывать штраф на тех, кто нарушает «правила дома» и «подвергают опасности его честь» (Х. Вада, там же, стр. 157).

он начал свою карьеру с небольшой должности в 1895 г. «Некогда человек Мицуи и всегда человек Мицуи» — так называли в Японии этого крупнейшего финансиста и политического деятеля дзайбацу¹. Совершая в 1929 г. путешествие в Европу, Икэда особенно долго пробыл в Италии, откуда вернулся открытым приверженцем фашистского режима и вскоре присоединился к созданной бароном Хиранума фашистской организации «Кокухонся». Близкий к фашистам, Икэда прекрасно понимал, что следование прежним методам в новой обстановке может затормозить развитие концерна Мицуи; после жестоких схваток Икэда с Ясукава, закончившихся в 1933 г. отставкой последнего, под руководством Икэда были проведены следующие реформы и персональные изменения: 1. Была учреждена система денежных пожертвований и создан на средства Мицуи фонд «Хоонкай» («Общество благодарности»), которому была выделена неслыханная в истории благотворительности в Японии сумма в 30 млн. иен. 2. Добившись отставки Ясукава из «буссан», Икэда провел чистку бесчисленных, разбросанных по всему миру отделений «буссан» от людей Ясукава; место Ясукава в «буссан» занял Канэо Нандзё — ставленник Икэда, стремившегося усилить вложения «буссан» в промышленность за счет сокращения разных спекулятивных торговых предприятий. 3. Была введена система отставок должностных лиц Мицуи, прослуживших определенное число лет и достигших определенного возраста, тогда как раньше многие руководящие должности занимались пожизненно². 4. Было объявлено о введении системы открытой продажи акций компаний концернов; фактически, однако, в те годы в открытую продажу было выпущено лишь небольшое число акций³. В компаниях прямой зависимости концерна Мицуи процент акций в руках Мицуи понизился с 90,56 в 1928 г. до 88,24 в 1937 г., т. е. лишь на 2% с небольшим⁴.

Несмотря на столь малый размер изменений, эти реформы положили начало серьезным переменам, произведенным в процессе военной перестройки концерна в последующие годы.

¹ Подробнее о нем см. главу I.

² Сам Икэда, следуя новой системе, в 1936 г. вышел в отставку в возрасте 75 лет, но остался фактическим руководителем концерна и главным советником Такаками Мицуи.

³ «На сторону» в 1932—1934 гг. было продано 105 тыс. акций одной из крупнейших компаний боковой зависимости — «Одзи сэйси» (производство бумаги), причем 215 тыс. акций остались в руках Мицуи или зависимых от него лиц; из 400 тыс. акций компании «Тойо рэйон» (пряжа искусственного шелка) 330 тыс. акций было продано группе приверженцев Ясукава.

⁴ «Хрестоматия», т. I, стр. 160 и 162.

Дальнейшее развитие японской агрессии, захват Жэхэ, Чахара и затем провинций Северного Китая, все больше и больше приближало начало «большой войны» и требовало увеличения военного производства. История концерна Мицуи в годы войны — это история его борьбы за создание и развитие в своем составе компаний военной и тяжелой промышленности. Несмотря на то, что Мицуи по общей сумме своих капиталов был значительно сильнее Мицубиси, его главные доходы составлялись преимущественно из прибылей компаний горнодобывающей и легкой промышленности, не имевших больших перспектив для своего развития. Напротив, опорой Мицубиси были компании обрабатывающей и тяжелой промышленности. К тому же в это время начался бурный рост «новых концернов», которые превращались в серьезную угрозу для Мицуи и Мицубиси. По подсчетам Мосабуро Судзуки¹, даже в 1936 г. концерн Мицуи был лишь на пятом месте по сумме капиталов, вложенных в военное судостроение и производство вооружения.

Концерн Мицуи встал перед выбором: либо отказаться от борьбы за тяжелую и военную промышленность и сосредоточить главное внимание на развитии внешней торговли и на эксплуатации Манчжоу-го и других захватываемых территорий, либо, не отказываясь от последнего, сосредоточить максимум усилий на военной индустриализации.

Концерн избрал второй путь. Внешняя торговля Японии после 1935 г. значительно упала, главным образом ввиду усиления бойкота японских товаров в Китае. В перспективе было дальнейшее падение внешней торговли в связи с международными осложнениями для Японии. Эксплоатация Манчжоу-го и других территорий Китая, хотя и чрезвычайно прибыльная, в то же время значительно зависела от командования Квантунской армии, где влияние «молодого офицерства» было чрезвычайно сильно. Кроме того, японские монополии никогда не забывали о дополнительном риске, с которым было связано вложение капиталов за пределами Японии ввиду возможности поражения в войне. Наконец, отказаться от перенесения центра тяжести в тяжелую и военную промышленность в собственно Японии значило отказаться от выгод, которые несло с собой развитие государственного военно-монополистического капитализма (участие в военном контроле и регулировании, получение государственных заказов и т. д.) и уступить эти выгоды конкурентам.

¹ «Люди финансового мира», Токио, 1937, стр. 56. По данным этого источника, капитал Мицуи в военном судостроении и машиностроении составлял 82,5 млн. иен против 127,4 млн. иен у Мицубиси, 99,6 млн. иен у Сумитомо и т. д.

Перед такой перспективой концерн Мицуи постепенно преодолел свой «артериосклероз» и начал активную борьбу за выход в тяжелую и военную промышленность. Поражение фашистского путча в феврале 1936 г. повело к ослаблению клики «молодого офицерства», оппозиционного по отношению к концернам, и в то же время к усилению в руководстве армией «группы контроля» — генералов, которые, так же как и дзайбацу, были более осмотрительны и осторожны в борьбе за реализацию агрессивных планов, нежели их коллеги — аракисты. Военный министр в правительстве Хирота, образованном после путча, генерал Тэраути был давнишним и близким другом семьи Мицуи. Министр финансов в правительстве Хирота, Тойотаро Юки — человек, близкий к концерну Ясуда (а через него — к Мицуи), назначил Сэйхин Икэда президентом Японского банка. Под руководством Икэда началась перестройка банка в интересах финансирования военной промышленности. «Практические способности этих двух людей (Юки и Икэда), — писал один японский комментатор, — внушали спокойствие более консервативным финансовым группам. Они очень хорошо подходили для того, чтобы соответствовать капиталистическим интересам и объединить эти интересы для поддержки программы армии; они, таким образом, воплощали собой новый политический курс, который приняли японские промышленники и финансисты»¹.

Вывяснившийся через несколько месяцев затяжной характер войны в Китае окончательно определил общее направление экономической политики японского империализма и дзайбацу, в частности концерна Мицуи. «Мицуи прошел через всю войну, борясь за тяжелую промышленность», — писал журнал «Ориентал Экономист» в декабре 1945 г. В процессе борьбы против своих мощных конкурентов в военном хозяйстве концерн в 1940 г. встал перед необходимостью значительной реорганизации с целью усиления мобилизации капиталов и развития компаний военного производства. Реорганизация происходила по линии некоторой децентрализации управления концерном, а также дальнейшего отхода от принципа «замкнутых компаний».

Головная компания концерна, «гомэй», просуществовавшая 31 год, была в августе 1940 г. ликвидирована, и ее активы были переданы «Мицуи буссан», которая, таким образом, приняла на себя большую часть коммерческих функций распущенной компании. Одновременно была создана новая головная компания концерна — «Мицуи сомотоката» («Штаб

¹ Russel, «The House of Mitsui», стр. 322.

Мицуи»), которая формально унаследовала от «гомэй» права общего контроля и наблюдения за всеми делами концерна. Фактически, однако, функции «сомотоката» были ограничены взаимной консультацией членов семьи Мицуи и их приближенных, заведыванием их личными делами, решением вопросов о денежных пожертвованиях и другими малозначительными делами. Ликвидация «гомэй» и передача ее главных функций «буссан» означала предоставление основным компаниям концерна (дочерним «гомэй») широкой инициативы в борьбе за развитие военных производств и мобилизацию для этой цели капиталов.

Исследование изменений, происшедших в концерне Мицуи с 1940 до 1944 г., т. е. в период «децентрализации управления», роспуска «гомэй» и замены ее совещательной «сомотоката», представляет собой актуальный интерес для изучения нынешнего положения дзайбацу в связи с директивами американских властей об их «ликвидации», так как директивы эти, как мы увидим ниже (глава VIII), имели в виду прежде всего «ликвидацию» путем роспуска холдинг-компаний концернов. Разумеется, аналогия между положением в 1940 г. и нынешним положением весьма относительна, ибо «ликвидация» холдинг-компаний после войны происходит на иных условиях, чем те, на которых в 1940 г. была ликвидирована «гомэй»; тем не менее показательно, что за четыре года «децентрализации» мощь концерна Мицуи и семьи Мицуи значительно возросла. Это стало очевидным, когда в 1944 г. была заново создана в качестве центральной компании концерна «Мицуи хонся» («Мицуи-главная») — еще более мощная, чем прежняя «Мицуи гомэй». Создание «Мицуи-хонся» было официально объяснено тем, что «сомотоката» обладает слишком слабыми функциями для руководства концерном, а «Мицуи буссан» носит слишком «коммерческий характер» и не соответствует новым условиям «управляемой экономики». В действительности же дело заключалось в том, что в связи с созданием министерства вооружений, системы «выделенных компаний» и с общим усилением государственно-монополистических тенденций в экономике владельцы концерна сочли целесообразным вновь централизовать управление для борьбы за сохранение и упрочение своих позиций при новых усложнившихся условиях. Немалое значение имело также и то обстоятельство, что концерн Мицубиси, где существовала строгая централизация, в эти годы уже не только догнал, но и перегнал Мицуи во многих отраслях народного хозяйства, в которых он раньше уступал Мицуи. С образованием «хонся» метод управления концерном изменился существенным образом — семейный совет потерял былое значение, и почти полновластным

диктатором в концерне стал президент «хонся» барон Такакими Мицуи¹.

Каковы были изменения, которые произошли в концерне в ходе войны в Китае и затем на Тихом океане в процессе его «демократизации» и «децентрализации», в частности в течение тех четырех лет, когда оставалась распущенной центральная держательская компания?

В отличие от 1932—1935 гг., когда «публичность акций» была лишь формально провозглашена, после 1939—1940 гг. действительно был достигнут значительный прогресс в привлечении посторонних капиталов в главные компании концерна. Если «гомэй» на протяжении всей своей истории не продала ни одной акции кому бы то ни было, не принадлежавшему к семье Мицуи, то с ликвидацией «гомэй» и передачей ее акций «буссан» «непорочность» этих акций была нарушена: из 10 млн. акций в 1945 г. 6335 тыс. оставалось в руках семьи Мицуи, 87 тыс.— у разных компаний Мицуи, а остальные 3678 тыс.— у «широкой публики»². В 1940 г. впервые акции «святая святых» Мицуи — его головной компании — были выпущены из семейного гарема, где к ним могли прикасаться только пальцы «потомков Фудзивара»³ и их служащих, и пошли по рукам неизвестных биржевиков. По всем основным компаниям концерна уменьшился процент акций в руках «гомэй» (табл. 33).

Данные для других главных компаний не поддаются точному сравнению ввиду переименований и реорганизаций, но приведенные выше являются типичными — процент акций в руках головной компании Мицуи уменьшился как в среднем, так и по большинству компаний. Если в среднем по данным на 1937 г. «Мицуи гомэй» осуществляла контроль над компаниями прямой зависимости, владея 87,7% их акций, то к январю 1946 г. соответствующий процент для «Мицуи хонся» понизился до 60⁴.

В то же время увеличилось число компаний, находящихся под контролем Мицуи, а также их капиталы. Если к 1937 г. концерн Мицуи состоял из 101 компании с общим размером оплаченного капитала в 1177 млн. иен, то, по подсчетам журнала «Ориентал Экономист» (июнь 1945 г.), в 1945 г. головная компания концерна Мицуи, «Мицуи хонся», контролировала

¹ «Oriental Economist», июнь 1945 г.

² «Oriental Economist», декабрь 1945 г.

³ Фудзивара — династия регентов и фактических правителей Японии в VIII—XI вв. Мицуи заявляют о себе как о «потомках Фудзивара», хотя в действительности их родоначальником был ростовщик из Эдо (старое название Токио), живший в XVII в.

⁴ «Хрестоматия», т. I, стр. 160; «Summation», № 5, февраль 1946 г.

Уменьшение доли акций в руках головной Компании Мицуи
в годы войны *

Компани	% акций в руках «Мицуи гомэй» (1936 г.)	% акций в руках «Мицуи хонся» (1945 г.)
Мицуи буссан	100	41,9
Мицуи кодзан (горная)	100	62,3
Мицуи синтаку (доверительная)	30,1	13,4
Мицуи сэймэй (страхование жизни)	60,0	23,0
Сибaura сэйсакудзё (машиностроение)	68,0	17,9 **
Мицуи гинко (банк)	47,7	3,8***
Хоккайдо танко (угольная)	19,0	16,9

* Х. Вада, там же, стр. 137—138; «Нихон сангё кэйдзай», июнь 1943 г.; «Oriental Economist», декабрь 1945 г.

** 1943 г.

*** Тэйкоку-банк, см. стр. 212.

204 компании, в которые она вложила 810,5 млн. иен, причем свой контроль она осуществляла, обладая следующими частями капиталов компаний:

менее чем 10%	капитала в 104 компаниях
от 10 до 20%	„ „ 28 „
„ 20 „ 30%	„ „ 11 „
„ 30 „ 40%	„ „ 15 „
„ 40 „ 50%	„ „ 8 „
выше....	50% „ „ 38 „

Вместо шести компаний прямой зависимости в 1937 г. в 1945 г., по данным того же источника, в прямой зависимости от «хонся» находилось 22 компании; вместо 95 компаний в той или иной степени косвенной зависимости в 1937 г., в 1945 г. подобных компаний насчитывалось 182.

Приведем сравнительные данные о капиталах Мицуи по отдельным отраслям народного хозяйства за 1937 и 1945 гг. (табл. 34).

Из этих данных мы видим, что при общем большом росте капиталов компаний концерна в разных отраслях сильнее всего возрос удельный вес капиталов в тяжелой промышленности и кредитно-финансовых институтах.

Помимо того, что вырос в огромной степени акционерный капитал компаний концерна, в результате описанной выше

Капиталы концерна Мицуи в разных отраслях народного хозяйства *

Отрасли	1937 г.		1945 г. (1-я половина)	
	Размер оплаченных капиталов в млн. иен	% к итогу	Размер оплаченных капиталов в млн. иен	% к итогу
Машиностроение	74	6,3	362	13,8
Химия	82	6,9	503	19,2
Металлургия	15	1,3	66	2,5
Горнодобывающая	180	15,3	605	23,0
Текстильная	155	13,2	167	6,4
Кредитно-финансовые институты	70	6,0	275	10,5
Торговля	179	15,3	139	5,3
Транспорт, связь, склады . .	88	7,4	201	8,0
Пищевая промышленность . .	62	5,3	31	1,2
Керамика	38	3,2	43	1,7
Прочие	234	19,8	222	8,4
Итого	1177	100	2614	100

* «Хрестоматия», т. I, стр. 166—167; «Oriental Economist», июнь 1945 г., декабрь 1945 г.; и др.

кредитной политики правительства расширились возможности получения концерном кредитов.

О том, как велика была роль заемного капитала в концерне Мицуи, можно судить по следующим данным, касающимся «Мицуи хонся» и 22 ее дочерних компаний (табл. 35).

Мы не располагаем аналогичными данными за довоенные годы, но для сравнения укажем на то, что по данным, относящимся к 1934—1935 гг., весь капитал, мобилизованный банковскими и страховыми компаниями Мицуи, составлял 1119 млн. иен¹. Условно эту сумму можно рассматривать как сумму заемного капитала компаний всего концерна, так как последние кредитовались по преимуществу собственными кредитно-финансовыми институтами Мицуи. К концу же войны займы одних только 22 главных компаний прямой зависимости достигли 5497 млн. иен. В эту сумму входит 429 млн. иен кредитов полугосударственных кредитных институтов.

¹ Н. Вайнцвайг. Японские концерны. 1935, стр. 56.

Доля заемного и собственного капитала в концерне Мицуи*
(на первую половину 1945 г.)

Компани	Собственный капитал, ** млн. иен	Заемный капитал, *** млн. иен	В том числе кредиты полугосударственных кредитных институтов ****
Мицуи хонся	562	671	—
Мицуи буссан	116	2316	5
Мицуи кодзан (горная)	339	425	86
Мицуи синтаку (доверительная)	41	4,8	—
Мицуи сэймэй (страхование жизни)	7,8	308	—
Мицуи кагаку (химия)	81	135	8
Мицуи сэмпаку (пароходная)	103	147	13
Мицуи дзосен (судостроительная)	70,8	188	111
Мицуи сэйки (точное машиностроение)	106	82	27
Тайсёо (страхование от огня и на море)	19,3	66,2	—
Тойо босэки (хлопчатобумажная)	64,5	604,3	15
Тойо рэйон (пряжа искусственного шелка)	43	70	26
Тойо коацу (машиностроение)	53	131	—
Мицуи кэйкиндзоку (легкие металлы)	45	94	—
Мицуи мокудзосэн (деревянное судостроение)	9,8	77,3	111
Мицуи-лесопромышленная	30,1	36	—
Прочие	98,7	126,4	27
Итого по 22 компаниям	1790	5497	429

* „Oriental Economist“, декабрь 1945 г.

** Собственный капитал — оплаченный капитал и разные резервные фонды.

*** Заемный капитал — все виды долговых обязательств.

**** Кредиты полугосударственных кредитных институтов — займы, предоставленные „Корпорацией промышленного оборудования“, Банком Южных морей и др.

В действительности, однако, задолженность концерна государству была значительно выше, так как часть займов, получавшихся концерном от Промышленного банка, от Тэйкоку-банка и других, гарантировалась правительством или Японским банком. Рост задолженности государству в годы войны, как мы уже указывали, был общим для всех дзайбацу и после окончания войны стал фактором, стимулировавшим инфляционную политику японского правительства.

Таким образом, в годы войны, на основе выпуска акций в открытую продажу и благодаря щедрому финансированию со

стороны правительства, владельцы концерна Мицуи получили возможность распоряжаться значительно большими капиталами, чем до войны.

Рост активов, резервов и чистой прибыли концерна Мицуи в годы войны может быть проиллюстрирован на примере его головной компании (табл. 36).

Таблица 36

Оплаченный капитал, активы, чистая прибыль и резервы головной компании Мицуи („Гомэй“ — „сомотоката“ — „хонся“)
(в млн. иен) *

	1930 г.	1933 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Оплаченный капитал	300	300	300	300	300	300	300	300	300	300	400	400
Активы	400	410	420	430	450	800	1500	1650	1750	2000	1400	1400
Чистая прибыль (дивиденды и бонусы)	18	24	29	25	29	35	50	52	54	42	34	25
Резервы	2	2	2	2	2	5	27	20	23	11	11	4

* „Summation“, № 6, март 1946 г., стр. 212 (цифры даются ориентировочно на основе приведенной в источнике диаграммы).

Таким образом, при неизменных размерах оплаченного капитала головная компания Мицуи увеличила свои активы с 1930 г. по 1942 г. в пять раз, ее прибыли за тот же срок выросли в три раза, а резервы — более чем в 11 раз. Последующее падение чистой прибыли и резервов было связано отнюдь не с ухудшением дел концерна, а с тем, что часть прибылей и резервов пошла на увеличение оплаченного капитала самой «гомэй» и других компаний.

О действительном росте могущества концерна Мицуи нельзя судить лишь по публикуемым данным о размерах его прибылей или резервов. Необходимо принять во внимание всю совокупность приведенных выше данных о росте числа компаний концерна, об увеличении его собственных и заемных капиталов и т. д. Эти общие данные, однако, должны быть дополнены характеристикой происшедших во время войны изменений в некоторых важнейших компаниях концерна.

Банк Мицуи в апреле 1943 г. слился с другим крупнейшим банком, принадлежавшим банковскому концерну Сибудзава «Дайити гинко» («Первый банк»). В результате слия-

ния был образован новый «Тэйкоку-банк» с 119 филиалами (против 45 филиалов банка Мицуи), с 5247 млн. иен вкладов (против 2189 млн. иен вкладов банка Мицуи в момент слияния)¹. В следующем году банк Тэйкоку поглотил один из весьма крупных коммерческих банков — «Пятнадцатый» («Дзюго»). Новый банк стал самым крупным из коммерческих банков по сумме вкладов, тогда как банк Мицуи был на шестом месте.

Доля головной компании Мицуи в основном капитале банка снизилась с 47,7% в банке Мицуи до 3,8% в Тэйкоку-банке, и когда «Мицуи хонся» произвела в 1944 г. переклассификацию своих компаний, она не сочла нужным отнести Тэйкоку-банк к числу прямых или косвенных компаний концерна. Однако в официальных послевоенных отчетах Тэйкоку относят к Мицуи, к чему есть достаточные основания: во-первых, кроме 3,8% капитала банка в руках «Мицуи хонся», 18% находится в руках семьи Мицуи и еще 9,1% — в руках «Мицуи хоонкай» («Благотворительный фонд Мицуи»), и Мицуи наряду с Сибудзава остались крупнейшими акционерами банка; во-вторых, Тэйкоку-банк, так же как и банк Мицуи, по преимуществу кредитовал компании концерна Мицуи; в-третьих, председателем совета директоров Тэйкоку-банка до конца войны оставался Дзюнсиро Мандай, занимавший ту же и другие ответственные должности в банке Мицуи и в «Мицуи-доверительной». Другие ответственные должности занимались также представителями либо концерна Мицуи, либо концерна Сибудзава. Хотя формально Мицуи остался без своего банка, но фактически кредитно-финансовая база концерна была намного расширена путем слияния двух крупнейших коммерческих банков страны. Еще в начале 30-х годов Сэйхин Икэда предлагал «отказаться» от банка, т. е. превратить банк из фирмы Мицуи в «общественную», считая, что таким образом удастся привлечь большие капиталы для концерна Мицуи. В то время проект Икэда был отвергнут как не соответствующий традициям концерна, но в ходе военной перестройки Мицуи признали целесообразность и прямую выгоду выделения банка из концерна. Этот факт — формальное исключение банка из числа компаний концерна, при одновременном расширении кредитной базы концерна путем увеличения мощности банка и фактическом его сохранении в качестве центрального кредитного института Мицуи, так же как и четырехлетнее «безначалие» концерна после роспуска «гомэй», — является весьма показательным в связи с современными американскими «директивами по ликвидации дзайбацу».

¹ «Иомиури хоти», 21 марта 1943 г.

«Мицуи буссан», которая неизменно, наряду с «кодзан» (горная), составляла основу концерна, в 1940 г. после слияния с «гомэй» формально подчинила себе пять других основных компаний концерна («кодзан», «синтаку», «сэймэй», «кагаку», «фудоси»), ставших ее дочерними компаниями. Ее основной капитал в то время был увеличен вдвое — с 150 до 300 млн. иен.

Попрежнему оставаясь крупнейшим монополистом в области внешней и внутренней торговли, «буссан» одновременно повернула в сторону развития тяжелой промышленности. Из 60 дочерних компаний «буссан» к концу войны не менее 19 были компаниями тяжелой промышленности.

После 1940 г. «буссан» стала главным акционером крупнейшей металлургической компании «Дайдо сэйко», нефтяной «Марудзэн сэйкио», судостроительной «Исикавадзима дзосэн» (ранее принадлежавшей Сибудзава), а также глубоко проникла в крупнейшую компанию общего и военного машиностроения «Хитати сэйсакудзё», ранее принадлежавшую концерну «Ниссан»¹.

Некоторые из текстильных компаний «буссан» превратились в компании военного производства. В то же время некоторые крупные компании, например «Канэгафути босэки» (хлопчатопрядильная), вышли из «буссан» и превратились в формально самостоятельные концерны — «Канэгафути» перестала фигурировать в числе прямых или косвенных компаний концерна. В действительности, однако, «Канэгафути» перешла на такое же положение, в котором была прежде и оставалась до конца войны «Одзи сэйси». Это была формально самостоятельная компания, имевшая ряд дочерних компаний и даже фигурировавшая в числе «новых концернов», но в действительности она всегда была подчинена Мицуи, который контролировал «Одзи» с помощью небольшого пакета акций и большого числа своих ставленников — руководителей компаний вроде Фудзивара. Обе эти компании, в особенности «Канэгафути», во время войны стали компаниями военного производства. «Канэгафути-прядильная», свернув производство пряжи, стала материнской компанией по отношению к ряду крупных машиностроительных, химических и авиационных компаний и превратилась в концерн-сателлит по отношению к «буссан». Этот факт также заслуживает пристального внимания в связи с послевоенным «ропуском дзайбацу»: он лишний раз подтверждает известное, проверенное многократно (в особенности на опыте США) положение о том, что формальная связь между отдельными капиталистическими предприятиями, их

¹ «Тойо кэйдзай», март 1943 г.

объединение в одной компании, тресте, концерне, комбинате не имеют решающего значения для определения зависимости одних компаний от других и монопольного господства одних над другими. Владение акциями, кредиты, контроль над заказами, доступ к патентам, персональные связи — вот чем определяется сохранение монополии независимо от каких бы то ни было антитрестовских законодательств.

В годы войны в составе «буссан» в качестве ее дочерних компаний был создан ряд новых компаний тяжелой и военной промышленности. Некоторые из них затем отпочковались и превратились в самостоятельные дочерние компании «хонся», т. е. перешли из «внучатых» в дочерние компании. Типичным примером подобного преобразования является история крупнейшей компании концерна «Мицуи дзосэн» (судостроительная). Только в 1937 г. судостроительные предприятия были выделены из «буссан» в отдельную компанию «Тама дзосэн», которая в 1942 г. была реорганизована в «Мицуи дзосэн», ставшую в один ранг с «буссан».

Из компаний еще ранее, до войны отделившихся от «буссан», особого внимания заслуживает «Тойо мэнка» («Восточная компания по торговле хлопком»). Компания, имея капитал в 35 млн. иен, контролировала в свою очередь 74 компании (в том числе — 37 за рубежами Японии), в большинстве из которых она имела лишь небольшие (до 15%) пакеты акций. «Тойо мэнка», наряду с «буссан», всегда была одним из центров японской торговой экспансии — две трети торговых операций этих двух компаний приходились на территории вне Японии¹.

«Буссан» по старой традиции концерна продолжала из всех его компаний оставаться главной по подчинению средних и мелких предприятий. Описывая развитие концернов в годы войны, орган крупной промышленности газета «Нихон сангё кэйдзай» писала в июне 1943 г.: «Теперь, когда Япония вступила в фазу решительных боев, японской экономике вообще стало почти не под силу поддерживать в действующем состоянии маломощные предприятия... Концерны со своей стороны в целях дальнейшего расширения своих собственных предприятий охотно идут на поглощение уже действующих предприятий и под видом вложения капиталов овладевают правом руководства и ведением дел мелких и средних предприятий».

¹ Одна треть капиталов «буссан», половина капиталов «Тойо мэнка» и одна пятая капиталов «Мицуи кодзан» приходились на их заграничные предприятия. Девять десятых капиталовложений Мицуи за границей приходились на эти три компании и на его головную компанию. Вся сумма иностранных инвестиций Мицуи составляла от 250 до 300 млн. иен.

В отличие от обычных данных, публикуемых японской печатью на основании сведений, получаемых от концернов, в которых фигурируют лишь компании с капиталом свыше 1 млн. иен и притом лишь те, которые концерн «соблаговолил» признать своими, указанная газета привела следующие данные о всех компаниях «буссан»:

Инвестиции „буссан“ на сумму:

Свыше 10 млн. иен	14 компаний	От 300 до 500 тыс.	
От 5 до 10 млн. иен	15 „	иен	16 компаний
От 3 до 5 млн. иен	12 „	От 100 до 300 тыс.	
От 1 до 3 млн. иен	54 „	иен	104 „
От 500 тыс. до		Ниже 100 тыс. иен	156 „
1 млн. иен . . .	47 „		

Итого 418 компаний

Вложения «Мицуи буссан» в указанные 418 компаний составляли в том же 1943 г. 730 млн. иен. Приведенные данные являются яркой иллюстрацией громадной централизации капитала в руках концерна Мицуи в годы войны. Только 58 из 418 компаний, подчиненных «буссан», фигурировали в числе ее дочерних компаний, остальные сохраняли формальную независимость и не входили в концерн. Этот факт также не лишен интереса в связи с современными мерами по «декартелизации» в Японии, анализ которых производится в главе VIII.

«Мицуи кодзан» (горная) — вторая после «буссан» по значению дочерняя компания концерна, ибо горное дело, добыча каменного угля, нефти и руд в течение последних десятилетий, в особенности после начала войны, заняли в делах и прибылях концерна такой же удельный вес, как и легкая промышленность и торговля¹. «Мицуи кодзан» и ее дочерние компании в течение войны удерживали в своих руках около двух пятых всей добычи каменного угля в Японии, а также занимали монопольное положение в добыче цветных металлов. «Кодзан» не только увеличила собственный оплаченный капитал с 72 млн. иен в 1936 г. до 300 млн. иен к концу войны, но также создала новые компании в добывающей, химической и обрабатывающей промышленности. Общее число дочерних компаний «кодзан» к концу войны составляло 43. В них «кодзан» вложила 207 млн. иен.

От «кодзан» отпочковалась и затем превратилась из дочерней «кодзан» в равную ей по рангу «Мицуи кагаку» (химическая) — одна из самых мощных химических компаний страны. Среди ее дочерних компаний мы встречаем такие,

¹ «„Мицуи кодзан“ и „Мицуи буссан“ — писал „Oriental Economist“ в декабре 1945 г., — два кита, на которых зиждется концерн Мицуи».

как «Тойо-сода», «Тоа-синтетическая химия», «Тойо-высокое давление» и другие крупные компании, занимающие весьма крупное место в химической промышленности Японии. Обе эти компании, «кодзан» и «кагаку», с успехом повели борьбу против молодых концернов, начавших свою карьеру в химической промышленности. От одного из таких концернов, «Нихон-сода», была оторвана и подчинена Мицуи одна из крупнейших компаний по производству легких металлов «Тойо кэйкиндзоку», а также «Тойо-сода» и некоторые другие.

Военная индустриализация концерна нашла свое выражение в создании новых крупных машиностроительных компаний — например «Мицуи сэйки» (точное машиностроение), образовавшейся из слияния двух маленьких компаний и превратившейся к концу войны в одну из самых мощных компаний концерна с капиталом в 100 млн. иен. Военная индустриализация нашла свое выражение также и в том, что «Мицуи хонся» и другие компании концерна усиленно вкладывали капиталы в компании тяжелой промышленности, не принадлежавшие концерну, и превращали формально независимые компании в фактически зависимые. Так обстояло дело с мощной машиностроительной компанией «Сибaura сэйсакудзё», с одной из крупнейших в стране компаний электромашиностроения «Сибaura дэнки» (ее капитал к концу войны — 466 млн. иен, в руках у Мицуи — 15%) и мн. др.

Структура концерна в ее основных чертах в годы войны не изменилась — концерн к концу войны состоял из множества не связанных между собой компаний в самых разнообразных отраслях народного хозяйства. Но в концерне произошли существенные изменения.

Во-первых, его ведущие компании перешли к широкой открытой продаже акций, что способствовало увеличению суммы капиталов под контролем концерна.

Во-вторых, концерну удалось, используя свои монопольные позиции в органах военно-экономического контроля, поставить в зависимость от себя или включить в свой состав большое число новых, ранее не зависевших от него компаний. В результате этого число компаний в составе концерна за годы войны увеличилось вдвое.

В-третьих, некоторые крупные компании концерна (банк, «Канэгафути» и др.) были превращены последним в формально независимые. Указанные компании, как правило, поглощали другие компании, не входившие в концерн, или превращали их в свои дочерние и при этом намного увеличивали размеры своих капиталов и расширяли свои предприятия. Но независимость этих отделившихся от концерна компаний оставалась в значительной степени формальной. Мицуи продолжал

контролировать их через систему участия, путем личной унии, путем кредитования и на основе своих монопольных позиций в органах военно-экономического контроля.

Таким образом, такие факторы, как широкая открытая продажа акций и формальное отделение от концерна ряда его крупных компаний, не ослабили монопольное положение концерна в японской экономике¹. Этот вывод имеет первостепенное значение для разоблачения насквозь демагогического характера послевоенных американских директив о «ликвидации дзайбацу».

Концерн Мицубиси

Концерн Мицубиси был наиболее мощным конкурентом концерна Мицуи. Интересы обоих концернов сталкивались почти во всех главных отраслях народного хозяйства, о чем можно судить по таблице главных конкурирующих компаний (табл. 37).

В отличие от Мицуи, чья история восходит к XVII в., концерн Мицубиси как крупная торгово-промышленная фирма образовался лишь после революции Мэйдзи, в 70-х годах прошлого столетия. Тем не менее, как мы уже отмечали, оба концерна близко подходят один к другому по своей структуре, по методам предпринимательства и его размерам. Общность структуры обоих концернов — наглядное свидетельство того, что их специфические черты сложились на основе не личных качеств их основателей и владельцев, а исторических условий японского капитализма.

Общие черты обоих главных концернов выражались не только во множественности и разбросанности их компаний по разным отраслям народного хозяйства, в замкнутом характере компаний, но и в методах управления концернами. В концерне Мицубиси, так же как и в концерне Мицуи, во главе стоит «компания держания акций», управляемая тремя членами семьи Ивасаки. Так же как и в концерне Мицуи, все компании концерна Мицубиси делятся на компании, непосредственно принадлежащие семье Ивасаки (дочерние по отношению к головной компании), на внучатые по отношению к

¹ Не следует, разумеется, считать, что отпочкование и предоставление даже формальной независимости крупным компаниям производилось владельцами концерна по доброй воле. Последние вынуждались к такого рода мерам в интересах борьбы против конкурентов, для дополнительной мобилизации капиталов и т. д. Некоторая децентрализация концерна Мицуи ни в какой степени не ослабила его монопольных позиций в японской экономике, но вместе с тем была свидетельством ослабления позиций Мицуи в его борьбе против концерна Мицубиси, владельцам которого, как видно из последующего анализа, удалось усилить централизацию предпринимательства.

Концерны Мицуи и Мицубиси в главных отраслях народного хозяйства *
(1935—1936 гг.)

В области кредита и страхового дела	Мицуи гинко (банк)	Мицубиси гинко (то же)
	Мицуи синтаку (доверительная)	Мицубиси синтаку (то же)
	Мицуи сэймэй (страхование жизни)	Мэйдзи сэймэй (то же)
	Тайсэй кайдэйо (страхование на море)	Токио кайдэйо (то же) и др.
В области тяжелой промышленности	Мицуи кодзан (горная)	Мицубиси когёо (то же)
	Хоккайдо танко (угольная)	Кюсю танко (то же)
	Нихон сэйкодэйо (стале-литейная)	Мицубисидзюкогёо (тяжелая промышленность)
	Тама дзосэн (судостроение)	Мицубиси дэнки (электро-машиностроение)
	Сйбаура сэйсаку (машиностроение)	Мицубиси дзюкогёо и др.
В области торговли	Мицуи буссан	Мицубиси сёдзи
	Тосин соко (складская)	Мицубиси соко (то же)
	Буссан сэмпакубу (пароходная)	Нихон Юсэн (то же) и др.
В производстве бумаги	Одзи сэйси	Мицубиси сэйси
В химической промышленности	Дэнки кагаку	Нихон касэй когёо
В текстильной промышленности	Канэгафути босэки	Фудзи босэки
В пищевой промышленности	Нихон сэйбун (мукомольная)	Ниссэй сэйбун (то же)
	Тайван сэйто (сахарование)	Мэйдзи сэйто (то же)
В производстве цемента	Онода сэмэнто	Бандэйо сэмэнто

* „Хрестоматия“, т. I, стр. 171; „Хрестоматия“, т. III; Р й о т а р о И в а и. Концерны Мицубиси. Токио, 1937, стр. 302.

головной компании; на компании «косвенной зависимости» («приемные компании»), т. е. компании, связанные с концерном преимущественно на основе личной унии, и, наконец, дочерние компании этих последних. Сходство простирается до того, что головная компания концерна — «Мицубиси госи», так же как «Мицуи гомэй», имела свою фиксированную «конституцию», которая, впрочем, отличалась от Мицуи краткостью и неделовым, морально-назидательным характером в конфуцианском стиле.

Однако все эти черты действительного и внешнего сходства не могут скрыть значительные различия между двумя концернами, сыгравшие существенную роль в их развитии и взаимной борьбе в годы второй мировой войны. Главное отличие и преимущество концерна Мицубиси заключалось в том, что его основой были компании тяжелой промышленности и морской транспорт. В 1937 г. процент вложений Мицубиси в тяжелую промышленность, химию и морской транспорт по отношению к общей сумме его капиталов составлял 49,9%, у Мицуи — 30,1%; в машиностроении и судостроении у Мицубиси было вложено 12,8% всех капиталов, у Мицуи — 6,3%¹. Как мы уже видели, концерн Мицубиси был в 1936 г. на первом месте по капиталовложениям в военном машиностроении и судостроении.

По состоянию основного капитала предприятий, по организационно-техническому опыту, по наличию и квалификации своих кадров концерн Мицубиси был, без сомнения, лучше подготовлен к условиям военного хозяйства, чем его главный конкурент. Организационная структура концерна Мицубиси также значительно отличалась от организационной структуры концерна Мицуи. В то время как концерн Мицуи возглавлялся семейным советом, состоявшим из глав 11 семей, во главе Мицубиси стояли три акционера «Мицубиси госи» — члены семьи Ивасаки².

В отличие от концерна Мицуи, где практическое руководство было сосредоточено в руках нанимавшихся президентов и директоров, в концерне Мицубиси вплоть до 1943 г. все руководство находилось в руках президента «Мицубиси госи» Коята Ивасаки, управлявшего концерном единолично.

Вторая, более важная особенность структуры концерна заключалась в том, что владение компаниями через систему участия осуществлялось с меньшим процентом акций, чем в концерне Мицуи:

Участие головных компаний концернов в капиталах их дочерних компаний прямой зависимости (в %) *

Г о д ы	Мицуи	Мицубиси
1928	90,2	69,4
1937	87,7	48,7

* «Хрестоматия», т. I, стр. 160 и 162.

¹ «Хрестоматия», т. I, стр. 167.

² «Мицубиси госи» была создана в 1893 г. В 1936 г. ее оплаченный капитал, составлявший 120 млн. иен, распределялся следующим образом: Хикоята Ивасаки владел акциями на сумму 50 млн. иен (41,6%), Хисая Ивасаки — 40 млн. иен (33,4%) и Коята Ивасаки — 30 млн. иен (25%) (Р. И в а н, цит. соч., стр. 202).

Наконец, в-третьих, концерн Мицубиси отличался от концерна Мицуи большим удельным весом среди его компаний — компаний косвенной зависимости, т. е. тех компаний, в которых ему принадлежал сравнительно небольшой пакет акций. По данным Н. Вайнцвайга, относящимся к 1928 г., из общего капитала в 1925 млн. иен (без «Мицубиси госи»), контролируемого концерном, 1320 млн. иен, или свыше двух третей, падало на компании, не находившиеся под его непосредственным управлением. У Мицуи же, напротив, из 1,6 млрд. иен контролировавшегося им в то время капитала (без «гомэй») на долю компаний, не находившихся под управлением концерна, приходилось всего 322 млн., т. е. лишь одна пятая¹. По данным Р. Иваи, относящимся к 1935—1936 гг., в концерне Мицубиси было 54 компании косвенной зависимости против 20 в концерне Мицуи².

То, что по старым коммерческим понятиям, основанным на традициях купцов и ростовщиков феодального периода, казалось преимуществом Мицуи (большая доля капиталов в зависимых компаниях), при развитии военного хозяйства оказалось несомненным преимуществом Мицубиси, который сумел использовать каждый миллион собственных капиталов «Мицубиси госи» и ее прямых филиалов для распространения своего контроля на большие суммы капиталов, чем это удалось сделать Мицуи (см. таблицу 38).

Но и в концерне Мицубиси, так же как и Мицуи, «верхние компании» были почти замкнутыми: в «Мицубиси госи» 100% акций принадлежало семье Ивасаки, а в семи дочерних компаниях «госи» в 1928 г. Мицубиси принадлежало почти 70% акций.

Нападки на концерны и «антикапиталистическая» истерия военно-фашистских демагогов были обращены также и против концерна Мицубиси. Так же как и Мицуи вслед за ним, Мицубиси ловко сманивировал в связи с нападками «молодого офицерства». Руководители Мицубиси выступали с рядом заявлений об «уважении к армии», к «традициям японизма», подкрепляя свои заявления обильными пожертвованиями «на оборону» и т. п. Антикапиталистической демагогии аракистов концерны, и среди них Мицубиси, противопоставили свою собственную демагогию, заявляя о превращении своих «частных компаний» в компании «общественной пользы», об «обновлении» концерна и его руководящих кадров. Эти заявления положили начало перестройки концерна, необходимость которой вызывалась, независимо от каких бы то ни было воен-

¹ Н. Вайнцвайг, цит. соч., стр. 72.

² Там же, стр. 197.

но-фашистских «критиков», новыми условиями конкурентной борьбы, которые сложились в связи с развитием войны и быстрым ростом военных заказов.

Концерн Мицубиси, как и другие концерны, очень ловко сделал из нужды добродетель; нужда заключалась в необходимости создавать новые и расширять старые компании военного производства, укреплять финансовую базу, в частности путем выпуска акций в открытую продажу, укрепить руководство компаний людьми, способными руководить технической перестройкой предприятий.

В 1934 г., вслед за реформами в концерне Мицуи, Ивасаки также опубликовали новые «общие принципы идей Мицубиси» («Мицубиси сэйсин корйо»). В декларативной части программы провозглашалось превращение концерна в «публичный», а в качестве практических мер было объявлено о слиянии двух крупнейших компаний — «Мицубиси дзосэн» (судо-строение) и «Мицубиси кокуки» (самолетостроение) в одну новую компанию — «Мицубиси дзюкогйо» (тяжелая промышленность). С этого времени «дзюкогйо» стала самой большой компанией военного машиностроения в Японии и самой большой компанией Мицубиси. Ее удельный вес в концерне Мицубиси был столь же велик, как удельный вес «буссан» у Мицуи.

Одновременно было объявлено о том, что акции компаний концерна будут пускаться в открытую продажу и что впредь руководящих работников концерна будут подбирать по деловым принципам, а не по признаку их принадлежности к семье Ивасаки, члены которой во всех компаниях, кроме «госи», останутся лишь обыкновенными акционердеражателями.

Этот поворот был расценен комментаторами как переход от принципа «диктатуры членов семьи» к принципу «руководства через приказчиков». Действительно, с этого времени, в связи с быстрым расширением компаний, владельцы концерна, сохраняя в своих руках полный контроль над всеми делами, выдвинули к руководству отдельными компаниями ряд своих служащих, бывших до этого на второстепенных и мало-значительных должностях, что, конечно, ни в малейшей степени не изменило характер концерна, но содействовало успеху его предпринимательства.

В первые годы после провозглашения вышеуказанной программы в открытую продажу выпускались только акции дочерних и побочных («косвенной зависимости») компаний, головная же компания концерна («госи») продолжала оставаться до 1937 г. закрытой для всех, кроме членов семьи Ивасаки. В конце 1937 г. основанная в 1893 г. «Мицубиси госи» («Мицубиси с ограниченной ответственностью») была преоб-

разована в «Мицубиси ся» («Мицубиси-акционерная»), и после того как в 1940 г. капитал «Мицубиси ся» был увеличен с 120 до 200 млн. иен, значительная часть ее акций была выпущена в открытую продажу. В связи с этим глава концерна Коята Ивасаки не преминул вновь выступить с демагогическим заявлением о том, что «служащие компании не являются служащими Ивасаки» и что директора компании «должны вести дела с твердым убеждением, что они не только служащие, но и руководители и контролеры»¹.

Причины создания «Мицубиси ся» были те же, которые лежали в основе происшедшей в 1940 г. перестройки концерна Мицуи. Владельцы концерна Мицубиси пошли на некоторую децентрализацию управления компаниями ради привлечения новых капиталов во все основные компании концерна, не исключая и головной холдинг-компания. С преобразованием «Мицубиси госи» в «Мицубиси ся» дочерние компании, в первую очередь «дзюкогё», стали управляться более самостоятельно, в функции же головной компании, согласно ее уставу, входило лишь держание акций разных компаний и обеспечение их кредитами.

Усложнение системы контроля над военной промышленностью и его усиление отражались на делах концерна Мицубиси больше, чем на делах других крупных концернов, так как в руках Мицубиси была сосредоточена большая часть судостроительной и самолетостроительной промышленности страны.

Условия военного времени, с одной стороны, чрезвычайно благоприятствовали росту компаний тяжелой и военной промышленности, составлявших основу концерна Мицубиси. Но с другой стороны, контроль над предприятиями становился для владельцев концерна все более сложным в связи с усилением вмешательства правительственных контрольных органов в дела военных предприятий. Именно это обстоятельство и побудило владельцев концерна произвести в 1943 г. последнюю его реорганизацию. «Мицубиси ся» была превращена в «Мицубиси хонся» («главная»), которая вновь централизовала управление концерном. Устав новой компании подчеркивал, что ее задачей является не только «держание акций», но и «планирование различных предприятий» и «контроль над ценными бумагами». Вместо «директории» (сомму), возглавлявшей «Мицубиси ся», был создан постоянный директорат («ридзи») из пяти человек во главе с двумя членами семьи Ивасаки (президент — Коята Ивасаки, вице-президент —

¹ «Oriental Economist», декабрь 1945 г.

Хикоята Ивасаки). Директор сосредоточил в своих руках управление не только «хонся», но и концерном в целом. Одновременно была произведена переклассификация всех компаний концерна. Часть из них была объявлена «независимыми», хотя все они фактически остались под контролем концерна. Другие компании были объявлены «компаниями непосредственной зависимости» — к их числу отнесены все крупные компании тяжелой и военной промышленности. Как и прежние реорганизации, реорганизация 1943 г. сопровождалась заявлениями владельцев о «ликвидации частного характера концерна», о его превращении в «общественный» и т. п. демагогией.

Итак, в годы войны концерн Мицубиси трижды подвергался реорганизации: в 1934 г. главные дочерние компании концерна начинают в значительно больших, чем прежде, масштабах, привлекать капиталы извне путем открытой продажи акций; в 1937 г. акции головной компании выпускаются в открытую продажу, происходит децентрализация управления концерном; в 1943 г., в связи с развитием государственного контроля, централизация концерна восстанавливается и укрепляется путем создания «Мицубиси хонся».

Каковы же были итоги всех этих реорганизаций и результаты развития концерна в годы войны?

Для ответа на этот вопрос обратимся к сравнительным данным, показывающим изменение числа компаний четырех главных концернов и их капиталов (табл. 38, стр. 226—227).

При ознакомлении с табл. 38 необходимо принять во внимание следующее: показатели за 1937 и 1945 гг. основаны на данных, представлявших сами концерны. Данные за 1946 г. составлены в связи с американскими директивами о дзайбацу при участии американских властей. Американские власти включили в списки компаний дзайбацу многие компании, которые формально считались самостоятельными (например, банк Тэйкоку, который прежде не фигурировал в списках Мицуи), но фактически контролировались последними. В результате число компаний концернов Мицубиси и Сумитомо оказалось вдвое-втрое большим, чем показывалось в статистике концернов в годы войны. Последовательностью, однако, американские статистики дзайбацу не отличались: по каким-то неведомым причинам они не включали в число компаний Мицуи объединения «Канэгафути» и «Одзи сэйси», которые, как мы видели, были концернами-сателлитами Мицуи, хотя формально считались независимыми. В результате этого число компаний и размеры капиталов под контролем Мицуи в таблице значительно занижены. С другой стороны, данные о размерах капиталов и активов концернов за 1946 г. вызывают

сомнения, так как в связи с быстрым развитием после войны инфляции производилась переоценка, открывавшая дополнительные возможности для всякого рода мошеннических манипуляций.

Нас, однако, интересуют в приведенной таблице прежде всего не абсолютные данные, а относительные: изменение соотношения между отдельными концернами, изменение отношения между размерами собственных капиталов дзайбацу и контролируемых ими капиталов.

Из большинства показателй явствует, что концерн Мицубиси за годы войны вышел со второго на первое место — он стал самым мощным из концернов как по числу компаний, так и по размерам их оплаченного капитала и сумме активов. Семья Ивасаки, с помощью каждой принадлежащей ей иены капиталов головной компании, контролировала в 1945 г. 18,7, а по данным за 1946 г. — 35,5 иены капиталов, тогда как для Мицуй соответствующие цифры — 10,6 и 13,2 иены. Доля акций компаний прямой зависимости, сосредоточенных в руках головной компании у Мицубиси, была почти вдвое ниже, чем у Мицуй. К тому же необходимо отметить, что за время войны соотношение между компаниями прямой и косвенной зависимости в обоих концернах изменилось. Если до войны, как мы видели (стр. 221), роль компаний косвенной зависимости в концерне Мицубиси была гораздо выше, чем в концерне Мицуй, то за время войны Мицубиси, опираясь на сравнительно небольшой процент капиталовложений, сумел поставить в прямую зависимость от себя ряд прежде косвенно зависевших от него компаний и, кроме того, при поддержке государства, многократно увеличить капиталы компаний прямой зависимости, в результате чего удельный вес компаний прямой зависимости в концерне резко возрос. Из 2157 млн. иен оплаченного капитала всех компаний концерна Мицубиси 1575 млн. иен, или около 75%, в сентябре 1945 г. приходилось на компании прямой зависимости (в том числе почти половина, 750 млн. иен — на компанию «Мицубиси дзюкогё»). В концерне же Мицуй из 2814 млн. иен объявленного капитала всех компаний на тот же срок лишь 858 млн. иен приходилось на компании прямой зависимости¹. Согласно американским данным, кроме 204 компаний разной степени зависимости, которые бесспорно рассматриваются как компании Мицубиси, есть еще 460 компаний, в которых разным компаниям концерна (главным образом банк и торговые компании) принадлежит до 10% акционерного капитала и которые следует рассматривать как зависящие от Мицубиси, хотя формально они в его состав не входят.

¹ «Oriental Economist», декабрь 1945 г.

Число компаний главных

Показатели	М и ц у			М и ц у		
	1937 г.	Сентябрь 1945 г.	31 января 1946 г.	1937 г.	Сентябрь 1945 г.	
Общее число компаний прямой и косвенной зависимости**	101	151	174	73	75	
А. Капитал головной холдинг-компании в собственности семей владельцев концерна (в млн. иен)	300	266	266	120	115,2	
Б. Оплаченный капитал всех компаний концерна (в млн. иен)	1177	2300 ***	2018	848	2158	
Отношение Б к А	3,9	8,9	13,2	7,1	18,7	
Доля акций компаний прямой зависимости, сосредоточенных в руках головных компаний (в %)	87,7	53,0	60,0	48,7	32,2	
То же компаний косвенной зависимости (в %)	6,6	Неизв.	Неизв.	11,4	17,0	
Активы всех компаний прямой зависимости** (в млн. иен)	Неизв.	„	24 377	Неизв.	Неизв.	
В том числе:						
Активы банка	„	„	13 288	„	„	
Активы других компаний прямой зависимости	„	„	11 089	„	„	

* „Хрестоматия“, т. I—III; „Oriental Economist“, март 1943 г., декабрь 1945 г.; „Summation of non-military activity in Japan“, GHQ, SCAP, № 5, февраль 1946 г.; „Отчет миссии Государственного департамента“, 1946.

** Без головной компании.

*** На сентябрь 1944 г.

**** В источнике указано: „около 80“.

***** Ввиду невозможности точно очертить круг компаний, контролируемых Сумитомо, данные о концерне Сумитомо по различным источникам значительно расходятся. „Отчет миссии Государственного департамента“ пишет о концерне Сумитомо следующее: „Совокупные капиталовложения головной компании превышали на 31 марта 1945 г. 3 6 млн. иен и представ-

концернов и их капиталы *

б и с и	С у м и т о м о			Я с у д а	
	1937 г.	1943 г.	31 января 1946 г. *****	1937 г.	Сентябрь 1945 г.
31 января 1946 г.					
204	34	80 ****	184	44	48 *****
114,0	150	150	300	30	30
4049	383	615	2820	263	2094
35,5	2,6	4,1	9,4	8,8	70
30,3	47,3	Неизв.	25,5	37,3	52
Неизв.	39,4	„	24,6	23,3	10
29 409 *****	Неизв.	„	28 233	Неизв.	17 500 *****
14 145	„	„	22 664	„	15 099
15 264	„	„	5 569	„	2 411

данной собой вложения в 173 компании более, чем в 37 различных отраслях, хотя большая часть вложений была сосредоточена в 12 главных отраслях. Головная компания имеет 18 признанных дочерних компаний с оплаченным капиталом в 1127 млн. иен... Совокупные активы 18 признанных дочерних компаний достигли на 31 марта 1945 г. 13 949 млн. иен. Эти дочерние компании владели более 10% акций в 26 компаниях" (с.р. 134; столь большая разница в оценке активов с приводимой в таблице объясняется их переоценкой в связи с послевоенной инфляцией).

***** По американским данным на 31 января 1945 г. — 73 компании.

***** На 31 января 1946 г.

Таким образом, при меньшей по сравнению с Мицубиси доле собственных капиталов головная компания Мицубиси сумела поставить в прямую зависимость от себя гораздо более мощные по капиталам и по удельному весу в военном производстве компании. Кроме того, концерну Мицубиси удалось при небольшой (до 10%) доле капиталовложений превратить в зависимые несколько сот различных небольших компаний.

В результате столь сильного увеличения капиталов в годы войны концерн Мицубиси еще больше усилил свое монопольное положение как в тяжелой, так и в легкой промышленности. По официальным американским подсчетам¹, в 1944 г. его доля в физическом объеме производства всей Японии составляла:

Каменный уголь . . .	15%	Авиационные двигатели	45%
Железная руда . . .	25	Электрооборудование . . .	35
Нефть	10	Химикалии	10
Артиллерийское вооружение	5	Хлопчатобумажные изделия	15
Сталь	5	Сахар	35
Судостроение . . .	25	Размол зерна	50
Морские двигатели .	30	Судоходство	25
Самолетные детали .	40		
Алюминий	10		

Сравнение этих данных с довоенными ясно свидетельствует об усилении монополии Мицубиси в важнейших отраслях промышленности.

Картина роста концерна Мицубиси в годы войны была бы неполной без характеристики развития его отдельных, наиболее крупных компаний.

«Мицубиси дзюкогё» (тяжелая промышленность). Двух цифр достаточно для того, чтобы проиллюстрировать значение этой компании в концерне. В 1937 г. вся сумма оплаченного капитала всех компаний концерна Мицубиси составляла 848 млн. иен, а к концу войны оплаченный капитал одной только «дзюкогё» составлял 750 млн. иен (объявленный — 1 млрд. иен), из которых 226 млн. иен было вложено «Мицубиси хонся» и отдельными членами семьи Ивасаки. «Все должно быть подчинено интересам развития „дзюкогё“» — таков был в годы войны девиз концерна, о котором в Японии сложилась поговорка: «Мицубиси любит первым кушать новое блюдо». Новыми и весьма жирными блюдами в годы войны были самолетостроение и некоторые другие отрасли военной и тяжелой промышленности. В момент об-

¹ «Report of the Mission on Japanese Combines», стр. 132—133.

разования «дзюкогё», в 1934 г., ее объявленный капитал был установлен в размере 60 млн. иен. В 1937 г. капитал был повышен до 120 млн. иен, в 1940 г. — до 240 млн. иен, в 1942 г. — до 480 млн. иен, и, наконец, в 1945 г. — до 1000 млн. иен — за 11 лет рост почти в 17 раз. Во главе «дзюкогё» стоял один из опытейших японских предпринимателей К. Гоко, игравший выдающуюся роль в политической жизни страны (в качестве советника кабинета) и в организации монополистического контроля.

«„Мицубиси дзюкогё“ — это одна из колонн, на которых держится тяжесть войны», — писала в мае 1943 г. газета «Нихон сангё кэйдзай». Действительно, «дзюкогё» во время войны превратилась в самый мощный в стране военно-промышленный комбинат, строивший военные и транспортные самолеты и корабли, производивший различные виды вооружения и боеприпасов.

Основой компании были непрерывно расширявшиеся в годы войны самолетостроительные заводы в Нагоя, судовой в Нагасаки, Кавасаки, Иокохама, Кобэ, Хикосима и др.

«Дзюкогё» расширялась не только за счет своих прибылей и обильных кредитов, но и путем поглощения ряда смежных компаний концерна. В последний раз «дзюкогё» присоединила к себе крупную компанию уже незадолго до капитуляции Японии, в апреле 1945 г. Это была машиностроительная компания «Мицубиси косакуки» с капиталом в 17 млн. иен.

«Дзюкогё» контролировала 63 компании, из которых 43 считались формально не входящими в концерн Мицубиси. Ряд крупных компаний концерна одного ранга с «дзюкогё», занимавших значительное место в соответствующих отраслях народного хозяйства Японии, такие, как «Мицубиси сэйко» (сталелитейная, капитал — 50 млн. иен), «Нихон арумینیум» (алюминий, капитал — 60 млн. иен), «Нихон юсэн кайся» (судоходство, капитал — 92 млн. иен), были фактически превращены в компании комбината «дзюкогё».

«Мицубиси когё» (горная) с капиталом в 407 млн. иен (42,3% вложено «Мицубиси хонся») была второй по значению промышленной компанией концерна. За годы войны ее капитал вырос в четыре раза. «Мицубиси когё» была главным конкурентом «Мицуи кодзан» и главным поставщиком каменного угля (шахты Тикубо и Такасима) и цветных металлов на предприятия «дзюкогё». Фактически «когё» вместе с 66 прямо или косвенно связанными с нею компаниями также стала частью комбината «дзюкогё».

«Мицубиси сёйдзи» (торговая) с капиталом в 100 млн. иен (40,4% вложено «хонся») выполняла в концерне

Мицубиси те же функции, которые «буссан» выполняла в концерне Мицуи. «Сйодзи» со 174 связанными с нею компаниями (из них 48 — прямой зависимости), разбросанными по всей Японии, а главным образом за ее рубежами, была одним из главных проводников японской экономической экспансии в страны Тихого океана.

«Мицубиси гинко» (банк), как уже указывалось выше (стр. 114), в 1943 г. присоединил другой крупный банк страны — «Дайхяку» («Сотый», концерн Кавасаки), в результате чего число его филиалов увеличилось с 66 до 176, а сумма вкладов — с 2774 млн. иен до 4793 млн. иен. По сумме вкладов банк Мицубиси, занимавший до слияния четвертое место (после Санва, Сумитомо, Ясуда) перешел на второе место (после Тэйкоку). Объявленный капитал банка в годы войны был увеличен на сравнительно небольшую сумму — со 100 млн. иен в 1937 г. до 135 млн. иен в 1945 г. Но зато пассивы банка увеличились с 1090 млн. иен в 1936 г. до 13 млрд. иен в конце 1945 г.¹ Банк и другие кредитные институты концерна сосредоточили в своих руках колоссальные капиталы для финансирования военных предприятий концерна.

Концерн в целом, в особенности его компания тяжелой промышленности, были поставлены в особо благоприятные условия кредитования. Как мы указывали выше, долговые обязательства «Мицуи хонся» и 22 ее компаний прямой зависимости в сентябре 1945 г. составляли около 5,5 млрд. иен (в том числе около 329 млн. иен — обязательства перед полугосударственными кредитными институтами). Долговые обязательства всех компаний Мицубиси (кроме кредитно-финансовых) на тот же срок составили около 12 млрд. иен, в том числе прямые долги полугосударственным кредитным институтам — 460 млн. иен, из которых 350 млн. иен составляли долги «дзюкогё»². В действительности государственные кредиты Мицубиси были неизмеримо больше, так как правительство брало на себя гарантию по тем кредитам, которые отпускались концерну банками³.

Громадное расширение в годы войны военно-промышленных и других компаний концерна, увеличение их капиталов и активов, участие концерна в военно-промышленном контроле обеспечили большой рост прибылей для его владельцев —

¹ «Хрестоматия», т. I, стр. 87; «Summation», № 5, февраль 1946 г.

² «Oriental Economist», декабрь 1945 г.

³ По данным за I-ю половину 1943 г. из 1940 млн. иен оборотного капитала одной только «дзюкогё» 1216 млн. иен приходилось на различного рода кредиты правительственных кредитных институтов. Правительственные кредиты всем остальным 15 компаниям самолетостроительной промышленности составляли 432 млн. иен (весь оборотный капитал указанных 15 компаний — 1587 млн. иен; «Тойо кэйдзай», 20 марта 1943 г.).

семьи Ивасаки, о чем свидетельствуют данные о прибылях и резервах головной компании концерна («госи», «ся», «хонся») (табл. 39).

Т а б л и ц а 39

Чистая прибыль и резервы головной компании Мицубиси
(1930—1944 гг., в млн. иен) *

	1930	1933	1937	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944
Чистая прибыль (дивиденды и бонусы)	7	6	14	14	14	38	18,5	19	21,5	18
Резервы	5	1,5	3	2	2	27	4,5	4,5	4,5	3,4

* „Summation“, май, 1946 г. (цифры ориентировочные на основании помещенной в источнике диаграммы).

«Хонся» была главным, но не единственным источником прибылей семьи Ивасаки. Последняя владела также акциями ряда других ведущих компаний своего концерна, непрерывный рост которых приносил все новые и новые миллионы иен первым пушечным фабрикантам Японии — членам семьи Ивасаки.

Подведем итоги. Концерн Мицубиси в довоенные годы значительно отставал от концерна Мицуи как по числу входивших в него компаний, так и по размерам их капиталов. Наибольшая доля капиталов концерна приходилась на его компании косвенной зависимости. Над всеми своими компаниями владельцы концерна осуществляли контроль с помощью значительно меньшей доли капиталов, чем та доля, с помощью которой хозяйничали в своем концерне Мицуи.

В годы войны владельцы концерна Мицубиси в полной мере использовали свои преимущества перед Мицуи, выразившиеся прежде всего в том, что в их руках были важнейшие предприятия военной и тяжелой промышленности. Им удалось, опираясь на громадную финансовую поддержку со стороны правительства, на свое руководящее участие в экономических «контрольных органах», добиться того, что концерн Мицубиси перегнал концерн Мицуи и стал самым мощным концерном страны.

Несмотря на то, что доля капиталов владельцев концерна в общей сумме капиталов его компаний не только не увеличилась, но, наоборот, резко уменьшилась, головной компании удалось поставить в прямую зависимость от себя ряд прежде независимых компаний и компаний косвенной зависимости и намного увеличить удельный вес компаний прямой зависимости

в предпринимательстве концерна. Вместе с тем концерн подчинил около 500 сохранивших формальную независимость компаний, в которых его вложения не превышали 10 %. Все это свидетельствует о том, что владение большим пакетом акций — далеко не единственный способ подчинения предприятий и компаний монополистическому контролю финансовых воротил. Кредиты, контроль над лицензиями и заказами, над распределением сырья, личная уния, нажим через государственные органы — таков тот обширный арсенал средств, с помощью которых монополии борются против конкурентов и добиваются отеснения одних, устранения или полного себе подчинения других. Этот арсенал не может быть ликвидирован никакими «антитрестовскими законами», которые служат для буржуазного государства лишь одним из средств демагогии и защиты господства монополий.

Концерны Сумитомо и Ясуда

Несмотря на то, что история Сумитомо восходит к XVI в., концерн этот по своей организации и структуре был лучше всех «главных концернов» подготовлен к развертыванию военного производства. «Концерн Сумитомо,— пишут К. Такахаси и Д. Аояма,— происходя из древнего торгового дома, по своему возрасту стоит в одном ряду с Мицуи, но по развитию его дел в последнее время он скорее напоминает «новые концерны»¹.

Близость Сумитомо к «новым концернам», возникшим в годы первой мировой войны или после нее, выражалась прежде всего в том, что его основой была тяжелая промышленность. В 1937 г. доля компаний тяжелой промышленности в общей сумме капиталов концерна Сумитомо составляла 35,7 % против 22,8 % у Мицуи и 30,8 % у Мицубиси. Общая же доля компаний тяжелой промышленности, химии и морского транспорта в концерне Сумитомо в том же году составляла 62,8 % против 29 % у Мицуи и 49,9 % у Мицубиси². Значительная часть капиталов Сумитомо была вложена также в кредитные институты (15,8 % против 6 % у Мицуи и 16,9 % у Мицубиси), в земельные участки (главным образом городские) и складское дело (11,2 % против 0,4 % у Мицуи и 0,8 % у Мицубиси). Вышеназванными отраслями народного хозяйства почти исчерпывалась сфера приложения капиталов Сумитомо, который, в отличие от Мицуи и Мицубиси, совершенно не имел вложений в легкую промышленность и имел лишь небольшие вложения (3,9 % ко всему капиталу) в торговле.

¹ «Хрестоматия», т. I, стр. 175.

² Там же, стр. 167.

Второе преимущество Сумитомо перед его конкурентами заключалось в том, что концерн этот был по своей структуре близок к комбинату. На металлургию (почти исключительно цветную, прежде всего — выплавка и обработка меди) в 1937 г. приходилось 22,7% всех капиталовложений концерна. Это — наивысшая доля вложений любого из четырех главных концернов в какую-либо одну отрасль промышленности.

Основой концерна были медные рудники Бэсси. На их базе возникла медесталепрокатная компания «Сумитомо синдококан» и затем ряд электромашиностроительных предприятий и предприятий, обслуживающих основные — электроэнергетические, каменноугольные, сталелитейные или использующих их отходы (например, предприятия по производству удобрений из серных отходов медных рудников).

Торговая сеть Сумитомо занималась преимущественно обслуживанием его собственных компаний, а его транспортные компании и банк также в значительной степени служили вспомогательными органами для промышленного комбината, хотя этим их функции отнюдь не ограничивались. Головная держательская компания концерна «Сумитомо госи» была создана в 1921 г. С ее созданием сильно обогатившийся и расширившийся в годы первой мировой войны «дом Сумитомо» окончательно принял форму концерна.

Приближение второй мировой войны явилось стимулом для нового усиления концерна, который ввиду характера его предпринимательства, естественно, занял важное место в подготовке войны. В отличие от Мицуи и Мицубиси, в годы войны больших реорганизаций в концерне Сумитомо не было. Единственное существенное изменение в его структуре (не считая слияний отдельных компаний) имело место в 1937 г., когда «Сумитомо госи» была превращена в «Сумитомо хонся» («главная»), и ее функции по управлению концерном были усилены. Впрочем, и до этой реорганизации централизация управления в концерне Сумитомо была более прочной, чем у Мицуи и Мицубиси. В отличие от головных компаний Мицуи и Мицубиси держательская компания Сумитомо была одновременно и оперативной компанией — она не только держала в своих руках акции подконтрольных компаний, но также и непосредственно руководила предпринимательством различных своих промышленных и других предприятий. Стоявший во главе «госи» (а затем «хонся») Китидзаэмон Сумитомо был президентом и почти единственным владельцем акций головной компании — ему неизменно принадлежало не менее 98% всех ее акций. Зато в других компаниях концерна наблюдалось обратное явление — процент акций дочерних компаний,

сосредоточенных в руках головной компании, был намного ниже, чем у Мицубиси (см. табл. 38).

Для многих компаний Сумитомо всегда, особенно в годы подготовки к войне, было характерно то обстоятельство, что их подчинение головной компании осуществлялось не с помощью контрольного пакета акций, а путем зависимости от заказов Сумитомо и путем занятия его ставленниками важнейших должностей в дочерних компаниях. Так, например, в самой крупной и самой важной из всех компаний концерна — «Сумитомо киндзоку» (металлургическая) «хонся» владела лишь 20,5% акций, а во второй по размерам капиталов — «Сумитомо-коммерческо-промышленной» — лишь 11% акций. Штаб американского командования после войны, на основании данных «Сумитомо хонся», насчитал 185 компаний, входивших в концерн; среди них в 117 компаниях «материнским компаниям» принадлежало свыше 10% акций, в остальных — либо процент акций в руках материнских компаний был ниже 10%, либо процент неизвестен. Но кроме указанных 185 компаний, концерн Сумитомо распространял свой контроль и на другие компании, в которые он делал лишь ничтожные капиталовложения. Характерными для концерна Сумитомо являются его отношения с одной из крупнейших компаний морского транспорта, всемирно известной О.С.К. («Осака сйосэн кайся»). В 1943 г. Сумитомо владел лишь 1,7% акций этой компании¹. Компания была формально самостоятельной, но фактически она с самого начала была подчинена Сумитомо; ее директором был один из служащих Сумитомо — Хобэй Хиросэ, а другие служащие Сумитомо занимали в О.С.К. ответственные должности.

В качестве примера широкого применения в концерне Сумитомо «личной унии» как средства монополистического контроля укажем на Сюнносукэ Фурута, занимавшего должности председателя правления, директора или коммерческого советника в 21 компании, среди которых были компании, формально входившие и не входившие в концерн, но фактически концерном контролируемые.

Точно очертить круг компаний, находящихся под фактическим контролем Сумитомо, почти невозможно, так как во многих случаях Сумитомо владеет акциями «межконцерновых компаний», в которых принимают участие капиталами также и другие крупные концерны. Однако независимо от участия концерна в компаниях, принадлежность которых к тому или иному концерну неясна, анализ данных о компаниях, входящих в концерн Сумитомо или им контролируемых, не остав-

¹ «Нихон сангё кэйдзай», июнь 1943 г.

ляет сомнений в том, что семья Сумитомо во главе с Китидзаэмон Сумитомо прочно господствовала над большим количеством компаний и предприятий, в которых ей принадлежала лишь небольшая доля капиталов.

Помимо прочих средств, Сумитомо осуществлял свое господство с помощью кредитов. При этом следует иметь в виду, что собственная кредитная база концерна была относительно слаба. Три его кредитных института — банк, «Компания по страхованию жизни» и «Осакская компания по страхованию от огня и на море» — не могли обеспечить кредитование многочисленных, непрерывно расширявшихся компаний тяжелой промышленности. Если Мицуи и Мицубиси могли производить перекачку средств в тяжелую промышленность из своих же многочисленных и мощных торговых компаний и компаний легкой промышленности, то концерн Сумитомо вследствие отмеченных выше его особенностей был такой возможности лишен. Поэтому нехватка капитала в годы войны была для концерна наиболее острой проблемой. На помощь концерну пришло правительство с его полугосударственными кредитными институтами. Главными кредиторами военно-промышленных компаний концерна были полугосударственные Промышленный банк, Банк военных финансов и Корпорация промышленного оборудования. Всех этих источников оказалось недостаточно, и в результате переговоров Сумитомо с контрольной ассоциацией по финансированию и его влияния в этой ассоциации после 1941 г. создается ряд синдикатов по финансированию компаний концерна. Так, например, в 1943 г. был создан синдикат по подписке на облигации «Сумитомо цусин когёо» (промышленность средств связи). В синдикат этот вошли банки Сумитомо, Промышленный, Тэйкоку (Мицуи), Мицубиси, Номура, Санва и доверительные компании крупнейших концернов. Одновременно «Сумитомо цусин когёо» получила от полугосударственного Банка военных финансов кредит в сумме 100 млн. иен. Используя государственные кредиты и опираясь на свои прочные позиции в военной промышленности, концерн получил возможность подчинить своему господству ряд формально от него не зависевших компаний.

«Концерн Сумитомо купается в солнечных лучах процветания военного времени», — писал журнал «Ориентал экономист» в 1943 г. И действительно, темпы роста капиталов компаний концерна Сумитомо были более быстрыми, чем в концернах Мицуи и Мицубиси. Если размеры оплаченных капиталов компаний концернов в 1937 г. принять за 100, то

по данным на январь 1946 г. соответствующие цифры составят: по концерну Мицуи — 171,4; по концерну Мицубиси — 470,7, по концерну Сумитомо — 703,6¹. Как видно из данных табл. 38, Сумитомо перегнал по размерам оплаченных капиталов и активов компаний прямой зависимости Мицуи и приблизился по тем же показателям к самому мощному из концернов страны — Мицубиси. Однако, если вычесть из суммы всех активов активы банков, которые не являются вполне показательными для определения мощи концерна, то окажется, что Сумитомо попрежнему по сумме активов торгово-промышленных компаний находился на третьем месте.

Из отдельных компаний концерна необходимо в первую очередь отметить «Сумитомо киндзоку», которая занимала в концерне Сумитомо такое же положение, как «дзюкогё» в концерне Мицубиси. Образовавшаяся в 1935 г. путем слияния «Сумитомо синдококан» и «Сумитомо сэйкошю», компания «киндзоку» с капиталом в 50 млн. иен начала быстро расти и заняла ведущее место в металлургии. К концу войны на долю этой компании приходилось около 30 % общепроизводства легких металлов и сплавов из них. К концу 1945 г. ее капитал был увеличен до 419 млн. иен, а ее активы к тому же времени составили 2373 млн. иен, и «киндзоку» встала в один ряд с самыми крупными промышленными компаниями страны.

Кроме «киндзоку» крупнейшими компаниями концерна были: 1. «Сумитомо кагаку» (химическая), бывшая одним из трех монополистов по производству алюминия. Ее оплаченный капитал увеличился с 25 млн. иен в 1937 г. до 99 млн. иен к концу войны. 2. «Сумитомо когё» (горнорудная), образовавшаяся в 1937 г. путем слияния «Сумитомо бэсси кодзан» («Бэсси-горная») и «Сумитомо танко» (угольная) и занимавшая монопольное положение в добыче меди (рудники Бэсси), а также имевшая большое число крупных предприятий по добыче каменного угля, цветных и драгоценных металлов. 3. «Сумитомо дэнки когё» (электропромышленная), занимавшая монопольное положение в производстве электропроводов и аппаратуры, увеличила свой оплаченный капитал с 22,5 млн. иен в 1937 г. до 86,5 млн. иен к концу войны. 4. «Сумитомо цусин когё» (аппаратура связи), образованная на базе небольшой компании «Сикокү дэнрёоку» (в 1937 г. капитал 6,2 млн. иен), выросла в крупнейшую в стране компанию слаботочной промышленности с капиталом в 150 млн. иен. К концу войны на ее долю при-

¹ Абсолютные цифры см. стр. 226—27.

ходилось около 40% всего производства электрокабеля в стране.

Вышеназванные пять (включая «киндзоку») компаний составляли в течение всей войны промышленное ядро концерна. Многие из других его компаний в большей или меньшей степени обслуживали вышеназванные. Из непромышленных компаний необходимо особо отметить банк Сумитомо, входивший в число банковской «большой пятерки». В 1943 г. банк Сумитомо стоял на пятом месте по сумме вкладов (3529 млн. иен против 5247 млн. иен у банка Мицуи — Тэйкоку, занимавшего первое место). Но по данным на конец 1945 г., банк Сумитомо по сумме активов перегнал банки других концернов и вышел на первое место (см. табл. 38). Нельзя также не отметить, что в предпринимательстве концерна весьма значительное место принадлежало его колониальным и зарубежным компаниям, общее число которых составляло не менее 26¹.

Чистая прибыль головной компании концерна («госи», «хонся»), составлявшая в среднем в 1938—1941 гг. 3 млн. иен, в 1942 г. увеличилась до 6 млн. иен, в 1943 г. — до 11,5 млн. иен. Уменьшение чистой прибыли в 1944 г. до 3 млн. иен было связано, так же как в других концернах, с переводом значительной части прибыли (а также резервов) в качестве капиталовложений в различные компании концерна. Даже на основании наверняка заниженных данных, представленных самой компанией Сумитомо американским властям, военные прибыли головной компании составили за 1940—1944 гг. свыше 53 млн. иен, чистые же прибыли (за вычетом налогов) — 22 млн. иен. Что касается активов «хонся», то последние росли почти непрерывно и увеличились с 250 млн. иен в 1937 г. до 1000 млн. иен в 1943 г. и до 1300 млн. иен в 1945 г.² Таким образом, владельцам концерна удалось за счет своих военных сверхприбылей и за счет государственного кредитования в огромной степени увеличить капитал и активы концерна и его ведущих компаний.

¹ Report of the Mission on Japanese combines, стр. 11. Среди колониальных и зарубежных компаний Сумитомо крупнейшими были «Компания по производству рудничных машин в Северном Китае» (12 млн. иен), «Маньчжурская компания по производству электропроводов» (40 млн. иен) и аналогичная северокайтайская компания (30 млн. иен), «Маньчжурская металлообрабатывающая компания» (30 млн. иен), «Маньчжурская компания легких металлов» (54 млн. иен), «Маньчжурская вагоностроительная компания» (20 млн. иен), «Корейская компания легких металлов Сумитомо» с рядом дочерних компаний и др. Среди менее значительных заграничных компаний встречаются такие, как компания плантаций на о. Борнео, банки в Калифорнии, Сиэттле и на Гавайских островах и т. д.

² «Summation», май 1946 г.

Подводя итоги, мы можем констатировать, что концерн Сумитомо в годы войны расширился и укрепил свое монопольное положение в качестве комбината по производству легких и цветных металлов и изделий из них, по машиностроению и химии. Структура концерна за годы войны мало изменилась, но концерну удалось распространить свой контроль на множество компаний с помощью кредитов, личной унии и руководящего участия в контрольных органах по распределению заказов, сырья, рабочей силы и т. п. Концерн опирался на громадную финансовую поддержку полугосударственных кредитных институтов. Его развитие в годы войны — яркий пример использования финансовым капиталом различных средств государственного регулирования в интересах укрепления своей монополии.

* * *

В так называемых «синтетических» концернах, к которым относят концерны Мицуи, Мицубиси и Сумитомо, сращивание банковского и промышленного капитала осуществлено в наиболее полной и законченной форме, поскольку под властью владельцев вышеуказанных концернов объединены крупнейшие в стране промышленные и крупнейшие в стране кредитные компании. Было бы, однако, глубочайшей ошибкой причислять к институтам финансового капитала в Японии только указанные три концерна, в которых сращивание банковского и промышленного капитала осуществлено наиболее полно.

Исследование «финансовых» и «промышленных» концернов показывает, что их интересы очень тесно переплетены, что независимость не только отдельных компаний, но даже и так называемых «второстепенных концернов» иногда является лишь иллюзорной, что ни один промышленный концерн не может существовать без соответствующей его мощи кредитной базы и, с другой стороны, финансовые концерны зависят главным образом от состояния дел их промышленных клиентов.

Концерн Ясуда — крупнейший из «финансовых концернов», «король-рантье», как его называют в Японии, является единственным из «несинтетических» концернов, входящим в число «большой четверки». Основой концерна всегда было банковское дело, и его владельцы еще до войны далеко превзошли своих могущественных конкурентов в борьбе за контроль над чужим капиталом (табл. 40).

Из данных табл. 40 мы видим, что еще в 1928 г. концерн Ясуда при собственном капитале, во много раз

Соотношение собственного капитала концернов и депозитов их кредитных институтов в 1928 г. (абс. данные в млн. иен) *

Концерны	Капитал компаний концер-на (А)	Банки	Доверитель-ные компании	Компании по страхованию	Итого (Б)	Отношение Б к А	А + Б
Мицуи	700	606	365	7	978	1,39	1678
Мицубиси	500	614	122	180	916	1,83	1416
Сумитомо	200	667	185	9,5	861	4,3	1061
Ясуда	60	1137	224	66	1427	23,8	1487

* „Хрестоматия“, т. I, стр. 78.

меньшем, чем капитал других концернов, контролировал большие суммы не принадлежавшего ему капитала, чем другие из главных концернов.

Данные табл. 38 показывают, что это свое преимущество Ясуда сохранил до конца войны. Из 17,5 млрд. иен активов дочерних компаний прямой зависимости головной компании Ясуда 15,1 млрд. иен приходилось на банк Ясуда, который был основой концерна и занимал в нем даже больший удельный вес, чем «буссан» — у Мицуи, «дзюкогё» у Мицубиси и «киндзоку» — у Сумитомо. Банк Ясуда всегда был и оставался до конца войны в составе банковской «большой пятерки».

Как указывает «Отчет миссии Государственного департамента», концерн Ясуда «систематически поглощал мелкие банки, попавшие в затруднительное финансовое положение (в одном лишь 1923 г. банк Ясуда поглотил десять других банковских институтов). Кроме того, он открывал банковские отделения в провинции, отвлекал, пользуясь престижем фирмы Ясуда, капиталы от местных банковских учреждений и затем поглощал своих конкурентов. Во время войны этот процесс был облегчен ускорением осуществления программы поглощений, поощряемой министерством финансов».

После поглощения в 1943 г. банком Ясуда другого крупного банка «Нихон тэя» число филиалов банка Ясуда увеличилось со 148 до 209, а размеры вкладов — с 3524 млн. до 4128 млн. иен и банк этот по сумме вкладов оказался на третьем месте после Мицуи-Тэйкоку и Мицубиси. Но контроль Ясуда отнюдь не ограничился лишь кредитными

учреждениями, входившими в его концерн. К концу войны Ясуда контролировал следующие банки (табл. 41).

Т а б л и ц а 41

Банки, контролируемые концерном Ясуда (сентябрь 1945 г.) *

Б а н к и	Местонахождение	Число филиалов	Сумма депозитов, млн. иен
Японский сберегательный („Ниппон тйотику“)	Токио	277	9 893
Агаки кйорисан	Агаки	29	474
Сикоку	Коти	50	632
Хиго	Кумамото	38	334
Фукуока	Фукуока	63	1 855
Тиба	Тиба	46	971
Хокурику	Тояма	59	1 852
Итого	—	562	16 011

* „Summation“, ноябрь 1945 г.

Таким образом, Ясуда, кроме 17 млрд. иен активов своих компаний прямой зависимости, контролировал еще 16 млрд. иен депозитов банков, не входивших в его концерн, но поставленных под его контроль. Особое значение для Ясуда имела передача под его контроль объединенного Японского сберегательного банка, который был создан путем насильственной ликвидации большинства сберегательных банков и объединения оставшихся. В этом банке Ясуда был крупнейшим акционером. Кроме того, директор банка перешел в него из концерна Ясуда. Концерн Ясуда, капитал головной компании которого неизменно в течение всей войны оставался равен 30 млн. иен, увеличил сумму капитала, находившегося под его контролем с 1,5 млрд. иен в 1928 г. до 31 млрд. иен в 1945 г., т. е. более чем в 20 раз.

Ясуда занимался кредитованием большого числа независимых от него промышленных компаний, в том числе компаний других главных концернов, а также второстепенных и «новых» концернов. Но, кроме того, с помощью своих колоссальных финансовых ресурсов, ему удалось поставить в полную или частичную зависимость от себя значительное число промышленных, торговых и транспортных компаний¹. Таких

¹ В «Отчете миссии Государственного департамента» указывается (стр. 176): «В случае несостоятельности заемщика банк Ясуда договари-

компаний прямой и косвенной зависимости, по данным Ясуда на сентябрь 1945 г., насчитывалось 38, по американским же данным, относящимся к концу того же года,— 64. В это число входят лишь те промышленные, торговые и транспортные компании, в которых Ясуда были вложены хотя бы небольшие суммы капитала, но не входят те компании, которые были подчинены Ясуда только путем кредитования или на основе личной унии, без единой иены капиталовложений.

Большинство некредитных компаний, входивших в концерн Ясуда, были небольшого размера. Исключение составляли лишь текстильная «Тэйкоку сэнъи» и компания тяжелой промышленности «Ясуда когёо».

«Тэйкоку сэнъи» (имперская текстильная) была одной из крупнейших текстильных компаний страны. Из 176 млн. иен оплаченного капитала всех нефинансовых компаний прямой зависимости Ясуда 86 млн. иен, или около половины, приходилось на «Тэйкоку сэнъи» (в том числе Ясуда принадлежало 12%)¹. Из 140 млн. иен кредитов, отпущенных банком Ясуда восьми промышленным компаниям прямой зависимости, 102 млн. приходилось на текстильную компанию. В отличие от многих других крупных текстильных компаний концернов, которые были вынуждены либо закрыться, либо перейти на другие производства, «Тэйкоку сэнъи» в годы войны была одной из немногих текстильных компаний, которые продолжали заниматься своим делом, выполняя военные заказы на текстильные изделия.

В числе компаний прямой зависимости от Ясуда мы до конца войны не встречаем больших компаний тяжелой промышленности за исключением «Ясуда когёо» (промышленная) с капиталом в 20 млн. иен, с гвоздильным заводом в Явата, на который приходилась половина всего производства гвоздей в Японии. Совсем иное положение мы наблюдаем при ознакомлении с компаниями косвенной зависимости. Прежде всего необходимо отметить, что концерн Ясуда во время денежного кризиса 1927 г. и затем во время кризиса 1929—1933 гг. сумел с помощью своих кредитов поставить в зависимость от себя один из крупных концернов — концерн Асано.

вался со своей головной компанией или с филиальной компанией о приобретении ею на себя долга и передаче ей акций. Таким путем концерн приобрел в 1912 г. контроль над железной дорогой района Тюгоку, токийской строительной компанией и компанией волокон Тэйкоку; в 1920 г. — над Японской бумажной компанией и складской компанией Ясуда; в 1938 г. — над электрической компанией Оки и Восточной паровой компанией...» и т. д.

¹ «Summation», № 4, январь 1946 г.

Концерн Асано — типичный представитель старых «промышленных» концернов. Концерн этот был монополистом по производству цемента, а после 1931 г. создал ряд крупных металлургических предприятий. Особенность концерна Асано заключалась в том, что у него не было собственной финансовой базы, банков, и он был вынужден занимать огромные средства у других монополистов. В критический момент, когда Асано оказался банкротом, его «выручил» Ясуда, поставивший Асано под свой контроль. Представление о том, на чем зиждилась зависимость концерна Асано от концерна Ясуда, можно получить на основании данных табл. 42.

Т а б л и ц а 42

Кредиты и инвестиции Ясуда в концерне Асано
(на 1 сентября 1945 г.) *

Компани	Оплаченный капитал, тыс. иен	Размер кредитов Ясуда, тыс. иен	% акций в руках Ясуда
Асано додзоку (семейная — головная компания)	15 000	70 597	0
Нихон кокан (трубопрокатная) . . .	357 000	412 350	6
Асано сэмэнто (цемент)	124 510	47 014	3
Оки дэнки (электротехническая) . .	60 000	171 304	31
Асано дзюкогё (тяжелая промышленность)	35 800	30 016	0
Кокан когё (горнорудная)	30 000	5 653	0
Канто-электрическая	28 000	16 800	0
Тоа-портовая	13 500	10 010	19
Ниппон-литейная	13 000	10 900	0
Тёфу-доковая	10 000	7 500	30
Окутама-промышленная	6 000	4 000	0
Коно-цементная	5 000	2 000	0
Урю-угледобыча	4 500	1 240	0
Ниппон-парфюмерная	3 000	2 500	0
Оки-электрическая компания держания акций	3 000	14 432	0
Итого	708 310	806 316	

* „Oriental Economist“, декабрь 1945 г.

Итак, мы видим, что инвестиции Ясуда в компании Асано были, по сравнению с размерами капиталов последнего, незначительны, но кредиты, полученные Асано от Ясуда, намного

превышали оплаченный капитал его компаний. К этому необходимо добавить, что одним из директоров крупнейшей компании Асано — «Нихон кокан» был президент «Ясуда ходзэнся» — Хадзимэ Ясуда, президентом второй по значимости компании Асано — «Асано сэмэнто» был один из директоров «Ясуда ходзэнся» — Хиродзи Мори и т. д.: почти во всех компаниях Асано руководящие должности принадлежали членам семьи Ясуда или их служащим.

По подсчетам журнала «Ориентал экономист» (декабрь 1945 г.), в 28 компаниях косвенной зависимости (включая пять компаний Асано), в которые Ясуда произвел вложения, последнему принадлежало всего 10% акций. Среди этих 28 компаний были такие крупные, как «Сйова дэнки» (электропромышленность) с капиталом в 244 млн. иен, в которой Ясуда имел всего 6% акций, но в которой тем не менее президентом был один из членов семьи Ясуда — Хикосиро Ясуда, и несколько среднего размера компаний в разных отраслях промышленности.

Характер концерна Ясуда, его организационная структура и сфера предпринимательства мало изменились в годы войны. Ясуда остался по преимуществу кредитно-финансовым концерном, хотя ему удалось усилить свой контроль в некоторых компаниях тяжелой промышленности. Но действуя по преимуществу в сфере кредита, Ясуда, опираясь на прошлые успехи в централизации под своим контролем не принадлежавших ему капиталов и на свое участие в «контрольных органах», в годы войны в огромной степени усилил свою мощь, свое положение «короля-рантье». Ясуда с помощью кредитов и личной унии осуществлял контроль в крупных компаниях, в которые им не было вложено ни одной иены или было вложено менее 10% капиталов соответствующих компаний. Возможно, это обстоятельство и было причиной того, что после войны именно глава концерна Ясуда — Хадзимэ Ясуда выступил в качестве автора «плана Ясуда», легшего в основу правительственного «плана ликвидации дзайбацу». В главе VIII мы подробно познакомимся с этим «планом» и покажем, какие цели он преследовал. Но уже сейчас следует отметить, что «план Ясуда» признавал в качестве главного средства «ликвидации дзайбацу» раздробление акций головных компаний среди многих владельцев. Ясуда выступил с таким планом, ибо никто лучше, чем он, не знает, как можно контролировать капиталы и дела разных компаний, не владея их акциями, как можно быть монополистом с помощью контрольных пакетов минимального размера, а иногда — и вовсе без контрольного пакета.

ГЛАВА V

«ВТОРОСТЕПЕННЫЕ» и «НОВЫЕ» КОНЦЕРНЫ. ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОР

Если в вопросе об отнесении описанных выше четырех главных концернов к дзайбацу все исследователи японской экономики единодушны, то по вопросу о принадлежности к дзайбацу других концернов и компаний существуют значительные разногласия.

К. Такахаси относит к дзайбацу 13 концернов; в многократно цитированной японской «Хрестоматии по концернам» приводится описание 25 концернов дзайбацу, а штаб американского командования в Японии в своей директиве от 21 января 1946 г. отнес к числу концернов 19 промышленно-торгово-финансовых объединений.

Трудности в установлении принадлежности тех или иных капиталистических объединений Японии к концернам дзайбацу очевидны.

По данным статистики министерства торговли и промышленности, в Японии в 1940 г. все торговые, промышленные, кредитные и транспортные корпорации по размерам их капиталов распределялись следующим образом:

	Число корпораций	Оплаченный капитал (в млн. иен)
Корпорации с капиталом до 1 млн. иен	31 566	3 591
Корпорации с капиталом от 1 млн. иен до 10 млн. иен .	3 302	5 852
Корпорации с капиталом свыше 10 млн. иен	629	16 355

Точно ответить на вопрос о том, сколько и какие из 3931 компаний с капиталом свыше 1 млн. иен принадлежали к концернам, невозможно в связи с тем, что в некоторых компаниях контроль концернов замаскирован, другие, наоборот, стараются ради рекламы подчеркнуть свою принадлежность к концернам, хотя в действительности они являются более или менее самостоятельными. Не требуется, однако, большого

труда для того, чтобы опровергнуть широко распространенную точку зрения, что четыре главных концерна являются чуть ли не единственными владельцами всей крупной промышленности Японии, что финансовая олигархия Японии состоит лишь из четырех семейств — Мицуи, Ивасаки, Сумитомо и Ясуда. Эта точка зрения усиленно пропагандируется в американской буржуазной печати.

Смысл такого рода позиции ясен: если дзайбацу — это всего четыре концерна, то стоит лишь объявить об их «ропуске», чтобы можно было утверждать, что «с дзайбацу покончено». Именно так и поступают бравые «ликвидаторы» дзайбацу, действующие в Японии по мандату Уолл-стрита и делающие все возможное, чтобы превратить японские дзайбацу в американо-японские.

Приведенные выше данные о могуществе четырех концернов не оставляют сомнений в том, что концерны эти занимали господствующее положение в экономике Японии, что большинство других корпораций, не входивших в четыре концерна, в той или иной степени зависели от них. *Но зависимость далеко не всегда означает полную потерю самостоятельности. Зависимость отнюдь не исключает борьбы между зависимыми и теми, от кого зависят, наоборот, она такую борьбу предполагает.* «...Монополии,— говорит Ленин,— вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов».¹

Во главе так называемых «второстепенных» монополистических объединений стояли крупные капиталисты, миллионеры, которые в течение десятилетий не только упорно и успешно сопротивлялись стремлениям «четырех» поглотить их, но и во многих случаях, особенно во время подготовки к войне и во время войны, сами успешно атаковали своих могущественных конкурентов, увеличивали финансовую и промышленную мощь своих компаний.

С другой стороны, уже с середины 1946 г., т. е. с того времени, когда американское командование и японское правительство объявили дзайбацу «несуществующими», в японской реакционной печати наметилась новая тенденция — отрицать связь и взаимную зависимость различных компаний, их принадлежность к концернам дзайбацу. «Концернов больше нет, есть лишь отдельные компании», — таков лейтмотив японской буржуазной печати, действующей по прямому заказу магнатов дзайбацу и их американских покровителей. В связи с этим в разряд самостоятельных попал ряд компаний (например

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 253

«Одзи сэйси», «Канэгафути» и др.), которые всегда были и остались не больше, чем сателлитами главных концернов.

Наряду с четырьмя главными концернами, в Японии существуют другие монополистические объединения, владельцы которых, так же как и владельцы «четырех», старались использовать условия войны для своего обогащения и расширения своих концернов. Одним это удалось, другим — нет, одни в годы войны из незначительных компаний превратились в крупные концерны, другие, наоборот, были оттеснены конкурентами и потеряли контроль над контролировавшимися ими в прошлом компаниями.

Демократические силы Японии добиваются национализации всей крупной промышленности, банков, оптовой торговли, судоходства и железнодорожного транспорта независимо от того, принадлежат ли соответствующие компании в тех или иных отраслях «главным» или «второстепенным», «старым» или «новым» концернам, императору, «потомкам Фудзивара» или нуворишам, нажившимся на поставках товаров американским властям после войны. Поэтому при анализе развития японских монополий в годы войны нельзя ограничиваться только четырьмя крупнейшими концернами, а необходимо познакомиться также и с изменениями, происшедшими в других концернах.

Концерны Окура, Фурукава, Асано

Концерн Окура до 1931 г. обычно рассматривался как следующий по своей мощи после четырех «главных» концернов. До войны капитал всех компаний Окура был приблизительно в два — два с половиной раза ниже, чем капитал компаний Ясуда.

История концерна Окура, так же как и история Мицубиси, восходит к 60-м годам XIX в.; его основатель Кихатио Окура в конце сёгуната основал в Иедо (Токио) лавку, где продавались канъё — сушеные спинки рыбы бонито. Свою карьеру Окура начал во время боев в Иедо, когда он с успехом продавал ружья императорским войскам. В 1874 г. Окура открыл свою контору в Лондоне, что явилось первым случаем открытия японцами коммерческого предприятия за рубежом. Так же как Ивасаки, Окура стал своим человеком в новом правительстве Мэйдзи, был одним из главных поставщиков армии и флота во время формозской экспедиции и во время русско-японской войны. Еще до второй мировой войны за Окура была прочно закреплена слава «концерна войны».

Автор исследования о концерне Окура Сададзи Кацуада¹ и другие исследователи концернов подчеркивают следующие особенности этого концерна.

1. У концерна почти совсем отсутствовала собственная кредитно-финансовая база; его единственным кредитным учреждением была незначительная страховая компания с капиталом в 500 тыс. иен. В связи с этим концерн часто и широко прибегал к кредитной помощи правительства.

2. В отличие от почти всех других «старых» концернов, львиная доля капиталов которых вкладывалась в компании метрополии, Окура издавна ориентировался на колонии и внеимперские территории, особенно на Маньчжурию, а также на Китай. Свыше 40% его капиталов было вложено за пределами японской империи². Еще до 1937 г. Окура контролировал 17 промышленных и торговых компаний в Манчжоу-го и 16 в Китае и имел крупные капиталовложения в ведущих компаниях Манчжоу-го, Внутренней Монголии и Северного Китая. Окура был одним из главных вдохновителей японской агрессии и поддерживал фашистские клики военщины, выступавшие застрельщиками войны против Китая и СССР.

3. Капиталы Окура были распылены преимущественно среди мелких и средних промышленных и торговых компаний. В 1936 г. под его контролем находилась 51 компания с общим капиталом в 130 млн. иен, т. е. в среднем на одну компанию приходилось лишь немногим более 2,5 млн. иен. 33% капиталов приходилось на компании тяжелой (преимущественно горнодобывающей) промышленности, 10% — на компании текстильной промышленности, 5% — бумажной, 6% — на торговые компании и 28% — на разные компании, строительные, сельскохозяйственные, коммунальные и т. п.³

Тесная связь концерна с правительством, армией, прочные позиции в Манчжоу-го и Китае, его крупные размеры, большой удельный вес компаний тяжелой промышленности в концерне, длительный опыт использования военной подготовки и войны в интересах предпринимательства — все это, казалось бы, должно было привести к новому подъему концерна в годы войны.

В соответствии с «духом времени» семья Окура в 1942—1943 гг. произвела перестройку управления концерном аналогично тому, как это сделали владельцы концерна Мицубиси. Взамен ликвидированной головной компании «Окура гуми» был создан орган под названием «Окура сохонбу»

¹ «Хрестоматия», т. X.

² Там же.

³ «Хрестоматия», т. I, стр. 179.

(«Окура-штаб»), который централизовал в своих руках управление всеми делами концерна.

Крупнейшая компания концерна — «Окура сйодзи» (торговая) была переименована в «Окура сангйю» (промышленная) — ей были подчинены все значительные промышленные компании, и ожидалось, что эта компания пойдет в гору так же быстро, как «Мицубиси дзюкогйю». Но действительность не оправдала этих ожиданий. Хотя военно-промышленные компании концерна значительно расширились, концерну не удалось занять ведущее положение ни в одной из важных отраслей промышленности. Большинство из 80 компаний, которые концерн прямо или косвенно контролировал, в 1943 г. продолжали оставаться компаниями средних или небольших размеров. Некоторые компании Окура играли все же существенную роль в военном производстве метрополии. К числу таких компаний должны быть отнесены: «Окура когйю» (горнорудная) с оплаченным капиталом в 51 млн. иен; «Тюо когйю» (центральная-промышленная) с капиталом в 10 млн. иен (все акции — в руках Окура), производившая оружие, боеприпасы и некоторые виды промышленного оборудования; три небольшие компании по производству автомобилей и самолетостроительная компания «Татикава хикоки» (оплаченный капитал 31 млн. иен), которую Окура контролировал, владея всего лишь 3% ее акций; вагоностроительная компания «Кися сэйдзо» (капитал 20 млн. иен); компания по производству металлического магния «Тэйкоку магнэзиум» и три-четыре значительные по размерам капиталов компании угледобывающей промышленности.

Более важное значение имели колониальные компании Окура. Концерн полностью контролировал вторую по размерам металлургическую компанию в Маньчжурии «Бэньсиху байтэцу» с капиталом в 200 млн. иен. Ему же принадлежала находившаяся в Бэньсиху компания по производству специальных сталей с капиталом 6250 тыс. иен и крупная цементная компания «Бэньсиху». Металлургические предприятия Окура в Маньчжурии снабжались коксующимся углем с контролировавшейся концерном Окура компании по добыче каменного угля в Бэньсиху, а затем с компанией под контролем Окура в Северном Китае. Усиленно развивая свои компании в Маньчжурии и Китае, Окура всемерно содействовал превращению Маньчжурии в антисоветский и антикитайский военный плацдарм японского империализма. Стоявший во главе концерна владелец большинства акций головной компании барон Киситиро Окура занимал видное место в политической жизни Японии. Во время войны он был президентом японо-итальянского общества. Его помощник Т. Кадоно

имел связи с мексиканскими капиталистами, использовавшиеся во время войны для получения американских самолетов и авиационных материалов¹.

Концерн Фурукава, так же как и Окура, еще до 1931 г. был одним из крупнейших из числа «второстепенных». Начало концерну было положено в 1874 г., когда его основатель — торговец тофу (род творога из соевых бобов) Итиба Фурукава закупил медный рудник в префектуре Ниигата. В дальнейшем быстрое развитие концерна Фурукава происходило на основе развития им добычи и рафинировки меди и производства изделий из меди. Фурукава считался медным королем Японии, и его концерн, так же как и концерн Сумитомо, строился как комбинат цветной металлургии (преимущественно меди, машиностроения и химии). В 1937 г. 87,5% всех капиталовложений концерна приходилось на тяжелую промышленность — это самый высокий процент среди всех «старых» концернов.

Из 87,5% — 40,4% приходилось на горнодобывающую промышленность, 25,3% — на металлургию и 21,8% на машиностроение. В химическую промышленность было вложено 4,4%, в резиновую (преимущественно производство электроизоляционных материалов) — 3,7% капиталов всех компаний Фурукава. На все остальные отрасли народного хозяйства приходилось всего 4,4% капиталов концерна².

Исключительно большая роль цветной металлургии и химии в войне, сосредоточенность капиталов концерна в указанных отраслях и высокая техника производства открыли благоприятные возможности для развития концерна.

Главной промышленной компанией концерна неизменно оставалась «Фурукава когёо» (горная) во главе с бароном Дзюдзун Фурукава. Эта компания является одновременно и головной держательской и головной оперативной компанией концерна. Из 1 млн. ее акций на долю барона Фурукава приходилось 586 тыс. Среди прочих акционеров, каждый из которых владел лишь небольшой суммой акций, были все главные концерны, что отражало собой финансовую зависимость Фурукава от последних. За время подготовки к войне и войны в составе концерна были созданы новые компании по добыче бокситов и выплавке алюминия, металлического магния, цинка и др.

В качестве промышленной компании «Фурукава когёо» имеет в своем ведении восемь медных рудников, в том числе один из крупнейших в стране — «Асио», пять угольных копей, три завода для плавки руды и четыре гидроэлектростанции.

¹ «Report of the Mission on Japanese combines», стр. 192.

² «Хрестоматия», т. I, стр. 166.

В качестве держательской компании она контролирует 10 главных дочерних компаний¹ и еще 46 небольших компаний. Капитал всех зависимых от Фурукава компаний в 1945 г. был равен 800 млн. иен. Их совокупная доля в добыче меди в стране составляла в 1942—1943 гг. 12%, серебра — 3,6%, угля — 2,5%, золота — 0,2%.² Особенно сильно выросли компании Фурукава по производству алюминия, металлического магния и никеля на Формозе и в Корее.

Концерн Фурукава, так же как и концерн Окура, не имел своей собственной кредитной базы и опирался на финансовую поддержку полуправительственных кредитных институтов и банка Дайити, принадлежавшего концерну Сибудзава, а впоследствии слившегося с банком Мицуи. В связи с отсутствием собственной кредитной базы Фурукава во многих случаях был вынужден продавать большие пакеты акций крупнейших компаний своим могущественным конкурентам — Сумитомо, Мицубиси, Ясуда, Асано.

В крупнейших компаниях, основанных концерном Фурукава, — в «Фурукава дэнки» (электрическая), «Нихон кэйкиндзоку» («Японская — легкие металлы»), «Нихон магнэзиум» («Японская-магниева») и других — Фурукава имел менее половины акций, а доля акций в руках Мицубиси, Асано, Сумитомо была настолько значительна, что эти компании скорее следовало считать межконцерновыми, нежели принадлежащими концерну Фурукава³.

Несмотря на трудности, связанные с отсутствием собственной кредитной базы, владельцы концерна Фурукава, опираясь главным образом на поддержку правительства и большой технический опыт своего персонала, не только сохранили самостоятельность концерна, но и значительно увеличили свои капиталы в годы войны. Капитал «Фурукава когё» увеличился с 10 млн. иен в 1933 г. до 44 млн. иен в 1943 г.; «Фурукава дэнки» — с 20 млн. иен в 1937 г. до 75 млн. иен в 1943 г.; «Фудзи дэнки» («Фудзи-электрическая») — с 10 млн. иен в 1937 г. до 37 млн. иен в 1943 г.

Основанная в 1935 г. с капиталом в 10 млн. иен на средства Фурукава — Мицубиси — Мицуи, компания «Нихон ару-

¹ Крупнейшие из этих компаний следующие: «Электротехническая компания Фурукава» («Фурукава дэнки когё»); «Химическая компания Тоа» («Тоа кагаку»); «Электрохимическая Асахи» («Асахи дэнка»); «Электрическая компания Канто» («Канто дэнриёку») и др. В компаниях «Нихон кэйкиндзоку» («Японская — легкие металлы») и «Нихон магнэзиум» («Японская-магниева») имеются крупные вложения Фурукава, но формально названные компании в концерн не входили.

² «Report of the Mission on Japanese combines», стр. 199.

³ Например, в «Фурукава дэнки» 12,5% акций принадлежало Мицубиси. Акционерами этой компании были также Сумитомо, Мицуи, Ясуда.

миниум» («Японская-алюминиевая») в 1943 г. уже имела 52 млн. иен оплаченного капитала. Основанная в 1939 г. компания «Нихон кэйкиндзоку» к 1943 г. превратилась в крупнейшую компанию промышленности легких металлов с капиталом в 100 млн. иен (30% — в руках Фурукава)¹.

Хотя за годы войны по размерам капиталов и экономической мощи некоторые из «новых» концернов обогнали Фурукава, последний к концу войны сохранил и упрочил свои позиции в качестве монополиста цветной металлургии и энергохимии.

Концерн Асано находился в сильнейшей финансовой зависимости от концерна Ясуда. Зависимость эта была столь велика, что некоторые исследователи вообще вычеркивали имя Асано из числа владельцев концерна или называли концерн Ясуда концерном «Ясуда-Асано». Однако оснований для такого рода «нигилизма» по отношению к Асано не было. Во-первых, далеко не все компании концерна находились в кредитной зависимости от Ясуда. Во-вторых, Асано неизменно сохранял все внешние атрибуты крупного самостоятельного концерна.

Компания «Асано додзоку» («Семья Асано»), переименованная в 1944 г. в «Асано хонся» («Асано-главная») существовала в качестве головной компании, и под ее контролем находилось несколько десятков крупных и средних компаний прямой и косвенной зависимости. О размерах концерна Асано до 1937 г. можно судить по данным табл. 43.

В-третьих, как мы видели выше, зависимость Асано и Ясуда определялась кредитами и занятием ставленниками Ясуда или членами его семьи руководящих должностей в крупнейших компаниях Асано; количество же акций в руках Ясуда было невелико.

Главным акционером головной компании является старший из четырех братьев Асано — Соитиро, владеющий 15% акций. Большая часть остальных акций — в руках других членов семьи Асано, которые к тому же еще занимают ведущие должности не только в компаниях Асано, но и в компаниях других концернов².

¹ «Хрестоматия», т. IX; «Тайван дзихо», март 1943 г. и др.

² «Отчет миссии Государственного департамента» указывает: «Четыре брата занимают в предприятиях Асано множество постов. Исключая Йосио, являющегося самым младшим, каждый из братьев занимает посты по крайней мере в тридцати компаниях... можно заметить наличие известной специализации: Соитиро, повидимому, занимается специально областью деятельности «Асано буссан» и ее дочерних компаний; Рйодзо и Хотиро занимаются цементными компаниями; Рйодзо представлен также и в «Нихон кокан»; Йосио специализируется в областях гристанского и транспортного хозяйства...» (стр. 184).

Число компаний и оплаченный капитал концерна Асано
по отдельным отраслям (1937 г.) *

О т р а с л и	Число компаний	Оплаченный капитал, млн. иен
Горнодобывающая промышленность	10	25
Металлургия	8	69
Производство цемента	11	81
Электромашиностроение	4	48
Транспорт	12	36
Строительство	9	22
Прочие	16	13
И т о г о	70	294

* „Хрестоматия“, т. IX, стр. 50.

До 1937 г. по общей сумме капиталов контролируемых компаний концерн Асано шел непосредственно за четвертьма главными концернами и разделял пятое-шестое места с концерном Окура. Будучи в основном концерном тяжелой промышленности, опираясь на свои компании в металлургии, концерн Асано в годы войны расширился и в некоторой степени освободился из-под контроля Ясуда. Достаточно напомнить об исключительно большой роли, которую играла в японской черной металлургии компания «Нихон кокан» — крупнейший аутсайдер по отношению к полугосударственному тресту «Нихон сэйтэцу». Президентом этой компании неизменно оставался Рёдзо Асано, а его ближайшим помощником был его зять и компаньон Мотодзиро Сираиси, который одновременно был директором нескольких компаний концерна Мори. Оба они играли выдающуюся роль в финансовой олигархии Японии, в определении экономической политики японского империализма.

Количество компаний, контролируемых Асано, к 1943 г. выросло до 94, а размеры их капиталов — до 700 млн. иен¹. Асано удалось в годы войны поглотить ряд мелких и средних компаний цементной и металлургической промышленности².

¹ «Нихон сянгио кэйдзай», июнь 1943 г.

² «Асано сэмэнто» поглотила четыре цементные компании, «Асан дзюкогё» (тяжелая промышленность) поставила под свой контроль машиностроительную компанию концерна Окура — «Окура сэйко» и т. д.

Капитал его главной дочерней компании «Нихон кокан» увеличился с 30 млн. иен в 1937 г. до 223 млн. иен в 1944 г.¹, а ее активы — со 116 млн. иен в 1936 г. до 857 млн. иен в 1944 г. Ее чистая прибыль увеличилась с 9 млн. в среднем в год в 1935—1937 гг. до 35 млн. в последние годы. Наряду с этим «Нихон кокан», которая вместе со своими 20 дочерними компаниями производила около 20% всего японского проката, получала огромные кредиты как от правительства, так и от коммерческих банков: ее задолженность к концу войны приблизилась к 400 млн. иен, причем среди кредиторов попрежнему главным оставался Ясуда. Капитал второй по значению дочерней компании — «Асано сэменто» («Компания по производству портландского цемента») увеличился с 63 млн. в 1937 г. до 77 млн. иен в 1941 г.¹, в то время как большинство цементных компаний страны закрылось. Доля этой компании в производстве асбеста в Японии повысилась с 1940 до 1944 г. с 36 до 63%, а в производстве портландского цемента — с 23 до 34%². Владелец компании «Асано сэменто» — Соитиро Асано был председателем контрольной ассоциации по цементу.

Борьба между Асано и Ясуда в годы войны отнюдь не прекращалась, и Ясуда удалось в эти годы поставить под свой полный контроль некоторые значительные по размерам промышленные компании Асано («Тойо кисэн», «Оки дэнки»), и, что особенно важно, банк «Нихон тюя» («суточный»), который Асано безуспешно пытались превратить в свою кредитную базу. К концу войны 90% ценных бумаг головной компании находилось в залоге у банка Ясуда. И если в годы войны, в связи с обильным государственным кредитованием, Асано удалось в значительной мере освободиться от «опеки» Ясуда, то с окончанием войны концерн Асано вновь столкнулся с угрозой поглощения концерном Ясуда.

Банковские концерны Сибудзава, Кавасаки, Номура и др.

Во всех империалистических странах сращивание банковского и промышленного капитала и образование финансового капитала не вызвали прекращения конкурентной борьбы между банками и промышленностью. Даже внутри монополистических объединений идет борьба между банковскими и промышленными компаниями, господствующими акционердеражателями которых часто являются разные лица и разные группировки капиталистов. Кроме того, процесс сращивания отнюдь не

¹ «Хрестоматия», т. IX, стр. 54; «Oriental Economist», март, 1944 г.

² «Report of the Mission on Japanese combines», стр. 185.

привел к полному стиранию грани между монополиями по преимуществу банковскими и монополиями по преимуществу промышленными. В годы войны в воевавших странах промышленные монополии имели преимущества над банковскими. В Японии это преимущество выражалось в том, что кредитование военной промышленности правительство зачастую брало на себя. Нередко правительство обязывало коммерческие банки кредитовать промышленные компании на определенных, выгодных для промышленников и менее выгодных для банкиров, условиях. Прямым результатом приоритета промышленности по отношению к банкам в военное время было частичное высвобождение Асано из-под контроля Ясуда. Другим результатом указанного обстоятельства было ослабление удельного веса второстепенных кредитных концернов и переход их кредитных институтов под контроль банков «главных» концернов.

До первой мировой войны концерн Сибудзава, основателем которого был выходец из самурайства, ставший после революции Мэйдзи вице-министром финансов, занимался смешанной деятельностью и был одним из серьезнейших конкурентов четырех крупнейших концернов. Ближе всего концерн Сибудзава по своему характеру походил на Ясуда, основой его предпринимательства был кредит.

Кредитные операции концерна еще более расширились после первой мировой войны, когда основой концерна стал его банк Дайити, который принадлежал к банковской «большой пятерке» и кредитовал крупнейшие промышленные компании, например «Исикавадзима дзосэн» (судостроительная), «Исикавадзима хикоки» (самолетостроительная), компании концернов Фурукава и Асано. Банк Дайити, целиком зависевший от головной компании Сибудзава — «Сибудзава додзоку» («семья Сибудзава»), стоял во главе банковского треста, объединявшего шесть крупных банков, капитал которых в 1937 г. составлял 84 млн. иен, а сумма вкладов — 1167 млн. иен¹. Во многих промышленных компаниях, кредитовавшихся банками треста «Дайити», семье Сибудзава принадлежали крупные пакеты акций. В 1937 г. Сибудзава попытался увеличить свои капиталовложения в военные отрасли промышленности. Однако ему не удалось побороть конкуренцию четырех «главных» и «новых» концернов. Концерн Сибудзава был отброшен его конкурентами далеко назад, и в начале 1943 г. его основная компания — Дайити-банк — слилась с банком Мицуи, в результате чего был образован новый банк — Тэйкоку. В момент слияния по сумме вкладов

¹ «Хрестоматия», т. IX, стр. 141.

и числу филиалов банк Дайити был значительно сильнее, чем банк Мицуи. Последнему, однако, удалось, опираясь на всю мощь своего концерна, подчинить себе Сибудзава. Члены семьи Сибудзава заняли в Тэйкоку-банке такое же положение, какое занимали в других компаниях Мицуи Г. Фудзивара, С. Икэда и другие ответственные служащие и компаньоны семьи Мицуи.

Формально концерн Сибудзава сохранил свою самостоятельность: осталась существовать компания «Сибудзава додзоку» как головная компания концерна. Однако в опубликованном американскими властями в 1946 г. списке 41 крупнейшей холдинг-компании Японии «Сибудзава додзоку» занимала последнее место как по сумме ее собственных капиталов (всего 6,3 млн. иен), так и по сумме оплаченных капиталов пяти подчиненных ей компаний (всего 8,6 млн. иен)¹. Эти данные, разумеется, недостаточны для того, чтобы составить полное представление о том, в каком состоянии пришел к окончанию войны некогда могущественный концерн Сибудзава. Глава концерна Кэйдзо Сибудзава занимал в послевоенном кабинете Иосида в 1946—1947 гг. должность министра финансов и имел достаточные возможности скрыть размеры своих капиталов и свои финансовые связи от американских властей, прокладывающих дорогу в Японии для американских монополий. Но независимо от этого не подлежит сомнению, что концерн Сибудзава, потеряв контроль над банком Дайити, перестал в последние годы войны играть самостоятельную роль среди японских концернов и был низведен до роли одного из влиятельных компаньонов Мицуи.

Такая же судьба постигла и другой банковский концерн — концерн Кавасаки², который до 1937 г. в качестве банковского концерна следовал непосредственно за четырьмя главными концернами и за концерном Сибудзава. Сумма вкладов 20 банковских, страховых и доверительных компаний Кавасаки составляла в конце 1936 г. 1,2 млрд. иен; 70% из 99 млн. капиталов Кавасаки было вложено в кредитные институты³. Концерн занимался преимущественно кредитованием средних и мелких промышленных и торговых компаний; его опорой был банк Дайхяку («сотый»), игравший в концерне Кавасаки такую же роль, какую банк Дайити играл у Сибудзава. В 1943 г. банк Дайхяку был поглощен банком Мицубиси, после чего концерн Кавасаки перестал

¹ «Summation», № 13, сентябрь 1946 г.

² Не следует смешивать с военно-промышленным концерном того же названия, о котором речь ниже.

³ «Хрестоматия», т. I, стр. 166 и 222.

фигурировать в японской печати в числе самостоятельных концернов.

Кроме вышеупомянутых, среди японских банковских концернов в довоенные годы видную роль занимали концерны Номура, Ямагути, Коноикэ и Нода. О последних трех в японской печати в годы войны и после войны не встречалось почти никаких упоминаний. Повидимому, эти концерны разделили судьбу Кавасаки и Сибудзава, т. е. были низведены до роли третьестепенных фирм, зависимых от других концернов.

По-иному сложилась судьба концерна Номура, который является единственным из новых концернов, подвизавшихся по преимуществу в сфере кредита.

Еще в 1919 г. Номура был всего лишь одним из многочисленных ростовщиков, владельцем меняльной конторы в Осака. Свое обогащение концерн начал в годы послевоенного кризиса, когда он занялся скупкой за бесценок акций и долговых обязательств торгово-промышленных фирм, раздувшихся в годы войны и затем лопнувших. В том же году меняльная контора Номура превратилась в банк, который вначале занимался преимущественно брокерскими операциями на бирже, приносившими огромные барыши. Номура относится к числу ловких «гешефтмахеров», тех удачливых «гениев финансовых проделок», появление которых типично для эпохи империализма, когда «отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного или производительного, отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц»¹ достигает предельных размеров.

В 1937 г. концерн Номура уже занимал седьмое-восьмое место среди японских концернов. Собственный капитал его компаний достигал 90 млн. иен, а вклады в банк Номура и его кредитные и страховые компании составляли 500 млн. иен.

В то время как в главном промышленном районе Японии Канто (главные центры Токио — Йокохама) в сфере кредита господствовали банки Мицуи и Мицубиси, во втором по значению промышленном районе, кансайском (главные центры — Осака и Кобэ), господствовали банки Сумитомо и Номура.

В годы войны Номура с успехом удалось отразить настойчивые попытки банка Сумитомо с помощью правительства

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 226.

«присоединить» к себе банк Номура, подобно тому как Мицун «присоединил» банк Сибудзава, а Мицубиси — банк Кавасаки. Многократные проекты слияния банков кансайского района в один банк не были осуществлены. Номура и в годы войны оставался почти исключительно банковским концерном: в 1943 г. в его составе находились лишь четыре промышленные компании, из которых самая большая, «Номура когё», владевшая ртутными рудниками на острове Хоккайдо, имела оплаченный капитал в 10 млн. иен. Особенность структуры концерна Номура заключается в том, что Номура удаётся в дочерних компаниях удерживать в своих руках весьма большие по размерам контрольные пакеты акций, что, однако, в некоторой степени маскируется сложной системой участия — подобно тому, как это имело место в «старых» концернах еще до их реорганизации в военные годы¹.

Таким образом, Номура был единственным из второстепенных банковских концернов, которому удалось противостоять в годы войны мощной конкуренции главных концернов и концернов по преимуществу промышленных, занимавших особо выгодные позиции в борьбе против банковского капитала. Судя по упоминавшимся выше данным американского командования, Номура по размерам активов компаний, контролировавшихся его главной компанией — «Номура гомэй» (в 1946 г. — 4326 млн. иен), хотя и сильно отставал от четырех главных концернов², но уже занимал пятое место и был по размерам контролировавшегося капитала значительно впереди всех остальных холдинг-компаний, фигурировавших в американском списке «ограниченных компаний».

«Новые концерны»

Возникновение и развитие «новых», или, как их иногда называют, «молодых», концернов было прямым следствием острой конкурентной борьбы между магнатами финансового

¹ В головной компании «Номура и компания» семье Номура принадлежало 100% акций; в компании Номура по страхованию жизни 45,75% акций было в руках банка Номура, 30,5% — у торговой компании Номура, 5,1% — у членов семьи Номура и 5% — у головной компании; в торговой компании Номура — 78,75% акций в руках головной компании, 21,25% — у банка Номура; у банка Номура — 75,4% акций в руках членов семьи Номура, остальные — в руках разных компаний Номура и т. д. («Report of the Mission on Japanese combines», стр. 4).

² Соответствующие цифры: для Мицубиси — 51 млрд. иен, для Ясуда — 34 млрд. иен, Мицун — 32 млрд. иен, для Сумитомо — 21 млрд. иен. Резкое расхождение этих данных с данными, приведенными в главе IV, объясняется громадным обеспечением денег в 1945—1946 гг., в связи с чем размеры активов были переоценены.

капитала и наглядным примером неравномерности развития при империализме отдельных капиталистических трестов, концернов и других монополий. «Новые концерны» были созданы не государством и отнюдь не «людьми из технической интеллигенции», как это пытается изобразить К. Такахаши и многие другие японские буржуазные экономисты. Их создателями были, как правило, средние капиталисты, владельцы небольших промышленных, в том числе научно-исследовательских, компаний, существовавших в течение десятилетий, а также компаньоны владельцев главных концернов.

Превращению небольших компаний в концерны способствовала экономическая и политическая обстановка, создавшаяся в 1929—1931 гг. в связи с подготовкой к войне и начатой в 1931 г. войной. «Старые концерны» в первые годы не слишком торопились с развитием новых отраслей промышленности. Их наличные капиталы приносили им весьма высокие прибыли в старых, в особенности экспортных отраслях промышленности, в производстве средств потребления, во внутренней и внешней торговле, в сфере кредита. Потребовалось некоторое время для того, чтобы владельцы «старых концернов» пришли к заключению о целесообразности перекачки капиталов из старых, прочно монополизированных и высоко-прибыльных отраслей хозяйства в новые отрасли тяжелой и военной промышленности, в отрасли с длительным оборотом капитала, в отрасли, где капитальное строительство в первые годы было связано с известным риском, поскольку ни для кого не было ясно, какие масштабы примет война, как долго она продлится и чем кончится. Естественная осмотрительность и осторожность магнатов дзайбацу в подготовке войны была одной из причин временных тактических разногласий между ними и авантюристическими кликами военщины. Хотя разногласия эти были кратковременными, все же некоторые из капиталистов, владельцев более или менее самостоятельных компаний среднего размера, сумели с успехом использовать эти разногласия для того, чтобы, заручившись поддержкой армии и правительства, получить большие кредиты и гарантии для развития новых отраслей промышленности, весьма прибыльные военные заказы. Пока «старые концерны» раскачивались, застрельщиками в развитии военных отраслей промышленности выступили капиталисты, которые могли мало потерять, но много выиграть.

Необходимо подчеркнуть следующие две особенности развития «новых концернов»: 1. «Новые концерны» выплыли на поверхность экономической жизни в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., совпавшего для

Японии с периодом начала войны в Китае (захват Маньчжурии). Их быстрое развитие приходится на период, предшествовавший вторжению Японии в центральные районы Китая (1937 г.). К этому времени «старые концерны», которые неизменно оставались господствующей силой в японской экономике и в политической жизни страны, уже успели перестроиться, занять ведущее положение также и в новых отраслях промышленности, в связи с чем в последующие годы развитие «новых концернов» резко затормозилось. Некоторые из них («Ниссан», Ногуты) оказались вынужденными перенести центр предпринимательства в колонии и на оккупированные территории, куда «старые концерны» неохотно вкладывали свои капиталы ввиду большого риска. 2. У всех «новых концернов» почти совершенно отсутствовала собственная кредитная база¹. В 1937 г. лишь 0,1% всех капиталов пяти крупных «новых концернов» («Ниссан», «Ниссо», Мори, «Нитицу», «Рикэн») приходилось на кредитные учреждения². Ввиду этого владельцы указанных концернов для мобилизации капиталов были вынуждены прибегать к широкой открытой продаже акций и займам правительственных кредитных учреждений и крупных банков «старых концернов». Финансовая зависимость «новых» концернов от «старых» была и осталась очень велика.

Перейдем к рассмотрению развития крупнейших «новых концернов».

«Ниссан» — «Мангё» — «Хитати»

Крупнейший из новых концернов «Нихон сангё» («Японское производство», сокращенное название — «Ниссан») возник после произведенной в 1928 г. реорганизации горнопромышленной компании «Кухара когё». «Кухара когё» в годы первой мировой войны был крупным горнопромышленным концерном. Помимо горнопромышленных, в его составе были также компании по производству сельскохозяйственных удобрений, торговые, страховые и др. После первой мировой войны дела концерна резко ухудшились и он был отброшен назад в число второстепенных компаний горной промышленности.

В 1928 г. Кухара заявил о прекращении промышленной деятельности и передаче всех дел своему сводному брату Гисукэ Аюкава. Об уходе Кухара японский журнал

¹ Исключение представлял концерн Номура, который, однако, лишь условно может быть назван новым, так как он, как мы видели выше, возник раньше других «новых концернов».

² «Хрестоматия», т. I, стр. 196.

«Экономисуто» в 1935 г. писал следующее: «В 1928 г. Кухара, страдая от различных болезней, решил отойти от дел. Что это были за болезни, уже не помню, но в число их входили главным образом нужда в деньгах и лихорадочное желание стать министром»¹.

«Уход» Кухара означал, что сводные братья по-семейному поделили между собой роли: Кухара стал одним из реакционнейших лидеров буржуазно-помещичьей партии сэйюкай, неоднократно входил в состав правительства в качестве министра и был наиболее близок к военщине (точнее — к группировке «молодого офицерства»). Именно его близость к правительству и армии обеспечивала благоприятные условия для развития концерна «Ниссан». Аюкава разделил «Кухара когё» на две кампании — «Японскую горнодобывающую» («Нихон когё») и «Ниссан». Первая должна была принять часть предпринимательства «Кухара когё», а «Ниссан» явиться холдинг-компанией, держащей акции «Нихон когё» и «Кухара когё». До 1932 г. эта реорганизация не принесла ее инициаторам успеха, но с захватом Японией Маньчжурии дела «Ниссан» быстро пошли в гору. Ее оплаченный капитал увеличился с 50 млн. иен в 1928 г. до 99 млн. иен в 1935 г. и до 225 млн. иен в 1937 г.² По общему размеру оплаченных капиталов, контролируемых компаний, «Ниссан» к 1937 г. выдвинулся на одно из трех первых мест — капиталы его 76 дочерних и внучатых компаний (не считая его самого) составляли 470 млн. иен против 848 млн. иен у Мицубиси и 1177 млн. иен у Мицуи.

Главной сферой деятельности концерна была горная промышленность, на которую в 1937 г. падало 36,1% его капиталовложений; на машиностроение в том же году приходилось 17%. На все отрасли тяжелой и на химическую промышленность приходилось 87,8% капиталовложений, 11,4% — на рыболовецкую и пищевую промышленность, лишь 0,3% — на кредитные компании и 0,5 — на торговые³. Таким образом, «Ниссан» развивался как концерн тяжелой, прежде всего горнодобывающей и машиностроительной, промышленности.

С самого начала «Ниссан» по своей структуре, по методам мобилизации капитала отличался от «старых концернов». Основным методом привлечения им капиталов была открытая продажа акций «широкой публике». Японские буржуазные экономисты не преминули использовать практику «Ниссан»

¹ Цит. по статье Н. Вайнцвайга «„Новые“ концерны в Японии», «Тихий океан», № 2 (8), июнь 1936 г., стр. 73.

² «Хрестоматия», т. VI, стр. 105.

³ «Хрестоматия», т. I, стр. 197.

для перенесения на японскую почву идей об «акционерной демократии», выдвинутых западноевропейскими и американскими фашистскими и социал-демократическими апологетами капитализма. Они ссылались на то, что в 1937 г. акциями «Ниссан» владели 50 000 человек, что его президент Аюкава владел лишь 21 тыс. из 4,5 млн. акций, что трем крупнейшим акционерам принадлежало лишь около 5% акций, и т. п. Жульнический демагогический характер подобных «аргументов» легко вскрывается при ближайшем знакомстве с историей «Ниссан». Если бы даже утверждение о рассредоточенности акций «Ниссан» соответствовало действительности, то все равно это означало бы только то, что «Ниссан» был создан группой крупных и средних капиталистов, объединивших свои капиталы для борьбы против «старых концернов», стремившихся опередить «старые концерны» в использовании новых возможностей прибыльного приложения капиталов, мечтавших разбить монополию «старых концернов» и самим занять их место. Создание «Ниссан» имело так же мало общего с «экономической демократизацией», как создание какой-нибудь новой буржуазной партии — с демократизацией политической. В действительности «рассредоточенность» акций была только ширмой, которая скрывала за собой монопольное господство сначала Аюкава — Кухара (над «Ниссан»), а затем — «старых концернов» (над «Ниссан» — «Мангё» — «Хитати»).

Развитие концерна «Ниссан» было весьма своеобразным.

Создателям «Ниссан», Кухара и Аюкава, удалось завоевать доверие владельцев небольших капиталов и сделать их держателями акций «Ниссан» путем ловкого использования недовольства средней и мелкой буржуазии закрытым характером «старых концернов», недоступностью акций последних для «широкой публики», путем раздувания через посредство фашистских организаций антикапиталистической демагогии. Разумеется, решающее значение для привлечения капиталов сыграл тот факт, что с 1934 г., после того как «Ниссан» расплатился с долгами, его акции стали приносить значительную прибыль.

Не меньшее значение имело также и то обстоятельство, что концерн с самого начала поддерживали влиятельные круги армии и правительства, что концерн рекламировался как орган «государственной политики», что ему были обеспечены правительственные заказы и поддержка полугосударственных кредитных институтов.

Все эти условия привели к тому, что «Ниссан», во-первых, смог быстро увеличить свои собственные капиталы, во-вторых, создать новые компании или увеличивать капиталы

перешедших к нему по наследству от Кухара небольших компаний, в-третьих, брать под свое покровительство средние и крупные промышленные компании независимых владельцев, опасавшихся разорения ввиду конкуренции «старых концернов».

Главная промышленная компания «Ниссан» — «Нихон когё» («Японская горнодобывающая»), созданная в 1929 г. на основе «Кухара когё», за восемь лет увеличила свой капитал с 50 до 137 млн. иен и превратилась в одну из самых больших компаний горной промышленности в стране. Ее прибыль в эти годы достигала 25%, а дивиденды — 14%. «Нихон когё» присоединила к себе крупную формозскую горно-промышленную компанию «Тайван когё» (капитал в 1937 г. — 30 млн. иен), принадлежавшую до 1933 г. независимому владельцу, и некоторые другие компании.

В области машиностроения крупнейшим успехом «Ниссан» было громадное расширение машиностроительной компании «Хитати сэйсакудзё». Компания эта существовала еще с 1908 г. в качестве ремонтной мастерской «Кухара когё». После реорганизации последней капиталы «Хитати» начали быстро возрастать: в 1933 г. ее капитал составлял 20 млн. иен, в 1935 г. — 40; в 1937 г. — 90; в 1939 г. — 200; в 1940 г. — 358 млн. иен. В дальнейшем «Хитати» поглотила несколько машиностроительных компаний, и ее оплаченный капитал к концу войны достиг 437 млн. иен (объявленный — 700 млн. иен), а совместно с 34 контролируемыми ею дочерними компаниями — 912 млн. иен.

За годы войны в связи с гигантским ростом предприятий «Хитати» и ее продукции¹ этот концерн выдвинулся на одно из первых мест в машиностроительной промышленности страны. По подсчетам «Ориентал экономист»², доля «Хитати»

¹ По данным «Отчета миссии Государственного департамента» (стр. 221—222), в годы войны имел место следующий рост стоимости продукции «Хитати» (в млн. иен):

Вид продукции	1935 г.	1944 г.
Электрические машины	33,2	198,4
Промышленные машины	10,1	160,3
Паровозы и подвижной состав	6,3	30,8
Электрический изолированный провод	8,7	47,9
Чугунные отливки и стальные продукты *	—	211,5
Аппаратура связи *	—	51,3
Вооружение **	—	158,8

* Производство начато в 1937 г.

** Заметных размеров (2,4 млн. иен) впервые достигло в 1938 г.

² «Report of the Mission on Japanese combines», стр. 222.

в общепонском производстве различных видов продукции составляла:

В и д п р о д у к ц и и	Процент
Электрические машины	30
Промышленные машины	10
Электрический провод и кабель	15
Паровозы	20
Электровозы	20
Железнодорожные платформы	7
Специальные стали	5
и т. д.	

В 1933—1934 гг. в результате слияний и реорганизаций разных независимых и полунезависимых компаний концерном «Ниссан» создаются и быстро занимают видное место в соответствующих отраслях: автомобилестроительная компания, несколько компаний химического производства во главе с «Нихон кагаку», компания в странах Южных морей по производству каучука, компании рыболовецкой промышленности во главе с «Нихон суйсан» и др. Из 81 дочерних и внучатых компаний, объединявшихся концерном в 1937 г., около половины были созданы самим «Ниссан» после его возникновения, другая же половина компаний существовала до создания «Ниссан» и принадлежала более или менее независимым владельцам¹.

Вскоре после первых больших успехов в расширении своих капиталов и компаний «Ниссан» пришлось столкнуться с острой конкуренцией со стороны «старых концернов», которые в 1932—1933 гг. начали также прибегать к открытой продаже акций и вкладывали капиталы в новые отрасли промышленности. «Старым концернам» без больших усилий удалось приостановить дальнейший рост «Ниссан» и оттеснить его с тех позиций, которые он занял в метрополии. Решающее значение при этом имело то обстоятельство, что «старые концерны» с самого начала заняли все командные должности в аппарате военного регулирования, в контрольных ассоциациях и т. п. Это означало потерю «Ниссан» его преимуществ при распределении военных заказов, в получении дефицитных видов сырья и материалов, кредитов и т. п.

В 1937 г. была произведена коренная перестройка концерна. Его руководители заключили «договор» с «правительством» Маньчжоу-го о создании на началах «совместного участия» японского и маньчжурского государственного и частного

¹ «Хрестоматия», т. VI, стр. 197.

капитала «Компании по развитию тяжелой промышленности в Маньчжурии» (сокращенное название — «Мангё»).

Правление «Мангё» (подробно о нем см. главу VI), во главе которого до 1943 г. стоял бывший директор «Ниссан» Аюкава, помещалось в «столице» Маньчжурии Чаньчуне. Добившись ликвидации «Ниссан» и перевода его правления на континент, ведущие круги японского финансового капитала убили сразу двух зайцев. Во-первых, они избавились от опасного конкурента в метрополии, которая неизменно оставалась центром их могущества; во-вторых, они создали орган, с помощью которого закабаление японским империализмом китайского народа в Маньчжурии, эксплуатация ее природных богатств, ее превращение в плацдарм войны против СССР могли производиться без больших капиталовложений «старых концернов», не желавших рисковать своими капиталами путем их вложения в маньчжурские предприятия.

В первые годы после ликвидации «Ниссан» дочерние компании последнего еще находились в составе концерна «Мангё». Но уже в 1942 г. даже эта формальная связь была ликвидирована — «Мангё» стал чисто маньчжурским концерном японского финансового капитала. Но некоторые из крупных компаний «Ниссан» в Японии продолжали существовать как самостоятельные. Среди этих компаний необходимо прежде всего отметить компанию «Хитати сэйсакудзё», которая, как мы видели выше, сама превратилась в значительный по размерам концерн военного и гражданского машиностроения.

Из числа дочерних компаний «Ниссан» после ликвидации последнего отпочковалась в качестве самостоятельного второстепенного концерна химической промышленности компания «Ниссан кагаку», которой в конце 1945 г. принадлежало 29 дочерних компаний (в том числе 14 в Японии) с оплаченным капиталом в 86 млн. иен. Сохранились в качестве крупных компаний соответствующих отраслей промышленности также принадлежавшие к «Ниссан»: «Нихон когё» (горная), «Ниппон суйсан» (рыболовецкая), «Нихон дзидося» (автомобильная) и некоторые другие.

Кто же был фактическим владельцем «Ниссан» — «Мангё» — «Хитати» и их дочерних компаний? Для ответа на этот вопрос необходимо познакомиться с их структурой.

Сама компания «Ниссан» к концу войны являлась сравнительно небольшой держательской компанией с капиталом в 10 млн. иен. Рядом с ней существовали еще две держательские компании — «Гисэй-кай», державшая в своих руках акции разных компаний на сумму 15,5 млн. иен, и приблизительно такая же по размерам капиталов компания под названием «Ниссан-кай».

Наряду с указанными тремя компаниями существовала еще одна, созданная в июне 1941 г., мощная компания «Мансю тоси сйокэн» — «Маньчжурская инвестиционная корпорация», являвшаяся держательской по отношению к «Мангё». Капитал «Мансю тоси» был в момент ее организации установлен в размере 400 млн. иен, что соответствовало сумме капитала, вложенного в «Мангё» японскими правительством и капиталистами.

Таким образом, помимо прямого господства над компаниями и предприятиями «Мангё», его японские владельцы еще перестраховали себя созданием специальной держательской компании, которая контролировала «Мангё» из Токио.

Между четырьмя названными держательскими компаниями, а также между ними, с одной стороны, и «Мангё», «Хитати» и их дочерними компаниями — с другой, существовали весьма сложные отношения, сводившиеся в конечном счете к обеспечению контроля над всем предпринимательством за «старыми концернами» и за Аюкава, который после неудачных попыток противопоставить себя «старым концернам» выступал как их главный приказчик в областях, где хозяйничали «Мангё» и «Хитати».

Взаимоотношения между названными компаниями сводились к следующему: «Маньчжурская инвестиционная» имела в своем портфеле приблизительно на 400 млн. иен акций «Мангё» и ее дочерних компаний, что давало ей возможность полного контроля над ними. Кроме того, эта же компания держала в руках 18,9% из 700 млн. иен акций «Хитати». Остальная часть акций «Хитати» была в руках Банка военных финансов (около 6%), двух доверительных компаний, шести компаний по страхованию жизни (из которых ни одна не владела более 3,2%) и около 60 тыс. мелких акционеров¹. При таком распылении (в сочетании с «личной унией» и другими средствами) пакет в 18,9%, несомненно, был в руках «Маньчжурской инвестиционной» достаточным средством для контроля над «Хитати». «Маньчжурская инвестиционная» владела также контрольными пакетами акций ряда других компаний, происходивших от «Ниссан»: в ее руках было около 38% акций «Японской горнодобывающей компании» («Нихон когё», капитал — 472 млн. иен), 92,5% акций автомобильной компании «Ниссан» (капитал — 120 млн. иен), около 24% акций рыболовецкой компании «Нихон суйсан» (капитал — 94 млн. иен) и др.².

¹ «Report of the Mission on Japanese combines», стр. 217.

² Там же, стр. 219.

Кто же контролировал «Маньчжурскую инвестиционную»? В момент ее организации, в 1941 г., из 400 млн. иен выпущенных ею акций на 395 млн. иен подписались 20 японских компаний по страхованию жизни, принадлежавших «старым концернам». Все это были акции с гарантированным «правительством» Манчжоу-го 5%-ным дивидендом, но без права голоса. Право же голоса было присвоено акциям на сумму в 5 млн. иен, и все эти акции были сосредоточены в руках вышеуказанной «Гисэй-кай», президентом которой являлся Аюкава. Эта же компания владела 7,5% акций автомобильной компании «Ниссан». Одновременно Аюкава являлся также президентом «Ниссан-кай», владевшей двумя третями акций держательской компании «Ниссан», причем остальная треть принадлежала «Маньчжурской инвестиционной».

«Система участия» дополнялась «личной унией» — Аюкава, помимо вышеуказанного, являлся председателем «Ниссан». Президентом же последней, а также «Маньчжурской инвестиционной» был помощник Аюкава — Микитаро Михо.

Таковы данные, свидетельствующие о том, что контроль над предпринимательством «Ниссан» — «Мангё» — «Хитати» был сосредоточен в руках Аюкава.

О том, что Аюкава выступил в конце концов в качестве доверенного лица «старых концернов», убедительно говорит уже то обстоятельство, что принадлежащие последним 20 компаний по страхованию жизни подписались на акции «Маньчжурской инвестиционной». Среди акционеров «Хитати» мы также встречаем компании «старых концернов»: две компании по страхованию жизни Мицуи («Тэйкоку»), Окура («Тийода»), Ясуда, доверительную компанию Номура и др.

История возникновения, быстрого развития и распада «Ниссан» — яркий пример и свидетельство острейшей конкурентной борьбы между различными кликами финансового капитала в годы войны. Никакие хозяйственные объединения Японии не могли долго существовать, если их предпринимательство шло вразрез с интересами господствующих клик финансовой олигархии и если сами эти объединения не опирались на мощь хотя бы одной из этих клик. За девять лет существования «Ниссан» (1928—1937 гг.) из среды его акционеров не успела выделиться узкая группа монополистов, которая смогла бы противопоставить давлению со стороны «старых концернов» достаточно мощные финансовые ресурсы, крупные пакеты акций и т. п. В то же время ни один из «старых концернов» не сумел подчинить себе «Ниссан» и не оказал ему поддержки против других концернов. При таких условиях ни «демократическая» мобилизация капиталов путем открытой продажи акций, ни преимущества в технике и

организации производства, ни первоначальные быстрые и большие успехи, достигнутые при поддержке армии и правительственных органов, не спасли концерн от распада — от «почетной ссылки» в Маньчжурию и подчинения предприятий, оставшихся в Японии и продолжавших расширяться — «старым концернам».

Концерны «Нихон тиссо» (Ногуты), «Нихон сода», Мори, Накадзима, Кавасаки, «Рикэн»

Как указывалось выше, характерной чертой всех «новых концернов» было отсутствие собственной кредитной базы. Постоянный недостаток капиталов заставлял их прибегать к займам у «старых концернов» или у правительства. В 1937 г. меньше половины (от 35 до 49%) основного капитала предприятий концернов «Нихон тиссо», «Нихон сода», Мори и «Рикэн» составлялось из вложений акционеров, остальная, большая часть составлялась из средств, полученных концернами в долгосрочный кредит. Как правило, среди держателей крупных пакетов акций указанных концернов были «старые концерны». Все «новые концерны» были тесно связаны с теми или иными «старыми концернами», поддерживались ими и находились от них в зависимости.

Концерн «Нихон тиссо» возник в 1926—1927 гг. на основе небольшой компании по производству электроэнергии и азотных удобрений, созданной еще в 1906 г. инженером Ногуты, получившим финансовую поддержку от Мицубиси и от него зависевшим. Главным полем предпринимательства концерна была Корея, где Ногуты с 1927 г. фактически выступал в качестве агента Мицубиси по строительству электростанций и производству химических удобрений. За 10 лет, с 1927 по 1936 г., капиталы «Нихон тиссо» увеличились с 45 млн. до 200 млн. иен. К 1937 г. «Нихон тиссо» превратился в большой комбинат химической и электроэнергетической промышленности. На долю двух указанных отраслей приходилось 88% оплаченного капитала его 26 компаний прямой и косвенной зависимости¹. Около 8% капиталов «Нихон тиссо» приходилось на разные отрасли тяжелой промышленности, обслуживавшие его энергохимические предприятия. К 1940 г. капиталы «Нихон тиссо» увеличились до 300 млн. иен, а в 1941 г. — до 350 млн. иен. С этого времени рост капиталов «Нихон тиссо» прекратился, что отражало уменьшение роли химической промышленности в войне.

¹ «Хрестоматия», т. I, стр. 191, 196.

Несмотря на большую зависимость от Мицубиси, еще в 20-х годах Ногуты отнюдь не был простой пешкой в его руках. Ногуты являлся крупнейшим после Мицубиси держателем акций концерна и одновременно президентом или директором большинства компаний прямой зависимости. Бурный рост «Нихон тиссо» в годы военно-инфляционной конъюнктуры сопровождался ослаблением его зависимости от Мицубиси. В 1932 г. Мицубиси продал часть акций «Нихон тиссо» и перестал также быть главным кредитором концерна. Одновременно представители Мицубиси ушли с ответственных постов, которые они занимали в ведущих компаниях «Нихон тиссо».

С уходом Мицубиси положение Ногуты в качестве хозяина и руководителя концерна сильно укрепилось. Он стал его главным акционером¹, президентом или директором в 18 из 26 компаний концерна. На основании этого автор исследования о концерне «Нихон тиссо» Мицутаку приходит к выводу о том, что Ногуты с 1933 г. стал полновластным хозяином концерна. Однако этот вывод опровергается данными, приводимыми тем же автором. Кредитная зависимость концерна оставалась очень большой: из 183 млн. иен пассивов «Нихон тиссо» (на ноябрь 1936 г.) только 67,5 млн. иен приходилось на долю акционерного капитала, остальной капитал был заемный. В качестве кредиторов концерна место банка Мицубиси заняли полуправительственные Промышленный банк и Корейский банк, а также банки концернов Сумитомо, Сибудзава и Ясуда. Мицубиси продолжал оставаться одним из крупных акционеров «Нихон тиссо».

Концерн занял весьма крупное место в энергохимической промышленности: на его долю в 1936 г. приходилось свыше 20% капиталовложений 13 крупнейших концернов химической промышленности и 32% производства сульфат-аммония.

Хотя после 1937 г., в связи с конкуренцией «старых концернов», и особенно после 1941 г., в связи с общим упадком химической промышленности, развитие «Нихон тиссо» затормозилось, все же концерну удалось до конца войны сохранить весьма прочные позиции в энергохимической промышленности. Концерну помогло то обстоятельство, что большая часть его предприятий находилась в Корее, куда в связи с бомбардировками Японии эвакуировались многие японские предприятия.

На базе энергетических ресурсов Кореи была создана корейская энергопромышленная компания с капиталом

¹ В 1936 г. из 1800 тыс. акций «Нихон тиссо» Ногуты принадлежали 320 тыс., а Мицубиси — 79 тыс. («Хрестоматия», т. XI, стр. 123—124).

в 300 млн. иен, объединившая все электроэнергетические компании Кореи. Главенствующее положение в новой компании занял «Нихон тиссо».

По данным «Отчета миссии Государственного департамента» (стр. 209), к концу войны «Нихон тиссо» контролировал прямо или косвенно 17 компаний в Японии и 25 — за рубежом (почти все — в Корее). Капиталовложения «тиссо» во все эти компании превышали 500 млн. иен.

Акции «Нихон тиссо» находились в руках 30 700 акционеров, среди которых наиболее крупным (владевшим 6,5% акций) была держательская компания «Ниттицу сёкэн», где полным хозяином оставался Ногути. Среди других акционеров (каждый из которых, однако, не владел более чем 2,5% акций) — компании концернов Мицубиси, Сумитомо, Номура, Ясуда и др. Среди кредиторов «тиссо» главными были полугосударственные банки — Корейский, Сельскохозяйственный, Военных финансов.

Распыленность акций позволяла Ногути контролировать предпринимательство концерна с помощью сравнительно небольшого пакета акций и посредством «личной унии». Не только сам Ногути являлся директором большинства дочерних компаний «тиссо», но между «тиссо» и дочерними компаниями имел место широкий обмен персоналом, служивший закреплению контроля Ногути.

История другого химического концерна — «Нихон сода» — во многих отношениях аналогична истории «Нихон тиссо». Концерн возник из небольшой химической компании того же названия, основанной в 1920 г. инженером-химиком и коммерсантом Томоёя Накано с капиталом в 750 тыс. иен. Две маленькие фабрики — лаборатории компании — были заняты производством каустической соды аммиачным способом и некоторых других химических продуктов по патентам европейских химиков. Впоследствии Накано изобрел собственный способ производства азотистых соединений, известный в Японии под названием «электролитического способа Накано». Некоторое оживление дел прозябавшей дотоле компании началось с 1926 г., когда ей удалось присоединить к себе еще одну небольшую фабрику и удвоить оплаченный капитал. В годы экономического кризиса (1929—1933) компания Накано снова удвоила капитал, присоединив предприятия разорившейся компании «Такада когё». Уже с 1926 г. «Нихон сода» приносила своим владельцам не ниже 20% прибылей в год и выплачивала 10% дивидендов.

Бурный рост компании начинается с 1933 г., когда в связи с военно-инфляционной конъюнктурой потребность в химических продуктах для промышленности и для армии (ОВ) резко

возросла. В 1933 г. «Нихон сода» получает 48%, а в первой половине 1934 г. — 84% прибыли. За шесть лет — с 1934 по 1939 г. — оплаченный капитал компании «Нихон сода», ставшей за эти годы уже концерном, увеличивается в 30 раз — с 5,2 млн. иен до 165 млн. иен¹. Такой неслыханно быстрый рост происходил, конечно, не только за счет собственной прибыли: в указанный период «Нихон сода» присоединяет к себе множество других химических компаний и основывает ряд новых компаний на собственные и заемные средства. В 1937 г. в составе концерна-комбината «Нихон сода» уже было 33 компании прямой и косвенной зависимости, в том числе ряд крупнейших компаний страны по производству аммиачной селитры и других азотистых, а также сернокислотных соединений, искусственного шелка, искусственной шерсти, взрывчатых веществ и др. На концерн в 1937 г. приходилось 20% всех капиталовложений 13 крупнейших концернов страны в химическую промышленность.

Зависимость концерна от внешних кредитов была очень велика: в 1937 г. около 60% его капиталов приходилось на долгосрочные кредиты. Главным кредитором концерна было правительство, которое обильно субсидировало концерн, а в 1935—1937 гг. отпустило ему через Промышленный банк 50 млн. иен кредитов, что в несколько раз превышало акционерный капитал компании «Нихон сода». Кроме того, концерн в годы его наибольших успехов получил также кредиты от Сибудзава, Мицубиси, Ясуда, Номура, Санва, Кавасаки и других крупнейших коммерческих банков. Почти все «старые концерны» протягивали свои щупальцы к удачливому новичку, научившемуся, как о нем писали, «делать деньги из поваренной соли».

Кто же был хозяином «Нихон сода»? Накано не допускал сосредоточения большого числа акций в руках кого-нибудь чужого. Крупнейшими акционерами концерна были сам Накано и владельцы трех компаний концерна, тесно связанные с Накано и от него зависевшие. Этим четверем акционер-держателям в 1937 г. принадлежало 105 тыс. акций — почти столько же, сколько 50 другим акционерам, каждый из которых имел от 1000 акций и выше. Поскольку менее крупные акционер-держатели влияния на дела концерна иметь не могли, Накано, владея лично всего лишь 5% акций, был фактическим хозяином концерна. Его власть над концерном обеспечивалась занятием им многих директорских и президентских постов. Его относительная независимость обеспечивалась боль-

¹ «Хрестоматия», т. XI, стр. 246.

шим числом кредиторов и крупным удельным весом среди них полугосударственных банков.

Вследствие успешной конкуренции со стороны других концернов¹ и уменьшения роли химической промышленности, дела «Нихон сода» в годы войны резко ухудшились. Ее оплаченный капитал понизился с 165 млн. иен в 1939 г. до 137 млн. иен в конце войны. Его почти единственным кредитором (по долгосрочным кредитам) остался Промышленный банк, на долю которого приходится 372 млн. иен из 386 млн. иен долгосрочных обязательств «Нихон тиссо». Сама эта компания еще продолжала до конца войны играть значительную роль в химической промышленности, сохранив за собой около одной пятой производства каустической соды в стране, но ей не удалось сохранить контроль над дочерними компаниями — их общее число уменьшилось с 33 в годы расцвета концерна (1936—1937) до 6 небольших компаний с капиталом всего в 6 млн. иен — в конце войны. «Нихон сода», таким образом, фактически к концу войны перестал быть концерном.

Третьим крупнейшим «новым» концерном в химической промышленности был концерн Мори. Нобутэру Мори был совладельцем небольших, основанных еще в годы первой мировой войны химической и электроэнергетической компаний, которые то оживляли свою деятельность, то закрывались, пока, наконец, с созданием в 1925 г. на средства Мори, Судзуки и других капиталистов крупной энергохимической компании «Тосин дэнки» не было положено начало новому концерну. Дела компаний быстро пошли в гору — уже в 1934 г. ее капитал составил около 70 млн. иен.

Еще быстрее развивалась другая компания Мори — «Нихон дэнко» («Японская электропромышленность»), созданная в 1926 г. и ставшая главной компанией концерна: ее капитал увеличился за 10 лет (1926—1936) в сто раз — с 500 тыс. до 50 млн. иен. В 1928 г. основывается компания «Сйова хирйо» (удобрения) с капиталом в 1 млн. иен, в 1936 г. ее оплаченный капитал уже равнялся 22 млн. иен.

Все три указанные основные компании Мори были заняты производством удобрений, взрывчатых веществ и разных химических продуктов (в частности, цианамида кальция), а затем алюминия и магния. Своим стремительным ростом после многих неудач Мори целиком обязан военно-инфляционной конъюнктуре, покровительству военных кругов и

¹ Уже в 1937 г. «Нихон сода» был оттеснен концернами «Нихон тиссо», Мори, Мицуи и Фукудзава на пятое место по производству электролитическим способом каустической соды, производство которой было начато в Японии «Нихон сода» и в течение некоторого времени им почти целиком монополизировано.

правительства. В 1937 г. концерн объединял уже 20 компаний прямой и косвенной зависимости с капиталом в 206 млн. иен и превратился в крупнейший военно-промышленный комбинат энергохимии, производства легких металлов и горнодобывающей промышленности. В 1934—1935 гг. на его долю приходилось 84% всего производства алюминия в Японии, 40% производства цианамида кальция, 36% производства взрывчатых веществ¹.

В отличие от других «новых» концернов, концерн Мори по своей структуре был построен по типу «старых», «семейных» концернов: во главе стояла компания по держанию акций — «Мори когё» с капиталом в 10 млн. иен, все акции которой принадлежали семье Мори. Около 30% акций главной компании концерна «Нихон дэнко» находились в руках «Мори когё»².

Однако кредитная зависимость концерна Мори от «старых концернов» была столь же велика, как и в концернах «Нихон тиссо» и «Нихон сода». Главными кредиторами концерна Мори были банки Ясуда и Мицубиси. В особенности сильна была зависимость концерна Мори от концерна Ясуда, с которым он был также связан через концерн Асано. Один из руководителей концерна Асано Мотодзиро Сираиси одновременно был одним из директоров крупнейших компаний Мори. Со своей стороны Мори участвовал в основной компании Асано — «Нихон кокан».

Постепенно, с внедрением «старых концернов» (в первую очередь Сумитомо, Мицубиси, Фурукава) в новые отрасли промышленности и с развитием других «новых концернов» удельный вес концерна Мори в алюминиевой и химической промышленности падает. Уже в 1937 г. на его долю приходится лишь 35% производства алюминия (против 84% в 1934—1935 гг.), лишь 13% производства сульфат-аммония и 17,4% производства электролитической соды.

Организация предпринимательства по типу «семейных концернов» не помогла семье Мори: в 1939 г. ведущая компания концерна «Нихон дэнко» вливается во вновь созданную мощную энергохимическую компанию «Сйова дэнко». При этом Мори теряет свое монопольное положение в концерне. Руководство новой компанией переходит к семье Судзуки, бывшей компаньоном Мори в те далекие годы, когда оба еще были владельцами маленькой компании «Нихон йодо». «Сйова дэнко» занимает в концерне место не только «Нихон дэнки», но также и семейной компании Мори — «Мори

¹ Н. Вайнцвайг, там же, стр. 78.

² «Хрестоматия», т. XI, стр. 166.

когйю». К окончанию войны концерн Судзуки — Мори — «Сйова дэнко» пришел как один из третьестепенных концернов, сильно зависимый в финансовом отношении от «старых концернов»

Среди машиностроительных «новых концернов» наиболее крупным был концерн Накадзима¹. Морской офицер Тикухэй Накадзима в 1917 г. оставил военную службу и основал одну из первых в Японии самолетостроительных компаний — «Накадзима хикоки сэйсакудзё». В начале своей деятельности Накадзима был тесно связан с Мицуи и получал от него кредиты. После почти 20-летнего развития в 1934—1935 гг. в руках Накадзима были три компании, капитал которых не превышал 20 млн. иен². Накадзима выступал как крупнейший конкурент в области самолетостроения концерна Мицубиси, который основал свою самолетостроительную компанию почти одновременно с Накадзима.

С 1936—1937 гг. начинается быстрый подъем Накадзима. В 1938 г. капитал его основной компании «Накадзима хикоки» увеличивается с 20 млн. иен до 50 млн. иен. При этом Накадзима, так же как и Мори, строит свой концерн по принципу старых «семейных концернов». 99,9% акций Накадзима хикоки принадлежит пяти членам семьи Накадзима (в том числе более половины — Тикухэй Накадзима) и лишь 0,1% — четырем ответственным служащим компании³. Такую роскошь Накадзима мог себе позволить только потому, что он опирался на колоссальную поддержку полуправительственных кредитных институтов, в первую очередь Промышленного банка.

Самолетостроительная промышленность как «сверхударная отрасль» получала неограниченные кредиты от правительства⁴. За три с половиной года войны на Тихом океане компания «Накадзима хикоки» получила от Промышленного банка кредиты суммой в 2,5 млрд. иен⁵, т. е. в 50 раз больше ее оплаченного капитала. К тому же покупка

¹ После окончания войны этот концерн переименован в «Фудзи».

² Н. Вайнцвайг, там же, стр. 79.

³ «Нихон сангё кэйдзай», 26 ноября 1945 г.

⁴ «История компании Накадзима, — написано в «Отчете миссии Государственного департамента» (стр. 193), — представляет собой историю развития в Японии современной авиации с помощью щедрых правительственных субсидий, предоставляемых в форме прямых дотаций, скидок с налогов и т. д.». «Отчет» приводит список 12 крупных самолетостроительных заводов, построенных компанией, начиная с 1938 г. По данным «Отчета», при величине опубликованных активов в 3493 млн. иен задолженность Накадзима Промышленному банку к концу войны составила 3374 млн. иен (стр. 194).

⁵ «Нихон сангё кэйдзай», 26 ноября 1945 г.

Накадзима на 30 млн. иен акций, выпущенных дополнительно в 1938 г., была произведена не на собственные средства, а на средства, полученные в кредит от того же Промышленного банка. Столь обильное кредитование со стороны правительства позволило не только успешно бороться против Мицубиси, но и освободиться от «опеки» Мицуи.

Производство самолетов (фюзеляжей) на предприятиях Накадзима увеличилось с 1142 единиц в 1941 г. до 5641 в 1944 г.; моторов за те же годы — с 3993 до 11 650¹. В 1944 г. между Мицубиси и Накадзима, при участии министерства вооружений, в котором оба эти концерна играли доминирующую роль, был произведен раздел сфер влияния. Все связанные с авиационным производством заводы западной части Японии, где находились главные самолетостроительные заводы Мицубиси (Нагасаки), были подчинены «Мицубиси дзюкогё»; предприятия в восточной части (за исключением принадлежавших Кавасаки) были подчинены «Накадзима хикоки». Концерн Накадзима стал хозяином девяти крупнейших самолетостроительных заводов страны и распорядителем 2500 предприятий-смежников². В последний год войны Накадзима успел построить новый большой подземный самолетостроительный завод в Фукусима. Число его дочерних компаний возросло с 0 в 1931 г. до 68 в 1945 г.

Одна из причин особого благоволения правительственных органов к Накадзима заключалась в том, что Накадзима был не только хозяином концерна, но и крупнейшим политическим деятелем финансовой олигархии. В годы, предшествовавшие войне, Накадзима возглавлял в партии сэйюкай крайне реакционную фракцию, наиболее близкую к военщине. Накадзима неоднократно входил в качестве министра в состав японских кабинетов³.

Таким образом, Накадзима, умело используя свое влияние в правительстве, получал от правительства огромные кредиты, сумел превратить свою скромную в довоенные годы

¹ «Нихон сангё кэйдзай», 26 ноября 1945 г.

² Там же.

³ Вот перечень официальных политических постов, которые занимал Накадзима начиная с 1930 г.: февраль 1930 г. — избран членом парламента; июнь 1937 г. — вступил в должность министра железных дорог; апрель 1939 г. — избран президентом партии сэйюкай; октябрь 1940 г. — назначен советником кабинета министров; ноябрь 1940 г. — назначен постоянным советником Ассоциации помощи трону; февраль 1942 г. — назначен в комитет совета по разработке конституции «великой Восточной Азии»; март 1943 г. — назначен советником Политической ассоциации помощи трону; апрель 1945 г. — назначен на должность министра вооружений; тогда же — назначен на должность министра торговли и промышленности («Report of the Mission on Japanese combines», стр. 193).

компанию в огромный самостоятельный концерн-комбинат самолетостроительной промышленности. Хотя по размерам оплаченных капиталов своих 65 компаний и по размерам их активов Накадзима и к концу войны был в пять-десять раз слабее четырех главных концернов, но по своей роли в военной промышленности как поджигатель войны, как финансовый магнат, сделавший войну прибыльным для себя предприятием, Накадзима вполне заслужил одно из первых мест на скамье подсудимых среди японских военных преступников. Только стремление американских империалистов использовать японскую финансовую олигархию в качестве своей агентуры, в Японии спасло Накадзима, как и других людей дзайбацу, от заслуженного возмездия.¹

Своеобразное место среди «новых концернов» занимал концерн Кавасаки² — третий после Мицубиси и Накадзима в самолетостроении и один из крупнейших центров судостроения. Этот концерн можно было бы назвать «межконцерновым концерном». Его головная компания, ныне известная под названием «Кавасаки — тяжелая промышленность» («Кавасаки дзюкогё»), была основана еще в 1894 г. Мусадзо Кавасаки — дедом Ясикума Кавасаки, бывшего до конца войны ее директором-распорядителем. К концу первой мировой войны капитал компании достиг 45 млн. иен, однако впоследствии, во время финансового кризиса 1927 г., компания обанкротилась, и Ясикума Кавасаки, сохранив незначительную часть (к концу войны 6500 — менее 0,1% всего количества акций), остался лишь в качестве одного из ответственных служащих компании, которая продолжала существовать, попав в зависимость к старым концернам (главным образом — Сумитомо)³.

Бурный рост концерна начался после захвата Японией Маньчжурии — объявленный капитал головной компании увеличился с 80 млн. иен в 1933 г. до 200 млн. иен в 1940 г. и до 600 млн. иен в 1943 г. Размер выплаченных Кавасаки дивидендов увеличился с 3680 тыс. иен в 1935 — 1936 гг. до 26 млн. иен в 1944—1945 гг. Поскольку этот концерн занял видное место в японской экономике лишь в 30—40-х годах, его

¹ В декабре 1945 г. Накадзима был арестован американскими властями, но через несколько недель освобожден «за отсутствием улик».

² Военно-промышленный концерн Кавасаки не следует смешивать с банковским концерном того же названия, владевшим «Сотым» (дайхяку) банком (см. стр. 255).

³ Среди полусотни тысяч акционеров Кавасаки были Сумитомо (5,9% всех акций), Пароходная компания Ямасыта (5,5%), ОСК (Осака сёйсэн кайся — пароходная компания, контролировавшаяся несколькими «старыми» концернами) и другие компании «старых» концернов.

следует причислить к числу «новых», тем более, что своему росту этот концерн был целиком обязан военным заказам. Главной областью предпринимательства его головной компании (дзюкогё) — «тяжелая промышленность»), которая была одновременно и держательской и оперативной, было военное и гражданское судостроение. Под контролем головной компании находились 36 дочерних компаний, которые почти все были созданы после 1936 г. Среди них главной была самолетостроительная «Кавасаки кокуи», созданная в 1937 г. и занимавшая следующее после Мицубиси и Накадзима место в военном авиастроении Японии. В других компаниях производились паровозы, подвижной состав, электромоторы, оружие, станки, а также сырье и инструменты для обслуживания основных производств¹.

В другом машиностроительном концерне — концерне Рикэн, который вырос из физико-механического экспериментального института и представлял собой комбинат экспериментального военного машиностроения, контроль осуществлялся «старыми концернами» с помощью кредитов. Задолженность Рикэн была столь велика, что, как указывает «Отчет миссии Государственного департамента», заложенная на все его имущество находилась в руках специального финансового синдиката, состоявшего из Промышленного банка и банков Тэйкоку (Мицуи), Ясуда, Сумитомо и Номура².

Таким образом, к концу войны большинство из «новых концернов», особенно «Хитати», «Нихон тиссо», «Нихон сода», Кавасаки и «Рикэн», будучи оттеснены в военной промышленности на второстепенные и третьестепенные места, находились под фактическим контролем «старых концернов» или зависевших от последних полугосударственных кредитных институтов.

Концерн «Тэнно» («Императорский») ³

Японская монархия была и осталась политическим оплотом господства японских дзайбацу и помещиков. Идеологический аппарат японского империализма немало сделал для того, чтобы внушить японскому народу представление об императоре как о «земном боге». Всему миру известны ханжеские ритуалы религии синто, служившие воспитанию подданных императора в духе раболепия перед «потомком богини Аматэрасу». Японец не смел даже думать о том, что император может

¹ «Report of the Mission on Japanese combines», стр. 203—207.

² Там же, стр. 2.

³ «Тэнно» или «микадо» — японский император.

заниматься какими-нибудь иными земными делами, кроме «управления государством на благо подданных». Чтобы облегчить «земному богу» выполнение его благочестивых функций, ежегодно в государственном бюджете в качестве первой статьи расходов («расходы по цивильному листу») значилось: «императорский двор — 4,5 млн. иен». Сумма эта оставалась «священной» и неизменной в течение многих лет.

Если исходить из 5% дохода по ценным бумагам, император был владельцем капитала в 90 млн. иен, т. е. капитала, равного оплаченному капиталу крупнейших из второстепенных концернов. Но подобные кощунственные сравнения не должны были приходить в голову верноподданным «его величества» — никаких данных об имуществе императора в Японии начиная с 1925 г. не публиковалось.

Лишь после окончания войны были опубликованы некоторые цифры, говорящие о богатстве императора, и завеса над «святая святых» японского империализма слегка приоткрылась. «Потомок богини» предстал в образе взяточника и казнокрада, богатейшего помещика и одного из первых капиталистов в современной Японии. Как ни велика сумма в 4,5 млн. иен, отпускавшаяся ежегодно по бюджету, принимая во внимание роскошь и многочисленную прислугу императорского двора¹, невозможно себе представить, чтобы из этой суммы можно было отложить состояние в 1591 млн. иен — именно такова самая скромная оценка имущества императорской фамилии². В эту сумму входят принадлежащие императору и членам его семьи:

	Млн. иен
Наличные деньги и ценные бумаги	336
В том числе:	
Облигации государственных займов	138
Облигации займов местных самоуправлений . . .	26
Акции	88
Облигации компаний	59
Наличные деньги	25
Земельные владения	362
Лесные угодия	593
Строения	299

Императорская фамилия владела акциями в 29 банковских промышленных и торговых компаниях страны. Наиболее круп-

¹ При императоре имелись обслуживавшие лично его и членов его семьи «совет по делам кухни», «совет по делам поэзии», «врачебный совет» и т. д.

² «Ниппон таймс», 1 ноября 1945 г.

ные пакеты акций императорская фамилия имела в следующих компаниях:

	Число акций, тыс.	Сумма, тыс. иен
Японский банк	208	20 800
Иокохама спэши банк	209	21 550
Промышленный банк	46	1 420
Формозский банк	30	1 891
Тойо кайхацу (Восточно-Колонизационная компания)	50	1 875
Банк Тэйкоку (Мицуи)	29	1 280
Компания судостроительной и каменно-угольной промышленности Хоккайдо	154	6 700
Нихон юсэн кайся (судоходство)	161	8 260
Одзи сэйси (Мицуи, бумажное производство)	61	3 582
Канто дэнки (электропромышленность района Канто)	35	1 738
ЮМЖД (Южно-маньчжурская железная дорога)	84	3 290
Компания по производству сахара на Формозе	40	1 980

В связи с опубликованием этих цифр нелишне еще раз напомнить, что японские императоры в течение 250 лет, до 60-х годов XIX в., были пленниками всемогущих сёгунов, которые держали императоров в «черном теле»: последние не имели никаких владений за пределами своего дворца в Кйото, и история зафиксировала случаи, когда императорские семьи буквально голодали. Таким образом, нынешние несметные богатства накоплены лишь тремя поколениями императоров — Муцухито, Йосихито и ныне здравствующим под охраной американских штыков Хирохито.

Бесполезно гадать о том, какая часть этих богатств приобретена императорами с помощью взяток и запуска рук в государственную казну и какая — путем «честного бизнеса», по «праву» любого финансового воротилы. Независимо от источников доходов императорского двора можно констатировать следующее:

1. Семья императора — самая богатая в Японии. Личное богатство владельцев главных концернов не превышает 1 млрд. иен, тогда как имущество императора — 1591 млн. иен.

2. Император — первый помещик Японии. У него (не считая лесных угодий) 1,3 млн. га — столько же земли, сколько у 3700 тыс. крестьянских хозяйств, владеющих площадью до 1 га земли (1316 тыс. га).

3. Как владелец ценных бумаг на сумму, превышающую 300 млн. иен, император является крупнейшим магнатом финансового капитала Японии. Обращает особое внимание тот факт, что император — держатель крупнейших пакетов акций Японского банка и Иокохама спэши банка. Таким образом, эти полугосударственные банки в сущности находились под контролем императорской семьи. Хотя в других полугосударственных компаниях, где участвовал император, сумма принадлежавших ему пакетов акций сравнительно невелика, но, учитывая его влияние в качестве главы государства, можно смело сказать, что и эти компании (Промышленный банк, Формозский банк, «Тойо кайхацу», ЮМЖД) в значительной степени находились под контролем императора как одного из крупнейших капиталистов страны.

Приведенные выше данные позволяют придти к выводу о том, что японский императорский двор принадлежит к числу главных японских концернов. «Тэнно-дзайбацу» занимает среди японских монополистов такое же место, какое занимают «Мицубиси-дзайбацу», «Мицуи-дзайбацу», «Сумитомо-дзайбацу» и «Ясуда-дзайбацу».

Разумеется, есть много черт, отличающих концерн «Тэнно» от всех других концернов. Его главный бизнес лежит в сфере лесных и земельных угодий. В составе концерна «Тэнно» не было холдинг-компаний, ее роль исполняло министерство двора. Наибольшее количество ценных бумаг в руках «Тэнно» приходится на кредитные институты; его вложения в промышленность и торговлю сравнительно невелики. Все эти черты отличия, однако, являются менее существенными, чем черты сходства между Тэнно и другими дзайбацу. Император Хирохито возглавлял шайку японских военных преступников не только как наемник и слуга клик дзайбацу и помещиков, но и как их полноправный член, как богатейший капиталист и помещик Японии.

* * *

«Для империалистов,— говорит товарищ Сталин,— война является наиболее доходной статьей. Не удивительно, что агенты империализма стараются так или иначе спровоцировать новую войну».

Рассмотренные выше данные о развитии отдельных концернов снова и снова свидетельствуют о том, что итогом войны явились: громадная концентрация производства и собственности в руках монополий, их быстрый рост и обогащение, создание в их составе новых мощных промышленных компаний, многократное увеличение их капиталов на основе

роста их собственных прибылей и на основе кредитов, получавшихся от правительства за счет народных масс японской империи и оккупированных Японией территорий. Потому дзайбацу и были создателями, движущей силой и основой военного хозяйства Японии, что военное хозяйство открывало перед ними такие возможности обогащения, которые им и не снились в условиях мирного хозяйства.

Развитие военного хозяйства сопровождалось громадным усилением неравномерности развития отдельных отраслей народного хозяйства, свертыванием и даже гибелью некоторых старых и быстрым развитием новых, военных отраслей промышленности. Вместе с тем развитие военного хозяйства сопровождалось резким обострением конкурентной борьбы между концернами, главным образом борьбы за монополию в различных отраслях военной промышленности, за государственные заказы и государственные кредиты. В ходе этой борьбы выдвинулись новые крупные монополистические объединения, выступившие в военной промышленности в качестве конкурентов главных концернов, несмотря на большую кредитную зависимость от последних. В ходе конкурентной борьбы произошли некоторые изменения в соотношении сил различных концернов. Четыре «главных концерна» (не говоря уже о концерне «Тэнно») без большого труда отбили атаки «новых» и, увеличив свои богатства, остались сильнейшими монополистами в японском народном хозяйстве. Особенно сильно выросли концерн Мицубиси, догнавший своего главного конкурента Мицуи, и концерн Сумитомо, упрочивший свое положение третьего концерна страны.

Из числа второстепенных «старых» концернов в годы войны усилились Фурукава и Асано, ставшие крупными военно-промышленными концернами. Наоборот, концерн Окура, несмотря на благоприятствовавшие ему условия, был оттеснен назад его конкурентами из числа «старых» и «новых» концернов. Жестокое поражение во взаимной борьбе дзайбацу потерпели крупнейшие банковские концерны Сибудзава и Кавасаки и некоторые другие, не сумевшие внедриться в военную промышленность и потерявшие вследствие этого контроль над своими банками, которые были поглощены банками «старых концернов».

Единственным из банковских концернов, который сумел не только противостоять нажиму его могущественных конкурентов, но и сильно укрепиться в годы войны, был концерн Номура.

Самый крупный из «новых концернов» — «Ниссан» превратился в годы военно-инфляционной конъюнктуры в сильнейшего и опаснейшего конкурента «старых концернов», но

был в конце концов вытеснен последними из Японии в Маньчжурию, а его оставшиеся в Японии предприятия, будучи объединены в концерн «Хитати», попали в почти полную зависимость от «старых концернов». Из других «новых концернов» наиболее прочные позиции в военной промышленности удалось завоевать самолетостроительному концерну Накадзима, который с помощью правительственных кредитов стал сильнейшим и влиятельнейшим членом клики дзайбацу. Развитие «Нихон тиссо», «Нихон сода» и Мори, которые превратились в годы военно-инфляционной конъюнктуры в крупные концерны-комбинаты энергохимической промышленности и промышленности цветных и легких металлов, в годы войны, ввиду конкуренции старых концернов, загормотозилось. Концерны эти (за исключением «Нихон сода», который фактически перестал быть концерном) пришли к окончанию войны как крупные монополисты в тех отраслях промышленности, в которых они начинали свою «карьеру», но из-за отсутствия собственной кредитной базы и ввиду небольших размеров по сравнению со старыми концернами они для последних не представляли серьезной угрозы и в значительной степени от них зависели. То же самое относится к машиностроительным концернам Кавасаки и «Рикэн».

В связи с американским послевоенным планом «децентрализации дзайбацу» особый интерес представляют происшедшие в годы войны изменения в структуре и организации концернов. Американский план, который мы подробнее рассмотрим в главе VIII, сводился, во-первых, к ликвидации держательских компаний; во-вторых, к разукрупнению других компаний концернов; в-третьих, к ограничению количества акций данной компании, находящихся в руках одного лица; в-четвертых, к запрещению одному лицу занимать руководящие должности во многих компаниях. Иными словами, американский план представлял собой приспособленное для Японии издание американского антитрестовского законодательства, которое, как известно, ни в какой степени не препятствует непрерывному усилению могущества американских монополий, их контроля над экономической и политической жизнью США.

Нет, однако, нужды обращаться к опыту США для того, чтобы вскрыть порочный и демагогический характер американского плана децентрализации. История борьбы японских дзайбацу за свое монопольное господство в экономике страны, в особенности их взаимной борьбы в годы подготовки и ведения войны, раскрывает перед нами такое большое умение приспособляться к новым условиям, такое многообразие структуры и организационных форм хозяйничанья, которое не

оставляет ни малейших сомнений в том, что сами по себе организационные формы не имеют решающего значения для господства монополистического капитала над экономикой страны.

Мы видели, что до конца 20-х годов почти все японские концерны были построены по принципу замкнутых семейных корпораций. Мы видели, как в процессе борьбы между концернами их владельцы все больше переходили к мобилизации капитала с помощью открытой продажи акций (в том числе акций держательских компаний), в результате чего процент акций в руках владельцев понижался, но при этом власть монополистов над соответствующими компаниями отнюдь не ослаблялась — компании оставались в полной зависимости от кредитов и заказов, получавшихся от владельцев концернов. Мы видели, что наряду с поглощением внеконцерновых компаний компаниями концернов, в годы войны имело место отпочкование от концернов крупных компаний («Канэгафути», «Одзи» и др.), которые формально приобрели статус самостоятельных концернов, но в действительности зависели от кредитов и заказов их прежних хозяев, продолжавших оставаться их владельцами.

Провозглашенная в послевоенной Японии политика децентрализации концернов (если бы она была осуществлена) представляла бы собой повторение в больших масштабах прежней политики отпочкования. Каковы бы ни были размеры и названия новых компаний, каковы бы ни были ограничения в держании акций или занятии должностей, не может быть сомнений в том, что эти основные компании не вышли бы из-под контроля магнатов финансового капитала, которые, по американскому плану, целиком сохраняют собственность на принадлежащий им капитал, контроль над банками и другими кредитными учреждениями и над политической властью в стране.

Разумеется, подобно тому как перестройка экономики на военный лад привела к некоторым изменениям соотношения сил разных монополистических групп и к появлению новых влиятельных групп монополистов, более чем вероятно, что и нынешняя ломка организационных форм дзайбацу будет иметь своим следствием некоторое перераспределение капиталов и некоторые изменения роли отдельных монополистических групп в господстве над экономикой страны. При этом решающее значение для послевоенной Японии имеет то обстоятельство, что японские дзайбацу становятся «младшими партнерами» американских монополистов. Именно последние будут играть доминирующую роль в японской экономике, в эксплуатации трудящихся Японии до тех пор, пока в Японии не будет

создано независимое народно-демократическое правительство.

Как сложатся организационные формы господства американского и японского финансового капитала в послевоенной Японии, какие клики дзайбацу останутся у власти или появятся вновь и какие будут оттеснены на задний план, покажет будущее. Во всяком случае анализ развития японских монополий в годы войны ясно показывает, что в арсенале дзайбацу есть достаточно средств для того, чтобы обойти любое «анти-монополистическое» законодательство, поскольку это законодательство создано их, дзайбацу, властью, их правительством, поскольку оно не предусматривает безвозмездной конфискации в пользу народа капиталов и имущества дзайбацу и ликвидации «права» дзайбацу на эксплуатацию трудящихся классов.

ГЛАВА VI

ДЗАЙБАЦУ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

«Сфера сопроцветания» — империя дзайбацу и военщины

Существенные отличия условий японской империалистической агрессии по сравнению с другими странами заключались в следующем: во-первых, «преимуществом» японского империализма было «удобство грабить Китай» (Ленин) и другие соседние страны и прежде всего — удобство географическое и военно-стратегическое; во-вторых, Япония развернула свою колониальную экспансию тогда, когда мир уже был поделен, когда одни из объектов ее агрессивных устремлений уже были колониями европейских держав или США (Индонезия, Индокитай, Филиппины и др.) или находились в экономической зависимости от этих держав (Китай); в-третьих, после захвата Кореи колониальная экспансия японского империализма происходила в условиях общего кризиса капитализма, когда под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в колониях начался мощный подъем национально-освободительного движения.

Все эти обстоятельства заставили японских захватчиков сильно торопиться. Япония на протяжении 50 лет захватила столько, сколько Англия, Франция, Голландия, Испания и другие европейские страны — в течение столетий. При этом японские империалисты вынуждены были применять несколько иные методы. «За миссионером — купец, за купцом — солдат» — такова была классическая формула колониальных захватов европейских стран. У японцев купец, миссионер (пропагандист идеи «панasiatизма») и «солдат» (шпион генерального штаба) совмещались в одном лице. Компании японских концернов на территориях, которые были объектами агрессии японских империалистов, являлись одновременно со своим капиталистическим предпринимательством центрами японской пропаганды и шпионско-диверсионной деятельности.

Так называемые «полуправительственные компании» или «компании национальной политики»¹, действовавшие вне Японии, были базами агрессии японского империализма. Их задача заключалась, в частности, в том, чтобы проложить дорогу в колонии и на оккупированные территории концернам, произведя некоторые необходимые предварительные операции — отнятие земли у крестьян, разведку недр, подготовку необходимого минимума квалифицированной рабочей силы и т. п. Одновременно «компании национальной политики», действуя в теснейшем контакте с военными властями, были важнейшими звеньями японской военной разведки.

Уже в процессе «мирного» проникновения японских монополистов в чужие колонии и в Китай складывалось теснейшее сотрудничество дзайбацу с военщиной. Укреплению этого сотрудничества содействовало то обстоятельство, что в ограблении колоний и оккупированных территорий японцы широко применяли методы, типичные для эпохи первоначального капиталистического накопления: методы прямого грабежа, установление монополии торговли для определенных торговых компаний, а также широко прибегали к контрабанде и монопольной торговле опиумом. Вот некоторые факты, типичные для японской предоккупационной и оккупационной политики: в 1937 г. доля Японии в китайской внешней торговле по официальным данным таможенной политики составляла 15%. Однако, по свидетельству известного на Дальнем Востоке американского журналиста Каррола Алкота, доля Японии в китайском импорте с учетом контрабанды составляла не менее 40%. По меньшей мере на 700 млн. ам. долл. японских товаров было ввезено в Китай контрабандным путем². Образовавшаяся после японо-китайского «соглашения в Тангку» в мае 1933 г. демилитаризованная зона Восточного Хэбэя была в широчайших масштабах использована японцами для развертывания контрабандного ввоза в Китай и контрабандного вывоза китайского серебра. Автор исследования японской «специальной торговли», как официально именовались контрабандные операции в японских кругах, Инлов пишет: «Создалось специфическое положение „демилитаризованной“ зоны, через которую серебро направлялось к северо-востоку (т. е. через Маньчжурию и Корею в Японию.— Я. П.), а все растущее количество искусственной шелковой пряжи, сахара, сигарет и др. направлялось на юг через проходы

¹ Первая такая компания — «Южно-маньчжурская железная дорога» была создана в 1906 г.; для Кореи аналогичная компания («Тойо кайхасу») была создана также в 1906 г. К 1941 г. насчитывалось 15 «компаний национальной политики», действовавших вне Японии.

² C. Alcot. My war with Japan. New-York, 1943, стр. 182.

великой китайской стены из Маньчжурии в собственно Китай»¹. По свидетельству Инлова, за 1934—1935 гг. таким способом в Японию было вывезено серебра по меньшей мере на 230 млн. кит. долл., а по свидетельству Алкота, в 1936 г. еженедельно в банки Мицуи и Йокохама спеша в Тяньцзине поступало на 10 млн. ам. долл. серебра². Все эти меры по подрыву китайских финансов и экономики были звеньями экономической подготовки к войне 1937—1945 гг.

Еще более важное значение имела опиумная авантюра японцев в Китае. С захватом Маньчжурии японцы начали весьма интенсивно развивать посевы мака и производство опиума для продажи его в Китае. При этом преследовались две цели: во-первых, ослабить волю китайцев к сопротивлению захватчикам; во-вторых, нажить новые и новые миллионы. Американская журналистка Виолетта Хейвен пишет: «Харбинская и дайренские фабрики наркотиков финансировались банкирскими домами Мицуи и Судзуки и были оборудованы германскими машинами. Прибыли были настолько фантастическими, что японская армия, не долго думая, отменила соответствующие пункты подписанной Японией гаагской конвенции 1912 г., предусматривавшей ограничения производства опиума, в 1934 г. удвоила площадь разведения мака, утроила ее в 1936 г. и вновь удвоила в 1937 г.»³ Японцы насильственно, под угрозой отнятия земли, заставляли маньчжурских крестьян сеять мак. Прибыли опиумной монополии в Маньчжурии за пятилетие 1933—1937 гг. составляли ежегодно 55% к капиталу⁴.

Алкот утверждает, что 90% мирового производства «белых наркотиков» приходилось на Японию. Японцы принесли с собой в Китай наркотик гораздо более разрушительный, чем опиум,—героин⁵. По расчетам Алкота, основанным на дан-

¹ «Far Eastern Quarterly», февраль 1947 г., стр. 143.

² Там же, стр. 185.

³ В. Хейвен. Японские джентльмены. Нью-Йорк, 1945, гл. V.

⁴ Там же, гл. V, по данным японского журналиста Кэй Миякава.

⁵ Не следует думать, что японцы были пионерами ввоза наркотиков в Китай. Стоит лишь вспомнить об опиумных войнах XIX столетия, которые вела с Китаем Англия за право ввозить в Китай опиум. Одним из пионеров опиумного разбоя в Китае был немецкий миссионер Карл Гуплов, приехавший в Китай в 1833 г. и утверждавший, что опиум должен проложить в Китай дорогу для библии. Основателями ряда крупнейших современных английских, французских и немецких компаний в Китае были опиумные контрабандисты и миссионеры. К. Алкот рассказывает о том, как один японец заявил ему, что не следует европейцам и американцам возмущаться японской торговлей опиумом — речь ведь идет об обычной конкуренции, просто японцы вытесняют своих европейских и американских конкурентов с опиумного рынка. Апологет американского империализма Алкот оправдывал перед своим собеседником-японцем европей-

ных о числе опиекурильщиков в Китае, реальные доходы японцев от торговли опиумом в Китае составляли до 2 млрд. иен в год — японцы покрывали этим доходом свыше 10% своих военных расходов. Алкот подробно описывает также и разные другие внеэкономические методы эксплуатации китайского народа японскими оккупантами: отнятие золотых вещей у китайцев, всевозможные способы выколачивания иностранной валюты с помощью террористов — «ракетиров», набранных из уголовных элементов в Японии, Корее и Китае, печатание фальшивых денег и т. д. Подобными операциями руководила «секция специальной службы японской императорской армии» («Special Service Section of the Japanese Imperial Army»). Алкот приходит к заключению, что общая сумма доходов японцев от контрабанды, продажи наркотиков, прямого разбоя и пр. составляла в 1941 г. по меньшей мере 8 млрд. иен в год, или две трети военных расходов Японии за тот же год¹.

В чем причины такой «беспардонности» методов колониального грабежа, применявшихся японским империализмом? Дело, разумеется, не в «некультурности» и не в «жестокости» японцев, как то пытались изобразить апологеты западноевропейских и американских «цивилизованных» методов разбоя в колониях, методов, столь же жестоких и бесчеловечных. Особенности японских методов хозяйничанья в колониях были обусловлены, между прочим, тем, что японские дзайбацу и в метрополии на основе полуколониальных методов эксплуатации трудящихся привыкли получать чрезвычайно высокие прибыли, не меньшие, чем те, которые получают «свои» капиталисты в колониях. С другой стороны, японцы повсюду, где они не находились под охраной штыков своей армии, наталкивались на конкуренцию английских, американских, германских монополистов. И если во внешней торговле в Китае и других колониальных и полуколониальных странах японские товары выдерживали конкуренцию с помощью «социального демпинга», то японские капиталы при равных условиях приложения были, с известной точки зрения, неконкурентоспособны против капиталов других империалистических стран. Европейские и американские капиталисты охотно вкладывали капиталы в китайские и другие предприятия и тогда, когда эти капиталы приносили им прибыли меньше, чем те, которые японские капиталисты получали у себя дома. Наоборот, японцы, как правило, разумеется, стремились вкладывать капиталы

ских и американских торговцев опиумом ссылкой на то, что последние... не знали о разрушительном действии опиума на организм (стр. 218).

¹ С. Alcot, цит. соч., стр. 226.

за границей только в том случае, если они могли получать прибыли более высокие, чем в Японии. «Средний японский промышленник (за пределами Японии.— Я. П.),— пишет Алкот,— считает, что у него дела идут плохо, если он не смог сделать чистых 15%. Его цель — по меньшей мере 20%. «Тойода босэки» (хлопчатобумажная) в Шанхае в 1933—1939 гг. показала в среднем 24% прибыли. Сахарная компания Формозы Мэйдзи, по ее собственным данным, приносила в 1938—1939 гг. 40%, другая такая же компания на Формозе за те же годы — 33%. Японская телефонная компания в Дайрене в 1936—1940 гг. получила прибыль в 45%»¹. «Японские компании,— справедливо указывает Виолетта Хейвен,— могли процветать только в тех странах, где при поддержке вооруженной силы все предприятия были монополизированы, а все другие национальности — вытеснены»². Получая колоссальные сверхприбыли с помощью легального и нелегального предпринимательства, дзайбацу имели полную возможность уделять часть своих сверхприбылей в пользу верхушки военщины и бюрократии. Это было одним из главных оснований единства интересов и действий японских дзайбацу, фашизированной военщины и правительственной бюрократии как в самой Японии, так и в колониях и на оккупированных территориях.³

Формула «сфера процветания Великой Восточной Азии» противопоставлялась ее авторами американской империалистической доктрине «открытых дверей» в Китае. В действительности, за этой пышной формулой скрывались крайне агрессивные вожеления дзайбацу, стремившихся, путем насильственного отторжения огромных территорий миролюбивых соседей, к созданию колониального государства под японским господством. Услужливые ученые лакеи японских империалистов в своих пухлых писаниях устанавливали географические границы пресловутой «сферы процветания», главным образом за счет Советского Союза и Китая,— соответственно с вожелениями своих хозяев. Их «ученые труды», являющиеся образцами беспредельной наглости, тупости и полнейшего невежества, свидетельствуют о том, что захватнические аппетиты их хозяев были безграничны. Границы внешних владений Японии устанавливались попросту с помощью ... циркуля. В книге, выпущенной в мае 1942 г., один из крупнейших бандитов пера — Хираку Фудзирока, директор «Ассоциации по изучению Восточной Азии» (Тоа тосакай), заведующий общим отделом газеты «Нити нити», описывает три «сферы процветания»:

¹ С. Alcot, цит. соч., стр. 357—358.

² В. Хейвен, цит. соч., гл. XII.

«Первая (малая) сфера». Неподвижная ножка циркуля ставится на город Гунсан в Корее. Подвижная ножка опускается в северо-восточной части острова Хоккайдо. Проводится окружность, в которую оказываются заключенными: значительная часть советского Приморья и большая часть Хабаровского края (до Нерчинска), треть Монгольской народной республики, вся Маньчжурия, половина Внутренней Монголии, треть Китая, остров Лусон (Филиппины), Япония и все ее колонии.

«Вторая (средняя) сфера». Центр — город Нава (префектура Окинава); край — северная оконечность Сахалина. Охватывает целиком «первую сферу» плюс: Северный Сахалин, остальную часть Приморья и Хабаровского края, часть Восточно-Сибирского края, еще треть МНР, всю Внутреннюю Монголию, часть Синьцзяна, около половины Тибета, остальную часть собственно Китая, восточную часть Индии, Бирму, Тай, Французский Индокитай, Малайю, Голландскую Индию, остальную часть Филиппин, Новую Гвинею.

«Третья (большая) сфера». Центр — остров Палау (юго-западная часть Тихого океана); край — восточная оконечность Аравийского полуострова (мыс Хэдда). Охватывает обе предыдущие сферы плюс: всю Камчатку, часть территорий Восточной и Западной Сибири, часть территории среднеазиатских республик СССР, остальную часть МНР, Синьцзян, Афганистан, часть Ирана, Тибет, Непал, Индию, Австралию, Новую Зеландию, Гавайские острова...

Эти бредовые планы лежали в основе агрессивных войн Японии и вокруг них велась самая разнузданная шовинистическая, милитаристская пропаганда. Значительную часть плана «второй сферы» японским империалистам удалось временно реализовать.

Хираку Фудзирока отличается от других японских «геополитиков» только тем, что наиболее откровенно выбалтывает планы японских империалистов. Он не ссылагается, как другие, на «расовое единство», а прямо пишет: «Необходимость включения Австралии и Индии в обширную экономическую сферу диктуется не столько военными, сколько экономическими соображениями, ибо шерсть, пшеница и хлопок этих стран представляют собой сырье, абсолютно необходимое для обширной экономической сферы великой Восточной Азии» ... «Третья сфера», по подсчету Фудзирока, должна охватить поверхность суши в 45,5 млн. км² (из 135 млн. км² поверхности всей суши на земле), ее население (на 1937 г.) — 1057 млн. человек из 2127 млн. человек всего населения земного шара.

Некий Хисая Кунимацу в книге «Новая география Восточной Азии» (1942 г.) приводит список важнейших видов сырья,

топлива и продовольствия, производившихся или добывавшихся в больших количествах на захваченных к тому времени Японией территориях «сферы»:

Манчжоу-го — каменный уголь, магнезит, бобы, соль.

Северный Китай — каменный уголь, соль, хлопок, земляные орехи.

Внутренняя Монголия — каменный уголь, железная руда, шерсть.

Центральный Китай — железная руда, соль, вольфрам, сурьма, конопляное семя, рами, шелк-сырец и др.

Южный Китай — вольфрам, соль, шелк-сырец, растительное масло.

Французский Индо-Китай — каменный уголь, железная руда, рис, олово, каучук.

Таи — олово, каучук, рис.

Бирма — медь, олово, свинец, цинк, нефть, никель, вольфрам, рис.

Малайя — железная руда, олово, копра, каучук.

Голландская Индия — нефть, олово, железная руда, бокситы, никель, каучук, сахар, табак, чай, кофе, хина, пряности, копра, пальмовое масло, лес, земляные орехи.

Филиппины — железная руда, хромовая руда, сахар, табак, манильская пенька, копра, пальмовое дерево, лес.

Коитиро Исихара — основатель и владелец японского концерна Исихара, действовавшего в странах Южных морей. В отличие от других «людей большого бизнеса», которые обычно препоручают агитацию, пропаганду и реализацию своих планов и «идей» наемным приказчикам, политикам и журналистам, Исихара сам занимался идеологической обработкой общественного мнения и вел пропаганду колониальной экспансии японского империализма¹.

Коитиро Исихара писал: «Сфера процветания великой Восточной Азии теперь может стать сферой самоснабжения, которая впервые внушает полную уверенность в будущем нашей материальной силы... Создав сферу самоснабжения на длительное время, мы в состоянии будем выдержать длитель-

¹ В книге «Строительство Южной Японии» (1942 г.) он претендует на авторство в отношении термина «сфера процветания». Хотя многие живые и мертвые генералы и политики Японии, в первую очередь генерал Танака — автор печально-знаменитого «меморандума Танака», этого «кредо» японского империализма, могли бы с формально-юридической точки зрения предъявить Исихара иск за плагиат, но как представитель клики *дзайбацу* Исихара имел все основания для защиты своего приоритета в теории колониальных грабежей и захватов. Лавры пропагандиста и организатора колониальных захватов Англии Сесилия Родса не давали покоя незадачливому японскому авантюристу-коммерсанту.

ную войну. Какую мощь чувствуем мы, когда думаем о перспективах нашей нации Ямато и о том, что эта сфера процветания будет находиться в наших руках... Опорные пункты, которые будут необходимы Японии по стратегическим соображениям, а равно и территории, потерявшие свое коренное население, вроде Австралии, должны стать территориями Японии... Наша нация Ямато является самой превосходной нацией среди цветных национальностей».

«Доктор экономических наук» Масааки Каваниси в книге «Геополитические концепции Восточной Азии» (март 1942 г.) писал: «Восточной Азией называют территорию, которая, кроме Восточной Азии, т. е. Азии к Востоку от Индии, включает и Австралию. В связи с этим возникает вопрос, на чем, собственно, основывается новая пространственная концепция?.. Не является ли это искусственным и субъективным. Первая причина,— глубокомысленно включает этот бандит с докторской степенью,— по которой к Восточной Азии отнесена Индия, исключен Ближний Восток и добавлена Австралия, в прошлом (?! — Я. П.) считавшаяся особым материком,— в том, что сфера процветания Восточной Азии должна представлять собой обширную сферу, сферу экономической автаркии. Если же говорить более откровенно, то для создания высокооборонного государства — Японии необходимы хлопок и железо Индии, шерсть и пшеница Австралии...»

Министр здравоохранения Окада в июне 1943 г. заявил: «Тихий океан занимает обширнейшее пространство. И это пространство стало водоемом нашего сада. Только от наших усилий зависит сохранение этого водоема в сфере процветания»¹.

Антисоветская направленность идеи «сферы процветания» полностью разоблачена советским обвинением на токийском процессе главных японских преступников².

В приговоре Трибунала говорится:

«В „плане управления территориями в сфере процветания Великой Восточной Азии“, разработанном японским военным министерством и министерством колоний в конце 1941 и в начале 1942 гг., вскоре после начала войны против Соединенных Штатов Америки и Великобритании, вопрос о захвате территории Советского Дальнего Востока считался уже решенным, оставался только вопрос о том, какая часть территории должна быть захвачена.

¹ «Майнити», 10 июня 1943 г.

² См. М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит. «Международный процесс главных японских военных преступников», М., 1950 г., стр. 233 и сл. «Агрессия против Советского Союза».

В одном из разделов плана, озаглавленном: «Будущее советских территорий», указывалось, что при любых обстоятельствах «Приморье должно быть присоединено к Японии, районы, прилегающие к маньчжурской империи, должны быть включены в сферу влияния этой страны, а транссибирская железная дорога должна быть отдана под полный контроль Японии и Германии, причем Омск будет пунктом разграничения между ними...»

...Первоначальный проект плана создания «сферы сопроцветания» института¹ в январе 1942 г. предусматривал, что «центральный район» различных стран, объединенных Японией, должен включить, помимо Маньчжурии и Северного Китая, также и Советское Приморье, и что так называемая «малая сфера сопроцветания», помимо остальной части Китая и Индо-Китая, должна была включать Восточную Сибирь.

Трибунал считает, что агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась Японией в течение рассматриваемого периода, что она была одним из основных элементов японской национальной политики и что ее целью был захват территории СССР на Дальнем Востоке»².

* * *

Вышеприведенные характеристики «сферы» и ее задачи весьма типичны для того потока пропагандистской и шарлатанско-«научной» литературы, которыми наводнялась Япония в годы войны, и представляют собой не что иное, как изложение внешнеполитического курса японского монополистического капитала. Программа создания «сферы сопроцветания» была, по представлениям японских империалистов, лишь этапом на пути к установлению мирового господства. «Для того, чтобы покорить мир, мы прежде всего должны покорить Китай; тогда все остальные страны Южных морей испугаются нас и капитулируют, и весь мир поймет, что Восточная Азия принадлежит нам... Имея в своих руках все ресурсы Китая, мы двинемся на завоевание Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы. Но первым нашим шагом должно быть обеспечение контроля над Маньчжурией и Монголией... Рано или поздно нам придется воевать с Советской Россией... Если мы хотим добиться в будущем контроля над Китаем, мы должны сначала сокрушить Соединенные Штаты», — так писал японский премьер генерал Танака в поданном императору в 1927 г. меморандуме.

¹ Имеется в виду «Институт тотальной войны», созданный императорским указом и непосредственно подчиненный премьер-министру.

² М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит, цит. соч., стр. 246—247.

Основные черты экономической политики японского империализма на оккупированных территориях

Для каждого капиталистического предпринимателя важнейшим фактором является степень риска, с которым связано вложение капиталов в ту или иную отрасль народного хозяйства как в метрополии, так и особенно вне ее пределов. Вне территории собственно Японии дзайбацу направляли свои капиталы преимущественно в старые японские колонии — в Корею и Формозу, которые они считали прочно и незыблемо закрепленными за собой. На примере этих колоний народы Азии могли убедиться, чего добиваются японские империалисты, завоевывая все новые и новые территории.

Характеризуя в связи с обострением японо-американских противоречий и борьбы после первой мировой войны колониальную политику Японии, Ленин писал в 1920 г.: «Если возьмете две империалистические страны: Японию и Америку — они хотят воевать, они будут воевать за первенство в мире, за право грабить. Япония будет воевать за то, чтобы ей продолжать грабить Корею, которую она грабит с неслыханным зверством, соединяющим все новейшие изобретения техники и пыток чисто азиатских»¹.

Усиливая многолетнюю политику разбоя и беспощадного подавления национально-освободительного движения в Корее и на Формозе, японские империалисты в годы второй мировой войны ликвидировали министерство колоний и объявили указанные страны территориями Японии; самое слово «Корея» было вычеркнуто из официальных документов и заменено словом «полуостров». Корейцы и китайцы — жители Формозы — были объявлены «японцами», что не только не сопровождалось уравниванием прав и социальных условий корейцев и китайцев с японцами, но, наоборот, повлекло за собой новые тяготы для жителей японских колоний. Корейцев и формозцев насильственно ввозили в Японию для работы в шахтах и мобилизовывали в японскую армию. Корея и Формоза еще задолго до войны были превращены в источники снабжения метрополии рисом, сахаром и другими продуктами. В годы войны в Корее и на Формозе получили значительное развитие разные отрасли добывающей промышленности и некоторые отрасли военного машиностроения. В особенности значительно выросла военная промышленность в Корее, которую японцы превратили в часть корейско-маньчжурского антисоветского военного плацдарма. Развитие добывающей и обрабатывающей промышленности в Корее и на

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XXV, стр. 502, изд. 3-е.

Формозе было связано исключительно с военными интересами метрополии и ни в малейшей степени не изменило колониального характера экономики этих стран. «Это особый метод империализма, — говорит товарищ Сталин, — развивать в колониях промышленность таким образом, чтобы она находилась на привязи у метрополий, у империализма»¹.

На Формозе в руках японцев находилось 90% всех капиталов акционерных компаний. Для Кореи (исключая государственные компании) в 1938 г. соответствующая цифра — 89%. Доля корейцев в акционерном капитале упала с 21% в 1923 г. до 11% в 1938 г. За те же годы число корейских банков уменьшилось с 12 с общим оплаченным капиталом в 12 млн. иен до трех с капиталом в 5 млн. иен. В руках японцев находились лучшие поливные земли, с которых корейцы были беспощадно согнаны, огромные площади лучших лесов, все площади, на которых были обнаружены запасы различных ископаемых. В добыче железной руды и производстве чугуна монопольное положение в Корее занимал концерн Мицубиси. «Ниссан» (впоследствии — «Мангё») контролировал большую часть добычи золота, Ногуты держал в своих руках производство удобрений, синтетического горючего и электроэнергии и значительную часть горнодобывающей промышленности.

Странам и территориям, захваченным Японией в ходе второй мировой войны, предстояло разделить участь Кореи и Формозы, т. е. превратиться в аграрно-сырьевой придаток метрополии, в поставщиков даровой рабочей силы, дешевого сырья и полуфабрикатов, а также пушечного мяса для военной машины японского империализма.

В ходе второй мировой войны японскому империализму удалось захватить большую часть территорий, которые предусматривались по «оптимальному» варианту «сферы сопроцветания». Напомним основные этапы японских империалистических захватов в 30-х и 40-х годах.

1931 г. — Япония захватывает Маньчжурию и в 1932 г. создает марионеточное государство Манчжоу-го, которое превращается в плацдарм войны против СССР и Китая.

1933—1935 гг. — Япония захватывает часть провинций Северного Китая и создает там марионеточные прояпонские режимы.

1937 г. — Япония начинает войну за покорение всего Китая и в течение 1937—1938 гг. оккупирует передовые в отношении развития промышленности, торговли и транспорта провинции Китая с населением, составляющим половину всего населения Китая.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 8, стр. 121.

1938—1939 гг.— Япония пытается осуществить «северный вариант» агрессии и нападает на советскую территорию в районе озера Хасан и на территории МНР в районе реки Халхин-гол. Япония терпит полное поражение со стороны войск в первом случае советской, во втором — советской и монгольской армий, но упорно продолжает экономическую, военную, дипломатическую и политическую подготовку к войне против Советского Союза.

1940 г.— Япония устанавливает свой контроль над Индо-Китаем.

1941 г.— Япония начинает войну на Тихом океане против США, Англии и Голландии и в 1941—1942 гг. захватывает концессии западных держав в Китае, Филиппины, Индонезию, Малайю, Таи, Бирму и вплотную подходит к границам Индии и к Австралии. Таким образом, японскому империализму удалось в разное время, при разных условиях и на разные сроки захватить громадные территории, различные по своему географическому положению, природным ресурсам, национальному составу населения, по степени политического и экономического развития. Ввиду этого методы эксплуатации японским империализмом народов и использования ресурсов указанных стран и территорий не могли не быть разными.

Однако существенные различия в методах эксплуатации (на них мы остановимся позднее) не могут скрыть их определенного единства: общей чертой хозяйничанья японцев на всех оккупированных ими территориях, которые эксплуатировались западноевропейским или американским империализмом, было то, что они продолжали оставаться колониями или полуколониями. Их экономика была колониальной экономикой, их промышленность была развита слабо, и страны эти представляли собой аграрно-сырьевые придатки метрополии. Японский империализм стремился сохранить захваченные территории в своих руках в том же качестве, в каком они находились в руках других империалистов. В книге «Строительство Южной Японии» Исихара писал: «Для того, чтобы создать экономический блок сферы процветания Восточной Азии, Япония должна стать промышленным районом, Маньчжурия, Китай, Южная Австралия и Новая Зеландия — полупромышленными районами, а остальные страны сферы должны стать сырьевыми районами». «Миссия Японии», — писал он же в газете «Хоти» (3 января 1942 г.), — заключается в том, что она должна развиваться как производящая индустриальная страна, используя сырье, которое будет производить население Юга... По отношению к индустриальной Японии страны Юга должны представлять собой сырьевые страны, производящие сырье и продукты питания». В этом же направлении действуют и

нынешние американские реакционеры, стремящиеся превратить Японию в военно-стратегический плацдарм для новой войны. Американские авторы формулы «превращения Японии в мастерскую Дальнего Востока» — лишь жалкие плагиаторы незадачливых японских политиков.

Превращение захваченных стран и территорий в плацдарм для агрессии требовало некоторых изменений в их экономике. Например, как мы уже указывали, Маньчжурии и Корее в «сфере» отводилось особое место как странам, имевшим важное военно-стратегическое значение. Военные интересы японского империализма диктовали необходимость создания известной хозяйственной автаркии самих Маньчжурии и Кореи как японских военных баз, материальной независимости маньчжурского и корейского плацдарма японской армии от экономики собственно Японии. На оккупированных территориях Северного и Центрального Китая японцы развивали доколе слабо развитые отрасли каменноугольной, горнодобывающей промышленности и хлопководства. Японцы не нуждались в столь обширных посевах каучуконосов, какие имелись в странах Южных морей, и сокращали их посевы. Зато они всячески пытались форсировать восстановление и развитие нефтепромыслов, делали попытки развить строительство деревянных судов на базе местных лесных ресурсов и т. п.

Перестройка хозяйства оккупированных территорий с целью его приспособления для нужд японского империализма требовала больших капиталовложений, которые японцы начиная с 1937—1938 гг. не могли производить за собственный счет ввиду крайней нужды метрополии в капиталах. Как мы уже указывали выше, Япония превратила оккупированные территории в источник покрытия дефицита своего военного бюджета. Практически это означало, что из оккупированных территорий в Японию выкачивалось громадное количество товаров, которые не оплачивались даже военными японскими бонами — их стоимость просто записывалась в долг японского правительства, который последнее и не думало ликвидировать.

Аппарат для выкачивания материальных ценностей с оккупированных территорий был создан японским империализмом еще до их оккупации в процессе регулирования внешней торговли Японии. Сущность внешнеторговой политики японского империализма заключалась в том, чтобы закрепить за собой страны Азии и Тихого океана в качестве рынков сбыта и источников военно-стратегического сырья. Внешняя торговля была одним из главных объектов военного регулирования, и ее регулирование не могло ограничиться только специфически внешнеторговой областью, а неизбежно распространилось также и на область экспортных производств, производств из импорт-

ного сырья, внутренней торговли и др., т. е. почти на все отрасли японского народного хозяйства. Особое внимание уделялось форсированию экспорта в «третьи страны», т. е. в страны, находившиеся вне иенового блока, торговля с которыми приносила Японии необходимую для импорта валюту.

Не ставя перед собой задачу подробного анализа внешне-торговой политики японского империализма до войны на Тихом океане, отметим лишь, что в процессе подготовки к войне вся внешняя торговля была сосредоточена в руках внешне-торговых ассоциаций, в которых доминирующее положение занимали концерны. С началом войны на Тихом океане внешняя торговля Японии с теми странами, которые не были ею оккупированы, фактически прекратилась, и вместе с тем потеряли свое значение введенные ранее меры по регулированию торговли с «третьими странами». «Обменные операции» с колониями и оккупированными территориями вряд ли могут быть названы внешней торговлей, так как операции эти представляли организованное ограбление японской военщиной и монополиями соседних стран и народов. Однако для организации «торговли» с оккупированными странами после 1941 г. с успехом был использован «контрольный аппарат», созданный при руководящем участии монополий для форсирования торговли с третьими странами. Уже в предыдущий период произошло сокращение числа торгующих с заграницей компаний, и удельный вес ведущих внешнеторговых компаний концернов («Мицуи буссан», «Мицубиси сйодзи» и т. п.) во внешней торговле резко увеличился, так что этим компаниям было несравненно легче, чем мелким, получить разрешение на импорт, их представители играли руководящую роль во всех без исключения внешнеторговых компаниях и ассоциациях.

Немедленно после начала войны на Тихом океане, в декабре 1941 г., правительство приняло решение о ликвидации мелких экспортных фирм. Все же в 1943 г. еще насчитывалось 6 тыс. внешнеторговых компаний. Несмотря на то, что компании эти объединялись различными контрольными ассоциациями, находившимися в свою очередь под контролем правительственного «бюро по развитию Восточной Азии», в котором господствовала военщина, все же внешнеторговые компании вступали в прямые сделки со своими контрагентами (большей частью японскими же компаниями) в оккупированных странах. В 1943 г. положение резко изменилось. В ноябре 1943 г. правительство приняло решение о ликвидации девяти десятых всех внешнеторговых компаний — их число было сокращено до 600¹. Были оставлены только те фирмы, у которых годовая

¹ «Асахи симбун», 9 ноября 1943 г.

сумма экспорта или импорта составляла не менее 5 млн. иен. Часть ликвидированных фирм вместе со всем своим аппаратом и имуществом была передана в собственность крупных компаний. Деятельность сохранившихся компаний ставилась под контроль полуправительственной «корпорации по товарообмену и торговле со странами Восточной Азии», которая была создана в том же 1943 г. взамен ликвидированных или вошедших в корпорацию полусотни внешнеторговых ассоциаций и компаний. Имелось в виду, что «корпорация», которая находилась при торговом бюро министерства Восточной Азии, сосредоточит в своих руках всю «торговлю» с Китаем, Манчжоу-го, Французским Индокитаем и Таи¹ и что все сохранившиеся крупные компании будут действовать как субконтракторы корпорации. В связи с созданием корпорации газета «Иомиури хоти» писала: «Замена слов „внешняя торговля“ („боэки“) словом „товарообмен“ („коэки“), не есть игра словами. Отныне будет производиться обмен различными товарами и материалами между Японией и странами сферы процветания на основе планово мобилизуемых материалов. Уже не будет такого экспорта и импорта, какой был раньше на основе свободной торговли».

За этими туманными объяснениями японской газеты скрывался тот простой факт, что если до 1943 г. внешнеторговые компании еще имели возможность кое-что вывозить из Японии, то после этого срока вывозить стало почти ничего, оставалось только одно — грабить воткрытую. Но доверять грабеж шести тысячам или даже оставшимся шестистам частным торговым компаниям было нецелесообразно и невозможно. Вместо неорганизованного грабежа вводился грабеж организованный, проводимый под руководством имевших правительственные полномочия органов внешнеторговых монополий, какими являлись и «корпорация», и «торговое бюро при министерстве Восточной Азии», и «торговое общество», и созданный одновременно с «корпорацией» «банк заморской торговли». Во главе всех указанных органов неизменно находились ставленники дзайбацу². Эти организации, действовавшие из Японии, дополнялись другими, действовавшими на захваченных территориях.

¹ Что касается стран Южных морей (Голландская Индия, Малайя, Сингапур, Гонгконг, Бирма), то «торговля» с этими странами в течение всей войны оставалась под непосредственным контролем командования оккупационных войск.

² Примером может служить «банк заморской торговли», директором которого был Тойотаро Юки, в прошлом директор страховой компании Мицуи, директор Японского банка, министр финансов и т. д., а впоследствии — подсудимый на процессе главных военных преступников.

Главными факторами, влиявшими на характер и структуру японских монополистических компаний, действовавших на оккупированных территориях, были следующие: во-первых, исторически сложившееся единство действий военщины и торгово-промышленных компаний, руководители и сотрудники которых были во многих случаях агентами генерального штаба. Во-вторых, тот факт, что для выполнения задач приспособления хозяйства оккупированных стран к нуждам японской военной машины требовались крупные капиталы, которых Япония по мере развития войны не могла дать. К тому же главные концерны не склонны были производить большие капиталовложения на свой счет ввиду значительности риска. Отсюда стремление привлечь в японские компании возможно больше туземного капитала как принудительным путем, так и с помощью экономических средств¹. В-третьих, стремление военщины, несмотря на единство целей и действий с дзайбацу, обеспечить известную независимость японских органов по эксплуатации оккупированных территорий от главных концернов. Большому влиянию военщины в военно-хозяйственных компаниях оккупированных территорий содействовала ее особая роль в режиме военной оккупации. Таковы были главные факторы, определившие структуру и характер деятельности японских военно-колониальных компаний, которые были, наряду с внешнеторговыми компаниями и ассоциациями, одним из важнейших звеньев системы колониального грабежа.

Дзайбацу с успехом добивались сосредоточения в своих руках контроля не только над отдельными компаниями, но и над всем аппаратом управления оккупированными территориями. До захвата Японией Маньчжурии высшими правительственными органами, в ведении которых находились полуправительственные колониальные компании, были министерство колоний и квантунское бюро при кабинете министров. После захвата Маньчжурии в январе 1933 г. влиятельные политические деятели, занимавшие в годы войны руководящие посты в правительстве и армии (Коноэ, Хирота, адмирал Суэцугу, генерал Мацуи и др.), создали «ассоциацию Восточной Азии», которая не только провозгласила лозунг «Азия для азиатов» как государственный официальный лозунг², но играла также большую роль в определении структуры правительственных

¹ Привлечение туземного капитала соответствовало также и политическим интересам японских империалистов, которые с демагогической целью стремились изобразить их собственные японские колониационные компании как компании местных капиталистов.

² В 1938 г. Коноэ, став премьером, провозгласил в качестве официальной формулу «новый порядок в великой Восточной Азии»; формула «сфера сопроцветания» была официально провозглашена в 1940 г.

органов по эксплуатации оккупированных территорий. При участии «ассоциации» создаются при кабинете «бюро по делам Маньчжурии», «бюро развития Восточной Азии» («коаин»), представительства которого на оккупированных территориях выполняли функции экономических управлений оккупационных властей. Все эти органы были в прямой и сильнейшей зависимости от армии, что являлось причиной постоянных трений между ними и руководителями колониальных компаний концернов.

С началом тихоокеанской войны представителям концернов постепенно удалось прочно прибрать к рукам все дело экономического управления оккупированных территорий. В феврале 1942 г. создается «комитет по строительству великой Восточной Азии», в состав которого вошли 37 человек, среди них — 21 представитель «деловых кругов»¹. Комитет этот участвовал в подготовке создания министерства по делам великой Восточной Азии, которое было образовано в конце 1942 г. Дзайбацу вначале возражали против создания нового министерства, опасаясь, что оно превратится в чисто военный орган, но в конце концов новое министерство, объединив все прежние бюро, фактически стало гражданским органом по управлению политическими и хозяйственными делами всех оккупированных территорий². «Новое министерство, — пишет Дж. С. Аллен, — под гражданским контролем стало более непосредственным агентом дзайбацу. Через это министерство дзайбацу могли координировать их политику на оккупированных территориях и распределять захваченную собственность и активы по своему усмотрению. Министерство по делам великой Восточной Азии играло такую же роль в укреплении контроля дзайбацу в новейшей колониальной империи, какую министерство вооружений играло в военной экономике собственно Японии»³.

Важнейшие общие принципы управления оккупированными территориями, которыми руководились центральные органы, заключались в следующем:

¹ В их числе были Г. Фудзивара, Т. Накадзима, С. Цуда, Г. Аюкава, Кухара и другие крупнейшие монополисты («Ницц-ницц», 14 февраля 1942 г.).

² Влиятельный японский журнал «Тюокорон» в октябре 1942 г. в связи с созданием министерства Восточной Азии писал: «Все дело управления вне страны страдает от того, что раньше механизм управления основывался на идее расширения того же аппарата, который существует внутри страны. Вся раздробленность и накопившееся зло фракционности были целиком переведены за границу. В конце концов вне страны возникли трения еще большие, чем внутри страны». Из-под юрисдикции нового министерства были изъяты собственно Япония, Корея, Формоза и Южный Сахалин.

³ Там же, стр. 84.

1. Безусловным преимуществом во всех видах предпринимательства на оккупированных территориях пользовались крупные японские концерны¹.

2. Эксплоатация местного населения японскими колонизаторами производилась не только путем обычного найма рабочей силы, но и путем создания трудовых лагерей, где для мобилизованных рабочих создавался каторжный режим. Оккупационный режим своим острием был направлен против трудящихся классов, которые лишались каких бы то ни было возможностей для защиты своих прав.

3. Вся собственность колониальных компаний держав, находившихся в войне с Японией, за исключением той, которая реквизировалась или расхищалась армией, передавалась под непосредственный контроль японских концернов на соответствующих территориях.

4. На оккупированных территориях все предприниматели объединялись в отраслевые и общие контрольные союзы, компании и ассоциации совершенно так же, как это делалось и в Японии. При этом японцы были объединены в отдельные ассоциации, которые не только пользовались безусловным приоритетом, но контролировали, прямо или через японские власти, также и туземные организации предпринимателей.

Таковы были общие принципы организации режима по эксплуатации оккупированных территорий. Перейдем к рассмотрению крупнейших военно-колонизационных компаний и компаний концернов на оккупированных территориях.

Маньчжурия

Созданный в 1906 г. концерн ЮМЖД² явился прообразом всех последующих государственных и полугосударственных («специальных» и «полуспециальных») компаний во внешних владениях японского империализма. Концерн этот вплоть до окончания войны оставался самым мощным из всех японских государственных и полугосударственных коммерческих объединений, а его роль в подчинении Маньчжурии Японии по справедливости часто сравнивают с ролью, которую

¹ Председатель «Планового бюро» Тэйити Судзуки заявил на 79-й сессии парламента: «Утверждение кандидатур предпринимателей, которым будет дозволено ответственное дело разработки ресурсов на оккупированных территориях, решено проводить путем внимательного обсуждения этих кандидатур заинтересованными властями и, после того, как в достаточной мере будет принято во внимание мнение частных контрольных ассоциаций» («Кокумин», 24 января 1942 г.).

² «Южно-маньчжурская железная дорога», по-японски «Намансю тэ-цудо» (сокращенно — «Мантэцу»).

Остиндская компания играла в превращении Индии в колонию Великобритании. «Королевство ЮМЖД» — так называли в Японии Маньчжурию еще до ее оккупации. В создании ЮМЖД и управлении им решающая роль принадлежала командованию Квантунской армии и японскому правительству. Объявленный капитал ЮМЖД увеличился с 200 млн. иен при его основании до 440 млн. иен в 1920 г., до 800 млн. иен в 1933 г., до 1400 млн. иен в 1943 г., и, наконец, в 1944 г. японский кабинет принял решение об увеличении оплаченного капитала ЮМЖД до 2,4 млрд. иен. В 1943 г. капиталовложения ЮМЖД в разные отрасли составляли: в транспорт — 530 млн. иен; горнорудную и обрабатывающую промышленность и в сельское хозяйство — 560 млн. иен; в кредитные институты — 200 млн. иен; в прочие отрасли народного хозяйства — 500 млн. иен¹.

Стержнем концерна были имевшие не только экономическое, но и прежде всего военно-стратегическое значение железные и другие дороги в Маньчжурии. К моменту своего основания концерн владел немногим более чем 1 тыс. км железнодорожных линий. К концу 1943 г. под его полным контролем находилась почти вся сеть магистральных и большая часть подъездных железных дорог Маньчжурии, общей протяженностью в 11 тыс. км, 20 тыс. км автобусных линий и 5 тыс. км паромных линий Северной Маньчжурии. Кроме того, ЮМЖД фактически контролировал «Северо-китайскую транспортную компанию», во владении которой находилось около 6 тыс. км железнодорожных линий. ЮМЖД управлял не только всеми значительными пристанями Манчжоу-го, но также и рядом больших пристаней и складским хозяйством в Северном Китае, Шанхае, Корее и Японии (Осака). Под контролем ЮМЖД находились крупные транспортные компании в Китае и Японии. Общая сумма капиталов всех транспортных компаний, находившихся под контролем ЮМЖД, составляла в 1943 г. 2,5 млрд. иен².

В тяжелой промышленности в том же году ЮМЖД имел 360 млн. иен капиталовложений. До 1937 г. концерну принадлежал крупнейший в Маньчжурии металлургический комбинат «Сйова», а с переходом этого комбината в концерн «Мангё» ЮМЖД сохранил в своих руках 23% акций комбината. В руках ЮМЖД находилась приблизительно половина акций всех каменноугольных и горнорудных предприятий Маньчжурии и Северного Китая. ЮМЖД контролировал значительную часть маньчжурских предприятий по добыче

¹ «Майнити», 31 октября 1943 г.

² Там же.

соли, производству соды, сульфат-аммония, керамических, текстильных, сахарных, электричества и газа, доки и др. В сельском хозяйстве Маньчжурии ЮМЖД выступал как монополист по скупке и переработке соевых бобов. Таким образом, ЮМЖД строился по образу и подобию главных японских концернов. Концерн владел также рядом издательств и типографий, радиостанциями и был центром японской антисоветской и антикитайской пропаганды на разных языках. Среди предприятий концерна были даже такие, как кафе и рестораны, оранжереи и крематории. «Гораздо легче ответить на вопрос о том, какого рода предприятий у ЮМЖД нет, чем на вопрос о том, какие у него предприятия есть», — писала газета «Майнити» в 1943 г.

Хотя при организации ЮМЖД было объявлено, что его акционерами могут быть японцы и китайцы (и их правительства), но фактически акционерами ЮМЖД были только японское правительство и японцы. Частным акционером-держателем правительство гарантировало 6%-ный дивиденд. Главным акционером концерна на протяжении всей его истории вплоть до его бесславного конца было японское правительство, которому принадлежало не менее 50% акций. Доходы концерна служили одним из источников финансирования Квантунской армии. За период 1915—1931 гг. японское правительство получило от ЮМЖД 125 млн. иен доходов, из которых 65 млн. иен было ассигновано на содержание Квантунской армии¹.

С захватом в 1931 г. Маньчжурии военщина стремилась еще более усилить могущество и роль ЮМЖД как органа своей экономической диктатуры в Маньчжурии. В последующие годы, в связи с усилившимися трениями между военной и концернами в метрополии, в Маньчжурии военной была развернута пропаганда под демагогическими лозунгами «недопущения свободного рвачества крупнейших концернов и капиталистов», «национализации важнейших отраслей и предприятий общественного значения» и т. п. Одновременно был выдвинут план реорганизации ЮМЖД, сводившийся к тому, чтобы изъять концерн из-под контроля правительственных органов и превратить его правление в экономический отдел штаба Квантунской армии. В марте 1933 г. был опубликован выдвинутый военным министерством правительственный план «реконструкции маньчжурской экономики», который предусматривал строжайший государственный контроль народного хозяйства Маньчжурии, создание «специальных компаний» во всех отраслях по принципу «одна корпорация в одной

¹ Ш. Лиф, цит. соч., стр. 86.

отрасли», причем все «корпорации» должны были быть подчинены ЮМЖД.

Отношения между квантунской военной кликой и главными японскими концернами в Маньчжурии отражали их отношения в указанный период в Японии.

Укрепление квантунским командованием ЮМЖД в качестве основного органа милитаризации экономики Маньчжурии отвечало коренным интересам дзайбацу, для которых Квантунская армия расчищала в Маньчжурии путь к полному господству. Вместе с тем верхушка квантунской военщины стремилась максимально использовать оккупационный режим в целях личного обогащения, укрепить свои позиции в фракционной грызне, происходившей в господствующем лагере. Для этого она осуществляла меры, которые иногда шли вразрез с текущими интересами главных концернов.

Полное господство ЮМЖД в маньчжурской экономике отнюдь не могло побудить концерны к увеличению их капиталовложений в Маньчжурии. Соответствующие призывы квантунской военщины (в частности, начальника штаба Квантунской армии, впоследствии — премьера Японии генерала Койсо) об увеличении притока японских капиталов в Маньчжурию при создавшихся в Маньчжурии условиях засилия военщины оставались без последствий. В первые годы после захвата Маньчжурии расширение ее военной экономической базы находилось почти целиком в руках ЮМЖД, в котором ни один из ведущих японских концернов не имел значительного влияния.

Концерны, однако, развернули упорную борьбу против «диктатуры» ЮМЖД. Инспирируемые ими органы печати подняли кампанию против предполагавшейся реорганизации. «Квантунская армия, — писала газета «Осака Асахи» в декабре 1933 г., — возможно, считает, что военное значение предприятий ЮМЖД выдвигает необходимость военного контроля, но нам кажется, что экономическая эксплуатация находится вне пределов задач армии... Национальная политика Квантунской армии не всегда является национальной политикой всей империи. Квантунская армия имеет право участвовать в проведении национальной политики военным путем, но едва ли ей подобает брать на себя контроль над экономической эксплуатацией»¹

Сопrotивление концернов плану реорганизации нашло свое выражение в противодействии этому плану со стороны министерства колоний и министерства иностранных дел, кол-

¹ Цит. по книге В. Я. Аварина «Империализм в Маньчжурии», М., 1934, т. I, стр. 369—370.

лектива гражданских служащих ЮМЖД, членов верхней палаты и др. В конце концов военщина пошла на уступки и реализация плана была сорвана.

Форма экономического порабощения Маньчжурии японским империализмом была установлена на основе компромисса между военщиной и финансовой олигархией на взаимно выгодных условиях. Военщина постепенно отказалась от принципа «одна корпорация в одной отрасли» (на основе ЮМЖД), и рядом с ЮМЖД в Маньчжурии образовалось множество других японских монополий, среди которых главной была созданная в 1937 г. «Маньчжурская компания по развитию тяжелой промышленности» — «Мангё»¹.

«Мангё» и другие главные японские компании были образованы на основе изданного в 1937 г. «закона о контроле над основными отраслями промышленности», по которому все сколько-нибудь значительные предприятия в Маньчжурии подлежали объединению в «специальные» и «полуспециальные» компании.

По своей природе эти компании мало чем отличались от подобных же компаний в Японии, но в то время как в Японии эти компании играли подчиненную по сравнению с концернами роль, в маньчжурской экономике они доминировали. Главными акционерами «компаний национальной политики в Маньчжурии» были японские и японо-маньчжурские правительственные органы² и «публика». Точных данных о том, что подразумевалось под этим термином в каждом отдельном случае, у нас нет, но, повидимому, речь шла об инвесторах из числа обогатившихся в Маньчжурии и Китае японских спекулянтов, генералов и офицеров, а также о представителях предательской китайской буржуазии. Во главе «компаний национальной политики» почти неизменно ставились ответственные служащие японских концернов.

Таким образом, «компания национальной политики», оставаясь военно-колониционными компаниями, действовавшими

¹ Полное название «Мангё» — «Мансю дзюкогё кайхацу кабусики кайся»

² Инвестиции «правительства Манчжоу-го в маньчжурские компании были формой ограбления японцами китайской буржуазии: «правительство» отбирало бесплатно или за бесценок предприятия у китайских владельцев и делало «взносы натурой» в вышеупомянутые компании. Полное подчинение «правительства Манчжоу-го» Японии обеспечивалось не только на основе военной оккупации, но и на основе принятого в 1935 г. так называемого «соглашения между Японией и Манчжоу-го о создании объединенного экономического совета», в котором было по четыре представителя Японии и Манчжоу-го (из последних один всегда был японец — начальник бюро общих дел «правительства Манчжоу-го», остальные три — китайцы из числа верных холопов японских властей).

под наблюдением японских военных властей, в то же время широко раскрывали двери для японского капитала и для занятия его представителями командных должностей во всех отраслях хозяйства Маньчжурии.

По японским данным, число «специальных» и «полуспециальных» компаний (без ЮМЖД) в Маньчжурии увеличилось с трех в конце 1932 г. до 69 в июне 1943 г., а их оплаченный капитал — соответственно с 13 млн. иен до 3659 млн. иен. Если прибавить к этой сумме 1086 млн. иен оплаченного капитала ЮМЖД, то окажется, что на правительственные и полуправительственные компании приходилось 4739 млн. иен, в то время как на 15 других «независимых» компаний — всего 41,5 млн. иен¹. Таким образом, 99% капиталов 86 японских компаний, монополизовавших в своих руках промышленность, транспорт, торговлю и кредит Манчжоу-го, приходилось на правительственные и полуправительственные компании. По японским данным, капиталы 69 «специальных» и «полуспециальных» компаний распределялись, как показано в табл. 44.

Т а б л и ц а 44

Капиталы „специальных“ и „полуспециальных“ компаний,
оплаченных в 1943 г. *

	Млн. иен	% к итогу
„Правительством“ Манчжоу-го	919	25,0
Концерном ЮМЖД	91	3,0
Концерном „Мангю“	1 045	28,0
Прочими инвесторами	1 598	44,0
Итого	3 653	100,0

* „Oriental Economist“, февраль 1944 г.

Среди «прочих инвесторов» главное место принадлежало также японским или японо-маньчжурским правительственным и полуправительственным учреждениям и компаниям, таким, как Квантунское генерал-губернаторство, Японский банк, японо-маньчжурские кредитные институты, Корейский банк, компания «Тойо кайхацу» и др.

Капиталовложения главных японских концернов в Маньчжурии вплоть до изгнания японцев из Маньчжурии оставались сравнительно небольшими. По японским данным, за 1943 г. концерн Мицуи, участвуя в пяти маньчжурских промышленных компаниях, имел капиталов всего на сумму 13,2 млн. иен; Мицубиси в четырех компаниях — на 6,6 млн.

¹ «Oriental Economist», февраль 1944 г.

иен; Сумитомо в трех компаниях — на 3,5 млн. иен; Окура в двух компаниях — на 7,2 млн. иен¹. В эти данные не входят суммы капиталовложений японских концернов в компании концерна «Мангё», который с 1937 г. стал главным японским концерном тяжелой промышленности Маньчжурии.

Во главе «Мангё» встало тесно связанное с крайне агрессивными кругами военщины руководство концерна «Ниссан», вытесненного из Японии «старыми концернами». ЮМЖД передал «Мангё» часть своих предприятий, в том числе самую большую в Маньчжурии металлургическую компанию «Сйова» и другие крупнейшие компании предприятий тяжелой промышленности.

«Мангё» представлял собой мощный концерн-комбинат каменноугольной промышленности, промышленности черных и цветных металлов, машиностроения и химии. Концерн строился по типу старых японских концернов.

Выше (стр. 264—266) было показано, каким образом, на основе «системы участия», обеспечивался через Аюкава контроль японского монополистического капитала над «Мангё».

До 1942 г. некоторая часть капиталов в «Мангё» еще приходилась на его компании в Японии, но с 1943 г. «Мангё» стал чисто маньчжурским концерном японцев. Общая сумма активов «Мангё» увеличилась с 606 млн. иен в 1938 г. до 2863 млн. иен в 1944 г.

В составе концерна в 1944 г. были 41 компания прямой и косвенной зависимости, в том числе: «Мангё» в качестве головной компании, пять компаний черной металлургии, 16 компаний каменноугольной промышленности, 11 компаний цветной металлургии, шесть компаний машиностроения (в том числе одна самолетостроительная и одна автомобилестроительная) и две химической промышленности². Почти во всех дочерних компаниях концерна главным акционером была компания «Мангё». Что касается японских концернов, то их капиталовложения в «Мангё», так же как и в другие маньчжурские компании, были сравнительно невелики. Наиболее крупным инвестором из японских концернов был Окура, которому принадлежало 11% акций самой большой после ЮМЖД промышленной компании Маньчжурии — «Маньчжурской металлургической»³.

¹ «Майнити», 1 мая 1943 г.

² «Oriental Economist», февраль 1944 г.

³ «Маньчжурская металлургическая» с оплаченным капиталом в 640 млн иен образовалась в апреле 1944 г. в результате слияния металлургической компании «Сйова», угольно-металлургической компании «Бэнсиху» (находившейся в течение 30 лет, до 1935 г., под контролем Окура) и горнорудной компании «Дуньбяндао».

Концерну Сумитомо принадлежало 50% акций созданных в 1944 г. компаний «Аньдунская — легкие металлы» (оплаченный капитал — 50 млн. иен) и «Маньчжурская компания силавоз» (оплаченный капитал — 12,5 млн. иен). Кроме того, Сумитомо принадлежало 2 млн. иен из 140 млн. иен капиталов компании «Маньчжурская — легкие металлы». Мицубиси участвовал лишь в одной из самых маленьких компаний «Мангю», в «Южноманьчжурской химической» (капитал — 2,5 млн. иен), где ему принадлежало 50% акций. Мицуи также участвовал лишь в одной из маленьких компаний «Мангю» («Континентальная-химическая», оплаченный капитал — 2,5 млн. иен), в которой ему принадлежало 50% акций.

Всего, по японским данным, общая сумма капиталовложений трех главных японских концернов и концерна Окура, который до 1931 г. считался среди концернов пионером «освоения» Маньчжурии, в 1934 г. не превышала 135—140 млн. иен, т. е. составляла всего лишь 2—3% японских капиталовложений в Маньчжурии.

Было бы, однако, глубочайшей ошибкой, если бы мы на основании вышеприведенных цифр капиталовложений сделали вывод о малой причастности японского финансового капитала к эксплуатации китайского населения Маньчжурии и ее природных богатств. Единственный вывод, который можно сделать из этих данных, заключается в том, что японскому финансовому капиталу удалось превратить Маньчжурию в свою вотчину и развить ее военную экономику, мобилизовав для этой цели с помощью армии и правительства не свои, а чужие капиталы. «Несомненно, японцы могут многое сделать с малыми деньгами», — справедливо указывает цитированный выше К. Алкот¹. Источниками большого роста японских и японо-маньчжурских инвестиций в Маньчжурии были прежде всего отобранные и скупленные насильственно за бесценок китайские и иностранные предприятия. Японцы превращали в капитал для военной маньчжурской экономики имущество местного населения и его рабочую силу с еще большей беспощадностью, чем они это делали в метрополии: достаточно напомнить о распространении опиума, об организованной контрабанде, о массовом сгоне с земель китайских крестьян и т. п.

Так называемая «индустриализация» Маньчжурии целиком сводилась к тому, что эта богатейшая провинция Китая была превращена в арсенал Квантунской армии преимущественно на средства самого китайского населения, отобранные у по-

¹ Там же, стр. 226.

следнего внеэкономическими методами. Применение этих методов, непрерывная и усиленная подготовка к войне против СССР, не прекращавшаяся ни на минуту война против китайского народа — все эти обстоятельства обуславливали известную специфичность структуры и организации японских компаний в Маньчжурии: их близость к армии и оккупационным властям и значительную зависимость от последней, их полугосударственный характер. Дзайбацу мало участвовали своими капиталами в Маньчжурии только потому, что предпринимательство в маньчжурских условиях было слишком рискованным. Они предпочитали перекладывать риск целиком на японо-маньчжурские власти и на японских и китайских средних и мелких капиталистов.

Кроме того, они имели все основания рассчитывать на то, что *если Маньчжурия будет окончательно закреплена за Японией и «умиротворена», то будет предпринята в широких масштабах реприватизация в их пользу полугосударственных японских предприятий в Маньчжурии, подобно тому как это имело место в Японии в конце XIX столетия.*

В сущности процесс реприватизации уже начался в 1937 г. по мере того, как военщина, отказавшись от принципа «одна корпорация на одну отрасль», разрешила создавать компании, подобные «Мангё», и передала последней часть предприятий ЮМЖД и других государственных компаний. Поэтому, воздерживаясь от больших вложений собственных капиталов в Маньчжурию, дзайбацу одновременно выступали не только как вдохновители агрессии японского империализма, но и как организаторы и руководители военной колонизации и, в частности, военно-колонизационных промышленных, транспортных и других компаний. Если главными акционерами этих компаний были правительственные органы, то их руководителями были, как правило, люди, прошедшие тренировку в компаниях дзайбацу в Японии и тесно связанные с их владельцами. К числу таких людей относится руководитель «Мангё» Аюкава. О его деятельности в Маньчжурии один из лидеров квантунской военной клики генерал-лейтенант Янагито заявил на допросе, протокол которого был оглашен на заседании суда над главными военными преступниками в Токио 11 октября 1946 г., следующее: «Аюкава был руководителем всей маньчжурской промышленности. Под его руководством были построены в Мукдене артиллерийские и авиационные заводы. Под руководством Аюкава в Маньчжурии стала развиваться тяжелая промышленность, которая играла большую роль в подготовке войны против СССР». Не только бывшие руководители, но и почти весь средний персонал военно-колонизационных компаний в Маньчжурии состоял из японцев, получивших

подготовку на предприятиях концернов в Японии и Корее. К концу войны на предприятиях Маньчжурии имелось 45 тыс. японцев и лишь 2 тыс. китайцев — инженеров и техников. Рабочая же сила была почти исключительно китайская.

О том, насколько тесны были сотрудничество и единство ведущих клик японского финансового капитала и квантунской военщины, можно судить по следующему факту: в июле 1934 г. Мукденский арсенал, эта «святая святых» Квантунской армии, был реорганизован в акционерную компанию, одна половина акций которой принадлежала «правительству» Маньчжоу-го, а вторая делилась поровну между концернами Мицуи и Окура¹. В данном случае, как и во многих других, форма акционерной компании была ширмой, которую японский капитал предоставил военщине, чтобы скрыть чисто армейскую принадлежность предприятия.

Таким образом, хотя капиталовложения главных японских концернов в Японии были сравнительно невелики, их владельцы имели достаточно средств для того, чтобы контролировать маньчжурскую экономику в годы войны и подготовить захват в свою собственность маньчжурских предприятий в случае благоприятного для Японии завершения войны.

Все эти планы финансовых магнатов Японии были разбиты Советской Армией, навсегда положившей конец господству японского империализма в Маньчжурии.

Северный и Центральный Китай

Еще до войны с Китаем японские монополии глубоко проникли в китайскую экономику и занимали господствующее положение в некоторых отраслях народного хозяйства в ряде районов собственно Китая. Наиболее значительную роль среди японских монополий в Китае играли текстильные, торговые, банковские, транспортные компании и компании горнодобывающей промышленности концернов Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Окура и ЮМЖД. До войны японские монополии инвестировали свой капитал по преимуществу в Центральный Китай. По данным Ремера², в 1930 г. японские инвестиции в Шанхае составляли 430 млн. иен, или 25% к общей сумме японских капиталовложений, тогда как капиталовложения во всех остальных районах Китая (исключая Маньчжурию, на

¹ «Ежегодник маньчжурских компаний национальной политики», Чаньчунь, 1938 (на яп. языке).

² Remer. Foreign investments in China, New-York, 1933, стр. 433.

которую приходилось 63% всех вложений) составили 218 млн. иен, или 12% к общей сумме.

С захватом в 1933—1935 гг. северных районов Китая японцы приступили к вытеснению иностранного капитала из этих районов и, опираясь на военную силу, увеличивали собственные капиталовложения.

В результате применения японцами вышеописанных методов хозяйничания японские капиталовложения во всем Китае быстро увеличивались, причем особенно быстро возрастали капиталовложения в захваченных районах (табл. 45 и 46).

Таблица 45

Порайонное распределение японских инвестиций в Китае
(исключая займы, в млн. иен) *

Р а й о н ы	На конец 1935 г.		На конец 1938 г.	
	сумма	%	сумма	%
Северный Китай	433	43,5	1 025	60,0
Центральный Китай	533	53,7	634	37,1
Южный Китай	26	2,7	28	1,6
Внутренняя Монголия	1,4	0,1	22	1,3
И т о г о	993,4	100,0	1 709	100,0

* „Oriental Economist“, декабрь 1945 г.

Так же, как и в Маньчжурии, японские монополии, подчиняя экономику Китая, стремились как можно меньше рисковать собственными капиталами, переложить большую часть риска на японские полугосударственные и кредитные институты и на те китайские компании, собственность которых не была экспроприирована японцами, но поставлена под полный контроль японских властей. В 1938 г. из 330 млн. иен, вложенных японцами в действовавшие на территории Китая японские банки, 263 млн. иен приходилось на «специальные», т. е. полугосударственные, японские банки¹. Используя успешный опыт ЮМЖД, японцы создали в Китае в 1938 г. две большие полугосударственные компании: «Акционерную компанию по развитию Северного Китая» (Кьта Сина кайхацу кабусики кайся) и «Акционерную компанию по

¹ «Oriental Economist», декабрь 1945 г.

Таблица 46

Распределение японских инвестиций в Китае по отдельным отраслям народного хозяйства (в млн. иен, включая частные коммерческие займы) *

О т р а с л ь	На конец 1936 г.		На конец 1938 г.	
	сумма	%	сумма	%
Текстильная промышленность . .	382	34	403	22
Банки	161	15	330	18
Внешнеторговые компании . . .	123	11	261	14
Горнорудная промышленность . .	107	10	121	7
Другие, кроме текстильной, отрасли обрабатывающей промышленности	92	8	162	9
Транспорт	89	8	95	5
Прочие	157	14	399	25
Итого	1 111	100	1 776	100.

* Oriental Economist, декабрь 1945 г.

развитию Центрального Китая» (Тюсина кайхацу кабусики кайся»), ставшие главными органами японских монополий и военщины по ограблению и эксплуатации китайского народа без больших частных инвестиций со стороны японских концернов.

Обе компании объединили (в качестве дочерних) ряд компаний японских концернов в Китае и крупных китайских компаний, которые были тем или иным способом поставлены под контроль японцев, после чего китайские владельцы оказались фактически устранены от руководства делами и лишены всех или части своих акций. Так же, как и другим специальным компаниям, указанным двум компаниям японское правительство предоставило ряд больших привилегий: им гарантировался твердый дивиденд, предоставлялось право выпуска долговых обязательств в размере, превышающем в 10 раз размеры их оплаченного капитала, и т. д. Обе компании превратились в крупные полугосударственные концерны. В марте 1944 г. в составе «Компании по развитию Северного Китая» было 34 дочерних компании прямой зависимости с оплаченным капиталом в 1392 млн. иен, в «Компании по развитию Центрального Китая» — 12 компаний с оплаченным капиталом в 204 млн. иен¹. Однако большие размеры капиталов

¹ «Oriental Economist», декабрь 1945 г.

обоих военнопromышленных концернов отнюдь не отражали развития промышленного или сельскохозяйственного производства в Китае — концерны эти росли за счет присоединения уже существовавших компаний. Они действовали главным образом в тех отраслях китайского народного хозяйства, которые нужны были Японии для снабжения японских войск в Китае, для производства и вывоза в Японию сырья и продовольствия. Около половины капиталов обоих концернов приходилось на транспорт и связь, среди других отраслей главной была горнодобывающая промышленность.

Главными акционерами обеих компаний были японские полугосударственные компании, а также банки марионеточных китайских правительств. Что касается японских концернов, то их доля в капиталах указанных двух компаний и в общей сумме японских инвестиций в Китае была невелика. По японским данным¹, из 3,5 млн. акций, принадлежавших японским полугосударственным кредитным институтам и частным лицам в Северном Китае, в 1943 г. на долю концернов Мицуи, Мицубиси и Сумитомо приходилось лишь 315 тыс. акций. По тем же данным, в Центральном Китае соответственно из 1 млн. японских акций в руках указанных трех концернов было лишь 90 тыс. акций.

Рядом с указанными полугосударственными компаниями в Китае существовали независимые от последних компании главных японских концернов. Из компаний Мицуи следует отметить «Компанию высокого давления Тойо», владевшую рядом химических предприятий в Китае, цементную компанию Окада, владевшую цементными предприятиями в Шанхае и других городах, бумагоделательную компанию «Одзи сэйси», монополизовавшую производство бумаги в Шанхае; хлопчатопрядильную «Тойода», владевшую многочисленными хлопчатопрядильными предприятиями; Японскую мукомольную, владевшую крупнейшими предприятиями пищевой промышленности в Шанхае, и др. «Мицубиси дзюкогё» владела рядом китайских верфей. Другим компаниям Мицубиси принадлежали крупные предприятия в химической, цементной, пищевой промышленности, в ремонте и сборке автомашин. В Китае находились крупнейшие филиалы банков Мицуи и Мицубиси и их торговых компаний.

Из других концернов важную роль играли: Сумитомо, имевший филиалы своих банков в Шанхае и Ханькоу; Окура, владевший рядом горнодобывающих и металлургических предприятий в провинции Шаньси; Асано, владелец нескольких промышленных предприятий в Шанхае и провинции Шаньси,

¹ «Майнити», 1 мая 1943 г.

и др. После начала войны на Тихом океане японская военщина передала в распоряжение японских концернов («во временное управление до окончания войны») почти все крупнейшие предприятия и склады английских и американских компаний в Шанхае, Тяньцзине и Гонконге.

Таким образом, сравнительно небольшие капиталовложения концернов отнюдь не были препятствием для овладения японскими монополиями китайской промышленностью и транспортом. Правление «Компании по развитию Северного Китая» находилось в Токио, и его президентом был вначале Дзюити Цусима, бывший ранее вице-президентом Японского банка, а с 1945 г. — Иосиаки Хатта, президент многих японских промышленных компаний. Президентом «Компании по развитию Центрального Китая» был Кэндзи Кодама, бывший ранее директором банка Иокохама спэши и президентом ассоциации торговых союзов.

Японские компании в Китае приносили их владельцам колоссальные прибыли. Показательным является следующий пример: из 714 тыс. веретен, принадлежавших хлопчатобумажной компании «Ниссин босэки», в Японии находилось 670 тыс. веретен, в Китае (в Циндао) — всего 44 тыс. веретен, или 6,7% к числу веретен в Японии. В то же время фабрики компании в Циндао за первое полугодие 1941 г. принесли 39% общей суммы прибылей, полученных компанией в том же полугодии¹.

Японские империалисты прочно прибрали к рукам финансы захваченных ими областей Китая. В 1939 г. на оккупированных территориях было запрещено обращение банкнот Японского, Корейского и Маньчжурского банков, в 1938 г. в Бейпине был создан Китайский банк национальных фондов (другое его название — Федеральный резервный банк Китая), а в 1940 г. в Шанхае открылся Центральный резервный банк Китая. Оба эти банка находились под полным контролем японских властей и большая часть их штата состояла из японских чиновников. Банкноты этих банков, которые формально принадлежали марионеточным китайским правительствам, почти ничем не отличались от выпускавшихся японским командованием военных иен и служили одним из средств финансирования за счет китайского народа японских компаний в Китае и японских военных закупок.

В результате ухудшения военного положения Японии с конца 1942 г. японские империалисты в Китае начали усиливать «мирное наступление» на чунцинское правительство, пытаясь опереться на влиятельные прояпонские круги китай-

¹ «Тойо кэйдзай», 1 августа 1942 г.

ских помещиков и буржуазии как на оккупированных, так и на свободных от японского владычества территориях Китая, и добиться заключения мира с Чунцином. Этой цели японцы старались достигнуть, добившись соглашения марионеточного нанкинского правительства Ван Цзинь-вэя с правительством Чан Кай-ши о создании общекитайского «дружественного к Японии» правительства. Для этого японцам было необходимо поднять престиж марионеточного правительства в глазах китайских господствующих клик, рядом дипломатических ходов продемонстрировать его «независимость» и усилить подкуп китайской буржуазии. По договору, заключенному Японией с нанкинским «правительством» в октябре 1943 г., Япония взяла на себя обязательство вывести по окончании войны из Китая свои войска, отказаться от преимущественных прав в отношении разработки ресурсов и торговли, от прав экстерриториальности и т. д.¹

Одновременно был продемонстрирован ряд уступок и в экономической области: японцы отказались от выпуска военных иен, и единственной законной валютой на оккупированных территориях стали деньги марионеточных правительств, причем для поддержания курса «валюты»² Японский банк предоставил Федеральному резервному банку кредит на пять лет в сумме 200 млн. иен. Свои собственные рекорды демагогии японцы побили, торжественно объявив в 1943 г. о резком (на 30—100%) «снижении пошлин» на китайские товары, ввозимые в Японию — как будто для китайского народа имело какое-нибудь значение, взимала ли японская таможня с японских купцов пошлины за товары, которые почти за бесценок насильственно отнимались у нищего и голодающего Китая.

Ради достижения своих целей японцы действительно уступили китайской буржуазии кое-что из награбленного в прежние годы. В ноябре 1943 г. из «Компании по развитию Центрального Китая» было разрешено выйти двум ее крупнейшим дочерним компаниям — «Центральной компании по производству шелка-сырца» и «Центральной китайской соляной компании», причем первая из этих компаний была распущена, а

¹ В связи с заключением упомянутого договора главный японский советник нанкинского правительства Сотаро Исивата заявил 18 августа 1943 г.: «Наибольшее влияние новой политики по отношению к Китаю будет, по моему, заключаться в том, что будет убран предлог для сопротивления со стороны чунцинского правительства. В результате этого резко увеличится количество участников мирного лагеря, т. е. тех, кто заявит о поддержке нанкинского правительства» («Июмиури хоти», 18 августа 1943 г.).

² Курс был установлен: 1 долл. Центрального резервного банка = 1 иене, 18 долл. Федерального резервного банка = 100 иенам.

ее предприятия возвращены китайским владельцам. Акции второй компании, принадлежавшие японцам, были проданы нанкинскому «правительству». Одновременно китайским коллаборационистам были уступлены несколько весьма крупных и множество средних постов, занимавшихся японцами в директоратах и аппарате «китайско-японских» компаний, предприятий, банков, контрольных ассоциаций (последние насаждались японцами в Китае так же интенсивно, как и в метрополии), в особенности в Центральном Китае, где концентрировались богатства господствующих клик китайской буржуазии и ставка делалась на превращение нанкинского «правительства» в общекайтайское¹. Было даже объявлено о передаче нанкинскому «правительству» вражеской собственности, т. е. собственности, захваченной японцами у англичан и американцев и находившейся с начала войны в управлении у компаний концернов.

Разумеется, все эти маневры японских империалистов несколько не ослабили их господства на оккупированной территории, поскольку все военные, политические и экономические командные позиции продолжали оставаться в их руках, но до известной степени содействовали усилению капитулантских настроений среди руководящих клик гоминдана и сыграли определенную роль в углублении гоминданом раскола единого национального фронта, что явилось главной причиной поражения, нанесенных японцами гоминдановским армиям в 1944 г.

В течение всей войны единственной силой, которая в труднейших условиях с успехом вела до конца последовательную борьбу против превращения Китая в вотчину дзайбацу, были китайские народно-демократические армии, руководимые коммунистической партией Китая. В ходе войны против Японии народно-демократическим армиям, ведшим борьбу не только против японских войск, но и отражавшим атаки войск Гоминдана и преодолевавшим гоминдановскую блокаду, удалось освободить из-под власти японского империализма обширную китайскую территорию с населением около 100 млн. человек. Борьба народных армий сорвала японский империали-

¹ В Северном Китае «новая политика» японцев не привела к сколь-нибудь существенным изменениям. В провинции Шаньси, где компаниями Окура, Асано и Мицуи были захвачены почти все крупные китайские предприятия, объединенные в «промышленную компанию Шаньси», новые владельцы — дзайбацу с успехом воспротивились попыткам японских военных властей передать контроль над этой компанией шаньсийскому провинциальному китайскому «правительству». «Новый курс» свелся лишь к тому, что «Промышленная компания Шаньси» была объявлена японо-китайской и в состав ее правления были милостиво допущены несколько китайских коллаборационистов.

листический план покорения Китая и помешала японским империалистам использовать в той степени, как они рассчитывали, ресурсы Китая для войны против Объединенных Наций.

Тесный контакт японских дзайбацу с предательской китайской крупной буржуазией и помещиками, измена стоявших у власти гоминдановских буржуазно-помещичьих клик национальному делу Китая — все эти факторы содействовали затяжке войны в Китае и намного увеличили жертвы, понесенные китайским народом в борьбе против японских захватчиков.

Страны Южных морей

Странами Южных морей в Японии называют колонии и полуколонии европейского и американского империализма в Тихом и Индийском океанах — Индокитай, Таи, Бирму, Малайские штаты, Филиппины, Индонезию, Австралию, Новую Зеландию. Эти страны издавна привлекали особое внимание японского империализма и как богатейшие источники сырья, и как рынки сбыта, и как военно-стратегические объекты (через них пролегал путь в Индию). «Освоение» стран Южных морей японскими захватчиками началось задолго до того, как они были оккупированы японскими армиями. В начале 30-х годов, по мере развития японской агрессии в Китае, дзайбацу и военщина начали активно готовиться к захвату вышеупомянутых территорий.

Экономическая подготовка велась путем экспорта капиталов и товаров и создания японских компаний на территории указанных стран. По данным журнала «Даямондо»¹, уже в 1935 г. из 4644 млн. иен иностранных капиталовложений в страны Южных морей на долю Японии приходилось 1113,5 млн. иен против 1314,7 млн. иен, принадлежавших Голландии, и 1235,3 млн. иен, принадлежавших Англии. Таким образом, Япония по размерам капиталовложений догнала эти страны, которые в течение веков господствовали над странами Южных морей, и намного перегнала все остальные страны, имевшие там капиталовложения. Главными отраслями, в которые японцы вкладывали свои капиталы, были каучуковые, чайные и кофейные плантации, а также добыча железной руды и нефти². Большинство компаний, действовавших на Юге,

¹ Цит. по журналу «Тихий океан» № 3 (9), 1936, стр. 170.

² По частичным данным в 1941 г., инвестиции японцев по отдельным отраслям народного хозяйства в странах Южных морей распределялись следующим образом (в млн. иен): сельское хозяйство — 172; производство каучука — 80; производство копры — 88; леса — 16; горнодобывающая и обрабатывающая промышленность — 60; манильская пенька — 20; земляные орехи — 44; рыболовство — 12; торговля — 40 («Oriental Economist», декабрь 1945 г.).

находилось под контролем концернов Мицубиси, Мицуи, Исихара и Номура. Для содействия экономическому «освоению» Юга были созданы две специальные полугосударственные компании — «Тайван такусйоку» («Компания по колонизации Формозы», занимавшаяся не только и не столько собственно Формозой, сколько превращением Формозы в базу для экспансии на Юг) и «Нанъёо такусйоку» («Компания по колонизации Юга»). Почти во всех странах Южных морей были открыты филиалы банка Иокохама спэши и крупнейших коммерческих банков. Начиная с 1931 г., почти непрерывно из года в год возрастал экспорт Японии в страны Южных морей.

Военная подготовка к захвату стран Южных морей, помимо усиления военно-морского флота и других вооруженных сил Японии, включала создание мощных «пятых колонн», опиравшихся на японских колонистов и японские коммерческие компании.

Как в Японии, так и в странах Южных морей велась пропаганда панasiatизма, а также специальных откровенно империалистических «южных теорий», наиболее рьяным распространителем которых выступал уже неоднократно упоминавшийся нами промышленник и финансист Коитиро Исихара, имевший тесные связи с военно-морскими кругами. «Теории» эти сводились к тому, что продвижение на Юг более выгодно для Японии, чем на Север, так как южные районы богаче и плодороднее и лучше приспособлены для разрешения проблемы сырья и перенаселения.

Слабость обороны стран Южных морей, являвшаяся следствием политики «дальневосточного Мюнхена», политики направления японской агрессии против СССР, проводившейся США и европейскими империалистическими странами, чьими колониями были страны Юга, привела к тому, что Япония сумела в течение нескольких месяцев войны на Тихом океане овладеть территориями этих стран (Индокитай и Таи были поставлены японцами под контроль еще до начала войны). Осуществилась заветная мечта японских захватчиков: они стали владельцами стран сказочных природных богатств — каучука, олова, нефти, железной руды, хлопка, риса и т. д.

Если приспособление Маньчжурии и отчасти Северного Китая для военных нужд японского империализма, помимо методов прямого ограбления, производилось также с помощью военно-промышленного строительства (как мы видели выше — преимущественно на средства местного населения), то в странах Южных морей грабительская экономическая политика японского империализма выступала в наиболее голом и неприкрытом виде — речь шла лишь о выкачке сырья и продуктов для Японии. 58 млрд. иен доходов по японскому воен-

ному бюджету, полученных за годы войны в виде «займов из стран Юга», — это лишь часть насильственно отнятой у народов этих стран стоимости их национального дохода или национального богатства, та часть, которую японские захватчики сочли возможным «записать в долг» жертв своей агрессии.

В Индокитае японские захватчики ввели для крестьян принудительную разверстку рисовых посевов: крестьяне обязывались расширять посевы риса за счет других культур, в которых японцы не нуждались. Все крестьяне и торговцы были обязаны давать властям точные сведения о посевной площади, об урожае и запасах риса, и после сбора урожая рис скупался японскими властями по ценам, в несколько раз более низким, чем рыночные. На Яве все каучуковые, кофейные и другие плантации были переданы под контроль созданной военными властями «Производственной контрольной ассоциации». Все кредитные институты были превращены в филиалы японских банков Мицуи, Южнокитайского, Казначейства по развитию Южных районов, Иокосама спэши и Формозского. На Филиппинах взамен закрытых американских банков были открыты японские. Японцы обязывали крестьян ликвидировать посевы сахарного тростника и сеять хлопок или манильскую коноплю. Были созданы японские сельскохозяйственные, промышленные и торговые компании, которые полностью сосредоточили в своих руках контроль над филиппинскими промышленными, торговыми и транспортными предприятиями и действовали по указаниям созданного в 1943 г. Генерального директората японской военной администрации. То же самое было сделано и в Северном Борнео, в Бирме, в Малайе, во всей Голландской Индии — везде японцы закрывали банки и другие компании стран-метрополий и взамен них создавали свои банки, свои военно-промышленные и военно-торговые компании, целью которых была выкачка максимального количества сырья и продовольствия для Японии и японской армии.

В качестве финансового органа по ограблению оккупированных стран Юга в Японии было создано государственное «Казначейство по развитию Южных районов» (другое название — «Банк Южных морей») с капиталом в 100 млн. иен, имевшее свои агентства и отделения во всех центрах стран Юга. «Казначейство» было связано с местными банками, поставленными под полный контроль японцев, и с японскими банками, из которых главным был Иокосама спэши, увеличивший число своих филиалов на Юге с 9 в 1941 г. до 47 в 1943 г.

Армия, сохраняя свой контроль над странами Юга, которые в течение всей войны были театром военных действий, с самого начала широко распахнула двери для дзайбацу.

Характерным в этом отношении является заявление, сделанное в начале 1942 г. начальником секции военных запасов военного министерства полковником Окада на «конференции круглого стола» в Токио с участием представителей «деловых кругов». «Управление различными видами промышленности в Южных районах,— заявил Окада,— будет вверено опытным и способным промышленникам, которые временно будут находиться под контролем армии. В свое время в Маньчжурии и Китае были созданы компании государственной политики, но ввиду безотлагательности необходимых мер мы не можем ждать издания правительством специальных законов, которые регулировали бы организацию таких компаний. По этой причине армия решила поручить руководство промышленностью в Южных районах опытейшим промышленникам с таким расчетом, чтобы можно было положиться на их собственную инициативу и изобретательность в развитии естественных ресурсов Юга... Промышленностью Южных районов будут руководить отдельные концерны под контролем военных властей. Во время основания Манчжоу-го была тенденция избегать привлечения финансовых кругов, но сейчас армия совершенно не принимает эту идею... Отделения фирм в Южных районах будут подчиняться их главным управлениям в Японии, но так как вся работа этих отделений будет находиться под контролем армии и так как связь между ними и их главными управлениями не будет достаточно нормальной, полагают, что руководители отделений фирм, посланные в Южные районы, будут облечены широкими полномочиями»¹. Министр торговли и промышленности Киси также заявил о том, что правительство решило отказаться от создания на Юге новых государственных компаний и что «разработка Юга будет возложена на предпринимателей, которые издавна занимались разработкой ресурсов в этих странах»².

Таким образом, армия и правительство с первых же дней после захвата стран Юга безоговорочно приняли требование дзайбацу о предоставлении им «свободы действия» на оккупированных территориях. Требование это было выражено в следующем заявлении Исихара: «Я полагаю,— сказал он,— что разработку ресурсов Юга смогут вести с соблюдением свободы частные компании, занимающиеся эксплуатацией ресурсов... Так как существующие государственные компании и бюрократические органы по эксплуатации ресурсов не соответствуют условиям Юга, то их следует совершенно избегать»³.

¹ «Тюгай», 23 апреля 1942 г.

² «Хоти», 29 января 1942 г.

³ «Тюгай», 2 января 1942 г.

«Японская промышленная федерация» писала в своей резолюции: «Необходимо разделить промышленность стран Юга по нескольким районам и доверить каждому предпринимателю независимую эксплуатацию ресурсов»¹.

Так же как и в Китае, одним из первых актов военщины в оккупированных странах Юга была передача под контроль концернов всех предприятий, принадлежавших подданным вражеских государств. Так, например, в марте 1942 г., вскоре после занятия Сингапура, все сингапурские судоверфи были переданы под контроль «Мицубиси дзюкогё». Судоверфи и склады Гонконга были распределены между концернами Мицуи и Мицубиси. То же самое имело место в странах Юга повсюду: доки, банки, склады, каучуковые, кофейные и другие плантации, принадлежавшие прежним колонизаторам, передавались под контроль дзайбацу. В Индокитае Мицубиси был предоставлен контроль над разработками фосфата в Лаокой. Мицуи получил в свое распоряжение медные рудники Сепанто и другие горные разработки на Филиппинах. В сентябре 1942 г. на Филиппинах уже действовали 50 японских компаний².

Увеличение капиталов и собственности японских компаний происходило почти исключительно путем ограбления местного населения и местного капитала — ввозить машины и оборудование из Японии было почти невозможно. Различные широковещательные проекты гидроэлектростроительства и строительства дорог (например, автострады Токио — Сингапур, с тоннелем под Корейским проливом) носили чисто проектерский характер, и к их реализации даже не было приступлено. Около 30 крупных и хорошо оборудованных судоверфей Филиппин, Явы, Борнео и других японцы пытались приспособить для деревянного судостроения, но, несмотря на то, что почти все эти верфи были оставлены их прежним владельцам в полной сохранности, успехи в развитии деревянного судостроения были незначительны, главным образом, из-за недостатка двигателей и технического персонала. Японцы не имели возможности выделить в нужном количестве технический персонал с предприятий империи. Попытки такого рода нередко оканчивались провалом, в связи с военными действиями. Так, например, в 1942 г. был торпедирован и погиб вместе со всеми пассажирами пароход «Тойо мару», на борту которого находилось свыше 500 японских инженеров и техников, командированных на предприятия Юга.

¹ «Нихон когё симбун», 3 июля 1942 г.

² James S. Allen, цит. соч., стр. 80.

Уже начиная с 1943 г. в результате действий союзного флота Япония постепенно отрезалась от стран Юга. Оккупанты, однако, продолжали хозяйничать на захваченных территориях и использовать их ресурсы для войны против Объединенных Наций. Только общая капитуляция Японии, последовавшая после сокрушительных ударов советских войск и флота по японским войскам в Маньчжурии и Корее, привела к освобождению стран Юга от японского господства. Победа Советского Союза над империалистической Японией явилась толчком для широкого размаха в странах Юга национально-освободительного движения. В результате победы Советского Союза и других демократических сил над гитлеровской коалицией, предпринятая японскими империалистами попытка превратить Китай, Индию и страны Юга в колонии дзайбацу окончилась полным для них провалом.

ГЛАВА VII

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА США В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЯПОНИИ

Два политических курса по отношению к послевоенной Японии

Еще до капитуляции Японии страны, участвовавшие в войне против нее, наметили пути ликвидации опасности возобновления японской агрессии. На конференциях в Каире и Ялте было решено лишить Японию захваченных ею чужих территорий. На конференции в Потсдаме в июле 1945 г. были выработаны условия капитуляции и послевоенного режима в Японии, предусматривающие полное разоружение японских армии и флота, уничтожение основ милитаризма, демократизация внутренней жизни страны.

«Должны быть ликвидированы навсегда,— гласит Потсдамская декларация,— власть и влияние тех, кто обманул и ввел в заблуждение народ Японии, направив его на завоевание мира, так как мы настаиваем на том, что новый порядок мира, безопасности и справедливости будет невозможен до тех пор, пока безответственный милитаризм не будет изгнан из мира... Мы не стремимся к порабощению японцев как расы или уничтожению их как нации, однако должно быть осуществлено суровое правосудие в отношении всех военных преступников... Японское правительство должно будет устранить все препятствия для возрождения и укрепления демократических тенденций среди японского народа. Будут установлены свобода слова, религии и мысли, так же как и уважение к основным человеческим правам... Японии будет разрешено иметь такую промышленность, которая будет поддерживать ее хозяйство и позволит произвести изъятие справедливых репараций в натуре, но не такую промышленность, которая позволит ей перевооружиться для войны. Имея в виду эту цель, доступ к сырью, в отличие от контроля над ним, будет разрешен. Эвентуальное участие Японии в международных торговых соглашениях будет разрешено».

Поддержанная Советским Союзом Потсдамская декларация была выражением демократического курса по отношению к Японии. Она отражала волю и решимость прогрессивного человечества превратить реакционную Японию, Японию дзайбацу и милитаристов, в демократическую и миролюбивую страну, превратить ее из очага войны в очаг мира и безопасности на Тихом океане. После окончания войны все демократические силы Японии во главе с компартией заявили, что их цель — выполнение Потсдамской декларации, так как ее условия могут и должны стать основой для демократизации Японии. Таким образом, Потсдамская декларация стала общей программой всего мирового демократического лагеря, в том числе и его японского отряда.

На совещании министров иностранных дел СССР, США и Англии в Москве в декабре 1945 г. было определено, что основная ответственность за выполнение условий Потсдамской декларации возлагается на США, чьи военные представители возглавляют оккупацию Японии. Вместе с тем были определены условия активного участия в работе по демократизации Японии всех стран, подписавших Потсдамскую декларацию. Было решено создать Дальневосточную комиссию (ДВК) и Союзный Совет для Японии. В состав ДВК входят представители СССР, Китая, США, Англии, Франции, Голландии, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Индии и Филиппин. Союзный Совет был определен в составе главнокомандующего, который является председателем и членом Совета от США, и членов Совета от СССР, Китая и Англии.

В задачи Дальневосточной комиссии входит формулирование политической линии, принципов и общих оснований, в соответствии с которыми должно осуществляться выполнение Японией ее обязательств по условиям капитуляции. Комиссия может пересматривать директивы, даваемые главнокомандующему оккупационных сил, или любые решения, принятые главнокомандующим, относящиеся к политической линии.

Задачей Союзного Совета является консультация с главнокомандующим и дача ему советов по вопросам, касающимся осуществления условий капитуляции, оккупации и контроля над Японией.

В июле 1947 г. Дальневосточная комиссия опубликовала подробную программу под названием «Основная послевоенная политика для Японии», базирующуюся на принципах Потсдамской декларации. В третьей части этого документа указывается, что первоначальная задача оккупационных сил заключается в разоружении и демилитаризации Японии. Программа требовала, чтобы Япония не имела армии, воен-

но-морского флота и военно-воздушных сил, секретной полиции и гражданской авиации, чтобы была запрещена и строго преследовалась всякая антидемократическая и милитаристическая деятельность. Документ предусматривает необходимость поощрения образования демократических политических партий, профсоюзов и других организаций. Четвертая часть программы предусматривает запрет производства военных материалов. Предусмотрены устранение от занятия важных экономических постов «японцев, которым нельзя доверять направление японских экономических усилий для достижения только мирных демократических целей», а также роспуск крупных промышленных и банковских объединений и замена их «организациями, которые будут осуществлять контроль и владение на более широкой основе». В программе указывается на необходимость поощрять те формы экономической деятельности, которые «можно признать способными укрепить демократические силы в Японии и предотвратить возникновение такого положения, при котором экономическая деятельность может быть использована для поддержания военных целей». Указывается, что «японские власти будут направляться таким образом, чтобы вырабатывались программы с целью избежать острого экономического истощения, соблюдать репарационные поставки и обеспечивать нужды японского народа». Последняя часть программы предусматривает целесообразность допуска Японии к участию в международной торговле и определяет порядок выплаты Японией репараций.

Несмотря на отдельные недостатки вышеназванного документа, навязанные представителями англо-американского блока, в его основе лежали принципы Потсдамской декларации, и поэтому он, как и сама декларация, выражает демократический курс Советского Союза и всего демократического лагеря по отношению к послевоенной Японии.

Однако принятие и опубликование ДВК в 1947 г. вышеуказанной программы, как и других прогрессивных рекомендаций, ни в какой степени не изменило политики американского империализма в Японии, направленной на срыв реализации условий Потсдамской декларации, против демократизации и демилитаризации Японии, политики, имеющей своей целью сохранение в Японии господства реакционных клик, ее ремилитаризацию, превращение в колонию Уолл-стрита и базу агрессии американского империализма у берегов Азии. Политика США по отношению к Японии — составная часть послевоенной политики империалистического лагеря, основной целью которого является «подготовка новой империалистической войны, борьба с социализмом и

демократией и повсеместная поддержка реакционных и анти-демократических профашистских режимов и движений»¹.

Характеризуя эту крайне агрессивную политику американских империалистов, Г. М. Маленков говорил: «Чем отличаются бредовые замыслы такого рода «американизации» всех стран и континентов от сумасшедшего плана Гитлера — Геринга насчет «германизации» сперва Европы, а затем всего мира? Чем отличаются эти замыслы от не менее сумасшедших планов Танака — Тодзио насчет подчинения японским империалистам всей Азии и бассейна Тихого океана? По сути дела только тем, что агрессивная программа поджигателей новой войны превосходит вместе взятые планы их немецких и японских предшественников»².

Для достижения своих агрессивных целей США используют все звенья аппарата послевоенного контроля над Японией. Главным орудием осуществления империалистической политики США является оккупационный аппарат, возглавляемый генералом Макартуром, известным душителем национально-освободительного и рабочего движения, одним из наиболее реакционных, фашиствующими американских милитаристов³. Опираясь на свой оккупационный военный и военно-полицейский аппарат, американский империализм саботирует выполнение всех прогрессивных рекомендаций Дальневосточной комиссии, принимаемых по требованиям советского представителя.

Еще до капитуляции Японии в Потсдаме было достигнуто соглашение о подготовке мирного договора с Японией Советом министров иностранных дел СССР, Китая, США и Англии — держав, участвовавших в разгроме Японии и связанных определенными взаимными обязательствами, принятыми на конференциях в Каире, Ялте и Потсдаме. Но американские реакционеры отказываются от выполнения условий подготовки мирного договора. 11 июля 1947 г. правительство США обратилось к правительствам СССР, Китая и Англии с предложением заменить Совет министров иностранных дел конференцией 11 государств — участников Дальневосточной комиссии. Цель этого предложения заключается в том, чтобы

¹ А. Жданов. О международном положении (Информационное совещание представителей некоторых компартий, М., 1948, стр. 23).

² «Правда», 7 ноября 1949 г.

³ Отец Макартура — участник завоевания Соединенными Штатами Филиппин и первый американский генерал-губернатор Филиппин. Сам Дуглас Макартур сделал себе карьеру на том, что во время долголетней службы в американской армии на Филиппинах руководил подавлением национально-освободительного движения филиппинцев, а в 1932 г. руководил бойней, учиненной против участников «голодного похода» безработных в столице США — Вашингтоне.

лишить Советский Союз законного права решающего голоса (наравне с Китаем, США и Англией) при выработке условий мирного договора и, используя послушное англо-американскому блоку большинство, закрепить в будущем мирном договоре реакционный режим, спасенный от гибели усилиями американской реакции и поддерживаемый во время оккупации американскими властями. Правящим кругам США нужен такой мирный договор, который дал бы возможность их японским марионеткам наиболее эффективно проводить политику превращения Японии в американский военный плацдарм и оплот американской реакции на Дальнем Востоке. Правительство СССР отклонило предложение США, указав в своем ответе, что оно «настаивает на том, чтобы вопрос о созыве конференции для составления мирного договора с Японией был предварительно рассмотрен на Совете министров иностранных дел в составе представителей Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая»¹.

На Парижской сессии Совета министров иностранных дел в 1949 г. Советский Союз вновь поднял вопрос о необходимости приступить к подготовке мирного договора с Японией в соответствии с решением Потсдамской конференции. Но предложение Советского Союза не было принято представителем США, заявившим, что его правительство не считает Совет «подходящей организацией для подготовки мирного договора с Японией». Последующие события, в особенности использование Японии в качестве базы американской военной агрессии в Корее, явились новым ярким доказательством тому, что саботирование условий, выработанных в Потсдаме, затяжка оккупации Японии, нужны американскому империализму для того, чтобы прочнее «освоить» Японию как военный плацдарм, помогать японской реакции душить демократические силы, заставить японских трудящихся работать на войну, подготовляемую американскими монополистами против СССР, против лагеря мира, демократии и социализма.

Американские империалисты участвовали в войне против Японии потому, что им нужно было уничтожить Японию как своего конкурента и утвердить свое господство на Дальнем Востоке. После войны американские империалисты используют японскую реакцию как ударный отряд в подготовляемой ими войне против СССР и стран народной демократии. В связи с победой национально-освободительного и демократического движения в Китае и его успехами в других странах Востока американские империалисты видят в японской реакции

¹ «Правда», 31 августа 1947 г.

союзника в борьбе за сохранение и восстановление колониального господства империализма в Азии. Японские реакционеры, во главе с дзайбацу, предают национальные интересы Японии, идут на поводу американского империализма, ибо в его лице они видят главную опору для сохранения в своих руках богатства и власти. На почве общих классовых и политических интересов японские реакционные клики, ввергнувшие японский народ и другие народы Азии в долголетнюю кровопролитную войну, приведшие свою страну к национальной катастрофе, превратились в прямых пособников американского империализма — их недавнего соперника в борьбе за мировое господство.

«Сотрудничество» правящих реакционных клик США и Японии легло тяжелым бременем на плечи японского народа. Это «сотрудничество» грозит Японии новыми великими бедствиями, так как у американского империализма нет иных целей по отношению к Японии, кроме превращения ее народа в пушечное мясо и объект хищнической эксплуатации Уолл-стрита. Поэтому борьба за национальную независимость Японии как необходимое условие ее демократизации и демилитаризации, подъема ее мирной экономики, как необходимое условие длительного и прочного мира на Дальнем Востоке составляет основное содержание политики по отношению к послевоенной Японии всего мирового демократического лагеря, в том числе и его японского отряда.

Борьба американского империализма против демократизации и демилитаризации Японии. Сохранение политической власти в руках реакционных клик

После разгрома Советской Армией Квантунской армии, являвшейся оплотом японского милитаризма, Япония капитулировала. Ее армия и флот были разоружены и демобилизованы, все штабы и другие военные органы прекратили свое легальное существование. Некоторые руководители армии и правительства, в том числе наиболее известные фашистские лидеры — Тодзйо, Койсо, Араки, Итагаки, Хасимото, Хирота, были арестованы и в качестве главных военных преступников преданы суду Международного военного трибунала для Дальнего Востока («Токийский трибунал»), после длительного судебного процесса признаны виновными в совершении преступлений против человечества и осуждены.

Все существовавшие во время войны массовые и «тайные» милитаристские и черносотенные организации были запрещены и либо распущены, либо ушли в подполье.

В результате чистки государственного аппарата несколько сот видных чиновников, открыто связанных в прошлом с милитаристскими организациями, были уволены в отставку. В первые месяцы после капитуляции японское правительство (правда, после длительных проволочек) выпустило из тюрем политических заключенных и легализовала деятельность демократических партий и организаций.

Выполнение всех вышеуказанных мероприятий американское командование с самого начала подчинило интересам американского империализма.

Во-первых, американские империалисты не могли не считаться с мощью мирового демократического лагеря, с международным общественным мнением, в том числе и с общественным мнением прогрессивных кругов США, требующих осуществления Потсдамской декларации. Полностью и открыто игнорировать международное общественное мнение значило бы содействовать усилению во всех странах империалистического лагеря (в том числе и в США) позиций демократических сил, выступающих против империалистического курса внешней политики США. Поэтому осуществление после капитуляции Японии этих мер следует рассматривать только как результат победы народов Объединенных наций над германским фашизмом и японским империализмом, как результат необходимости для американских империалистов прибегать к политическим маневрам перед лицом роста и укрепления сил демократии и социализма во всем мире.

Во-вторых, американские империалисты не могли не считаться с фактом политического банкротства внутри Японии реакционных клик, приведших свою страну к войне и полному военному поражению. Оставлять у власти всю банду правителей Японии в ее прежнем составе значило бы немало сузить возможности политического маневрирования японской реакции в борьбе против демократических сил Японии. Поэтому американские оккупационные власти выдвигали в правительственные органы тех японских реакционеров, которые в годы войны не занимали руководящего положения в правительственных и общественных органах и чье участие в деятельности реакционных клик было более или менее замаскировано.

В-третьих, американское командование не могло пренебрегать интересами безопасности своих войск и оккупационных органов. Общая линия японской реакции, направленная на союз с американским империализмом против японского народа, не исключала возможности эксцессов по отношению к оккупационным органам со стороны многих японцев, шовинистически воспитанных фашистскими организациями в

духе ненависти к представителям «белой расы» и в особенности к представителям США — страны, введшей еще задолго до войны расовые дискриминационные законы об иммиграции, направленные, в частности, против японцев и других народов «желтой расы». Поэтому американские власти в Японии были прямо заинтересованы в разоружении армии, ведшей войну против США, в роспуске милитаристских организаций и в замене прежних японских военных и военно-политических формирований новыми, завуалированными под полицейские и гражданские органы, со специально подобранным под контролем американских властей личным составом.

Военное поражение ни в какой мере не было для японских правителей неожиданностью, и последнее правительство военного времени, правительство адмирала Судзуки, специально подобранное из числа так называемых «умеренных», было правительством поисков компромисса и путей для сохранения власти после поражения. Как указывает Т. А. Биссон, «хотя они (правящие клики. — Я. П.) и потерпели военное поражение, но ими заранее были тщательно разработаны планы для того, чтобы сохранить в своих руках контроль над любой государственной структурой, которая может возникнуть в ходе оккупации, и для того, чтобы противостоять любым попыткам подорвать их власть и главные привилегии».

В борьбе за достижение этих целей японские правители получили поддержку со стороны американских властей.

В первые недели после капитуляции американское командование осуществляло свою власть через откровенно милитаристский кабинет во главе с генералом принцем Хигасикуни. Затем у власти находились кабинеты, возглавлявшиеся Сидэхара (октябрь 1945 г. — апрель 1946 г.) и Йосида (май 1946 г. — 1 июня 1947 г.) и состоявшие из представителей крупнейших послевоенных партий японской реакции: «либеральной», переименованной впоследствии в «либерально-демократическую»¹, и «прогрессивной партии», переименованной в феврале 1947 г. в «демократическую партию», а в апреле 1950 г. — в «народно-демократическую».

Обе эти партии образовались сразу после войны из членов парламента и внепарламентских деятелей, принадлежавших в прошлом к партиям сэйюкай и минсэйто и вошедших в 1940 г. в «Ассоциацию помощи трону».

¹ Переименование либеральной партии в начале 1948 г. в либерально-демократическую было связано с тем, что возглавлявшаяся Сидэхара одна из фракций демократической партии откололась от последней и слитась с либеральной партией, возглавляемой Йосида.

Сидэхара — лидер сначала демократической, а затем одной из фракций либерально-демократической партии, зять владельца концерна Мицубиси, один из крупнейших политических деятелей клики «партийных лидеров», т. е. наиболее надежных слуг дзайбацу. В конце 1945 г., будучи премьером, Сидэхара открыто выступил в парламенте против привлечения к суду военных преступников. «Нет такого закона,— заявил он,— на основании которого можно было бы карать лиц, ответственных за войну. Вновь устанавливать такой закон было бы политически недопустимо... Для лиц, ответственных за войну, не может быть никакого иного суда, кроме суда общественного мнения».

Лидер «либерал-демократов» Сигэру Йосида — владелец угольных шахт на острове Кюсю, зять ближайшего советника императора, лорда-хранителя печати графа Макино, в 1927—1928 гг. вице-министр иностранных дел в реакционной кабине генерала Танака, в 1940 г. — директор созданного дзайбацу «Института гармонизации капитала и труда», бывший министром уже после начала войны и членом верхней палаты в течение всей войны. Йосида — наиболее крупный политический деятель японской реакции после войны, нынешний премьер-министр Японии, является прямым и открытым ставленником «старых» концернов.

В декабре 1945 г. в связи с американскими директивами о «ропуске дзайбацу» Йосида, бывший в то время министром иностранных дел в кабинете Сидэхара, выступил на пресс-конференции со следующим заявлением: «Поскольку экономическая структура Японии была создана Мицуи, Мицубиси и другими старыми дзайбацу, чьим усилиям Япония в большой степени обязана своим прежним процветанием, сомнительно, принесет ли роспуск дзайбацу Японии пользу. В течение войны старые дзайбацу были вынуждены вести предпринимательство под своим контролем себе в убыток, так как правительство заставляло их строить пароходы и самолеты, не считаясь со стоимостью. Новые дзайбацу, с другой стороны, получали огромные доходы путем сотрудничества с военной кликой...»¹

Жульнический характер этого заявления очевиден, но оно вместе с тем служит яркой характеристикой политической линии руководящих деятелей нынешнего японского реакционного правительства.

Лидер «демократов» Асида (перешедший к ним в 1947 г. из «либеральной» партии) в прошлом — крупный дипломатический чиновник, в 1933—1939 гг. издатель и редактор газеты «Джэпэн таймс» (нынешнее название — «Ниппон

¹ «Pacific Affairs», декабрь 1948 г., стр. 399.

таймс») — одного из главных органов японской империалистической пропаганды, член парламента и советник информационного бюро при кабинете в военные годы.

В июне 1947 г., в бытность министром иностранных дел, Асида «прославился» выступлением на пресс-конференции, в котором он заявил «претензию» на советские Курильские острова и на южную часть советского Сахалина, нагло сославшись на то, что «...Япония не являлась одной из сторон, подписавших ялтинское соглашение».

В конце 1948 г. Асида, после восьмимесячного пребывания на посту премьер-министра, был вынужден уйти в отставку в связи с банкротством своей политики и крупным скандалом по поводу взяток, получавшихся им самим, министрами его кабинета и лидерами демократической и социалистической партий от компании концерна Мори «Сйова дэнко». Вскоре после отставки Асида японский парламент был вынужден перед лицом очевидных фактов и документов выдать властям разрешение на его арест.

Таково лицо лидеров реакционных политических партий послевоенной Японии, которых американское командование поставило у власти как своих послушных марионеток.

Американские власти отклонили требование японских демократических организаций о проведении всенародного плебисцита по вопросу о монархии, которая всегда была политической основой японской реакции. В течение шести месяцев после капитуляции в Японии продолжал функционировать фашизированный парламент военного времени. Именно этим парламентом была создана «комиссия по пересмотру конституции», во главе которой вначале был поставлен военный преступник князь Коноэ (покончивший впоследствии самоубийством). Окончательная разработка и внесение поправок в конституцию были возложены на избранный в апреле 1946 г. парламент, в котором большинство принадлежало отъявленным реакционерам из «либеральной» и «прогрессивной» партий. Многие из этих реакционных парламентариев впоследствии подпали под действие «закона о чистке».

Самый принцип внесения изменений в монархическую конституцию Японии парламентом, избранным и действовавшим на основе этой реакционной конституции, был глубоко враждебен духу и условиям Потсдамской декларации. Как известно, не только в Италии, которая долгое время была фашистской страной, но и во Франции и в других странах Западной Европы после окончания войны новое государственное устройство было определено учредительными собраниями, которые решали вопрос не об изменении старых, а о выработке новых конституций. Решения о новом государственном устройстве прини-

мались также путем плебисцитов и всенародных референдумов. Тем более такой принцип должен был быть принят в Японии, где народу ни разу в истории не было дано даже какого-нибудь подобия возможности высказать свое мнение по вопросам государственного устройства.

Отклонив, с целью сохранения мифа о божественном происхождении императорской власти, всенародный плебисцит и поручив пересмотр конституции людям, подобным Коноэ, японское правительство и американское командование с самого начала показали, какой узкий и ублюдочный характер они намерены придать делу демократизации Японии. Поправки, внесенные в старую конституцию, которую ее авторы в конце прошлого столетия составили по образцу реакционной конституции прусского королевства, не изменили ее прежнего антидемократического характера. Пересмотренная конституция предусматривает сохранение монархии, оставляет за императором право созыва и роспуска парламента, сохраняет реакционную в условиях Японии двухпалатную систему; причем, в отличие от нижней палаты, избираемой на четырехлетний срок, палата советников избирается на шесть лет и не может быть распущена. Права избирать в палату советников лишена вся молодежь до 30-летнего возраста. Чрезмерно большая власть остается попрежнему в руках полицейских и административных органов и т. д.

Так при прямой и весьма активной поддержке американского командования японской реакции удалось отстоять монархическую конституцию.

Как и все политические партии японской буржуазии в прошлом, «демократы» и «либерал-демократы» не отличаются ни четкостью организации, ни устойчивостью партийной принадлежности лидеров и активистов, ни ясностью и определенностью своих политических программ. Различие в политике обеих партий, а также их политическое влияние определяются отнюдь не программами, а тем, какие клики финансового капитала, помещиков и царедворцев стоят за их спиной, в какой степени они опираются на поддержку оккупационных властей. Однако есть один пункт, который неизменно фигурирует в программах всех буржуазных партий Японии и тесно сближает их. Этот пункт гласит: «защита монархии и борьба против коммунизма» — формула, под которой неизменно проводится удушение демократии и прогресса.

Издавая директивы об отмене фашистских законов в Японии, американские власти рассчитывали на то, что японские демократические организации, выйдя из подполья, фактически будут лишены возможности сплотить вокруг прогрессивных лозунгов широкие массы трудящихся.

Американские генералы, повидимому, всерьез верили сказкам о патриархальности, о «склонности к компромиссам» японцев, распространявшимся различными «знатоками Японии» на протяжении многих десятилетий. Американцы рассчитывали на то, что удастся без особого труда ввести в Японии лжедемократию по американскому образцу, используя при этом двухпартийную традицию японской реакции¹. Речь шла о том, чтобы, так же как в США, установить господство двух мощных буржуазных партий, которые сумели бы с помощью социальной демагогии одурачивать и держать под своим контролем народные массы, как это делают республиканцы и демократы в США, и служили бы прочной преградой против демократического движения.

«Либерально-демократическую» партию в Японии рассматривают как наследницу партии сэйюкай. Это партия тех клик дзайбацу, которые больше всего преуспели в «сотрудничестве» с американскими властями и монополиями, партия спекулянтов и нуворишей из числа торговцев, помещиков и крупных чиновников, нажившихся на американских подрядах и на поставках американским оккупационным войскам. Из главных концернов эта партия, так же как и ее предшественница, опирается, повидимому, прежде всего на концерн Мицуи. Ее представители в парламенте решительно отвергали все законопроекты национализации угольной промышленности и все предложения о каких бы то ни было мерах по ограничению так называемого «свободного предпринимательства», которое, в условиях современной Японии, означает широкий разгул спекуляции и казнокрадства и облегчение контроля над японской экономикой со стороны американских монополий.

Другая крупнейшая партия японской реакции, «демократическая» (с апреля 1950 г. — «народно-демократическая»), выступает под лозунгом «реформированного капитализма». Это партия тех кругов дзайбацу, которые видят первоочередную задачу в усилении раскола рабочего движения, в отрыве

¹ Т. А. Биссон, который, несмотря на критику им действий американских властей, стоит на апологетической позиции признания «прогрессивности» этих действий, все же вынужден констатировать растерянность американцев перед лицом роста демократического движения в Японии: «Привыкшие считать японцев послушными подданными авторитарного режима, чиновники верховного американского штаба рассчитывали на длительный период обучения, в течение которого японцы будут обучены... в соответствии с американскими образцами. Они (американские власти.— Я. П.) были поэтому и удивлены и озадачены той быстротой и энергией, с которой японцы воспользовались их новыми возможностями демократических действий...» («Prospects for Democracy in Japan», N. Y., 1949, стр. 28).

рабочих и мелкой буржуазии от демократического и социалистического движения, готовы идти и идут на политическую коалицию с лакействующими лидерами социалистов, считая, что такое сотрудничество поможет усилению оппортунизма в рабочем движении, усилит влияние профсоюзов, строящихся по образцу и подобию «Американской федерации труда».

Роль политического резерва для американского империализма играет социалистическая партия, руководство которой, при весьма активной помощи американского командования, оказалось сосредоточенным в руках правых социалистов, поддерживавших в годы войны фашизм и милитаризм.

Уже первые выборы в парламент (10 апреля 1946 г.) показали, что «двухпартийная система» по американскому образцу не может принести для японской реакции тех выгод, какие приносит подобная система американской буржуазии. Из 466 мест в парламенте либеральная партия получила 141 место, прогрессивная — 94, социалистическая — 94. Японская коммунистическая партия получила 5 мест, и впервые в истории Японии с парламентской трибуны зазвучал голос истинных представителей народа. Остальные места были получены разными мелкими партиями и «независимыми».

Таким образом, несмотря на предвыборный террор и активное вмешательство американских представителей в выборы на стороне обеих главных реакционных партий, ни одной из них не удалось получить абсолютного большинства. Сформированное из «либералов» правительство во главе с Йосида было крайне неустойчивым вследствие громадного размаха демократического движения в стране и острых разногласий между парламентскими партиями.

Предпринятые Йосида в конце 1946 — начале 1947 г. попытки привлечь в правительство правых социалистов, несмотря на готовность последних сотрудничать с реакционерами, провалились ввиду протестов массовых рабочих организаций против «широкой правительственной коалиции», возглавляемой реакционерами. Провал попыток ликвидировать неустойчивость правительства Йосида вынудил оккупационные власти назначить досрочно в апреле 1947 г. новые парламентские выборы.

Выборы 1947 г. еще в большей степени, чем предыдущие, обнаружили гнилость и убогость введенной американцами в Японии «демократии». Стоящие у власти интриганы из реакционных партий, уже не рассчитывая на свое политическое влияние, прибегли в предвыборной борьбе к грязным махинациям, к сложным антидемократическим маневрам и усиленному террору против демократических организаций.

В самый разгар предвыборной борьбы, за месяц до выборов, реакционеры провели в парламенте закон об изменении избирательной системы. Этим законом было восстановлено деление страны на так называемые «средние избирательные округа», введенное еще в 1925 г. и с тех пор до окончания войны действовавшее без изменений.

В 1945 г., после капитуляции Японии, систему 122 «средних округов» заменили созданием 54 «крупных округов». В каждом из них избиралось от шести до десяти депутатов, причем каждый избиратель имел право вписывать в бюллетень имена трех-пяти кандидатов, тогда как раньше в средних округах можно было вписывать имя лишь одного кандидата. Эта новая система, хотя и далекая от демократической пропорциональной системы выборов, все же представляла собой шаг вперед: она наносила удар монополии старых реакционных политиканов, которые, орудуя в течение многих лет в «средних округах», завязали там широкие финансовые и деловые связи, создали свою собственную агентуру для подкупа избирателей и т. д.

Поскольку при системе «крупных округов» каждый избиратель получил право вписывать имена нескольких кандидатов, шансы на избрание новых политических деятелей из демократических партий повышались. В первые месяцы после капитуляции парламент и правительство пошли на это новшество: они были уверены в авторитете своих партий, в их победе на выборах 1946 г. В 1947 г. положение изменилось. Встревоженные быстро возрастающим влиянием демократических организаций правящие партии уже не могли быть уверены в своих силах, и тогда они без всяких колебаний восстановили старую систему «средних округов», увеличившую шансы на победу реакционеров. Премьер Йосида накануне выборов открыто заявил, что это изменение избирательного закона внесено для того, чтобы бороться с «левыми идеологиями».

Японские реакционеры на выборах пустили в ход террор и подкуп, использовали весь государственный аппарат, милитаристское подполье и огромные денежные средства, внесенные в их избирательные фонды дзайбацу и помещиками. Но все же выборы не принесли реакционерам желанного успеха: правительственные партии получили в нижней палате меньше мест, чем на выборах 1946 г. («либералы» — 133 мандата против 140, «демократы» — 126 мандатов против 145). Победила социалистическая партия, получившая 143 места против 98 на предыдущих выборах. Коммунисты, несмотря на террор и преследования, собрали около одного миллиона голосов и получили четыре депутатских места в нижней палате и пять — в верхней («палата советников»).

После выборов 1947 г. формирование правительства впервые в истории Японии было поручено социалисту Тэцу Катаяма. Лидер правого крыла социалистической партии Катаяма всей своей предыдущей соглашательской деятельностью был подготовлен к сформированию коалиционного правительства с участием реакционеров. Его кандидатура в премьеры оказалась приемлемой и для буржуазных партий, так как он не «запятнал» своей 35-летней политической карьеры участием в борьбе против военщины и фашизма. Наоборот, он активно поддерживал военно-фашистские клики и всегда был противником единого демократического фронта¹. Ради коалиции с буржуазными партиями социалисты отказались от многих центральных пунктов своей собственной экономической программы — от аннулирования государственного долга, от национализации крупных банков и др.

В течение 10 месяцев пребывания у власти правые и центристские (именующие себя «левыми») лидеры социалистов разоблачили себя как враги демократического движения, как активные соучастники политики реакционеров, направленной в защиту интересов дзайбацу, как слуги американского империализма. Ни правительство Катаяма, ни коалиционное правительство Асида, пришедшее ему на смену в феврале 1948 г., не оправдали тех надежд, которые на них возлагала реакция, оказались не в силах противостоять росту демократического движения и ускорить осуществление американской программы капиталистической «рационализации».

Находившаяся около полутора лет в оппозиции к правительству «либерально-демократическая» партия во главе с Йосида умело использовала политическое банкротство «демократов» и лжесоциалистов для того, чтобы отколоть от этих партий и сплотить вокруг себя влиятельные реакционные клики. От «двухпартийной стратегии» американские власти перешли к политике концентрации всех сил японской реакции вокруг своей наиболее надежной агентуры — «либерально-демократической» партии, которая по своему характеру, по методам борьбы против демократического движения все больше приближается к фашистской «Ассоциации помощи трону».

¹ В декабре 1941 г., накануне начала войны на Тихом океане, Т. Катаяма писал в журнале «Контемпорэри Джэпэн»: «Сегодня мы являемся свидетелями мобилизации труда, которая должна будет полностью поставить нашу страну на военные рельсы и подготовить ее к любым возможным изменениям международной ситуации... Настоящая программа (речь шла о программе «новой экономической структуры». — Я. П.) — это призыв правительства ко всем гражданам Японии принять непосредственное участие в работе страны, уяснить себе, что своим трудом они служат государству...» (цит. по книге П. Крайнова «Рабочее и профессиональное движение в Японии после второй мировой войны», М., 1949, стр. 40).

На выборах 23 января 1949 г. эта партия получила абсолютное большинство мест в парламенте — 264 мандата из 466, против 133 на предыдущих выборах. «Демократы» получили лишь 68 мандатов против прежних 126, социалисты — 49 против прежних 143.

Выборы 1949 г. происходили на основе узаконенной накануне предыдущих выборов реакционной системы «средних округов» и проводились под контролем японской и американской полиции. Американские власти открыто и грубо вмешивались в ход предвыборной кампании на стороне «либерал-демократов», призывали голосовать против коммунистов и ограничили возможность агитации за коммунистов, прибегая к таким методам, как конфискация избирательной литературы компартии, аресты и избиения ее агитаторов и кандидатов. Но несмотря на все это, победа «либерал-демократов» явилась для них поистине пирровой победой, так как выборы показали громадный рост влияния и авторитета компартии, получившей свыше 3 млн. голосов и 35 мандатов против 1 млн. голосов и 4 мандатов на предыдущих выборах.

Если в центральных правительственных органах после войны часть видных политических деятелей реакции все же оказалась вынужденной спрятаться за кулисы, то в местных органах власти даже персональные перемены были совершенно незначительны. В японских городах после войны остались на своих местах многочисленные (до 240 тысяч) боссы — местные богатеи, торговцы, подрядчики компаний дзайбацу и их агенты, занимавшие ключевые посты в городских и префектуральных управлениях. От 20 до 30 тысяч из этих боссов являлись старшинками рабочих артелей и поставщиками полурабов на предприятия дзайбацу — злейшими врагами профсоюзов и других демократических организаций. В деревнях хозяйничали органы «сельскохозяйственной ассоциации», возглавлявшиеся помещиками и кулаками¹.

Таким образом, американское командование добилось сохранения в Японии монархии, реакционного правительства,

¹ По данным Т. А. Биссона (там же, стр. 67, 72), на выборах 5 апреля 1947 г. из 46 избранных губернаторов 42 бесспорно принадлежали к «старой банде» (в их числе 27 были губернаторами в прошлом). Из 209 мэров крупных городов той же характеристики заслужили 180 чел. В маленьких и средних городах и деревнях до 97% старост принадлежало к указанным в тексте реакционным социальным группам. Из 194 тыс. лиц, избранных в 1947 г. в органы местного самоуправления, лишь 6,5 тыс. принадлежало к «левым» партиям (социалисты и др.); 10,6 тыс. принадлежали к «либеральной» и «демократической» партиям, остальные — около 174 тыс. чел. — выступали на выборах как «независимые» и почти сплошь принадлежали к лагерю реакции.

парламента и местных органов власти. Предпринятая американскими властями чистка государственных и других органов от лиц, известных своим активным участием в деятельности милитаристских организаций, была своеобразным методом «перевода в запас» японских военных преступников.

Лишь ничтожная часть военных преступников была предана суду. Как справедливо указывают авторы книги о токийском процессе гг. Рагинский и Розенблит, «то обстоятельство, что Токийский трибунал осудил всех подсудимых и семеро из них были повешены¹, не должно обмануть прогрессивную общественность. Факт остается фактом: осуждены только 25, а сотни и тысячи военных преступников, вследствие прямого содействия Макартура, находятся на свободе. Многие из них занимают командные посты в правительственных и хозяйственных органах Японии. Остальные виновники второй мировой войны и в их числе японский император Хирохито оказались не привлеченными к суду»².

Особенно сильное возмущение международной демократической общественности вызвал отказ от предания суду императора Хирохито, принимавшего активнейшее участие в разработке и осуществлении всех кровавых планов японской агрессии, во всех преступлениях японского империализма против мира и человечества. Происходивший в конце 1949 г. в Хабаровске судебный процесс по делу бывших военнослужащих японской армии вскрыл ряд новых чудовищных злодеяний японских милитаристов: было установлено, что командование Квантунской армии возглавляло подготовку к бактериологической войне, производившуюся по личным распоряжениям Хирохито. На территории Маньчжурии действовали оснащенные по последнему слову техники фабрики смерти, в которых выращивались бактерии чумы, холеры, газовой гангрены, сибирской язвы, тифа и т. д. Испытания этой дьявольской техники массового истребления производились на живых людях, в результате чего были умерщвлены тысячи китайцев, русских, монголов и людей других национальностей. Хабаровский процесс еще раз продемонстрировал

¹ По приговору трибунала были повешены: Хидэки Тодзё, Сэйсиро Итагаки, Коки Хирота, Иванэ Мацуи, Кэндзи Доихара, Хэйтаро Кимура, Акира Мута; приговорены к пожизненному заключению: Киитиро Хирапума, Куниаки Койсо, Садао Араки, Ёсидзиро Умэдзу, Сюнроку Хата, Дзиро Минами, Кэнрйю Сато, Такасуми Ока, Сигэтаро Симата, Хираси Осима, Тосёо Сиратори, Окинори Кайя, Тэйити Судзуки, Наоки Хосино, Кингоро Хасимото. Кэйити Кидо. Сигэнори Того был приговорен к 20 годам заключения, Мамору Сигэмицу — к семи годам.

² М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит. Международный процесс главных японских военных преступников. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 8.

перед всем миром освободительную миссию Советского Союза, вооруженные силы которого, разгромив в короткий срок Квантунскую армию, положили конец преступлениям японского империализма и спасли человечество от ужасов замышлявшейся японскими захватчиками бактериологической войны. Вместе с тем хабаровский процесс послужил дальнейшему разоблачению американских оккупантов, не выполнивших требования советского правительства, выраженное в ноте от 1 февраля 1950 г., о предании Международному военному суду изобличенных на хабаровском процессе в совершении тяжчайших преступлений (подготовка к бактериологической войне, применение бактериологического оружия), императора Хирохито и генералов Сиро Исии, Масадзо Китано, Юдзио Вакамацу, Юкио Касахара. Американские власти укрыли от ответственности многих преступников, которые должны были предстать перед судом, так как их виновность была установлена.

30 августа 1947 г. Макартур освободил 23 военных преступников, в том числе главу «Мангё» Аюкава, главу авиационного концерна Накадзима и др. В конце декабря 1948 г. Макартур распорядился освободить всех военных преступников категории «А», т. е. обвиняемых в преступлениях против мира. Почти одновременно была ликвидирована правительственная «комиссия по чистке» и было объявлено о прекращении «чистки». В то же время осталась и продолжает функционировать «апелляционная комиссия», которая восстанавливает в политических правах одного за другим махровых японских реакционеров, которые, впрочем, и прежде отнюдь не были лишены возможности подвизаться в государственном аппарате. Американский обвинитель на токийском процессе Кинан, поддержанный другими обвинителями, отклонил требование советского обвинителя о предании суду главных военных преступников, крупнейших японских монополистов — Аюкава, Накадзима, Ивасаки, Фудзивара и др.

Вычищенные из разных государственных и общественных учреждений военные преступники во многих случаях просто поменялись местами — журналисты перешли в учебные заведения, профессоры и учителя стали журналистами. Многие нашли себе прибежище в храмах и других религиозных учреждениях, превратившись в «монахов» и «служителей культа», на которых «чистка» не была распространена, несмотря на то, что религия синто была и остается одним из главных оплотов реакции.

Наиболее влиятельные и опасные из вычищенных лиц, занявшись предпринимательством или поступив на «частную службу» в компании дзайбацу, составляют костяк различных закулисных политических групп, партийных боссов и легаль-

ных или формально нелегальных фашистских организаций. В различных правительственных органах работают несколько тысяч представителей крупных торгово-промышленных фирм, которые официально именуются внештатными («сйокутаку»). Многие из них являются фактически боссами по отношению к министрам.

Представители Советского Союза в Союзном Совете для Японии и в ДВК неоднократно ставили вопрос о том, что меры, принимаемые главнокомандующим, противоречат интересам политики демократизации Японии. ДВК в своем решении, опубликованном 29 мая 1946 г., требовала от Макартура объяснений по поводу того, что при разработке новой конституции не предусмотрено ее широкое обсуждение японским народом и утверждение путем плебисцита. Макартур отказался дать требуемое объяснение, и новая конституция фактически не была выработана.

На заседании Союзного Совета 13 ноября 1946 г. представитель Советского Союза заявил о неудовлетворительном проведении чистки и представил список 17 военных преступников, которые вошли в состав избранного в том же году парламента. В этом же заявлении советский представитель заявил о следующем вопиющем факте: премьер Японии Йосида, которому было доверено осуществление директивы о чистке, созвал в своей резиденции совещание виднейших японских реакционеров, уже подвергшихся чистке, на котором обсуждался вопрос о сборе средств на издание биографии одного из главных японских военных преступников князя Коноэ¹. «...Я должен еще раз подчеркнуть,— заявил советский представитель,— что нынешнее японское правительство злоупотребляет доверием Верховного главнокомандующего и, повидимому, не желает полностью осуществлять данную ему директиву. В связи с этим я рекомендую Верховному главнокомандующему дать указание японскому правительству, чтобы оно полностью осуществило директиву от 4 января 1946 г.» (т. е. директиву о чистке.— *Я. П.*).

7 марта 1950 г. генерал Макартур издал циркуляр № 5, по которому все военные преступники, отбывающие заключение по приговору в Японии, могут быть досрочно освобождены. По поводу этого циркуляра правительство СССР заявило в ноте от 11 мая 1950 г. протест правительству США, в котором указывало на то, что «циркуляр Главнокомандующего представляет собой попытку односторонним распоряже-

¹ В совещании участвовали: бывший член верхней палаты маркиз Хосокава, многократно упоминавшийся выше С. Икэда, один из основателей АПГ Гото и др.

нием освободить главных японских военных преступников от отбывания ими наказания, определенного... приговором Международного трибунала... Советское Правительство,— указывалось в ноте,— настаивает на том, чтобы Правительством Соединенных Штатов были незамедлительно приняты меры к отмене указанного выше незаконного циркуляра № 5 от 7 марта с. г. в отношении главных японских военных преступников, осужденных Международным Военным Трибуналом для Дальнего Востока»¹.

Саботаж требования Потсдамской декларации о предании японских военных преступников суду, замена суда «чисткой» и сохранение в резерве кадров японского фашизма и милитаризма — все это звенья американской политики срыва демилитаризации Японии. К рассмотрению этой политики мы и переходим.

Срыв демилитаризации и политика превращения Японии в военный плацдарм США

Одним из главных итогов второй мировой войны явилось громадное обострение кризиса колониальной системы, которое выразилось в мощном подъеме национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах. «Тем самым,— говорил А. А. Жданов,— были поставлены под угрозу тылы капиталистической системы. Народы колоний не желают больше жить по-старому. Господствующие классы метрополии не могут больше по-старому управлять колониями. Попытки подавления национально-освободительного движения военной силой наталкиваются теперь на все возрастающее вооруженное сопротивление народов колоний, приводят к длительным колониальным войнам...»².

Американские империалисты, взявшие на себя роль «спасителей капитализма», повсюду поддерживают воинствующие реакционные силы, мобилизуя их для борьбы против демократического и национально-освободительного движения и для подготовки новой агрессии. «Считается общепризнанным, что определенные круги США стремятся подготовить, в качестве своего орудия в проведении агрессивных планов, и Западную Германию и Японию, сделав и их соучастниками подготавливаемой агрессии»³.

Значение Японии в планах американской империалистической агрессии определяется ее важным военно-стратегиче-

¹ «Правда», 13 мая 1950 г.

² А. Жданов, там же, стр. 17.

³ Заявление Министерства иностранных дел СССР о Северо-атлантическом пакте, «Правда», 29 января 1949 г.

ским положением¹ и в первую очередь громадным многолетним опытом ее правящих реакционных кланов в колониальной экспансии, в исполнении роли жандарма Дальнего Востока.

Уже само по себе сохранение социальных основ реакционного режима, дзайбацу и помещичьего землевладения, равнозначно сохранению основ милитаризма. Но американские власти, кроме того, принимают меры для прямой ремилитаризации Японии. Эти меры направлены на сохранение фашистско-милитаристского «подполья», воссоздание армии под видом полицейских формирований, сохранение в Японии оружия, сохранение военнопромышленных предприятий и на ведение военно-стратегического строительства под видом строительства «для нужд оккупационных войск».

В брошюре «Мы обвиняем правительство Йосиды», выпущенной Секретариатом ЦК компартии Японии в ноябре 1949 г., приводятся подробные данные о подрывной деятельности милитаристских и различных реакционно-шовинистических организаций, которых в стране насчитывается более двухсот². Базу этих организаций составляют большие массы

¹ В январе 1950 г. государственный секретарь США Ачесон заявил: «У нас нет никакого намерения отказаться от обороны или ослабить оборону Японии, и... какая бы договоренность ни была достигнута, будь то постоянное урегулирование или какое-нибудь другое соглашение, мы должны и будем обеспечивать эту оборону... Мы занимаем важные оборонительные позиции на острове Рюкю, и эти позиции мы будем продолжать занимать» («Правда», 24 января 1950 г.). Иными словами, Ачесон открыто заявляет о намерении американских захватчиков оставаться в Японии и после заключения мирного договора.

² Среди этих организаций — сохранившиеся с докапитуляционных времен «Утайкай» («Поэтическое общество») во главе с Масахару Кагэяма, который в прошлом возглавлял «Школу великого Востока» — общество, пользовавшееся влиянием в армии. Теперь он создал 60 «поэтических обществ», насчитывающих 1000 членов и ведущих милитаристскую пропаганду.

Так называемые «группа Таку Миками» и «группа Мито» руководят разбросанными по всей стране организациями бывших военнослужащих. Их руководители связаны с разными реакционными организациями и спольщией. Во главе их — бывший заместитель начальника генерального штаба Дзиндзабуро Мадзакэ, связанный с вице-председателем либеральной демократической партии Наодзи Мори.

Помимо этих старых, образовались новые подобные же организации, среди которых важнейшими являются «Кикухата доси кай» («Общество друзей хризантем»), «Ямато-то» («Партия Ямато»), «Сококу кйомэйдан» («Общество спасения отечества») и др. К числу подобных же организаций относится и «Японская антикоммунистическая лига», к которой принадлежит Кога, пытавшийся 19 июля 1948 г. убить генерального секретаря ЦК КПЯ Кюити Токуда. Об отношении властей к этим бандам убийц достаточно ясно говорит следующий факт: в августе 1949 г. Кога был приговорен к 10 годам каторжных работ, но через месяц после приговора, пока разбирались его апелляция в Верховный суд, он был выпущен на поруки под предлогом, что он... страдает катаром кишечника.

деклассированных элементов, прошедших школу грабежей и насилия над мирным населением оккупированных территорий и борьбы против демократических сил в Японии и других странах. Это — оставшиеся временно без официальных должностей шпики и другие сотрудники тайной полиции и жандармерии, а также все «вычищенные» из официальных органов, но оставшиеся на свободе военные преступники. Это — вышвырнутые с освобожденных от японского ига территорий японские полицейские, чиновники, помещики, военные колонисты, надсмотрщики, шпионы генштаба, выступавшие в ролях «парикмахеров» и «торговцев», купцы, владельцы и сотрудники колонизационных компаний, торговцы опиумом и тому подобное отребье, привыкшее презирать производительный труд. В настоящее время многие из этих людей занимаются мелкой спекуляцией, другие присосались к компаниям подрядчиков — поставщиков американских войск, третьи вошли в состав субсидируемых американцами и дзайбацу шпионских и милитаристских банд «камикадзэ»¹ или в состав многочисленных гангстерских групп. Согласно данным обследования, проведенного токийской полицией в 1947 г., в одном только Токио существует 140 шаек, объединяющих 35 тыс. «тэкия» — уличных торговцев, занимающихся «по совместительству» бандитизмом. Кроме того, многие тысячи бандитов объединены в шайки «якудза» — профессиональных игроков в карты, «докуэн» — организаций строительных подрядчиков, «окинакаси» — поставщиков и старшинок кули и т. д. Полиция, как правило, смотрит сквозь пальцы на деятельность этих групп, главари которых обычно связаны с лидерами правительственных партий и с дзайбацу.

В связи с громадным размахом бандитизма, сливающегося с фашистско-милитаристским движением, в 1947—1948 гг. в иностранной и японской печати появились сообщения о существовании в Японии «тайного правительства» («куромаку» — «черный занавес») с добавлением разных сенсационных подробностей по поводу ритуала «кровавой присяги» и т. п.

10 ноября 1948 г. штаб оккупационного командования опубликовал даже официальное сообщение о существовании подобного правительства, «которое составило заговор с целью сокрушения всех усилий, направленных на демократизацию Японии». Поскольку за этим сообщением не последовало никаких мер по ликвидации фашистско-милитаристского подполья, следует считать, что его единственная цель заключа-

¹ «Священный ветер» — так в годы войны назывались отряды смертников в японской авиации.

лась в том; чтобы создать ложный предлог для оправдания оттяжки заключения мирного договора и сохранения на долгие годы оккупационного статута. Не мифическое «тайное правительство», а вполне реальное, пребывающее у власти с благословения оккупационных властей реакционное правительство опирается на фашистско-гангстерское подполье, используемое для борьбы против демократических сил Японии и составляющее один из главных элементов современного японского милитаризма.

Одним из методов сохранения в Японии вооруженных сил является создание крупных сухопутных и морских полицейских формирований. По официальным данным, численность полиции (не считая экономической и железнодорожной) уже в 1948 г. составляла 141 тыс. чел. против 56 тыс. чел. до войны. По сведениям китайской печати, численность японской полиции в том же году достигла 265 тыс. чел.¹ Полицейские кадры проходят переподготовку в полицейских школах и даже в полицейском университете, в которых преподают отставные генералы и офицеры.

Как сообщало китайское агентство Синьхуа, штаб Макартура в 1948 г. создал в Японии организацию под шифром ZF, фактически заменяющую бывшее японское военное министерство. ZF тайно реорганизует и подготавливает японскую армию под видом организации полицейских сил.

ZF осуществляет трехлетний план реконструкции военных и военно-морских баз в Японии и строительство аэродромов для тяжелых бомбардировщиков, военных складов, зданий военных штабов и шоссе, пригодных для военных целей².

Эти сведения подтверждаются рядом последующих сообщений о военно-стратегическом строительстве в Японии.

Как сообщала газета «Красный флот»³, в Японии ведутся весьма интенсивные работы по строительству новых и переоборудованию старых авиабаз, аэродромов, военно-морских баз и портов. Широко развернуто строительство дорог, казарм и складов для нужд армии. Свыше 100 авиабаз и аэродромов

¹ «North China Daily News», 7 июля 1948 г. По сведениям, опубликованным в печати в начале 1950 г., чиновник штаба Макартура генерал Уитни передал японскому правительству секретный американский меморандум о «реорганизации» японской полиции в вооруженные силы численностью в 500 тыс. чел. Соответствующий план разработан вашингтонскими военными специалистами совместно с генералом Макартуром. Новая японская полиция должна стать ядром будущей армии и будет вести обучение будущих офицеров. («Правда», 14 февраля 1950 г.).

² «Известия», 8 июля 1948 г.

³ 28 декабря 1948 г., статья А. Волкова и Г. Туманова «Планы и мероприятия американской военщины в Японии».

используются военно-воздушными силами оккупационных войск.

В префектуре Аомори построена крупнейшая авиабаза Мусава, стоимость строительства которой составила 13 млн. долл., со взлетной дорожкой длиной в 10 тыс. футов, приспособленной для взлетов и посадки «летающих крепостей» Б-29.

Французский журнал «Аксион» сообщал о том, что штаб Макартура заключил договор с японскими строительными компаниями «Нисимацу гуми» и «Хасигава гуми» о постройке новых авиабаз и аэродромов в префектурах Мияги, Кагосима, Акита и на острове Хоккайдо. В 1950 г. в печати опубликованы сведения о постройке новых авиабаз — Йокота вблизи Токио, Итадзукэ в Южной Японии и др. На одном только острове Хонсю строилось семь новых аэродромов. Важнейшим звеном в цепи американских баз у побережья Азии является остров Окинава, на котором уже к весне 1949 г. имелось 25 аэродромов. Летом 1949 г. 75 млн. долл. отпущено для дальнейшего строительства аэродромов¹.

Ведется также крупное военно-дорожное строительство и реконструкция средств связи.

Специальные меры принимаются для воссоздания японского флота. В 1947 г. американский штаб под предлогом восстановления «таможенной морской полиции» передал японскому правительству 28 эсминцев и подводных лодок, которые раньше предназначались к распределению в качестве репараций². В апреле 1948 г. был учрежден специальный «совет по охране судоходства», который китайская печать справедливо назвала «маленьким кайгунсё» (военно-морское министерство). Тогда же новому совету было передано 125 военных кораблей с общим тоннажем в 50 тыс. т и экипажем в 10 тыс. моряков³. В сентябре 1949 г. генерал Макартур под предлогом «борьбы против незаконного въезда в Японию» разрешил японскому правительству увеличить патрульный флот в десять раз. В 1949 г. США передали Японии для усиления японского флота 27 военных фрегатов, которые обслуживаются бывшими японскими военно-морскими офицерами под командой контр-адмирала Кэйдзо Комура. Одновременно идет переоборудование военно-морских баз Йокосука, Сасэбо, Майдзуру и др. Начальник американского морского штаба Шерман назвал военный порт Йокосука «нашей лучшей базой в

¹ «Новое время», 22 марта 1950 г., № 12, стр. 8.

² «Красная звезда», 1 ноября 1948 г.

³ «North China Daily News», 7 апреля 1948 г.

этой части мира»¹. Американское морское министерство выступило с официальным требованием о постоянном сохранении Йокосука за США².

Представитель Советского Союза в Союзном Совете для Японии неоднократно выступал с протестами против нарушения требований Потсдамской декларации и решений Дальневосточной комиссии о демилитаризации Японии. Выше мы уже упомянули о критике советским представителем так называемой «политической чистки». Еще до этого, в 1946 г., советский представитель потребовал запрета продолжающегося в Японии легального распространения фашистской и милитаристской литературы.

На заседании Союзного Совета 28 апреля 1948 г. советский представитель генерал Деревянко указал на наличие опасности, вызываемой систематическим увеличением численности японских полицейских сил. Советский представитель вновь указал на наличие такой опасности на заседании Союзного Совета 5 января 1949 г.

В своем выступлении советский представитель указал на то, что официальные американские представители заявили о намерении увеличить численность японской полиции до 300 тыс. чел., в то время как в 1925 г., всего за шесть лет до захвата Маньчжурии, в составе японской армии было 200 тыс. чел. Анализируя структуру и действия японской полиции, советский представитель заявил о том, что «мероприятия по созданию полицейских отрядов и штабов, как бы они ни маскировались, весьма напоминают мероприятия по созданию воинских частей и военных штабов. Организация японской полиции по 6 районам страны, территориально совпадающим с ранее существовавшими 6 военными округами, дает основание поставить вопрос, нет ли здесь попыток сохранения существовавшего ранее военно-административного деления»³.

Перед началом американской агрессии против Корейской народно-демократической республики ряд миссий американской военщины, — в частности миссия во главе с министром обороны США Джонсоном и генералом Брэдли, а также виднейший политический заправил американского финансового капитала Даллес — совершили инспекционные поездки в Японию с целью проверить, достаточно ли подготовлена Япония как ближайший тыл американских войск и их южнокорейских марионеток. Указанные миссии посетили Японию и Южную Корею в июне 1950 г., за несколько дней до вторжения

¹ «Новое время», 22 марта 1950 г., № 12, стр. 8.

² «Правда», 4 февраля 1950 г.

³ «Правда», 8 января 1949 г.

южнокорейских войск на территорию Корейской народно-демократической республики.

Не прошло еще и 5 лет после капитуляции Японии, как Япония фактически оказалась вновь втянутой в агрессивную войну. Воссозданная американскими милитаристами военная машина в Японии широко используется ими для преступной агрессии против корейского народа: с американских аэродромов в Японии взлетают самолеты, бомбардирующие города и села Кореи, из американских военно-морских портов в Японии направляются суда с войсками и боеприпасами против Кореи, японские вооруженные силы, еще более возросшие с началом американской агрессии в Корее, втянуты в войну.¹

Экономическая разруха в послевоенной Японии — следствие американской политики и саботажа дзайбацу

Несмотря на бомбардировки японской территории американской авиацией в последний год войны, в Японии сохранилось одно из решающих условий для восстановления народного хозяйства — выросший за годы всенно-инфляционной конъюнктуры и войны основной капитал в тяжелой промышленности. Данные табл. 47 характеризуют удовлетворительность состояния материальной базы японского народного хозяйства с точки зрения возможности его восстановления до предвоенного уровня.

Следует иметь в виду, что данные таблицы по преимуществу являются официальными данными японского правительства, которое в связи с репарационным торгом старается преуменьшить современную мощность промышленности и других отраслей народного хозяйства.

На основании приведенных и других данных можно сделать следующие выводы о состоянии материальной базы народного хозяйства:

1. В ходе войны по причинам, указанным выше, тяжело пострадала текстильная промышленность. Число веретен

¹ В июле 1950 г. было принято решение о создании «резервного корпуса полиции» в составе 75 тыс. человек, в дополнение к существующим полицейским силам, об увеличении флота, находящегося в распоряжении совета по охране порядка на море, с 300 до 600 судов и об увеличении численности его личного состава до 16 тыс. человек.

С начала войны в Корее в международной печати появился ряд сообщений об участии японских военнослужащих в войне против Корейской народно-демократической республики. В состав американских вооруженных сил в Корее в качестве «советников» входят японские генералы, адмиралы, офицеры. В июле 1950 г. генерал Макартур начал производить среди японцев вербовку в так называемую «добровольческую армию» для участия в войне против Кореи (особое внимание при этом уделялось вербовке японских летчиков).

**Мощность важнейших отраслей японской промышленности
(к концу войны)**

Отрасли хозяйства	1931 г.	1937 г.	Максимум, достигнутый в годы войны	Мощность к концу войны
Каменный уголь (млн. т)	28,0	45,3	57 (1940 г.)	40—50
Сталь (млн. т)	1,9	5,8	14 (мощн. 1944 г.)	8,4
Чугун (млн. т)	0,9	2,3	4,2 (1941 г.)	6,4
Мощность тепло- и гидроэлектростанций (в млн. квт)	4,6	6,2	8,5 (1943 г.)	7,6
Станочный парк (тыс. ед.)	150 (1930 г.)	(неизв.)	1000 (1944 г.)	700
Число веретен в хлопчатобумажной промышленности (тыс. ед.) . .	7310	12 190	13 790 (1941 г.)	2710
Число ткацких станков (тыс. ед.)	363 (1933 г.)	407,5	407,5 (1937 г.)	109
Тоннаж торгового флота (млн. регистр. брутто-т)	4,2	4,5	6,3	1,1
Судостроение (тыс. регистр. брутто-т) . . .	270 (1936 г.)	450	1584 (1944 г.)	1580
		(спущено на воду)		(мощн.)

* „Japan Year Book“, 1939—1940; „Japan Manchoukuo Year Book“, 1941; „Monthly Bulletin of Statistics“, U. N., N 12, 1947; „Far Eastern Survey“, декабрь 1946 г. и др.;

уменьшилось на три четверти, а число ткацких станков — более, чем на две пятых по сравнению с довоенным уровнем.

2. В ходе морской войны чрезвычайно тяжело пострадал торговый флот Японии. Япония пришла к окончанию войны, имея менее четверти довоенного тоннажа торгового флота, причем из 1,1 млн. т в удовлетворительном состоянии находились суда тоннажем в 600—700 тыс. т, остальные требовали ремонта.

3. Энергетика (предприятия по производству электроэнергии и каменноугольная промышленность) пострадала незначительно.

4. Мощность сталелитейной промышленности по меньшей мере вдвое превышает ее мощность в довоенные 1935—1936 гг. Потеря мощности по чугуну составила, по официальным

данным, 24 % по отношению к максимальному военному уровню, и мощность чугунолитейной промышленности была к концу войны почти вдвое выше уровня 1936 г.

5. Станочный парк Японии был к концу войны почти в пять раз более мощным, чем в 1931 г., станкостроительная промышленность была к концу войны почти в два с половиной раза более мощной, чем в 1937 г.¹

6. Площадь обрабатываемой земли в сельском хозяйстве понизилась по сравнению с довоенным уровнем на 10—15 %. Снижение сбора основной продовольственной культуры — риса было связано с ухудшением качества обработки земли ввиду недостатка инвентаря и удобрений. Однако химическая промышленность потеряла не более 25 % своей максимальной, достигнутой в годы войны мощности, и, таким образом, сохранилась основа для быстрого восстановления производства удобрений, играющих весьма существенную роль в сельском хозяйстве Японии.

7. По официальным японским данным, в результате воздушных налетов было разрушено 2,3 млн. различных строений и оставлено без крова 8 млн. чел.² Воздушные бомбардировки американской авиации носили по преимуществу террористический характер и наносили наибольший ущерб мирному населению страны. В Токио были сметены с лица земли громадные кварталы, населенные беднотой, но запирающая вход в Токийский залив военно-морская база Йокосука с ее военно-промышленными и оборонительными сооружениями пострадала незначительно.

Последствия американских бомбардировок чрезвычайно тяжелы для трудящихся классов ввиду каторжного режима, нищеты и голода в послевоенной Японии, но размеры материального ущерба относительно национального богатства Японии невелики, так как погибли по преимуществу японские «карточные домики» в больших городах, восстановление которых требует сравнительно небольших капитальных затрат.

Уместно сравнить материальные потери народного хозяйства Японии с потерями Советского Союза и некоторых стран Восточной Европы, где темпы восстановления народного хозяйства были неизмеримо более высокими, чем в Японии. В целом, по отношению к национальному имуществу СССР, находившемуся до войны на территории, подвергавшейся оккупации, потери имущества в результате его разграбления и уничтожения немецко-фашистскими захватчиками составили около двух третей. Насколько велика эта цифра, можно

¹ Производство станков в 1944 г. равнялось 4487 ед. против 1823 ед. в 1937 г.

² «Асахи нэнкан», 1946 г.

видеть по тому, что районы СССР, бывшие во временной оккупации, занимали накануне Отечественной войны по отношению ко всей территории СССР: по численности населения — 45 %, валовой продукции промышленности — 33 %, посевным площадям — 47 %, протяженности железнодорожных путей — 55 %.

В действительности потери национального имущества СССР были еще выше ввиду варварских бомбардировок и обстрела немецкими авиацией и артиллерией советских городов, не занимавшихся оккупантами.

Колоссальные материальные потери Советского Союза в войне не помешали и тому, что уже в 1947 г. был достигнут, а в 1948 г. превзойден на 18 % уровень производства 1940 г. В 1949 г. довоенный уровень (уровень 1940 г.) производства в Советском Союзе был превышен на 41 %.

В Польше разрушения и потери в результате германской оккупации исчисляются в колоссальную сумму — 20 млрд. долл. поголовье лошадей уменьшилось к концу войны по сравнению с 1938 г. на 39 %, крупного рогатого скота — на 44 %, свиней — на 25 %. Чрезвычайно велики потери железнодорожного транспорта¹. Крупные материальные потери принесли хозяйничанье немцев и военные действия в Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии и Албании, что, однако, не помешало этим странам уже в 1947—1948 гг. достигнуть, а некоторым (Болгария, Польша, Чехословакия) значительно превзойти довоенный уровень промышленного производства.

Что касается Японии, то хотя сравнимыми сводными цифровыми данными об изменении размеров ее национального имущества мы не располагаем, но, судя по данным об изменении мощности отдельных отраслей народного хозяйства, следует предполагать, что, несмотря на большие потери торгового флота, некоторых отраслей легкой промышленности и жилого фонда, в целом национальное имущество Японии на тех территориях, которые оставлены ей согласно Потсдамской декларации, к концу войны по сравнению с 1936 г. не уменьшилось, а по сравнению с 1931 г. — значительно увеличилось.

К этому необходимо добавить, что численность населения в Японии увеличилась с 70,3 млн. чел. в 1936 г. до 80,2 млн. чел. на 1 августа 1948 г. В связи с репатриацией и демобилизацией значительно возросло число рабочих рук, могущих быть использованными в народном хозяйстве.

¹ Конъюнктурный бюллетень журнала «Мировое хозяйство и мировая политика», июнь 1947 г.

При наличии материальных ресурсов, достаточных для того, чтобы при иных социальных условиях совершенно не снижать уровень промышленного производства по сравнению с довоенным и быстро завершить перестройку народного хозяйства на мирный лад, быстро ликвидировать тяжелые последствия крайнего обострения неравномерности развития различных отраслей экономики в годы войны, Япония после войны под контролем американских оккупационных властей и реакционного правительства переживает более глубокий упадок производства, чем любая капиталистическая страна во время самых острых экономических кризисов.

Общий индекс промышленного производства (1937 г. = 100) упал в сентябре — декабре 1945 г. до 6—7, в 1946 г. составил 34, в 1947 г. — 40, в 1948 г. — 52 и в 1949 г. — лишь 55. Особенно резко снизилось производство в обрабатывающей промышленности, индекс которого в 1949 г. составил 50. За первые 5 месяцев 1950 г. общий индекс промышленного производства составил 71¹.

После столь резкого общего падения промышленного производства в Японии и учитывая уродливый, однобокий военный характер его развития в годы войны, естественно было бы ожидать, что с ее окончанием в первую очередь будут развиваться отрасли второго подразделения — производство средств потребления². В действительности имеет место совершенно обратное явление: производство средств производства восстанавливается значительно быстрее, чем промышленное производство средств потребления. Производство чугуна и стали стояло в 1949 г. на уровне 45—50% по отношению к 1937 г., каменного угля — на уровне 80%, меди — 75—80%, цемента — 65—70%, а хлопчатобумажной пряжи — лишь 20—25%, хлопчатобумажных тканей — 25%, стальной проволоки — 20—25% и т. д. Из главных отраслей промышленности только производство электроэнергии уже в 1946 г. достигло уровня 1937 г., а в последующие годы этот уровень был значительно превышен³. Превысило довоенный (1937 г.)

¹ «Monthly Bulletin of Statistics». U. N., август 1950 г.

² В Германии в первые годы после первой мировой войны рост производства средств потребления значительно опережал рост производства средств производства. Производство средств потребления увеличилось с 1920 г. по 1922 г. на 45%, а производство средств производства — на 25%, в следующем 1923 г. в Германии имело место общее падение производства в связи с кризисом («Мировые экономические кризисы», 1937, стр. 361).

³ В декабре 1949 г. выработка электроэнергии составляла 3,2 млрд. квтч против 2,2 млрд квтч в среднем в месяц в 1937 г.

уровень производство сульфат-аммония. Все остальные отрасли промышленности продолжали значительно отставать от довоенного уровня¹.

Вместе с тем имеет место отставание от довоенного уровня также и сельскохозяйственного производства².

Более быстрое восстановление производства средств производства отнюдь не представляет собой обычный в фазах оживления и подъема капиталистического цикла процесс обновления основного капитала. Указанный фактор свидетельствует главным образом о том, что американские империалисты усиленно проводят милитаризацию экономики Японии целиком за счет трудящихся масс. Отсюда, как мы увидим ниже, чрезвычайно низкий уровень реальной заработной платы в Японии.

Производительность труда в японской промышленности, по официальным данным, в декабре 1948 г. составляла (в процентах к среднегодовому уровню 1933—1935 гг.): в каменноугольной промышленности — 39; во всей обрабатывающей промышленности — 50, в том числе в металлургии — 35; в машиностроении — 63; в химии — 33; в текстильной — 43; в пищевой — 50. В сентябре 1949 г. в среднем во всей промышленности производительность труда достигла 46,1% к уровню 1936 г.³

Япония под властью американских оккупантов оказалась на последнем месте в мире по темпам восстановления довоенного уровня промышленности.

Столь глубокий и длительный упадок промышленного производства в послевоенной Японии обусловлен главным

¹ Нельзя забывать о том, что численность населения Японии после войны увеличилась по сравнению с уровнем 1937 г. на 17%; следовательно, производство на душу населения отстает от довоенного уровня еще больше, чем это следует из приведенных данных.

² В 1949 г. под рисом, который является основной в стране сельскохозяйственной культурой, было занято 2,9 млн. га против 3,2 млн. га в период 1936—1940 гг. За это же пятилетие среднегодовой сбор риса составлял 10,5 млн. т в год, а в период 1945—1949 гг. упал до 8,5 млн. т в год. В катастрофическом положении оказалась одна из важнейших подсобных отраслей сельского хозяйства — шелководство. В 1930-х годах им были заняты 2200 тыс. семейств, т. е. почти каждая третья семья в деревне, а в 1945 г. — всего 700 тыс. хозяйств, т. е. каждое девятое хозяйство. Во время войны было уничтожено до 60% тутовых насаждений, и их восстановление происходит крайне медленно (К. М. Попов. Послесловие к книге Г. Треварта «Япония», М.—Л., 1949, стр. 524). Культура шелка в Японии обречена на прозябание, так как США — основной потребитель японского шелка — резко снизили его закупку в связи с развитием производства искусственного шелка и начавшимся в 1949 г. в США экономическим кризисом.

³ «Oriental Economist», 4 февраля 1950 г.

образом хозяйничаньем американских монополистов, которые ставят экономику Японии на службу агрессии.

Необходимо иметь в виду, что сказанное выше о материальных возможностях восстановления мирной экономики отнюдь не означает, что перед Японией не стояло никаких объективных трудностей в восстановлении ее мирного хозяйства. Напротив, трудности эти были весьма серьезны:

1. Большая часть народного дохода шла и продолжает идти на содержание оккупационных войск.

2. Значительные суммы необходимо было расходовать на оказание срочной помощи населению, оставшемуся без крова, репатриантам, на восстановление разрушенных жилищ.

3. Неизбежны были потери в связи с необходимостью перевода военных предприятий на мирное производство («реконверсия»). В частности, невозможно было в короткий срок довести до довоенного уровня число веретен и станков в текстильной промышленности, поскольку этому должно было предшествовать восстановление текстильного машиностроения.

4. Проблема «реконверсии», разрешение которой само по себе во всех участвовавших в войне странах было связано с определенными трудностями, в Японии было осложнено вопросом о репарациях. Поскольку США с самого начала саботировали выполнение согласованных решений союзников о репарациях, Япония оставалась в неведении по вопросу о том, какие из ее военных и других предприятий подлежат демонтажу и вывозу и какими она может располагать с целью их перестройки на мирное производство.

5. Хотя Япония к концу войны обладала запасами сырья, топлива и продовольствия, достаточными для того, чтобы пустить на полный ход сохранившиеся предприятия невоенной промышленности и приступить к перестройке на мирный лад промышленности военной, но в дальнейшем для развития промышленности и всего народного хозяйства было необходимо восстановление внешней торговли, в первую очередь торговли со странами Азии и Океании, откуда Япония в прошлом ввозила сырье и продовольствие.

Проблема восстановления внешней торговли была наиболее сложной для Японии, так как все ее внешние связи с самого начала находились под контролем американских властей.

Быстро ликвидировать одни и смягчить другие объективные трудности можно было лишь путем демократизации экономической и политической жизни Японии, путем активной поддержки ее демократических сил со стороны стран-победительниц.

Национализация крупной промышленности и средств производства, конфискация имущества императорского двора, дзайбацу и всех богачей, аграрная реформа и безвозмездная передача помещичьей земли в собственность крестьянства, аннулирование военных займов и государственных обязательств по компенсациям военным промышленникам, выявление и учет всех запасов сырья, топлива и продовольствия и строжайший демократический контроль над их распределением — вот единственные меры, посредством которых можно было быстро преодолеть послевоенные затруднения Японии и обеспечить сохранение ее экономической самостоятельности.

Американские власти сделали все, чтобы не допустить перехода Японии на демократический путь восстановления мирной экономики. Первая и главная мера, направленная к закабалению Японии, заключалась в сохранении политической власти в руках реакционных империалистических клик.

Согласно указанию из Вашингтона¹, американское командование демагогически объявило основой своей экономической политики предоставление «свободы действий» японскому правительству, ограничиваясь лишь изданием общих директив. Некоторые американские экономисты, как, например, Т. А. Биссон, склонны считать такого рода политику, характеризуемую ими как «пассивность» и «бездеятельность», «ошибкой» американских властей. Биссон и другие не понимают или не желают понять, что сами эти «пассивность» и «бездеятельность» представляют собой ширму, скрывающую весьма активную деятельность американского империализма по превращению Японии в американскую колонию. Единственное, в чем американские власти были пассивны, — это в противодействии развитию разрушительных спекуляции и инфляции. «Пассивность», эта, однако, дополнялась усиленным реакционным государственно-монополистическим контролем, поставленным на службу оккупантов.

Япония, бьющаяся в тисках экономической разрухи, с полуголодным населением и реакционным правительством — вот что нужно было американскому империализму в качестве первого условия «маршаллизации» Японии. «Свобода действий» для японского реакционного правительства означала свободу хищнического разграбления ресурсов сырья, топлива и продовольствия дзайбацу и спекулянтами, большими и малыми, означала свободу экономического саботажа для японских дзайбацу.

¹ В директиве Трумэна Макартуру, посланной в октябре 1945 г., указывалось: «Вы не будете нести никакой ответственности за экономическое восстановление Японии или за укрепление ее экономики».

Каковы были политические и экономические интересы дзайбацу, побудившие последних применить в широких масштабах тактику экономического саботажа?

Прежде всего экономический саботаж был ответом буржуазии на широкий размах демократического движения, на небывалый в истории Японии рост профсоюзов, которые охватили большинство японского рабочего класса. Дзайбацу поступали так же, как в аналогичных случаях всегда поступали господствующие классы в капиталистических странах (например, в России после февральской революции в 1917 г., в послевоенной Франции и мн. др.). Их тактика заключалась в том, чтобы с помощью саботажа усилить экономическую разруху, а затем свалить вину за нее на демократические организации с целью их разгрома.

Во-вторых, саботаж был вызван стремлением дзайбацу добиться уменьшения или полной отмены репарационных платежей. Плачевное состояние экономики, по мнению японской буржуазии, могло стать фактором, который побудил бы страны-победительницы к отказу от жесткой репарационной политики. С другой стороны, чисто предпринимательские интересы отдельных дзайбацу побуждали их к отказу от восстановления или перестройки на мирный лад их предприятий, так как затяжка в разрешении репарационного вопроса создает неуверенность в рентабельности капиталовложений.

В-третьих, саботаж дзайбацу был связан с финансовым положением концернов. К концу войны японское империалистическое государство оказалось неоплатным должником дзайбацу. Задолженность государства концернам складывалась из следующих сумм: а) в активах коммерческих банков государственных ценных бумаг числилось на сумму 41 млрд. иен¹; б) государственные обязательства военно-промышленным компаниям по уплате им всевозможных компенсаций составляли 81,2 млрд. иен²; в) сумма потерянных концернами заграничных активов оценивалась в 23 млрд. иен³. Концерны предъявляют государству «законное», с точки зрения буржуазной классовой юрисдикции, требование о возмещении этих потерь.

Таким образом, вся задолженность государства дзайбацу к концу войны достигла гигантской суммы почти в 150 млрд. иен⁴. С другой стороны, в результате обильного государст-

¹ «Oriental Economist», 3 августа 1946 г.

² Там же, 19 октября 1946 г.

³ Там же, 3 августа 1946 г.

⁴ Следует иметь в виду, что к концу войны иена еще не была обесценена столь сильно, как в последующие годы. Что означает эта сумма, можно себе представить, сравнив ее с суммой национального дохода

венного кредитования военно-промышленных компаний к концу войны у концернов образовалась задолженность перед правительственными кредитными институтами, достигшая примерно суммы в 60 млрд. иен¹.

Казалось бы, поскольку сумма государственной задолженности концернам была намного выше, чем сумма задолженности последних государству, дзайбацу должны были быть заинтересованы в устойчивости валюты. Но так могло быть лишь при «нормальном» состоянии государственных финансов и при «нормальном», с точки зрения правящих эксплуататорских клик, политическом положении в стране. В действительности же государственные финансы после войны сразу же оказались в отчаянном положении в результате того, что прекратились поступления от государственных займов и предприятий и в то же время к обычным государственным расходам прибавились большие оккупационные платежи.

Несмотря на тяжелое состояние государственных финансов, концерны добивались уплаты государством всей суммы компенсаций, и реакционное японское правительство пошло им навстречу — до мая 1946 г. оно выплатило концернам 12,3 млрд. иен и, кроме того, 27,2 млрд. иен перевело на заблокированные счета концернов в банках².

Само собой разумеется, что эти средства государство могло в то время получать только с помощью печатного станка, только усиливая инфляцию. Дальнейшая выплата государством его долга грозила Японии полной финансовой катастрофой, и американские власти под нажимом демократических сил распорядились приостановить выплату компенсаций. Хотя японское правительство, в соответствии с интересами дзайбацу, отказалось от аннулирования каких бы то ни было частей государственного долга, но оно было вынуждено прекратить на продолжительное время платежи по государственным компенсациям и покупке государственных ценных бумаг (сохранив при этом уплату процентов по государственным бумагам).

В то же время правительство не имело возможности открыто списать долги с военно-промышленных компаний, так как такая мера ослабила бы политические позиции реакционных клик в их борьбе против демократического движения. Отсюда — заинтересованность дзайбацу в инфляции как средстве для снижения реальной стоимости сумм, которые они задолжали государству.

Японии за 1944 г., которая по официальным оценкам, составила 49,3 млн. иен.

¹ «Oriental Economist», 3 августа 1946 г.

² Там же.

Заинтересованность дзайбацу в инфляции была связана также и с их стремлением уменьшить размеры налогового обложения. В начале 1946 г. было объявлено о введении «налога на военные прибыли», который, по официальным заявлениям, должен был привести к отнятию у дзайбацу 100 % сумм их военных прибылей. Введение этого налога имело исключительно демагогическое значение. Помимо того, что самое определение размеров военных прибылей фактически оставалось в руках дзайбацу, последним была предоставлена вполне легальная возможность уменьшить фактический размер платежей: назначение налоговых сумм было произведено в марте 1946 г., а их взимание отложено до марта 1947 г. Вместо 100 млрд. иен, которые первоначально предполагалось изъять, в конце концов размер обложения составил 43,5 млрд. иен. Но при этом в течение года, протекшего между моментом обложения и началом взимания, ценность иены вследствие инфляции понизилась по меньшей мере вдвое.

Таким образом, финансовые интересы дзайбацу определили отказ правительства и реакционных партий от всех мер по оздоровлению финансов, предлагавшихся демократическими организациями (аннулирование внутреннего государственного долга, обложение крупными налогами дзайбацу, строжайший контроль над торговлей и др.)¹.

Политика экономического саботажа, осуществлявшаяся дзайбацу; выражается прежде всего в том, что сравнительно ограниченные запасы сырья, топлива и продовольствия, которые в условиях поражения и оккупации должны были все до последней тонны быть учтены и распределяться под строжайшим контролем демократических организаций в интересах сохранения экономической самостоятельности Японии, в действительности оказались расхищены, перекочевали с государственных и военных складов на склады дзайбацу и разных гангстерско-спекулянтских шаяк и сделались объектом раз-

¹ Еще в самом начале развертывания экономического саботажа, в ноябре 1945 г., хорошо нам знакомый президент «Мицубиси дзюкогйо» Кийоси Гоко следующим образом характеризовал устремления дзайбацу: «Главная причина медленности перевода военных заводов на гражданское производство,— заявил он,— заключается в том, что промышленники не хотят восстанавливать производство, пока они не уверены в том, что оно будет прибыльным. Имеются также некоторые промышленники, которые воздерживаются от производства, так как они в неведении по поводу того, сколько они получат в качестве компенсации за свои военные предприятия. Общее приостановление платежей компенсаций,— заключал этот шантажист и вымогатель,— приведет к общему краху производства...» (Т. А. Bisson, «Prospects for Democracy in Japan», 1949, стр. 99).

нужданной спекуляции. «Истинными причинами данного кризиса,— заявил в парламенте 21 февраля 1947 г. депутат-коммунист Носака,— являются не только последствия военного поражения, но экономические меры кабинетов Сидэхара и Йосида — меры, способствовавшие развитию инфляции и спекуляции, классовые причины, родившиеся из глубины капиталистической системы». В качестве примеров пагубных для народного хозяйства последствий «свободы бизнеса», отсутствия демократического контроля над экономическими ресурсами Носака в той же речи приводил следующие факты: одна промышленная компания в префектуре Тиба построила кинотеатр из... дюралюминия, одна железнодорожная компания прекратила ремонт электровозов, но зато построила гостиницу у теплых вод; стальные материалы, пригодные для производства электромоторов, используются в качестве кровельных материалов, в то время как производство электромоторов срывается, отказ от приоритета в снабжении продовольствием промышленных рабочих приводит, помимо прочего, к неслыханной текучести рабочей силы, достигавшей на многих крупных предприятиях 70—80% в месяц.

Как сообщала газета «Норд чайна дейли ньюс» 18 июня 1948 г., из 10 млн. т различного военного имущества, которые были возвращены американскими военными властями министерству внутренних дел Японии (речь идет о продовольствии, одежде и т. п.), только 1280 тыс. т поступили в распоряжение специального правительственного распределительного комитета, а остальное «исчезло». Председатель указанного комитета заявил, что, по его мнению, остальное имущество пошло на черный рынок. В связи с этим был привлечен к ответственности ряд служащих «Нихон сэйтэцу», «Фурукава когё», «Кобэ когё» и других полугосударственных компаний и компаний дзайбацу, которые являются агентами указанного комитета и, пользуясь его именем, овладели огромными запасами имущества.

Нашумевшее в Японии летом 1947 г. «дело Сэко» показало глубину и размах политики экономического саботажа, осуществляемой дзайбацу. Депутат парламента, член «либерально-демократической» партии Коити Сэко был назначен председателем парламентского комитета по раскрытию припрятанного имущества. В то время у власти находился кабинет коалиции «демократов» и социалистов и оппозиционная «либерально-демократическая» партия стремилась любыми средствами скомпрометировать кабинет. Комитет установил, что стоимость припрятанных материалов достигает 50 млрд. иен, что даже при обесцененных иенах составляет

огромную сумму — около 15% годового бюджета Японии в 1948 г. В этой громадной афере было замешано несколько членов кабинета.

Комитет установил, что основная «работа» по сокрытию материалов была совершена в период капитуляции до прибытия оккупационных войск. После их прибытия фактически ничего не было сделано для изъятия скрытых запасов. Из 1,3 млн. т материалов стоимостью в 1,3 млрд. иен, которые были учтены к марту 1946 г., только 835 тыс. т малоценных материалов общей стоимостью всего в 96 млн. иен поступило в распоряжение правительства.

Сэко заявил, что «экономический кризис Японии мог быть легко ликвидирован, если бы все скрытые материалы были обнаружены и изъяты». Он указал на то, что огромное количество скрытых материалов — это «раковая болезнь, угрожающая экономике страны»¹. При дальнейшем расследовании выяснилось, что одна только авиационная компания Накадзима на своих 260 складах припрятала материалов на сумму в 9 млрд. иен.

Т. А. Биссон приводит (там же, стр. 115) следующее заявление бывшего японского министра финансов Исибаси: «Через руки министерства внутренних дел прошли лишь материалы на сумму в 20 или 30 млн. иен, и никто не знает, куда делись материалы на сумму в 100 млрд. иен».

Парламентская комиссия официально заявила, что есть все основания полагать, что, кроме обнаруженных материалов, скрыты также большие запасы вооружения. Поскольку штаб Макартура никаких отчетов от японского правительства не требовал, а лишь ограничивался изданием «директив», возможности для экономического саботажа были безграничны. Большая часть припрятанных запасов так и не была раскрыта, а частичное их обнаружение не изменило экономического положения, так как обнаруженные материалы тоже пошли по рукам спекулянтов.

Путь к «стабилизации бизнеса» японские правящие клики видели в развитии инфляции, которая в послевоенные годы отвечала интересам дзайбацу и всякого рода ловких дельцов, овладевших материальными ценностями из припрятанных запасов. Инфляция была одним из следствий недопущения американскими и японскими властями демократического контроля над экономикой и одним из способов экономического саботажа.

Было бы, разумеется, совершенно неправильным полагать, что инфляция возникла в результате специальных государст-

¹ «Times», 6 января 1948 г.

венных мероприятий, направленных к ее созданию. Инфляция в условиях послевоенных экономических трудностей не могла не возникнуть на базе стихийного характера производства и обращения. Инфляция, как было показано выше, имела место и в военные годы, но господствующие классы старались ее сдерживать, так как ее безудержное развитие повело бы к дезорганизации промышленного производства, составлявшего необходимое условие ведения войны и главный источник прибылей монополий. В условиях же, когда промышленное производство резко сократилось, спекуляция дефицитными товарами стала главным источником прибылей монополистической буржуазии, что повлекло к затяжке и углублению инфляции, которая в свою очередь содействовала затяжке упадка промышленности.

Глубокий классовый антагонизм в послевоенной Японии нашел свое выражение в противоположности требований массовых демократических организаций трудящихся, с одной стороны, и требований господствующих эксплуататорских клик — с другой в отношении характера экономического контроля.

Требование профсоюзов заключалось в том, чтобы не ограничивать законодательным путем заработную плату, чтобы она устанавливалась путем прямых переговоров представителей профсоюзов с предпринимателями и чтобы, с другой стороны, строго ограничивать цены на все товары, в первую очередь на товары широкого потребления.

Требование дзайбацу было прямо противоположным: никакого контроля над ценами, строжайший контроль над заработной платой. Соответствие политики правительства этому требованию нашло свое выражение в заявлении министра финансов Исибаси в августе 1946 г.: «Для того, чтобы стабилизировать цены,— сказал он,— надо прежде всего стабилизировать бизнес».

При таком отношении министра финансов и стоящих за его спиной клик дзайбацу к вопросу об уровне цен денежная реформа, проведенная в феврале — марте 1946 г., была, естественно, обречена на провал. К моменту денежной реформы в обращении находилось около 73 млрд. иен (против 26 млрд. иен в момент капитуляции). Реформа понизила сумму банкнот в обращении до 23 млрд. иен, а уже к концу 1946 г. сумма находившихся в обращении банкнот нового образца вновь возросла до 54,4 млрд. иен.

О большом развитии инфляции убедительно свидетельствуют следующие цифры: индекс розничных цен в Токио, принимая за 100 1930 г., составлял: в 1945 г. — 752; в 1946 г. — 2706; в 1947 г. — 9045; в декабре 1949 г. — 25 620 и в мае 1950 г. — 23 006.

Общий индекс «свободных цен» и цен черного рынка в Токио, цен, по которым после войны продается и покупается основная масса товаров, принимая за 100 сентябрь 1945 г., составлял: в 1946 г.— 222; в 1947 г.— 558; в 1948 г.— 765; в декабре 1949 г.— 655¹.

Характерно, что в середине 1949 г. индекс цен черного рынка на потребительские товары был в 722 раза выше уровня 1936 г., тогда как тот же индекс для средств производства был равен 369.

Столь заметная разница отражает тот факт, что все тяготы послевоенного хозяйничанья американцев в Японии стоящие у власти японские монополисты взваливают на плечи трудящихся.

Сумма банкнот Японского банка в обращении увеличилась с 30,2 млрд. иен на 15 августа 1945 г. до 54,4 на 31 декабря 1946 г., до 143,8 на 31 декабря 1947 г., до 251,2 на 31 декабря 1948 г. и до 319,6 млн. иен на конец апреля 1950 г.

Таким образом, «пассивность» американских властей, их мнимое «невмешательство» в экономическую политику японского правительства в действительности явилось в их руках средством создания в Японии экономического хаоса, средством содействия экономическому саботажу японских реакционных клик, средством создания условий для реакционного государственно-монополистического контроля оккупантов (см. главу VIII).

Макартуровская «аграрная реформа»

Демократическая аграрная реформа является одним из необходимых условий демократизации Японии и развития ее сельского хозяйства как предпосылки экономической самостоятельности страны. Отсталость сельского хозяйства Японии находит свое выражение в том, что основным средством обработки земли сейчас, как и тысячу лет назад, продолжают оставаться мотыга и лопата. Об отсталости сельского хозяйства говорит также и хронический застой размера обрабатываемых площадей².

Заявление проповедников японской империалистической агрессии о том, что застой площади обрабатываемых земель объясняется «естественным малоземельем», не выдерживает

¹ «Oriental Economist», 18 февраля 1950 г.

² Площадь обрабатываемой земли в Японии по годам составляла (в тыс. га): 1919 г.— 6074; 1929 — 5838; 1935 — 5997; 1940 — 6017; 1945— 5300

ни малейшей критики: 6 млн. т¹ земли, находящейся под обработкой, составляют только 15% всей ее площади. По данным японских экономистов, пригодная для обработки наделная земля (не включая леса) составляет не менее 10 млн. т¹. Другими словами, в Японии не более двух третей всей пригодной для обработки земли берется под плуг, а остальная земля не обрабатывается.

Причины низкой сельскохозяйственной техники и отсутствия роста обрабатываемых площадей таятся в существующих в Японии аграрных отношениях. По официальным данным, в Японии в 1939 г. насчитывалось 5491 тыс. землевладельцев и арендаторов земли. Из них 1461 тыс. крестьянских хозяйств совершенно не имеют собственной земли и работают на земле, которую арендуют у помещиков. 2331 тыс. крестьянских хозяйств вынуждены приарендовывать, так как их собственные наделы очень малы, и только 1699 тыс. хозяйств обходятся собственной землей².

По другим данным и по оценкам экономистов, в Японии 50 тыс. помещиков (менее 1% всех землевладельцев) владеют 25% земель; в руках 100 с лишним тысяч средних и мелких помещиков сосредоточено около шестой части общей площади земли. Таким образом, около 150 тыс. помещиков, или всего 3,2% всех хозяйств, владеют более чем 40% всей посевной площади, причем в их руках находятся лучшие, орошаемые земли. Помещики сдают землю небольшими участками в аренду крестьянам и получают с них за пользование землей денежную или натуральную плату.

Кроме того, в собственности помещиков, а также храмов, правительства и императорской семьи находится львиная доля лесов, лугов и пустошей, что также является одним из важных факторов, мешающих расширению сельскохозяйственного производства.

В среднем по всей Японии крестьяне за аренду земли платят помещикам более половины всего урожая. Извлекаемая в виде ренты часть стоимости сельскохозяйственной продукции ни в каком виде обратно в сельское хозяйство не возвращается, ибо помещики, 98% которых даже не живет в деревне, тратят эту часть стоимости на личные прихоти, на биржевую спекуляцию и другие дела, не имеющие к сельскохозяйственному производству никакого отношения.

Это обстоятельство и является главной причиной отсталости сельскохозяйственного производства в Японии. Крестьянин вынужден уплачивать более половины урожая за аренду.

¹ 1 т¹ = 0,99 га.

² «Japan Manchoukuo Year Book», 1941.

Сколько бы труда крестьянин-арендатор ни вкладывал в обработку своего клочка земли, он не только не в силах вводить какие-либо улучшения в технику сельскохозяйственного производства, купить и поднять целину, но даже не в состоянии прокормить свою семью. Поистине ужасающая нищета японских крестьян может сравниться только с нищетой крестьян в колониальных и полуколониальных странах.

Американские империалисты отдают себе отчет в том, какое важное значение для судеб Японии имеет проблема аграрных отношений. Во время войны с американских самолетов сбрасывались на японские деревни демагогические агитационные листовки в форме денег, на которых было написано: «Этим деньгами платите помещикам за аренду земли».

9 декабря 1945 г. генерал Макартур издал директиву, которая обязывала японское правительство принять политику превращения крестьян-арендаторов в собственников путем принудительного выкупа земли у помещиков, владеющих более чем 3 тйо¹.

Эта директива имела чисто демагогическое значение: ее цель заключалась в том, чтобы, с одной стороны, помешать разрешению крестьянами земельного вопроса «плебейским способом», привлечь симпатии крестьянства; с другой стороны, имелось в виду произвести известное перераспределение помещичьей земли в пользу узкого слоя зажиточных крестьян и в пользу тех помещиков, которые ведут хозяйство на капиталистических началах, укрепить и расширить кулацко-помещичьи хозяйства и создать кулацко-фермерские хозяйства, которые выступали бы в качестве опоры американо-японской реакции в деревне.

В соответствии с этой директивой 15 марта 1946 г. японский парламент принял закон, по которому предусматривался принудительный выкуп земли помещиков, владеющих свыше 5 тйо. Согласно этому закону около половины всей арендуемой земли оставалось в руках помещиков.

Так как минимум подлежащей выкупу земли был установлен в размере 5 тйо, то помещики стали срочно «раздаривать» подставным лицам свои участки, чтобы раздробить их. С другой стороны, поскольку предусматривалась принудительная скупка земель только тех помещиков, которые не живут в деревне, то тысячи помещиков, многие из которых никогда раньше и не видели своих владений (в особенности из числа демобилизованных офицеров и генералов), кинулись в дерев-

¹ 1 тйо = 0,99 га. Землевладение в Японии характеризуется чрезвычайной раздробленностью. В 1937 г. 50% всех землевладельцев владели участками земли менее 0,5 тйо.

ни, стали сгонять крестьян с арендуемой ими земли и начали вести хозяйство «сами», разумеется с помощью батраков.

Срыву реформы содействовало и то обстоятельство, что земельные комиссии, которые занимаются вопросами продажи помещичьей земли крестьянам, составлялись на «паритетных началах»: в них входило по пять помещиков и пять крестьян. Такой состав тем не менее обеспечивал помещикам подавляющее влияние в комиссиях не только потому, что они имеют возможность оказывать на крестьян давление угрозами отнять землю и расторгнуть арендные договора, но и потому, что на их стороне правительственный аппарат, полиция, суд, прокуратура и т. д.

На заседаниях Союзного Совета для Японии 29 мая и 17 июня 1946 г. представитель Советского Союза подверг резкой критике программу земельной реформы, принятую парламентом в марте, и методы ее осуществления и внес следующие предложения: 1) на основе отчуждения и выкупа помещичьей земли, которая до 2 сентября 1945 г. (день капитуляции Японии) не обрабатывалась помещиками, а сдавалась в аренду или пустовала, создать земельный фонд для наделения землей крестьян-арендаторов. Отчуждению и принудительному выкупу подлежит вся земля, которая принадлежит отсутствующим в деревне землевладельцам, 2) все сделки о продаже и покупке земли или передача земельной собственности каким-либо другим способом, заключенные после 1 декабря 1945 г., аннулируются, и земельная реформа должна быть распространена также и на земли, явившиеся объектами этих сделок; 3) выкупная цена, уплачиваемая помещикам, должна быть минимальной и прогрессивно уменьшаться в зависимости от размера отчуждаемого участка; за часть земли, превышающую 3 тйю (до 6 тйю), должна уплачиваться половина стоимости первых 3 тйю; часть земли свыше 6 тйю должна отчуждаться безвозмездно; 4) земельная реформа должна быть закончена к январю 1948 г.

Под влиянием критики со стороны советского представителя, встретившей широкое сочувствие демократической общественности Японии и других стран, штаб оккупационного командования был вынужден предложить японскому правительству выработать новую программу земельной реформы.

В новой программе, утвержденной парламентом 20 ноября 1946 г., некоторые недостатки прошлой программы были устранены. Но все же и эта новая программа порочна в своей основе. Программа полностью отвергает принцип безвозмездной конфискации какой бы то ни было части помещичьей земли; сохраняется необходимость для крестьян высокой оплаты покупаемой земли и господство помещиков в земельных

комиссиях. Наконец, система аренды земли отнюдь не ликвидируется; 600 тыс. тйо, или свыше четверти всей арендуемой земли, которой владеют помещики, согласно новой программе, сохраняется за их прежними владельцами¹.

На заседании Союзного Совета 23 июля 1947 г. генерал Деревянко вновь подверг резкой критике осуществление программы аграрной реформы, указав на то, что скупка помещичьей земли правительством резко отстает от плана, а ее продажа крестьянам вообще не производится². Сославшись на заявление экспертов штаба главнокомандующего и на заявления Японского крестьянского союза, советский представитель подчеркнул наличие случаев массового незаконного и насильственного сгона с земель арендаторов помещиками.

Японское правительство и после этого продолжало проводить политику срыва реализации уже принятого закона о реформе. Разделив проведение реформы на три этапа и отложив продажу крестьянам львиной доли скупленной у помещиков земли на третий этап, правительство в ноябре 1948 г. внесло в парламент «поправочный законопроект», предлагавший отказаться от проведения третьего этапа реформы. Министр земли и леса Мори заявил тогда о том, что третий этап не будет проводиться и что «нужно исправить перегибы прежних этапов».

Опираясь на реакционное большинство в парламенте, правительство добилось внесения в прежний земельный закон изменений, направленных против интересов трудящихся крестьян. Девятая статья закона была изменена таким образом, что правительство получило право увеличивать официальные размеры арендной платы. Этим правом оно не преминуло воспользоваться, увеличив в 1949 г. официальные ставки арендной платы в семь раз. Пятая статья была изменена таким образом, что при выборах земельных комитетов лишались права голоса батраки и члены семей крестьян. При таких условиях засилие помещиков в земельных комитетах стало еще большим, чем прежде. Земельные комитеты, в которых командное положение занимают помещики и их прихвостни из числа деревенских богатеев, являются не органами проведения земельной реформы, а органами по ее срыву.

В конце 1949 г. правительство объявило, что земельная реформа в основном завершена. По официальным данным, правительство скупило у помещиков 1875 тыс. тйо пахотной зем-

¹ У помещиков, живущих в деревне, сохраняется до 3 тйо, у «отсутствующих» помещиков, сдающих землю в аренду,— до 1 тйо.

² «Правда», 25 июля 1947 г.

ли и 241 тыс. тйо пастбищ, причем 97% всей скупленной правительством пахотной земли и 71% скупленных пастбищ якобы уже передано в собственность крестьянских хозяйств, в результате чего площадь арендуемой земли якобы уменьшилась до 520 тыс. тйо¹.

Те же официальные источники признают, что в стране остается 1153 тыс. сельских хозяйств (свыше 20% всех сельских хозяйств), продолжающих арендовать землю² и обреченных, согласно земельному закону, навсегда оставаться арендаторами или полуарендаторами.

В японской печати еще нет статистических данных о том, к кому, к каким группам сельскохозяйственного населения перешла земля, скупленная правительством у помещиков. Но весь характер аграрной реформы (необходимость выкупных платежей в течение 24 лет; требование, чтобы покупающий землю крестьянин обеспечивал на ней высокие урожаи; засилье помещиков и богатых собственников в земельных комиссиях и т. д.) таков, что наверняка большая часть всей скупленной земли перешла или перейдет в ближайшее время в руки зажиточной верхушки собственников и полуарендаторов, в руки окулачившихся помещиков и лишь ничтожную часть земли получили крестьяне-арендаторы, т. е. наиболее обездоленный слой трудового крестьянства.

Макартуровская аграрная реформа, таким образом, не уничтожила помещичьего землевладения и аренды земли, закрепив безземельность и нищету большинства арендаторов, сохранив в руках помещиков право сдачи земли в аренду, как одно из главных средств кабальной эксплуатации крестьянства.

Однако у помещиков сохранились также и другие средства господства в деревне. Одним из них является владение лесными угодьями. Около 55% всех лесных угодий Японии находится во владении императора, правительственных органов и храмов. Остальные 45% распределены между 4995 тыс. сельских хозяев, но при этом 1,3% крупных лесовладельцев владеют более чем 35% лесных угодий, а на долю 6,6% крупных и средних лесовладельцев приходится около двух третей всех лесов, находящихся в частном владении³. Сохранение лесов, а также львиной доли всех пастбищ и пустошей в руках прежних владельцев, т. е. по преимуществу реакционных правительственных органов и полуфеодаловых помещиков,— важнейшая помеха на пути развития японского сельского

¹ «Oriental Economist», 5 ноября 1949 г.

² «Nippon Times», 13 февраля 1950 г.

³ «Мы обвиняем правительство Йосида». Токио, 1949, раздел III.

хозяйства, в частности расширения сельскохозяйственных площадей; никакого прогресса в этой области после войны нет, несмотря на то, что правительство Сидэхара в 1946 г. объявило план поднятия 2 млн. га целинной земли в течение двух-трех лет.

Оказавшись вынужденным передать часть принадлежавшей помещикам земли новым владельцам из крестьян, японское правительство в то же время старается сделать все возможное, чтобы восстановить помещичью собственность на пахотную землю в ее прежнем объеме, укрепить положение окулачившихся помещиков и кулаков, являющихся опорой американо-японской реакции в деревне.

Достижению этой цели служат и состав земельных комитетов и самый характер аграрной реформы, требующей многолетней выплаты крестьянами денег за приобретенную землю. Пока крестьянин не выплатил полностью причитающейся с него суммы, он не считается собственником, а остается лишь землепользователем, т. е. фактически тем же арендатором с той лишь разницей, что платить аренду он должен не помещику, а государству, которое уже само рассчитывается с помещиком. Лишь узкому слою деревенской буржуазии, получившей землю в ходе реформы, может удасться выплатить деньги за землю и стать ее хозяином.

Пользуясь тем, что основная масса трудовых крестьян не является собственником полученной в порядке реализации закона об аграрной реформе земли, помещики принимают все меры для сгона крестьян с этой земли. В брошюре ЦК КПЯ («Мы обвиняем правительство Йосида») указывается, что «по общему мнению число случаев незаконного возвращения земли (т. е. возвращения крестьянами земли ее прежним владельцам.— Я. П.) превышает 1 миллион». Возвращение земли осуществляется различными путями под давлением реакционных земельных комитетов и многочисленных помещичьих и кулацких организаций, тесно связанных с правительственными органами и ставящих перед собой цель — не допустить закрепления земли за трудящимися крестьянами. На службе у этих организаций вся судебная машина японской реакции, и уже зарегистрированы десятки тысяч случаев, когда суды и земельные комитеты выносили решения о том, чтобы вернуть землю ее прежним владельцам.

При таких условиях аграрная реформа превращается в сущий ад для трудящихся крестьян. Даже из тех крестьян, которые получили землю, ни один не может быть уверен в том, что полученный им клочок земли не будет завтра отнят помещиками, контролирующими местные органы власти и земельные комитеты.

Со дня на день народным массам Японии становится все яснее единственный смысл этой реформы: американские власти стараются расширить в деревне свою социальную опору в лице кулаков и окулачившихся помещиков, укрепив их положение за счет миллионов обманутых трудящихся крестьян. Борьба за демократическое решение аграрного вопроса остается одной из центральных задач демократического лагеря Японии, в рядах которого почетное место принадлежит прогрессивным крестьянским организациям.

ГЛАВА VIII

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗАКАБАЛЕНИЕ ЯПОНИИ АМЕРИКАНСКИМ ИМПЕРИАЛИЗМОМ И ПРЕВРАЩЕНИЕ ЯПОНСКИХ ДЗАЙБАЦУ В АМЕРИКАНО-ЯПОНСКИЕ

В годы второй мировой войны Советский Союз, принявший на себя главное бремя борьбы против гитлеровской коалиции, вместе с демократическими силами всего мира ставил целью ликвидацию фашизма, восстановление и укрепление демократических порядков, предотвращение возможности новой агрессии и создание всестороннего и длительного сотрудничества народов всего мира. Вдохновители мюнхенской политики США и Англии, саботируя открытие второго фронта, неуклонно стремились затянуть войну, обескровить Советский Союз и спасти фашистских агрессоров от полного разгрома. Англо-американские империалисты приняли участие в войне для того, чтобы избавиться от конкуренции Германии и Японии и утвердить свое господство в Европе и Азии.

Вторая мировая война, будучи порождением неравномерности развития капитализма, привела к обострению этой неравномерности. Из всех капиталистических стран только одна страна — США — вышла из войны не ослабленной, а значительно усилившейся в экономическом и военном отношении. Война принесла американским монополистам громадные прибыли и вызвала колоссальный рост военно-производственного аппарата США. После окончания войны американский империализм выступает как главная агрессивная сила мирового империалистического лагеря. Американские монополии, стремясь к сохранению прибылей на уровне военных лет и их дальнейшему росту, ставят перед собой в качестве одной из задач удержание внешних рынков, завоеванных в годы войны, и овладение новыми рынками.

«Экономическая экспансия США,— указывал тов. Жданов,— является важным дополнением к осуществлению стратегического плана. Американский империализм стремится, как ростовщик, использовать послевоенные трудности европейских

стран, в частности нехватку сырья, топлива и продовольствия в странах-союзниках, наиболее пострадавших в войне, для того, чтобы продиктовать им свои кабальные условия помощи. В предвидении предстоящего экономического кризиса США торопятся найти новые монопольные сферы приложения капиталов и сбыта товаров. Экономическая „помощь“ США преследует широкую цель закабаления Европы американским капиталом. Чем более тяжелым является хозяйственное положение той или иной страны, тем более жесткие условия ей стремятся продиктовать американские монополии»¹.

С новым обострением неравномерности развития капитализма после второй мировой войны усилилось развитие государственно-монополистических тенденций в империалистических странах, в первую очередь в США, и подчинение государственного аппарата финансовой олигархии. Внутри США эти тенденции находят свое выражение во все большей фашизации государственного управления как одном из методов усиления эксплуатации пролетариата и подготовки к войне. «Чтобы вести войну,— говорит товарищ Сталин,— недостаточно роста вооружений, недостаточно организации новых коалиций. Для этого необходимо еще укрепление тыла в странах капитализма. Ни одна капиталистическая страна не может вести серьезной войны, не укрепив предварительно свой собственный тыл, не обуздав „своих“ рабочих, не обуздав „своих“ колоний. Отсюда постепенная фашизация политики буржуазных правительств»².

Особенно важное значение усиление государственно-монополистических тенденций имеет на международной арене, где государство США, после окончания войны, в гораздо большей степени, чем во все прежние периоды, выступает как инструмент монополий в подготовке войны, имеющей целью установление мирового господства американских монополий.

Важнейшее место в планах подготовки войны занимает политика англо-американского империалистического блока в отношении Германии и Японии, политика, которая «находит свое выражение в срыве мирного урегулирования отношений с Германией и Японией, в завершении расчленения Германии, в превращении западных зон Германии и оккупированной американскими войсками Японии в заповедники фашизма,

¹ Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1948, стр. 31—32 (разрядка наша.— Я. П.).

² И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 282.

реваншизма и плацдармы для осуществления агрессивных планов этого блока»¹.

США и Англия грубо нарушили заключенные в годы второй мировой войны соглашения о послевоенном мирном урегулировании. Вследствие этого оккупация Японии и Западной Германии давно уже фактически переродилась в интервенцию. Под какими бы предложениями правители США и Англии ни отказывались от мирного урегулирования отношений с Германией и Японией, действительная причина их отказа заключается в том, что оккупационный режим является удобной ширмой и надежным средством для осуществления государственной властью указанных стран империалистической политики американских монополий. Оккупационная власть, будучи одним из методов открытой военной диктатуры, является в руках правящих реакционных клик США таким же политическим орудием, какими были фашизм и милитаризм в руках германских или японских монополистов. Американская оккупационная власть, созданная на основе безоговорочной капитуляции противника, обладает такими средствами политического господства в оккупированной стране и «регулирования» ее народного хозяйства, какими не обладает ни одно капиталистическое государство даже в самые острые периоды войны, в периоды наиболее полного развития государственно-капиталистических тенденций. Оккупационная власть имеет возможность введения широкого контроля над всей экономической жизнью оккупированной территории — над финансами, внешней и внутренней торговлей, промышленностью, транспортом, распределением рабочей силы и т. д. В условиях Японии, где все крупные предприятия и банки находились в руках военных преступников — магнатов финансового капитала и реакционного государства, оккупационная власть имеет право и, согласно международным соглашениям, обязана лишить бывших владельцев их имущества и распорядиться им по своему усмотрению в интересах демилитаризации и демократизации экономики и ее скорейшего восстановления.

Как мы видели выше, диктатура американской военщины в Японии используется американским империализмом прежде всего с целью сохранения политической власти в руках японских реакционных клик и для превращения Японии в американский военный плацдарм. Но не в меньшей степени оккупационный режим используется также и для экономического закабаления Японии.

Экономическая политика американского империализма в

¹ Совещание Информационного Бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 г., М., 1949, стр. 7.

Японии глубоко противоречива. С одной стороны, монополии США всеми средствами стараются помешать возобновлению японской конкуренции на внешних рынках и с этой целью тормозят восстановление японской промышленности до довоенного уровня и ее дальнейшее развитие. С другой стороны, ставя задачу ремилитаризации экономики, оккупанты не могут не содействовать восстановлению и развитию тяжелой промышленности, являющейся основой военной мощи. Наконец, укрепление власти японских монополий и опора на них, получение новых сверхприбылей — все это также требует восстановления и известного развития экономики Японии, что приходит в противоречие с интересами предотвращения японской конкуренции.

Разрешение вышеуказанного противоречия в условиях оккупации производится за счет трудящихся классов Японии, на основе их двойной эксплуатации — американским и японским капиталом. Неотъемлемой частью американской политики в отношении Японии является подчинение важнейших отраслей ее экономики — внешней и внутренней торговли, кредитно-финансовой системы и промышленности — американскому монополистическому капиталу. Подчинение японской экономики американскому империализму осуществляется преимущественно оккупационными органами, которые являются частью государственного аппарата американского империализма. Подчиняя своему контролю важнейшие отрасли японской экономики, американские власти прокладывают путь для высокоприбыльного предпринимательства американских монополий, которые с 1949 г. начали непосредственно захватывать японские предприятия и компании. Их прямым пособником является реакционное японское марионеточное правительство, действующее по указке оккупационных властей.

Рассмотрим подробнее методы, с помощью которых производится закабаление японской экономики американским империализмом.

Подчинение внешней торговли.

Роль американских «долларовых фондов»

Зависимость от внешней торговли всегда была ахиллесовой пятой японской экономики. Достаточно напомнить о том, что в 1936 г. отношение стоимости японского экспорта ко всему национальному доходу Японии составляло 22,4%, тогда как для Англии соответствующая цифра на тот же год — 18,2%, для Франции — 13,4%, для Германии — 6,5% и для США — 3,7%.

До войны Япония импортировала 100% потреблявшихся в стране хлопка-сырца, шерсти, каучука и олова, 90% пшеницы,

около 70% нефти и железной руды, около 60% леса, 40—45% сахара, 15—20% риса и т. д. Экспорт товаров, необходимый для оплаты импорта, развивался до войны и в первые ее годы под знаком торговой экспансии японского империализма, в основе которой лежали господство дзайбацу и колониальные условия эксплуатации японского пролетариата при сравнительно высокой технике производства и высокой производительности труда на японских предприятиях.

Одной из целей демилитаризации и демократизации Японии было ликвидировать условия, благоприятные для японского «социального демпинга», создать условия для взаимно выгодной торговли Японии со всеми странами мира и в первую очередь с ближайшими к Японии странами Азии и Океании, обладающими необходимыми для торговли с Японией экспортно-импортными возможностями. Но в действительности внешняя торговля послевоенной Японии развивается под знаком захвата ее внутреннего рынка Соединенными Штатами, упадка японского экспорта и громадного роста долларовой задолженности Японии.

Структура внешней торговли Японии по странам показывает рост удельного веса США в импорте Японии (табл. 48 и 49).

В 1949 г. весь экспорт Японии составил 511 млн. долл., а ее импорт — 902 млн. долл., т. е. пассивное сальдо торгового баланса составило 391 млн. долл., и долг Японии Соединенным Штатам, образовавшийся после войны, достиг 1342 млн. долл. В том же 1949 г. 55,9% японского экспорта пришлось на долю текстиля, в том числе половина — на хлопчатобумажные ткани. В то время как производство текстиля в Японии, как мы видели выше, резко отстает от довоенного уровня, составляя менее одной трети последнего, Япония по размерам экспорта текстиля вновь выходит на одно из первых мест в мире. В 1949 г. было вывезено хлопчатобумажных изделий: из Англии — 755 млн. м², из США — 736 млн. м²; из Японии: в 1948 г. — 398 млн. м², а в 1949 г. — 732 млн. м². Из всей японской продукции хлопчатобумажных тканей на экспорт шло в 1947 г. 45%, а в 1949 г. — 60%. В то же время внутреннее потребление текстиля на душу населения в 1949 г. достигало всего 19% по отношению к довоенному уровню.

Как и в прежние послевоенные годы, в 1949 г. главными статьями японского импорта являются продовольствие (36,5%), хлопок-сырец (16,0%), нефть и нефтепродукты (7,25%).

В пересчете по ценам 1930—1934 гг. сумма японского экспорта в 1948 г. составила всего 16,2% к среднему уровню

Экспорт и импорт Японии по странам (за 1937, 1946, 1948 и 1949 гг., в млн. ам. долл. и в %) *

Страны	Экспорт							
	1937	%	1946**	%	1948	%	1949	%
США	184,1	15,2	77,4	75,6	65,8	25,4	101,7	18,9
Корея	211,7	17,5	14,8	14,5	17,9	6,9	14,8	2,9
Китай***	307,8	25,5	4,7	4,6	4,1	1,6	9,1	1,8
Индия	86,2	7,1	—	—	9,1	3,5	58,8	11,5
Англия	48,4	4,0	0,1	0,1	16,6	6,4	37,8	7,4
Индонезия	57,6	4,8	—	—	56,8	22,0	24,5	4,8
Другие	310,2	25,9	5,3	5,2	88,3	34,2	264,3	52,7****
Всего	1206,0	100,0	103,3	100,0	258,6	100,0	511,0	100,0
Импорт								
США	365,5	26,6	297,7	97,4	441,4	64,7	561,0	62,2
Корея	164,8	12,0	0,5	0,2	5,1	0,7	4,5	0,5
Китай***	244,2	17,8	4,8	1,6	24,8	3,6	46,0	5,1
Индия	129,3	9,4	—	—	27,7	4,1	14,5	1,5
Англия	30,5	2,2	0,3	0,1	5,2	0,8	4,5	0,5
Индонезия	44,2	3,2	—	—	11,9	1,7	—	—
Другие	393,6	28,8	2,1	0,7	166,5	24,4	271,5	30,2*****
Всего	1372,1	100,0	305,4	100,0	682,6	100,0	902,0	100,0

* „Foreign Commerce weekly“, 12 июня 1949 г.; „Oriental Economist“, 10 июня 1950 г.

** 1 сентября 1945 г. — 31 декабря 1946 г.

*** Включая Манчжоу-го и Квантунскую область.

**** В том числе: Австралия—3,3%, Египет—1,6%, Канада—1,3%.

***** В том числе: Австралия—2,6%, Египет—2,0%, Западная Германия—1,2%, Канада—0,5%, Куба—0,5%.

тех же годов, а в 1949 г.—около 35% того же уровня. Соответствующие цифры по импорту — 39,7% для 1948 г. и около 60% для 1949 г.

При огромном отставании экспорта и продолжающемся через пять лет после войны весьма значительном отставании импорта от довоенного уровня, США ввозят из Японии приблизительно такую же долю японского экспорта, как и до войны. Но зато они монополизировали японский импорт: на

Общий размер японского экспорта и импорта и его размеры по отдельным важнейшим товарам (за 1937, 1946, 1948 и 1949 гг., в млн. ам. долл.) *

Товары	Экспорт							
	1937	%	1946**	%	1948	%	1949	%
Хлопчатобумажные ткани . . .	180,6	14,9	0,2	0,2	91,4	35,5	285,8	56,4
Шелк-сырец . . .	117,2	9,7	56,9	55,0	22,1	8,7		
Хлопчатобумажная пряжа . . .	15,8	1,3	2,6	2,5	6,9	2,6		
Шелковые ткани	23,8	1,9	0,2	0,2	16,2	6,2		
Пряжа и ткани искусственного шелка	52,0	4,3	1,2	1,2	9,5	3,6	5,6	1,1
Уголь	6,7	0,5	9,9	9,5	11,1	4,2		
Машины	49,8	4,1	1,0	1,0	12,9	4,9		
Металлы и руды .	63,3	5,2	14,6	14,1	11,8	4,5		
Все прочие . . .	696,7	58,1	16,7	16,0	76,7	29,8	98,0	19,2
Всего . .	1205,9***	100,0	103,3	100,0	258,6	100,0	511,2	100,0
И м п о р т								
Продукты питания	246,3	18,5	170,2	55,7	316,6	46,4	363,3	39,8
Хлопок-сырец . .	247,4	18,5	105,1	34,4	98,1	14,4	151,1	16,6
Другие виды текстильного импорта	108,3	7,8	0,9	0,3	53,0	7,8	59,3	6,6
Нефть и нефтепродукты . . .	86,2	6,2	10,5	3,4	51,8	7,6	54,7	6,1
Удобрение и сырье для производства удобрений	32,3	2,3	9,6	3,2	39,0	5,7	42,0	4,6
Соль	8,6	0,6	4,7	1,5	26,1	3,8	—	—
Руды и металлы .	291,5	21,2	Неизв.		12,0 ****	1,7	52,4	5,9
Все прочие . . .	341,5	24,9	4,4	1,5	86,0	12,6	179,2	20,4
Всего . .	1372,1	100,0	305,4	100,0	682,6	100,0	902,0	100,0

* „Foreign Commerce weekly“, 12 июня 1949 г. и др.

** Сентябрь 1945 г. — декабрь 1946 г.

*** Включая торговлю с Кореей и Формозой.

**** Только железная руда.

их долю в 1948—1949 гг. приходится около двух третей всего импорта, тогда как до войны приходилась лишь одна четверть. В то же время в долларовом исчислении в 1948 г. импорт Японии из Китая понизился по сравнению с довоенным в 10 раз, из Индии — почти в пять раз, из Индонезии — почти в четыре раза, из Англии — в шесть раз, из других стран — почти в два с половиной раза.

В то время как доля всех стран Азии в японском импорте упала с 52,7% в 1930—1934 гг. до 16,2% в 1948 г., доля всех американских стран соответственно увеличилась с 29,5 до 78,2%, тогда как в экспорте доля азиатских стран несколько увеличилась по сравнению с довоенной (54,6% против 52,6%), а доля американских стран понизилась с 31,4 до 27,2%.

Об огромной внешнеторговой зависимости Японии от США после войны убедительно свидетельствуют данные табл. 50.

Таблица 50

Распределение внешней торговли по валютным зонам
(в % к сумме) *

Годы	Долларовая зона		Стерлинговая зона		Другие зоны		Всего	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
1930—1934 . . .	27,0	26,9	20,9	20,6	52,1	52,5	100,0	100,0
Сентябрь 1945— декабрь 1946 .	75,0	97,5	2,2	0,1	22,8	2,4	100,0	100,0
1947	12,7	92,3	32,3	4,8	54,5	2,9	100,0	100,0
1948	28,8	79,8	23,5	10,6	47,6	9,6	100,0	100,0

* „Monthly circular“, август — сентябрь 1949 г.

Приведенные выше данные о структуре японского импорта говорят о том, что США монополизуют Японию прежде всего как рынок сбыта американского сырья и продовольствия.

Зависимость японской экономики от внешней торговли американские оккупанты использовали не только для захвата японского рынка, но также и для того, чтобы превратить контроль над внешней торговлей в основу системы контроля над всеми отраслями народного хозяйства страны, в особенности над внутренней торговлей, кредитом и финансами, промышленностью.

До середины 1947 г. внешняя торговля США и Японии осуществлялась через полуправительственную «Американскую торговую корпорацию». С августа 1947 г. была разрешена частная торговля Японии с другими странами, но при этом право на выдачу лицензий оставалось до конца 1949 г. в руках оккупационного командования, действовавшего через японское «управление внешней торговли» («бозекитё»).

Большинство иностранных торговых фирм, открывшихся в Японии,— американские. В Токио открыли свои филиалы «Чейз», «Нэйшенэл Сити» и другие крупнейшие американские банки. «Японские» торговые делегации, посылаемые в другие страны для заключения торговых соглашений, возглавляют американские чиновники экономического отдела штаба оккупационного командования, японцы же, как правило, сопровождают эти делегации только в качестве экспертов.

С 1 января 1950 г. государственный контроль над внешней торговлей формально был отменен. Было объявлено о том, что не требуется никаких правительственных разрешений на экспорт любых товаров, кроме имеющих военно-стратегическое значение, и на импорт, *кроме импорта, проходящего по американским фондам «GARIOA» и «EROA»*. Эта последняя, казалось бы малозначительная, оговорка имеет решающее значение для объяснения нынешней системы американского экономического контроля в Японии.

Контроль этот осуществляется через систему различных фондов, которые для удобства анализа можно разделить на два типа: внешние «долларовые фонды», находящиеся под непосредственным контролем американского командования, и внутренние японские «иеновые фонды», формально контролируемые японским правительством, но созданные по указанию американских властей и фактически также находящиеся под их контролем.

«Долларовые фонды» американские империалисты объявили «фондами помощи» Японии.

По официальным американским данным, эта «помощь» Японии составила с момента капитуляции Японии и до конца 1949 г. 2,5 млрд. долл. Если даже принять эту цифру за истинную, то нельзя ни одной минуты забывать о том, что ценой этой «помощи» является сохранение после войны на плечах японского народа бремени военных расходов, которые выступают в бюджете под рубрикой оккупационных расходов, или расходов на содержание полицейских сил. В бюджете Японии оккупационные расходы («расходы, связанные с окончанием войны») занимают следующее место (табл. 51).

Таким образом, после войны доля оккупационных расходов в бюджете остается приблизительно на том же уровне,

Доля военных, или оккупационных, расходов во всей сумме государственных расходов Японии (1937, 1946—1948 гг.) *

Годы	Вся сумма государствен- ных расходов, млн. иен (А)	1937 г., в том числе военные расходы по об- щему счету, или оккупационные расходы ** (Б)	А : Б (в %)
1937	2,709	434	27,5
1946	119,086	39,600	33,3
1947	214,504	67,873	31,3
1948	473,145	113,495	23,9

* „Дзидзи нэнкан“ („Ежегодник дзидзи“, 1948); „Oriental Economist“, 27 августа 1949 г.

** Без расходов на содержание полицейских сил.

что и доля военных расходов по общему счету государственного бюджета в год начала войны с Китаем. По данным американской печати, сумма оккупационных расходов по годам составляла (в млн. долл.): ¹

1946 г.	830
1947 г.	752
1948 г.	713
1949 г.	886 (проект)

Всего за четыре года . . 3181 млн. долл.

Таким образом, своими затратами на содержание оккупационных войск Япония намного перекрыла размеры американской «помощи». При этом необходимо иметь в виду, что даже по официальным данным из указанных 3181 млн. долл. весьма значительная доля — 860 млн. долл. ² — была обращена на американское военно-стратегическое строительство в Японии, производимое за счет японского народа.

В то же время американские источники утверждают, что продовольствие для оккупационной армии ввозилось из США за счет бюджета американской армии ³. Это лишь подтверждает, что не 860 млн. долл., а большая часть средств, расходованных по японскому бюджету на содержание оккупационных

¹ «Fortune», апрель 1949 г.

² «Oriental Economist», 28 мая 1949 г.

³ «Nippon Times», 5 декабря 1949 г.

войск, в действительности расходовалась на американское военно-стратегическое строительство в Японии.

Японскому народу приходится, таким образом, расходовать на американскую военную машину намного больше тех сумм, которые американское правительство называет в качестве суммы «помощи Японии».

Возвращаясь к вопросу о «долларовых фондах», необходимо прежде всего отметить, что цифра 2,5 млрд. долл. не отражает действительных размеров американских кредитов Японии. В эту цифру входит 1 млрд. долл., в которые оценивается стоимость части трофейных боеприпасов и довольствия, взятых американской армией в момент капитуляции Японии и затем возвращенных японскому правительству как ненужные американской армии. Эти трофеи либо перешли в собственность спекулянтов, либо использовались по своему прямому назначению, т. е. для нужд вооруженных сил, воссоздаваемых под видом полиции.

Остальная сумма — 1500 млн. долл. — приблизительно совпадает с размерами пассивного сальдо торгового баланса Японии за все послевоенные годы до конца 1949 г. Иными словами, эта сумма представляет собой долг Японии Соединенным Штатам по кредитам, предоставленным из следующих фондов:

Фонд GARIOA¹. Этот фонд, включаемый в бюджеты американских оккупационных армий, существует не только для Японии, но и для американских зон в Германии и Австрии и для Южной Кореи. С начала оккупации по 1948 г. по этому фонду на долю Японии пришлось 782 млн. долл., а в 1949 г. (судя по итогу за первое полугодие) — около 400 млн. долл. Всего, следовательно, за четыре года — около 1,2 млрд. долл., или 80% всех американских кредитов. По фонду GARIOA производились, главным образом, поставки продовольствия и медикаментов.

Фонд EROA² для Японии, Южной Кореи и Рюкю создан в начале 1949 г. для кредитования импорта промышленных товаров, сырья и оборудования. Кредиты по этому фонду составили в первый год его существования 73 млн. долл., из которых 50% были потрачены на импорт промышленного сырья, 19% — на фрахт, 5% — на импорт нефти и лишь 7% — на импорт машин.

Этими двумя фондами почти исчерпывается американское государственное долгосрочное кредитование Японии, на кото-

¹ «Government and Relief in Occupied Areas» («Управление и помощь на оккупированных территориях»).

² «Economic Rehabilitation Occupied Areas» («Экономическое восстановление оккупированных территорий»).

рое приходится около девяти десятых всех послевоенных американских кредитов. Следствием этого государственного кредитования является все возрастающая задолженность Японии США, так как оно сводится в основном к импорту предметов потребления и лишь в небольшой степени — к импорту сырья, жидкого топлива и машин, необходимых для расширения экспортных возможностей Японии.

Остальные американские кредиты носят краткосрочный характер и имеют иное направление.

«Обращающийся торговый фонд для оккупированных территорий» («Trade Revolving Fund for Occupied Areas») ¹ специально предназначен для краткосрочного кредитования импорта в Японию американских хлопка-сырца и шерсти. По условиям этого фонда не менее 60% изделий, изготовленных из закупленного сырья, подлежат экспорту с целью возмещения кредита.

Размер этого созданного в июне 1948 г. фонда для Японии — 125 млн. долл. Фонд этот считается «полугосударственным», но фактически он черпается преимущественно из кредитных ресурсов американских монополистических банков; для которых государство США в данном случае выступает лишь в роли гаранта. Частью указанного фонда является учрежденный одновременно с последним так называемый «хлопковый кредит для Японии» («Cotton Credit for Japan») в размере 60 млн. долл., который является первым после войны частным американским кредитом. Кредит этот отпускается консорциумом из четырех американских банков, связанных с владельцами хлопковых плантаций, под залог находящегося под контролем США золотого запаса Японского банка ².

Эти факты свидетельствуют о демагогическом характере провозглашенной 1 января 1950 г. «свободы внешней торговли», поскольку не менее половины японского импорта зависит от «долларовых фондов», находящихся целиком и полностью под контролем правительства США и американских кредитных монополий. Контроль над внешней торговлей служит для США также средством монополизации японского

¹ Другое название этого фонда для Японии — OJEIRF — «Occupied Japan's Export-Import Revolving Fund» («Обращающийся экспортно-импортный фонд для оккупированной Японии»).

² «Nippon Times», 5 декабря 1949 г. До 1948 г. кредиты для закупки Японией в США хлопка отпускались полуправительственной «корпорацией по финансированию торговли США» («U. S. Merchandise Financing Corporation»). До конца 1949 г. с помощью краткосрочных кредитов США продали Японии хлопка на 300 млн. долл., причем почти вся эта сумма уже возвращена Японией кредиторам. На 1950 г. намечалось отпустить кредитов на сумму в 81 млн. долл. для закупки 1 млн. кип американского хлопка.

фрахта. Если до войны основная масса внешнеторговых перевозок Японии производилась на японских кораблях, то в 1948 г. 88% всего ввоза в Японию и около 40% вывоза было произведено на иностранных кораблях¹.

«Долларовые фонды» — это дальневосточное издание «плана Маршалла», служащее для того, чтобы приковать экономику Японии к монополиям США. Дело вовсе не ограничивается монополизацией импорта. На основе этих фондов американские власти диктуют Японии валютный курс иены, создают внутренние «иеновые фонды» для субсидирования монополий дзайбацу и с помощью этих фондов оказывают большое, порой решающее влияние на движение внутренних цен в Японии. «Долларовые фонды» служат в руках американских властей средством колониальной эксплуатации японских трудящихся и обеспечения высоких прибылей американско-японских дзайбацу.

Непосредственная связь контроля над внешней торговлей с контролем над другими отраслями японской экономики будет рассмотрена нами в последней части данной главы при анализе американской «программы стабилизации». Здесь нужно только отметить, что столь широко провозглашенная «отмена контроля» над внешней торговлей имела также некоторое значение в качестве попытки американских властей найти выход из тупика, в который завела их внешнеторговая политика в Японии.

До настоящего времени США достигли лишь первой цели своей внешнеторговой политики — монополизации Японии как рынка сбыта. Но такое положение, когда сбыт американских товаров в Японию обеспечивается с помощью американских кредитов за счет американских налогоплательщиков, как бы того ни добивались американские владельцы хлопковых плантаций, не может продолжаться бесконечно; удержание монополии над японским импортом требует ликвидации пассивного сальдо японского расчетного баланса, т. е. либо резкого сокращения импорта, либо столь же резкого увеличения японского экспорта.

Заставить Японию платить США за сырье валютой, вырученной от продажи японских товаров третьим странам, т. е. добиться резкого усиления японского экспорта, добиться пре-

¹ «Monthly circular», октябрь 1949 г. По данным за январь — апрель 1949 г., на США приходилось 49,9% всего японского фрахта для импорта товаров, на Англию — 19,3%; соответствующие цифры для японского экспорта: США — 20,2%, Англия — 38,6% (там же). Фрахтовые ставки для Японии очень высоки, и Япония тратила на фрахт более одной четверти всех своих валютных расходов (в одном лишь 1949 г. на транспортировку товаров из США было истрачено более 100 млн. долл.).

вращения Японии в базу американско-японской торговой экспансии в страны Тихого океана — такова цель США. Что именно этой цели добиваются американские империалисты, с очевидностью явствует не только из заявлений американских монополистов и государственных деятелей¹, но и из так называемого «пятилетнего плана», опубликованного в 1948 г. японским правительством. «План» этот представляет собой откровенную программу развития торговой экспансии. Согласно «плану», национальный доход должен в 1952 г. достигнуть 121% по отношению к уровню 1930—1934 гг. Принимая во внимание рост населения, национальный доход на душу населения Японии, в том случае если бы «план» был осуществлен (что является совершенно исключенным), оставался бы в 1952 г. все еще ниже, чем в предвоенные годы. Но зато «план» предусматривает гигантский рост японской внешней торговли: экспорт из Японии должен в 1952 г. составить 1646 млн. долл. против 899 млн. долл. в 1937 г., импорт — соответственно 1657 млн. долл. против 1071 млн. долл.² «План» целиком основан на докладе миссии американских монополистов («доклад Страйка»), в котором предусматривалось доведение японского экспорта в 1953 г. до 3 млрд. долл. При этом имелось в виду, что развитие японской промышленности (в первую очередь экспортной) будет производиться на основе американских инвестиций.

Само собой разумеется, что никаких средств для выполнения «плана» в руках американских и японских властей нет. Полнейший крах этой очередной «плановой» авантюры в полной мере обнаружился в течение первых двух лет, прошедших после опубликования «плана»: японский экспорт в 1949 г. едва достиг полумиллиарда долларов и не имеет каких-нибудь перспектив значительного роста в 1950—1951 гг. Но все же указанный «план» представляет для нас некоторый интерес,

¹ Бывший начальник научно-экономического отдела штаба Макартура полковник Крамер писал в июне 1947 г. в журнале «Форчюн» следующее: «Существенные американские финансовые инвестиции в японскую промышленность имеют много положительных сторон. Восток потребляет большое количество товаров более низкого качества, чем те, которые мы производим для потребления в США. Если бы американские промышленники хотели использовать японские ресурсы, то они могли бы получить свою долю на рынках, которые, вероятно, в ином случае не были бы для них открыты». Заместитель государственного секретаря США (впоследствии государственный секретарь) Ачесон заявил 8 мая 1947 г. в Кливленде: «В нынешней ситуации мы должны двинуть вперед реконструкцию двух великих мастерских Европы и Азии — Германии и Японии, от которых в большой степени зависит окончательное восстановление обоих континентов» («Pacific Affairs», декабрь, 1947 г.).

² «Times», 24 июля 1948 г.

так как он раскрывает цели, которые ставят перед собой американские империалисты в Японии.

Глубоко противоречивая политика американского империализма, направленная к превращению Японии в базу американо-японской внешнеторговой экспансии, приходит в столкновение с интересами определенных групп американских монополистов, заинтересованных не в развитии, а в торможении японского экспорта, стремящихся прежде всего удержать за собой завоеванные ими в ходе второй мировой войны и после нее монопольные позиции на внешних рынках.

Стремясь к восстановлению демпинга товаров из Японии, США отнюдь не имеют в виду предоставление Японии свободы внешней торговли. США предоставляют Японии возможность экспортировать те товары, которые они не экспортируют сами. В составленном в начале 1948 г. докладе американской правительственной миссии («миссия Дрейпера») указывалось на то, что при развитии японского экспорта должна учитываться недопустимость конкуренции японских товаров с товарами США. Американские текстильные промышленники уже не раз заявляли о своем категорическом требовании — ограничить производство и экспорт японских текстильных товаров. В январе 1949 г. председатель текстильной ассоциации США Де Мин после трехмесячной поездки по странам Дальнего Востока заявил о необходимости строго ограничить число веретен в японской текстильной промышленности 4 млн. единиц¹.

Резкое отставание японского экспорта от импорта и еще более резкое отставание послевоенного экспорта от довоенного обусловлено интересами текстильных и других американских монополий. В своем заявлении на заседании Дальневосточной комиссии 27 января 1949 г. представитель СССР посол Панюшкин сказал: «В связи со стремлением правительства Соединенных Штатов изменить режим контроля в Японии, с целью создания благоприятных условий для подчинения японской экономики интересам американских монополий, нельзя не отметить и тот факт, что попытки японского правительства стимулировать развитие экспортной промышленно-

¹ Напомним о том, что до войны в Японии имелось свыше 13 млн. веретен и по числу веретен Япония находилась на третьем месте в капиталистическом мире после Англии и США. В настоящее время в Японии осталось лишь 3,3 млн. веретен, и по числу веретен Япония отброшена на седьмое место — после Англии, США, Индии, Франции, Германии, Италии. Среднегодовой размер производства хлопчатобумажных тканей в США в 1932—1934 гг. составлял 8,4 млрд. ярдов, а их экспорт — 315 млн. ярдов, или всего 3,7%. Для 1947 г. соответствующие цифры — 11,1 млрд. ярдов и 1470 млн. ярдов, т. е. 13,3% («Oriental Economist», 18 февраля 1948 г.).

сти путем предоставления правительственных субсидий встретили сопротивление со стороны американских оккупационных властей».

Вместе с тем американские планы восстановления японского демпинга приходят в резкое столкновение с интересами других капиталистических стран и прежде всего английского империализма.

Монополизация японского импорта США является одной из главных причин, препятствующих развитию японского экспорта. В нынешних условиях громадного обострения конкурентной борьбы за рынки те страны, которые в прошлом были главными покупателями японских товаров, не хотят вести с Японией одностороннюю торговлю, т. е. покупать у Японии товары, сделанные из американского сырья, без того, чтобы Япония не покупала сырье в этих странах. В декабре 1947 г. Англия отказалась принять предложение штаба Макартура об открытии «свободной торговли» с Японией, так как опасалась, что такого рода торговля может привести к дальнейшему истощению долларовых ресурсов империи.

С момента возобновления торговли между Японией и третьими (кроме США) странами американские власти настойчиво требовали оплаты японского экспорта в долларах. Это требование, однако, натолкнулось на ожесточенное сопротивление английских, индийских и других купцов, которые отказывались покупать японские товары на доллары, что вызвало в 1947—1948 гг. большое затоваривание на японских складах и заставило американские власти пойти на уступки — согласиться на то, чтобы торговля производилась на основе товарообмена.

Безоговорная торговля Японии с другими странами под контролем американских властей вызвала резкие протесты со стороны экспортеров других стран, особенно Англии. Доклад Манчестерской торговой палаты за 1948 г. обвинял японских промышленников в незаконном заимствовании для производства хлопчатобумажных тканей на экспорт рисунков с английских тканей; тот же доклад обвинял американские власти в стремлении восстановить японский текстильный демпинг с целью вытеснения Англии с ее имперских и других рынков.

В связи с резким обострением конкурентной борьбы на международных рынках, США были вынуждены пойти на заключение торговых экспортно-импортных соглашений между Японией и другими странами. В течение 1948—1949 гг. такие соглашения были заключены со всеми странами стерлинговой зоны, с Западной Германией, Голландией и Индонезией, Таиландом, со странами Французского Союза, Швецией, а также с большинством стран Южной Америки.

Соглашения были заключены на основе товарообмена и явились одной из причин некоторого уменьшения доли США в японском импорте в 1948 и в 1949 гг.— по сравнению с 1947 г., хотя эта доля продолжает оставаться намного выше довоенной. Соглашения предусматривают значительное увеличение объема внешней торговли Японии с соответствующими странами в 1949—1951 гг., а в особенности со странами стерлинговой зоны¹.

Некоторое ослабление американского контроля над японской внешней торговлей, выразившееся в отмене с 1 января 1950 г. системы лицензий, рассчитано на увеличение японского экспорта в те страны, с которыми Япония заключила торговые соглашения, с целью получения дополнительных (сверх предусмотренных по соглашениям) сумм валюты для оплаты американского импорта.

Разумеется, торговые соглашения со странами стерлинговой валюты не ликвидировали конкурентную борьбу между США и Англией вокруг Японии. Характерным для англо-американских отношений является следующее заявление депутата английского парламента Эррола, сделанное в палате общин 2 марта 1949 г.:

«Можно сказать,— заявил Эррол,— что в отношении Японии американцы согласятся с нами, что необходимо обеспечить, чтобы японские цены были примерно такими же, как цены, существующие в остальных странах. Но я не могу поверить, что такая ситуация возникнет. Я уверен, что независимо от того, какое будет достигнуто соглашение, генерал Макартур всегда сделает так, что японские цены будут несколько ниже наших цен, с тем чтобы Япония продолжала продавать свои товары и продавать их успешно, и поэтому я не думаю, что мы можем полагаться на заверения, даже самые благонамеренные, о том, что японские цены будут держаться на уровне наших собственных цен»².

В условиях крайней неустойчивости экономической конъюнктуры в США для Японии особенно важное значение приобретает расширение ее торговли с соседними странами — Корейской Народно-демократической республикой и Народной республикой Китая, находящимися вне досягаемости экономи-

¹ Соглашения со странами стерлинговой зоны были заключены на сумму в 143 млн. ф. ст.; с Аргентиной — на 80 млн. долл.; с Уругваем — на 5 млн. долл.; с Западной Германией — на 25 млн. долл.; с Таиландом — на 90 млн. долл.; со Швецией — на 7 млн. долл.; с Бирмой — на 21 млн. долл. (лондонский «Economist», 25 февраля 1950 г.). В целом, внешнеторговые соглашения предусматривали рост японской внешней торговли с третьими (кроме США) странами в 1949—1951 гг. в два-три раза по сравнению с 1948—1949 гг.

² «Labor Research», Лондон, март 1950 г.

ческих кризисов капиталистического мира. Японские правительственные и торговые круги не раз заявляли о своей заинтересованности в торговле с Китаем. Однако американские власти этому решительно препятствуют. Просьбы китайских фирм о разрешении импортировать из Японии в Китай текстиль, цемент и другие товары американскими властями неизменно отклоняются.

Таким образом, американский монополистический капитал установил свой контроль над внешней торговлей Японии внешнеэкономическим путем — на основе оккупационной власти, вопреки международным соглашениям об условиях послевоенного устройства Японии. В руках американского империализма контроль над японской внешней торговлей превратился в одно из самых мощных средств подчинения японской экономики. При этих условиях требование независимости внешней торговли является одним из важнейших требований японской демократии.

Демократические силы Японии во главе с японской компартией борются за то, чтобы расширение внешней торговли обеспечивало Японии экономическую самостоятельность и вело к установлению взаимно выгодных торговых отношений со странами Азии, Океании и др.

Оккупационный контроль над внешней торговлей — главный, но далеко не единственный метод экономического закабаления Японии. Он дополняется все усиливающимся прямым контролем над японской промышленностью, к рассмотрению которого мы и переходим.

Подчинение промышленности. Борьба за превращение японских дзайбацу в американо-японские

Вскоре после окончания войны, в ноябре 1945 г., один из директоров концерна Мицубиси — Канака в интервью с корреспондентом «Чикаго Дейли Ньюс» Мак Грэффином откровенно заявил, что возглавляемая им компания ждет поддержки американского капитала. Он напомнил о том, что 30% акций электротехнической компании Мицубиси («Мицубиси дэнки») принадлежит «Вестингауз электрик компани» (США), а 50% акций нефтеочистительной компании Мицубиси в Иокохама («Мицубиси Сэкию») — калифорнийской «Ассошиэйтед ойл компани». «Мы, — сказал Канака, — сохранили их дивиденды, и они их могут получить, как только придут». И добавил: «Мы считаем, что мы более кредитоспособны, чем японское правительство»¹.

¹ «Мировое хозяйство и мировая политика», март 1946 г., стр. 25.

Заявление Канакано характерно для той пропаганды в пользу «привлечения иностранного капитала», которую ведут в послевоенной Японии дзайбацу. «Мы вели с американцами бизнес в прошлом, война окончена, мы возобновляем наш взаимно выгодный бизнес», — таков лейтмотив этой насквозь лживой, не имеющей ничего общего с действительным положением вещей пропаганды. Цель ее заключается в том, чтобы затушить коренное отличие между коммерческими связями и сотрудничеством японских и американских монополий до войны, с одной стороны, и их отношениями в послевоенной Японии — с другой.

Действительно, до войны имели место обширные коммерческие связи между монополиями США и японскими монополиями. Эти связи шли по линии внешней торговли и фрахта судов, а также американского предпринимательства в Японии.

Американский капитал своими кредитами, участием в японской военной промышленности и прежде всего снабжением Японии (уже после ее вторжения в Китай в 1937 г.) военно-стратегическими материалами немало содействовал росту военно-промышленных компаний дзайбацу, укреплению военной машины японского империализма и развитию его агрессии.

Весьма значительная часть вооружения и боеприпасов, примененных Японией в войне против союзных стран, в том числе и против США, была сделана из американского сырья и материалов. В 1937 г. США поставили 54,4% всей стоимости импортированных в Японию товаров, могущих быть использованными для военных целей, в том числе: 60,5% всей импортированной нефти, 48,5% всех машин и станков, 91,2% автомобилей, 92,9% меди, 41,6% чугуна и т. д.¹

Весьма показательно, что главари дзайбацу даже во время войны открыто говорили о своих расчетах на будущий союз с американо-английской монополистической буржуазией. 10 декабря 1941 г. на третий день после налета японской авиации на Пирл-Харбор, владелец концерна Мицубиси барон Коята Ивасаки в меморандуме, зачитанном на конференции директоров многочисленных компаний концерна, за-

¹ «America's Share in Japan's War Guilt», New York, 1938, стр. 9. В связи с американскими поставками военно-стратегического сырья Японии бывший государственный секретарь США Генри Стимсон писал 6 октября 1937 г. в газете «Нью-Йорк Таймс»: «...В настоящее время агрессия Японии активно поддерживается усилиями нашего народа... она не только активно поддерживается, но наша помощь столь эффективна и является столь преобладающей, что без нее даже теперь агрессия могла бы по всей вероятности быть остановлена и прекращена...».

явил следующее: «Наши американские и английские друзья до настоящего времени разделяли с нами предпринимательство и пользу от него, как добрые друзья и партнеры. Несчастливым образом разьединенные, мы в настоящее время принадлежим к двум воюющим между собою группам наций. Государство, вероятно, должно будет принять законные меры в отношении их собственности, но наша старая дружба никогда не должна страдать в связи с этими мерами. На нас, японцев, ложится гражданская ответственность за то, чтобы, где только возможно, взять в пределах закона под защиту их (американцев и англичан — *Я. П.*) личности и права. Когда наступит мир, они снова окажутся нашими дорогими партнерами, так же, как они были нашими хорошими друзьями в прошлом»¹.

В милитаристской Японии, где малейшее упоминание об интернациональной солидарности трудящихся даже в мирное время жестоко каралось, никому из представителей власти не могло и в голову притти обвинить в антипатриотизме магнатов финансового капитала, космополитствующих врагов японского народа, предусмотрительно проявлявших в военное время столь трогательную заботу о своих «дорогих партнерах» из числа американских и английских монополистов.

До войны, однако, речь шла о связях монополий двух конкурирующих империалистических держав, о коммерческих связях в условиях, когда дзайбацу с успехом добивались ограничения участия иностранного капитала в японской промышленности, когда они никому не уступали в сколько-нибудь значительной степени своей монополии на эксплуатацию японских трудящихся и выступали в качестве вдохновителей военных авантур, направленных к устранению иностранных монополий из соседних с Японией стран. После же войны речь идет о готовности дзайбацу в интересах сохранения политического господства реакции стать старшими приказчиками Уолл-стрита в Японии. Речь идет о политике национального предательства, открывающей путь для превращения Японии в колонию американского империализма.

Краткое рассмотрение иностранного предпринимательства в Японии в довоенные годы покажет нам причины особой коммерческой заинтересованности американских монополий в захвате японской промышленности и вместе с тем послужит вскрытию кардинальных отличий между довоенным и послевоенным предпринимательством американских монополистов в Японии.

¹ «Pacific Affairs», сентябрь 1946 г., стр. 288.

Иностранное предпринимательство в Японии в довоенные годы

Анализируя причины, по которым капиталисты стремятся к усилению вывоза капитала за границу, Ленин писал: «Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны. В этих отсталых странах прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы»¹.

Для американских и европейских монополистов Япония издавна была выгодным рынком сбыта капиталов вследствие их недостатка внутри Японии и низкой заработной платы японских рабочих.

Уже с начала XX в. Японии удавалось размещать в США крупные государственные, муниципальные и частные займы. Морган, Нэйшэнэл сити банк и банкирский дом Кун Лёб были главными покупателями облигаций японских займов и организаторами консорциумов по их размещению. Вся сумма американских инвестиций в Японии на 31 декабря 1933 г. составляла 486 млн. долл., в том числе (в млн. долл.)²:

Миссионерские и филантропические	8
Прямые	60
Облигационные займы:	
Правительственные	151
Корпоративные, гарантированные правительством	52
Муниципальные	40
Частных корпораций	115

Таким образом, сумма американских прямых инвестиций и корпоративных займов составляла 227 млн. долл., что равнялось по тогдашнему курсу приблизительно 500 млн. иен. В дальнейшем имело место по ряду причин³ постепенное

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 229.

² «Moody's», 1946 г., стр. 1833.

³ В своем исследовании Ю. Иньков указывает следующие причины постепенного сокращения американских инвестиций: 1) японское правительство законодательным путем препятствовало иностранному контролю путем владения контрольным пакетом акций; 2) начиная с 1938 г., ввиду валютных ограничений, прибыли иностранцев в Японии были заморожены; 3) развитие японской агрессии внушало американским монополистам тревогу за судьбу их инвестиций («Экономические взаимоотношения между США и Японией после 1931 г.», диссертация, 1948 г., рукопись).

снижение размеров американских и других иностранных инвестиций в японском народном хозяйстве.

Участие иностранного капитала в различных отраслях японского народного хозяйства представлено в табл. 52 (в млн. иен).

Таблица 52

Японский и иностранный капитал в разных отраслях народного хозяйства Японии (на 31 декабря 1941 г.) *

Отрасли	Японский капитал		Иностранный капитал				Отношение Б : А (%)
	число фирм	объяв- ленный капитал (А)	число фирм	опла- ченный капитал (Б)	в том числе		
					США	Брита- ния	
Сельское хозяйство . .	1 235	251	—	—	—	—	—
Производство продуктов морского промысла .	304	285	—	—	—	—	—
Горнодобывающая про- мышленность	1 357	3 303	2	3,8	51	3,8	0,12
Обрабатывающая про- мышленность	38 162	20 209	37	100	81	18	0,49
В том числе:							
Машиностроение . .	8 129	4 881	16	78	74	4,5	1,60
Химия	4 173	3 804	5	13,6	5,1	8,6	0,35
Торговля и финансы . .	41 479	11 458	9	2,3	1,2	1,1	0,02
Транспорт	8 241	3 847	2	0,14	0,04	0,1	0,003
Всего . . .	90 778	39 353	50	106,1	82,4	21,8	0,27

* „Oriental Economist“, 22 мая 1948 г.

Вся внешняя задолженность Японии намного превышает сумму, указанную в таблице¹, но для характеристики связей

¹ По данным на декабрь 1941 г., внешняя задолженность Японии складывалась из следующих сумм (в млн. иен):

Правительственные займы	1 221
Муниципальные займы	159
Долговые обязательства банков и компаний	244

Всего 1 624

(«Oriental Economist», 26 июня 1948 г.).

К концу войны все внешние обязательства Японии оценивались в 886 млн. иен («Oriental Economist», 29 ноября 1949 г.).

американских и японских монополий наиболее важными представляются прямые американские инвестиции, которые, как мы видим, составляли к началу войны лишь незначительную долю в общей сумме японского акционерного капитала.

Сотрудничество иностранных (главным образом американских) и японских монополий отнюдь не ограничивалось только капиталовложениями — оно осуществлялось также путем предоставления технической консультации, патентов и т. д.

«Ориентал экономист» указывает следующие три формы, в которых осуществлялось сотрудничество иностранных и японских монополий: 1) иностранные капиталы и иностранная техническая помощь компаниям, в которых большая часть капиталов оставалась в руках японских владельцев; 2) объединение иностранного и японского капитала на более или менее равных началах; 3) создание в Японии чисто иностранных промышленных компаний.

К числу последних компаний относятся: «Джэпен дэнлоп раббэр» (каучук, США), «Джэпен дженерал моторс» (автомобилестроение, США), «Форд мотор компани оф Джэпен» (то же, США), «Тойо уэстерн электрик» (электромашиностроение, США), «Амэрикен трэйдиг» (торговля, США), «Райзинг сан петролеум» и «Стандарт вакуум ойл» (нефть, США) и еще около 15 чисто иностранных (главным образом американских) компаний.

Наиболее важные смешанные компании с участием японского и иностранного капитала представлены в табл. 53.

Кроме приведенных выше, были еще крупные японские компании с участием иностранного капитала, в отношении которых источники не указывают названий иностранных компаний-инвесторов¹.

Из приведенных выше и некоторых других данных о размещении японских займов за границей, о капиталовложениях

¹ Приводим названия японских компаний с участием иностранного капитала, не включенных в вышеприведенный список (на 31 декабря 1941 г.; цифры в скобках: на первом месте — размер оплаченного капитала в млн. иен, на втором — доля иностранного капитала): «Ниппон нэйшэнэл кэш реджистер» (счетные машины, 2; 70,0), «Кири́н биру» (пивоварение, 10,8; 28,7); «Сибатура кйодо когйо» (машиностроение, 16; 24,0); «Санки когйо» (машиностроение, 5; 22,64); «Июкохама раббэр» (каучук, 5,5; 16,53); «Сумитомо дэнки когйо» (электромашиностроение, 45; 13,34); «Ниппон Колумбия» (патефоны, 7; 2,51); «Ниппон мюзикал инструмент» (11; 1,44); «Катакура когйо» (шелк и др., 33; 0,89); в компаниях «Токио марин энд файер иншуренс» (страховая, капитал 35 млн. иен), «Осака газ» (капитал — 51 млн. иен), «Одзи сэйси» (бумага, капитал 300 млн. иен), «Хитати» (машиностроение, капитал 281 млн. иен) иностранцам принадлежало менее 0,4% капиталов («Oriental Economist», 22 мая 1948 г.).

Смешанные компании японского и иностранного капитала
(на 31 декабря 1941 г.) *

Отрасли промышленности и название компаний	Иностранные инвесторы	Японские инвесторы (дзайбацу)	Размер капи- талов на де- кабрь 1941 г., млн. иен	% иностран- ного капитала
Машиностроение				
Фудзи дэнки (электро- машиностроение)	Сименс - Шукерт и Сименс - Гальске (Германия)	Фурукава	32,5	30,45
Тойо дэнки (то же)	Инглиш электрик (Британия)	Мицубиси	—	—
Мицубиси дэнки (то же)	Вестингауз (США) .	„	45,0	6,01
Ниппон дэнки (то же)	Интернэйшэнэл стан- дарт электрик (США)	Сумитомо	40,0	24,6
Токио Сибаура дэнки (то же)	Джэнерал электрик (США)	Мицуи	296	15,9
Ниппон мусэн дэнва (промышленность средств связи)	Телефункэн (Герма- ния)	Окура	—	—
Ниппон сэйко (метал- лургия)	Виккерс-Армстронг (Британия)	Мицуи	52,5	3,9
Тойо Отис элевэйтор (подъемные машины)	Отис элевейтор (США)	„	2	0,25
Тойо бэбкок	Бэбкок энд Вилкокс (Британия)	„	3	67,0
Сумитомо алюминииум	Алкоа (США) . . .	Сумитомо	4,5	37,6
Х и м и ч е с к а я п р о - м ы ш л е н н о с т ь				
Ниппон шит глас	Либби Оуэнс-форд- глас (США)	Сумитомо	10	21,1
Токио линолеум	Америкэн линолеум (США)	Ямагути	—	—
Асахи бэмберг рэйон (искусственный шелк)	Бемберг А. Г. и И. Г. (Германия)	Ниппон Тиссо	37	3,8
Тюо гому когёо (кау- чук)	Дэнлоп раббер (Бри- тания)	Окура	8	99,7
Мицубиси сэкию (нефть)	Тайд уотер ассо- шиэйтэд (США) .	Мицубиси	20,0	25,0

* „Oriental Economist“, 12 июля 1946 г., 22 мая 1948 г.; „Pacific Stars and Stripes“, 17 декабря 1945 г.

и иных формах связи японских и иностранных компаний можно сделать следующие выводы:

1. В размещении японских займов в США наибольшее участие принимали: банкирский дом Моргана, банки Нэйшэнэл сити, Кун Лёб энд К°, Гаранти трест.

2. Среди иностранных инвесторов японских промышленных компаний первое место принадлежало американским монополиям. Значение американских инвестиций для японской промышленности было более велико, чем об этом можно судить при их сравнении с общей суммой японских капиталов, так как американские инвестиции концентрировались в основном в отраслях, имевших первостепенное значение для развития японского военного потенциала — в электромашиностроении, нефтеобработке и автомобилестроении. В электромашиностроении все ведущие японские компании имели тесные связи с американскими электротехническими монополиями (кроме «Фудзи», связанной с немецким трестом).

Кроме связей на основе инвестиций, существовала также тесная связь на основе технической консультации, использования американских патентов и лицензий¹.

3. В электромашиностроении, слаботочной и химической промышленности наряду с американскими видное место занимали германские монополии, связь с которыми осуществлялась преимущественно на основе технической консультации и использования германских патентов.

4. Связь между японскими и иностранными монополиями нашла свое выражение также и в участии иностранных (преимущественно американских) представителей в правлениях японских компаний².

¹ В 1923 г. Мицубиси подписал договоры с Вестингауз о получении технической информации и использовании патентов, за что платил ежегодно гонорар, составивший в 1940 г. 378 тыс. долл. «Америкэн интернэйшэнэл стандарт электрик» предоставил «Сумитомо киндзоку» право использовать патенты на производство магнитной стали марки КС. «Америкэн нитрогэн инжиниринг» разрешил «Сумитомо кагаку» использовать свой процесс производства сульфат-аммония («Pacific Stars and Stripes», 17 декабря 1945 г.). В 1931 г. «Электрикал Рисерч продактс» предоставил Сумитомо лицензию на право изготовлять в Японии кабель и продавать, прокладывать и использовать его во всем мире (Корвин Д. Эдвардс, «Международные картели», М., 1947, стр. 84). Всего, по данным на 1931 г., Япония использовала 1320 иностранных патентов, в том числе 507 немецких, 336 американских, 152 английских и 109 французских («Japan Year Book», 1933, стр. 382).

² По данным «Oriental Economist» (13 августа 1946 г.), в числе директоров и членов правлений японских компаний имелось иностранцев (в 1940—1941 гг.): в «Фудзи дэнки» — 3; «Ниппон дэнки» — 3; «Токію Сибaura дэнки» — 3; «Ниппон дэнлоп» — 2; «Тойо бэбкок» — 4; «Сумитомо дэнки» — 1; «Мицубиси сэкию» — 1 и т. д., всего 29 человек в 15 компаниях.

5. Из числа американских промышленных монополий наиболее тесно связанными с дзайбацу были: «Джэнерал моторс», Вестингауз, Форд, «Джэнерал электрик», «Алкоа»; некоторые нефтяные монополии: «Стандарт вакуум», «Тексас ойл», «Тайд уотер ассошиэйтэд» и др.

6. Из числа дзайбацу наиболее тесно связанными с иностранным капиталом были концерны Мицубиси, Мицуи и Сумитомо. Не лишне напомнить о том, что, кроме связи на японской земле, все эти три концерна имели свои банковские и торговые представительства в США, а до войны соприкасались с американскими монополиями в Китае и других соседних с Японией странах.

Вложения в японскую промышленность были чрезвычайно выгодны для американских монополий, так как на основе дешевого труда японских рабочих приносили громадные прибыли, о чем можно судить по данным табл. 54

Т а б л и ц а 54

Прибыли и дивиденды японских компаний, в которых участвовал иностранный капитал
(первая половина 1939 г., в %) *

Компании	Прибыли	Дивиденды
Фудзи дэнки	23,8	10,0
Тойо дэнки	27,0	10,0
Мицубиси дэнки	11,8	10,0
Ниппон дэнки	20,4	10,0
Токио Сибаура	26,9	10,0
Ниппон сэйко	25,2	8,0
Ниппон шитглас	25,9	10,0
Асахи бэмберг	19,5	10,0
Сумитомо дэнки	21,1	9,0

* „Oriental Economist“, 13 июля 1946 г.

Приведя эти данные, «Ориентал экономист» пишет: «Япония была прибыльным рынком не только для иностранных товаров, но и для иностранных капиталов. Одним из побудительных мотивов для иностранных капиталов, особенно в машиностроении, было обилие дешевого квалифицированного труда в Японии. Иностранные фирмы не могли и не могут даже и сейчас найти квалифицированную рабочую силу в количестве, достаточном для того, чтобы заняться современным промышленным предпринимательством в больших масштабах в других частях Дальнего Востока. В этой связи

следует отметить тот факт, что иностранные инвестиции в отдельных отраслях и объединенное предпринимательство во многих случаях показали свою большую эффективность в продвижении товаров на другие восточные рынки, в особенности на китайский континент, так как сделанные в Японии товары могли быть, ввиду низких издержек на рабочую силу и экономии на фрахте, выброшены на рынок по гораздо более низким ценам, чем аналогичные товары, сделанные целиком в Европе и Америке».

В этих словах ведущий японский буржуазный экономический журнал, задолго до того, как это сделали официальные американские представители, сформулировал сущность лозунга «превращения Японии в мастерскую Дальнего Востока». Одна из главных целей американского монополистического капитала в послевоенной Японии заключается в том, чтобы многократно расширить по сравнению с довоенными масштабами свое исключительно выгодное предпринимательство в Японии, чтобы использовать победу над Японией для ее превращения в источник обильных и высоких прибылей.

Роль монополистических миссий США в послевоенной Японии

До конца 1948 г. новые американские капиталовложения в Японии или кредиты американских монополий японским были, повидимому, невелики. Официально известно лишь о том, что в 1948 г. консорциум из четырех американских банков во главе с Нэйшэнэл сити отпустил Японии вышеупомянувшийся кредит на сумму в 60 млн. долл. для закупки в США хлопка. В японских газетах было немало сообщений о якобы успешных переговорах между японскими и американскими фирмами о капиталовложениях последних, но сведений об уже произведенных капиталовложениях до начала 1949 г. не было¹. Более чем вероятно, что после войны имели место скрытые американские капиталовложения, производившиеся представительствами американских банков, торговых и других компаний, а также спекулянтами из числа американских военнослужащих. Такого рода вложения могли производиться путем скупки (прямо или через подставных лиц) японских акций на японские же деньги, полученные иностранцами путем спекуляции на черном рынке в Японии.

¹ Единственное подобное сообщение было сделано 3 июля 1948 г. заместителем председателя «Совета экономической стабилизации» Хорикоси, заявившим, что американские авиационные компании уже произвели капиталовложения в японские предприятия. При этом, однако, размеры вложений и названия компаний не были указаны.

Несмотря на большую вероятность нелегальной или полулегальной закупки японских акций американцами, можно с уверенностью сказать, что новые частные американские инвестиции в японской промышленности до 1949 г. не могли быть велики, так как официально до указанного срока прямые иностранные инвестиции были запрещены. Этот запрет мотивировался тем, что с Японией не заключен мирный договор и еще не разрешен репарационный вопрос. В действительности указанные мотивы сами по себе не имели решающего значения: все они продолжают действовать и поныне, хотя запрет иностранных вложений с декабря 1948 г. отменен. Указанный запрет был возможен потому, что американские монополии сами, независимо ни от каких запретов, считали для себя в течение первых трех лет после капитуляции Японии невыгодным производить вложения в японскую экономику и предпочитали перекладывать все расходы по экономическому закабалению Японии на государство США, отпускавшее Японии кредиты для закупки американских товаров.

Для такого рода «медлительности» у американских монополий имелись достаточные основания. Во-первых, ввиду громадного размаха демократического движения в послевоенной Японии американские монополисты отнюдь не могли быть уверены ни в сохранности своих капиталов, ни в том, что в Японии сохранятся в будущем те же колониальные условия эксплуатации рабочего класса, какие существовали до окончания войны. Во-вторых, господство американских монополий в японской экономике было до известной степени затруднено при прежней структуре японских монополий, при той чрезвычайной централизации капиталистического предпринимательства горсткой дзайбацу, какая существовала прежде. Известное значение имела также неурегулированность репарационного вопроса, создававшая дополнительный риск для новых капиталовложений.

Все сказанное, однако, отнюдь не означает, что американский финансовый капитал занимал «выжидательную позицию» по отношению к перспективам экономического закабаления Японии. Частные инвестиции являются хотя и весьма важным, но отнюдь не единственным фактором экономического и политического подчинения одной страны другой, и другие возможности (экономическое ослабление Японии, захват внешней торговли, установление государственной кредитной зависимости, превращение Японии за счет японского народа в придаток военной машины США, создание в Японии американских торгово-спекулятивных компаний, не требующих долгосрочных инвестиций) использовались американскими империалистами в полной мере.

Что же касается частных инвестиций американских монополий в Японии, то активность американского империализма была направлена к тому, чтобы устранить все препятствия для их широкого притока. Эта активность нашла свое выражение в посылке из США в Японию множества монополистическо-государственных миссий.

После войны в Японии побывало несколько десятков официальных и полуофициальных миссий. Каждая из них обычно состояла из двух-трех представителей государственного и военного департаментов и нескольких прямых представителей американских монополий. Наиболее важными были миссия Поули (конец 1945 — начало 1946 г.), миссия Страйка (1947 г.), миссия Дрейпера — Джонстона (1948 г.) и миссия Доджа — Шоупа (1948—1949 гг.).

Миссия Поули приезжала в то время, когда основная стратегическая линия американского империализма по отношению к послевоенной Японии еще не вполне определилась. Доклад Поули отражал точку зрения тех кругов американской монополистической буржуазии, которые стремились подчинить все задачам полной ликвидации японской конкуренции и считали целесообразным сократить до минимума японскую промышленность¹. Поули предлагал изъять в качестве репараций большую часть оборудования японской промышленности. «Эволюция» взглядов американских правительственных миссий видна по следующим данным о размерах предлагавшихся этими миссиями репарационных изъятий (в млн. япон. иен 1939 г.).

	Доклад Поули (1946 г.)	Доклад Страйка (1947 г.)	Доклад Дрей- пера—Джон- стона (1948 г.)
Из всех видов промышленности (кроме военной)	990	172	102
Из военной промышленности . .	1476	1476	560
Итого	2466	1648	662

(J. B. Cohen. Japan's Economy in War and Reconstruction. 1949, стр. 425).

¹ Доклад Поули был посвящен репарационному вопросу, но в нем была освещена точка зрения миссии по весьма широкому кругу экономических проблем послевоенной Японии. Миссия предлагала отбросить японскую промышленность на уровень 1930—1934 гг. и надолго закрепить ее на этом уровне. Поули предлагал ограничить ежегодное производство Японии всего только 500 тыс. т чугуна, 2,2 млн. т стали и 30 тыс. т судов; тоннаж торгового флота ограничить 1,5 млн. т (причем тоннаж одного судна должен был быть не выше 500 т, а скорость — не выше 12 узлов в час) и т. п.

«План Поули» исходил из полного подчинения американскому империализму не только Японии, но и Китая, Кореи и других стран Австралии. Поули предлагал сделать Японию полностью зависимой в военно-экономическом отношении от указанных стран, которые в свою очередь должны были быть полностью подчинены американскому империализму. Доклад Поули был представлен в Дальневосточную комиссию в Вашингтоне и после внесения существенных корректив, имевших в виду обеспечение для Японии несколько более высокого уровня промышленности, чем это предусматривалось докладом Поули, последний был одобрен.

Однако точка зрения Поули не была одобрена основными группами финансового капитала США, и его доклад подвергся резкой критике как в США, так и в Японии. В июле 1947 г., по поручению Военного департамента, в Японию была направлена новая миссия под руководством Клиффорда Страйка — крупного дельца, президента корпорации «Оверсиз консалтантс»¹.

Страйк пробыл в Японии пять месяцев с группой инженеров, затем вновь приехал в Японию с группой представителей крупнейших американских строительных компаний и в феврале 1948 г. опубликовал свой доклад, представленный им Военному департаменту США.

Выводы доклада Страйка резко отличаются от выводов Поули. Страйк сформулировал генеральную линию экономической политики американского империализма в Японии, которая заключается в почти полном отказе от репараций — от демонтажа и вывоза военно-промышленных предприятий — и предусматривает сохранение и расширение военно-промышленного потенциала Японии как части военной машины американского империализма². Эта линия получила свое дальнейшее

¹ «Заморская консультация». Состоит из представителей крупнейших американских строительных монополий и занимается экономической разведкой и составлением всякого рода проектов и «перспективных планов» для зарубежных стран, являющихся объектом американской экспансии. Подобные «планы» были составлены для Западной Германии, Филиппин, Ирана и др.

² Как видно из данных, приведенных на стр. 398, доклад Страйка предлагал резкое уменьшение репарационных изъятий из невоенной промышленности при сохранении в ценностном выражении такой же суммы изъятий из военной промышленности, какая была предусмотрена в докладе Поули. Фактически, однако, речь шла о сохранении военной промышленности: из 1100 предприятий, которые Поули предлагал демонтировать и вывезти, Страйк предложил оставить нетронутыми 845. Страйк предложил отказаться от демонтажа предприятий черной металлургии и разрешить ежегодную выплавку чугуна в размере 3,6 млн. т, стали — 6,4 млн. т, алюминия — 95 тыс. т (свыше 80% производства военного времени), ежегодное строительство судов тоннажем 416 тыс. т. Страйк считал, что надо говорить не о репарациях, а о «фактической нехватке в Японии

развитие в докладе миссии Дрейпера — Джонстона, представленном Военному департаменту в апреле 1948 г.

Прибывшую в марте 1948 г. миссию возглавлял занимавший в то время должность заместителя военного министра генерал Уильям Дрейпер — крупнейший банкир, вице-президент компании «Диллон-Рид», которая финансировала Германию после первой мировой войны в связи с планом Дауэса. Дрейпера сопровождала большая группа крупных американских дельцов: Перси Джонстон — председатель компании «Кэмикэл бэнк энд траст», Роберт Лори — председатель компании «Нэйшэнэл форайн трэйд», Пол Гофман — один из директоров компании Студебеккер и один из руководителей администрации «плана Маршалла».

Доклад Дрейпера — Джонстона предлагал дальнейшее уменьшение репарационных изъятий из военной промышленности Японии¹. Вместе с тем в этом докладе впервые была дана развернутая программа приспособления японской экономики к нуждам американского монополистического капитала, были открыто выдвинуты требования о создании в Японии особых, привилегированных условий для иностранного капитала².

Миссия Дрейпера выдвинула программу широкого развития японской военной промышленности — так называемый «план Гофмана» предлагал довести к 1955 г. выплавку чугуна до 6 млн. т, стали — до 11 млн. т и проката — до 16 млн. т, т. е. гораздо больше того, что производилось в годы войны. Представители миссии вели переговоры с крупнейшими представителями дзайбацу — председателем Японского банка Итимада, «вычищенным» Кумакити Накадзима, одним из директоров «Мицубиси дзюкогё» Ясудзиро Коано, промышленником Канити Морои и др.³ Речь шла об условиях участия американского монополистического капитала в развитии ремилитаризуемой японской промышленности.

мощностей и предприятий, которые необходимо будет восстановить, чтобы сделать Японию страной самоснабжающейся».

Всего Стайк предлагал произвести репарационных изъятий на сумму в 412 млн. долл. Фактически демонтаж японских военных предприятий и вывоз их в счет репараций были в 1949 г. полностью прекращены после того, как вся сумма изъятий составила всего 21 млн. долл.

¹ См. стр. 398.

² В докладе указывалось, что японское правительство должно «огрaдить иностранные капиталовложения от конфискации и дискриминации» в отношении налогообложения, гарантировать надлежащую свободу вывоза дивидендов и прибылей, установить структуру налогообложения, допускающую выплату и получение надлежащих прибылей, разрешить иностранцам контролировать их предприятия соответственно их капиталовложениям».

³ «Правда», 3 октября 1948 г.

Миссией Дрейпера был выдвинут лозунг «превращение Японии в мастерскую Дальнего Востока», реализация которого мыслилась авторами доклада главным образом на основе американских кредитов и капиталовложений. Обязательными условиями этих капиталовложений авторы доклада считают:

1. Принятие строгих мер по «ограничению профсоюзной деятельности, которая должна быть подчинена правительственному контролю». Практически это требование означало пересмотр японского трудового законодательства в духе антипрофсоюзных законов Тафта — Хартли и подавление рабочего движения.

2. Гарантию американским инвесторам права свободного перевода в США прибылей и дивидендов в долларах.

3. Создание преимущественных условий для американских компаний: льготы по налоговому обложению, изъятие из-под действия принятого в 1947 г. «закона о запрещении чрезмерной концентрации» и, наконец, ограничение так называемой «ликвидации дзайбацу» лишь некоторой перестройкой концернов — ликвидацией держательских компаний.

Доклад миссии Дрейпера — Джонстона наметил основные линии грабительской «программы экономической стабилизации», которая была подробно разработана миссией Доджа и провозглашена в конце 1948 г.

Раньше чем перейти к анализу этой программы и результатов ее действия, необходимо рассмотреть содержание «анти-трестовских» маневров американских властей, составляющих одну из весьма существенных сторон политики закабаления Японии.

«Антитрестовские» маневры американских властей — средство демагогии и шантажа

«Антитрестовские» маневры американского империализма в Японии преследовали одновременно несколько целей.

Во-первых, американские власти старались с помощью «антитрестовских» маневров привлечь симпатии широких масс японских трудящихся и мелкой буржуазии, питающих жгучую ненависть к дзайбацу.

Во-вторых, представители американских монополий имели в виду тщательно ознакомиться с состоянием дел дзайбацу.

В-третьих, они ставили перед собой задачу произвести известную децентрализацию концернов и заставить дзайбацу при помощи «ликвидационного» шантажа уступить часть своего предпринимательства в пользу американских монополий.

И, наконец, последнее по счету, но далеко не последнее по важности: правящие круги США не могли не учитывать общественное мнение и силу влияния идеи демократизации Японии в их собственной стране, где в 1945—1946 гг. еще свежи были воспоминания о вероломном нападении Японии на Пирл-Харбор и где широкие массы населения питают глубокую ненависть к японским и германским фабрикантам смерти — главным виновникам и организаторам второй мировой войны.

В октябре 1945 г. штаб Макартура запросил подробные сведения о состоянии дел 15 главных компаний крупнейших концернов¹, а также о всех зависимых компаниях, в которых головные компании имели не менее 10% акций. Почти одновременно была издана директива о ликвидации концернов Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и Ясуда (вскоре был добавлен концерн Накадзима — Фудзи). В том же месяце глава концерна Ясуда (Хадзимэ Ясуда) от своего имени и от имени Мицуи, Ивасаки и Сумитомо представил план «добровольного самороспуска» головных компаний.

Согласно «плану Ясуда», головные компании четырех концернов должны самоликвидироваться и передать все ценные бумаги и другую собственность ликвидационной комиссии, создаваемой японским правительством. Ликвидационная комиссия должна распространить ценные бумаги среди новых собственников, а до распределения держать их в своем владении.

Суммы, полученные путем продажи собственности, должны быть употреблены для компенсации ее прежних владельцев, но прежние держатели акций должны получить возмещение в виде нереализуемых в течение 10 лет специальных государственных бон. Эти боны выплачиваются в сумме, равной цене, по которой продаются ценные бумаги ликвидируемых компаний. Члены господствующих семейств должны уйти со всех занимаемых ими в компаниях должностей и должны также взамен на специальные государственные облигации передать ликвидационной комиссии все принадлежащие им

¹ Эти компании следующие: «Мицуи хонся», «Мицубиси хонся», «Сумитомо хонся», «Ясуда ходзэнся», «Кавасаки дзюкогё», «Ниссан», «Асано хонся», «Фудзи сангё» (б. Накадзима), «Сибудзава додзюку», «Нихон тиссо», «Фурукава гомэй», «Окура гуми», «Номура гомэй», «Рикэн когё», «Нихон сода». В январе 1946 г. были дополнительно запрошены сведения еще о трех компаниях («Хитати сэйсаку», «Мансю госи», «Нитидэн когё»), а также сведения об имуществе и о состоянии предпринимательства 14 семейств дзайбацу: Мицуи, Ивасаки, Сумитомо, Ясуда, Кавасаки, Асано, Накадзима, Сибудзава, Фурукава, Окура, Номура, Ногутти, Аюкава, Окоти.

ценные бумаги филиальных компаний¹. Нечего и говорить о том, что этот план, составленный одним из крупнейших магнатов дзайбацу, был, как небо от земли, далек не только от ликвидации дзайбацу, но и от того, чтобы нанести им серьезный удар. Прежде всего в плане идет речь только о головных держательских компаниях. Между тем, как это очевидно из рассмотрения структуры концернов, их основой являются отнюдь не держательские, а промышленные, банковские и торговые компании, которые, согласно плану, оставались не затронутыми. «Децентрализация», ослабление руководящих функций головной компании Мицуи в годы войны отнюдь не помешали этому концерну в расширении его предпринимательства и усилении монополии. Любая из компаний концернов (в особенности банковские компании) в любую минуту может взять на себя функции держательской компании.

Во-вторых, «план Ясуда» предусматривал полную компенсацию прежних владельцев и лишь временное, сроком на 10 лет, ограничение владения ими акций. Легко понять, что поскольку в руках владельцев дзайбацу фактически в иной форме сохраняется их богатство, никакие другие ограничительные мероприятия не могут предотвратить сохранение их монополии.

В-третьих, в «плане Ясуда» идет речь только о ценных бумагах и об отстранении от руководящих должностей лиц, принадлежащих семьям дзайбацу. План имел в виду оставление на ответственных должностях всего штата не принадлежащих к семьям дзайбацу, но воспитанных в духе рабской покорности перед ними их служащих, через которых осуществляется личная уния как одно из средств монопольной зависимости. Ничего не говорится в проекте о ликвидации кредитной зависимости, договорных отношений, объединений отдельных компаний в концерны и т. п.

«План Ясуда» был одобрен японским правительством и в ноябре 1945 г. получил санкцию штаба оккупационного командования. 20 апреля 1946 г. был опубликован императорский указ о создании «комиссии по ликвидации концернов» в составе 10 человек, подчиненной премьеру.

«План Ясуда» подвергся острой критике как в японской, так и в американской прогрессивной печати. В январе 1946 г. Государственный департамент был вынужден направить в Японию специальную миссию по вопросу о политике в отношении дзайбацу. Во главе миссии был поставлен Корвин Д. Эдвардс, один из руководителей противотрестовского

¹ «Pacific Affairs», сентябрь 1946 г., стр. 235.

отдела департамента юстиции, слышущий в США «противником монополий»¹.

В докладе Эдвардса Государственному департаменту «план Ясуда» расценивался как несоответствующий задачам «ликвидации дзайбацу». Были выдвинуты новые предложения, легшие в основу получившего впоследствии широкую известность документа «ДВК-230» («Политика в отношении чрезмерной концентрации экономической силы в Японии»), который был представлен Государственным департаментом в Дальневосточную комиссию в качестве документа, якобы излагающего точку зрения правительства США по вопросу о политике в отношении дзайбацу.

«ДВК-230» заключал в себе предложение о системе мер, направленных к тому, чтобы не только нанести удар «чрезмерной концентрации собственности» путем ликвидации «мотикабу кайся» («держательские компании») и изъятия акций других компаний из рук прежних владельцев, но и препятствовать в некоторой степени воссозданию такого рода «чрезмерной концентрации» в будущем². В частности, имелось в виду обложение сумм, получаемых владельцами концернов в качестве компенсации, большими налогами, привлечение общественных организаций к участию в контроле над распродажей изъятых акций; отстранение от участия в осуществлении соответствующих мер лиц, связанных с дзайбацу. Предусматривалось запрещение личной унии, ликвидация кредитной дискриминации, установление контроля парламента над деятельностью банков и т. п.

Полное осуществление всех этих мер, без сомнения, нанесло бы чувствительный удар по господствующим кликам дзайбацу.

¹ Корвин Д. Эдвардс известен советскому читателю как автор изданных Гос. изд-вом иностранной литературы книг «Международные картели в экономике и политике» (русское изд. 1947 г.) и «Японские концерны» (русское изд. 1950 г.). Эта работа представляет отчет «миссии Эдвардса» Государственному и Военному департаментам. Несмотря на то, что автор не имеет ничего общего с марксизмом и критикует капиталистические монополии с реакционно-утопической точки зрения возврата к домонополистическому капитализму, в обеих его указанных работах приводится обильный фактический материал, представляющий большой интерес для изучения современного капитализма. Эдвардс является идеологом тех кругов американской крупной буржуазии, которые рассматривают «анти-трестовское законодательство» как одно из средств конкурентной борьбы против господствующих монополий.

² В 1-м разделе документа («Цель») указывалось: «Особое внимание следует уделить тому, чтобы избежать бесплодных действий, которые бы, уничтожая один вид дзайбацу, создавали другой. Поэтому следует коренным образом изменить характер и семейственность групп, контролирующих японские промышленность и финансы».

Это отнюдь не означает, что «ДВК-230», действительно ставил своей целью демократизацию японской экономики и ликвидацию условий для воссоздания монополий. Его органическая порочность заключалась прежде всего в том, что он не связывал реализацию антимонополистических мер с демократизацией политической власти в Японии. Другие его недостатки заключались в следующем:

1. Документ предусматривал руководство американского командования в осуществлении соответствующих предложений и не признавал права держав, участвующих в Союзном Совете и ДВК, на установление контроля над выполнением программы и над практической деятельностью японских чиновников.

2. В документе нет пункта, предусматривающего запрещение японским правительством делать какие бы то ни было исключения из японского законодательства для иностранных инвесторов. Между тем такая мера была бы необходимой, ибо предоставление особых прав иностранным монополистам является в руках дзайбацу одним из средств для обхода «антитрестовского» законодательства.

3. Документ отвергает принцип демократической национализации как одного из средств ликвидации «чрезмерной концентрации экономической силы». В этом отношении он делает шаг назад даже по сравнению с весьма оппортунистической программой японской социалистической партии, в которой зафиксировано требование национализации некоторых главных отраслей промышленности. Документ также отвергает принцип безвозмездной конфискации какого бы то ни было имущества.

4. Недостаточными были меры, предусматривавшие контроль над соблюдением ограничения владением акций, над системой участия и т. д. В частности, не имелось в виду привлечение к участию в контроле за соблюдением рассредоточенности владения акциями, а также над делами акционерных компаний — профсоюзных организаций. Ни звука не было в документе о запрещении реприватизации государственной собственности, о национализации недр, водных ресурсов и т. п.

Таким образом, «ДВК-230» отнюдь не заключал в себе таких предложений, осуществление которых сделало бы на долгое время невозможным восстановление монополий. Тем не менее «ДВК-230» был встречен резкой оппозицией со стороны правящих клик американского финансового капитала. Вопреки правилу о секретности правительственных документов, представляемых на рассмотрение ДВК, о его содержании стало в США широко известно, и сенатор Уильям Ноулэнд,

связанный с «Оверсиз консалтантс», выступил в декабре 1947 г. в сенатском комитете по ассигнованиям с требованием об отказе от документа «ДВК-230». Ноулэнд заявил, что осуществление намечаемых документом мер может повести «к социализации Японии или к ее превращению в чисто сельскохозяйственную страну»¹. Его поддержал известный американский банкир Роберт Ловетт, занимавший в то время пост заместителя государственного секретаря². Как указывала газета «Ниппон таймс»³, критика в США по адресу документа «ДВК-230» исходила по преимуществу от американских предпринимателей, ведших с Японией торговлю перед второй мировой войной.

Вскоре после выступлений Ноулэнда и в соответствии с выводами миссий Страйка и Дрейпера—Джонстона правительство США забрало им же предложенный документ «ДВК-230» из Дальневосточной комиссии, заявив, что якобы «предложения, предусмотренные в документе, уже осуществлены, и необходимость в принятии нового решения ДВК отпала».

Что же в действительности было сделано в Японии в осуществление первоначальных директив о «ликвидации дзайбацу?»

Законодательные и административные меры вокруг макуровских «директив о роспуске дзайбацу» свелись к следующему:

1. 22 августа 1946 г., через год после капитуляции, получила полномочия для начала деятельности созданная ранее (в апреле того же года) «комиссия по ликвидации и упорядочению специально оговоренных держательских компаний» («ликвидационная комиссия»). Ее председателем стал бывший директор Промышленного банка Т. Сасаяма, а в ее состав вошли такие лица, как бывший председатель совета директоров компании Ямато — У. Кокумая, бывший директор «Титибу сэманто» К. Морои и другие служащие и компаньоны дзайбацу.

Роль фигового листка должен был сыграть созданный в сентябре 1946 г. парламентский комитет по надзору за деятельностью комиссии, куда вошли представители реакционных правительственных партий и два правых социалиста — Т. Катаяма и С. Нисио. Впоследствии в состав этой комиссии были введены также и несколько представителей профсоюзов, которых, однако, не допустили к участию в ее

¹ «North China Daily News», 20 декабря 1947 г.

² «New York Herald Tribune», 27 декабря 1947 г.

³ 28 ноября 1947 г.

практической деятельности, а в начале 1948 г. удалили из нее под предлогом «некомпетентности».

2. Установление перечня держательских компаний, подлежащих «добровольному самороспуску», затянулось до сентября 1947 г. 83 крупных и второстепенных держательских компании были отнесены к числу подлежащих роспуску согласно процедуре «плана Ясуда».

3. 4 января 1947 г. была объявлена «экономическая чистка». Было предписано, чтобы руководители (от аудитора и выше) 243 крупнейших компаний были устранены с ответственных должностей в этих компаниях, и, кроме того, им запрещалось занимать какие-нибудь посты в правительственных органах. Подвергаемые чистке лица могли, однако, занимать любые посты в компаниях, не перечисленных в списке «243-х», в том числе в компаниях их собственных концернов. Таким образом, оставалась полная возможность для сохранения руководства концернами через не внесенные в список компании в руках прежних руководителей концернов¹. Кроме того, согласно директиве, под действие чистки не попадали предприниматели, которые ушли в отставку со своих должностей до 4 января.

4. 18 декабря 1947 г., через 15 месяцев после издания штабом Макартура соответствующей директивы парламент принял закон о «ликвидации чрезмерной концентрации экономической силы». Еще до этого, в апреле 1947 г., был принят «закон о запрещении частных монополий и об обеспечении справедливых и честных сделок».

Согласно этим двум основным законам и различным другим указам и распоряжениям, изданным в разное время:

а) запрещалось создание специальных держательских компаний. Неспециализированным кредитно-финансовым компаниям запрещалось приобретение акций (кроме не имеющих право голоса) в других компаниях. Кредитно-финансовым компаниям (банки, страховые и доверительные компании и др.) запрещалось приобретение акций в родственных по характеру предпринимательства компаниях. Никакая компания не имела права владеть более чем 25% акций другой компании. Ограничивалось (но отнюдь не запрещалось) право занятия одним лицом руководящих должностей сразу во многих компаниях. Слияния компаний, покупка одних компаний другими или аренда всего предпринимательства одних компаний другими не запрещались, но для такого рода операций требовалось разрешение так называемого «комитета честных и справедливых сделок» при премьер-министре, комитета,

¹ «Ниппон таймс», 23 сентября 1947 г.

который должен был в неопределенном будущем заменить «ликвидационную комиссию»¹.

Все эти статьи пресловутого «антимонополистического закона» вряд ли нуждаются в подробной критике. Из них самих ясно, что всякие «запретительные» меры по отношению к держательским компаниям носили формальный характер, так как любой банк, любая страховая или доверительная компания имели право быть держательскими компаниями, причем одно только владение 25% акций другой компании при условии рассеянности остальных акций является достаточным средством для контроля над ней, не говоря о других средствах;

б) 1100 компаний концернов различной степени зависимости были обязаны представить планы передачи в вышеупомянутую комиссию принадлежавших им акций других компаний (еще раньше, в 1946 г., свыше 1200 компаний, включая указанные 1100, были отнесены к числу «ограниченных в своей деятельности» — какие бы то ни было операции с их ценными бумагами могли производиться только с разрешения штаба Макартура);

в) запрещалась «чрезмерная концентрация», имеющая характер «скрытой монополии», организация всякого рода картелей и других объединений, которые могут служить ограничению «свободной конкуренции» или усилению монополии.

В связи с внесением «закона о децентрализации» в парламент близкая к американскому командованию газета «Ниппон таймс»² писала: «Согласно закону, который является в достаточной степени абстрактным и не включает подробностей программы децентрализации, ликвидационная комиссия сама по своему усмотрению будет определять конкретные меры по его выполнению. Подразумевается, что производственная эффективность и географическое распределение соответствующих предприятий будут приняты во внимание при решениях ликвидационной комиссии. Нынешний характер этой комиссии остается неизменным, поскольку правительственный проект о ее превращении в административный орган отброшен».

Иными словами, в этом, как и во всех других случаях, никакого административного органа для выполнения «антимонополистических законов» не было создано, а сам закон формулировался так, что он никого ни к чему не обязывал, и наблюдение за его осуществлением было возложено на «лик-

¹ «Oriental Economist», 3 мая 1947 г. и 9 октября 1948 г.

² 19 сентября 1947 г.

видационную комиссию», состоящую из представителей монополий и не имеющую никаких административных прав;

г) «специально оговоренные лица», главы и члены 10 семейств владельцев концернов, были объявлены лишенными права владения принадлежащими им ценными бумагами и были обязаны сдать эти бумаги в обмен на государственные бонды;

д) из общего числа 93 тыс. предпринимательских компаний страны 325 различных наиболее крупных компаний (в том числе 257 промышленных) были объявлены подлежащими разукрупнению с целью избежания «чрезмерной концентрации»;

е) запрещалось одновременное занятие постов в нескольких филиальных компаниях концернов. В соответствии с вышеупомянутой директивой от 4 января 1947 г. члены семейств-хозяев концернов и назначенные ими лица подлежали устранению с занимаемых постов.

Последние два пункта подверглись особенно резким нападкам со стороны американских дельцов из «Оверсиз консалтантс», которые усмотрели в них стремление «навязать японцам явно неамериканскую экономическую систему», «наказать людей, не обвиняемых в военных преступлениях», и т. п. Возмущение этих людей было в большой степени наигранным, ибо они прекрасно знали, что, во-первых, указанные законы по своим букве и духу так же далеки от подлинно антимонополистического законодательства, как и пресловутые американские «антитрестовские» законы, во-вторых, что американское командование добивается выполнения этих законов лишь в той степени, в какой это выгодно и целесообразно для достижения основных целей американской империалистической политики.

Каковы практические итоги реализации вышеуказанных законодательных постановлений?

Американская журналистка Элеонора Хэдли в статье в американском журнале «Гарвард бизнес ревью»¹, подчеркивая тесную связь между дзайбацу и американскими властями, следующим образом характеризует ту возню, которая в течение всего этого времени велась вокруг макартуровских «антитрестовских» директив: «Сначала,— лишет она,— предпринимается попытка помешать введению законодательства, направленного против монополий; затем, если законодательства нельзя избежать, делается попытка выхолостить насколько возможно различные законоположения; и, наконец, в качестве последнего прибежища, следует саботаж его

¹ Июль 1948 г., стр. 425, статья «Trust busting in Japan».

осуществления. Саботаж принимает различные формы: от поручения следить за претворением закона в жизнь мало энергичным или не верящим в принимаемые мероприятия чиновникам и до назначения достаточно способных чиновников, но с такими ограниченными полномочиями, что они не имеют возможности делать то, что от них требуется.

«Экономическая чистка» и «ликвидация личной унии» свелись лишь к некоторой перестановке ответственных служащих дзайбацу.

Отвергая исходившие от «Оверсиз консалтантс» обвинения в подавлении частной инициативы в Японии, генерал Макартур писал:

«Фактически члены семей дзайбацу отстраняются только от руководящих должностей на предприятиях дзайбацу и пользуются полной свободой заниматься любой другой деятельностью. Официальные лица из семей дзайбацу пользуются полной свободой проявлять свою инициативу и таланты в любой другой отрасли, и в большинстве случаев так и поступают»¹.

Таким образом, глава оккупационных властей сам признал, что для членов семей дзайбацу сохранены все возможности для продолжения предпринимательства, что, следовательно, «чистка» была чистойшей фикцией.

Хотя одновременное занятие руководящих должностей в нескольких компаниях было указом от 25 ноября 1946 г. запрещено, но, как указывает в той же статье Хэдли, «юридическая фразеология этого указа оставляла некоторые лазейки». Однако гораздо важнее было то, что никакого аппарата для осуществления этого указа не было создано и никаких наказаний за его нарушение не было предусмотрено. В таком виде указ представлял собой не больше, чем простое «императорское пожелание» и не мог в сколько-нибудь серьезной степени разбить систему личной унии, которая была основана на феодальной преданности ответственных служащих концернов их владельцам.

На основании законов об экономической чистке было удалено с занимаемых должностей всего 325 чел. Кроме того, 1130 чел. заявили о своем «добровольном уходе», отказавшись отвечать на вопросы анкеты, присланной комиссией по чистке, и «под следствием» находилось к концу 1947 г. 650 чел.² Таким образом, из нескольких десятков тысяч

¹ «Fortune», июль, 1949 г.

² «Nippon Times», 13 сентября 1948 г. Комментируя директиву о чистке и ее выполнение, «Ориентал Экономист» (12 июля 1947 г.) писал: «Следует напомнить о том, что о намечаемых очистительных операциях в общих чертах было сообщено газетам еще в ноябре прошлого

ответственных служащих дзайбацу «чистка» коснулась лишь полутора-двух тысяч человек.

В начале 1948 г. бывший военный министр США и крупный банкир Ройялл выступил с «теоретическим» обоснованием фактического отказа от «экономической чистки». «Люди, принимавшие самое активное участие в создании и пуске японской военной машины,— заявил он, выступая перед членами „клуба содружества наций“ в Сан-Франциско,— в военном и промышленном отношении часто были наиболее способными и достигшими наибольших успехов руководителями деловых кругов этой страны. Их услуги во многих случаях содействовали бы экономическому восстановлению Японии»¹.

В этих словах, как и во всей шумихе, поднятой американскими плутократами в связи с документом «ДВК-230», наглядно проявляется классовая солидарность богачей, которые опасаются, что наказание японских фабрикантов смерти может создать прецедент, опасный для фабрикантов смерти в США.

В 1949 г. начался пересмотр решений об «экономической чистке» в отношении тех лиц, которые были ей подвергнуты, т. е. речь шла о полной ликвидации даже тех незначительных ограничений, которые налагались чисткой. Из 56 членов семей дзайбацу, подвергшихся «чистке», к ноябрю 1949 г. были реабилитированы четыре, среди них — хорошо нам знакомый Рйодзо Асано². Секретариат ЦК компартии Японии в брошюре «Мы обвиняем правительство Йосида», сообщает, что Сэйхин Икэда (из концерна Мицуи) в настоящее время направляет деятельность банка Мицуи—Тэйкоку через президента последнего — Киитиро Сато. Подвергшийся «чистке» бывший президент «Мицуи буссан» Тадахару Мукаи открыл свою «личную контору» в деловом квартале Токио — Маруноути, откуда он руководит многими крупными компаниями. «Вычищенный» Гисукэ Аюкава является советником в полуправительственном «Институте иностранного капитала» и т. д.

Ликвидация головных и других крупнейших держательских компаний, межкорпоративной собственности на ценные

(1946) года. Те, кто боялся, что они могут быть раньше или позже удалены из делового мира, не теряли времени и ушли в отставку раньше, поручив своим помощникам руководство компаниями. Многие из них создали новые корпорации под своим прямым контролем. Некоторые ожидают первой же возможности для того, чтобы вернуться к бизнесу...

¹ «Известия», 25 января 1948 г.

² «Far Eastern Survey», 14 декабря 1949 г., статья Э. Хэдли «Конкуренция или частный коллективизм в Японии».

бумаги и изъятие контрольных пакетов акций из владения семей дзайбацу — таковы важнейшие пункты «ликвидационного» законодательства. Роспуску или коренной реорганизации подлежали 83 головные и другие держательские компании. Из них на сентябрь 1948 г. было распущено 15¹, в процессе роспуска находилось семь компаний² и о трех компаниях вопрос не был решен. 58 компаний были освобождены от необходимости самоликвидации, 11 из них было разрешено ограничиться реорганизацией. Две из последних («Сумитомо хонся» и «Фудзита сангё») создали новые компании, аналогичные прежним, и объявили о самороспуске. Девять других³ находились в процессе такой же реорганизации. Семь компаний⁴ были полностью освобождены от какой бы то ни было реорганизации. Наконец, «в стадии изучения» находилось 40 компаний. Затягивание «изучения» оставляет мало сомнений в том, что эти компании останутся в прежнем виде или подвергнутся лишь незначительным изменениям. В их числе — крупнейшие военно-промышленные компании концернов⁵.

Изъятие ценных бумаг у держательских компаний и компаний прямой зависимости, а также из владения семейств дзайбацу, по данным правительственной «комиссии по ликвидации держательских компаний», представлено в табл. 55.

При рассмотрении табл. 55 прежде всего бросается в глаза крайняя заниженность исходных данных. Одни только ценные бумаги, находившиеся в непосредственном (т. е. минуя держательские компании) владении семьи Мицуи, о которых последняя официально сообщила, оценивались в 75 млн. иен⁶, а вся сумма подобного рода собственности по

¹ Среди распущенных компаний: «Мицуи хонся», «Мицубиси хонся», «Ясуда ходзэнся», «Асано хонся», «Сибудзава додзёку», «Номура гомэй», «Мицуи буссан», «Мицубиси сёдзэи», остальные семь — компании второстепенных концернов («Тойо кэйдзай», 18 сентября 1948 г.).

² В том числе: «Ниссан», «Окура когё», «Ямасьта», «Катакура гуми».

³ В том числе: «Нихон сода», «Нихон кокан», «Кобэ сэйкосё».

⁴ Эти компании следующие: «Фудзи сангё» (б. Накадзима), «Нихон тиссо хириё», «Ямасьта Кисэн», «Мицуи сэнпаку», «Сумитомо дэнки», «Асано буссан», «Найгай цусё».

⁵ Среди них: «Мицубиси дзюкогё», «Мицубиси когё», «Мицубиси дэнки», «Мицуи кодзан», «Мицуи кагаку», «Хоккайдо танко кисэн», «Нихон сэйтэцу», «Одзи сэйси», «Кавасаки дзюкогё», «Ниссан кагаку», «Фурукава когё», «Рикэн когё», «Нихон сода», «Хитати сэйсакудзё», «Одзи сэйси», «Токио Сибaura дэнки», «Нихон мусэн», «Оки дэнки», «Мацусита дэнки сангё», «Тэйкоку дзидзёкэн», «Ниссин босэки», «Нихон юсэн», «Тойо босэки», «Канэгафуги босэки», «Дайнихон босэки», «Катакура когё», «Гундзэ когё», «Фудзигасу босэки», «Нихон кокан», «Фурукава дэнки когё».

⁶ «Summation», январь 1946 г.

**Положение с ценными бумагами, подлежащими изъятию
(на апрель 1949 г., в млн. иен) ***

Держатели ценных бумаг	Вся сумма ценных бумаг, подлежащих изъятию (А)	Изъято Ко- миссией по ликвидации держательских компаний (Б)	Продано через комиссию по ликви- дации (В)	Б : А (%)	В : А (%)
Держательские компа- нии	7,069	6,467	2,059	91	29
Члены семей дзайбацу **	552	438	92	80	17
Компании прямой зави- симости ***	1,670	—	351	—	21
Всего . . .	9,291	—	2,502	—	27

* „Far Eastern Survey“, 14 декабря 1949 г.

** Имеется в виду 56 лиц, у которых подлежали изъятию находящиеся в их личном владении ценные бумаги.

*** Имеется в виду межкорпоративная собственность, т. е. акции других компаний в собственности данных компаний.

всей стране оценена всего в 552 млн. иен! Крайне заниженной является также сумма «межкорпоративной собственности»: по свидетельству Э. Хэдли, эта сумма должна быть оценена не в 1670 млн. иен, а более чем в 7000 млн. иен¹.

По первоначальным полуофициальным оценкам, вся сумма ценных бумаг, подлежащих изъятию от прежних владельцев и последующей распродаже, должна была составить 38,2 млрд. иен².

¹ «Far Eastern Survey», 14 декабря 1949 г.

² «Oriental Economist», 28 июля 1947 г. В эту сумму должны были войти:

	В млн. иен
Акции, переданные в ликвидационную комиссию держательскими компаниями и членами семей концернов	6,800
Акции разных других закрытых компаний (подлежавшие передаче в Комитет по ликвидации дел закрытых компаний) . .	2,700
Акции компаний, включенных в список „ограниченных в своей деятельности“	6,000
Акции, подлежащие передаче правительству в счет налога на собственность	3,700
Фонды, подпадающие под действие „антимонополистических законов“	19,000
Итого	38,200

Но на апрель 1949 г. вся сумма подлежащих изъятию ценных бумаг оценивалась в 9,3 млрд. иен, фактически изъятых — менее 7 млрд. иен, а проданных новым владельцам — всего в 2,5 млрд. иен.

Таким образом, бо́льшая часть даже той суммы акций, которая первоначально предполагалась к изъятию, фактически осталась в руках прежних владельцев. Но все же в результате описанных выше мер бо́льшая сумма акций головных и некоторых других крупных компаний дзайбацу оказалась сосредоточенной в руках «ликвидационной комиссии», которая с середины 1949 г. распродала лишь небольшую часть этих акций.

Каковы перспективы их сбыта?

Для ответа на этот вопрос необходимо прежде всего выяснить, кто может купить эти акции, в чьих руках в Японии в настоящее время деньги. Газета «Ниппон таймс» 18 августа 1947 г. указывала, что через полтора года после проведенной в мае 1946 г. денежной реформы банкноты Японского банка распределялись между различными слоями общества в следующей пропорции:

Лица наемного труда	10%
Промышленники	18
Сельские хозяева и рыболовы	28
Торговцы	37
Прочие	7

Процент денег в руках торговцев, которых газета справедливо отождествляет с «дельцами черного рынка», «классом людей новой иены»¹, увеличился с 12 в 1946 г. до 37 в 1947 г.

«Единственный класс людей,— пишет «Ниппон таймс»²,— которые имеют сейчас много денег,— это дельцы черного рынка и купцы, чьи операции граничат с операциями черного рынка. Но эти люди мало заинтересованы в ценных бумагах, вложения в которые очень медленно окупаются. Они предпочитают вкладывать деньги в материальные ценности, каковые вложения приносят доходы гораздо скорее и в бо́льших размерах. Разумеется, по мере того как черный рынок постепенно сжимается, этот класс начинает все больше склоняться к вложению денег в ценные бумаги, но приобретение этим классом значительного количества ценных бумаг нежела-

¹ В отличие от людей, потерявших сбережения в связи с замораживанием во время денежной реформы 1946 г. «старой иены».

² 10 декабря 1947 г.

тельно с точки зрения демократизации японской экономики, так как это будет означать рост нового класса дзайбацу — выскочек (parvenu), гораздо менее respectable, чем старые дзайбацу».

Эти слова наглядно отражают тревогу дзайбацу в связи с рождением новых сильных конкурентов. О том, что эта тревога небезосновательна, свидетельствуют данные о появлении новых, ранее неизвестных богачей, стоящих в одном ряду со старыми монополистическими магнатами.

При регистрации личной собственности в начале 1947 г. оказалось, что к числу 10 самых богатых людей Японии принадлежат следующие лица:

		Сообщенная владельцем стоимость личной собственности в млн. иен
Такакими Мицуи	} владельцы концерна Мицуи	62
Таканару Мицуи		30
Таканага Мицуи		30
Такатэру Мицуи		27
Кюя Ивасаки	} владельцы концерна Мицубиси	48
Хикоята Ивасаки		41
Гэндзо Хаттори, владелец часовых магазинов		38
Моритацу Хосокава, маркиз		35
Дзюко Накано, помещик из префектуры Нингата		32
Рикэн Маэда, неизв.		30

(„Ниппон таймс“, 3 апреля 1947 г.)

Несомненно, что японские богачи намного занизили размеры своих богатств, но для нас в данном случае важны не абсолютные размеры, а то обстоятельство, что уже через полтора года после войны рядом с магнатами дзайбацу и крупнейшими помещиками среди первых богачей страны появились «выскочки», такие, никому в прошлом не известные люди, как Хаттори и Маэда.

Еще более показательны результаты аналогичного обследования, произведенного в середине 1948 г. По официальным данным министерства финансов, в числе 56 лиц, получивших в 1947 г. доход свыше 5 млн. иен, не оказалось ни одного из старых магнатов дзайбацу. Сообщая об этом, газета «Ниппон таймс» 2 июля 1948 г. напоминает, что в 1936 г. на первом месте по размерам обложенных налогами доходов (налог в 800 тыс. иен на годовой доход около 3 млн. иен) были магнаты дзайбацу: Китидзаэмон Сумитомо, Такакими Мицуи, Гонэмон Мицуи, Хисая Ивасаки и Коята Ивасаки.

В настоящее время «налогоплательщиком № 1» оказался некий Наоси Като, текстильный король префектуры Фукуи (годовой доход в 1947 г. — 35 млн. иен) — лицо, до последних лет неизвестное. Вторым был некий Гэмбэй Кагава, комиссионер по торговле каучуком, чей доход составил 20 млн. иен. Третьим — Юдзо Моримото, ростовщик, «заработавший» за год 18 млн. иен, четвертым — Кэйдзиро Сато (17 млн. иен), подрядчик военно-морского флота во время войны, получивший после ее окончания «на хранение» 100 грузовиков с бумагой. Среди других богачей — владельцы складов, торговцы продуктами питания и текстилем и т. д. 16 из 56 богачей — предприниматели в текстильной промышленности, четыре — в издательском деле, четыре — в морском промысле. Почти все остальные 32 — комиссионеры, торговцы, ростовщики. Только три из 56 (Иванами, Тацумура, Кавадэ) являются более или менее известными в Японии капиталистами (хотя и не принадлежали к дзайбацу), остальные — «выскочки», «нарикины».

Разумеется, нельзя питать никакого доверия к сообщениям о том, что в числе первой полусотни «богачей 1947 г.» не было ни одного из лиц, принадлежащих к клике дзайбацу. Дело просто в том, что магнатам финансового капитала никак не пристало фигурировать в числе лиц, имеющих наибольшие доходы в то время, как их правительственные агенты на всех перекрестках кричат, что «дзайбацу ликвидированы». Дзайбацу либо просто скрыли свои доходы¹, либо перевели имущество на подставных лиц, которые, возможно, фигурируют среди вышеуказанных 56. Однако совершенно несомненен факт, что в послевоенной Японии имеет место известное перераспределение капиталов в пользу новых богачей, выросших на дрожжах военной и послевоенной спекуляции, обязанных своему нынешнему положению прежде всего американским военным властям и составляющим самую надежную социальную опору американского империализма в Японии.

Более чем вероятно, что крупные суммы из той доли ценных бумаг, которая была изъята из владения дзайбацу, со

¹ Небезинтересен тот факт, что только в семи случаях из 56 ответы владельцев на вопрос о размерах их доходов совпали с результатами официального обследования. 13 из 56 лиц, имевших годовой доход свыше 5 млн. иен, ответили, что их доходы были равны... нулю; один брокер указал 80 тыс. иен, а при обследовании оказалось 12 млн. иен. «Считают, — пишет газета, — что многие успешно избежали бдительных взглядов чиновников налогового ведомства и не заплатили ни одной сэнны с миллионов и десятков миллионов иен своих доходов» («Ниппон таймс», 2 июля 1948 г.).

временем, если нормализуется курс этих бумаг, перейдут во владение послевоенных «парвеню». Следует предполагать, что значительная часть или даже большинство этих выскочек сомкнутся с магнатами дзайбацу и превратятся в их подставных лиц. Этот процесс начался уже в 1946—1947 гг. По сообщению «Ниппон таймс» от 12 ноября 1947 г., в указанные годы полиция обнаружила по всей стране в разных отраслях хозяйства около 800 небольших компаний, основанных прежними сотрудниками распущенных компаний Мицуи, Мицубиси и других концернов и предназначенных к тому, чтобы заменить распущенные компании. Полиция установила, что большинство этих компаний занято спекуляцией на черном рынке дефицитными и хранящимися на их складах товарами. В данном случае речь идет о тех компаниях, которые привлекли внимание полиции ввиду того, что их возглавляют бывшие официальные служащие концернов. Но можно ли сомневаться в том, что аналогичные «подставные компании» концернов создаются и людьми, не имевшими в прошлом отношения к концернам, в том числе и «высочками»?

Наряду с процессом создания «подставных компаний» происходит также усиленный процесс замены в сохранившихся компаниях ответственных служащих, подвергшихся чистке или «добровольно» ушедших в отставку, теми служащими дзайбацу, которые занимали ответственные должности вне 243 компаний, чье руководство должно было быть пересмотрено, или теми из служащих этих компаний, которые «чистке» не подверглись. В японской печати много сообщается о «темных лошадках» из числа преданных слуг дзайбацу, которые сейчас делают быструю карьеру и становятся «новыми лидерами» монополистического предпринимательства.

Таким образом, в настоящее время в Японии есть только три группы людей, которые могут скупить ожидающие покупателей в сейфах «ликвидационной комиссии» ценные бумаги: это, во-первых, американские монополисты в Японии, во-вторых, старые магнаты финансового капитала, владеющие по-прежнему крупными капиталами и могущие производить скупку через подставных лиц, и, в-третьих, новые богачи, нажившиеся на спекуляции, на военных поставках и на поставках оккупационным властям.

Медленность темпов продажи ценных бумаг объясняется прежде всего тем, что их курс стоит на низком уровне, так как соответствующие компании все еще находятся в стадии реорганизации и перспективы их прибыльности еще неясны. Но какими бы темпами ни производилась продажа этих ценных бумаг (равно как и новых ценных бумаг), не может

быть ни малейшего сомнения в том, что их смогут купить только капиталисты, принадлежащие к указанным выше трем группам. Болтовня о «демократизации акций», об их рассредоточении среди широкой массы служащих компаний и т. п. имеет чисто демагогическое значение, уже хотя бы потому, что жалование, получаемое подавляющим большинством служащих в послевоенной Японии, намного ниже прожиточного минимума.

Децентрализация крупнейших промышленных компаний была провозглашена как один из главных элементов политики «ликвидации дзайбацу». Как указывалось, децентрализации подлежали первоначально 325 компаний, а на август 1949 г. в списке подлежащих децентрализации осталось лишь 19 компаний, причем окончательно был решен вопрос о децентрализации всего лишь 10 компаний¹.

Вышеизложенным в основном исчерпывается все, что было сделано для реорганизации дзайбацу в связи с директивами об их «ликвидации».

Для полноты картины необходимо добавить, что отнесение 1200 компаний в список «компаний, ограниченных в своей деятельности», имело лишь тот смысл, что операции с ценными бумагами этих компаний находились под непосредственным контролем американских властей. С 1947 г. список этих компаний ежеквартально тощал на 50—70 единиц, и к середине 1950 г. в нем осталось лишь 565 компаний (большая часть второстепенных).

Таким образом, «ликвидация дзайбацу» означала лишь некоторую реорганизацию концернов, важнейшим элементом которой, разумеется, явилась ликвидация головных держательских компаний.

Исчерпывающий ответ на вопрос о структуре концернов в настоящее время, после реорганизации, дать невозможно, так как новые американо-японские монополистические объединения в организационном отношении еще не вполне оформились. Анализируя результаты роспуска головных компаний дзайбацу, Э. Хэдли пишет, что после роспуска «имеется новая группа „руководителей“ — старые крупные филиальные компании. Адмирал Тойода, близкий друг Ивасаки (концерн Мицубиси), сказал американскому корреспонденту весной этого (1948.— Я. П.) года, что перед концернами стоит труд-

¹ Крупнейшими из децентрализуемых компаний являются: «Нихон сэйтэцу» (делится на две), «Одзи сэйси» (делится на три), «Мицубиси дзайко» (делится на три), «Токио Сибaura дэнки» (делится на 27 предприятий), «Хитати сэйсаку» (делится на 19 предприятий — «Far Eastern Survey», 14 декабря 1949 г.), «Кобэ сэйко» (делится на три), «Нихон кокан» (делится на три — «Тойо кэйдзай», 18 сентября 1948 г.).

ная проблема: как представить штабу оккупационных войск план, который придает филиальным компаниям вид самостоятельных, но в то же время гарантирует их, что этого не случится»¹.

Решить эту «проблему» для дзайбацу под властью американской реакции оказалось вовсе не так трудно, как об этом говорил адмирал Тойода. Ее решение свелось к тому, что роль держательских головных компаний в настоящее время перешла к банкам дзайбацу. «Реорганизация» последних заключалась в том, что в августе 1948 г. они были переименованы². При этом централизация капитала в руках банков дзайбацу сохранилась в прежних масштабах.

В связи с тем что банки дзайбацу, контролируемые американским капиталом, все больше исполняют функции распущенных держательских компаний, представитель Британской империи в Союзном Совете для Японии австралиец Ходжсон на заседании Союзного Совета 1 марта 1950 г. сделал председательствующему — американцу Себолду запрос. «В настоящее время, — сказал он, — в Японии восемь банков контролируют 80% всей промышленной, финансовой и экономической жизни страны... Почему оккупационные власти решили в декабре 1948 г. не принимать никаких мер в отношении децентрализации банков и в каких масштабах оккупационные власти создают дзайбацу нового типа?» Этот запрос привел

¹«Harvard Business Review», июль 1948 г.

² Приводим данные о «реорганизации» банков «большой шестерки»:

Старые названия банков	Новые названия	Капитал до завершения реорганизации (до 1 октября 1948 г.)	Капитал после реор- ганизации
		в млн. иен	
Ясуда	Фудзи	170	970
Мицубиси	Тийода	135	900
Сумитомо	Осака	73	850
Санва	Санва	153	1000
Номура	Дайва	50	300
Тэйкоку (Мицуи)	{ Тэйкоку	220	{ 500
	{ Дайити		{ 500

(«Oriental Economist», 11 сентября 1948 г.).

Чисто формальный характер этого переименования явствует, между прочим, из того факта, что переименованы были только банки, носившие названия по фамилиям владельцев концернов. Санва и Тэйкоку не были переименованы. От Тэйкоку (Мицуи) вновь отделился слившийся с ним в годы войны банк Дайити.

к конфликту между американским и английским представителями, так как взбешенный Себолд отказался на него отвечать и, нагло превысив свои права, приказал стенографистке вычеркнуть слова Ходжсона из протокола заседания, что повлекло за собой официальный протест австралийского правительства.

По данным, приведенным в брошюре секретариата ЦК компартии Японии («Мы обвиняем правительство Йосида»), 11 крупных банков дзайбацу контролируют 63,6% всех банковских депозитов и 70,9% всех банковских ссуд. «На место прежнего способа контроля через акционерные (имеются в виду держательские.— Я. П.) компании,— указывается в брошюре,— пришла новая форма контроля, осуществляемого через финансовый контроль при помощи банков».

В подтверждение этого тезиса брошюра показывает связанность крупнейших предприятий Мицуи через банк Мицуи: «Такие крупные монополистические предприятия,— пишет брошюра,— принадлежавшие ранее концерну Мицуи, как «Мицуи кодзан», «Хоккайдо танко кисэн» и «Тайхэййо танко» — в горнодобывающей промышленности; «Мицуи кагаку», «Тойо коацу», «Дэнки кагаку когё» и «Тоа госэй» — в химической промышленности; «Онода сэмэнто» и «Токунага гарасу» — в керамической промышленности; «Токио Сибаура», «Мицуи дзэсэн», «Мицуи кикай», «Тойода дзидося», «Тойода дзидо кикай» — в тяжелой промышленности; «Тойо рэйон», «Гундзэ когё», «Канэгафути босэки» — в текстильной промышленности; «Мицуи сэмпаку» и «Мицуи Соко» — транспорт и склады; «Ниппон сэйфун» — в пищевой промышленности; «Одзи сэйси» — в писчебумажной промышленности, которые все еще занимают монопольные позиции в соответствующих отраслях промышленности, тесно связаны между собой через банк Тэйкоку (Мицуи) и находятся под его финансовым контролем».

Брошюра приводит также весьма любопытные данные о послевоенном монополистическом контроле в некоторых важнейших отраслях промышленности.

Металлургическая промышленность. 70,4% продукции железнорудной и сталеплавильной промышленности приходится на долю пяти крупных корпораций: «Нихон сэйтэцу», «Ниппон кокан», «Металлургическая компания Фусо», «Кобэ сэйкося», «Кавасаки дзюкогё» и «Мицубиси сэйко».

Из этих компаний «Нихон кокан» принадлежит Ясуда и Асано; компания «Фусо» — Сумитомо; «Мицубиси сэйко» — Мицубиси; «Нихон сэйтэцу» контролируется государственным капиталом и бывшими концернами дзайбацу. «Кобэ сэйко-

сйю» и «Кавасаки дзюкогйю» контролируются совместно капиталом различных представителей дзайбацу.

Угольная промышленность. 48,2% добычи угля в Японии приходится на долю восьми компаний: «Мицуи кодзан», «Мицубиси когйю», «Хоккайдо танко», «Сэйка когйю», «Фурукава когйю», «Дзёбан танко», «Юбэцу танко» и «Тайхэйю танко». Из них «Мицуи кодзан», «Хоккайдо танко» и «Тайхэйю танко» принадлежат Мицуи; «Юбэцу танко» и «Мицубиси когйю» — Мицубиси; «Сэйка когйю» — Сумитомо; «Дзёбан танко» — Окура и Асано. Эти монополистические предприятия добывают большую часть высококачественного угля и владеют самыми богатыми угольными месторождениями.

Химическая промышленность. 92,2% производства сульфат-аммония приходится на долю 11 компаний: «Тойо коацу», «Ниссин кагаку», «Сйова дэнко», «Ниссан кагаку», «Убэ косан», «Ниппон тиссо», «Асахи касэй», «Нитто кагаку», «Мицубиси косэй», «Ниппон Суйсо». Из них «Тойо коацу» и «Тоа госэй» принадлежат Мицубиси; «Ниссин кагаку» — Сумитомо; «Ниссан кагаку» — под контролем Аюкава; «Асахи косэй» — Ногуты; «Убэ косан» — Ватанабэ; «Ниппон тиссо» и «Ниппон кагаку» — Фудзияма. Таким образом, монополистические предприятия бывших дзайбацу почти полностью контролируют эту отрасль промышленности.

Подобное же положение и в текстильной промышленности и в промышленности искусственного шелка, в пищевой промышленности и в промышленности по производству каустической соды.

Анализируя положение во внешней торговле после войны, «Ориентал экономист»¹ констатирует, что, несмотря на роспуск главных экспортно-импортных компаний дзайбацу — «Мицуи буссан» и «Мицубиси сйодзи», решающая роль в экспорте товаров (особенно хлопчатобумажных изделий, шелка, машин и металлов) вновь принадлежит компаниям, созданным на основе распушенных². Успех новых компаний журнал всецело

¹ 30 июля 1949 г.

² Журнал приводит следующий список компаний, играющих решающую роль в экспорте и происходящих от «Мицуи буссан»: «Дайити буссан», «Дайити цусйю», «Тойо бёэки» (все три — разные виды экспорта), «Токио сйокухин» (продовольствие), «Ниппон кикай бёэки» (машины), «Маруноути буссан» (металлы и изделия из них), «Кёокуто бёэки» (машины), «Никко буссан» (шелк-сырец), «Сансин сэнгйи» (текстиль). Аналогичными компаниями, происходящими от «Мицубиси сйодзи», являются: «Кёова коэки» (разные виды экспорта), «Мияко сйодзи» (машины и металлоизделия), «Маруноути сйодзи» (то же), «Сйоко сйодзи» (машины), «Мэйко сйодзи» (продовольствие), «Дайва сэнгйи» (шелковые изделия).

приписывает тому, что решающая роль в их руководстве принадлежит бывшим служащим Мицуи и Мицубиси, что эти новые компании рассматриваются в коммерческом мире как прямые наследники распущенных.

При рассмотрении вышеприведенных данных прежде всего бросается в глаза их сходство (во многих случаях — полная аналогия) с данными о монополистическом контроле дзайбацу до войны. Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и Ясуда вновь выступают как монополисты в важнейших отраслях экономики. Но было бы ошибочно на этом основании сделать вывод о том, что реорганизация монополистического предпринимательства, производившаяся под флагом «ликвидации дзайбацу», не имела для них никаких последствий. Напротив, эти последствия гораздо более значительны, чем об этом можно судить по масштабам проведенной реорганизации, и заключаются в том, что эта реорганизация облегчает американскому капиталу установление, с помощью оккупационных властей и реакционного японского правительства, контроля над предпринимательством дзайбацу.

Введение временного «антимонополистического» законодательства и принятие различных мер по реорганизации предпринимательства дзайбацу явились в руках американских властей мощными средствами шантажа, имевшими целью заставить могущественных и опасных в прошлом соперников и конкурентов американских монополистов подчиниться не только на словах, но и на деле, не только на время оккупации, но и на последующий период.

Руководитель антитрестовского отдела штаба Макартура Уэлш заявил на пресс-конференции в Токио 4 октября 1947 г.: «Приток иностранного капитала в новые компании, созданные и укрепленные на основе рассредоточения акций дзайбацу, будет иметь значительный стабилизирующий эффект для японской экономики».

Каков в действительности был этот «стабилизирующий эффект», мы увидим при рассмотрении американской «Программы экономической стабилизации». Программа эта заключала в себе полный комплекс мер по усилению государственно-монополистического контроля американского империализма над японской экономикой, мер, которые открывали для американских монополистов новые возможности для сверхприбыльного предпринимательства в Японии.

Американская «программа экономической стабилизации» — программа усиления контроля Уолл-стрита над японской экономикой

От американских властей, сосредоточивших в своих руках мощные средства давления на японские монополии, целиком или в значительной степени зависит: исключение тех или иных компаний из списка ограниченных; освобождение от «децентрализации»; демонтаж предприятий в счет репараций; предоставление лицензий на открытие новых компаний; продажа-покупка крупных пакетов акций и других ценных бумаг (в особенности находящихся в ведении «ликвидационной комиссии» и других японских правительственных органов); допуск к участию во внешней торговле; предоставление подрядов по работам для оккупационных властей; купля-продажа дефицитных видов сырья и топлива; предоставление кредитов из полугосударственных кредитных институтов и многое другое.

Отсюда понятна заинтересованность японских монополий в «сотрудничестве» с американскими монополиями. «Сотрудничающим» японским монополистам обеспечено благосклонное отношение со стороны американской военной администрации, что в нынешних условиях является едва ли не самым важным для прибыльного предпринимательства. Поэтому дзайбацу в послевоенной Японии превращаются в компрадорскую клику, нисколько не считаясь с тем, что это означает окончательное порабощение Японии американским империализмом. Но если в результате специальных мер американского командования японские монополисты оказались весьма заинтересованы в «сотрудничестве» с американскими монополиями, то последние все же не ограничились этими мерами.

Судя по докладам миссий Страйка и Дрейпера — Джонстона, а также по весьма многочисленным официальным и полуофициальным заявлениям, публиковавшимся в японской печати, требования американского монополистического капитала, предъявлявшиеся в качестве условий для «сотрудничества» с японскими монополиями, заключались в следующем.

В политической области — разгром демократических профсоюзов и сосредоточение руководства японским профдвижением в руках правосоциалистических наемников буржуазии. Соответствующие меры для достижения этой цели (подробно о них см. главу IX) рассматривались как необходимое условие для капиталистической рационализации — массовых увольнений, повышения интенсивности и производительности труда рабочих и служащих.

В экономической области американский капитал требовал создания определенной устойчивости предпринимательства, т. е. закрепления его высокой прибыльности на длительный период. Растущая инфляция, непрерывный рост цен, отсутствие единого обменного курса для японской валюты, сыгравшие крупную роль в политике создания зависимого положения японской экономики, на определенном этапе уже не могли удовлетворять требованиям американской монополистической буржуазии.

Кроме того, американская монополистическая буржуазия требовала для себя множества специальных привилегий в Японии: отмены законов, ограничивающих возможности вывоза прибылей и дивидендов за границу; отмены важнейших пунктов «антимонополистического» законодательства, ограничивающих «систему участия»; резкого уменьшения налогов на крупное предпринимательство; возвращения на прежние места лиц, устраненных в порядке «чистки»; специальных мер по охране патентных прав иностранцев; полного возмещения по текущему курсу ущерба, нанесенного в процессе войны довоенным иностранным инвесторам¹ и др.

Для окончательной разработки методов выполнения указанных задач в Японию была направлена очередная правительственная миссия во главе с председателем Ассоциации банкиров США Доджем, который в течение 1949 г. посетил Японию дважды (в феврале и октябре) и выполняет роль главного экономического советника генерала Макартура. Почти одновременно с миссией Доджа в начале 1949 г. в Японию из США прибыла специальная миссия по налоговым вопросам во главе с Шоупом. Обе миссии в разных плоскостях занимались одними и теми же вопросами, и потому их следует рассматривать как единую миссию — миссию Доджа — Шоупа.

Прибытие миссии почти совпало с началом в США нового экономического кризиса и выступлением 20 января 1949 г. президента Трумэна, в котором он выдвинул империалистическую «программу помощи отсталым странам». В этой программе идет речь о громадном усилении вывоза частного капитала из США в другие страны. «...Если различные иностранные государства,— заявил Трумэн,— захотят получить большие суммы американского капитала, они должны обязательно сделать так, чтобы иностранные инвестиции были гарантированы»². Для американских монополистов современная

¹ Ущерб этот (связанный с разрушениями принадлежавших иностранцам предприятий) оценивается японской печатью в 3 млрд. иен по текущим ценам («Monthly circular», май 1949).

² «Nippon Times», 17 февраля 1949 г.

Япония — это тоже одна из «отсталых стран», и задача монополистических миссий как раз и заключалась в том, чтобы найти путь для наилучшего гарантирования американских инвестиций.

Этот путь был найден в виде предписанной Государственным департаментом генералу Макартуру и провозглашенной 17 декабря 1948 г. «программы стабилизации японской экономики».

Программа эта содержит девять пунктов: 1) достижение равновесия в государственном бюджете; 2) усиление налогообложения; 3) предоставление кредитов в строгом соответствии с проектом содействия экономическому восстановлению страны; 4) принятие мер к стабилизации в области заработной платы; 5) усиление и расширение контроля над ценами; 6) усиление контроля над внешней торговлей и расходованием иностранной валюты; 7) увеличение эффективной системы распределения и рационирования; 8) увеличение производства сырья и готовой продукции; 9) обеспечение более эффективного осуществления программы поступления продовольствия.

Через месяц после «программы стабилизации» была опубликована «программа привлечения иностранных капиталов», в которой было объявлено о ликвидации всяких формальных ограничений для иностранного предпринимательства и вкратце сформулированы вышеизложенные пункты касательно создания для иностранного капитала различных привилегий. Близкая к американским властям газета «Ниппон таймс» справедливо назвала обе программы «сиамскими близнецами». Одновременно с опубликованием «программы привлечения иностранных капиталов» были созданы специальные государственные органы для «поощрения иностранного предпринимательства»¹.

Американская программа в корне расходится со всеми предыдущими рекомендациями ДВК, предусматривающими осуществление мер по экономической демилитаризации Японии, по демократизации ее экономики. Программа предписывает принятие «любых мер» для «стабилизации экономики», но совершенно обходит необходимость поощрения таких форм экономической деятельности которые, как говорится в

¹ Главным органом является созданный при американском штабе в Токио специальный Совет по делам иностранных инвестиций, состоящий из семи американцев во главе с начальником научно-экономического отдела американского штаба (в 1949—1950 гг. — генерал-майор Маркат). Совет выдает лицензии на иностранные инвестиции. Совещательным органом при этом Совете является Комитет по иностранным инвестициям при японском правительстве.

решении ДВК («Основная политика в отношении Японии после ее капитуляции»), «можно признать способными укрепить демократические силы Японии и предотвратить возникновение такого положения, при котором экономическая деятельность может быть использована для поддержания военных целей»¹.

Таким образом, опубликование программы знаменует собой также и формальный разрыв правительства США с процедурой союзного контроля и полный отказ от прежних решений ДВК.

Опубликование обеих программ сопровождалось резким усилением капитулянтской пропаганды на тему о невозможности восстановления японской экономики без иностранной помощи², открытой пропаганды «космополитизации» экономики.

Меры, принятые в области государственных финансов, в связи с опубликованием программ, носили ярко выраженный антинародный характер.

Мы уже указывали, что контроль над внешней торговлей с помощью «долларовых фондов» служил в руках американских властей одним из главных средств контроля над внутренней торговлей, промышленностью и финансами. Контроль этот осуществлялся через систему скользящей шкалы валютного курса иены и систему *внутренних ценовых фондов*.

До марта 1949 г. в Японии не было твердого обменного курса. Американские чиновники штаба Макартура сами каждый раз решали, по какому «курсу»³ должна производиться продажа или покупка того или иного товара. Официальный курс (1936 г. 1 доллар = 15 иен, в 1947 г. — 50, в 1948 г. — 270) совершенно не принимался во внимание. Фактически осенью 1948 г. 1 доллар на черном рынке стоил 400—450 иен, а по отдельным товарам «курс» колебался от 130 до 600—700 иен⁴. При этом существовала весьма резкая

¹ «Известия», 29 января 1949 г.

² Вот один из образцов этой пропаганды: реакционная газета «Йомиури» писала, что Япония не может надеяться на успешное восстановление экономики без американской помощи. «При нынешних экономических условиях,— писала газета,— не только капитал, но и национальная экономика должны стать интернациональными; это не колонизация, это „космополитизация“» («Nippon Times», 17 января 1949 г.).

³ Мы берем слово «курс» в кавычки, так как по самой своей сущности валютный курс (количественное отношение единицы валюты данного государства к валюте другого государства) должен быть единым. Курс, исчисляющийся по отношению к каждому отдельному товару, фактически является мнимым курсом.

⁴ «New York Times», 8 сентября 1948 г.

разница между «курсами» для импортных и для экспортных товаров: первые были выше вторых¹.

Низкий курс иены при экспортных сделках был одним из побудительных мотивов для экспорта: в условиях растущей инфляции и возможности получения огромных прибылей путем спекуляции внутри Японии требовались специальные меры для побуждения японских предпринимателей (и американских предпринимателей в Японии) к экспорту².

Другим побудительным мотивом для экспорта была деятельность специального фонда внешней торговли («Foreign trade fund special account»), находившегося в руках «управления внешней торговли» («бозэитё»), которое в свою очередь контролируется американскими властями. Фонд этот был не чем иным, как органом кредитования и субсидирования внешнеторговых компаний японских монополистов.

¹ «Курс» американского доллара по отношению к иене, соблюдавшийся при сделках с основными экспортными и импортными товарами (иен за 1 доллар)*:

Экспортные товары (на сентябрь 1948 г.)		Импортные товары (на август 1948 г.)	
Хлопчатобумажные ткани . .	149	Фосфориты	35
Электромоторы	160	Шерсть	43
Ткацкие станки	298	Зерно	54
Шелк-сырец	376	Хлопок-сырец американ- ский	77
Шелковая ткань „крепдешин“	377	Сырой каучук	212
Швейные машины	422	Железная руда	117
Суперфосфат	451	Пшеничная мука	136
Велосипеды	536	Бокситы	147
Оконное стекло	668	Сахар	228
Цинк	690	Тяжелые масла	387
		Красители	408

* «Monthly circular», октябрь 1949 г.

² Вот что писала по этому поводу в сообщении своего японского корреспондента газета «Нью-Йорк таймс» (29 августа 1948 г.): «Здесь товары, предназначенные для внешних рынков, где-то „исчезают“... Главная трудность возникает вследствие того, что местный рынок предлагает гораздо более высокие цены в иенах, чем те, которые оккупационные власти и управление внешней торговли платят экспортерам. Многие промышленники предпочитают скорее продавать здесь, нежели за границей! Во-первых, они продают по более высоким ценам, может быть, потому, что могут продавать часть своей продукции на черном рынке. Во-вторых, они получают деньги немедленно. Управление внешней торговли запаздывает с платежами... Отсрочки в оформлении необходимых документов отчасти объясняются тем, что обменные курсы, назначаемые управлением внешней торговли, столь низки, что отправители продолжают торговаться по поводу обменного курса до самой последней минуты. Назначае-

Доходная часть баланса фонда складывалась главным образом из сумм, получавшихся от продажи импортированных товаров на внутреннем рынке и возвращавшихся внешнеторговыми компаниями кредитов. Его расходная часть — главным образом кредиты внешнеторговым компаниям, суммы, потраченные на покупку товаров для экспорта и субсидии экспортерам.

Несмотря на то, что импорт Японии за последние годы в несколько раз превышал экспорт, фонд приносил государству постоянные убытки, о чем можно судить по данным табл. 56.

Т а б л и ц а 56

Превышение расходов над доходами фонда внешней торговли *

Статьи	1946 г.	1947 г.	1948 г.
Доходы	611	23 639	73 841
Расходы	3797	32 188	126 009
Превышение расходов над доходами	3186	8 549	52 108

* „Monthly circular“, октябрь 1949 г.

Эти громадные убытки покрывались государственными субсидиями, по преимуществу через кредиты Японского банка, что являлось одной из причин инфляционного роста суммы банкнот в обращении¹.

мые обменные курсы постоянно слишком низки, чтобы сделать внешнюю торговлю привлекательной, и ходит много слухов о том, что экспортеры стараются найти средство, чтобы убедить служащих управления повысить курсы... Готовые ткани, предназначенные для экспорта, исчезают с ткацких и красильных предприятий. Имело место несколько случаев, когда японские бизнесмены, которые разбираются в торговле текстилем не хуже кого бы то ни было, упаковывали изделия из шелка, не просушив его как следует, в результате чего отправляемые партии товаров покрывались плесенью и становились негодными для экспорта. В одном случае дело касалось партии шелка в 8 млн. ярдов!».

¹ «Oriental Economist», 17 июля 1948 г. Дефицит фонда образовывался вследствие того, что кредитовые фондом полугосударственные внешнеторговые корпорации не возвращали отпущенных им кредитов. Из 37,5 млрд. иен кредитов, отпущенных в 1947 г., возвращено было лишь 19 млрд. иен, а 18,5 млрд. иен остались за торговой корпорацией по текстилю (14,2 млрд. иен) и тремя другими торговыми корпорациями. Но все эти торговые корпорации представляют собой не что иное, как объединение монополистических компаний дзайбацу и иных торговых компаний.

Таким образом, даже небольшой по сравнению с довоенным размер японского экспорта поддерживался с помощью косвенных и прямых правительственных субсидий экспортерам.

Что касается сравнительно высокого «курса» иены по отношению к импортным товарам, то необходимо прежде всего указать на то, что этот «курс» совершенно не влиял ни на прибыли американских экспортеров, продававших товары для Японии, ни на перспективы возврата Японией США кредитов. Последние записываются за Японией не в иенах, а в долларах по ценам, диктуемым оккупационными властями, причем эти цены во многих случаях выше мировых цен (особенно в связи с дороговизной фрахта) ¹.

До конца 1948 г. основным покупателем импортируемых товаров являлось государственное «управление внешней торговли».

Высокий «курс» иены при сделках с импортными товарами означал лишь, что купленные за полную цену у США товары японское правительство продавало японским и американским монополистам в Японии за полцены, а разницу покрывало за счет народных масс. Формальным «оправданием» такой политики было то, что она необходима для поддержания официальных сравнительно низких цен на внутреннем рынке. Но в том-то и дело, что крупнейшая часть импортировавшихся товаров доходила до потребителей не по официальным ценам, а через спекулянтов по ценам черного рынка.

Примером может служить положение с нефтью и нефтепродуктами. При исчислении стоимости импортируемой из США нефти и нефтепродуктов был установлен «курс» 200 иен = 1 доллару. Официальные цены на внутреннем рынке были значительно выше цен, по которым нефть и нефтепродукты закупались у США. Соответствующее соотношение «курса» при учете внутренних официальных цен — 270 иен = 1 доллар. Но на черном рынке цены на нефтепродукты столь высоки, что эти продукты фактически продавались по «курсу» 1000 иен = 1 доллар.

¹ Соль, стоящая в средиземноморских портах 3 долл. за тонну, доставляется в Японию по 14 долл. Фосфорные удобрения, стоящие в США 7 долл. за тонну, обходятся Японии 23 долл. («Fortune», апрель 1949 г.). Соевые бобы американцы продавали Японии по 107 долл. за тонну, когда мировая цена была 101 долл. («Oriental Economist», 10 сентября 1949 г.) Американский рис стоит с доставкой в японский порт 220 долл. за тонну, а лучший по качеству рис из Таиланда — 177 долл. Высший сорт японского угля стоит 15 долл. за тонну, китайский уголь 11 долл., а американский уголь, доставляемый в Японию, — 23 долл. («Известия» 30 мая 1950 г.).

Государственные субсидии после войны *

Статья	1946 г.		1947 г.		1948 г.		1949 г.	
	млн. иен	%	млн. иен	%	млн. иен	%	млн. иен	%
Для поддержания уровня цен . .	—	—	23 225	43,8	62 500	45,7	202 200	75,1
В том числе								
Основные виды товаров **	—	—	16 311	31,1	50 761	37,2	115 200	2,6
Импортные товары	—	—	—	—	—	—	83 300	31,0
Прочие	—	—	6 914	13,1	11 739	8,5	3 700	1,5
Расходы на административную поддержку уровня цен и контролю над товарами . . .	—	—	2 440	4,5	7 922	5,7	6 014	2,2
Поддержание цен на каменный уголь	3 786	23,5	—	—	—	—	—	—
Поддержание цен на продовольствие	6 531	40,6	(5 542)***	(10,5)	—	—	—	—
Контрольная ассоциация по судоходству	1 568	9,7	3 310	7,3	6 500	4,7	6 266	2,3
Субсидии государственным предприятиям . . .	—	—	16 415	31,1	41 352	30,4	12 916	4,8
Правительственные Кредитные институты . . .	4 220	26,2	7 124	13,3	18 573	13,5	41 852	15,6
В том числе								
Банк финансирования реконструкции	4 000	24,0	6 000	11,4	18 000	13,1	30 000	11,1
Всего (А)	16 155	100,0	52 514	100,0	136 847	100,0	269 248	100,0
Весь бюджет (Б) .	119 087		214 256		473 145		704 667	
Отношение А к Б в %	13,4		24,5		28,9		43,8	

* „Monthly circular“, октябрь 1949 г.

** Специальные сорта каменного угля, чугун и сталь, цветные металлы, удобрения, сода. На эти товары приходилось в 1947 г. 70,2% всех субсидий по статье „для поддержания уровня цен“, в 1948 г.—81,6%, а в 1949 г.—56,9%. На созданный в 1949 г. фонд субсидирования импорта приходилось 41,2% всех сумм по указанной статье.

*** Включено в рубрику „для поддержания цен“.

Но поскольку значительные массы товаров (импортных и внутреннего производства)—сырья и полуфабрикатов—продавались по официальным ценам, правительство обеспечивало высокие прибыли при соблюдении этих цен тем же способом, который широко применялся во время войны—с помощью государственных бюджетных субсидий.

Для характеристики послевоенной политики субсидий приведем соответствующие цифровые данные (табл. 57 и 58).

Таблица 58

Распределение субсидий по рубрике „для поддержания уровня цен“ *

Статья	1947 г.		1948 г.		1949 г. (план)	
	млн. иен	%	млн. иен	%	млн. иен	%
Основные виды товаров **	16 310	70,3	50 761	81,6	(15 000) 100 200 } ***	56,9
Импортные товары	—	—	—	—	83 300	41,3
В том числе						
Продовольствие и фураж	—	—	—	—	44 585	22,0
Удобрения	—	—	—	—	15 960	7,8
Прочие	6 915	29,7	11 739	18,4	3 700	1,8
Общий итог	23 225	100,0	62 208	100,0	(15 000) 202 200 } ***	(7,4) 100,0

* „Monthly circular“, октябрь 1949 г.

** См. примечание ** к предыдущей таблице.

*** В скобках суммы, перенесенные с предыдущего года.

Данные таблицы показательны во многих отношениях. Во-первых, из них явствует, что государственные субсидии, которые отпускались различным монополистическим компаниям, занимали после войны громадное место в расходах государственного бюджета—более четверти в 1948 г. и более двух пятых в 1949 г. Во-вторых, наибольшая доля субсидий расходуется по статье «основные виды товаров», т. е. для обеспечения низких цен на чугун, сталь, специальные сорта каменного угля и другие виды сырья и полуфабрикатов для тяжелой промышленности¹. В-третьих, мы видим, что в течение

¹ Субсидии на удобрения занимали в 1947 г.—7,8%, в 1948 г.—16,3%, в 1949 г.—10,1% от общей суммы расходов по этой статье. О том, какую важную роль играли для промышленников субсидии, можно

1947—1948 гг. специальные прямые субсидии для понижения внутренних цен на импортные товары (т. е. по преимуществу на продовольствие) из государственного бюджета не отпускались. Косвенные субсидии для этой цели, как мы видели, отпускались через внебюджетный «специальный фонд внешней торговли».

Такова была сложная и громоздкая система оккупационного и правительственного контроля над внешней и внутренней торговлей, над уровнем цен, который сводился к обеспечению с помощью государственных субсидий и кредитов дополнительных прибылей для спекулянтов. Этот контроль не привел к ликвидации инфляционного роста цен, к ликвидации экономического хаоса. Напомним о том, что за 1948 г. индекс промышленного производства в Японии, принимая за 100 1937 г., составил всего 52.

В конце 1948 — начале 1949 г. представители американского империализма пришли к заключению о том, что прежняя экономическая политика недостаточна для выполнения очередных задач по экономическому закабалению Японии, и прежде всего, для сбалансирования внешней торговли, для поднятия экспорта, без чего нет перспективы на покрытие Японией ее долгов США.

15 апреля 1949 г. Додж выступил с заявлением о том, что две «подпорки», на которые опиралась до того времени японская экономика (американские кредиты, т. е. «долларовые фонды», и государственные субсидии, т. е. «иеновые фонды»), «слишком длинны» и для создания устойчивости японской экономики их следует укоротить. Додж не поскупился на демагогическую критику положения, при котором громадная часть налогов, собираемых со всего населения, переходит в виде субсидий в карманы немногих, и когда суммы, выручаемые от продажи товаров, полученных по американским кредитам, расходуются в виде субсидий японскими правительственными органами (т. е. речь шла о практике «специального фонда внешней торговли»).

В соответствии с предложениями Доджа — Шоупа, в течение 1949 г. система экономического контроля была резко изменена в сторону дальнейшего усиления контролирующей силы оккупационного командования, используемой для осуществления программы капиталистической «рационализации»:

судить по следующим данным: удельный вес субсидий в ценах товаров, уплачивавшихся производителям полугосударственными закупочными компаниями, составлял по специальным сортам угля — 80,1%, чугуна и стальным материалам — 72,7%; меди — 43,6%, сое-аш — 43,0%, сульфат-аммию — 45,8%, кальций-цианамиду — 55,7%, суперфосфату — 55,6% («Monthly circular», октябрь 1949 г.).

1. Была ликвидирована система «скользящей шкалы» и с февраля 1949 г. введен *единый валютный курс*. Валютный курс был установлен в размере 1 доллар = 360 иен, т. е. был закреплён тот чрезвычайно низкий курс иены, до которого она упала в результате американского хозяйничанья.

Одновременно был ликвидирован «специальный фонд внешней торговли», и, таким образом, японские правительственные органы оказались полностью лишены возможностей прямого и косвенного (через низкий «курс» иены при экспортных сделках) субсидирования экспорта.

Было открыто объявлено, что эти меры должны привести к закрытию нерентабельных предприятий, что возможность производства на экспорт сохраняется только за предприятиями крупных компаний, которые будут работать без государственных субсидий при новом валютном курсе.

Казалось бы, что такие мероприятия должны вызвать снижение, а не увеличение экспорта; однако они были дополнены рядом других мер, поведших к ухудшению положения трудящихся, уменьшению емкости внутреннего рынка товаров широкого потребления и вместе с тем — к стремлению японской буржуазии усилить экспорт.

2. *Государственный бюджет* был подвергнут пересмотру с целью: а) максимального сокращения расходов, особенно субсидий государственным предприятиям на основе сокращения числа рабочих и служащих и повышения цен за услуги государственных предприятий¹; б) увеличения налогового обложения трудящихся и мелкой буржуазии.

Вместе с тем в расходной части бюджета 1949 г. появилась новая крупная статья — субсидирование импорта — 83 млрд. иен, из которых 53% предназначалось на субсидирование импорта продовольствия, а остальные 47% — на субсидирование импорта сырья и полуфабрикатов.

Центр тяжести политики субсидирования был перенесен с экспорта на импорт. На основе сокращения (с помощью налогов и пр.) покупательной способности трудящихся масс для монополистов обеспечиваются низкие цены на импортируемое сырье и полуфабрикаты, что должно было в конечном счете способствовать удешевлению экспортных товаров и росту экспорта.

Из данных, приведенных в табл. 57, мы видим, что по бюджету 1949 г. субсидии по рубрике «Основные виды товаров» увеличивались по сравнению с предыдущим годом вдвое.

¹ На 60% были повышены тарифы на железных дорогах, на 45% — на предприятиях связи, одновременно было произведено массовое увольнение рабочих и служащих на этих предприятиях и полностью отменены государственные субсидии.

Такой большой рост был связан только с тем, что авторы бюджета рассчитывали на еще больший рост производства в том же году. Но вообще говоря, был взят курс на постепенную ликвидацию этих субсидий и полную отмену контроля над ценами, что, так же как и отмена экспортных субсидий, должно было привести и действительно привело к закрытию мелких предприятий¹.

Генеральный секретарь коммунистической партии Японии Кюити Токуда на XVIII расширенном пленуме ЦК КПЯ в январе 1950 г. следующим образом охарактеризовал создавшееся в связи с этой политикой положение:

«Отмена контроля над экономикой,— заявил он,— принесла громадные прибыли монополистическому капиталу и привела национальный капитал, мелких и средних капиталистов на грань банкротства. Так, цены на специальный уголь и уголь высшего качества, добыча которого монополизирована такими крупными монополистическими компаниями, как Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Фурукава и т. п., повышены на 400—700 иен за тонну по сравнению с ценами государственной корпорации, тогда как цена на уголь низшего качества сократилась на 500—600 иен за тонну. Специальный уголь, монополизированный крупными капиталистами, продается крупным компаниям, с которыми эти капиталисты имеют особые связи. Поэтому местные предприятия газовой промышленности, металлургическая и химическая промышленность испытывают недостаток в специальном угле, тогда как мелкие угольные шахты, которые добывают уголь низшего качества, страдают от накопления запасов. Вследствие такого положения после отмены контроля добыча угля компаниями дзайбацу увеличилась, тогда как добыча угля на мелких и средних шахтах быстро снизилась, и на конец сентября они давали только около 60—70% количества, добывавшегося до снятия контроля. Их положение ухудшается с каждым днем. В то время как угольные шахты компаний дзайбацу получают от 1000 до 2000 иен прибылей за тонну угля с помощью интенсификации труда, мелкие и средние шахтовладельцы разоряются.

Несмотря на то, что национальные капиталисты, владельцы мелких и средних предприятий разоряются из-за денежных затруднений, банки, в том числе крупнейшие банки Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и др., получают громадные при-

¹ В каменноугольной промышленности после произведенной 15 сентября 1949 г. отмены контроля в течение 3-х недель было учтено закрытие 23 мелких шахт (всего с 1677 рабочих). Приведя эти данные, «Ориентал экономист» (4 февраля 1950 г.) указывает на то, что фактическое число закрывшихся мелких шахт гораздо больше.

были, достигающие с учетом изъятия сверхприбылей 60 %, причем эти прибыли увеличиваются с каждым кварталом. Норма прибыли с апреля по сентябрь 1949 г. увеличилась на 20 % по сравнению с нормой прибыли за соответствующий период 1948 г.»¹.

На 1950—1951 гг. было, впервые после войны, намечено сокращение размера государственного бюджета — с 705 млрд. до 661 млрд. иен. По этому поводу Токуда заявил: «Хотя внешне государственный бюджет сокращен приблизительно на 40 млрд. иен, однако это сокращение идет за счет значительного уменьшения фондов на регулирование цен. Как уже было сказано, это приводит к увеличению налогового бремени для тех, у кого уменьшилась производственная прибыль, для тех, кто разоряется. В этом сказывается пагубное влияние отмены контроля»².

Сокращение государственных расходов было произведено не за счет оккупационных расходов³, расходов на полицию и т. п., а на основе массовых увольнений рабочих и служащих с государственных предприятий (что ведет к росту безработицы — см. главу IX) и за счет сокращения фондов по поддержанию цен на товары внутреннего производства, что приводит к разорению мелких и средних предпринимателей, к понижению реальной заработной платы трудящихся.

Этот же результат достигается и на основе налоговой политики, проводимой согласно пункту 2 «программы стабилизации» («усиление налогообложения»).

В связи с резким сокращением выпуска государственных займов в послевоенных бюджетах Японии на налоги приходится неслыханно высокая доля государственных доходов. Если в бюджетах военного времени на долю налогов приходилось 13—15 % всех доходов, то в 1946 г. — 26,8 %, в 1947 г. — 60,1 %, в 1948 г. — 73,1 %, в 1949 г. — 73,0 % (проект) и в 1950 г. (предварительный проект) — 67,2 %⁴.

Возросла доля налогов в национальном доходе⁵, и при этом резко возросли прямые и особенно косвенные налоги на

¹ «Правда», 15 апреля 1950 г.

² Там же.

³ Оккупационные расходы Японии по годам составляли (в млрд. иен): 1946 г. — 39,6, 1947 г. — 67,9, 1948 г. — 113,5, 1949 г. — 130,0 (план) («Дзидзи нэнкан», 1948, «Monthly circular», июнь 1949 г.).

⁴ Японский бюджетный год — 1 апреля — 31 марта.

⁵ Доля налогов в национальном доходе Японии, по официальным данным, составляла: 1937 г. — 12,2 %, 1946 г. — 10,3 %, 1947 г. — 18,0 %, 1948 г. — 20,1 %, 1949 г. (государственные и местные налоги) — 26,7 % («Oriental Economist», 12 февраля 1949 г., «Journal of Finance and Commerce», 15 мая 1949 г.).

трудящихся¹. Среди прямых налогов особенно сильно вырос подоходный налог на лиц, имеющих низкие доходы, т. е. на трудящихся (табл. 59).

Т а б л и ц а 59

Ставки подоходного налога в 1935 и 1949 гг. (для 1949 г. пересчитано по индексу цен) *

Доходы в год, иен	Ставки в 1935 г. (%)	Ставки в 1949 г. (%)
1 000	0	35,3
1 500	1,1	42,4
5 000	3,5	60,7
10 000	5,5	68,8
50 000	15,4 (1930 г.)	77,9

* „Oriental Economist“, 30 июля 1949 г.

В связи с распространением подоходного налога на лиц с наименьшими доходами удельный вес суммы, взимаемой с лиц наемного труда, в общей сумме подоходного налога увеличился с 8,0% в 1940 г. до 40,4% в 1947 г.²

Американская налоговая «миссия Шоупа» пришла к заключению, что ради привлечения иностранного капитала в Японию необходимо резкое сокращение налогов на крупное предпринимательство, так как ставки этих налогов якобы столь высоки, что они «носят конфискационный характер».

Общая сумма налогов увеличилась с 346,3 млрд. иен в 1948 г. до 514,6 млрд. иен в 1949 г. — первом году действия американской «программы стабилизации». При этом сумма налогов на душу населения увеличивалась с 6150 иен в 1948 г. до 9540 иен в 1949 г. На 1950 г. предварительно намечалось понижение налогов до 445 млрд. иен, т. е. на 70 млрд. иен по сравнению с предыдущим годом. Это уменьшение налогов приходилось целиком и полностью на крупную буржуазию. Уменьшение производится путем упразднения «корпоративного налога», «налога на чрезвычайные прибыли» и «ликвидационного налога»³, т. е. налогов на крупные компании и

¹ По данным японской печати, если в годы войны отношение прямых налогов к косвенным составляло 7:3, то после войны оно равно 5:5 («Oriental Economist», 17 сентября 1949 г.).

² «Nippon Times», 27 мая 1949 г.

³ «Ликвидационный налог» — налог, взимаемый при ликвидации дел закрываемого предприятия.

предприятия. Что касается подоходного налога, то, по рекомендации «миссии Шоупа», норма обложения лиц, имеющих до 250 тыс. иен дохода в год, осталась приблизительно такой же, как раньше (от 20 до 55%). В то же время максимальная ставка подоходного налога на лиц, имеющих свыше 250 тыс. иен дохода, снижена с 85 до 55%. Таким образом, и в данном случае речь идет о снижении налога на крупную буржуазию.

Однако даже и это весьма значительное снижение налогов на крупное предпринимательство не удовлетворило иностранных монополистов в Японии. В Токио был создан специальный «комитет по вопросам налогообложения», куда вошли представители американских, английских и других предпринимателей в Японии. Комитет, в котором главную роль играют представители американских монополистов, выступил с неслыханно наглым требованием о том, чтобы для иностранного предпринимательства был введен особый, льготный тариф налогообложения. 13 апреля 1950 г. министр финансов Японии Икэда заявил, что японское правительство принимает это требование, что ставка подоходного налога на иностранных предпринимателей, имеющих наибольшие доходы (подлежащие обложению по максимальной ставке — 55%) понижается вдвое и что в дальнейшем будут понижены также ставки на средних и мелких иностранных предпринимателей.

3. Был создан внебюджетный «эквивалентный фонд» («counterpart fund»), который должен был заменить собой ликвидированные правительственные «специальный фонд внешней торговли» и «банк финансирования реконструкции». Новый фонд с капиталом в 175 млрд. иен пополняется за счет средств, выручаемых от продажи в Японии американских товаров, которые получают по кредитам GARIOA и EROA, и находится целиком под контролем штаба оккупационного командования. Фонд этот создан во исполнение требования Доджа о ликвидации практики государственного субсидирования за счет сумм, получаемых от продажи американских товаров. С созданием «эквивалентного фонда» японское правительство почти полностью отстранено от распоряжения этими суммами. Таким образом, мало того, что с каждым годом растут размеры долларового долга Японии США, кредиты используются оккупантами для того, чтобы контролировать расходование сумм, получаемых в результате продажи кредитованных товаров внутри Японии.

Назначение «эквивалентного фонда» заключается в долгосрочном кредитовании полугосударственных и частных монополистических компаний и предприятий. Из 66,5 млрд. иен кредитов, отпущенных фондом в 1949 г., 38,9 млрд. ушло на

выкуп долговых обязательств закрытого «банка финансирования реконструкции», 13,9 млрд. иен — на займы государственным железным дорогам и 5,4 млрд. иен — на займы частным предприятиям. На 1950 г. намечалось расходование фондом: 40 млрд. иен — на кредиты государственным предприятиям; 50 млрд. иен — на выкуп государственных долговых обязательств и 40 млрд. иен на кредиты частным предприятиям¹.

Фонд, таким образом, по преимуществу кредитует государственные (точнее — полугосударственные) предприятия и компании, которые в послевоенной Японии реорганизуются и возрождаются под контролем американских властей.

С окончанием войны и прекращением военных поставок «контрольные органы» в их прежнем виде уже были не нужны дзайбацу, для которых главной сферой предпринимательства стала спекуляция на черном рынке. Американские власти со своей стороны также не были заинтересованы в сохранении в руках дзайбацу столь мощных органов экономического контроля. Место распущенных компаний и ассоциаций начали занимать новые картельные организации, находящиеся под контролем американских властей, так называемые «кодан» — «правительственные корпорации».

К сентябрю 1948 г. имелось 15 «кодан» — компаний, занятых торговлей дефицитным сырьем, товарами и пищевыми продуктами. «Кодан» финансировались «банком финансирования реконструкции», а после его ликвидации — «эквивалентным фондом». «Кодан» являются монопольными объединениями по скупке товаров у отдельных предпринимателей, компаний и различных промышленных и сельскохозяйственных объединений. «Кодан», имеющая дело с удобрениями, продает через связанные с ней сельскохозяйственные ассоциации 80% всех производимых в стране удобрений. «Кодан» в судоходстве владеет четвертью всех судов торгового флота, приобретенных ею на средства, полученные от государства (70%) и собранные путем продажи ценных бумаг судовладельцам (30%). Другие «кодан» занимаются распределением государственных субсидий, являются поставщиками товаров для экспорта по распоряжениям американских и японских властей и т. п.²

Упоминавшаяся выше брошюра Секретариата ЦК компартии Японии характеризует «кодан» как «объединение представителей бюрократии и концернов». Брошюра приводит пример с «кодан» по удобрениям, в котором ключевые должности за-

¹ «Oriental Economist», 4 февраля 1950 г.

² Там же, 4 сентября 1948 г.

нимают представители концерна Мори и бывшие члены правления распушенной «Японской компании по производству удобрий».

В своем запросе правительству, сделанном в парламенте 27 января 1950 г., коммунистический депутат Носака показал, что все средства государственно-монополистического контроля над экономикой во все возрастающей степени переходят из рук японского правительства в руки американского оккупационного командования. «Эквивалентный фонд», расходование средств, отпускаемых по государственному бюджету, на покрытие иностранных займов, расходование валютных фондов находятся вне контроля не только парламента, но и правительства. Деятельность «Совета по установлению политики Японского банка», «Комиссии по ликвидации держательских компаний» и разных других правительственных органов, ведающих вопросами экономики, полностью подчинена иностранному капиталу. На этом основании коммунистическая партия Японии заявила о том, что под контролем иностранного капитала находится более четырех пятых всей японской экономики.

4. В «антитрестовское» законодательство в соответствии с требованиями американских монополистических миссий были внесены изменения, в результате которых его значение еще более упало. Изменения эти шли по линии *полного восстановления легальности всех средств монополистического контроля.*

10-я статья IV главы «антитрестовского закона», принятого в апреле 1947 г., ограничивала права всех компаний, кроме банковских, на владение ценными бумагами, принадлежащими другим компаниям. В мае 1949 г. эта статья изменена таким образом, что указанные ограничения не относятся к компаниям, связанным между собой в прошлом производственными, торговыми и кредитными отношениями. Но такого рода решение означает законодательное признание за дзайбацу права сохранить прежние отношения между их компаниями.

Далее, пересмотрена 12-я статья IV главы закона, запрещающая компаниям владеть акциями других компаний в размере свыше 25% капитала последних.

По прежнему закону, якобы с целью «сохранения возможностей для конкуренции», запрещалось взаимное владение акциями однородных по характеру деятельности компаний как компаний «взаимно конкурирующих». По новому же закону полностью сняты все ограничения во взаимном владении для «потенциально конкурирующих компаний» и сохранены ограничения лишь для «открыто конкурирующих компаний». При этом введено настолько растяжимое и бессодержательное

определение слова «конкуренция», что первоначальные ограничения закона вообще можно считать упраздненными¹.

Наконец, в законе статья, требующая специального разрешения на капиталовложения иностранцами, заменена статьей, требующей лишь уведомления о соответствующих соглашениях между японскими и иностранными компаниями.

На основании этого последнего изменения вся японская реакционная печать объявила, что целью всех изменений в «антитрестовском законе» было якобы стремление «привлечь иностранный капитал». Но в действительности лишь отмена той статьи закона, которая требовала разрешения на заключение договоров с иностранными компаниями, может рассматриваться как мера, направленная к усилению притока иностранного капитала.

Разумеется, американским монополистам, так же как и японским, не по нутру были и все другие ныне отмененные ограничительные статьи «антитрестовского закона», как бы незначительны ни были предусматриваемые ими ограничения. Однако главная причина пересмотра вышеуказанного закона заключается совсем в другом: *дзайбацу, вкупе с американскими властями, воспользовались ими же выдвинутым реакционным тезисом о «необходимости притока иностранного капитала с целью восстановить японское хозяйство», чтобы полностью похоронить все «антитрестовское» законодательство еще до того, как были сделаны хоть какие-нибудь серьезные шаги к его реализации.*

Осуществление «программы стабилизации» привело к усилению кабальной зависимости японской экономики от американского монополистического капитала. О последствиях государственно-монополистического контроля американского империализма над японской экономикой можно судить по характеру первых «договоров о сотрудничестве» японских монополий с американскими, сведения о которых проникли в печать.

По сообщению газеты «Асахи» от 14 марта 1949 г., японская нефтяная компания «Ниппон» заключила сроком на 10 лет договор с американской нефтяной компанией «Калифорния Тексас ойл» («Калтекс»). По этому контракту «Калтекс» получает монополию на управление всей деятельностью

¹ К тому же, если по поводу толкования закона возникают какие-нибудь разногласия, то окончательное решение выносится главным судьей верховного суда Мибути, который 14 лет служил главным юристом в трест-компании Мицуи.

«Ниппон». Американская компания приобретает половину оборудования японской компании, в том числе земельные участки, нефтеочистительные заводы, цистерны и др., а также получает право на половину прибылей в обмен на поставку сырой нефти и предоставление технической консультации. Американская нефтяная компания «Стандарт вакуум ойл» скупает по довоенным ценам 51 % акций японской компании «Тоа» и арендует у последней нефтеочистительный завод в Вакаяма в обмен на поставку сырой нефти и предоставляет заем в 20 млн. иен (около 70 тыс. долл.). Та же газета писала, что эти контракты имеют особо важное значение, поскольку они «создают хорошие прецеденты для целого ряда соглашений о новых иностранных капиталовложениях».

После заключения вышеуказанных и некоторых других контрактов с американскими нефтяными компаниями почти вся японская нефтепромышленность попала под американский контроль.

Компания «Томоэ-машиностроительная» заключила договор о «совместном предпринимательстве» с американской машиностроительной компанией «Сентрифугас». Согласно этому договору, «Томоэ» предоставляет «Сентрифугас»: а) половину чистой прибыли, полученной в результате продажи центрифуг «Шарплз», производимых на ее предприятиях в Японии; б) право полного технического контроля над производством указанных центрифуг, право на все новые патенты, связанные с усовершенствованиями этого производства, и т. п.

Что же предоставляет компания «Сентрифугас» взамен? Ничего, кроме права производить центрифуги «Шарплз» и продавать их внутри Японии и вне ее, а также техническую информацию и консультацию.

Компания электрических железных дорог «Фудзи санроку» заключила с американской экспортно-импортной компанией «Эссекс» договор о «совместном предпринимательстве» в области туризма в районе горы Фудзияма. Согласно этому договору, «Эссекс» получает право на участие в развитии туризма и получение части доходов от него. Это право «Эссекс» приобрела за то, что она продала в кредит японской компании 2 тыс. камер и покрывал для автобусов, курсирующих в указанном районе.

«Японская компания по производству легких металлов» («Нихон кэйкиндзоку») заключила договор о «совместном предпринимательстве» с американской компанией «Рейнордс». Согласно договору, «Рейнордс» получает 50 % акций «Нихон кэйкиндзоку» в обмен на обязательство продавать японской компании за наличный расчет или в краткосрочный кредит

бокситы, а также предоставлять техническую информацию и консультацию¹

Как указывает профессор К. Попов, «опираясь на поддержку штаба Макартура, американские дельцы успешно скупают акции японских предприятий и компаний. При этом они предъявляют весьма жесткие условия, требуя свыше 50% акций в новых предприятиях (например, американская компания несгораемых касс добилась даже получения 70% акций), непосредственного участия в руководстве, значительной доли прибылей, специальной оплаты за предоставление новых патентов, а также любого рода „услуг“. Но и удовлетворение этих наглых требований не может, оказывается, насытить аппетиты американских хищников. Например, две американские компании получили право под своей маркой сбывать на внешних рынках алюминий и шарикоподшипники, изготавливающиеся в Японии»².

Подготавливается передача под контроль американских монополий и других ключевых отраслей экономики Японии.

Предполагается продажа железных дорог, купленных правительством у частных лиц во время войны. Расходы государства на содержание этих дорог приблизительно в три раза превышают покупную цену. Продажа железных дорог по прежней цене будет означать продажу намного дешевле их реальной стоимости. В счет платежей за железные дороги правительство намерено принимать облигации государственных займов. Предполагается, что позднее в эти железные дороги будет вложен иностранный капитал и они, таким образом, попадут под господство иностранных монополистов

В начале 1949 г. правительство Йосида официально заявило о своем намерении продать в частную собственность табачную монополию. «Мы постараемся,— заявил Йосида 1 июня 1949 г.,— продать столько государственного имущества, сколько будет возможно».

Во всех этих уже проведенных или намечаемых мероприятиях по захвату японской экономики американскими монополиями обращает на себя внимание одна чрезвычайно важная особенность: американские монополии захватывают японскую промышленность и другие отрасли народного хозяйства Японии, не производя долгосрочных инвестиций в виде нового оборудования. Судя по первым сообщениям, американские инвестиции являются весьма краткосрочными. Уже первый американский частный заем в 60 млн. долл. (1948 г.) для закупки хлопка в США был в этом отношении весьма показа-

¹ «Journal of Finance and Commerce», 15 февраля 1949 г.

² «Известия», 26 мая 1950 г.

телен: Япония была обязана экспортировать 60% текстильных изделий, произведенных из отпущенного в кредит хлопка, и немедленно вносить валютную выручку в американские банки для погашения кредитов. «Обязательства» американских нефтяных монополий в отношении японских заключаются по преимуществу в том, что первые будут продавать вторым сырую нефть за наличные или предоставляя небольшие краткосрочные займы. Взамен же, как мы видели выше, американские монополисты получают право полного контроля над японской нефтепромышленностью и на половину, или на большую часть ее прибылей. Все это имеет мало общего с обычными долгосрочными капиталовложениями.

Такой открытый грабеж возможен только на основе империалистического оккупационного режима, на основе всех вышеописанных мер, в результате которых американские власти, доведя японскую экономику до чрезвычайно тяжелого состояния, сосредоточили в своих руках мощные средства давления на японских предпринимателей и поставили их в зависимость от себя.

* * *

Советский Союз на протяжении всего послевоенного периода ведет неустанную борьбу против «маршаллизации» Японии, против сохранения в Японии социальных основ реакции, за независимое, демократическое развитие японского народного хозяйства. По инициативе советского представителя в большинство решений ДВК были включены рекомендации, требующие демократизации трудового законодательства и поощрения деятельности прогрессивных профессиональных и кооперативных организаций трудящихся, демилитаризации японской экономики и ликвидации дзайбацу, развития японской внешней торговли в масштабах, необходимых для удовлетворения потребностей ее мирной экономики и выплаты репараций.

Советские представители в ДВК и Союзном Совете неоднократно выступали с резкой критикой политики оккупационных властей, направленной против решений ДВК, к лишению Японии ее экономической независимости, и выдвигали предложения, имеющие целью ускорить восстановление японского народного хозяйства и обеспечить его независимость. Так например, при обсуждении 16 октября 1946 г. в Союзном Совете вопроса о политике в отношении владения угольными шахтами и субсидирования добычи угля, советский представитель генерал Деревянко показал, что коренная причина резкого отставания каменноугольной промышленности от довоенного уровня заключается в том, что три четверти всех

каменноугольных шахт принадлежат дзайбацу, которые саботируют развитие добычи. Другие важные причины заключаются в низком уровне заработной платы рабочих, в недостатке рабочей силы, в дефиците материалов и т. п. Генерал Деревянко внес предложение о национализации всей каменноугольной промышленности; при этом он предлагал шахты, принадлежащие дзайбацу, национализировать безвозмездно, а остальные — с выплатой владельцам в течение определенного срока справедливой компенсации¹.

14 мая 1947 г. на заседании Союзного Совета советский представитель заявил, что «вопрос о стабилизации цен и заработной платы нельзя рассматривать в отрыве от общего вопроса о современном состоянии экономики Японии и причин того экономического тупика, в котором находится Япония в настоящее время»². Констатируя чрезвычайно тяжелое состояние японского хозяйства, генерал Деревянко подчеркнул, что «за истекший с момента капитуляции Японии период почти никаких серьезных мер к восстановлению хозяйства страны, к улучшению ее экономического положения и к разрешению острых назревших экономических проблем не принимается». В частности, советский представитель указал на то, что «монополистические тресты дзайбацу, которые стремятся только к повышению прибылей за счет потребителей, до сих пор не ликвидированы... Крупные монополистические компании попрежнему сохраняют свою экономическую власть и господствующее положение в промышленности и в банках, оказывая прямое влияние на политику японского правительства в своих корыстных интересах».

Генерал Деревянко напомнил о том, что оккупационным командованием оставлен без внимания ряд предложений и рекомендаций по экономическим вопросам, внесенных Союзным Советом для Японии. В частности, не было принято никаких мер к повышению реальной заработной платы и улучшению условий труда и быта рабочих, в совершенно неудовлетворительном состоянии находится проведение земельной реформы, не ведется борьба со спекуляцией и черным рынком, в результате чего продолжает нарастать инфляция, и т. д. Представитель Британской империи Макмагон Болл был вынужден согласиться с советской оценкой экономического положения Японии. «Достаточно,— сказал Болл,— обратиться к заявлениям, сделанным представителями Союзного Верховного главнокомандующего за последние несколько месяцев, чтобы понять, что экономическое положение в Японии

¹ «Правда», 20 октября 1946 г.

² «Известия», 17 мая 1947 г.

в настоящее время исключительно тяжелое. Хотя я не могу сейчас определить, в какой степени я согласен с каждым отдельным обвинением, выдвинутым сегодня генералом Дервянко, но мне кажется, что основное из сказанного им — это то, что экономическое положение в Японии сегодня слишком тяжелое. В течение 18 месяцев никаких по-настоящему эффективных мер не было принято японскими властями для того, чтобы улучшить положение... Я считаю, что было бы весьма интересно знать, является ли невыполнение планов, рекомендованных штабом Союзного Верховного главнокомандующего, результатом намеренного саботажа или бессознательной инертности».

Это выступление, как и некоторые другие выступления Макмагона Болла с критикой политики американских оккупационных властей, стоило ему его поста представителя Британской империи в Союзном Совете, откуда он был в сентябре 1947 г. отозван и заменен другим, более приемлемым для американских империалистов представителем.

На заседании Дальневосточной комиссии 23 сентября 1948 г. советский представитель посол Панюшкин выступил с чрезвычайно важным предложением по вопросу об уровне промышленного развития Японии. Советский посол заявил, что «задачей союзных государств должно являться не ограничение развития мирной промышленности Японии, а недопущение развития в Японии военной промышленности и недопущение создания условий для возрождения японского милитаризма и японской агрессии»¹. Тов. Панюшкин от имени Советского правительства предложил принять следующие решения: 1) не ограничивать восстановление и развитие японской мирной промышленности, имеющей целью удовлетворение потребностей японского населения, а также развитие экспорта в соответствии с нуждами мирной экономики Японии; 2) запретить восстановление и создание японской военной промышленности, установив на период в несколько лет контроль за исполнением этого решения со стороны государств, наиболее заинтересованных в недопущении новой японской агрессии.

«...Советское правительство,— говорил тов. Молотов 6 ноября 1948 г. в докладе, посвященном 31-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции,— настаивает на полном запрещении военной промышленности в Японии и на установлении соответствующего международного контроля, чтобы не допустить здесь восстановления военной промышленности. Но, вместе с тем, Советское правительство считает,

¹ «Правда», 25 сентября 1948 г.

что нельзя душить мирную промышленность ни в Германии, ни в Японии. Надо предоставить как германскому, так и японскому народу возможность обеспечить себя всем, что им может дать их собственная промышленность, обслуживающая мирные нужды».

Американские представители при поддержке послушного им большинства Дальневосточной комиссии отказались принять советские предложения, тем самым еще раз продемонстрировав, что их политика направлена на ремилитаризацию японской экономики и на срыв независимого развития мирной экономики Японии. Критикуя возражения американского представителя против советского предложения, тов. Панюшкин 2 декабря 1948 г. на заседании ДВК заявил: «Следует отметить, что правительство США нигде не высказывалось за неограниченное развитие мирной промышленности Японии. Для нас ясно, что определенные круги США не хотят этого, не хотят, чтобы японские товары создали конкуренцию для американских товаров. Но нельзя же ради узких интересов этих американских кругов зажать развитие японской мирной промышленности, без которой японский народ не может существовать»¹.

Отвергнув советские предложения о неограниченном развитии мирной промышленности Японии, США выдвинули рассмотренную выше «программу экономической стабилизации». Советский представитель в ДВК подверг эту программу острой критике, доказав, что она полностью противоречит всем прежним рекомендациям ДВК. «Тот факт,— заявил тов. Панюшкин,— что в директиве ни слова не говорится относительно указанной задачи проведения мероприятий, способных укрепить демократические силы в Японии, заслуживает серьезного внимания, особенно потому, что в Японии все еще продолжают существовать и занимать господствующее положение в экономике крупные концерны, помогавшие, как сказано в решении Дальневосточной комиссии от 13 мая 1946 г., осуществлению японской агрессии»².

Борьба советских представителей в послевоенных органах контроля против империалистической политики США в Японии имеет величайшее значение для мобилизации всех прогрессивных и демократических сил мира с целью срыва американской политики закабаления Японии и ее превращения в американский военный плацдарм у берегов Азии.

Борьба Советского Союза против американской империалистической политики в Японии в огромной степени содей-

¹ «Правда», 4 декабря 1948 г.

² «Известия», 29 января 1949 г.

ствуется усилению позиций японских демократических сил, которые ведут борьбу против японской и международной реакции, за демократическую и независимую Японию, за ее демилитаризацию и за прочный мир на Дальнем Востоке. Преодолевая величайшие препятствия, чинимые американской и японской реакцией, эти силы крепнут и растут с каждым годом. Им принадлежит будущее Японии, и только они могут выполнить роль могильщиков дзайбацу.

ГЛАВА IX

ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ И БОРЬБА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЯПОНИИ

Положение трудящихся

Послевоенная экономическая политика японского правительства в конечном счете сводилась к тому, чтобы переложить на плечи трудящихся классов страны всю тяжесть расходов по восстановлению экономики. В результате грабительского хозяйничанья американских оккупантов даже довоенный колониальный уровень заработной платы японских рабочих и служащих после войны превратился в недостижимый идеал.

По данным статистического бюро кабинета министров, реальная заработная плата в 1947 г. в среднем составляла 27% по отношению к среднему уровню 1934—1936 гг. В ноябре 1949 г. она достигла лишь 47% по отношению к тому же уровню¹.

Материальное положение трудящихся Японии ухудшилось не только по сравнению с довоенным временем, но даже с голодными военными годами. В своей «Белой книге» 1947 г.² правительство сообщало, что до войны потребление продовольствия в Японии составляло в среднем на душу населения 2150 калорий и 75 граммов протеина в день.

В годы войны положение изменялось, как показывает табл. 60.

Об изменении потребления после войны можно судить по данным табл. 61.

В среднем по всей стране в июле 1949 г. потреблялось ежедневно: по рациону 1259 калорий, по продуктам, купленным на черном рынке,— 210 калорий, или 34% по отношению к стоимости, затрачиваемой на покупку рационированных продуктов³.

¹ «Nippon Times», 17 апреля 1949 г.

² Там же, 16 июля 1947 г.

³ О снижении потребления жиров и белков можно составить некоторое представление по следующим данным о потреблении молока, мяса

Таблица 60

Изменения в продовольственном снабжении в годы войны
(1941—1945 гг.)

Годы	Дневное потребление в калориях на душу населения	Дневное потребление про- теина в граммах на душу населения
1941	2 105	64,7
1942	1 971	60,2
1943	1 961	60,6
1944	1 927	61,2
1945	1 793	65,3

Таблица 61

Изменения в продовольственном снабжении городского населения
после войны (1945—1949 гг.) *

Месяц и год	Норма выдачи основных видов про- довольствия (зерно- вые и картофель), го **	Действитель- ный размер выдачи, го	Количество калорий на одного человека	В том числе рис, %
Декабрь 1945	2,3	—	—	—
Май 1947.	2,5	2,025	992,6	26,63
Май 1948	2,5	2,299	1 126,4	71,20
Май 1949	2,7	2,415	1 183,4	52,89

* „Nippon Times“, 19 октября 1949 г.

** 1 го = 140 грамм.

и яиц (в день в граммах на душу населения): *

	1930—1931 гг. (средняя)	1947 г.
Молоко	11,39	7,55
Мясо	7,78	2,29
Яйца	7,76	1,51
Всего	26,91	11,35

* „Oriental Economist“, 18 сентября 1943 г.

У нас нет данных об изменении потребления рыбы, которая в Япо-
нии является главным белковым продуктом, но судя по данным об ее
улове, можно считать несомненным, что потребление рыбы по сравнению
с довоенным снизилось в полтора—два раза.

Таким образом, даже в 1949 г., после некоторого роста продовольственных норм, японское трудящееся население питалось намного хуже, чем в годы войны.

Что касается одежды, то правительственная «Белая книга», опубликованная в начале 1950 г., сообщала о том, что одеждой японское население обеспечено только на 19% по сравнению с уровнем 1934—1936 гг. Та же «Белая книга» признает, что жилищные условия в Японии продолжают оставаться весьма тяжелыми.

Тот факт, что в Японии после войны трудящиеся в массе голодают, признают даже официальные источники, не говоря об объективных исследователях и журналистах, наблюдающих положение на месте. Правительственная «Белая книга» 1947 г. приводит сравнительные данные о среднем росте и весе детей в японских школах (табл. 62).

Таблица 62

Рост и вес школьников в 1937 и 1946 гг. *

Класс	Рост, см		Вес, кг	
	1937 г.	1946 г.	1937 г.	1946 г.
1-й	110,3	107,0	18,4	17,6
2-й	116,4	111,9	20,4	19,3
3-й	120,3	116,9	22,5	21,6
4-й	125,5	121,0	24,7	23,3
5-й	130,5	125,6	27,2	25,2
6-й	134,7	129,9	29,3	27,5

* „Nippon Times“, 16 июля 1947 г.

«Развитие детей школьного возраста задерживается на один год в отношении как веса, так и роста»,— заключает «Белая книга».

Секретарь ВЦСПС М. П. Тарасов, посетивший Японию в марте — апреле 1947 г. в составе комиссии Всемирной федерации профсоюзов, пишет:

«Основное впечатление, вынесенное при посещении предприятий, сводится к тому, что человеческий труд в Японии ценится очень низко. И в том смысле, что он чрезвычайно

низко оплачивается, и в том отношении, что никакой охраны труда, никакой заботы о трудящемся человеке здесь не существует.

Бросается в глаза широкое применение труда детей и подростков. На чулочной фабрике в Кйото и на электротехническом заводе в Токио мы видели много девушек в возрасте примерно от 11 до 20 лет, причем некоторые из тех, кто постарше, работают уже лет по 10. Иными словами, работу на предприятии они начали в детском возрасте. Характерно, что даже при оплате труда детей труд девочек оплачивается ниже. На электротехническом заводе я наблюдал: рядом на двух станках выполняют одинаковую работу девушка 22 лет и мальчик лет 11, хотя он и утверждает, что ему 16. Ставка мальчика в полтора раза выше ставки его соседки»¹.

«На фабрике,— пишет журналист О. Курганов,— в страшной духоте трудились дети, женщины, старики. Все они бродили между станками полуобнаженные. Даже не верилось, что мы живем в 40-х годах XX в., что нас по этому длинному, мрачному цеху сопровождают шесть американских офицеров, кичащихся своей цивилизацией. Не верилось, что где-то за углом мчатся автомобили, проносятся поезда и тяжелый самолет кружит где-то над городом. Люди трудятся здесь с рассвета до сумерек. Для того чтобы купить кусок гнилой рыбы, надо просидеть, скорчившись над затейливым и сложным узором оби², 12 часов в день. Так было двести лет назад. Так было до реставрации Мэйдзи. Так было в эпоху зарождения и расцвета дзайбацу. Так живут и трудятся на этой фабрике и теперь, после капитуляции Японии.

Да, ничего не изменилось. Ничего»³.

Рассказывая о своих токийских встречах и впечатлениях, журналист М. Беляев пишет:

«...Мне пришлось бывать в жилищах состоятельных японцев — тех, кто потом и кровью живущих в низинах создал свое благополучие и роскошь. Эти жилища — сочетание благодатной японской природы, солнца и света с удобствами городской культуры...

Да, роскошь и удобства для живущих на холмах. Но сегодня, знакомясь впервые с Токио, мы пошли с моим спутником по одной из улиц в низине. Запах гниения, канавы, полные грязи и нечистот, дырявые домики с худыми крышами. Желтые лица бедняков, тучи рахитичных ребятишек, бездомные, спящие на свалках. Здесь не бывает солнца, над

¹ «Новое время», 30 мая 1947 г., стр. 21.

² Пояс для кимоно.

³ «Американцы в Японии», 1947, стр. 38—39.

крышами домишек с 20-метровой высоты холма нависли густые кроны деревьев, здесь вечная тень, полумрак. Со всех сторон сбегает в улицу-яму грязные ручьи, наполняя зловонием и без того отравленный воздух. Тут живет токийский пролетариат.

...Вот у снесенных бомбой перил канала, в самом центре города, заканчивают работу упаковщики всевозможного утиля, изможденные, страшные, с голодными лицами, одетые в грязную рвань. Проходишь мимо и видишь, с какой жадностью и тоской загораются глаза этих париев при виде сигареты, которая торчит в зубах прохожего. Как хочется закурить, но сигарета стоит целых 10 иен...

А вот токийские нищие... у подъезда роскошных домов в центре „Сити“, у стен вокзалов, на мостах — везде сидят они, вымаливая у прохожих жалкое подаяние, протягивая трясущиеся руки. Есть и другие нищие: молча, с опущенными глазами, со шляпой в руке, медленно идут они навстречу людскому потоку или также молча стоят на перекрестках. Когда вы подадите такому бедняку десятииенную бумажку, вы увидите на его впалых щеках краску стыда и услышите еле различимую благодарность.

Это японские интеллигенты, облагодетельствованные мак-артуровской эрзац-демократией.

Как-то я разговорился с одним из этих нищих. Его звали Кандзо. Он учитель средней школы. У него большая семья, жена больна туберкулезом, заработной платы нехватает на самое необходимое.

„Теперь я нищий, но я не виноват. Когда я свободен, я прихожу сюда, на Императорскую площадь, подальше от моей школы, и прошу подаяние. Но все равно дальше так жить нельзя“, — закончил он свою горькую исповедь.

Трудно описать, до какого предела нищеты и отчаяния доходят в Японии эти труженики, не могущие обеспечить себе жизнь честным трудом. Я видел старика Маэда, который каждое утро и вечер обходил мусорные ящики в поисках отбросов. Маэда — тоже учитель, немного знает русский язык, владеет английским. Сорок лет своей жизни отдал он школе. И вот теперь, будучи не в силах работать, он уподобился бездомной собаке.

В одной из школ Токио, в районе Канда, я наблюдал собрание учителей средних школ. Из 90 человек лишь 6—7 были одеты прилично, 15—20 — терпимо, остальные по внешнему виду были похожи на нищих, в лучшем случае на чернорабочих: в изношенных, заплатанных брюках, в худых ботинках, кое у кого перевязанных проволокой.

В разговоре с устройтеlem собрания я упомянул о давно

небритых бородах. Мой собеседник невесело улыбнулся: „Они не могут бриться даже раз в неделю: не позволяет бюджет“. Потом он добавил: «Половина из них сегодня еще ничего не ела»¹.

Страшным бичом японских трудящихся является массовая и все возрастающая безработица. До войны рекордными годами по безработице в Японии были годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг.; число безработных и полубезработных в эти годы достигало 3 млн. чел. По данным правительственной «Белой книги», в апреле 1946 г. число полностью безработных равнялось 1590 тыс. чел.², работающих менее одной недели в месяц — 1960 тыс. чел. и работающих от 8 до 20 дней в месяц — 4320 тыс. чел. Таким образом, всех безработных и полубезработных было 7870 тыс. чел. Через год их число увеличилось до 8719 тыс. (в том числе 2225 тыс. полностью безработных)³.

О том, что означает эта цифра, можно судить, сравнив ее с числом трудоспособных. Всего, по данным на 1946 г., из 76 422 тыс. населения работающих насчитывалось 31 693 тыс., из которых 17 822 тыс. чел. (56,2%) были заняты в сельском хозяйстве и морском промысле. В промышленности (обрабатывающей и добывающей) было занято 6861 тыс. (21,7%), в торговле — 2248 тыс. (7,1%), на транспорте — 1968 тыс. (6,2%), на государственной службе — 2371 тыс. (7,5%), а всего вместе с остальными — 13 871 тыс. чел., или 43,8% всего работающего населения⁴.

Таким образом, число безработных и полубезработных в 1946 г. (7870 тыс.) составляло 25% по отношению ко всем работающим в деревне и городе и более половины по отношению к числу лиц наемного труда.

С введением американской «программы экономической стабилизации» положение японских трудящихся еще более ухудшилось.

По официальным данным, к концу 1949 г. было 8610 тыс. безработных и полубезработных⁵, но в действительности, как указывают японские демократические организации, число безработных и полубезработных (с учетом всех лиц,

¹ «Огонек», 1949, № 2, стр. 13—14.

² Характерным примером жульнической «двойной бухгалтерии» японской статистики является тот факт, что другие официальные данные о безработице, публикуемые в ежемесячном бюллетене Организации Объединенных Наций определяют число полностью безработных в Японии после войны в 200—400 тыс. чел.

³ «Oriental Economist», 23 августа 1947 г.

⁴ Там же, 5 июня 1946 г.

⁵ «Правда», 3 мая 1950 г.

работающих поденно неполную рабочую неделю, вынужденных наниматься на временные работы не по специальности и также работать лишь два-три дня в неделю) достигает неслыханно высокой цифры — свыше 12 млн. чел.

Газета «Асахи» провела обследование 800 семейств в Токио по вопросу о том, как изменились их условия жизни в течение года после введения американской «программы стабилизации».

На вопрос: «Стало ли вам лучше жить по сравнению с прошлым годом?» ответили: «да» — 27%, «без перемен» — 23%, «нет, стало хуже» — 49%, без ответа — 1%.

На вопрос: «Увеличились ли ваши доходы в течение последнего года?» ответили: «да» — 31%, «без перемен» — 30%, «нет, уменьшились» — 34%, без ответа — 5%¹.

Весьма показательными являются следующие официальные данные об изменении индексов производства, занятости и производительности труда во всей промышленности в 1949 г. после того, как была введена американская «программа стабилизации». (Январь — март 1949 г. = 100)

	Производство	Занятость	Производительность труда
Январь 1949 г.	97,3	100,3	97,0
Декабрь 1949 г.	125,9	91,1	138,2

За тот же срок, с декабря 1948 г. по декабрь 1949 г. по тем же официальным данным реальная заработная плата по всей стране понизилась на 8%².

Таким образом, даже официальные данные не могут скрыть того факта, что «программа стабилизации» принесла с собой рост безработицы и рост интенсификации труда, падение реальной заработной платы, дальнейшее относительное и абсолютное обнищание пролетариата.

Американские агенты в Японии не раз утверждали, что в связи с инфляцией задолженность крестьян помещикам понизилась и что пресловутая «аграрная реформа» принесла известные положительные результаты для японского крестьянства.

В действительности положение японского крестьянства в настоящее время хуже, чем оно было до войны. «Ориентал экономист» (3 июля 1948 г.) приводит следующие данные

¹ «Nippon Times», 29 января 1950 г.

² «Oriental Economist», 1 апреля 1950.

о доходах и излишке или дефиците хозяйств так называемых «средних крестьян» (в ненах):

Годы	Доход	Излишек (+) или дефицит (-)
1937	1 027	+ 241,0
1941	1 750	+ 362,0
1946	25 815	+ 4 929,0
1947	26 693	- 7 268,0

На поверку оказывается, что «средние крестьяне» — это крестьяне-собственники, владевшие в среднем в 1946 г. 1,7 тйо земли, а в 1947 г. — 1,3 тйо. И даже у этих сравнительно лучше обеспеченных крестьян, к числу которых относится не более трети всех крестьянских хозяйств в Японии, в 1947 г. — первом году осуществления «аграрной реформы» — в их домашнем бюджете образовался громадный дефицит.

О том, каково положение подавляющего большинства трудящегося крестьянства в макартуровской Японии, можно составить ясное представление и не прибегая к анализу фальсифицированной буржуазной статистики о бюджетах крестьянских семей. Достаточно лишь привести факты, касающиеся продажи крестьянами детей в рабство.

В послевоенной Японии процветает самая настоящая торговля рабами. Газета «Ниппон кэйдзай» сообщала, что по официальным данным 40% работниц, занятых на 250 предприятиях в префектуре Тотиги, были куплены фабрикантами у работоторговцев. Газета «Сякай симбун» писала: «Девушки, занятые на небольших ткацких фабриках в городе Хатиодзи (близ Токио), работают по 12 часов в день. Из 400 обследованных предприятий 90% нарушают закон о восьмичасовом рабочем дне. Только на нескольких предприятиях работницы объединены в профсоюзы. Девушки имеют лишь два выходных дня в месяц. На обед им дается 30-минутный перерыв. Работать им приходится с раннего утра до 12 часов ночи. Большинство жалуется на плохое здоровье. Эти девушки большей частью из бедных крестьянских семейств. Некоторые из них пришли на прядильные фабрики по заключенным между их родителями и предпринимателями долгосрочным контрактам».

Газета «Асахи» писала, что в префектуре Ямагата были установлены многочисленные случаи торговли детьми. Один работоторговец, действуя в качестве посредника, организовал продажу 2500 детей из различных сел. В районе Айдзу (префектура Фукусима) отмечено более 75 случаев продажи родителями детей 12 и 13 лет в рабство. Расследование показало, что обычная цена за ребенка, продаваемого в рабство на три года, составляла 2000 иен (половина месячной зарплаты

квалифицированного рабочего). По сообщению газеты «Токио симбун», 4000 мальчиков и девочек в префектуре Тотиги работают в качестве рабов.

«В этом (1948) году,— писала газета «Ниппон таймс» (10 января 1949 г.),— полиция раскрыла более 3000 случаев продажи детей в рабство. Большинство детей (в возрасте от 7 до 18 лет) — из чрезвычайно бедных семей арендаторов, солдатских вдов и рабочих-поденщиков. Посредники зарабатывают на каждом ребенке от 800 до 1000 иен (от 2,22 до 2,77 ам. долл. по официальному курсу). Плата за детей — 1500—4000 иен (от 4 до 11 долл.) за каждого».

«Брокеры, занятые торговлей детьми в префектуре Фукусима,— писала та же газета 21 января 1949 г.— получают большие деньги. На каждом ребенке они зарабатывают 800 иен. Дети продаются сроком на три года, максимум за 3 тыс., но обычно за 2 тыс. иен. Иногда маленьких детей берут на три года за 5 кан (41 англ. фунт) сладкого картофеля». В мае 1950 г. газета «Нити-Нити» сообщила о том, что, несмотря на введение закона об охране детей, торговля детьми не прекращается. Ежемесячно раскрывается не менее 10 случаев работорговли. В некоторые месяцы это число достигает 20—30 случаев. Число детей, продаваемых в возрасте 16—18 лет, составляет 70%, затем по численности идут дети 14—16 лет. Отмечаются случаи, когда продаются дети и в возрасте девяти лет.

Агенты-работорговцы получают «комиссионные» в среднем от 1000 до 5000 иен за одного ребенка. Период рабства длится от 3 до 12 лет. Отмечен случай, когда 11-летний мальчик был продан в рабство на 11 лет¹.

Газета «Дзидзи симпо», сообщившая о торговле рабами в префектурах Гифу и Сидзуока, писала, что работорговец Сасаки, продавший фабрикантам 770 детей, получил по 36 ярдов ткани за каждого ребенка². Как правило, за детей отроческого возраста и за девушек, продаваемых в рабство на три года, родители получали 5—10 тыс. иен. До войны в аналогичных случаях за крестьянскую девушку ее родители получали 300 иен, что при существовавших в 1947—1948 гг. ценах равнялось по меньшей мере 30 тыс. иен. Таким образом, в послевоенной Японии не только сохранилось рабство, но человек оценивается втрое-вшестеро дешевле, чем до войны.

Одного только этого факта достаточно, чтобы для любого мало-мальски добросовестного человека стал очевиден антидемократический, антинародный характер послевоенной поли-

¹ «Правда», 17 мая 1950 г.

² «Большевик», 1949, № 5, стр. 59.

тики американского империализма и его лакеев в Японии. Только вследствие ужасающей нищеты крестьян и массовой безработицы возможны широкий размах работоторговли и сохранение системы подрядчиков-боссов на предприятиях.

Гегемония пролетариата в борьбе японского народа за народную демократию и национальную независимость.

Компартия — руководитель освободительной борьбы японских трудящихся в годы войны

Отменяя прежние милитаристские законы, запрещавшие существование и деятельность профсоюзов, американские власти и японские реакционеры надеялись, что профдвижение в Японии будет развиваться по тред-юнионистскому пути, по пути Американской федерации труда, «классового сотрудничества», при котором профсоюзы представляют собой политические организации буржуазии в рабочем классе, руководимые буржуазными политиками из числа открытых реакционеров или социал-реформистов.

История японского рабочего движения давала нынешним правителям Японии некоторые основания для такого рода надежд и расчетов. Характерными особенностями рабочего движения довоенной Японии были: слабая организованность рабочего класса, раздробленность профсоюзов и принадлежность большинства членов профсоюзов к реформистским объединениям. К началу 1938 г. в Японии насчитывалось 395 тыс. членов профсоюзов, что составляло 6,2% к общему числу (6,4 млн.) цензовых промышленных рабочих. Две трети всех организованных в профсоюзы японских рабочих составляли транспортники и металлисты. Остальные отряды японского рабочего класса были охвачены профсоюзами в среднем всего на 2—3%. Профсоюзы в большинстве были мелкими и мельчайшими. Часть из них носила узко-цеховой характер, строилась не по производственному принципу, а по профессиям. В 1937 г. из 837 союзов 207 с 26 тыс. членов были цеховыми, 407 с 335 тыс. членов — производственными и 223 с 32 тыс. членов — смешанными. Более половины всех профсоюзов — 450 со 113 тыс. членов — не входили ни в какие объединения и были совершенно самостоятельными; остальные 387 союзов с 282 тыс. членов были объединены в общенациональные или местные межсоюзные федерации. Крупнейшая из них — Всеяпонская конфедерация труда (Дзэннихон родо содомэй) объединяла 119 союзов со 100 тыс. членов. Среди отдельных, независимых профсоюзов выделялся союз японских моряков (Нихон кайин кумияй), насчитывавший 113 тыс. членов. Содомэй и союз моряков примыкали к так называемому Конгрессу

японских профсоюзов (Нихон родо куминай кайги), объединявшему около 250 тыс. членов союзов — свыше 60 % всех организованных рабочих — и находившемуся под руководством социалистической партии¹.

Что касается легальных левых профорганизаций, стоявших на позициях классовой борьбы, то последние до декабря 1937 г., когда они были запрещены, объединяли всего 33 тыс. чел. К числу этих профсоюзов, находившихся под влиянием лево-социалистической партии Нихон мусанто, принадлежали Всеяпонский совет профсоюзов (сокращенное японское название «Дзенкё», 16 тыс. членов) и Федерация японских транспортников с 17 тыс. членов, из которых 12 тыс. принадлежало к токийскому союзу транспортников. Таким образом, «лево-легальные профсоюзы» объединяли всего 8 % всех организованных рабочих Японии. Почти все другие «независимые» профсоюзы находились под влиянием либо реформистов, либо крайних реакционеров-зубатовцев.

По мере развития войны грань между последними все больше стиралась. Реформистские лидеры профсоюзов (Судзуки, Коно, Мацуока, Нисио, Камэи и др.) все более открыто переходили на сторону военщины и не оказали ни малейшего сопротивления реакции, когда последняя в 1939—1940 гг. запретила все прежние профсоюзные организации и создала взамен их зубатовскую организацию «Сангё хококукай». Многие из реформистских лидеров предложили свои услуги в качестве руководителей этой организации, и их услуги были приняты.

Таким образом, казалось бы, история рабочего движения Японии давала американскому империализму основание для надежд на превращение японских профсоюзов в филиал или в подобие Американской федерации труда.

Но так могло казаться только узколобым тупым чинушам Уолл-стрита, чья способность к оценке явлений общественной жизни редко простирается далее знания четырех действий арифметики, необходимых для подсчета численности разных организаций и количества подаваемых на выборах голосов. Могли ли американские скалозубы правильно оценить тот факт, что реформистская реакционная верхушка старых профсоюзов в глазах сотен тысяч передовых людей Японии разделяет со всей правившей кликой ответственность за войну и постигшую Японию катастрофу и что уже по одной этой причине старые лидеры профсоюзов не могут рассчитывать на доверие прогрессивных сил Японии?

Еще меньше могли американские реакционеры оценить значение боевых традиций японского рабочего движения, носите-

¹ Ю. Лившиц. Японский пролетариат и война в Китае, 1940, стр. 80.

лем которых были славная японская коммунистическая партия и те немногочисленные профсоюзы и крестьянские организации, которыми компартия руководила из глубокого подполья непосредственно или через другие организации, стоявшие на позициях единого фронта.

Компартия была вдохновителем и движущей силой антивоенной борьбы за революционное свержение власти правящих империалистических клик. «Непосредственно затронутые войной,— говорится в решениях VII конгресса Коминтерна,— коммунистические партии Японии и Китая по-большевистски вели и ведут борьбу против империалистической войны в защиту китайского народа»¹.

На второй же день после нападения Японии на Маньчжурию, 19 сентября 1931 г. компартия обратилась к японскому народу с манифестом, в котором писала по поводу японской агрессии: «Это — авантюра варварских грабителей и презренных убийц. Это не что иное, как вызов, брошенный реакцией пролетариату и трудящимся массам Китая и Японии, а также трудящимся Советского Союза... На Маньчжурию, на революционный Китай, затем на Советский Союз — таков маршрут японского империализма, застрельщика реакции на Дальнем Востоке»².

В листовке, изданной в том же году Нихон мусанто, мы читаем: «Товарищи! С самого начала войны мы были против нее. Почему? Потому что в Японии господствуют буржуазия и помещики, потому что военщина тесно связана с ними. Никакая империалистическая война, под какими бы лжепатриотическими лозунгами она ни велась, не может улучшить положения народных масс Японии... Наши братья были обмануты господствующими классами, они жертвовали своей жизнью ради их интересов. Нет предела возмущению и бедствиям народа... Надо уничтожить у себя тех, кто предает интересы народа. Смерть буржуазии и помещикам! Долой военщину, долой милитаристов! За осуществление социальных реформ для улучшения нашей жизни! Товарищи, поднимайтесь!»³

Только путем жестокого террора могли дзайбацу и милитаристы прятать от широких масс японских трудящихся правду, распространявшуюся горсткой героических японских патриотов — коммунистов, которых не сломили ни тюрьмы, ни пытки, ни гибель в тюремных застенках и от рук наемных убийц тысяч их соратников, среди которых были лучшие люди

¹ «Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала», 1935, стр. 29—30.

² П. Крайнов. Рабочее и профессиональное движение в Японии после второй мировой войны. М., 1949, стр. 34.

³ Ю. Лившиц, там же, стр. 119—120.

японского народа, такие, как генеральный секретарь ЦК компартии Масаноскэ Ватанабэ, писатель-коммунист и секретарь ЦК комсомола Такидзи Кобаяси, рабочий — депутат парламента Сэндзи Ямамото, член Исполкома Коминтерна Сйонити Итикава, бросивший в лицо своим палачам-судьям: «Вы — цепные псы военщины и монархии!», и многие другие.

15 марта 1928 г. по всей Японии были проведены массовые аресты коммунистов и революционно настроенных рабочих и интеллигентов и разгромлены все левые организации трудящихся. Такая же террористическая операция была повторена в октябре 1932 г., когда было арестовано около 2 тыс. коммунистов и им сочувствующих. Массовые аресты следовали непрерывно и дальше. Вzbешенные неудачей на апрельских выборах 1937 г. японские реакционеры после начала войны в Китае 15 декабря того же года арестовали 378 активных деятелей антивоенного движения. Но и после этого борьба японских патриотов против японского империализма не прекращалась. В 1941 г. накануне войны на Тихом океане состоялась массовая забастовка на японских предприятиях, в том числе и военных: например, в сентябре бастовало 3000 рабочих военного арсенала в Кокура, в октябре бастовали рабочие металлургического завода Цуруми в Йокохама. В день начала войны на Тихом океане японская полиция вновь арестовала 3 тыс. участников антивоенной деятельности¹.

Весной 1942 г. в разгар военных успехов Японии вспыхнула забастовка рабочих на судостроительных верфях в Кобэ. По официальным данным, в 1942 г. имело место 268 конфликтов на предприятиях. В феврале 1943 г. министр внутренних дел заявил в парламенте: «Вызывает сожаление то обстоятельство, что хотя коммунистическое движение постепенно понизилось после китайского инцидента, но оно до сих пор еще не уничтожено полностью»².

Героической страницей в истории японской компартии, заслуживающей самостоятельного и подробного изучения, является деятельность японских коммунистов на китайско-японском фронте среди японцев, взятых в плен 8-й Народной армией Китая, и солдат японской армии. Среди японских военнопленных были созданы школа антифашистов и «Лига освобождения японского народа», из которой вышли многие нынешние руководители и активисты японских демократических организаций.

В годы второй империалистической войны компартия была единственной партией, не склонившей свое боевое знамя

¹ A. Roth. Dilemma in Japan. 1945, стр. 155.

² Там же, стр. 228.

перед реакцией. Компартия приняла на себя всю тяжесть борьбы за национальные интересы японского народа, за интересы трудящихся и, действуя из глубокого подполья, объединяла вокруг себя все честное и передовое в Японии, тогда как подавляющее большинство лидеров реформистских профсоюзов и социалистической партии стало на путь оправдания и активной поддержки японской агрессии, превратилось в агентуру дзайбацу на предприятиях военной промышленности.

Мощный размах рабочего движения после войны

Благодаря победе прогрессивных сил во второй мировой войне, измученные долгими годами фашистского террора трудящиеся Японии получили в конце 1945 г. возможность создания легальных организаций для защиты своих экономических прав.

10 октября 1945 г., после 38-дневной (считая со 2 сентября — дня капитуляции) проволочки, японское правительство освободило из тюрем коммунистов. Среди освобожденных были нынешний генеральный секретарь ЦК КПЯ Кюити Токуда и член Политбюро Йосио Сига, находившиеся в заключении с марта 1928 г. — почти 18 лет, и другие борцы японского пролетариата.

10 октября 1945 г. было днем выхода из подполья японской коммунистической партии и одновременно началом нового этапа в развитии японского профсоюзного движения. Это совпадение не случайно: оно символизирует тот факт, что, несмотря на величайшие трудности, несмотря на раскольническую деятельность и значительное влияние реформистских наемников американского империализма, японское профсоюзное движение после войны развивается не по тред-юнионистскому, а по демократическому пути.

Уже самый количественный размах профсоюзного движения в Японии, темпы его роста свидетельствуют о его боевом наступательном характере (табл. 63).

В 1949 г. число членов профсоюзов достигло 7 млн. По организованности рабочего класса, Япония, стоявшая до войны среди империалистических стран на последнем месте, вышла на одно из первых мест. Такие отряды японских трудящихся, как рабочие и служащие всех видов транспорта, энергетической и тяжелой промышленности, государственных предприятий и учреждений, в настоящее время охвачены профсоюзами почти полностью (85—95%). Большинство японских профсоюзов, создаваемых на отдельных предприятиях и в учреждениях, объединены во всеяпонские отраслевые

Численность японских профсоюзов *

Годы и месяцы	Число профсоюзов	Число членов профсоюзов, тыс.	% к общему числу рабочих и служащих
1931	818	369,0	7,9
1937	837	395,3	6,2
1941	11	0,9	0
Август 1945 . . .	0	0	0
31 декабря 1945 .	251	200,0	?
1946	17 200	4 280,0	40—45
1947	21 963	5 529,0	свыше 50
1948	35 376	6 640,0	

* „Oriental Economist“, 15 февраля и 6 сентября 1947 г.

организации. Часть из последних вошла во всеяпонские межотраслевые объединения («национальные профобъединения»). Среди демократических национальных профобъединений самым мощным является Конгресс промышленных профсоюзов Японии (сокращенное японское название — «Санбэцу»).

«Санбэцу» был оформлен в августе 1946 г. на основе «Совета профсоюзов района Канто» — первого мощного объединения профсоюзов Токио, Иокохама и других промышленных центров вокруг Токио, созданного в январе 1946 г. под руководством коммунистов.

В ответ на создание «Совета профсоюзов Канто» и «Санбэцу» раскольники из правых и «левых» социалистов, выполняя социальный заказ американско-японской реакции, начали создавать свои профобъединения, на основе которых летом 1946 г. была оформлена соглашательская «Всеяпонская федерация профсоюзов» (сокращенное японское название — «Содомэй»)

Наряду с «Санбэцу» и «Содомэй» имелось большое число «нейтральных» профсоюзов, не входивших ни в то, ни в другое объединение. Среди «независимых» профсоюзов наиболее крупными являются профсоюз моряков и профсоюзы рабочих и служащих государственных предприятий и учреждений (из последних только союз рабочих средств связи принадлежал до 1949 г. к «Санбэцу»). Другие союзы, как, например, союз рабочих и служащих государственных железных дорог, союз учителей и другие, не входили в указанные объединения и служили ареной острой борьбы между прогрессивными и

реформистскими силами. Однако в моменты наиболее бурного развития стачечной борьбы японского пролетариата «нейтральные» профсоюзы под давлением членских масс становились на сторону прогрессивных демократических профорганизаций и сами нередко выступали в качестве инициаторов крупных забастовок.

Таким образом, японское профдвижение оказалось в организационном отношении расколотым между двумя центрами — прогрессивно-демократическим «Санбэцу» и реакционно-реформистским «Содомэй». Наряду с этими центрами образовалось множество мощных по числу членов «независимых» профсоюзных объединений.

Общие задачи борьбы рабочего класса против эксплуатации и наступления американско-японской реакции со всей настойчивостью выдвинули необходимость объединения японских профсоюзов. В ходе борьбы японского рабочего класса неоднократно создавались временные объединенные комитеты по проведению стачек, демонстраций и т. п., куда входили представители всех профобъединений и где роль ударной силы неизменно принадлежала представителям Санбэцу и примыкавших к нему профсоюзов. С первых дней существования «Санбэцу» его руководители объявили о необходимости образовать всеяпонское профсоюзное объединение и о своей готовности самораспуститься вслед за его созданием. Шаг к объединению всех японских профсоюзов в единый центр был сделан в феврале 1947 г. в процессе подготовки всеобщей забастовки, не состоявшейся ввиду запрета со стороны американских властей. На конференции представителей всех профсоюзов было решено создать Всеяпонский совет связи между профсоюзами (сокращенное японское название «Дзэнрорэн»). В укреплении «Дзэнрорэн» большую роль сыграла Всемирная федерация профсоюзов. Ее представители во главе с Луи Сайяном, посетившие в марте 1947 г. Японию, порекомендовали лидерам всех профобъединений создать Всеяпонское профобъединение, которое могло бы войти в ВФП.

До июня 1948 г. в «Дзэнрорэн» были представлены все главные всеяпонские и местные профобъединения: «Санбэцу», «Содомэй», Японский конгресс профсоюзов¹, Союз рабочих государственных железных дорог и другие — всего 32 объединения или отдельных союза, объединявших 5130 тыс. из 6,5 млн. всех членов профсоюзов².

¹ Это объединение не следует смешивать с Всеяпонским конгрессом промышленных профсоюзов («Санбэцу»); оно являлось самым крупным из «нейтральных» профобъединений.

² «Nippon Times», 29 июня 1948 г.

Раскольники из «Содомэй» всячески стремились использовать «Дзэнрорэн» для подчинения их политическому контролю — контролю правых лидеров социалистической партии — всех присоединившихся к «Дзэнрорэн» профсоюзов. Это, однако, им не удалось, так как в ходе борьбы японского пролетариата в профсоюзах все больше усиливалось влияние прогрессивных демократических элементов, и в руководстве «Дзэнрорэн» большинство принадлежало представителям «Санбэцу» или поддерживающих его профсоюзов. Ввиду краха своих планов, руководители «Содомэй» пошли на новый раскол и в июне 1948 г. объявили о выходе «Содомэй» из «Дзэнрорэн». Но и после этого раскольнического шага «Дзэнрорэн» вплоть до 1949 г. продолжал объединять профсоюзы общей численностью в 4,5 млн. членов, т. е. свыше двух третей всех членов профсоюзов.

Борьба за демократическое трудовое законодательство

Главной задачей японских профсоюзов, как и во всех странах капитализма, является борьба за защиту экономических прав трудящихся. Борьба эта, однако, не могла не слиться с политической борьбой прогрессивных сил против всех сил реакции, стремившихся сохранить террористический режим, введенный в годы войны.

В условиях послевоенной Японии одна из главных целей профсоюзов заключалась в том, чтобы добиться хотя бы такого трудового законодательства, таких прав для профсоюзов, которые существуют в странах буржуазной «демократии». Реакционные правители Японии при покровительстве американских властей всячески тормозили принятие такого законодательства. Лишь через два месяца после капитуляции, после того как по всей стране широко развернулось новое профсоюзное движение, были отменены прежние фашистские законы, запрещавшие существование профсоюзов. В феврале 1946 г. был принят закон, разрешавший организацию профсоюзов. Профсоюзам предоставлялось право заключения коллективных договоров, право стачек и т. д.

Таким образом, рабочие и служащие Японии явочным порядком завоевали право на организацию профсоюзов и стачек и заставили реакционное правительство признать уже завоеванные ими права.

Закон о профсоюзах предоставлял последним лишь весьма ограниченные права. Достаточно сказать, что этот закон предусматривал создание «комитетов трудовых отношений» с исполнительной и юридической властью, которые были по-

ставлены над профсоюзами. Эти комитеты состояются из «равного числа представителей капитала, труда и публики», что в условиях политического господства реакции означает безусловное преобладание в них представителей буржуазии. В их функции входит обследование условий труда, арбитраж, предотвращение и улаживание конфликтов и т. п. Комитетам предоставлено право вынесения рекомендаций административным властям о роспуске профсоюзов «в случае частого нарушения мира и порядка».

В 1946 и 1947 гг. развернулась упорная борьба за создание демократического трудового законодательства. Крупнейшую роль в этой борьбе играли силы мирового лагеря демократии.

10 июля 1946 г. представитель Советского Союза в Союзном Совете для Японии предложил состоявшую из 22 пунктов рекомендацию относительно рабочего законодательства в целях устранения одного из наиболее серьезных препятствий на пути демократизации Японии. В числе предложенных мер были такие, как гарантия свободы профсоюзов, запрещение увольнений и репрессий за участие рабочих и служащих в забастовках, одинаковая заработная плата мужчин и женщин за одинаковую работу, установление социального страхования. Учитывая успешный опыт применявшегося в 1946 г. рабочего контроля над производством, советский представитель предложил включить в японское трудовое законодательство статью, предусматривающую, что бастующие рабочие могут руководить предприятиями, на которых возникают конфликты.

Несмотря на то, что за исключением пункта о рабочем контроле, все остальные пункты советской рекомендации содержали обычные положения трудового законодательства, существующего в Англии, Франции и других странах, представитель США в Союзном Совете Атчесон обрушился на эти предложения, объявив их «коммунистической пропагандой», и использовал их обсуждение для грубой антидемократической и антисоветской клеветы.

Ограничившись изданием в феврале 1946 г. временного «закона о профсоюзах», правительство объявило о разработке им «закона о труде» и «закона о регулировании вопросов труда». Когда осенью 1946 г. в Японии развернулось мощное забастовочное движение, правительство поспешило провести через парламент сначала второй закон, т. е. закон, направленный к ограничению прав трудящихся в защиту своих интересов, и в то же время попридержало первый закон, «закон о труде», который должен был предоставить лицам наемного труда известные элементарные права.

Принятый в октябре 1946 г. закон был первым шагом к восстановлению полицейского «законодательства» времен господства милитаристов. Закон запрещал или ограничивал права рабочих на забастовки, запрещал организацию профсоюзов и стачки служащих охраны, пожарников и др. Рабочие и служащие ряда крупнейших отраслей народного хозяйства были обязаны до забастовки обращаться в «комитеты посредничества» и начинать забастовки не раньше, чем через 30 дней после обращения. Особые ограничения были предусмотрены в отношении рабочих и служащих «предприятий общественного пользования», причем министры имели право объявлять сроком на год «предприятиями общественного пользования» любые предприятия, пресечение работы которых «позредило бы национальной экономике». Таким образом, фактически рабочие большинства отраслей народного хозяйства могли объявлять стачку только... с разрешения правительства.

Принятие этого закона вызвало волну протеста по всей стране. «Этот закон, сам по себе вредный для интересов рабочих,— писал в своей резолюции исполком „Санбэцу“,— введен, несмотря на принятую парламентом поправку о том, что закон должен быть введен в жизнь после закона о труде, гарантирующего основные права рабочих. Правительство отказалось выполнить это, предпочитая лишь осуществлять давление на рабочих при помощи „закона об урегулировании вопросов, связанных с трудом“».

Ограничение прав на стачки не приостановило роста стачечной борьбы японского пролетариата. Рабочие и служащие были вынуждены бастовать прежде всего для того, чтобы заставить предпринимателей (в том числе и государство) повысить номинальную заработную плату, реальная величина которой непрерывно падала в связи с ростом цен. Ограничение прав на забастовки придало стачечной борьбе политический характер. В условиях реакции экономическая борьба японского пролетариата не могла не слиться с борьбой против реакционного правительства и американского империализма, и требование реформистских лидеров об отказе профсоюзов от политической борьбы было равнозначным предательству также и в экономической борьбе пролетариата.

6 декабря 1946 г. Дальневосточная комиссия приняла «принципы японских профессиональных союзов», в которых были провозглашены следующие положения:

«Японских рабочих необходимо поощрять к созданию профсоюзов в целях обеспечения и улучшения условий труда путем участия в трудовых переговорах для осуществления

законных профсоюзных интересов рабочих, включая организационное участие в создании миролюбивой и демократической Японии. Права профсоюзов и их членов организовываться для этих целей должны быть гарантированы и защищены законом. Законом должно быть предусмотрено право вступления рабочих в профсоюзы. Все законы и постановления, запрещающие профсоюзам вести работу для достижения этих целей, должны быть немедленно отменены. Предпринимателям должно быть запрещено отказывать рабочему в предоставлении ему работы или дискриминировать его в связи с тем, что он является членом профсоюза».

В решениях Дальневосточной комиссии указывалось, что профсоюзы «необходимо поощрять к ведению переговоров с предпринимателями от имени своих членов в отношении оплаты и условий труда... Все органы японского правительства и все другие органы, учрежденные или функционировавшие в целях подавления или способствовавшие подавлению свободного объединения рабочих или законной деятельности профсоюзов, должны быть упразднены или должны быть отменены их полномочия в отношении труда. Никакие полицейские или другие правительственные органы не должны использоваться для проведения слежки за рабочими, срыва забастовок или для подавления законной деятельности профсоюзов».

Японским профсоюзам «...должно быть разрешено принимать участие в политической деятельности, а также поддерживать политические партии. Необходимо поощрять организованное участие профсоюзов и профсоюзных работников в процессе демократизации Японии, а также в тех мероприятиях, которые проводятся для достижения целей оккупации, как, например, искоренение милитаристской деятельности»¹.

Конец 1946 — начало 1947 г. ознаменовались новым небывалым размахом стачечной борьбы японского пролетариата. Одно из требований стачечников заключалось в принятии парламентом прогрессивного демократического законодательства в соответствии с требованиями Потсдамской декларации и неоднократными рекомендациями ДВК. В конце концов японские трудящиеся заставили реакционный японский парламент принять трудовое законодательство, подобное существующему в Англии, Франции и других буржуазных странах. Законодательство, принятое в сентябре 1947 г., предусматривало восьмичасовой рабочий день, еженедельный день отдыха, определенные меры по охране труда, ликвидацию дискриминации рабочих по половому, национальному или политическому

¹ П. Крайнов, Рабочее и профессиональное движение в Японии после второй мировой войны. М., 1949, стр. 34.

признакам, право рабочих объединяться в профсоюзы и заключать коллективные договоры.

Разумеется, далеко не все требования рабочего класса нашли отражение в новом законодательстве. Парламент отверг предложения коммунистов о гарантии права на труд, о праве контроля рабочих над производством, о широком социальном страховании больных и стариков и многое другое.

Более того, новый «закон о регулировании трудовых отношений» повторял реакционные положения прежнего «закона о регулировании вопросов труда». В этом законе указывалось, что «правительство берет на себя обязанность всеми средствами препятствовать возникновению конфликтов». Как указывает П. А. Крайнов, «с помощью этого закона, идущего вразрез с решениями Дальневосточной комиссии и Потсдамской декларации, японские власти с помощью американских оккупационных властей решили не допускать забастовок в стране, создать всевозможные рогатки и препятствия профсоюзам в их деятельности, лишить рабочий класс его законных прав на организованную борьбу против капиталистов»¹.

Но все же введение в новое трудовое законодательство перечисленных выше прогрессивных статей явилось серьезным завоеванием японских трудящихся, достигнутым в результате упорной борьбы в послевоенные годы.

Послевоенная стачечная борьба японского пролетариата

Послевоенная борьба японского пролетариата представляет собой лучшие страницы истории японского рабочего движения. Она имеет не только внутреннее, но и международное значение, ибо в ее процессе в Японии созрели могучие прогрессивные силы, занявшие почетное место в рядах мирового демократического лагеря.

Ответом японских трудящихся на саботаж дзайбацу, на стремление американско-японской реакции сохранить в Японии колониальную эксплуатацию, бесправие, произвол и нищету было массовое развитие стачечного движения.

В прошлом у трудящихся Японии уже был известный опыт стачечной борьбы (табл. 64).

О гигантском размахе стачечной борьбы в послевоенной Японии убедительно свидетельствуют цифры табл. 65.

Из таблицы очевидно, что забастовочное движение в послевоенной Японии далеко перешагнуло все довоенные масштабы. Стачечное и профсоюзное движение Японии после войны развивалось отнюдь не по «прямой линии». Рабочему

¹ П. Крайнов. Рабочее и профессиональное движение в Японии после второй мировой войны. М., 1949, стр. 71.

Трудовые конфликты в Японии в 1929—1943 гг.*

Годы	Число конфликтов	Число участников, тыс.
1929	1 420	172,1
1931	2 456	154,5
1937	2 126	213,6
1940	732	35,0
1942	268	14,4
1943	406	15,1

* „Oriental Economist“, 6 сентября 1947 г.

Таблица 65

Число трудовых конфликтов, забастовок и их участников в Японии в 1946—1948 гг.*

Годы	Трудовые конфликты		В том числе сопровождавшиеся забастовками		В том числе сопровождавшиеся установлением контроля рабочих на предприятиях	
	число случаев	число участников, тыс.	число случаев	число участников, тыс.	число случаев	число участников, тыс.
1946	1 448	3,684	607	539	400	231
1947	1 730	11,554	541	366	229	42,4
1948	2 472	18,831	673	3,247	134	160,8

* „Oriental Economist“, 28 мая 1949 г.

классу в борьбе против реакции пришлось преодолевать величайшие трудности. В этой борьбе имели место срывы и подъемы, периоды натиска и отступления, затишья и подготовки к новым боям.

Период первого подъема рабочего движения относится к первым месяцам 1946 г.— сразу вслед за созданием под руководством коммунистов «Совета профсоюзов Канто». В это время развернулась борьба рабочих за контроль над производством, против саботажа дзайбацу. Рабочий контроль был установлен на угольных шахтах Мицубиси, на электрической железной дороге Кайсэй, на заводах электромашиностроительной компании «Сибaura дэнки».

Особое место в истории рабочего движения Японии занял конфликт в редакции и издательстве одной из крупнейших столичных газет — «Йомиури хоти», контролировавшейся демократическим профсоюзом служащих и рабочих этой газеты. Конфликт этот, имевший общепонское значение, длился свыше четырех месяцев, сопровождался длительной забастовкой всего коллектива издательства, массовыми демонстрациями токийских трудящихся, выражавших свое сочувствие забастовщикам, и окончился лишь после прямого вмешательства американских властей, силой вернувших газету и издательство под власть ее прежних реакционных владельцев и превративших ее из органа демократии в рупор реакции.

Высшим пунктом подъема рабочего движения в этот период была первомайская демонстрация и «повторная майская демонстрация» 19 мая 1946 г. Демонстрации сопровождались митингами на площади возле императорского дворца, в которых участвовало по несколько сот тысяч человек. Демонстрации проходили под лозунгами: «Против создания реакционного правительства Йосида, за народное правительство!», «За увеличение заработной платы и продовольственных норм!», «За народный контроль над производством и продовольственным снабжением!». Демонстрации были поддержаны всеми демократическими силами столицы, и даже «левые» и центристские лидеры социалистов были вынуждены объявить о своей поддержке требований народных масс. 19 мая делегация демонстрантов обратилась к Йосида с требованием отказаться от формирования правительства. Перепуганный насмерть лидеры реакционеров заявил о своей согласии «по той причине, что, как показала демонстрация 19 мая с целью предъявления требования о разрешении продовольственного кризиса и о создании народного правительства, формирование консервативного кабинета связано с большими трудностями»¹. Но на помощь реакции пришел генерал Макартур, издавший распоряжение о запрете в дальнейшем массовых демонстраций и расчистивший под угрозой применения силы путь для формирования реакционного кабинета Йосида.

После 19 мая забастовочное движение пошло на убыль, но последующие месяцы были месяцами накопления сил и организационного укрепления демократического профдвижения. Несмотря на усиление активности реформистских раскольников, были созданы новые демократические профсоюзы, связанные с «Санбэцу». Одновременно происходил рост реформистских профорганизаций, покровительствуемых правительством и американскими властями. Правительство пыталось перейти

¹ «Правда», 22 мая 1946 г.

в наступление: воспользовавшись указанным распоряжением Макартура, оно издало распоряжение «об охране общественного спокойствия», направленное против массовых демонстраций. В июне был официально запрещен контроль над производством и объявлено преследование всех лиц и организаций, прибегающих к контролю. Наконец, в августе правительство пыталось начать осуществление программы капиталистической «рационализации» и в качестве первого шага объявило об увольнении 75 тыс. рабочих и служащих государственных железных дорог. Еще раньше правительство и судовладельцы намеревались уволить 30 тыс. моряков торгового флота. В ответ на это федерация профсоюзов работников железных дорог, после острой внутренней борьбы между демократической и реформистской группами, вынесла решение провести 15 сентября 24-часовую забастовку протеста. Правительство пошло на уступки и отказалось от первоначального плана увольнений как на железных дорогах, так и в торговом флоте.

Эти две победы окрылили японский пролетариат и положили начало «осенне-зимнему наступлению» 1946—1947 гг.

В течение сентября-декабря непрерывно нарастала волна конфликтов и забастовок, в которых участвовало около полумиллиона человек. Бастовали электрики, железнодорожники, угольщики, связисты, моряки и др. Основное требование рабочих заключалось в установлении минимума заработной платы в размере 500—600 иен и в создании демократического трудового законодательства. Запрет Макартуром 1 сентября 1946 г. забастовок, «мешающих достижению целей военной оккупации», не приостановил роста забастовочного движения, которое, в связи с указанным запретом, приобрело характер открытой борьбы против империалистических оккупантов. Последние для борьбы с забастовщиками, не надеясь на силы японской полиции, пустили в ход свои полицейские силы¹.

¹ 14 ноября 1946 г. стачечный комитет электростанции «Сигаура дэн-ки» в своем заявлении, адресованном всем членам Союзного Совета для Японии и генералу Макартуру, выражал протест против насилий, примененных американской военной полицией к бастующим рабочим. В помещении, где велись переговоры между представителями рабочих и предпринимателями, прибыли американские полицейские во главе с лейтенантом Ирвином, который запретил рабочим, находившимся перед комнатой, где происходили переговоры, разговаривать, угрожая пулеметами, запретил хождение по лестницам и требовал, чтобы все, в том числе члены комитета по переговорам, покинули здание завода в течение 20 минут. Этот приказ также относился к 16 членам союза, объявившим голодную забастовку, которые находились в слабом физическом состоянии. Они также были выброшены на улицу глухой ночью. «Мы не можем рассматривать поведение лейтенанта Ирвина,—указывалось в протесте,—иначе, как прямое нарушение Потсдамской декларации. Мы искренне надеемся, что штаб генерала Макартура и Союзный Совет предпримут соответствующие

В декабре по всей стране вновь прокатилась волна демонстраций с требованием отставки правительства Йосида. Наиболее мощная из этих демонстраций имела место 17 декабря в Токио на площади перед императорским дворцом. 22 демократические организации столицы вышли на митинг и демонстрацию под лозунгами: «отставка реакционного правительства Йосида»; «создание демократического правительства»; «улучшение условий жизни». Митинг принял резолюцию, в которой говорилось: «За восемь месяцев своего существования кабинет Йосида форсировал политику финансовой инфляции, тем самым разрушая народное хозяйство и препятствуя восстановлению промышленности. Такая политика, нынешнего кабинета привела к тому, что страна вступила в кризис, выход из которого возможен только путем образования новой власти, пользующейся поддержкой трудящихся. Мы от имени 80-миллионного населения требуем немедленной отставки кабинета Йосида»¹.

Массовая борьба японских трудящихся сорвала реакционные маневры правых лидеров социалистической партии, которые в это время уже было согласились войти в состав кабинета Йосида с целью его укрепления. Четырехкратная попытка американских властей в декабре 1946 — апреле 1947 г. ликвидировать неустойчивость кабинета Йосида путем введения в него социалистов провалилась ввиду массовых протестов организаций трудящихся.

Заслуживает особо быть отмеченным эпизод, происшедший во время забастовки японских моряков в сентябре 1946 г. В то время как макартуровские жандармы арестовывали бастующих, моряки стоявшего на якоре в порту Йокохама американского корабля «Рэмбоу» собрали между собой деньги и внесли в фонд бастующих японских моряков. В своем благодарственном письме американским морякам их японские товарищи писали: «Дорогие друзья, организовавшие нам помощь из Америки! Мы посылаем свои сердечные приветствия братьям по ту сторону Тихого океана. Мы знаем, что вы, американские моряки, выступаете со справедливыми требованиями, направленными в защиту своих прав на лучшую жизнь. Начиная с июля мы тоже ведем борьбу в условиях нищеты, вызванной войной, требуя от правительственного комитета торгового судоходства предоставления всем морякам работы и повышения заработной платы. 10 сентября мы начали всеобщую за-

меры. При помощи каких средств могут японские рабочие защитить свои жизни от смерти и голода и выполнить задачу демократизации Японии? Японские рабочие стоят перед необходимостью принять серьезные решения» («Правда», 18 ноября 1946 г.).

¹ «Правда», 19 декабря 1946 г.

бастовку, которая охватила более 500 судов, стоявших на якоре в 40 портах по всей Японии. Это необычайное совпадение нашей забастовки и вашей показывает, что забастовочное движение распространилось по обе стороны Тихого океана. Хотя мы официально не можем назвать рабочих всего мира нашими братьями, поскольку мы являемся сейчас побежденной нацией, но мы выступаем за то же дело, за которое боретесь и вы. Выражаем глубокую признательность и благодарность команде судна «Рэмбоу», оказавшей нам финансовую поддержку, которая воодушевила нас на борьбу. Мы твердо уверены в том, что вы выиграете битву, так как ваше дело правое, а также полагаем, что и мы одержим победу».

Японская компартия в это время призывала рабочих Японии слить борьбу отдельных отрядов рабочего класса во всеобщую политическую забастовку с целью свержения правительства Йосида. «Всеобщая забастовка рабочих в истинно национальном масштабе и действия крестьян и низших слоев городского населения, направленные на поддержку борьбы рабочих... явились бы достаточной силой для того, чтобы уничтожить консервативные реакционные силы, свергнуть их правительство и создать демократическое народное правительство», — писал в газете «Акахата» Кюнти Токуда.

Призыв компартии нашел широкую поддержку среди трудящихся. В январе 1947 г. профсоюзы рабочих и служащих государственных и муниципальных предприятий, среди которых ведущее положение занимал входивший в «Санбэцу» и руководившийся коммунистами профсоюз работников связи, развернули массовую подготовку ко всеобщей забастовке. Непосредственные требования профсоюзов заключались в установлении минимума заработной платы в размере 600—800 иен, установлении восьмичасового рабочего дня, в отмене подоходного налога на рабочих и служащих, в предоставлении права заключения коллективных договоров, в отказе от массовых увольнений. Подхваченные общей волной реакционные лидеры «Содомэй» были вынуждены заявить о своем согласии на забастовку, несмотря на то, что руководство социалистической партии выступало против и за спиной рабочих договаривалось с американскими властями о срыве забастовки.

Подготовкой всеобщей забастовки руководил «Национальный объединенный комитет борьбы профсоюзов», к которому присоединились профсоюзы, объединявшие 2,6 млн. рабочих и служащих основных отраслей промышленности. Не было никакого сомнения, что если бы американские власти не запретили забастовку, к ней бы присоединились все или почти все профсоюзы и большинство неорганизованных рабочих. Забастовка была назначена на 1 февраля 1947 г. В разгар

подготовки к ней было совершено подлое покушение на жизнь председателя «Санбэцу» Кикунами, который был серьезно ранен. Покушение было совершено членами фашистской организации «Син-эй-тайсюто», состоящей из торговцев и спекулянтов токийского района Асакуса. Покушение на жизнь одного из лидеров демократических профсоюзов еще больше укрепило решимость трудящихся продолжать борьбу. Перепуганные правители Японии кинулись к американским властям. И те помогли. После того как 23 января представители профсоюзов отклонили «совет» штаба оккупационного командования об отказе от забастовки, генерал Макартур запретил всеобщую забастовку, и вслед за этим японское министерство внутренних дел запретило забастовки на местах. «Национальный объединенный комитет борьбы профсоюзов» был вынужден самораспуститься. В ответ на запрет всеобщей забастовки компартия выступила с призывом усилить борьбу за создание единого демократического фронта рабочих, крестьян, интеллигенции и мелкой буржуазии с целью создания народно-демократического правительства.

Усиление наступления реакции на демократические силы

После срыва Макартуром всеобщей стачки японское профсоюзное движение столкнулось с весьма серьезными трудностями. Распорядившиеся американская жандармерия и японская полиция бросили в тюрьму многих руководителей и активистов профсоюзов. Правительство и американские власти развернули бешеную кампанию против демократических организаций.

В это время с особенной ясностью проявилось подлое предательское лицо лидеров социалистической партии и реформистских профсоюзов, лакеев и наемников американской реакции. Стремясь выслужиться перед своими хозяевами, они стали забрасывать грязью коммунистов, руководителей «Санбэцу» и всех честных и передовых рабочих и служащих, активно участвовавших в подготовке стачки, обвиняя их в «измене», в «саботаже дела восстановления Японии» и т. п.¹

¹ Излюбленный врагами японского народа «аргумент» против забастовок заключается в том, что забастовки якобы мешают восстановлению народного хозяйства Японии. Вздорность этого аргумента очевидна уже хотя бы по тому, что, как правило, забастовки японских трудящихся, носящие характер протеста, обычно бывают кратковременными. В 1947 г. при 2612 тыс. участников конфликтов было потеряно всего 4855 тыс. рабочих дней, т. е. менее двух дней на одного человека («Oriental Economist», 28 февраля 1948 г.). Как раз самые массовые забастовки обычно бывают наиболее кратковременными, так как дружное участие больших масс рабочих обеспечивает им скорейшую победу.

Удар, нанесенный рабочему классу Японии его злейшим врагом — американским империализмом, лидеры японских социалистов использовали для того, чтобы начать шумную «антикоммунистическую» кампанию, направленную на раскол и ликвидацию классовых организаций по защите интересов трудящихся.

В то время как американские власти и японская полиция бросали передовых рабочих в тюрьмы, социалисты стали организовывать внутри демократических профсоюзов раскольнические фракции. В профсоюзе рабочих правительственных железных дорог была создана «антикоммунистическая лига», в профсоюзе рабочих энергетической промышленности — реакционная фракция «Мидорикай» («Зеленое общество») и т. д. Эти организации предпринимателей внутри профсоюзов открыто заявляли о том, что их задача заключается в изгнании из профсоюзов коммунистов, в отказе от забастовок и в интенсификации труда рабочих. Несколько позднее, осенью 1947 г., аналогичная группа под названием «Лига демократизации» была создана в «Санбэцу». Взорвать демократические профсоюзы внутри — таков был социальный заказ американо-японских дзайбацу, за исполнение которого энергично взялись социал-реформисты.

Один из мотивов, по которому правительство под напором рабочих масс согласилось на принятие в сентябре 1947 г. нового трудового законодательства, заключался в том, что это законодательство может явиться в руках социал-реформистов средством для раскола рабочего движения. В истории международной пролетарской борьбы рабочему классу не раз приходилось сталкиваться с подобного рода маневрами со стороны правящих клик. Анализируя «фабричное законодательство», принятое в России в ноябре 1906 г., товарищ Сталин писал:

«Пока движение было беспомощно, пока оно не приняло массового характера, реакция знала против пролетариата только одно средство, это средство — тюрьма, Сибирь, нагайка и виселица. Реакция везде и всегда преследует одну цель: расколоть пролетариат на мелкие группы, сломить его передовой отряд, запугать и привлечь на свою сторону нейтральную массу и, таким образом, вызвать разброд в лагере пролетариата. Мы видели, что этой цели она отлично достигала с помощью нагаек и тюрем.

Но дело повернулось совершенно иначе, когда движение приняло массовый характер. Теперь реакция имела дело не только с «зачинщиками», — перед ней стояла неисчислимая масса во всем своем революционном величии. И она должна была считаться именно с этой массой. А массу не перевешаешь,

не сошлешь в Сибирь, не вместишь в тюрьмы. Сечь же ее нагайками не всегда наруку реакции, почва под которой давно уже заколебалась. Ясно, что наряду со старыми средствами необходимо было новое, «более культурное» средство, которое, по мнению реакции, могло бы углубить разногласия в лагере пролетариата, возбудить ложные надежды у отсталой части рабочих, заставить их отказаться от борьбы и объединить их вокруг правительства.

Именно таким новым средством и является „фабричное законодательство“¹.

Точно так же и японское правительство, насаждая в профсоюзах антикоммунистические лиги и проводя через парламент новое трудовое законодательство, рассчитывало на то, что ему удастся расколоть и обессилить рабочее движение. Однако в течение 1947 г. раскольническим группам не удалось добиться сколько-нибудь серьезных успехов. И в «Санбэцу», и в профсоюзе рабочих правительственных железных дорог, и в профсоюзе энергетиков раскольники оставались изолированными от широких членских масс, которые попрежнему доверяли руководство коммунистам или сочувствующим компартии активистам. Крупным успехом японского рабочего класса было создание в процессе подготовки ко всеобщей стачке «Дзэнрорэн», комитета связи, объединившего, как выше указывалось, большинство профсоюзов, включая и «Содомэй».

Весна и лето 1947 г. прошли под знаком борьбы против реформистских раскольников и обобщения прошлого опыта и самокритики профсоюзных организаций. Одним из недостатков «осенне-зимнего наступления» 1946—1947 гг. было то, что рабочему классу Японии не удалось сплотить вокруг себя крестьянство и мелкую буржуазию городов, среди которых враги японского народа не без некоторого успеха вели антирабочую агитацию. Главные выводы, которые сделали для себя демократические профсоюзы, заключались в том, что необходимо объединить борьбу рабочих и служащих с борьбой городской мелкой буржуазии, страдающей от гнета дзайбацу и американских властей, и с борьбой трудящегося крестьянства против помещичьего землевладения, против принудительных поставок сельскохозяйственных продуктов, против налогов и различных видов «бюрократического контроля».

Практически этот вывод означал для профсоюзов необходимость не замыкаться в круг чисто профсоюзной деятельности в отдельных предприятиях или отдельных отраслях промышленности, а выступить в качестве застрельщиков и

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 287—288.

организаторов борьбы трудящихся и мелкой буржуазии в масштабах мелких префектур, уездов, городов, сельских местностей, улиц, где расположены отдельные предприятия.

В июне 1947 г. правительство во главе с правым социалистом Катаяма объявило об установлении нового размера «средней» или «базисной» заработной платы в размере 1800 иен. Эта сумма в связи с ростом инфляции в реальном выражении не превышала прежних размеров «средней заработной платы». Рабочие организации требовали установления «средней заработной платы» в размере 2,5—3 тыс. иен.

«Санбэцу» от имени рабочего класса Японии выдвинул лозунги: «восстановление отечества руками рабочего народа без кабальных иностранных кредитов»; «государственное управление и общественный контроль над банковскими учреждениями и важнейшими отраслями промышленности»; «установление системы местных минимумов заработной платы на основе действительных цен, по которым покупаются продукты и товары широкого потребления».

Осень 1947 г. и зима 1947/48 г. ознаменовались новым большим подъемом рабочего движения. Его начало было положено забастовкой пяти крупнейших типографий в Токио. Затем в борьбу вступили металлисты, рабочие химической промышленности, железнодорожники, электроэнергетики, работники связи.

Борьба многих профсоюзов на этот раз велась на более высоком политическом уровне, чем раньше. Так, например, профсоюз электриков в Осака боролся совместно с владельцами мелких предприятий, которые были недовольны усилением контроля над распределением электроэнергии, и рабочими этих мелких предприятий за увеличение снабжения мелких предприятий электроэнергией и улучшение электрооборудования. Объединенная демонстрация трудящихся и владельцев мелких предприятий предъявила властям соответствующие требования, которые были удовлетворены.

Рабочие государственной железной дороги Аомори и Акита объявили забастовку, требуя ремонта опасных для эксплуатации локомотивов. Бригады профсоюза на вокзалах разъясняли причины забастовки и призывали пассажиров к солидарности с бастующими. Другие бригады направились в деревни и объясняли крестьянам, готовившимся в это время к продаже в городах урожая, важность для них удовлетворения требований профсоюза. В результате объединенных усилий рабочих и крестьянских организаций требования рабочих были частично удовлетворены, а крестьянам были выделены дополнительные товарные вагоны для перевозки грузов в города.

В конце 1947 г. под давлением профсоюзов правительство согласилось установить на государственных предприятиях новую «среднюю заработную плату» в размере 2920 иен в месяц. Однако к этому времени рост цен опять полностью свел на-нет указанное увеличение, и профсоюзы потребовали установления «средней заработной платы» в размере 5200 иен и минимальной в размере 2800 иен. Профсоюзы считали, что только такая заработная плата может обеспечить питание рабочих в размере необходимых 2400 калорий в день.

В это время вновь усилилась подрывная работа правительственных агентов в профсоюзах. Происходивший в марте 1948 г. съезд профсоюза рабочих государственных железных дорог под давлением раскольников из «антикоммунистической лиги» большинством голосов принял решение согласиться на установленный правительством размер средней заработной платы в сумме 2920 иен.

Окрыленное этим успехом правительство бросило вызов рабочим всех государственных предприятий и учреждений, заявив, что вновь утвержденный размер «базисной заработной платы» является окончательным, и при этом еще отказалось выплатить обещанную ранее разницу за первые месяцы 1948 г. между прежней и новой «базисной заработной платой» рабочим тех отраслей, где профсоюзы отказываются согласиться с ее новым размером. Эта угроза, однако, не устрасила большинство японских профорганизаций, которые решили до конца защищать требования рабочих. Надежды правящих клик на то, что им удастся расколоть и обессилить профсоюзы с помощью сентябрьского трудового законодательства и нового размера «средней заработной платы», явно провалились. Тогда кабинет Асида, пришедший в феврале 1947 г. на смену кабинету Катаяма, заявил о своем намерении пересмотреть трудовое законодательство в худшую для рабочих сторону. Сам Асида и многие из его министров открыто заявляли, что они намерены построить японское трудовое законодательство в духе американских антирабочих законов Тафта-Хартли.

Еще ничего не было сделано для реализации принятого только что, в сентябре 1947 г., нового трудового законодательства, провозгласившего отмену рабского труда детей, подростков и девушек, дискриминации в оплате труда мужчин и женщин, а реакционные американо-японские правители уже выступили с требованием об отмене этого законодательства.

Рабочий класс Японии принял вызов. 1948 год явился годом острых классовых столкновений между японским пролетариатом и американо-японской реакцией. В марте 1948 г. Япония вновь, несмотря на запрет Макартура, оказалась на

границы всеобщей забастовки, хотя на этот раз подготовка к ней не приняла таких открытых организационных форм, как за год до этого. В это время 2,4 млн. чел. находились в состоянии открытого конфликта с предпринимателями, в том числе около 500 тыс. чел. бастовало. Забастовка охватила 130 тыс. работников телеграфа, почты и телефона, 300 тыс. рабочих и служащих правительственных учреждений и коммунальных предприятий. Забастовкой были охвачены многие электрические железные дороги. Несколько дней в Токио не работали почти все трамваи, автобусы и средства связи. На 3 марта была назначена забастовка рабочих и служащих связи и всех правительственных предприятий и учреждений. Однако она снова не состоялась из-за последовавшего 29 марта запрета со стороны штаба Макартура. В апреле развернулась подготовка к празднованию Первого мая под лозунгами компартии и демократических профсоюзов: «Восстановим отечество руками рабочих без кабальных иностранных займов!», «Против войны!», «За единство трудового фронта!», «За установление минимума заработной платы!». В первомайских демонстрациях по всей стране участвовали миллионы трудящихся.

Американо-японские правящие клики, взбешенные огромным размахом движения протеста против их реакционной политики, многократно усилили террор. В тюрьму были брошены сотни активистов профсоюзов. Многие из них подвергались тяжелым пыткам. Сотрудник профсоюза работников связи Яманоути рассказал в американском военном трибунале, судившем его за профсоюзную деятельность, что во время допроса американский чиновник бил его по щекам кожаными перчатками, дергал за волосы, бил кулаком по голове, подбородку, плечам и шее. Затем он бил его сапогами по ногам, душил шарфом, колот руки булавкой и выкручивал пальцы, заложив между ними карандаш. Во время пыток стул, на котором сидел Яманоути, сломался. Пытки все же не были прекращены, и допрашиваемого заставили сидеть на сломанном стуле, утыканном гвоздями, в течение почти 40 минут, пока он не потерял сознание¹.

Яманоути был приговорен к трем годам каторжных работ и 75 тыс. иен штрафа. Другие профсоюзные деятели также были приговорены к каторге и крупным штрафам.

С особенным остервенением американо-японские жандармы преследовали рабочих за установление контроля над производством. В октябре 1948 г. в Токио 245 человек находились в тюрьме по обвинению в этом «преступлении».

¹ «Правда», 13 апреля 1948 г.

10 июля премьер Асида выступил с новыми угрозами по адресу рабочих. «Если наступление рабочих вызовет беспорядки и хаос в стране,— заявил Асида,— то правительство примет решительные меры и будет заключать забастовщиков в тюрьмы, а если их нехватит, будут построены новые, в достаточном количестве»¹.

Напомним о том, что через полгода после этого заявления премьер-министр Асида сам попал в тюрьму за взятки.

19 июля член одной из созданных социал-реформистами по заказу американского империализма «антикоммунистических лиг» покушался на жизнь генерального секретаря японской компартии тов. Токуда. Выступавший на собрании трудящихся в префектуре Сага на острове Кюсю Токуда был серьезно ранен осколками брошенной в него гранаты. Этот злодейский акт был совершен почти одновременно с покушением на жизнь вождя итальянских трудящихся тов. Тольяти и с раскрытием террористического заговора против руководителей компартии в Чехословакии. Во всех этих преступлениях чувствовалась направляющая рука Вашингтона.

Покушение на тов. Токуда вызвало взрыв возмущения среди прогрессивных демократических сил во всем мире. В своей телеграмме Центральному Комитету японской компартии секретарь ЦК ВКП(б) тов. Маленков писал: «Центральный Комитет коммунистической партии СССР с негодованием узнал о подлом покушении презренного наймита врагов японского народа на жизнь нашего товарища Токуда — выдающегося вождя рабочего класса Японии.

Центральный Комитет компартии СССР выражает Центральному Комитету компартии Японии свое дружеское соболезнование и надеется, что тов. Токуда скоро вернется к своей плодотворной деятельности по строительству новой демократической и миролюбивой Японии»².

21 июля от имени компартии США ее председатель Фостер и генеральный секретарь Деннис обратились к компартии Японии с посланием, в котором выразили возмущение в связи с покушением на жизнь Токуда. В послании говорилось, что «подлинным вдохновителем преступления является американский империализм»³.

В связи с покушением на тов. Токуда по всей Японии прокатилась волна массовых протестов против подлых фашистских провокаторов, поощряемых реакционным правительством. Митинги протеста состоялись на всех больших заводах

¹ «Новое время», 4 августа 1948 г., № 32.

² «Правда», 21 июля 1948 г.

³ «Правда», 24 июля 1948 г.

Токио. В Северном Кюсю профсоюзы приняли решение провести одночасовую забастовку протеста. Заявления с выражением негодования и протеста были опубликованы многочисленными рабочими и крестьянскими организациями, в том числе «Санбэцу», профсоюзом рабочих правительственных железных дорог, Крестьянским союзом и др.

Отвечая на телеграмму ЦК ВКП(б), ЦК компартии Японии писал:

«Центральный Комитет коммунистической партии Японии выражает искреннюю благодарность Центральному Комитету коммунистической партии Союза Советских Социалистических Республик за симпатию, выраженную нам по случаю подлого покушения агента империалистических реакционных сил на генерального секретаря нашей партии Токуда.

После покушения состояние здоровья Токуда удовлетворительное, и он с присущей ему энергией выполняет свой долг по руководству партией.

Ободренная и подкрепленная словами братской симпатии и негодованием большинства крупных рабочих союзов Японии, включая Союз рабочих правительственных железных дорог, Всеяпонский союз работников связи, Национальный конгресс производственных профсоюзов, а также все другие демократические организации и народно-демократические силы всего мира, в том числе Центральный Комитет коммунистической партии СССР и Центральный Комитет коммунистической партии Италии, наша партия вместе с демократическими силами и народными массами как внутри страны, так и за границей будет бороться и впредь за мир, демократию и национальную независимость.

Наша партия отвечает на Вашу симпатию с обновленным мужеством и решимостью бороться до победного конца и усилением своей бдительности.

От всего сердца приветствуем весь советский народ в лице товарища Сталина и Центрального Комитета коммунистической партии СССР»¹.

В обращении к японскому народу ЦК компартии Японии писал:

«Покушение на Токуда свидетельствует о самой подлой попытке все еще имеющихся в Японии милитаристских реакционных элементов совершить насилие, направленное против авангарда демократической революции. Это было нападение не только на Токуда, как на стдельное лицо, но это было также злобное террористическое нападение на рабочий класс в целом... Правящие клики Японии, которые не могут сейчас

¹ «Правда», 29 июля 1948 г.

править рабочим классом при помощи прежних фальшивых, якобы демократических мер, начали прибегать к самым подлым актам насилия. Эта фашистская политика проявляется в различных реакционных законах, и возможно, что она примет форму насильственных действий по отношению к профсоюзам, к крестьянским организациям, а также к другим демократическим организациям и движениям. Мы призываем весь трудящийся народ подняться против этого»¹.

Предвидение ЦК японской компартии оправдалось. После покушения на Токуда его вдохновители — японское правительство и американское командование — обрушились на демократические профсоюзы и другие организации трудящихся. Не дожидаясь созыва сессии парламента, правительство лишило рабочих права на получение заработной платы во время забастовок. 22 июля генерал Макартур обратился к Асида с письмом, в котором приказал коренным образом пересмотреть закон о рабочих и служащих государственных учреждений и коммунальных предприятий. Директива запрещает государственным служащим участвовать в забастовках и других формах трудовых конфликтов, а также заключать коллективные договоры. Директива эта была с радостью встречена всей правящей кликой и ее лакеями из руководства социалистической партии. 31 июля японское правительство издало указ, предусматривающий суровые репрессии против рабочих и служащих государственных и муниципальных учреждений, угрожая им тюремным заключением или штрафом в случае забастовок.

Демократические профсоюзы единодушно выступали с протестом против этих наглых поплзновений на права трудящихся. Председатель «Санбэцу» Макото Кан заявил протест против правительственного указа от имени своего союза и назвал этот указ открытым фашистским актом со стороны правительства.

По всей стране вновь прокатилась волна стачек протеста. 4 августа токийское отделение союза рабочих машиностроительной промышленности, насчитывающее около 30 тыс. чел., объявило 24-часовую забастовку. Железнодорожники на острове Сикоку объявили забастовку в знак протеста против увольнения четырех активистов союза. Затем последовали забастовки железнодорожников на островах Хоккайдо и Кюсю. Забастовали работники связи в префектуре Мияги и в Осака

Все эти и многие последующие забастовки рабочих и служащих государственных и муниципальных предприятий и

¹ «Правда», 22 июня 1948 г.

учреждений носили характер открытого протеста против грубого произвола оккупационных властей и японского правительства.

На заседании Союзного Совета для Японии 28 августа 1948 г. советский представитель генерал-майор Кисленко выступил с заявлением по поводу письма генерала Макарута от 22 июля и указа японского правительства от 31 июля о запрещении забастовок и заключения коллективных договоров рабочими и служащими государственных предприятий и учреждений. Генерал Кисленко потребовал отмены этих директив и указов как противоречащих Потсдамской декларации и всем прежним решениям Дальневосточной комиссии. В своем выступлении он сообщил о широкой кампании репрессивных мер против рабочих и служащих государственных учреждений и предприятий. 7 августа японская полиция арестовала девять рабочих правительственных железных дорог в г. Мацуяма, 17 августа полицейские власти выдали ордера на арест 341 рабочего государственных железных дорог за участие в забастовке, и в тот же и на следующий день были арестованы 202 рабочих. 19 августа была подавлена забастовка работников киностудии «Кинута» компании «Тохо», причем против безоружных забастовщиков было брошено около 1000 японских полицейских, четыре танка и 150 американских военных полицейских, руководимых американским генерал-майором Чейс. Генерал Кисленко заявил решительный протест против этих репрессий и потребовал их немедленного прекращения.

Антидемократический характер действий Макарута и японского правительства был настолько очевиден, что даже руководитель отдела труда штаба Макарута Джеймс Киллен не счел для себя удобным после издания Макарутом приказа от 22 июля оставаться на своем посту. Он заявил, что уходит в отставку, так как японское правительство лишило рабочих и служащих государственных и муниципальных учреждений прав коллективной защиты их интересов. «Решения японского кабинета по вопросам труда, вызванные рекомендациями Макарута,— сказал Киллен,— не будут действовать укреплению веры в развитие демократизации со стороны 2,5 млн. гражданских служащих, составляющих 40% организованных трудящихся Японии»¹. Джеймс Киллен на своем посту сам весьма энергично проводил в жизнь требования Уолл-стрита о расколе и «обезвреживании» японских профсоюзов в интересах капитала. Тем более показательной является его отставка. Этот «левый» американский

¹ «New York Times», 3 августа 1948 г.

профсоюзный босс (Киллен — один из лидеров американского Конгресса производственных профсоюзов), повидимому, видел в дальнейшем пребывании на посту помощника Макартура по вопросам труда угрозу для своей карьеры в США, где организованные в КПП трудящиеся могут при случае напомнить ему о его «подвигах» в Японии.

30 ноября 1948 г. правительство добилось принятия парламентом изменений в законе о государственной службе, а 12 декабря был принят «закон о трудовых соглашениях и трудовых корпорациях». Наконец, 14 февраля 1949 г. министерство труда Японии опубликовало новые проекты пересмотра закона о профсоюзах и закона о трудовых отношениях. Все эти правительственные акты основаны на директиве Макартура от 22 июля 1948 г. и направлены к тому, чтобы лишить японские профсоюзы их законных прав по защите интересов трудящихся. Японские законы о труде изменены по образцу американских антипрофсоюзных законов Тафта-Хартли: рабочие и служащие правительственных учреждений и предприятий лишены права коллективной защиты своих интересов; правительственным бюро труда предоставлены права вмешиваться в дела профсоюзов, усложнена и приобрела еще более антирабочий характер процедура арбитража. За участие рабочих и служащих государственных предприятий и учреждений в трудовых конфликтах устанавливаются жестокие репрессивные меры вплоть до тюремного заключения сроком от одного года до трех лет и штрафы до 100 тыс. иен. Установлена система полицейской слежки. Что касается рабочих и служащих других отраслей промышленности и народного хозяйства, то новые законы предоставляют кабинету министров право определять категории рабочих и служащих, которым разрешается участвовать в профсоюзах, а также право устанавливать перечень вопросов, которые, по мнению правительства, могут включаться в коллективные договоры для рабочих, и т. д.

Издание всех этих антирабочих законов не запугало японские демократические профсоюзы. Летом и осенью 1948 г. и зимой 1948/49 г. в Японии продолжалось широкое забастовочное движение. В июле-августе имела место широкая забастовка учителей школ, к которым присоединился профессорско-преподавательский состав 36 университетов Японии. В декабре бастовали предприятия электроэнергетической промышленности, часть рабочих угольной промышленности и моряки 452 кораблей торгового флота. Сразу же вслед за приказом прекратить забастовку железнодорожников в сентябре 1948 г. правительство отдало приказ об аресте 915 рабочих, отказавшихся подчиниться этому приказу. Руководители

японских профсоюзов вновь были предупреждены о том, что американско-японские власти в случае забастовок прибегнут к массовым арестам. В декабре 1948 г. готовилась объединенная забастовка 1,2 млн. шахтеров, текстильщиков, железнодорожников, моряков, электриков. И на этот раз забастовка была запрещена штабом Макартура. Однако забастовки не прекратились. В марте 1949 г. 10 300 железнодорожников центральных дорог провели 24-часовую забастовку, требуя увеличения зарплаты до 6700 иен. В мае 1949 г. началась всеобщая забастовка 420 тыс. рабочих каменноугольной промышленности Японии.

После издания антипрофсоюзных указов и законов террор против профсоюзов достиг небывалых после войны размеров. 3 марта 1949 г. представитель Советского Союза в Дальневосточной комиссии посол Панюшкин в своем заявлении привел новые вопиющие факты произвола американских и японских властей. В ноябре 1948 г. военным судом 24-й американской пехотной дивизии в г. Кокура были осуждены на каторжные работы 16 работников профсоюзов. 28 ноября полиция избила бастовавших телефонисток токийской центральной телефонной станции. 20 железнодорожников на острове Хоккайдо за профсоюзную деятельность были приговорены к тюремному заключению.

Эти террористические действия американско-японских властей сопровождались усилением раскольнической деятельности лидеров социалистов в профсоюзах. Как указывает резолюция Информационного бюро коммунистических партий («Единство рабочего класса и задачи коммунистических и рабочих партий»), «американские и английские империалисты и их сателлиты в европейских странах добиваются раздробления и дезорганизации пролетарских и общенародных сил, возлагая особые надежды на правых социалистов и реакционных профсоюзных деятелей. По прямым указаниям американских и английских империалистов правосоциалистические лидеры и реакционные деятели профсоюзов вносят сверху раскол в ряды рабочего движения, стремятся разрушить созданные в послевоенное время единые организации рабочего класса. Они пытались взорвать изнутри Всемирную федерацию профсоюзов, организовали раскольнические группировки «Форс увриер» во Франции, так называемую «Федерацию труда» в Италии, подготавливают создание раскольнического международного профсоюзного центра»¹.

Эта характеристика целиком и полностью относится также

¹ «Совещание Информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 г.», М., 1949, стр. 17.

к политике американских властей и их право- и «лево»-социалистических лакеев в Японии.

Сразу после опубликования «программы стабилизации», 20 декабря 1948 г., генерал Макартур обратился к японскому правительству с письмом, в котором предписывалось «временно воздержаться от некоторых привилегий и свобод, присущих свободному обществу».

Но принятые одновременно с введением «программы стабилизации» репрессивные «законодательные» меры, сопровождавшиеся новым усилением полицейского террора, хотя и содействовали некоторому усилению влияния раскольниковских групп в профсоюзах, все же не дали желаемого для правителей Японии результата: руководство профсоюзами «Санбэцу» и «Дзэнрорэн» продолжало оставаться в руках передовых демократических деятелей.

Тогда американско-японские власти пошли на применение открыто фашистских мер с целью замены демократического руководства профсоюзов правосоциалистическими врагами рабочего класса. Массовые увольнения рабочих и служащих согласно «программе стабилизации» были использованы для того, чтобы удалить с предприятий руководителей и активистов демократических профсоюзов. Этой мере предшествовало введение в законодательство о профсоюзах пункта о запрещении занятия в том или ином профсоюзе каких бы то ни было выборных должностей лицам, которые не работают по найму на предприятиях, где существуют законным образом зарегистрированные организации данного профсоюза. Из 94 300 чел., уволенных в течение июля 1949 г. с государственных железных дорог, 12 472 чел. получили «порочащие» характеристики за активное участие в стачках и профсоюзной деятельности. Один из уволенных, вице-председатель профсоюза рабочих и служащих государственных железных дорог Судзуки, заявил 18 июля представителям прессы: «Управление государственных железных дорог уволило руководителей профсоюзов для того, чтобы оставить рабочих без руководства и парализовать тем самым их организованное сопротивление». Подготавливавшаяся исполкомом профсоюза всеобщая железнодорожная забастовка протеста против увольнения была запрещена штабом Макарура. В связи с подготовкой этой забастовки министр без портфеля Хигаи выступил 5 августа 1949 г. с заявлением о том, что в случае забастовки по всей стране будет объявлено чрезвычайное положение и полиции будет дано право расстреливать на месте «лиц, захватывающих правительственное имущество» (под этими лицами подразумеваются рабочие-пикетчики, препятствующие штрейкбрехерам работать на предприятиях.— Я. П.).

Замена демократического руководства реакционным была сделана в профсоюзе работников связи при массовом увольнении в августе 1949 г. Из 40 членов центрального стачечного комитета этого союза было уволено 32, среди них председатель комитета Ямаути. Из 28 коммунистов — членов комитета на работе был оставлен только один.

Во время «чистки» школ и университетов были уволены тысячи прогрессивных учителей и профессоров, в том числе почти все демократические деятели профсоюза учителей. Такие же фашистские меры были осуществлены американскими властями и в большинстве других левых профсоюзов с целью передать их руководство в руки правосоциалистических капитулянтов. В дополнение к ранее изданным антипрофсоюзным законам в сентябре 1949 г. были изданы «правила о запрещении политической деятельности государственных служащих», по которым рабочим и служащим государственных и коммунальных предприятий под угрозой тюремного заключения и больших штрафов запрещено участвовать в политических партиях и вести какую бы то ни было политическую деятельность. «Правила» своим острием направлены только против коммунистов и им сочувствующих, их главная цель — лишить рабочих и служащих правительственных предприятий и учреждений возможности избирать коммунистов на руководящие должности в своих профсоюзных и других массовых организациях.

В дополнение к этому был устроен ряд фашистских провокаций против демократических руководителей профсоюзов.

В июне 1949 г. был найден убитым директор правления государственных железных дорог Симояма. Вместо того чтобы организовать розыски фашистских провокаторов-убийц, американские и японские власти выступили с подхваченной всей реакционной прессой грубо провокационной клеветой по адресу компартии.

Произошедшие в июле-августе железнодорожные крушения были использованы для массовых арестов уволенных с работы активистов профсоюза железных дорог с тем, чтобы лишить последних возможности помешать раскольникам и предателям во главе с потерявшим доверие рабочих масс председателем исполкома союза Эцуо Като насильственно захватить руководство профсоюзом. В тюрьмы были брошены тысячи активистов и рядовых участников забастовок.

Все эти террористические фашистские меры, осуществленные под угрозой штыков американских оккупантов, нанесли японскому профдвижению серьезный удар. Раскольникам удалось временно захватить руководство такими крупными профорганизациями, как профсоюз рабочих государственных

железных дорог, союз учителей, федерация рабочих горно-рудной промышленности, всеяпонские союзы работников связи, работников электропромышленности, моряков, судостроителей и др. После этого провокаторы из «лиг демократизации» и других раскольнических групп объявили о выходе этих профсоюзов из «Дзэнрорэн». Однако раскольнические «руководители» профсоюзов не решились пойти на их открытое присоединение к «Содомэй», руководство которого, во главе со старым прислужником японской военщины и дзайбацу Мацуока, еще с довоенных времен заслужило печальную славу профессиональных лакеев буржуазии. В феврале 1949 г. началась организация так называемого «промежуточного» профобъединения под названием «Всеяпонский совет профсоюзов» (сокращенное японское название — «Дзэнрокай»), которое и было создано в августе после того, как раскольники захватили руководство вышеназванными крупными профсоюзами. Кроме последних, к «Дзэнрокай» присоединилась «Лига независимых профсоюзов», объединяющая профорганизации общей численностью в 200 тыс. чел.

Таким образом, вследствие предательства правосоциалистических лидеров, образовался третий профсоюзный центр. Разумеется, «нейтральность» или «независимость» нового центра является не более как маскировкой принадлежности его руководства к реакционному лагерю. Это ясно хотя бы из того, что «Дзэнрокай» и вышедшие из «Дзэнрорэн» профсоюзы объявили о своем выходе из ВФП и присоединении к созданной в Лондоне в конце 1949 г. международной организации профсоюзных раскольников.

В борьбе против разгула американо-японской реакции японские профсоюзы находят братскую поддержку со стороны демократических сил всего мира. В марте 1949 г. «Дзэнрорэн» как организация, представляющая большинство организованных рабочих Японии, был официально принят в ряды Всемирной федерации профсоюзов. В конце декабря 1948 г. ВЦСПС от имени трудящихся Советского Союза обратился к «Дзэнрорэн» с новогодним поздравлением. В своем ответе, опубликованном в центральном органе японской компартии «Акахата» (10 января 1949 г.) «Дзэнрорэн» писал: «Японские рабочие испытали волнение, получив братское новогоднее обращение рабочих Советского Союза. Национальный совет по осуществлению связи между профсоюзами, представляющий японских рабочих, ведя борьбу за национальную независимость, свободу и мир, искренне желает, чтобы Центральный совет профсоюзов Советского Союза и все советские рабочие продолжали борьбу, как авангард рабочих всего мира...».

В марте 1949 г. ВЦСПС пригласил представителей «Дзэн-рорэн» в качестве гостей на X съезд советских профсоюзов. Генерал Макартур, однако, запретил выезд в СССР представителям японских профсоюзов, что вызвало волну возмущения среди широких слоев японской общественности.

12 апреля пресс-бюро советской части Союзного Совета для Японии передало в печать заявление, в котором указывалось, что «американские оккупационные власти в Японии, стремящиеся подобными и другими действиями изолировать японские профсоюзы от общения с профсоюзами Советского Союза, от ознакомления их с деятельностью советских профсоюзов и с положением в Советском Союзе, вообще вступили на путь грубого произвола, пытаясь поставить японские профсоюзы в рамки угодного им (американским властям.— *Я. П.*) общения лишь с американской федерацией труда».

«Подобная политика американских оккупационных властей,— говорится в заявлении,— находится в прямом противоречии с буквой и духом решения Дальневосточной комиссии о „помощи профсоюзным работникам Японии в получении ими информации о деятельности профессиональных союзов в других странах“».

«Можно быть уверенным,— говорится в заключении,— что эта политика, несомненно, будет отвергнута миллионами членов профсоюзов Японии и других стран как политика, не имеющая ничего общего с целями оккупации и с задачами демократизации Японии. Японские профсоюзы должны и имеют право общаться и знакомиться с работой и деятельностью профсоюзов всех стран, а не только тех, которые им навязываются»¹.

В письме, адресованном «Дзэнрорэн» X съезду советских профсоюзов от имени 4,5 млн. членов профсоюзов, выражается негодование по поводу отказа штаба Макарута разрешить выезд японских профсоюзных представителей. Деятельность демократических организаций и особенно профсоюзов, говорится в письме, с невиданной до сих пор жестокостью подавляется все растущими полицейскими силами в атмосфере дикой военной истерии.

«Японские монополисты,— указывает в письме „Дзэнрорэн“,— опираясь на помощь иностранного капитала, проводят политику массовых увольнений, усиливают эксплуатацию рабочих, ввели принудительную систему поставок продовольствия, подчиняют себе народное просвещение с целью подавить демократические устремления трудящихся Японии.

¹ «Правда», 13 апреля 1949 г.

Японские профсоюзы, несмотря на все репрессии реакционного правительства, ведут массовую борьбу против монополистического капитала.

Основным лозунгом профсоюзов в день Первого мая будет: „Рабочие Японии! Объединяйтесь для защиты национальной независимости, мира и свободы“».

Письмо заканчивается словами:

«Товарищи, мы понимаем, что японский народ не получит независимости и мира, если он не будет бороться вместе со своими товарищами — рабочими всего мира. Мы твердо заявляем, что будем бороться рука об руку с рабочими всех стран, объединенными во Всемирной федерации профсоюзов».

Приветственное письмо на имя X съезда советских профсоюзов было получено также от Общества японо-советской дружбы.

«Ваша победа и ваше развитие,— говорится в письме,— являются для нас, японских трудящихся, блестящим примером и вдохновляют нас на борьбу.

Да здравствует славный съезд советских профсоюзов!

Да здравствует тесная связь между профсоюзами СССР и Японии!

За более тесную дружбу с вами!

Да здравствует Иосиф Виссарионович Сталин!»

Запрещая выезд японских делегатов на съезды и конференции организаций ВФП, американские власти в то же время охотно выдают своим слугам — реформистским лидерам профсоюзов — разрешения на посылку делегаций на конференции, созываемые по инициативе американских желтых профорганизаций¹.

Эти трусливые маневры американских властей свидетельствуют о слабости позиций их правосоциалистических прислужников в самой Японии. Только путем террора, только на основе массовых увольнений и арестов демократических деятелей профдвижения американские власти могли добиться временных успехов в борьбе против японских демократических профорганизаций.

* * *

Краткое рассмотрение фактов, касающихся борьбы рабочего класса в послевоенной Японии, позволяет сделать следующие выводы:

¹ В апреле 1949 г. делегаты «Содомэй» присутствовали на конференции американских профсоюзов в Питтсбурге, штаб Макартура оказал активное содействие в посылке делегаций «Содомэй» и «Дзэнрокай» в Лондон на организационный съезд раскольников международного профдвижения.

1. Рабочий класс Японии является ведущей силой японского народа в его борьбе за мир, независимость и демократию. Благодаря разгрому гитлеровской коалиции Советским Союзом и другими народами Объединенных наций, благодаря резкому изменению в результате второй мировой войны соотношения сил в пользу социализма, рабочий класс Японии получил возможность создавать массовые организации для защиты своих классовых интересов, и эту возможность он широко использует: организованность рабочих и других трудящихся городов в Японии далеко перешагнула все довоенные масштабы.

2. Борьба рабочего класса Японии происходит в условиях все усиливающегося наступления американской и японской реакции на права трудящихся, в условиях, когда реакция использует всю свою власть для того, чтобы сохранить в Японии колониальный уровень эксплуатации трудящихся. Поскольку решающей силой реакции в Японии является американский империализм, борьба трудящихся классов Японии приобрела большое международное значение. Демократические силы послевоенной Японии превратились в один из крупных отрядов мирового лагеря демократии.

3. Высокая организованность японского рабочего класса проявляется не только в том, что профсоюзами в настоящее время охвачено около 60% рабочих и служащих Японии, но также и во всеобщем участии трудящихся городов в классовых битвах под руководством демократических профсоюзов. В настоящее время в Японии вряд ли найдется хотя бы сотня крупных предприятий или учреждений (вплоть до министерств), где бы после войны не имели место конфликты или забастовки. В забастовках и конфликтах после войны участвовало подавляющее большинство организованных и значительная часть неорганизованных рабочих и служащих Японии.

Ленинизм учит, что участие трудящихся в забастовках является для них школой классовой борьбы. Участие в забастовках помогает трудящимся осознать прямую противоположность и полную несовместимость их интересов с интересами работодателей (в том числе — капиталистического государства), осознать свою силу и мощь как творцов и единственных законных хозяев всех богатств на земле. Забастовки, требующие жертв и связанные с громадными лишениями для их участников, закаляют трудящихся и сплачивают их вокруг демократических профсоюзов, вокруг пролетарской партии и вождей пролетариата. Забастовки помогают разоблачению мнимых «друзей», примазавшихся к рабочим организациям, и в то же время они помогают выдвижению

истинных активистов и руководителей пролетарских организаций.

Поэтому массовое участие японских трудящихся в конфликтах и забастовках имеет величайшее значение не только для удовлетворения текущих требований об улучшении экономического положения, но и для подготовки трудящихся классов к революционной борьбе за создание народно-демократического правительства и государства.

4. Колоссальный рост мощи и организованности рабочего класса Японии сказался, между прочим, в том, что, в отличие от довоенного времени, большинство забастовок и конфликтов оканчивалось полным или частичным удовлетворением требований бастующих. С июня по декабрь 1947 г. из 372 стачек только 20 окончились поражением бастующих. 84 стачки принесли бастующим полную и 268 — частичную победу¹.

Только в результате стачечной борьбы рабочим Японии удалось пятикратно добиваться повышения размеров «средней» или «базисной» заработной платы и тем самым ограничить снижение реальной заработной платы.

5. Хотя непосредственной целью забастовок было удовлетворение экономических требований рабочих и служащих, крупнейшие забастовки не могли не носить политический характер уже по одному тому, что американские власти и японское правительство безоговорочно стояли на стороне предпринимателей, не считались ни с Потсдамской декларацией, ни с рекомендациями ДВК, отклоняли или оттягивали принятие демократического трудового законодательства и грубо нарушали те трудовые законы, которые были приняты под большим давлением японских трудящихся и международных демократических сил. Передовые японские профсоюзы не боятся «обвинения» их в политической деятельности, так как все более широкие массы трудящихся Японии убеждаются в том, что без политической борьбы против реакционного правительства невозможна защита ими своих интересов.

6. Одна из важных особенностей послевоенного рабочего движения Японии состоит в массовом применении рабочего контроля над производством. Американская и японская реакция почуяла в рабочем контроле смертельную опасность для капиталистов и направила главный удар против участников контроля. В официальных заявлениях неоднократно указывалось, что подобная деятельность профсоюзов является незаконной, так как она не применяется нигде в других странах. И действительно, ни в одной другой капиталистической

¹ «Oriental Economist», 28 февраля 1948 г

стране после второй мировой войны рабочий контроль над производством не применялся в таких широких масштабах, как в Японии.

Но это говорит только в пользу японского пролетариата, который сумел взять на себя инициативу в широком применении этого, более совершенного, чем обычная забастовка, метода пролетарской классовой борьбы.

Рабочий контроль над производством, применяемый в Японии, отнюдь не представляет собой «захват предприятий» или их «социализацию», как то пытаются изобразить враги японского пролетариата. Рабочий контроль — это один из методов стачки, и, может быть, ему суждено войти в историю под названием «японской забастовки», подобно тому как другой вид стачки вошел в историю под названием «итальянской забастовки».

Рабочие Японии, сознавая свою ответственность за восстановление японского народного хозяйства, стремясь выполнить свой патриотический долг перед родиной, применили такой метод борьбы против саботажников-предпринимателей, который позволил им добиваться удовлетворения своих экономических требований, без того, чтобы прибегать к прекращению работ. Наоборот, как неоднократно отмечала печать, на многих предприятиях, где был установлен рабочий контроль, производительность труда значительно повышалась. Препятствуя установлению рабочего контроля над производством и обрушиваясь с репрессиями на его участников, американские власти, японские реакционеры и их лакеи (включая «левых» лидеров социалистической партии вроде Мидзутани, заявившего в бытность министром о «незаконности» рабочего контроля) сами толкают рабочих к обычным забастовкам, к прекращению работы, чтобы потом свалить вину за экономическую разруху на рабочий класс и его демократические организации.

Борьба против рабочего контроля над производством — один из методов экономического саботажа дзайбацу.

Применение рабочего контроля является одним из методов борьбы рабочего класса против капиталистического саботажа, за восстановление отечества руками трудящихся без кабальных иностранных займов.

7. Послевоенную борьбу рабочего класса Японии поддерживают широкие слои демократической интеллигенции. Как правило, в забастовках на японских предприятиях принимают активное участие также специалисты и служащие. Выше мы отмечали факты массовых забастовок учителей школ и профессуры высших учебных заведений. Передовым отрядом рабочих и служащих правительственных предприятий и

учреждений являлся до захвата в 1949 г. руководства реформистами союз работников связи, в котором значительный удельный вес принадлежит служащим и техническому персоналу почт и телеграфов. В числе передовых японских профсоюзов находился также союз работников печати, объединяющий не только рабочих, но и редакционно-издательских сотрудников, выступающих бок о бок с рабочими коллективами типографий.

8. Одним из крупнейших успехов послевоенного рабочего движения Японии является вовлечение в него широких масс женщин. К концу февраля 1948 г. из 6,3 млн. членов профсоюзов женщин было 1,4 млн.¹ В довоенной Японии число женщин — членов профсоюзов измерялось лишь несколькими десятками тысяч человек. Разумеется, организованность женского пролетариата в Японии еще далеко неполная: как раз текстильная промышленность, где большинство рабочих — женщины, в этом отношении находится на одном из последних мест. Но вовлечение в профсоюзы полутора миллионов японских работниц является фактом, значение которого невозможно переоценить. После войны японская женщина-работница, бывшая ранее рабыней на предприятии и в семье, становится рядом с мужчиной в борьбе за новую демократическую Японию.

Все эти успехи рабочего движения в послевоенной Японии не могут, однако, скрыть его еще непреодоленных слабостей и серьезных опасностей, которые стоят на пути его развития.

В результате фашистских мер американского командования численность демократических профобъединений уменьшилась: на конгрессе «Санбэцу» в конце 1949 г. было представлено 770 тыс. членов — вдвое меньше против 1947—1948 гг.

Однако развитие рабочего движения в 1949—1950 гг. показывает, что эти «успехи» раскольников являются в значительной степени формальными, временными и непрочными, так как рабочие массы Японии ни в малой степени не доверяют профсоюзным боссам, посаженным на свои должности оккупантами взамен арестованных или уволенных с предприятий демократических лидеров и активистов профсоюзов².

Вопреки всем стараниям раскольников, стачечная борьба японского пролетариата в 1949—1950 гг. не только не утихает, а, наоборот, усиливается, и реформистские боссы вынуждены следовать требованиям членской массы, фактически руководимой во многих случаях прежними, демократическими лидерами.

¹ «Большевик», 15 сентября 1948 г.

² Продолжая фашистские преследования демократических профорганизаций, Макартур издал 30 августа 1950 г. приказ о запрещении и роспуске «Дзэнорэн».

Как указывал в своем докладе в январе 1950 г. Кюити Токуда, «важный фактор, который дал возможность монополистическому капиталу добиться успеха в его наступлении в прошлом году, заключается в том, что монополистическому капиталу удалось расколоть профсоюзы и другие объединения народа. Однако борьба в течение этого года разоблачила преступления „лиг демократизации“, и они уже не могут сохранить за собой руководство массами»¹.

Компартия — вдохновитель и организатор борьбы японского народа за мир, независимость и демократию

Главная опасность для японского рабочего движения состоит в том, что еще далеко не преодолен раскол рабочего класса, что соглашатели-реформисты, выступая в качестве агентуры американского империализма и японских дзайбацу, все еще держат под своим влиянием значительную часть организованных в профсоюзы трудящихся Японии и, опираясь на власть эксплуататорских клик, не только не прекращают своих атак на демократические профсоюзы, но и добиваются временных успехов.

Цель реформистов — совлечь профсоюзы с пути классовой борьбы на путь тред-юнионистского соглашательства, свести стачечную борьбу рабочего класса к крохоборчеству, к выпрашиванию у предпринимателей подачек в виде «бонусов» и «наградных», а главное, прикрываясь «социалистическим» штампом, не допустить соединения рабочего движения с социализмом и тем самым обречь рабочий класс Японии и весь японский народ на долгие десятилетия капиталистического рабства.

«...Стихийное рабочее движение, рабочее движение без социализма, — указывал товарищ Сталин в 1905 г., — неизбежно мельчает и принимает тред-юнионистский характер — оно подчиняется буржуазной идеологии... Рабочее движение должно быть соединено с социализмом, практическая деятельность и теоретическая мысль должны слиться воедино и тем самым придать стихийному рабочему движению социал-демократический характер, ибо „социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом“»².

«Что такое научный социализм без рабочего движения? — писал товарищ Сталин в той же брошюре. — Компас, который, будучи оставлен без применения, может лишь заржаветь, и тогда пришлось бы его выбросить за борт.

¹ «Правда», 15 апреля 1950 г.

² И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 105.

Что такое рабочее движение без социализма? — Корабль без компаса, который и так пристанет к другому берегу, но, будь у него компас, он достиг бы берега гораздо скорее и встретил бы меньше опасностей.

Соедините то и другое вместе, и вы получите прекрасный корабль, который прямо несется к другому берегу и невредимым достигнет пристани»¹.

Эти гениальные слова великого стратега социалистической революции полностью подтвердились всем ходом исторического развития. Неустанная борьба против социал-соглашательства, обрекающего рабочее движение на долгие годы бесплодного блуждания в потемках, завоевание на сторону коммунистической партии большинства рабочего класса, является необходимым условием успешности борьбы японского народа за народную демократию и социализм. Тот факт, что значительная часть организованных японских рабочих и служащих все еще находится в рядах реформистских профсоюзов, представляет собой в условиях политического господства реакции серьезную опасность для рабочего движения Японии. Поэтому необходимым условием дальнейшего успешного развития рабочего движения является решительная борьба против социал-реформистских раскольников, объединение всех профсоюзов под лозунгом «класс против класса», под знаменем борьбы за мир, независимость и народную демократию.

Успех борьбы японского рабочего класса в огромной степени зависит от того, сумеет ли рабочий класс повести за собой непролетарские слои трудящегося населения, крестьянство, интеллигенцию, а также мелкую буржуазию городов. К крестьянству принадлежит приблизительно половина японского населения.

Мелкие предприниматели и торговцы, ремесленники и служилый люд составляют значительную часть населения городов. Необходимо иметь в виду, что вследствие далеко еще не изжитых традиций «патернализма»² участие в демократической борьбе сотен тысяч рабочих и служащих мелких торговых и промышленных предприятий все еще в известной

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 102—103.

² «Патернализм» («семейные отношения» между хозяином и работником) — одно из вреднейших проявлений буржуазной идеологии; насаждаемая эксплуататорскими классами и широко распространенная в довоенной Японии, особенно среди рабочих мелких и средних предприятий, а также среди крестьян, «идея» о том, что предприниматель или помещик — «отец», а рабочие или крестьяне-арендаторы — его «дети» и обязаны во всем подчиняться «заботливому отцу».

степени зависит от позиции, какую в этой борьбе займут хозяева этих предприятий.

В послевоенной Японии складываются благоприятные объективные условия для вовлечения в демократическую борьбу под руководством рабочего класса также и непролетарских слоев населения, включая и мелкую буржуазию городов.

Основная масса японского трудового крестьянства ничего не получает от макартуровской «аграрной реформы». Крестьяне стонут под гнетом налогов и принудительных сборов продуктов по твердым ценам, сборов, производимых полицейским аппаратом японской реакции с такой же беспощадностью, как и в военные годы. Острый дефицит товаров широкого потребления и удобрений тяжело бьет по трудящемуся крестьянству, вынужденному покупать все по ценам черного рынка. Сокращение внешней торговли, помимо прочих последствий, отняло у японских крестьян большую часть такого важного в прошлом дополнительного дохода, каким был доход от шелководства. В связи с демобилизацией вооруженных сил и репатриацией усилилось аграрное перенаселение в Японии.

Все это — объективные факторы, способствующие усилению союза рабочего класса и крестьянства в борьбе против правящих реакционных клик.

После войны крупнейшей политической организацией крестьянства является Крестьянский союз. Руководство этой массовой крестьянской организацией принадлежит демократическим силам — в его исполкоме большинство составляют коммунисты, а также левые социалисты и беспартийные, стоящие на позициях единого демократического фронта. Совершенная еще в 1946 г. попытка правых социалистов в лице одного из их лидеров — военного преступника Хирано — расколоть Крестьянский союз окончилась для них полным провалом: за Хирано и его группой, попытавшейся создать свой особый союз, пошла лишь небольшая горстка (менее десятой части) делегатов съезда Крестьянского союза. Но правые социалисты и другие раскольники не прекратили своих атак на Крестьянский союз. На съезде союза в апреле 1949 г. они выдвинули неслыханное по своей наглости требование, чтобы кандидаты, выдвигаемые при выборах в исполком, до голосования одобрялись штабом Макартура. Съезд большинством голосов отверг предложение предателей, после чего те покинули съезд и объявили о создании нового крестьянского союза. Продолжается упорная борьба против раскольников Крестьянского союза, которые, отражая интересы кулацкой верхушки деревни и опираясь на всемерную поддержку властей, апеллируют к самым отсталым слоям крестьянства, к тем, кто еще

не пробудился для политической жизни и сохраняет веру в непогрешимость «сына солнца» — императора.

После войны коммунистической партии Японии удалось создать значительные по своему влиянию партийные организации также и во многих сельских местностях. Во время «осенне-зимнего наступления» 1947—1948 гг. организации Крестьянского союза во многих префектурах с успехом организовали среди крестьян сбор продуктов для бастующих рабочих. На выборах в парламент в январе 1949 г. кандидаты от коммунистической партии были избраны в префектурах Тоттори, Симанэ и Нагано, где большинство населения составляют крестьяне.

Но все это — только первые успехи в борьбе за создание прочного союза пролетариата и крестьянства как одной из предпосылок победы народной демократии. Предстоит упорная, терпеливая работа компартии и других демократических организаций с целью изжития монархических и «патерналистских» иллюзий и традиций, работа по вовлечению широких масс трудящихся крестьян в общий поток активной борьбы за мир, демократию и независимость.

Как уже указывалось выше, большие слои японской интеллигенции вовлечены в общую демократическую борьбу через демократические профсоюзы. Передовая японская интеллигенция чрезвычайно болезненно переживает духовный гнет американского империализма в Японии. В пору господства милитаристов японским писателям, художникам, режиссерам, артистам и другим работникам искусства разрешалось писать и исполнять только произведения, способствовавшие разжиганию шовинизма и джингоизма. Многие из левых работников литературы и искусства в годы войны бросили свои профессии, отказавшись служить милитаристам, некоторые были заключены в тюрьмы. Теперь, когда в Японии объявлена «свобода печати», «свобода слова» и т. п., эти свободы оказались предоставлены прежде всего и главным образом дельцам американских кино, радио и прочих монополий, которые заполнили японские театры и кино, эфир и полки книжных магазинов пошлостью детективных романов, убожеством гангстерских кинофильмов и какофонией джазов.

Американские дельцы от «культуры» и «искусства» быстро установили взаимное понимание с японскими содержателями ресторанов, публичных домов, кинотеатров и т. п., но им не удалось найти общий язык с наиболее видными и талантливыми представителями японской интеллигенции, которые увидели в экспансии американских кино, джазов и т. п., осуществляемой под дулами оккупационных войск, смертель-

ную опасность для искусства, культуры и науки японского народа, для их многовековых традиций, их успехов, которые в некоторых областях (графика, живопись, медицина и др.) стали достоянием всего человечества.

Многие деятели науки, культуры и искусства в Японии отказываются от сотрудничества с американскими властями и, идя на тяжелые материальные лишения, предпочитают сотрудничать в демократических органах печати, выступать в скромных аудиториях рабочих клубов, в вечерних рабочих школах. В послевоенной Японии имеет место массовое участие японской интеллигенции в демократических обществах культуры и искусства. Многие сотни видных деятелей японской культуры и искусства вступили в коммунистическую партию. На проходивших в начале 1949 г. выборах в японскую Академию наук были избраны 29 придерживавшихся левых взглядов японских ученых, в том числе семь коммунистов. Это — беспрецедентное событие в истории японской науки. Конец 1948 — начало 1949 г. ознаменовались вступлением в компартию сотен виднейших деятелей японской культуры и искусства, среди которых известные в Японии писатели Сэйкити Фудзимори, Удзюку Акита, Цунэкида Харахада, скульптор Ясухару Сираи, режиссеры, художники, литературные критики, артисты, музыканты.

Господство американо-японских дзайбацу тяжело отражается на положении мелких и средних предпринимателей и торговцев. Последние все больше убеждаются в лживости и демагогичности американских деклараций насчет «восстановления свободной конкуренции». Попрежнему контроль над экономикой Японии сосредоточен в руках дзайбацу, в руках крупных спекулянтов и контрабандистско-гангстерских шаек, которые грабят и терроризируют не только трудовое население, но и мелких торговцев и промышленников, требуя от них дани под угрозой убийств и поджогов. Попрежнему, как и в годы войны, абсолютным приоритетом при получении дефицитных сырья, топлива и энергии пользуются компании дзайбацу. Все это вызывает большое недовольство среди городской мелкой и средней буржуазии и вместе с тем создает почву для ее вовлечения в демократический лагерь.

Разумеется, из всех слоев населения, чьи социальные интересы вкоре расходятся с интересами правящей верхушки, мелкая и средняя буржуазия городов, а также зажиточное крестьянство, в силу их собственных стремлений, наиболее подвержены влиянию всякого рода реакционных и милитаристских партий и организаций. Именно эти слои представляют собой массовую базу «либерально-демократической» и «демократической» партий, а также фашистских организаций

типа «син-эй-тайсюто». Привлечение этих слоев на сторону пролетариата или хотя бы их нейтрализация — наиболее трудная задача. Но в нынешних условиях национального предательства дзайбацу и открытого перехода последних на службу американского империализма эта задача не является невыполнимой. Об этом свидетельствуют первые и пока еще небольшие успехи: участие некоторых массовых организаций мелких торговцев и предпринимателей в народных митингах и демонстрациях, создание демократических кооперативных организаций, в которых также участвуют многие мелкие торговцы, и т. д.

Вождем и организатором борьбы японского народа за мир, демократию и независимость, против реакционной власти американско-японских дзайбацу и помещиков, за создание народно-демократического правительства и государства является партия японского пролетариата — японская коммунистическая партия.

В первые недели после выхода компартии из подполья в ее рядах насчитывалось всего несколько сот членов. На V съезде партии в феврале 1946 г. было представлено уже 7,5 тыс. членов и кандидатов партии, к концу 1946 г. в партии было 23 тыс. чел., а на VI съезде, состоявшемся в декабре 1947 г., было представлено 94 тыс. коммунистов. В дальнейшем в партию влились новые сотни и тысячи лидеров и активистов профсоюзов и крестьянских организаций, рабочих и интеллигенции.

Программа партии, принятая на VI съезде, ставит в качестве главной задачи борьбу за народно-демократическую революцию, которая должна покончить с властью дзайбацу, ликвидировать все остатки феодализма, привести к власти народно-демократическое правительство.

Центральная задача компартии Японии заключается в непримиримой борьбе против политики американского империализма, направленной к установлению экономического господства в Японии, к превращению ее в плацдарм для военных авантур, а японского народа — в пушечное мясо.

Как указывала газета «За прочный мир, за народную демократию» (№ 1 (61) за 1950 г.), «в данных условиях трудящимся Японии необходимо иметь ясную программу действий».

Организации коммунистической партии, профсоюзы и все демократические силы страны должны сплачивать трудящихся, повседневно разоблачать колонизаторские планы иностранных империалистов в Японии и предательскую антинародную роль японской реакции. Они должны вести решительную борьбу за независимость Японии, за создание

демократической и миролюбивой Японии, за безотлагательное заключение справедливого мирного договора, скорейший вывод американских войск из Японии, за обеспечение прочного мира между народами.

Руководители трудящихся и народные патриоты Японии должны понять, что Япония может подняться и стать великой независимой державой лишь в том случае, если она отрешится от империализма и империалистических союзов, если она встанет на путь демократии и социализма, если она будет держаться линии мирного развития и укрепления мира между народами. Либо Япония встанет на этот путь — и это будет спасением для нее, либо она не встанет на такой путь, и тогда она будет вынуждена превратиться в жалкое орудие в руках мирового империализма, лишенное свободы и независимости и обреченное на прозябание».

Между тем опыт деятельности японской коммунистической партии показал, что некоторые ее руководители не понимали этой ясной программы и давали неправильную ориентировку трудящимся Японии в той сложной обстановке, которая создалась в стране.

Один из видных деятелей японской компартии Носака (Окано), анализируя внешнюю и внутреннюю политическую обстановку Японии, доказывал, что в послевоенной Японии имеются все необходимые условия для осуществления мирного перехода к социализму даже в условиях оккупационного режима и что будто бы это — «натурализация марксизма-ленинизма на японской почве».

Оккупационная армия, по словам Носака, не только не мешает целям японской компартии, а, наоборот, способствует демократизации Японии.

«Пребывание союзных войск, — утверждал Носака, — рассчитано на то, чтобы разоружить Японию и вместе с тем освободить народ от тоталитарной политики, сделать Японию демократической. Союзные войска, оккупировав Японию, не намерены превратить нашу страну в колонию».

По мнению Носака, коммунистическая партия Японии даже в условиях оккупационного режима может привести рабочий класс к власти: «Возникла возможность, — говорил он, — что пролетарские партии, завоевывая большинство мест в парламенте, могут создать свое собственное правительство и взять в руки политическую власть путем разрушения бюрократического аппарата и его сил. Другими словами, возникла возможность захвата власти через парламент демократическими методами».

В июне 1949 г. в докладе на пленуме ЦК КПЯ Носака вновь категорически утверждал, что создание народно-демо-

кратического правительства при оккупационном режиме, безусловно, возможно, и что «оккупационные войска будут выведены из Японии, как только будет создано такое правительство».

Нечего и говорить о том, что эта точка зрения является насквозь оппортунистической, что она не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом. Характеризуя эти «теории» Носака, газета «За прочный мир, за народную демократию!» в том же номере писала:

«Таким образом, Носака договорился до таких буржуазных пошлостей, что даже при наличии американских оккупационных войск возможен переход Японии мирным путем прямо к социализму. Эти взгляды Носака высказывал и раньше. Так, в подготовленном им и опубликованном проекте манифеста компартии и затем в статье, опубликованной буржуазной газетой „Майници симбун“ в мае 1946 г., Носака утверждал: „Опираясь на поддержку большинства народа и полагаясь на усилия самого народа, партия намерена мирными и демократическими средствами развить социальную систему в более совершенную по сравнению с капитализмом, а именно — в социалистическую“».

Утверждая, что американские оккупационные войска в Японии якобы играют прогрессивную роль и содействуют «мирной революции» по пути развития Японии к социализму, Носака вводит в заблуждение японский народ и помогает иностранным империалистам превратить Японию в колониальный придаток иностранного империализма, в очаг новой войны на Востоке. Попытка Носака сочинить какую-то «новую» теорию о том, что в Японии после второй мировой войны, при безраздельном господстве иностранных империалистических властей, якобы создались условия для мирного развития Японии в социалистическую страну, вся эта так называемая «натурализация» марксизма-ленинизма есть не более как японский вариант давно разоблаченной и чуждой рабочему классу антимарксистской и антисоциалистической «теории» о мирном перерастании реакции в демократию и империализма — в социализм.

«Теория» Носака — это теория приукрашивания империалистических оккупантов Японии, теория восхваления американского империализма, следовательно, она — теория обмана японских народных масс.

После выступления центрального органа Информационного бюро коммунистических партий с цитированной выше статьей, в которой взгляды Носака были осуждены, Носака на пленуме ЦК КПЯ в январе 1950 г. подверг свои взгляды критике, которую пленум ЦК признал удовлетворительной.

Выступивший на этом же пленуме с докладом генеральный секретарь компартии Токуда заявил, что для борьбы за свои основные цели, сформулированные в программе партии, компартия выдвигает следующие лозунги:

1. Против сепаратного мира, который принесет войну. Ускорить заключение всестороннего мирного договора, который обеспечит мир при согласии между великими державами.

2. Против сепаратного мира, который ведет к колонизации и фашизму. Ускорение заключения всестороннего мирного договора для обеспечения свободы, независимости, демократии и процветания.

Пленум ЦК в январе 1950 г. вновь подтвердил, что компартия ставит перед собой задачу создания широкого демократического национального фронта, программа которого, состоящая из 18 пунктов, формулируется следующим образом:

«Быстрейшее заключение всестороннего мирного договора и вывод оккупационных войск сразу после полного восстановления суверенитета страны; укрепление мира во всем мире путем сотрудничества миролюбивых стран на основе пакта мира между США, Англией, СССР и Китаем и китайско-советского договора; гарантия безопасности Японии на этой же основе; справедливое разрешение территориальных вопросов в соответствии с Потсдамским, Каирским и Ялтинским соглашениями; против превращения Японии в военную базу и против участия ее в военных союзах; запрещение действий, направленных на провоцирование войны; неограниченное развитие мирных отраслей промышленности; немедленное восстановление равноправной внешней торговли со всеми странами; защита японской промышленности и сельского хозяйства; против принудительного импорта продовольствия; ликвидация господства иностранного капитала в промышленности, финансах и внешней торговле; против непомерного бюджета, имеющего военный характер; запрещение производства и перевозки военного снаряжения; против подавления правительствами органов местного самоуправления; самостоятельность в работе парламента, в составлении бюджета, внутренней и внешней политики; против подавления демократических организаций; против ограничения прав профсоюзов; запрещение вести политическую деятельность лицам, подвергшимся чистке, и военным преступникам, в том числе лицам, связанным с подготовкой бактериологической войны; тесное сотрудничество с миролюбивыми силами во всем мире»¹.

¹ «Правда», 28 марта 1950 г.

Таким образом, компартия видит свою главную задачу в борьбе за мир и за национальную независимость Японии как необходимое условие ее демократизации и процветания.

Компартия считала, что основой народного фронта должен стать единый фронт коммунистической и социалистической партий, как партий, наиболее влиятельных в рабочем классе. ЦК компартии многократно обращался к ЦК социалистической партии с предложениями о единстве действий. В социалистической партии среди ее рядовых членов и низовых активистов много сторонников единого фронта. Фактически в процессе стачечной борьбы, в процессе подготовки и проведения демонстраций, митингов и т. д. низовые организации социалистической партии выступали единым фронтом с коммунистами. Но руководство социалистической партии до настоящего времени находится в руках раскольников из числа «левых» и правых социалистов, которые отвергали и отвергают единство действий с компартией и в то же время объединяются с реакционной партией «демократов» и другими реакционными силами для борьбы против компартии. Съезд социалистической партии в апреле 1949 г. вновь отверг предложение компартии о сотрудничестве.

Поэтому на своем пленуме в январе 1950 г. ЦК КПЯ выдвинул в качестве основы создания демократического национального фронта совместные действия и созыв конференции трех партий — коммунистической партии с рабоче-крестьянской партией, стоящей на позициях единства, и с честными элементами социалистической партии. «Необходимо,— заявил в своем докладе Токуда,— изолировать предательское руководство социалистической партии от масс, осуществляя требования масс о едином фронте. Мы не хотим посредством единого фронта заставить другие партии объединиться с компартией, но эта организация должна действительно объединять массы на борьбу, ведущуюся на основе единой платформы. Конференция трех партий и есть организация такого типа, и она ни в коем случае не является временной организацией»¹.

Коммунистическая партия Японии после войны превратилась в массовую боевую организацию японского пролетариата, пользующуюся поддержкой миллионных масс японских трудящихся. Громадный рост влияния японской компартии особенно ясно обнаружился во время выборов в нижнюю палату парламента 23 января 1949 г. За компартию голосовало 3578 тыс. человек, или 9,6% от общего числа прини-

¹ «Правда», 15 апреля 1950 г.

мавших участие в голосовании, против 1 млн. на предыдущих выборах в 1947 г. Коммунисты получили 36 депутатских мест против четырех на прошлых выборах. В Токио кандидаты компартии были избраны по всем избирательным округам, в Осака — по четырем из пяти избирательных округов. Коммунисты прошли в обоих избирательных округах Кйото. На этих же выборах жесточайшее поражение потерпела социалистическая партия, которая провела в парламент 49 своих депутатов против 111 на предыдущих выборах. Среди забаллотированных кандидатов социалистической партии были ее виднейшие лидеры — бывший премьер Тэцу Катаяма, министры Суэхиро Нисию и «левый» социалист Кандзю Като. В то же время в парламент были избраны все виднейшие руководители компартии — Токуда, Носака, Сига и др.

В течение всех послевоенных лет против компартии были направлены главные удары японской реакции. Уже в 1946 г. начали выдвигаться проекты запрещения деятельности компартии и примыкающих к ней организаций. В 1948 г. эти проекты приняли конкретную форму — правительство Йосида выдвинуло план создания при парламенте «комиссии по расследованию антияпонской деятельности» — точно по образцу «комиссии по расследованию антиамериканской деятельности», этого американского издания гестапо. Успех коммунистов на выборах 23 января 1949 г. несколько спутал планы правительства: коммунистическая фракция парламента, в рядах которой насчитывается 36 депутатов, по парламентскому уставу имеет полное право на представительство и участие во всех комиссиях парламента. Если бы «комиссия по расследованию антияпонской деятельности» была создана при парламенте, то можно не сомневаться, что коммунисты-депутаты сделали бы все, чтобы превратить эту комиссию в орган, соответствующий ее названию, в орган разоблачения национальной измены и предательства со стороны правящих клик Японии, продавшихся американскому империализму. Чтобы избежать этого, правительство решило создать такую комиссию не при парламенте, а при кабинете министров, изъяв ее из-под контроля парламента с тем, чтобы придать ей открыто антикоммунистический характер.

Американо-японские реакционные клики рассчитывали на то, что им удастся добиться ослабления влияния компартии путем насильственной смены руководства демократических профсоюзов, путем массовых арестов коммунистов — лидеров профсоюзов.

Провал этих расчетов обнаружился в связи с громадным размахом в Японии в 1949 и особенно в 1950 г. массовой

борьбы в защиту мира, против превращения Японии в военную базу, за заключение всестороннего мирного договора с Японией. С апреля 1950 г. по всей стране с успехом развернулся сбор подписей под стокгольмской декларацией в защиту мира. Первомайские демонстрации и митинги 1950 г. прошли по всей стране под лозунгами защиты свободы, мира, независимости, под лозунгами протеста против подготовки войны и превращения Японии в военную базу. В Токио в демонстрации и митинге участвовало 600 тыс., в Осака, Киото и Иокохама по 100 тыс., в Нагоя — 70 тыс. чел. и т. д.

В одном из многочисленных писем, адресованных товарищу Сталину и подписанном 66 434 японскими военнопленными в СССР, уезжавшими на родину, последние писали:

«В Советском Союзе мы впервые стали духовно свободными людьми и познали правду.

Покидая великую страну победившего социализма, мы торжественно клянемся народу великого социалистического государства и Вам, любимый отец и гениальный учитель трудящихся всего мира, что мы будем самоотверженно бороться за нерушимую дружбу между японским народом и народами Советского Союза потому, что только она может принести нашему народу счастье, национальную независимость и мир, свободу и демократию. Мы знаем, что коренные интересы японского народа и народов Советского Союза полностью совпадают.

Мы расскажем японским трудящимся правду о социалистической стране, чтобы разбить антисоветскую демагогию, распространяемую американскими империалистами и продажными японскими реакционерами.

Мы клянемся, что ни американским империалистам, ни японским милитаристам не превратить нас вновь в своих послушных солдат, выполняющих их преступные замыслы.

Мы клянемся до конца соблюдать верность делу демократии, делу мира и братской солидарности трудящихся всех стран»¹.

Взбешенные ростом антивоенной борьбы в Японии, американские власти и их японские марионетки с начала 1950 г. предприняли ряд новых фашистских провокаций против компартии. В феврале-марте против генерального секретаря компартии Токуда было выдвинуто гнусное обвинение в том, что он якобы обращался к правительству СССР с просьбой задержать репатриацию «реакционных элементов» из японских военнопленных. После полного провала этой провокации американские власти потребовали от японских коммунистов от-

¹ «Правда», 6 мая 1950 г.

каза от агитации против превращения Японии в военную базу, особенно против строительства американских военных баз в Японии. Одновременно начались аресты и судебные расправы над участниками антивоенной борьбы.

Вслед за успехом антивоенных первомайских демонстраций американский гаулейтер в Японии и обер-палач японского и корейского народов генерал Макартур 3 мая 1950 г. заявил, что он «сомневается, может ли компартия рассматриваться как конституционная организация» и что «следует подумать об объявлении компартии вне закона».

Вслед за этим весь полицейско-судебный аппарат американско-японской реакции был мобилизован, чтобы нанести удар по японской компартии. Состоявшиеся 4 июня 1950 г. очередные выборы в палату советников проходили в обстановке военно-полицейского террора.

Накануне выборов американские оккупационные власти организовали провокационный процесс восьми участников массового митинга в защиту мира, придав этому «процессу» злобный антикоммунистический характер. Военный суд в Токио приговорил участников митинга к каторжным работам сроком от 5 до 10 лет.

В день выборов в одном только Токио было мобилизовано до 25 тыс. полицейских. Усиленные патрули американской и японской полиции заполнили в этот день все улицы японской столицы.

Японские полицейские власти запретили всякие митинги и демонстрации, оцепили парки и площади и создали в городе обстановку, напоминающую осадное положение.

В самый день выборов в Токио был арестован 21 коммунист.

Однако коммунистическая партия сохранила свои места в палате советников. Три кандидата компартии были вновь избраны. Кандидаты, выдвинутые или поддержанные компартией, получили на выборах 2800 тыс. голосов, что свидетельствует о сохранении за компартией ее влияния среди широких масс трудящихся, несмотря на все происки реакции.

Через день после выборов, 6 июня 1950 г., американско-японская реакция обрушилась на японскую компартию с новыми фашистскими гонениями, аналогичными тем, которым компартия Японии подвергалась в годы господства японской военщины. Японское правительство уведомило всех членов ЦК компартии Японии о распространении на них макартуровской «директивы о чистке» (той самой директивы, которая давно уже отменена в отношении фашистов и милитаристов) и о запрещении им заниматься политической деятельностью. Коммунистам — членам парламента было предложено

ликвидировать в парламенте их дела. На следующий день Макартур распорядился о распространении этой же директивы на 17 руководящих работников центрального органа компартии — газеты «Акахата».

6 июня 1950 г. коммунистическая партия Японии обратилась к японскому народу со следующим воззванием:

«Свирепые репрессии кабинета Йосида, подвергнувшего чистке всех членов ЦК компартии Японии, прямое нарушение Потсдамской декларации и 16 принципов Дальневосточной комиссии есть явное доказательство того, что силы международной реакции, потерпевшие поражение во всем мире и, в частности, в Азии, где они зашли в тупик и вынуждены были начать общее отступление, прилагают все усилия к тому, чтобы превратить нашу родину в военную базу. Внутренняя и внешняя реакция, которая оказалась не в состоянии справиться с деятельностью нашей партии, мужественно борющейся на недавних выборах против создания военных баз, в защиту национальной независимости и мира, начала впадать в крайность, подобно смертельно раненому зверю.

Патриоты всей нашей страны! Эти репрессии против нашей партии, проводимые внутренней и внешней реакцией, есть не что иное, как выступление против всего народа.

Примеры Гитлера и Тодзио показывают, что если вы отступите хотя бы на шаг перед лицом такой угрозы, то свобода всего народа будет растоптана, а вся нация будет ввергнута в рабство.

Патриоты! Мы обращаемся к вам с призывом подняться вместе с нами на защиту нашей партии, чтобы предотвратить разрушение нашей любимой родины вследствие превращения ее в базу для третьей мировой войны и отстоять независимость нашей нации.

Никакие репрессии не смогут нарушить прочных связей между нашей партией и народом, никакие репрессии не смогут сломить нашу партию и нацию. Мировая история показывает, что, пока наша партия идет вперед вместе со всем патриотическим народом, она будет жить вечно.

В настоящее время 40% всего человечества вместе с компартиями строят народно-демократические и социалистические государства — оплот мира, свободы и независимости. Заря освобождения занимается и над нашим отечеством.

Патриоты всей страны! Поднимайтесь на решительные массовые действия во главе с рабочими с тем, чтобы рассеять мрак перед рассветом. Справедливость и победа на стороне нашей партии и всех патриотов страны.

6 июня 1950 года. Коммунистическая партия Японии».

Сразу же вслед за изданием указанной директивы по всей стране начались налеты полиции на помещения компартии и руководимых ею профорганизаций, обыски и аресты руководящих работников местных партийных организаций.

Над коммунистической партией Японии вновь нависла прямая угроза запрета и необходимости ухода в подполье. Стараясь до конца использовать все легальные возможности, компартия Японии сплотилась вокруг Центральной контрольной комиссии, избранной на VI съезде партии и объявившей себя временным центральным руководящим органом компартии, а также вокруг парламентских фракций в нижней палате и в палате советников.

Оценка политической обстановки, данная в вышеприведенном воззвании коммунистической партии Японии, оказалась совершенно правильной. Не прошло и трех недель после издания Макартуром террористических директив против компартии, как американские захватчики и их корейские марионетки начали разбойничью войну против Корейской Народно-демократической республики. Как указывал в своем выступлении 11 августа 1950 г. представитель Советского Союза в Совете Безопасности Я. А. Малик «зловещую роль... (в подготовке войны против Корейской Народно-демократической республики.— Я. П.) сыграл несомненно генерал Макартур, который, возомнив себя наместником царя и бога на Дальнем Востоке, повидимому, не будучи намерен возвращаться в Соединенные Штаты Америки, ищет предлога продлить свое пребывание на Дальнем Востоке»¹.

Усиление террора против японской компартии явилось одним из актов подготовки войны против Корейской Народно-демократической республики, одним из актов втягивания Японии в новую военную авантюру, ее использования в качестве военного плацдарма и тыловой базы американских агрессоров.

Начало войны в Корее ознаменовалось дальнейшим усилением фашистского террора в Японии. 26 июня — на другой день после начала войны генерал Макартур объявил о запрете коммунистической печати, в результате чего японское правительство закрыло свыше 1 200 левых газет. Против 9 лидеров японской компартии (Кюити Токуда, Сандзо Носака, Рицу Ито, Хироси Хасэгава и др.) было возбуждено незаконное судебное преследование и выдан ордер на их арест, что заставило руководящих деятелей компартии уйти в подполье.

Несмотря на усиливающийся террор, трудящиеся Японии решительно выступают против американской агрессии в

¹ «Правда», 13 августа 1950 г.

Корею. В воззвании, обращенном к японскому народу, компартия Японии писала: «Мы решительно выступаем против участия нашей страны в какой бы то ни было форме в гражданской войне в Корее. Это прежде всего важно для мира и безопасности нашей страны, а также для мира во всем мире. В интересах восстановления нашей страны мы должны поддерживать дружеские отношения с корейским народом и другими народами Азии.

Трудящиеся Японии, патриоты! Открыто растоптав Потсдамскую декларацию и японскую конституцию, наши правители, используя гражданскую войну в Корее, пытаются отсрочить мирное урегулирование, еще больше колонизировать страну и превратить ее в военную базу и в то же время восстановить военно-фашистский режим, подобный тому, какой существовал во время войны на Тихом океане.

В стране быстрыми темпами восстанавливаются милитаристские силы и военная промышленность. Руководители компартии и ее газета „Акахата“ подвергаются преследованиям. Все речи и статьи, в которых говорится правда о войне, все выступления против увольнений, за обеспечение работой, за повышение заработной платы жестоко подавляются полицией. На военных заводах рабочие, получающие низкую зарплату, подвергаются к тому же беспощадной эксплуатации и притеснениям со стороны администрации. Крестьянство страдает от принудительных поставок, низких цен на рис, тяжелых налогов и импорта продовольствия. Мирные отрасли промышленности, и прежде всего мелкие и средние предприятия, находятся на грани краха»¹.

Призыв компартии к борьбе против американской агрессии в Корее, к борьбе за мир, нашел горячий отклик в сердцах трудящихся: в Йокохаме и других японских портах имели место многочисленные случаи отказа рабочих от погрузки американских военных грузов, направляемых в Корею. Усилилась кампания по сбору подписей под Стокгольмским Воззванием — к началу августа 1950 г. в районе Токио под Воззванием поставило свои подписи 1,7 млн. человек, а по всей Японии — 5 млн. человек.

Закаленная в тяжелой многолетней борьбе японская компартия продолжает свою борьбу в защиту национальных интересов Японии, преодолевая новые препятствия, встающие на ее трудном пути.

¹ «Правда» 16 июля 1950 г.

В 1925 г., отвечая на вопросы корреспондента газеты «Ници-Ници» Фусе, товарищ Сталин сказал:

«Это верно, что японский народ является самым передовым из народов Востока, что он заинтересован в успехах освободительного движения угнетенных народов...

Но верно также и то, что государственный и социальный строй Японии толкает японский народ на путь империализма, делая его орудием не освобождения, а порабощения народов Востока.

Вы спрашиваете: как выйти из этого противоречия между интересами японского народа, с одной стороны, и государственным и социальным строем Японии,— с другой?

Выход один: изменить государственный и социальный строй Японии по образу и подобию коренных интересов японского народа»¹.

С тех пор как были сказаны эти проникнутые чувством глубокой симпатии к японскому народу слова, прошло четверть века. За эти годы японский народ пережил 14-летнюю войну, в которой он выступал в качестве орудия японского империализма и которая принесла ему, так же как и народам, являвшимся жертвами японской агрессии, гибель миллионов людей, голод, нищету и разорение.

В нашей работе мы рассмотрели роль монополистического капитала как главной силы правившего Японией реакционного блока, приведшего Японию к национальной катастрофе и поставившего ее на грань превращения в колонию американского империализма. Мы видели, что и сейчас в Японии сохраняется власть дзайбацу, которые, выступая в роли «младших партнеров» американского империализма, готовы вновь бросить Японию в пучину войны в своих собственных интересах и в интересах их заокеанских хозяев.

После окончания войны народы Китая, Кореи и Индокитая успешно использовали поражение японского империализма для освобождения от империалистического гнета, для создания народно-демократических государств, которые успешно отстаивают свою независимость и закладывают основы для строительства социализма. Китайский народ одержал полную победу над империализмом. Героический народ Кореи ведет священную освободительную войну против американских захватчиков и их марионеток. Народ Вьетнама с оружием в руках успешно отстаивает все попытки французского империализма и его американских покровителей

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 228.

ликвидировать республику. Ширится и растет вооруженная народная борьба против империалистов в Индонезии, Бирме, на Малайях и Филиппинах.

Оккупация Японии американским империализмом помешала японскому народу использовать победу международной демократии во второй мировой войне и разгром японского империализма в такой же степени, как это удалось сделать другим народам Восточной и Юго-Восточной Азии. Но тяжелый опыт второй мировой войны и годы, прошедшие после войны, не прошли для японского народа даром.

Разгром японского империализма не принес японскому народу освобождения от империалистического гнета, но и под террористической властью американских оккупантов японский пролетариат сумел создать свои массовые демократические организации, объединившие миллионы трудящихся, выступающие как продолжатели лучших традиций «Дзэнкё» и других довоенных левых профобъединений, руководившихся из подполья компартией.

Суровую школу непримиримой классовой борьбы прошли миллионы японских рабочих и служащих, участвовавших в забастовках и демонстрациях, в установлении рабочего контроля над производством. В Японии, как и во всем мире, соотношение между силами, ведущими борьбу за социализм и демократию, и силами реакции после войны резко изменилось в пользу первых. Колоссальный рост организованности рабочего класса, сплоченность его передовых отрядов вокруг коммунистической партии, упорное сопротивление бешеным наскокам фашистствующих американских оккупантов и их японских наймитов — все это делает несомненным, что расчеты американского империализма на то, чтобы добиться длительного господства над японским народом, закабалить его и превратить и свое пушечное мясо, обречены на провал.

Успехи демократического движения в Японии, достигнутые в труднейших условиях американской империалистической оккупации, служат залогом того, что японские трудящиеся будут до полной победы вести борьбу, чтобы «изменить государственный и социальный строй Японии по образу и подобию коренных интересов японского народа» (Сталин).

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Аграрный вопрос в Японии 11—16, 362—369, 454—456, 497
- Агрессия США после войны, общая характеристика 5, 326—328, 370—372; *см. также* Демилитаризации Японии срыв, Демократизации Японии срыв, США и Япония
- Агрессия японская, история и общая характеристика 3—8, 26—30, 197, 284—301; *см. также* Военные преступления, Военный государственно-монополистический капитализм, Военщина, Войны Японии, Колониальная политика, Оккупированные Японией территории, СССР и Япония
- Администрация экономическая *см.* Государственный аппарат
- Административная реформа 1943 г. 90—92
- «Акционерная компания по развитию Северного Китая» 311—312, 314
- «Акционерная компания по развитию Центрального Китая» 311—312, 314—315
- Алюминий *см.* Легкие металлы
- «Алкоа», американский концерн в Японии 395
- «Амагасаки сэйтэцу», компания 163
- Американская программа экономической стабилизации *см.* «Программа экономической стабилизации»
- Американо-английская конкуренция в Японии после войны 385—386
- «Американская торговая корпорация» 378
- Американские монополии в Японии до войны *см.* Иностранное предпринимательство в Японии до войны.
- Американских монополий контроль над японской экономикой 381, 390, 423, 425, 440—443; *см. также* «Антитрестовские» маневры, Внешняя торговля, Государственно-монополистический контроль после войны, «Долларовые фонды», «Иеновые фонды», Миссии монополистические, отдельные компании и отрасли экономики
- Анархия капиталистического производства в годы войны 122, 184—187
- Антипрофсоюзные законы 401, 482—487
- «Антитрестовские» маневры американских властей в Японии 331, 401—422, 439—440
- Асано, концерн 20, 23, 35—36, 40, 162, 241—243, 251—253, 313, 316, 402, 412
- «Асано сээнто», компания 253
- «Асахи бэмбэрг», компания 146, 393, 395
- «Ассоциация по контролю над финансированием» 109
- «Ассоциация помощи трону» («Тайсэй йокусанкай») 85—87, 89, 94, 330
- «Ассоциация по финансированию приоритетных отраслей промышленности» 105
- «Аэронавигационная компания Великой Японии» («Дайнихон коку») 166
- Аюкава концерн *см.* Ниссан, Мангйо, Хитати, после войны 421

Б

- Бактериологической войны подготовка 339—340
- Банки в Японии — банковский капитал 13, 31; концентрация и слия-

ние 100, 112—116; концернов банки 29, 31, 101, 113—115, 116, 419—420; Дайити 113, 254, 411; Дайхяку 114, 255; Мицуи (Тэйкоку) 20, 113—116, 212, 213, 419; Мицубиси 31, 114, 116, 230, 419; Санва 113, 115—116, 419; Сумитомо 114—116, 237, 419; Ясуда 114—116, 239—240, 419; сберегательные 113; «Специальные» банки 101, 112, 117, 160; «Военных финансов» 104, 106; «Финансирования реконструкции» 437—438; «Южных морей» 319; «Выделенные» банки 106; *см. также* Японский банк, Промышленный банк, Иокохама спэши банк, Корейский банк
Безработица — в годы войны 129; после войны 136, 453, 454
Биржи 106, 166
Бирма 319
Бомбардировки Японии авиационные 350
Борьба за мир в Японии *см.* Мир
Бюджет *см.* Финансы

В

Ватанабэ, концерн 421
«Вестингауз», американский трест в Японии 395
Внешняя задолженность Японии 27, 374, 380—381, 391
Внешняя торговля — до войны и в годы войны 29, 75, 198—199; после войны 354, 373—387, 426—428, 433, 437
Внутренняя торговля в годы войны 118—128
Военная промышленность *см.* Промышленность
Военной каторги режим в годы войны *см.* Пролетариат Японии
Военно-стратегическое строительство после войны 346
Военно-фашистский путч 1936 г. 82—83
Военно-феодалный характер японского империализма 39
Военные и военно-морские арсеналы 27, 167
Военные преступники 331, 339—342, 344
Военный государственно-монополистический капитализм — общая характеристика 43—48, 51—62; и дзайбацу 48, 51, 119; и военно-мо-

нополистический контроль в промышленности 142—179; экономические итоги 180—190; *см. также* Государственный аппарат, Законодательство реакционное, Картели, Концерны, отдельные отрасли промышленности
Военщина — и дзайбацу 81—83, 86, 169, 173—179, 200—202, 221—222, 258, 285, 305, 320; политическая роль 6, 77—78; «группа контроля» 79—80, 82—84, 206; «группа Сага» 79—82, 84—85, 201; «группа Угаки» 79—81, 84
Войны Японии (до второй мировой войны), их влияние на экономику и на развитие дзайбацу 5, 6, 8, 26—31, 284
Вооруженные силы — в годы войны 129, 171; после войны 345—348
«Восточно-колонизационная компания» («Тойо кайхацу») 285, 306
«Всеяпонская контрольная ассоциация по финансированию» (Дзэнкоку кинью тосэйкай) 105
«Второстепенные» концерны 244—257
«Выделенные» компании 106, 178—179

Г

ГАРИОА (GARIOA) 378, 380
Генро, генроин 23, 89, 90
Германия и Япония 4, 84
Голландская Индия 319
Гоминдан 314—317
Государственно - монополистический капитализм *см.* Военный государственно-монополистический капитализм
Государственно - монополистический контроль после войны 355
Государственные займы *см.* Финансы
Государственный аппарат и экономический контроль в годы войны 63—76, 196
Государственный долг 27, 117—118, 356—357, 371—373
Государственный капитал и государственное предпринимательство 154—168, 284, 438
Государственный протекционизм 17—19, 21, 24
«Группа контроля» *см.* Военщина
«Группа Кодо» *см.* Военщина («группа Сага»)
«Гундзэ Когё», компания 412, 420

Д

- «Дайнихон босэки», компания 146—147
 «Дайнихон босэки рэнгокай», картель 51
 Дальневосточная комиссия (ДВК) 324—325, 341, 425—426, 443, 445, 466—467, 489
 «Дальневосточный Мюнхен» 3, 181, 318
 «ДВК — 230», 404—406
 Дворцово-правительственная бюрократия 77, 78, 83
 Дзайбацу — значение термина 5;
 «ликвидация» *см.* «Антитрестовские» маневры
 «Дзэнрокай» («Всеяпонский совет профсоюзов») 488, 494
 «Дзэнрорэн» («Всеяпонский совет связи между профсоюзами») 463—464, 476, 486, 488—490
 Демилитаризации Японии срыв после войны 5, 342—348
 Демократизации Японии срыв после войны 5, 328—342
 «Демократическая» партия 330, 331, 333—334, 339, 499
 Демократический национальный фронт 497—499, 504
 Денежная реформа 1946 г. 361
 Детский труд после войны 451
 «Децентрализация» концернов 281—282, 408—409
 «Дженерал моторс», американская компания в Японии 395
 «Дженерал электрик», американская компания в Японии 395
 «Договоры о сотрудничестве» японских монополий с американскими 440—443
 «Долларовые фонды» 378—382, 432
 Дэмпинг *см.* Внешняя торговля

Е

Единый фронт, борьба за 504

Ж

Женский труд в годы войны 130

З

Забастовочное движение *см.* Стачечное движение
 Займы государственные 27, 56—61, 118, 356—358, 438

Законодательство в Японии — экономическое в годы войны 63—76;
 «антитрестовское» 407

Законы — об ассоциациях в главных отраслях промышленности 69;
 о всеобщей мобилизации 64, 107—108; об изменении избирательной системы (1947 г.) 336; о компаниях военного производства 106, 178; о контроле над основными отраслями промышленности 50; о мобилизации военной промышленности 64; об «опасных мыслях» 80; о «регулировании капиталовложений» 103; о «регулировании трудовых отношений» 465—468; о судостроительной промышленности 171; о труде и профсоюзах 464—468; о «чистке» 329, 332, 407; *см. также* Антипрофсоюзные законы, Террор против демократических сил

Заработная плата в Японии — до войны и в годы войны 14—16, 133—134, 136—138; после войны 361, 448, 454, 477—478

Землевладение в Японии 363—364

И

«Иеновые фонды» после войны 426, 428—434, 437

Императора имущество, «Императорский» концерт 11, 276—279, 363

Импорт Японии после войны *см.* Внешняя торговля

Индокитай 319, 321, 511

Иностранное предпринимательство в Японии до войны 387—396

«Институт тотальной войны» 64, 292

Инфляция — в годы войны 58—59, 117; после войны 118, 357—362, 428

Иокохама спэши банк 103, 161, 318—319

«Йомиури-Хоти», конфликт 470

«Исикавадзима», компании 214, 254

Исихара, концерт 37, 290, 318

Италия и Япония 84

Й

«Йокусан сонэндан», политическое общество 87—88

«Йокусан сэйдзикай» *см.* «Политическая ассоциация помощи трону»

Кабинеты правительственные до войны — Като 80; Танака 77; Вакацуки 201; в годы войны: Хирота 84, 206; Хаяси 84, 85, 94; Коноэ 84, 85; Тодзио 86—87, 92; Койсо 92, 94; Судзуки 89, 92—93; после войны: Хигасикуни 330; Сидэхара 330, 368; Йосида 330, 335, 470, 472, Катаяма 337; Асида 337

Кавасаки, концерн банковский 35, 41, 255—266, 275

Кавасаки, концерн промышленный, «Кавасаки дзюкогё», компания 23, 110, 163, 275—276, 402, 412, 420

«Казначейство национального возрождения» («Кокумин Косэй Кинко») 105, 111

Каирская конференция 323, 326

«Калтекс» — американская компания 440

«Калькуляции стоимостной» система 124

Каменноугольная промышленность — до войны и в годы войны 38, 49, 51, 122—123, 141, 149—152, 166; после войны 353, 434

«Камикадзэ» («Священный ветер») 344

Канэгафуту компании, «Канэгафуту босэки» 145, 147, 200, 214, 224, 412, 420

Капитал акционерный в Японии 29, 35

Капитализм японский — накопление капитала 11—16; революция Мэйдзи 6, 9—11, 17, 19; протекционизм государственный 16—26; *см. также* Аграрный вопрос в Японии, Промышленное развитие в Японии, Феодализма пережитки в Японии

Картели японские — до второй мировой войны 48—52; в годы войны 52, 63—76

«Катакура» компании 147, 412

Квантунская армия и генерал-губернаторство 3, 306, 310

Китай — компартия 316; контрабанда японская 285—288; концерны японские 310—317; *см. также* Акционерная компания по развитию Северного Китая, Акционерная компания по развитию Центрального Китая, Маньчжурия, ЮМЖД

«Кобэ сэйкосё», компания 418, 420

«Кодан», правительственные корпорации (после войны) 438

«Кокура сэйко», компания 163

Колониальные компании 284—285

Колониальная политика Японии 284—292, 294—295, 311; *см. также* Оккупированные территории, Корея, Формоза

Колониальный уровень эксплуатации японского пролетариата *см.* Зарплата в Японии, Пролетариат японский

«Комитет советников» 74, 90, 91

Компартия Японии — в годы войны 457—461; после войны 461, 480, 495—511

Конкурентная борьба и монополии 38, 280—281

Коноикэ, концерн 9, 19

Конституции Японии пересмотр после войны 332—333

«Контрольные органы» и контроль экономический — общая характеристика, контрольные ассоциации и компании, контрольные союзы 65—67, 69—73, 75, 124, 142—143, 150, 156, 158, 172, 179, 187—189; и концерны 69, 72—73; в отдельных отраслях народного хозяйства 70, 72—73, 105, 115, 125, 128, 144, 148—149, 164, 170; контроль над зарплатой 134; «контроль над прибылями» 105—108

Концентрация производства и централизация капитала — до войны и в годы войны 31—37, 100, 112, 116, 147, 149—152, 157, 191—196; после войны 191, 434

Концерны — как основная форма монополий 38; число, структура, капиталы, удельный вес в отдельных отраслях народного хозяйства 34—43, 118, 132—133, 226—227, 244; история 28, 31; в колониях и на оккупированных территориях 28, 306—309, 314, 320—321; реорганизация в годы войны 222—224, 279—283; финансовое положение после войны 356—358, 361; *см. также* Контрольные органы, отдельные концерны

Корейский банк 268, 306

Корея 4, 27, 268—269, 285, 293—294, 509—511

«Корпорация по промышленному оборудованию» 166

Кредиты государственные концернам 104—105, 112, 117—118, 235, 437—438

Космополитизма пропаганда 426

Крестьянское движение после войны 497—498

«Кун Лёб», американский банкирский дом 390, 394

«Курасики босэки», компания 146—147, 170

Кухара компании 28, 259—260.

Л

Легких металлов промышленность 152—154, 250—251, 441

Ленин В. И. о Японии 8, 11, 26, 293

«Либерально-демократическая» партия 330—334, 337, 499

Лига демократизации 475

«Ликвидация» дзайбацу 331

«Личная уния» 95—98, 234, 410

М

Малайя 319

«Мангё» концерн 35, 259—267, 305, 307, 309

Маньчжурия 27, 81, 265—266, 286, 301—310; *см. также* «Мангё», «Ниссан», ЮМЖД

Маркс о Японии 6

Медеплавильная промышленность 38

«Международная компания электричества» («Кокусай дэнки Цусин») 16

Международный военный трибунал для Дальнего Востока («Токийский трибунал») 4, 291, 328, 342

Мелкая и средняя промышленность 33, 50, 193—195; *см. также* Концентрация производства

«Меморандум Танака» 80, 292

Местные органы власти 93, 94, 338

Металлургия черная *см.* Черная металлургия, Нихон сэйтэцу, Нихон кокан

Мидуэй, битва у острова (1942 г.) 172

Милитаризм в Японии *см.* Военщина, Демилитаризация срыв, Ремилитаризация

Министерство вооружения 75, 87, 169—179

Министерство по делам великой восточной Азии 74, 300

Минсэйто, партия 80, 83, 87, 94—95, 201, 330

Мир, борьба японского народа за мир 506, 507

Мирного урегулирования с Японией срыв 327

Миссии монополистические американские — Поули 398—399; Эдвардса 404, 406, Страйка 398—399, 423; Дрейпера-Джонстона 384, 398, 400—401, 423; Доджа-Шоупа 398, 424—425

Мицубиси концерн — история 10—11, 20—21, 22—23, 25, 28, 30; в годы войны 218—232; удельный вес и компании в отдельных отраслях народного хозяйства 22, 31, 35—36, 40, 72, 150—151, 163, 170, 201, 220, 225, 228—230, 313, 321, 412, 420—422, 434; и конкуренция с Мицуи 218—219, 221; и контрольные органы 72; и колонии и оккупированные территории 310, 313, 318, 321; головная компания 218—219, 221, 223, 231, 402, 412; отдельные компании: «Мицубиси дзюкогё» (тяжелая промышленность) 72, 222, 228, 229, 313, 321, 412, 418; «Мицубиси гинко» (банк) 31, 114, 116, 230, 419; «Мицубиси дэнки» (электрическая) 72; «Мицубиси сёдзи» (торговая) 201, 229, 412, 421; «Мицубиси когё» (горная) 110, 150, 229, 421

Мицуи концерн — история 9, 11, 19—21, 23, 25, 28, 30, 203, 208; в годы войны 199—200, 202—212; 226; удельный вес и компании в отдельных отраслях народного хозяйства 21, 31, 35—36, 40—42, 73, 150—151, 163, 170, 198—216, 226, 412, 420—421; и конкуренция с Мицубиси 198, 218—219, 221; и контрольные органы 73; и колонии и оккупированные территории 310, 313, 316, 318, 321; головная компания 28, 202—203, 206—208, 211—212, 223—224, 402, 412; отдельные компании: «Мицуи буссан» 21, 199—201, 203, 206, 209, 211, 214—216, 412, 421; «Мицуи гинко» (банк) 31, 203, 209, 212 «Мицуи Кодзан» (горная) 110, 150, 203, 209, 215—216, 412, 420—421; «Мицуи дзосэн» (судостроительная) 215, 420; «Мицуи кагаку» (химическая) 216, 412, 420; «Мицуи соко» (складская) 420; после войны 421—422, 434

Монархия японская 17, 77, 276—279, 333; *см. также* Императора имуществу

Монополии в Японии *см.* Банки, Дзайбацу, Концерны, Контрольные органы, Концентрация производства, отдельные концерны и отрасли промышленности

Моргана американская монополия в Японии 390, 394

Мори концерн 35—36, 152, 271—273, 332, 439

Мукденский арсенал 310

Н

Накадзима концерн 170, 273—275, 360, 412

Налоги — в годы войны 59—60, 62; после войны 358, 435—438

«Нарикины» («новые богачи») 128, 414—416

«Народно-демократическая партия» *см.* Демократическая партия

Население Японии 129, 351, 453

«Национальное богатство» Японии 168, 351

Национальный доход Японии 55

Неравномерного развития капитализма закон и Япония 7—8, 180—190

Неравноправные договоры Японии 6, 18

Нефтепромышленность 161, 440—441

«Ниппон суйсан», компания 263—264

«Ниссан», концерн 36, 150, 259—267, 280, 307, 402, 412, 421

«Ниссин босэки», компания 314, 412

«Нихон аруми», компания 152—153, 250

«Нихон дзидося», компания 264

«Нихон кагаку», компания 263

«Нихон когёо», компания 261—262, 264

«Нихон кокан», компания 162—163, 243, 253, 272, 412, 418, 420

«Нихон кэйдзай рэммэй» *см.* Японская экономическая федерация

«Нихон кэйкиндзоку», компания в промышленности легких металлов 152—153, 250—251, 441

«Нихон мусанто», партия 458—459

«Нихон сода», концерн 35, 152—153, 269—271, 402, 412

«Нихон сэйтэцу», металлургический трест 36, 72, 161—162, 164, 166, 194, 412, 418, 420

«Нихон тиссо», концерн 35, 267—269, 402, 412, 421

«Нихон хассодэн», электроэнергетический трест 156—161

«Нихон цуун», компания 166

«Нихон юсэн кайся», компания в судоходстве, 22, 25, 278, 412

«Новая политическая структура» 45, 76—99

«Новая экономическая структура» 63, 67—68, 73, 75

«Новая научно-техническая структура» 185—186

«Новые концерны» 79, 241, 257—276, 290

Номура концерн 30, 35—36, 256—257, 318, 402, 412

Норма прибавочной стоимости в японской промышленности 14, 137

«Нэйшэнэл сити», американский банк 390, 394, 396

О

Обнищение пролетариата *см.* Пролетариат японский

«Обращающийся торговый фонд» (американский) 381

«Обращающийся торговый фонд для оккупированных территорий» 381

«Объединение по индустриальному оборудованию» («Сангёо сэцуби эйдан») 105

«Оверсиз консалтантс», организация американских монополистов 399, 406, 410

«Огикубо группа» 84, 85

«Одзи сэиси», компания 25, 170, 204, 214, 224, 313, 412, 418, 420

«Оки дэнки», компания 253, 412

Оккупационные расходы Японии 379

Оккупированные Японией территории 184, 293—322; *см. также* Китай, Маньчжурия и др. отдельные страны

Окура концерн 10, 11, 20, 21, 35, 41, 246—249, 310, 313, 316, 402, 412

«Онода сэменто», компания в цементной промышленности 420

Опиумная авантюра японцев в Китае 286—287

«Осака сёосэн кайся», компания 25, 234

П

«Палаты советников» при отдельных министерствах 93

Парламент и парламентские выборы 85—87, 89, 94, 95, 335—338, 505, 507

Партии буржуазно-помещичьи 78, 85, 86; *см. также* Сэйюкай, Минсэйто, «Ассоциация помощи трону»
 «Партийные кабинеты» 78, 80
 Первая мировая война и Япония 27, 29, 30
 «План Гофмана» 400
 «План Хосино» 66, 67, 69
 «План Ясуда» *см.* «Ясуда план»
 «Плановое бюро» 64, 66, 75, 91, 126, 185
 «Политическая ассоциация великой Японии» («Дайнихон сэйдзикай») 88, 89
 «Политическая ассоциация помощи трону» (Йокусан сэйдзикай) 88, 89, 94
 Полугосударственные банки *см.* Банки
 Полугосударственные предприятия *см.* Государственный капитал
 Помещичье землевладение, помещиков класс *см.* Феодалы; пережитки в Японии
 Потсдамская декларация 323—327, 329, 332, 342
 Правительственные кабинеты *см.* Кабинеты правительственные
 Прибыли японской буржуазии 110—111, 288, 434
 Приоритета политика 52, 71, 101, 110, 112, 121; «приоритетные» и «сверхприоритетные» отрасли промышленности 149—179
 «Программа экономической стабилизации» 423—446, 454, 486
 «Прогрессивная» партия 330
 Продовольственное положение после войны 449—450
 Производительность труда в Японии 15, 140—141, 353, 454
 Пролетариат японский — до войны и в годы войны 14, 15, 129—142; положение после войны 448—456; организованность после войны 461; гегемония в освободительной борьбе японского народа 491—495; *см. также* Профсоюзы, Компартия, Рабочая сила
 Промышленное развитие Японии до войны 6—34; в годы войны 142—190; после войны 348—354; *см. также* Отдельные отрасли, Концерны, Мелкая промышленность, Приоритета политика
 Промышленный банк 102—104, 160, 235, 268

Профсоюзы японские 134, 361, 450, 457—459, 461—463, 466, 485—488, 489—490

Р

Рабочая сила в годы войны 129—136, 139—142, 151
 Рабоче-крестьянская партия 504
 Рабочее движение после войны 461—464
 Рабочий контроль над производством 465, 492—493
 Рабский труд после войны 455—456
 Раскольнические фракции внутри демократических профсоюзов 475—476, 478, 486, 488—489, 494
 Реакционно-шовинистические организации после войны 343—345
 Реакция политическая после войны 328—342, 474—490; *см. также* Террор против демократических сил
 Реализация проблема в военное время 119
 «Регулирование» экономическое *см.* Военный государственно-монополистический капитализм, Контрольные органы и контроль экономический, отдельные отрасли экономики
 «Рейнордс», американская компания в Японии 441
 Ремилитаризация Японии после войны 342—348, 353; *см. также* Агрессия США после войны, Демилитаризация Японии срыв, США и Япония
 Репарации с Японии 354, 398—400
 Реформизм в Японии 46—48, 461, 485—486, 495—496; *см. также* Социалистическая партия Японии, Раскольнические фракции
 «Рикэн», концерт 35, 73, 153, 276, 402, 412
 Ростовщичество в Японии 9, 12—13
 Русско-японская война 1904—1905 гг. 6

С

Саботаж экономический после войны 356—360
 Самолетостроение 169—179, 273—275
 «Санбэцу» (Конгресс промышленных профсоюзов) 462, 466, 474—476, 482, 486, 494

«Сангё хококуай» («Общество промышленного служения трону») 134
 Сельское хозяйство после войны 353, 362
 «Сибаура дэнки», компания 217, 393—395
 «Сибаура сэйсакудзё», компания 209, 217
 Сибудзава, концерн 10, 20, 36, 254—255, 402, 412
 «Сйова дэнко», компания 148, 152—153, 243, 272, 332, 421
 «Скользящей шкалы» валютного курса система 426—428
 Советский Союз и Япония — антисоветская агрессия Японии 4, 8, 78, 247, 289—292, 295; решающая роль в победе над Японией 3, 181, 184, 370; в борьбе за демократизацию, демилитаризацию и независимость Японии 341, 348, 365—366, 443—447, 465; советские профсоюзы и профсоюзы Японии 489—490
 «Содомэй» («Всеяпонская федерация профсоюзов») 462, 464, 476, 488
 Социалистическая партия Японии 335, 337—338, 461, 474, 493
 Союзный Совет для Японии 324, 341, 365—366, 443—445,
 Спекуляция в Японии — в годы войны 118—119, 122, 127; после войны 359—361
 «Специальные» банки *см.* Банки
 «Специальные» компании *см.* Государственный капитал
 Сталин И. В. о Японии 4, 8, 42, 76, 181, 511
 «Стандарт вакуум ойл», американский трест в Японии 395, 441
 Стачное движение в Японии 133—135, 460, 468—474, 477, 479, 482—485, 492
 Страховые компании концернов 115
 Субсидирование государственное 123, 125, 164, 428, 430—433
 Судостроение 163, 169—179, 186—187
 «Суйокай», картель 49
 Сумитомо концерн — история 9, 19, 20, 23, 25, 28, 30, 198; в годы войны 227, 232—238; удельный вес и компании в отдельных отраслях народного хозяйства 31, 35—36, 40, 150, 152, 170, 226, 232—237, 402, 412; в Китае 310, 313; головная компания 237, 402; отдельные компании: «Сумитомо киндзоку» (металлургическая) 234, 236, 394; ОСК — 234; банк и кредитные ин-

ституты 31, 115, 235; после войны 420—422, 434
 «Сфера процветания» 284—292, 299
 США и Япония — поддержка японской агрессии 388—389 (*см. также* «Дальневосточный Мюнхен»); политика США после войны — общая характеристика 325—328; срыв демилитаризации и превращение Японии в военный плацдарм США 342—348; экономическое закабаление Японии 370—442; расовая дискриминация в отношении японцев 330; *см. также* Агрессия США. Американских монополий контроль, Внешняя задолженность Японии, Внешняя торговля Японии, отдельные отрасли экономики
 «Сэйсидзё рэнгокай», картель 48
 Сэйюкай, партия 80, 87, 94—95, 201, 330, 334
 «Сэкитан когё рэнгокай», картель 49, 51, 150
 «Сэмэнто рэнгокай», картель 50—51

Т

«Тайд уотер ассошиэтед», американская компания в Японии 395
 «Тайсэй Йокусанкай» *см.* Ассоциация помощи трону
 Таможенный протекционизм 18
 «Тексас ойл», американская компания в Японии 395
 Текстильная промышленность 51, 143—147, 353, 420
 Террор против демократических сил — до капитуляции Японии 77, 80, 84, 134; после капитуляции Японии 338, 479—480, 482—484, 485—488, 506—509
 «Тоа», компания 441
 «Тоё босэки», компания 412
 «Тоёода дзидося», компания 420
 «Тоё коацу», компания 148, 211, 313, 420
 «Тоё мэнка», компания 215
 «Тоё рэйон», компания 204, 211, 420
 «Тоё сода», компания 217
 «Тоёода босэки», компания 288, 313
 «Тоё кайхацу», *см.* Восточно-колониальная компания
 Токийский процесс главных военных преступников *см.* Международный военный трибунал для Дальнего Востока

«Токио Сибaura» компании 412, 418, 420
Токугава, эпоха 12, 16, 17; *см. также* Феодализм в Японии
«Тонаригуми», соседские ассоциации 125
Торгово-промышленные палаты 51, 71
Торговый флот Японии 186, 349, 381—382
Транспорт Японии 166; *см. также* Торговый флот Японии
Трудовая мобилизация *см.* Рабочая сила
Трумэна «Программа помощи отсталым странам» 424
«Тэйкоку дзиндзюкэн», компания 412
«Тэйкоку сэкию», компания 161

У

«Угольная ассоциация Японии» 150
Учетные ставки в Японии и других странах (1883—1913 гг.) 13

Ф

Фашизм японский *см.* «Новая политическая структура», Военщина, Демилитаризации срыв, Демократизации срыв, Ремилитаризация, Террор
Федеральный резервный банк Китая 314
Феодализм в Японии 6, 9, 10, 16, 17
Феодализма пережитки в Японии в деревне 12—14, 77, 78, 363—364
Финансы государственные Японии — в годы войны 17, 27, 53—62, 123, 125; после войны 118, 356—362, 379, 428, 430—435, 437—438; *см. также* Инфляция
Форд в Японии 395
Формоза 27, 288, 293—294, 318
Фудзи Сангёо *см.* Накадзима
«Фудзигасу босэки», компания 412
Фудзита концерн 20, 21, 25, 36, 412
Фурукава концерн 28, 35—36, 41, 73, 249—351, 402, 412, 421, 434

Х

Хабаровский судебный процесс по делу бывших военнослужащих японской армии 339—340
Химическая промышленность 147—149, 267, 269, 353, 420—421

«Хитати сэйсаку», компания 214, 262, 264, 266, 412, 418
«Хлопковый кредит для Японии» 381
«Хоккайдо танко», компания 209, 420—421

Ц

Цен политика 71, 118—121, 124—126
Централизация капитала 34, 35, 71; *см. также* Банки, Концентрация производства, концерны
Центральный Китай 310—317
Центральный резервный банк Китая 314
«Цуруми дзосэн», компания 163
«Цуруми сэйтэцу», компания 163

Ч

Черная металлургия 49, 161—166, 194, 234, 236, 349—350, 353, 420
Чистки государственных органов срыв 328, 339—340
Чунцинское правительство 314—315

Ш

Шелководство 146

Э

«Эквивалентный фонд» 437, 439
Экономическая разруха в послевоенной Японии 348—362
«Экономическая чистка» 407, 410—411, 417
Экспансия торговая *см.* Внешняя торговля
Электроэнергетика 154—161, 269, 349
ЭРОА (EROA) 378, 380

Ю

«Юбэцу танко», компания 421
«Южноманьчжурская железная дорога» (ЮМЖД), концерн 285, 301—311
Южный Сахалин 4, 27
Южных морей страны 298, 317—322

Я

Явата, комбинат 161—162
 Ялтинская конференция 323, 326
 Ямасьта, концерн 30, 36, 73, 412
 «Японская компания по производству
 и передаче электроэнергии» («Нихон Хассодэн») 156—161
 «Японская компания по удобрениям»
 166
 Японская торгово-промышленная па-
 лата 71

«Японская шелководческая компа-
 ния» 146
 «Японская экономическая федера-
 ция» 51, 66, 71
 Японский банк 19, 58—60, 101—
 105, 117, 306
 «Японский промышленный клуб» 49
 Ясуда, концерн — история 11, 20;
 в годы войны 35, 40, 227, 238—
 243; головная компания 243, 402,
 412; после войны 420, 422
 «Ясуда план» 243, 402—404

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абэ Нобуюки, генерал, премьер 90
 Акаси Тэруо, банкир 97
 Араки Садао, генерал 80, 82, 85, 328, 339
 Арима Йориясу, граф, политический деятель 84
 Асано, семья владельцев концерна Асано 20, 93, 173, 174, 176, 251, 252, 253, 402, 411
 Асида Хитоси, премьер 331, 332, 337, 478, 480, 482
 Атчесон Джордж, американский дипломат 465
 Ачесон Дин, государственный секретарь США 383
 Аюкава Гисукэ, промышленник 88, 96, 259, 261, 264, 266, 300, 309, 340, 402, 411

Б

- Болл Макмагон, представитель стран Британской империи в Союзном Совете для Японии 444, 445
 Брэдли Оливер, американский генерал 347

В

- Вакамацу Юдзиро, генерал 340
 Вакацуки Рэйдзиро, премьер 90, 201
 Ван Цзинь-вей, лидер марионеточного прояпонского режима в Китае 315
 Ватанабэ Йосисукэ, промышленник 173, 174, 175
 Ватанабэ Масаносукэ, генеральный секретарь ЦК компартии Японии 460

Г

- Го Сэйносукэ, барон, президент японской торговой палаты 85
 Гоко Кийоси, промышленник 88, 90, 93, 173, 174, 175, 358
 Гото Кэйта, капиталист в области транспорта 92
 Гофман Пол, американский промышленник 400
 Грю Джозеф, американский дипломат 5
 Гуцлов Карл, немецкий миссионер в Китае 286

Д

- Даллес Джон Фостер, американский финансист и дипломат 347
 Дан Такума, барон, финансист 201
 Де Мин, американский промышленник 384
 Деннис Юджин, генеральный секретарь компартии США 480
 Деревянко Кузьма Николаевич, генерал Советской Армии 347, 365, 366, 443, 444
 Джонсон Луис, министр обороны США 347
 Джонстон Перси, американский промышленник 400, 401, 423
 Додж Джозеф, американский финансист 398, 401, 424, 432, 437
 Доихара Кэндзи, генерал 339
 Дрейпер Уильям, американский генерал и банкир 384, 400, 401, 423

И

- Ивасаки, семья владельцев концерна Мицубиси 20, 93, 95, 220, 222, 224, 340, 388, 402, 415

Икэда Сэйхин, финансист, политический деятель 85, 96, 102, 107, 203, 204, 206, 341, 411
 Икэда Хаято, министр финансов 437
 Иноуэ Дзюнносукэ, лидер партии минсэйто 201
 Иноуэ Каору, генро, министр финансов 23
 Ионай Мацумаса, адмирал, премьер 90, 92
 Иосида Сигэру, премьер 330, 331, 335, 337, 341, 442, 470, 505
 Исибаси Тагдзан, министр финансов 185, 361
 Исивата Сотаро, министр финансов 92, 315
 Исии Сиро, генерал 340
 Исихара Коитиро, промышленник 290, 295, 318, 320
 Итагаки Сэйсиро, генерал 79, 85, 328, 339
 Итани Масасукэ, промышленник 94
 Итикава Сйюити, член Исполкома Коминтерна 460
 Итимада Хисато, финансист 400
 Ито Бункити, барон, промышленник 98
 Ито Рицу, секретарь ЦК Компартии Японии 510

К

Кавасаки, владельцы промышленного концерна Кавасаки 275, 402
 Кагава Гэмбей, торговец 416
 Кагами Кэнкити, промышленник 102
 Кагэяма Масахару, политический деятель 343
 Кайя Окинори, финансист 339
 Кан Макото, профсоюзный деятель 482
 Касахара Юкио, генерал 340
 Касуга Хирому, промышленник 94
 Катаяма Тэцу, премьер 337, 406, 477, 478, 505
 Като Кандзю, лидер социалистической партии 505
 Като Наоси, промышленник 416
 Като Комэй, премьер 80, 95
 Като Эцуо, профсоюзный деятель 487
 Кидо Кэйити, маркиз, лорд-хранитель печати 339
 Кикунэми Кацуми, профсоюзный деятель 474
 Киллен Джеймс, американский профсоюзный деятель 483

Кимура Хэйтаро, генерал 339
 Киси Синсукэ, министр торговли и промышленности 320
 Кисленко Алексей Павлович, генерал Советской Армии 483
 Китано Масадзо, генерал 340
 Коано Ясудзиро, промышленник 401
 Кобаяси Такидзи, писатель, коммунист 460
 Кодама Хидэо, промышленник, политический деятель 97, 314
 Койсо Куниаки, генерал, премьер 92, 304, 328, 339
 Кокумая Уматаро, промышленник 406
 Комура Кэйдзо, контр-адмирал 346
 Коноэ Фумимаро, князь, премьер 84, 85, 90, 92, 332; 341
 Кухара Фусаноскэ, промышленник, политический деятель реакции 20, 79, 85, 259, 300

Л

Ловетт Роберт, американский банкир 406
 Лори Роберт, американский финансист 400

М

Мадзаки Дзиндзабуро, генерал 343
 Макартур Дуглас, американский генерал 326, 340, 341, 345, 346, 364, 410, 424, 471, 474, 482, 509
 Макино Нобуаки, лорд-хранитель печати 82, 201, 331
 Малик Яков Александрович, советский дипломат 509
 Мандай Дзюнсиро, банкир 88
 Матида Тюдзи, лидер партии минсэйто 85, 92
 Мацуи Иванэ, генерал 339
 Мацумото Кэндзиро, промышленник 72, 88, 90, 93, 150, 177
 Мацуока Йосукэ, президент ЮМЖД, министр иностранных дел 85
 Мацуока Комакити, профсоюзный деятель 488
 Маэда Йонэдзо, лидер партии сэйюкай 84, 85, 92
 Мидзутани Тйосабуро, лидер социалистической партии 493
 Минами Дзиро, генерал 81, 89, 339
 Михо Микитаро, промышленник 266
 Мицуи, семья владельцев концерна Мицуи 95, 202, 208, 402, 415

Мори Кодзо, банкир 102
 Мори Наодзи, политический деятель 343
 Мори Нобутэру, промышленник 271, 272
 Моримото Юдзо, ростовщик 416
 Морои Канити, промышленник 401, 406
 Мукаи Тадахару, финансист 411
 Мута Акира, генерал 79, 339

Н

Накадзима Кумакичи, промышленник, один из владельцев концерна Накадзима 400, 402
 Накадзима Тихухэй, владелец концерна Накадзима, политический деятель 84, 273, 274, 275, 300, 340, 402
 Накано Дзюко, помещик 415
 Накано Томоя, промышленник 269, 270
 Наканэ Садахико, банкир 93
 Нисио Суэхиро, правый социалист 406, 505
 Ногуты Дзюн, владелец концерна Нихон Тиссо 267, 268, 269, 402
 Номура, владельцы концерна Номура 256, 402
 Носака (Окано) Сандзо, секретарь ЦК компартии Японии 359, 439, 501, 502, 503, 505, 509
 Ноулэнд Уильям, американский сенатор 405, 406

О

Обата Тадайоси, промышленник 68, 93
 Огура Масацунэ, промышленник, политический деятель 68, 97
 Оита Т., капиталист в области транспорта 94
 Ока Такасуми, генерал 339
 Окава Сумэй, лидер фашистских организаций 81
 Окада Кэйсукэ, адмирал, премьер 82, 90, 92
 Окано см. Носака
 Окоти Масатоси, виконт, промышленник 73, 90, 93, 96, 402
 Окубо Касиката, банкир 102
 Окума Сигэнобу, граф, министр финансов 93
 Окура, владельцы концерна Окура 20, 96, 246, 248, 402

Осима Хироси, генерал 339
 Оя Ацуси, промышленник 72, 93, 153, 173, 174

П

Панюшкин Александр Семенович, советский дипломат 384, 445, 446
 Поули Эдвин, американский промышленник и дипломат 398, 399

Р

Роялл Кэннет, американский банкир, военный министр США 411

С

Сайто Макото, адмирал, премьер 82
 Сайондзи Кинмоти, князь, генро 23, 82, 90, 96, 201
 Сайян Луи, генеральный секретарь Всемирной федерации профсоюзов 463
 Сакомидзу Хироси, генеральный секретарь кабинета министров 92
 Сакондзи Масадзо, вице-адмирал, промышленник 92
 Сасаяма Тадао, банкир 406
 Сато Киитиро, банкир 411
 Сато Кэйдзиро, подрядчик 416
 Сато Кэнрйю, генерал 339
 Себолд Уильямс, американский дипломат 419, 420
 Сиба Косиро, промышленник 72, 97
 Сибудзава, семья владельцев концерна Сибудзава 20, 23, 93, 96, 102, 255, 402
 Сига Йосио, член Политбюро ЦК компартии Японии 461, 505
 Сигэмицу Мамору, министр иностранных дел 339
 Сигэно Йосисукэ, промышленник 173
 Сидэхара Кидзюро, премьер 95, 330, 931
 Симата Сигэтаро, адмирал, морской министр 339
 Сиранси Мотодзиро, промышленник 252
 Сиратори Тосио, дипломат 339
 Стимсон Генри, государственный секретарь США 388
 Страйк Клиффорд, американский финансист 399, 423

Судзуки, семья владельцев концерна Судзуки-Мори 20
 Судзуки, профсоюзный деятель 486
 Судзуки Кантаро, адмирал, премьер 82, 92, 93, 330
 Судзуки Сигэясу, генерал, промышленник 73
 Судзуки Тэйити, генерал 68, 339
 Судзуки Тюдзи, промышленник 73, 90
 Сумитомо, семья владельцев концерна Сумитомо 96, 233, 235, 402, 415
 Суэцугу Нобумаса, адмирал, министр внутренних дел 85
 Сэки Кэйдзо, президент Осакой торговой палаты 93
 Сэко Коити, депутат парламента 359, 360

Т

Такахаси, Корэкёю, министр финансов 82
 Танака Гиити, генерал, премьер 77, 79, 80, 290
 Татэкава Йосицугу, генерал 88
 Тиба С., промышленник 93
 Того Сигэнори, министр иностранных дел 339
 Тодзё Хидэки, генерал, премьер 69, 85, 86, 87, 90, 91, 328, 339
 Тойода Тэйдзиро, адмирал, промышленник 68, 72, 90, 92, 164, 177, 418, 419
 Токуда Кюити, генеральный секретарь ЦК компартии Японии 343, 434, 435, 454, 461, 473, 480, 486, 495, 501, 504, 505, 509
 Трумэн, президент США 424
 Тэрада Дзинкити, вице-президент Осакой торговой палаты 93
 Тэраути Хисаити, генерал, военный министр 79, 206

У

Угаки Кадзусигэ, генерал 79, 80, 81, 85
 Уитни, американский генерал 345
 Умэдзу Йосидзиро, генерал 339
 Утида Нобуя, капиталист в области транспорта 92
 Уэлш Эдвард, ответственный чиновник штаба Макартура 422

Ф

Фостер Уильям, председатель компартии США 480
 Фудзивара Гиндзиро, промышленник, политический деятель 31, 81, 82, 90, 91, 96, 199, 300, 340
 Фудзита, семья владельцев концерна Фудзита 20
 Фукудзава Юкити, японский публицист XIX в. 19
 Фурукава, владельцы концерна Фурукава 249, 402
 Фурута Сюнносуке, промышленник 93, 94, 97, 234

Х

Хара Кунимити, финансист 97
 Хасимото Кингоро, генерал 81, 328, 339
 Хасэгава Хироси, секретарь ЦК компартии Японии 510
 Хата Сюнроку, маршал, военный министр 339
 Хатта Йосиаки, промышленник, министр транспорта и связи 91, 314
 Хаттори Гэндзо, торговец 415
 Хаяси Сэндзюро, генерал, премьер 79, 82, 84, 85
 Хигаи, министр 486
 Хигасикуни, генерал, премьер 330
 Хиранума Киитиро, барон, премьер 90, 92, 204, 339
 Хирао Хатисабуро, промышленник 68, 72, 164
 Хирота Коки, премьер 84, 90, 328, 339
 Хирохито, император 278, 339
 Ходжсон, представитель стран Британской империи в Союзном Совете для Японии 419, 420
 Хосино Наоки, начальник «планового бюро» 66, 68, 339
 Хосокава Моритацу, маркиз 415

Ц

Цуда Синго, промышленник 93, 102, 300
 Цусима Дзюити, банкир 314

Ч

Чан Кай-ши, лидер гоминдана 315

Ш

Шоуп Карл, американский финансист
398, 424, 432

Э

Эдвардс Корвин, американский юрист
404

Эррол, депутат английского парла-
мента 386

Ю

Юки Тойотаро, финансист, прези-
дент Японского банка 84, 90, 97,
102, 206

Я

Ямагата Аритомо, князь, маршал,
премьер 78, 80

Ямагути Кисабуро, промышленник 73
Ямадзаки Тацуносукэ, лидер партии
сэйюкай 84, 91

Ямамото Сэндзи, рабочий, депутат
парламента 460

Ямасада Камэсабуро, владелец судо-
ходной компании 90

Ямаути, профсоюзный деятель 487

Янагито, генерал 309

Ясуда, семья владельцев концерна
Ясуда 20, 243, 402

Ясукава Юносукэ, финансист 203,
204

УКАЗАТЕЛЬ НУМЕРОВАННЫХ ТАБЛИЦ

<i>№ таб.</i>	<i>Наименование таблицы</i>	<i>Стр.</i>
1.	Изменение объема промышленной продукции в крупных капиталистических странах (1860 — 1937 гг., в %)	7
2.	Частные учетные ставки в Японии и других странах (1883 — 1913 гг.)	13
3.	Часовая заработная плата в Японии и в других странах . .	14
4.	Правительственные компании, переданные частным владельцам (в 1870 — 1880-х годах)	25
5.	Изменения в японской промышленности в связи с войнами	27
6.	Рост продукции японской промышленности в годы первой мировой войны	30
7.	Концентрация производства	32
8.	Централизация капитала	34
9.	Оплаченный капитал компаний, контролируемых концернами (на 1-ю половину 1939 г.)	35
10.	Доля компаний концернов в отдельных отраслях промышленности и в судоходстве	36—37
11.	Доля различных отраслей народного хозяйства в капиталах концернов (данные на 1-ю половину 1937 г.)	40—41
12.	Распределение валового национального дохода (1940 — 1944 гг., в млрд. иен 1940 г.)	55
13.	Государственные финансы Японии (1936 — 1946 гг.)	56
14.	Источники государственных доходов (по бюджетам 1936 — 1944 гг., в процентах)	59
15.	Налоговые поступления в государственный бюджет в годы войны (1937 — 1945 гг.)	61
16.	Прибыли и дивиденды всех компаний в годы войны	111
17.	Размер депозитов и ссуд „специальных“ банков	112
18.	Число и операции всех коммерческих банков	113
19.	Удельный вес „обыкновенных“ банков дзайбацу (на 31 декабря 1945 г.)	114

20. Субсидии за каменный уголь	123
21. Индексы цен в Японии, США, Великобритании, Германии 1936 — 1944 гг. (1936=100)	127
22. Официальные цены и цены черного рынка на важнейшие потребительские товары в 1943 — 1945 гг.	127
23. Нормы прибавочной стоимости в японской промышленности	137
24. Продукция химической промышленности	149
25. Компании по производству алюминия и магния	153
26. Максимальная мощность генерационного оборудования и про- изводство электроэнергии в 1937 — 1944 гг.	160
27. Мощность и производство сталелитейной промышленности и производство чугуна (1929 — 1945 гг.)	165
28. Государственное имущество (в млн. иен)	168
29. Основные экономические показатели Японии (в послевоенных границах)	182—183
30. Изменение соотношения продукции тяжелой и легкой про- мышленности (1930 — 1942 гг.)	190
31. Концентрация промышленности в 1947 г. (по данным о числе рабочих)	191
32. Число фирм разного размера и распределение капиталов по группам фирм (1930 — 1945 гг.)	192—193
33. Уменьшение доли акций в руках головной компании Мицуи в годы войны	209
34. Капиталы концерна Мицуи в разных отраслях народного хозяйства	210
35. Доля заемного и собственного капитала в концерне Мицуи (на 1-ю половину 1945 г.)	211
36. Оплаченный капитал, активы, чистая прибыль и резервы голов- ной компании Мицуи	212
37. Концерны Мицуи и Мицубиси в главных отраслях народного хозяйства (1935 — 1936 гг.)	219
38. Число компаний главных концернов и их капиталы	226—227
39. Чистая прибыль и резервы головной компании Мицубиси	231
40. Соотношение собственного капитала концернов и депозитов их кредитных институтов в 1928 г.	239
41. Банки, контролируемые концерном Ясуда (сентябрь 1945 г.)	240
42. Кредиты и инвестиции Ясуда в концерне Асано (на 1 сентября 1945 г.)	242
43. Число компаний и оплаченный капитал концерна Асано по отдельным отраслям (1937 г.)	252
44. Капиталы „специальных“ и „полуспециальных“ компаний, оплаченных в 1943 г.	306
45. Порайонное распределение японских инвестиций в Китае	311
46. Распределение японских инвестиций в Китае по отдельным отраслям народного хозяйства	312
34 Я. А. Певзнер	529

47. Мощность важнейших отраслей японской промышленности (к концу войны)	349
48. Экспорт и импорт Японии по странам (за 1937, 1946, 1948 и 1949 гг.)	375
49. Общий размер японского экспорта и импорта и его размеры по отдельным важнейшим товарам (за 1937, 1946, 1948 и 1949 гг.)	376
50. Распределение внешней торговли по валютным зонам (в % к сумме)	377
51. Доля военных, или оккупационных, расходов во всей сумме государственных расходов Японии (1937, 1946 — 1948 гг.)	379
52. Японский и иностранный капитал в разных отраслях народного хозяйства Японии (на 31 декабря 1941 г.)	391
53. Смешанные компании японского и иностранного капитала (на 31 декабря 1941 г.)	393
54. Прибыли и дивиденды японских компаний, в которых участвовал иностранный капитал (первая половина 1939 г., в %)	395
55. Положение с ценными бумагами, подлежащими изъятию (на апрель 1949 г.)	413
56. Превышение расходов над доходами фонда внешней торговли	428
57. Государственные субсидии после войны	430
58. Распределение субсидий по рубрике „для поддержания уровня цен“	431
59. Ставки подоходного налога в 1935 и 1949 гг.	436
60. Изменения в продовольственном снабжении в годы войны (1941 — 1945 гг.)	449
61. Изменения в продовольственном снабжении городского населения после войны (1945 — 1949 гг.)	449
62. Рост и вес школьников в 1937 и 1946 гг.	450
63. Численность японских профсоюзов	462
64. Трудовые конфликты в Японии в 1929 — 1943 гг.	469
65. Число трудовых конфликтов, забастовок и их участников в Японии в 1946 — 1948 гг.	469

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

<i>Введение.</i> Исторические особенности происхождения и структуры японских монополий	3
<p>Дзайбацу — ведущая сила японской империалистической агрессии — 5. Капиталистические торгово-промышленно-банкирские дома — предшественники дзайбацу — 8. Деревня — «внутренняя колония» японского капитализма — 11. Роль государственного протекционизма в развитии японских монополий — 16. Влияние захватнических войн Японии на развитие дзайбацу — 26. Концентрация производства и централизация капитала в Японии до второй мировой войны — 31. Особенности структуры концернов дзайбацу — 34.</p>	
<i>Глава I.</i> Военный государственно-монополистический капитализм в Японии (так называемая «новая структура»)	44
<p>Общая характеристика государственно-монополистического капитализма. Монополистические картели в Японии — 44. Основные черты государственной экономической политики в годы подготовки и ведения войны. Финансирование военного хозяйства — 53. Экономическое законодательство и администрация военного времени. Монополистические союзы — главные органы «военного регулирования» — 62. «Новая политическая структура» — японская разновидность фашизма — 76.</p>	
<i>Глава II.</i> Усиление монополистического контроля дзайбацу на рынке ссудных капиталов и во внутренней торговле	100
<p>«Регулирование» кредита, капиталовложений и прибылей и его последствия — 100. Усиление монополистического контроля во внутренней торговле — 118.</p>	
<i>Глава III.</i> Военно-монополистический контроль на рынке рабочей силы и в промышленности	129
<p>Государственно-монополистический капитализм — режим военной каторги для рабочего класса — 129. Военно-монополистический контроль в промышленности и его</p>	

результаты — 142. Экономические итоги политики военно-монополистического контроля. Обострение неравномерности развития отдельных отраслей народного хозяйства — 179. Особенности процессов концентрации производства и централизации капитала в годы войны — 191.

Глава IV. Концерны Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и Ясуда в годы войны. 197

Концерн Мицуи — 198. Концерн Мицубиси — 218. Концерны Сумитомо и Ясуда — 232.

Глава V. «Второстепенные» и «новые» концерны. Императорский двор. 244

Концерны Окура, Фурукава, Асано — 246. Банковские концерны Сибудзава, Кавасаки, Номура и др. — 253. «Новые концерны» — 257. «Ниссан» — «Мангёо» — «Хитати» — 259. Концерны «Нихон тиссо» (Ногут), «Нихон сода», Мори, Накадзима, Кавасаки, «Рикэн» — 267. Концерн «Тэнно» («Императорский») — 276.

Глава VI. Дзайбацу на оккупированных территориях. 284

«Сфера процветания» — империя дзайбацу и военщины — 284. Основные черты экономической политики японского империализма на оккупированных территориях — 293. Маньчжурия — 301. Северный и Центральный Китай — 310. Страны Южных морей — 317.

Глава VII. Империалистическая политика США в послевоенной Японии. 323

Два политических курса по отношению к послевоенной Японии — 323. Борьба американского империализма против демократизации и демилитаризации Японии. Сохранение политической власти в руках реакционных кланов — 328. Срыв демилитаризации и политика превращения Японии в военный плацдарм США — 342. Экономическая разруха в послевоенной Японии — следствие американской политики и саботажа дзайбацу — 348. Макаруровская «аграрная реформа» — 362.

Глава VIII. Экономическое закабаление Японии американским империализмом и превращение японских дзайбацу в американско-японские. 370

Подчинение внешней торговли. Роль американских «долларовых фондов» — 373. Подчинение промышленности. Борьба за превращение японских дзайбацу в американско-японские — 387. Иностранное предпринимательство в Японии в довоенные годы — 390. Роль монополистических миссий США в послевоенной Японии — 396. «Антитрестовские» маневры американских властей — средство демагогии и шантажа — 401. Американская «программа экономической стабилизации» — программа усиления контроля Уолл-стрита над японской экономикой — 423

<i>Глава IX. Положение трудящихся и борьба демократических сил в послевоенной Японии. .</i>	448
---	-----

Положение трудящихся — 448. Гегемония пролетариата в борьбе японского народа за народную демократию и национальную независимость. Компартия — руководитель освободительной борьбы японских трудящихся в годы войны — 457. Мощный размах рабочего движения после войны — 461. Борьба за демократическое трудовое законодательство—464. Послевоенная стачечная борьба японского пролетариата — 468. Усиление наступления реакции на демократические силы — 474. Компартия — вдохновитель и организатор борьбы японского народа за мир, независимость и демократию—495.

Предметный указатель	513
Именной указатель	523
Указатель нумерованных таблиц	528

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Л. Ф. Твардиевич*
Технический редактор *А. А. Киселева*

*

РИСО АН СССР № 4029. Т-06500. Издат. № 2546.
Тип. заказ № 452. Подп. к печ. 28/IX 1950 г.
Формат бум. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 33,5.
Уч.-издат. 33,75. Тираж 10 000.

Цена в переплете 26 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
29	17 стр.	около“	около
33	24 „	5 тыс. чел.	5 чел.
81	6 св.	Минани	Минами
88	18 стр.	президент	президента
98	2 св.	членов	членом
158	7 „	вольт	квт
158	8 „	квт	вольт
193	14 стр.	стоимости	цены
202	6 св.	(1934—1935)	(1932—1935)
289	17 „	Тай	Таи
299	23 стр.	с внешнеторговыми	с внешнеторговыми
308	17 св.	1934 г.	1943 г.
329	6 „	легализовала	легализовало
353	21 стр.	убусловлен	обусловлен
507	5 св.	домонстр аций	демонстраций

Я. А. Певзнер. Монополистический капитал Японии.

